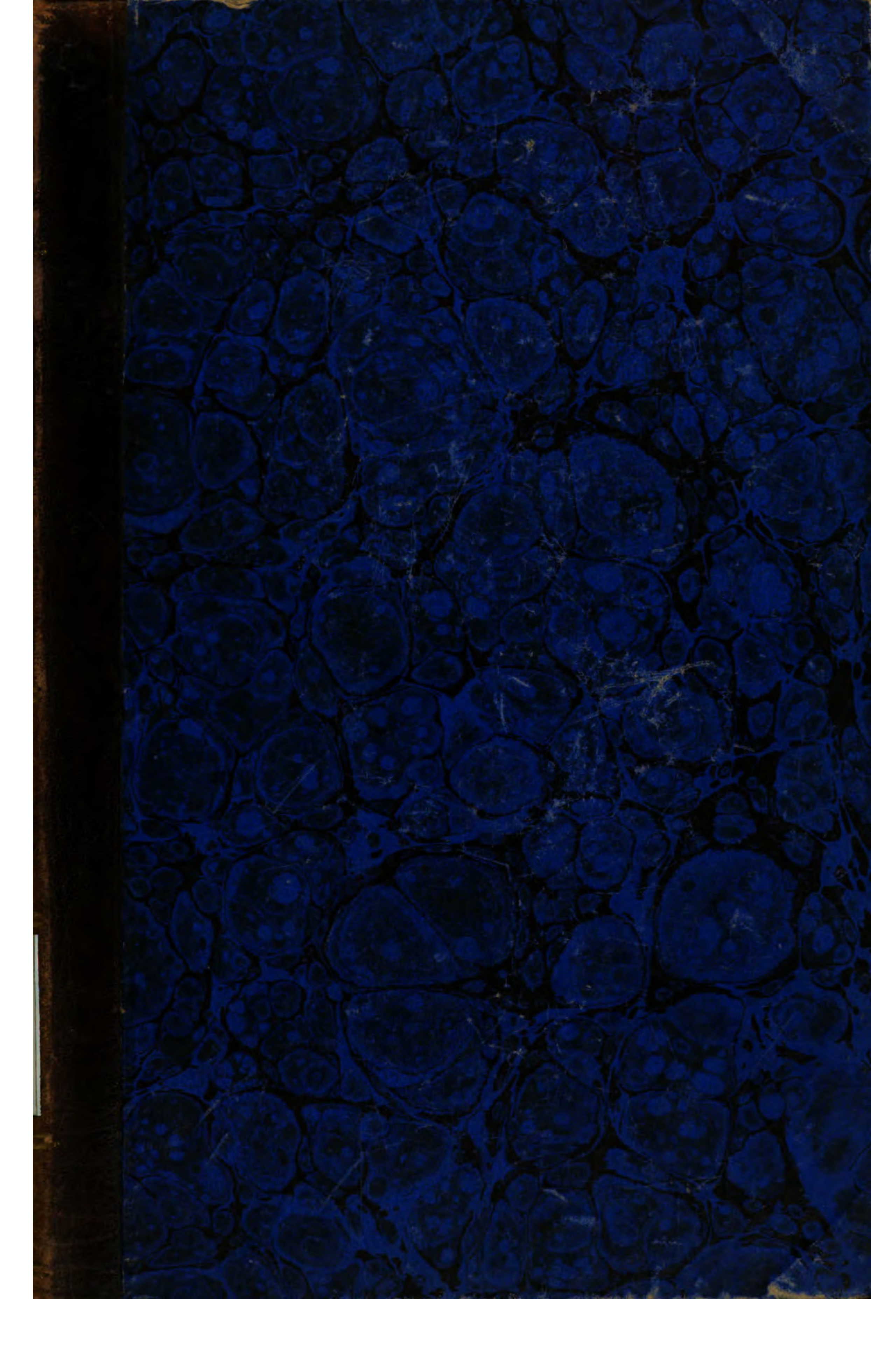
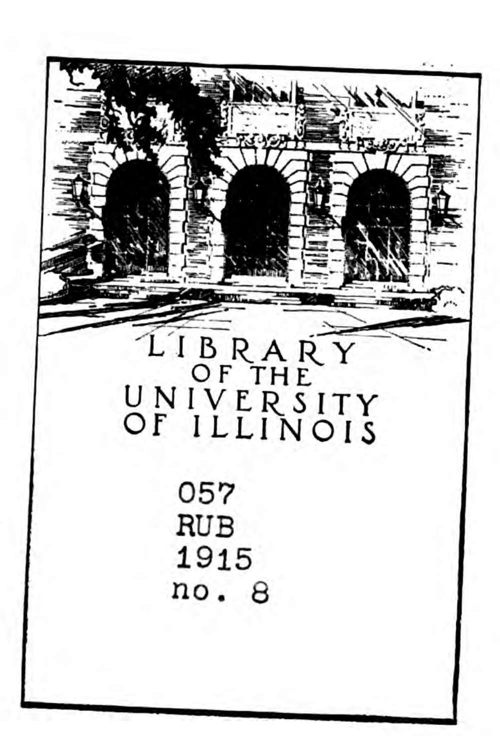



LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

№ 8. АВГУСТЪ.

Русскія Записки

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

№ 8.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія Акц. Общ. „СЛОВО“, ул. Жуковскаго, № 21—23, соб. д.
1915.

СОДЕРЖАНІЕ:

ИВАНУШКА.

Разсказъ.

1.

Про Иванушку разсказывала мнѣ Анфиса Дмитревна,— давняя моя паціентка и добрая знакомая.

Гремѣли когда-то па Волгѣ купцы Мещеряковы. Хлѣбомъ торговали, большой караванъ судовъ по Волгѣ плавалъ отъ Царицына до Рыбинска, цѣны на хлѣбъ въ Рыбинскѣ ставили.

И въ нашемъ городѣ, гдѣ я тогда жилъ, самый старый купеческій родъ считался и первые люди были. Бывало, пріѣдетъ новый губернаторъ,—садъ городской разводить, либо губернаторша пріютъ для дѣтей или стариковъ устраивать,—перво-на-перво къ Мещеряковымъ. Отказу не было Богобоязненные люди были, жертвователи, строители.

И въ головахъ сиживали, и дѣдушка еще Іванушки церковнымъ старостой безсмѣнно въ соборѣ былъ,—архіерей запросто въ гости ѣзживалъ.

А потомъ хирѣть стали. Что ужъ, почему,—мудрено сказать. Пароходы стали по Волгѣ бѣгать, банки открылись, векселя пошли. По другому жизнь пошла, и люди другіе объявились. Былъ слухъ, старшій довѣренный шибко обидѣлъ,—вотъ домъ-то большой на Нижнемъ базарѣ. Ну, только дѣла не бросали и еще—на памяти—хорошо жили.

И случилось,—болѣзнь тогда по народу ходила,—въ одинъ день и отецъ и мать померли. Остались сироты,— двѣ дочки, невѣстились ужъ, да сынъ, Иванушка,—въ дѣло ужъ входилъ, на судахъ бѣгалъ. Похоронивши родителей,— шибко горевали,—собрались они и стали думать, какъ имъ жизнь жить.

И порѣшили уйти отъ міра. Имѣнье расписали по богадѣльнямъ, по церквамъ, да монастырямъ, бѣднымъ людямъ роздали. Сестры въ дальніе монастыри поступили, а братъ,

Иванушка-то, надѣлъ котомочку и ушелъ изъ города съ подожкомъ.

Долго пропадалъ Иванушка,—лѣтъ пятнадцать, и гдѣ былъ, по какимъ мѣстамъ ходилъ,—неизвѣстно. А потомъ опять объявился въ городѣ. Всталъ на паперти нищимъ и вотъ—гляди, ужь лѣтъ подъ сорокъ стоитъ и милостинку собираетъ.

За пятнадцать лѣтъ многіе ужь и забыли про Иванушку и, когда объявился онъ, не признали его. А кто и призналъ,—пробовали заговорить съ нимъ, по имени-отчеству звать—скажетъ Иванушка потихоньку: „Христосъ съ тобой"!—и пойдетъ сторонкой. И старыхъ-то людей все меньше становилось въ городѣ, все новые люди объявились, новые купцы стали гремѣть на Волгѣ и теперь рѣдко кто ужь помнитъ, что были когда-то большіе люди Мещеряковы. И про Иванушку рѣдко кто знаетъ, что за человѣкъ, откуда пришелъ, что и какъ.

Вотъ такъ и стоитъ онъ на паперти, да милостыньку собираетъ. А что насбираетъ,—подаютъ ему не какъ другому,—раздаетъ потихоньку—вдовамъ немощнымъ, сиротамъ безпризорнымъ. Бѣднота-то его знаетъ. Такъ и прозвали: Иванушка, да Иванушка!..

И сама Анфиса Дмитревна была тутошняя урожденная, стариннаго мѣщанскаго рода. Кажется, всѣхъ въ городѣ знала замѣтныхъ людей, кто и откуда пошелъ, съ чѣмъ взялся, помнила старо-давнія времена и давнихъ ушедшихъ изъ жизни мѣстныхъ людей. И тоже женщина была богобоязненная и стараго воспитанія, по старому укладу жила. Долго въ большихъ трудахъ.

Перевозъ черезъ Волгу они съ мужемъ держали. Дѣло сходное, только хлопотное очень, суетливое. И все на пятакѣ стояло—вечеромъ, въ базарные дни, на лошади мѣшки съ пятаками да семитками увозили. Съ утра до ночи суета несосвѣтимая,—телѣги, лошади, мужики, бабы съ ребятами, пьяные иной разъ,—кто-нибудь утонетъ,—отвѣчать будешь, да и за прикащиками доглядѣть надо. Мужъ управлялся, а кое-когда, въ особенности въ праздничные дни, приходилось мнѣ и Анфису Дмитревну на перевозѣ видѣть, когда помоложе была. Красная да потная, вся въ хлопотахъ, мужу пособляетъ. А кругомъ стонъ стоитъ, въ праздникъ пьяныхъ много, дурныя слова носятся, ругаются пьяные, какъ только на Волгѣ умѣютъ ругаться.

И давно стала подлѣчиваться у меня Анфиса Дмитревна,—отъ хлопотъ да безпокойной жизни одышка пошла, несва-

реніе желудка, біеніе сердца. Придетъ, бывало,—словно только что съ перевоза, все потъ утираетъ и тяжело дышетъ, а глаза тревожные, испуганные, словно ждетъ, что вотъ кто-нибудь ее изобидитъ.

Бывалъ я и на квартирѣ у Анфисы Дмитревны и всегда мнѣ казалось, что именно отъ склоки и гомона перевоза она по особому жилье себѣ устроила. Домикъ снимала въ переулочкѣ тихомъ, гдѣ ѣзды не было,—садикъ кругомъ дома старый, густой. Квартирка чистенькая, крашеные полы, какъ зеркало блестятъ, вездѣ половики бѣлые протянулись, цвѣточки веселенькіе на окнахъ, въ горшкахъ. И тишина въ домѣ,—словно и людей нѣтъ. Тикаетъ маятникъ въ старыхъ часахъ, чуть не до потолка, развѣ кенареечка засвиститъ, если солнышко заглянетъ, да собакѣ иной разъ приснится дурной сонъ,—вскинется, зальется и опять заснетъ.

За пяльцами сидитъ бѣленькая племянница, вышиваетъ, а сама Анфиса Дмитревна,—запретилъ я ей ѣздить на перевозъ,—по дому ходитъ, смотритъ, чтобы соринка да пылинка гдѣ не осталась, да мужа усталаго ждетъ. И все вздыхаетъ и тревожится, не случилось-ли чего на перевозѣ. А то сидитъ у окошка и все думаетъ,—обо всемъ думаетъ. Пріѣду я,—долго не отпускаетъ, про болѣзни кончимъ,—разсказывать начнетъ, объ чемъ думала, что вспомнила.

И, случалось, подолгу засиживался у Анфисы Дмитревны, любилъ я слушать ея разсказы про старую жизнь Волги, про старые роды, которые раньше жизнь на Волгѣ вершили. Разсказывала она мнѣ, какъ сошли на нѣтъ старые купеческіе роды,—которые отъ чахотки вымерли, которые спились и по сумашедшимъ домамъ пошли, которые просто къ новымъ порядкамъ не приладились и доживали жизнь богадѣльщиками. Вотъ какъ-то такъ про Мещеряковыхъ и про Иванушку она мнѣ разсказала.

Прошло много времени,—домъ себѣ купили Анфиса Дмитревна съ мужемъ. Былъ старый-престарый домъ,—кажется, старше его въ городѣ и не было, старожилы говорили,—Иванъ Грозный въ немъ останавливался, какъ ходилъ Казань воевать, — двухэтажный, каменный, окна узенькія, какъ бойницы. Надъ спускомъ стоялъ и вся Волга предъ нимъ, какъ на ладони. Долго стоялъ онъ нежилой, заброшенный, словно ничей. Анфиса Дмитревна высказывала предположеніе, не былъ-ли онъ въ свое время—въ Мещеряковскомъ роду.

Былъ я на новосельи. Новые хозяева обрядили домъ по своему,—окна уширили, внутри передѣлали, только потолки остались старые, низкіе, со сводами, какъ въ церкви. И все было какъ въ прежней квартирѣ,—и полы ясные, какъ зеркало, и половики и кенареечка. Только племянница другая, тоже бѣленькая, за пяльцами сидѣла. Прежняя какъ-то ухитрилась изъ-за пяльцевъ уйти экзамены сдать и на курсы уѣхала,—и тогда ужь въ томъ городѣ много дѣвицъ стало уходить изъ-за пяльцевъ, изъ-за оконъ съ геранью къ наукамъ, къ новой жизни. Не очень одобряла Анфиса Дмитрева, но и не препятствовала и даже помогала на первое время.

— Думала-думала,—говорила мнѣ потомъ Анфиса Дмитревна,—не мнѣ вѣдь жизнь-то за нее жить придется, а ей самой... Пусть какъ знаетъ. Тоже и нашу бабью жизнь хвалить нечего...

2.

Въ этомъ старомъ домѣ я и познакомился съ Иванушкой. Часто слыхалъ про него, когда съ бѣднотой приходилось возиться, а близко видѣть не приводилось,—разъ только извощикъ указалъ,—старичекъ сгорбленный, съ непокрытой головой переходилъ улицу: „вотъ, говоритъ, Иванушка идетъ!“

Скоро послѣ новоселья приходитъ ко мнѣ Анфиса Дмитревна,—веселая, не задыхается,—узнать нельзя.

— Вотъ, говорю, что значитъ въ своемъ-то домѣ жить!

— Домъ-то что! Вѣдь у меня какая радость, С. Я.!—говорила она испуганно-радостнымъ шепотомъ.—Божье благословеніе въ домъ пришло... Иванушка теперь у меня живетъ!

— То-то вы повеселѣли, Анфиса Дмитревна!

— Да какже, С. Я! Вѣдь лѣтъ десять все Иванушку умаливала. Только и думы было,—старость его упокоить. Да и не я одна... Сколько охотниковъ было,—богатыхъ—всякому лестно было Иванушку къ себѣ устроить, благодать въ домъ-то принести. А не шелъ къ богатымъ-то. Все у самой бѣдноты жилъ,—въ скудости, въ холодѣ, гдѣ болящіе, гдѣ сироты. Вѣдь вы не знаете, сколько сиротъ вспоилъ-вскормилъ Иванушка!

— И что еще скажу я вамъ! раздумчиво говорила она. То все раньше отказывался, а какъ сказала про домъ-то, что купили, сразу согласился. „Ну что же,—говоритъ,—примешь, такъ поживу“...

А дня черезъ три опять пришла по старому удрученная, встревоженная. Говоритъ:

— Пріѣзжайте! Заболѣлъ Иванушка-то, не можется. Вчерась ужинала, а вверху что-то стукнуло,—надо мной живетъ. Прихожу, а онъ въ обморокѣ, лежитъ предъ образами, должно быть молился.

— Вериги на немъ оказались...—шепчетъ Анфиса Дмитревна.—И на ногахъ раны большія. Про вериги-то никто не зналъ,—скрывалъ онъ. И вы будто не знаете. Не хотѣлъ было лѣчиться, да я уговорила. Сказала, что васъ позову.

Ведетъ меня Анфиса Дмитревна чрезъ большую угловую комнату, откуда вся Волга видна, и говоритъ:

— Для него приготовила, для Иванушки, а не восхотѣлъ. И должно быть зналъ домъ-то раньше,—мизиминчикъ, говоритъ, у тебя есть... А мы было его безъ вниманія,—подъ чердакъ опредѣлили. Ну, кое-какъ прибрала, что можно. Вотъ, пожалуйте по лѣсенкѣ...

Лѣстница была узенькая, скрипучая, съ старыми стертыми ступеньками. И мизиминчикъ тоже старенькій,—комната маленькая, низенькая, въ одно окошко.

Видно было, что Иванушка не все роздалъ,—дѣдовское божіе благословеніе сохранилъ. Передній уголъ и двѣ стѣны были сплошь заняты иконами и кіотами, старыми образами, въ серебряныхъ да жемчужныхъ ризахъ, откуда чуть видно было темные лики стариннаго письма. И цѣлыя груды книгъ на столѣ,—все большія старинныя книги съ толстыми, разбухшими, закапанными воскомъ страницами,—въ старыхъ кожаныхъ и деревянныхъ переплетахъ,—богослужебныя книги, Четьи-Минеи, псалтырь, библія.

Должно быть, Иванушка крупный былъ,—и плечи широкія и руки большія и росту не малаго, а только сугорбился и ссохся весь, какъ бываетъ со стариками за семьдесятъ. Бородка сѣденькая съ желтизной, мелкія морщинки, какъ паутинки разбрелись по лицу. Только глаза молодые,—вотъ какъ цвѣточки бываютъ голубенькіе, дождичкомъ обмоются—ясные, ясные.

Наклонился я надъ нимъ, ноги распухшія и старыя язвы на ногахъ,—а у щиколокъ кольцомъ обошли, какъ приходилось мнѣ раньше видать у каторжанъ, не сразу приспособившихся къ кандаламъ. Сталъ сердце слушать,—старое сердце, слабое, побьется-побьется и остановится, и потомъ опять бьется. Слышу, говоритъ мнѣ Иванушка:

— Полѣчи ты меня, Сережинька!

А потомъ взялъ руками мою голову и цѣлуетъ. Смотрю я на него. Глаза—цвѣтики омытые—смотрятъ жалостно и блѣдныя губы жалостно улыбаются и тихо говоритъ онъ мнѣ:

— Господу помолиться еще хочется. Свѣтъ божій поглядѣть!

Утѣшаю. Говорю:

— Богъ милостивъ! Помолимся еще, Иванушка! Только, говорю, полежать надо, Иванушка.. Вздыхъ себѣ дать. Да,— указываю ему на кольцевую рану,—чтобы вотъ тутъ не терло...

Наклонилъ голову, молчитъ.

— А то, говорю, и лѣчить нельзя. Совсѣмъ сляжете, Иванушка...

— Отчего не полежать,—полежу. Онъ вскидываетъ на меня глаза и улыбается.

— Только въ воскресенье-то я схожу въ церковь...

— Ну, говорю, въ воскресенье сходите, а въ будни дома лежите. Не трудите ноги, да и сердце-то отдохнетъ, не молодое ваше дѣло. И бутылку молока выпивайте въ день.

— Да, говорю, травки вамъ дамъ,—я зналъ, что онъ не склоненъ къ аптечнымъ лекарствамъ,—заваривайте въ чайникъ и пейте черезъ два часа по рюмочкѣ. Легче будетъ.

Очень обрадовался Иванушка.

— Вотъ, вотъ, о травкѣ-то я и думалъ. И зналъ вѣдь, что есть такія травки, да запамятовалъ.

Присѣлъ я къ столику у окошка, раздѣляю травку— adonis vernalis—на пакетики, чтобы на недѣлю хватило. И Иванушка около меня, смотритъ, какъ завертываю я пакетики. Начинаю снова разсказывать, какъ заваривать, какъ пить,—молчитъ.

Обернулся я,—прислонился Иванушка къ стѣнкѣ, не шелохнется, воззрился въ окошко и должно быть не слышитъ, что я ему говорю.

А подъ нами Волга плыла. Было слышно, какъ загребали воду колесами тяжелые буксиры и тянулись за ними пузатыя бѣлыя бѣляны съ букетами мочала, съ бѣленькими липовыми домиками надъ мочаломъ, мчались, обгоняя другъ друга, ласковые пароходы, медленно плыли длинные плоты и видно было, какъ вьется синій дымокъ надъ плотами,—ѣду стряпаютъ. А дальше Заволжье, широкое и далекое, зеленые луга, лиловые дальніе лѣса,—и облака ходятъ по Заволжью, отчего хмурятся зеленыя полосы и черными становятся лѣса.

Не хотѣлось мнѣ спугнуть Иванушку, смотримъ вмѣстѣ. И временами кажется, что это мы плывемъ мимо длинныхъ плотовъ, бѣлыхъ бѣлянъ, зеленыхъ бархатныхъ береговъ въ этой маленькой комнаткѣ въ родѣ каюты на старыхъ баржахъ...

Сѣдые волосы совсѣмъ закрыли лицо, видно только,

какъ шевелятся губы, да дрожитъ сѣденькая съ желтизной бородка. А потомъ оглянулся, смотритъ на меня непонимающими глазами, и—должно быть, ослабѣлъ—сѣлъ на стулъ и совсѣмъ низко опустилъ голову.

— Анфисѣ Дмитревнѣ разскажу,—говорю я,—какъ заваривать травку, она лучше сготовитъ вамъ, Иванушка...

Встрепенулся. Хорошо простились, ласково. Провожалъ меня Иванушка до лѣсенки и все говорилъ:

— Христосъ съ тобой! Дай Богъ тебѣ здоровья... Спасетъ Христосъ!..

Объяснилъ я Анфисѣ Дмитревнѣ, что не очень хорошо Иванушкѣ. Разсказалъ, какъ нужно раны перевязывать, какъ adónis vernalis заваривать, про молоко сказалъ. Всполохнулась, затужила, и, прощаясь, говорила мнѣ.

— Вотъ хорошо, что про молоко ему сказали... Канареечка у меня,—и та больше ѣстъ. И чѣмъ только живъ Иванушка!..

3.

Заѣхалъ черезъ недѣльку посмотрѣть Иванушку,—не засталъ. Съ утра потихоньку ушелъ, никому не сказавшись,—должно быть помолиться, крестный ходъ былъ въ тотъ день. Анфиса Дмитревна сказала, что ему полегчало, и опухъ въ ногахъ сбывать сталъ и раны затягиваетъ и задыхается меньше. И, улыбаясь, говоритъ, какъ о ребенкѣ:

— Развѣ теперь его удержишь! Вѣдь у него дѣловъ-то—въ день не передѣлаешь...

И еще разъ заѣзжалъ, опять не засталъ. А мнѣ собираться надо было, уѣзжалъ я изъ города въ другія мѣста,—такъ и не видалъ больше Иванушки.

Узнала, что уѣзжаю, пришла проститься Анфиса Дмитревна. Отъ Иванушки поклонъ принесла,—очень благодаритъ. Главное,—травка полюбилась ему, говоритъ, въ сердцѣ стѣсненіе прошло, ходить легче, на лѣстницу подниматься. Про болѣзни свои и не говорила. И вся другая, Анфиса Дмитревна,—не вздыхаетъ своими тяжкими вздохами и глаза спокойные, ясные, не тревожные, не напуганные,—тихая радость въ глазахъ. Вся словно помолодѣла.

И за себя благодаритъ, что вылѣчилъ я её. Смѣюсь, говорю ей.

— Это вы не отъ меня поправились, а отъ Иванушки!

— И то думаю...

А потомъ спохватилась, застыдилась. Стала случаи разные вспоминать, когда, по ея мнѣнію, отъ смерти я её спасалъ

— А вотъ, что жизнь у меня пошла по другому,—это вѣрно... Смотрю кругомъ себя,—всё по другому... Вотъ судьбище было у насъ съ старымъ арендаторомъ перевоза,—сколько судились, сколько адвокатамъ денегъ переплатили! А тутъ самъ пришелъ. Давайте—говоритъ—миромъ кончать,—въ два слова и кончили. И вотъ сколько времени на перевозѣ у насъ никакихъ происшествій, а бывало каждый день что-нибудь...

— Тоже вотъ,—волнуется говоритъ Анфиса Дмитревна,—годъ отъ племянницы вѣстей не было, чего не передумала!—и теперь,—помните Олю-то, небось слышали?—пишетъ изъ Сибири,—ничего, обжилась. Замужъ выходитъ, пишетъ—за хорошаго человѣка.

Глаза у Анфисы Дмитревны большіе стали, лицо блаженное.

— Легкость теперь во мнѣ. Ничего-то мнѣ не боязно. Кажется, хоть-бы что случись... Скажу я вамъ,—лягу спать, вспомню, что у меня Иванушка,—перекрещусь, повернусь на другой бокъ и усну,—вотъ какъ дитё малое,—ни сновъ прежнихъ, страшныхъ, ни въ сердцѣ замиранія. И проснешься утромъ,—перво вспомянешь—Иванушка! И утро-то станетъ свѣтлое, радостное!..

Простились.

— Ну, говорю, кланяйтесь Иванушкѣ!

— Буду кланяться.

Давно было. Должно быть померъ Иванушка...

С. Елпатьевскій.

———

КЛУБОКЪ.

За многоэтажными домами подымалось солнце, позолотивъ купола ближнихъ и дальнихъ церквей.

Клейкія маслянистыя почки на деревьяхъ бульвара надулись и приготовились полопаться.

Гулко скатывались трамваи въ голубовато задымленный конецъ далеко внизъ сбѣгающей улицы. Кричали галки рѣзкимъ выдѣляющимся крикомъ. Бѣжали школьники, спѣшила прислуга съ корзинами, и въ далекомъ голубомъ ма ревѣ безчисленно тонули крыши и трубы.

Было по особенному шумно, оживленно и звонко, какъ будто это въ первый разъ въ городѣ наступала весна.

Не замѣчая этого оживленія, идетъ Марья Васильевна добродушно раскачиваясь, дебелая, съ двумя подбородками руку оттягиваетъ корзина, а изъ корзины выглядываютъ мертвыя куриныя ноги.

Среди этого оживленнаго мельканія, движенія, звонкоголосаго шума она вслухъ говоритъ сама съ собой.

— ...Вотъ корми его... ну куда мнѣ съ нимъ... бьешься, бьешься съ квартирантами, не досыпаешь, угождаешь, однихъ непріятностевъ сколько, а онъ только жретъ, только и дѣловъ отъ него...

Она говоритъ вслухъ, но у каждаго свое, каждый спѣшитъ, и на нее никто не обращаетъ вниманія.

Мимо знакомыхъ лавокъ, мимо сплошныхъ многоэтажныхъ домовъ по панели, казалось, протоптанной ею за долгіе годы. Марья Васильевна подходитъ къ сводчатымъ глухимъ съ сыростью воротамъ, къ которымъ привыкла какъ къ роднымъ.

Перемѣнивъ отекшую отъ тяжелой корзины руку, она входитъ въ узкій и глубокій, какъ колодецъ, дворъ. Со всѣхъ сторонъ до самаго верха чернѣютъ окна, а на самомъ верху голубѣетъ четыреугольный кусочекъ весенняго неба.

Несется звонкій ребячій гамъ—ребятишки уже высыпали на холодный асфальтъ. И на ихъ веселую мелькающую стаю смотрятъ изъ-за края асфальта низкія приплюснутыя окна

полуподваловъ. Въ одномъ мѣстѣ изъ оконъ несетъ прѣлымъ паромъ, слышны бабьи голоса; въ полутемной глубинѣ въ облакахъ пара видны согнутыя спины, голыя моющія руки.

Хозяйка прачечной, налитая, съ красной обваренной шеей, горласто покрываетъ всплески мыльной, пузырящейся воды и тяжелое дыханіе работницъ:

— Я—удова, ни отца, ни матери, всякъ обидитъ, кому не лѣнь... Ну въ случаѣ чего и я сдачи дамъ...

Марья Васильевна на минутку пріостанавливается:

— Ну какъ, Алексѣевна?

— Здрасте, Марья Васильевна,—говоритъ прачка и также горласто начинаетъ разсказывать исторію, какъ ее изобидѣли и какъ она свернула въ узелокъ обидчика.

— Такъ, такъ,—соглашается Марья Васильевна и идетъ дальше.

У другого подвала зеленый сапогъ на вывѣскѣ. Черезъ низкое у самаго асфальта окно виденъ затылокъ съ узелкомъ жидкихъ волосъ—женщина наклонила костлявое, злое нестарое лицо и торопливо гремитъ блестящей машиной, тачая передокъ отъ ботинка.

Марья Васильевна снова останавливается:

— А твой идѣ?

— Пошелъ головки покупать,—говоритъ та, не отрываясь отъ гремящей машины,—пропилъ вчерась, а ноньче требуетъ: идѣ головки. Ты же, говорю, пропилъ вчерась. А-а, такъ я по твоему пьяница. Вдарилъ...

Въ полутемной глубинѣ маленькая дѣвочка тоненькимъ голоскомъ однообразно напѣваетъ:

— У ка-ата вар-ка-та-а бы-ла ма-чи-ха ли-ха-а...

И качаетъ ногой люльку, въ которой на спинкѣ, раскарячившись и дергая рученками и ноженками, пускаетъ слюнявымъ ртомъ пузыри ребенокъ. Въ темномъ углу, красновато освѣщенномъ лампочкой, склонивъ голову, перехваченную ремешкомъ, и разводя въ разныя стороны руками, протягиваетъ дратву работникъ.

Марья Васильевна неодобрительно качаетъ головой, опять перемѣняетъ затекшую руку и идетъ къ себѣ, а кругомъ со смѣхомъ и гамомъ мелькаютъ ребятишки.

Торопливо выходятъ на работу запоздавшіе приказчики, мелкіе торговцы въ разносъ, ремесленники, разный рабочій людъ, который густо ютится за этими обступившими асфальтъ подвальными окнами.

Здѣсь всѣ знаютъ другъ друга, и Марьѣ Васильевнѣ бросаютъ на ходу:

— Марьѣ Васильевнѣ почтеніе.

— Куры ноньче почемъ?

Марья Васильевна медленно поднимается по лѣстницѣ, отдыхая на каждой площадкѣ.

Когда поднялась, губы у ней трепетали, ловя воздухъ. Долго не могла позвонить, а когда позвонила, дверь открылъ мужъ, когда-то красивый, теперь съ обвислыми щеками, животомъ и бакенбардами.

- Студентъ самоваръ требуетъ.

— Поставилъ?

— Нѣтъ.

— Чего же?

— Да вотъ поставлю.

Щеки и шея Марьи Васильевны сразу налились краской, и глаза слезами:

— Да что же это, прости Господи, что же ты безъ меня не можешь?.. что же это мнѣ съ тобой дѣлать?..

— Ну да поставлю, поставлю...—и сталъ ставить три самовара.

Марья Васильевна прислушалась—за второй дверью по корридору смутный шумъ. Что-то упало... подавленный взвизгъ... Опрокинулся стулъ, звякнулъ разбитый стаканъ...

Мужской голосъ сдержанно, сквозь зубы:

— ...Ку-ссаться!.. убью... потомъ себя...

А женскій, извиваясь, какъ змѣя, сквозь перехваченное дыханіе:

— ...Пуссти... тты... извергъ!.. отравлюсь... пусти...

— Опять?—повернулась Марья Васильевна къ мужу.

— Да ужь минутъ десять.

Снова со звономъ разбился стаканъ или блюдце.

— Господи, да что это...

Марья Васильевна, тревожно раскачиваясь, подошла къ двери, стала слушать, неуклюже нагнувшись. Закрыла одинъ глазъ и стала смотрѣть, ничего не видя въ замочную скважину.

Осторожно постучала и покрестилась у самаго лица маленькими крестиками.

„О, Господи, вотъ въ недобрый часъ навязались"...

Въ другомъ концѣ корридора пріоткрылась дверь, просунулась взлохмаченная рыжая голова конопатаго студента.

— Началось?

Марья Васильевна безнадежно отмахнулась.

Изъ сосѣдней двери выглянула голова въ папильоткахъ, съ сердитыми морщинами и старой шеей:

— За полиціей надо послать... невозможно... у меня нервы... какое тутъ леченіе... профессоръ говоритъ: покой, покой и покой прежде всего... разъ не умѣете держать квартирантовъ, не надо и держать... это—обманъ... это — вовлеченіе...

какъ это говорится, когда невыгодно... а вѣдь поди ты наразсказывала мнѣ, когда сдавала: и то, и се, и покой, и птичьяго молока только нѣту...

Марья Васильевна красная, съ пылающими ушами, безпомощно развела засученными бѣлыми, полными локтями и пошла къ себѣ въ кухню, которую занимала съ мужемъ. Въ сердцахъ заставила мужа вытрясти и обтереть опроставшійся у студента самоваръ. Тотъ, кряхтя и молча жалуясь, вытрясъ и поставилъ на полку. Другіе самовары все кипѣли, дожидаясь.

Изъ двери, гдѣ слышался шумъ и возня, вышелъ господинъ съ свѣтлой бородкой въ судейской формѣ и, какъ ни въ чемъ не бывало, пошелъ съ портфелемъ къ выходной двери.

А изъ комнаты студента доносилось однотонно:

— ...юридическій актъ есть всякое... всякое волеизъявленіе частнаго лица, направленное...

И всѣ привыкли, проходя мимо этой двери, слышать этъ монотонно читающій голосъ.

Марья Васильевна подошла къ двери, изъ которой вышелъ судейскій, постояла, сердито вытерла большимъ и указательнымъ пальцами углы губъ, постучалась и, насупоривъ бѣлобрысыя брови, вошла.

— Можно убирать?

Въ большой, свѣтлой, съ мягкой мебелью комнатѣ передъ простѣночнымъ зеркаломъ молодая женщина, поднявъ руки, подбирала свѣтлую, какъ ленъ, копну капризныхъ волосъ.

— Доброе утро, Марья Васильевна, — не оборачиваясь, сказала она страннымъ, сразу обращающимъ на себя вниманіе голосомъ.

Марья Васильевна поджала губы.

— Доброе утро, Елена Александровна,—и стала собирать на подносъ посуду,—стакана и двухъ блюдечекъ не хватаетъ,—сказала она невинно, еще больше поджавъ губы.

Та быстро повернула къ ней копну льняныхъ волосъ, не отнимая рукъ, и остро глянуло небольшое безъ кровинки лицо съ густой синевой вокругъ глазъ.

И вдругъ засмѣялась тоненько-сузившимися глазками, непріятно тонкими губами, мелкими, острыми зубами.

— Ха-ха-ха... вонъ они!..

Марья Васильевна, съ трудомъ перегибаясь черезъ животъ, подобрала съ пола сверкавшіе осколки.

— Какъ хотите, Елена Александровна, ну не могу... я только трудомъ своимъ живу... квартиранты въ претензіи... хотятъ съѣзжать... нѣтъ, ужь Господь съ вами... я вами много довольна, только лучше съѣзжайте, силъ моихъ нѣту..

— Да какъ вы смѣете!..—крикнула та тонкимъ, нестерпимо звенящимъ голосомъ,—какъ вы смѣете!.. кто вы?.. что вы такое?!. экономка... хуже прислуги... наглая...

Марья Васильевна съ налившимся лицомъ и влажными глазами, схвативъ подносъ и звеня въ трясущихся рукахъ посудой, заспѣшила къ двери, чувствуя, что подгибаются ноги.

„Унеси, Господи... Создатель... Царица Небесная"...

Да чуть не выронила посуду, пошатнулась назадъ—двѣ тонкія руки обвились сзади.

— Милая моя, дорогая... простите... не сердитесь... побейте меня!.. ну ударьте, уда-арьте. а то разозлюсь...

„Господи... Царица Небесная... святъ, святъ, святъ, Господь Саваоѳъ"...

И, пригибаясь подъ нависшими сзади руками, бокомъ сунула на кровать, чтобъ не побить посуду, подносъ.

А та бросилась въ кресло и вся затрепетала отъ нестерпимо рвущихся рыданій:

— Я... я... я... его... ненавижу... не терплю... выносить не могу... еслибъ онъ сегодня сломалъ себѣ ногу...

Вдругъ судорожно схватила, цѣлуетъ пухлые пальцы Марьи Васильевны, мочитъ слезами:

— Не сердитесь... простите, про...стите ме...ня... вы одна у меня...

Глянуло горькое, сіяющее слезами женское лицо, и у Марьи Васильевны подкатилось сердце. Наконецъ набрала воздуху и сказала:

— Да Господь съ вами... да что вы, ай онъ злодѣй вамъ. Онъ же вамъ мужъ. Статочное ли дѣло... Сколько годовъ дожидался, однихъ денегъ сколько ухлопалъ на разводъ, поди, тысячъ десять посадилъ. Да такому мужу ноги мыть, да воду пить.

Та всхлипнула, закрыла узенькое лицо тоненькими, музыкальными пальцами, и между ними торопливо закапали слезинки:

— Люблю его, Марья Ва...сильев...на, люб...лю больше разума, больше души... Мнѣ все равно... хоть сейчасъ... умереть...

Отняла руки. Лицо сразу стало маленькое, стянулось въ кулачекъ, и снова пролегла сухая черточка затаеннаго, истерически готоваго прорваться крика.

Долго охала въ кухнѣ и не могла придти въ себя Марья Васильевна. Наконецъ сказала мужу:

— Пойду къ Тонѣ, видно проснулась. Актеръ не требовалъ?

— Нѣтъ, дрыхнетъ.

Не постучавшись, Марья Васильевна прошла къ Тонечкѣ

и, когда притворяла за собою, донеслось изъ сосѣдней комнаты студента:—римское право... наслѣдованія...—и смолкло прихлопнутое дверью.

— Ну чего вылеживаешься?—спросила Марья Васильевна, присаживаясь на кровать въ ногахъ.

Выпроставъ на покрывающую ее простыню тоненькія, голыя полудѣтскія руки, Тонечка, сама хрупкая, съ едва развившейся грудью, какъ подростокъ, улыбается милой, сонной улыбкой, раскрывая слипающіеся глаза.

За стекломъ на забѣленный птичьимъ пометомъ подоконникъ прилетѣли сизые голуби.

Въ верхнихъ стеклахъ противоположной стѣны отражалось изъ-за крыши солнце, и надъ Тонечкой по стѣнѣ играли зайчики.

Она потянулась, хрустнула пальчиками:

— Такъ, полежать хочется.

Голуби, кружась, ворковали груднымъ воркованьемъ, нагнувъ головки, и, схватившись клювами, замирая и дрожа, стали цѣловаться.

Тонечка вскочила, въ одной рубашкѣ подбѣжала къ окну, распахнула, захлопала въ ладоши. Глубокій неумирающій городской шумъ сталъ явственнѣе, а голуби сорвались и, звеня, косо со свистомъ понеслись на крышу. Всплыли изъ глубины двора всплески дѣтскихъ голосовъ, смѣхъ, крики, удары выбиваемаго ковра, монотонные гаммы и медовый голосъ граммофона: „куда, куда вы удалились“...

— День-то какой, — и опять юркнула подъ простыню, а въ сіяющихъ зрачкахъ прыгало по бѣсенку.

— Ну, егоза!.. О Господи, видно ужь и не дождусь покою.

— Да чего такое? — спросила Тонечка, и двѣ горькія дѣтскія черточки легли отъ угла губъ.

— Ну вотъ поди-жъ ты... Рожна нужно. Молодые, здоровые, красивые, радоваться да Бога благодарить, такъ нѣтъ...— сказала Марья Васильевна, вздохнула, привычно вытерла большимъ и указательнымъ пальцами мокрые углы губъ, вытащила изъ-подъ Тонечкиной постели крючекъ, вязанье, надѣла очки и стала вязать салфетку на круглый столикъ.

— Опять? — горько спросила Тонечка все съ тѣми же тоненькими черточками у носа и губъ.

— Ну какъ же. Энта страшная мнѣ покою на даетъ. Сегодня высунулась вся въ папильоткахъ, одно слово—въ полицію. Ну я пошла къ Еленѣ Александровнѣ. Она сидитъ, причесывается. Какъ сказала, батюшки мои! думала, крыша сорвется. Вскочитъ да ко мнѣ—и такая я, и сякая, и немазанная, и экономка, и хуже прислуги,—такъ съ грязью сдѣлала. Тутъ я ей такъ безпрекословно говорю: али мужъ

вашъ вычиталъ въ судебныхъ установленіяхъ, что вы меня такъ оскорбляете, ну я не согласна, хоть самъ предсѣдатель пусть цѣпь надѣнетъ, мнѣ все равно. А она какъ кинется, давай мнѣ руки цѣловать, а сама въ три ручья: я его ненавижу, я безъ него жить не могу.

Тонечка подставила подъ голову голый локотокъ, слушаетъ, широко открывъ внимательные глаза.

— А вѣдь пять лѣтъ дожидался, на свой счетъ судъ велъ, сколько денегъ ухлопалъ. Теперь двѣ комнаты у меня занимаютъ, а то бы квартиру могъ бы имѣть тысячи за полторы.. А она-то шестнадцати годковъ вышла за купца богатѣющаго. Изъ себя-то, знаешь, субтильненькая, вьюнчикъ, да непосѣда, ты ей слово, она тебѣ десять. Вышла за купца и черезъ недѣлю сбѣжала. Встрѣтилась съ этимъ, а онъ кандидатомъ, только что кончилъ. Ну добился развода. Ѣздили вмѣстѣ къ его матери. А мать его важная, въ Варшавѣ отецъ служитъ. Такъ мать-то и говоритъ сыну: „денегъ-то ты на нее посадилъ, такъ поставь ее, статуй золотой съ нее на эти деньги сдѣлаешь... Вы, говоритъ, душечка отчего же отъ перваго мужа ушли да на первой же недѣлѣ? „Это, говоритъ, мамаша, тайна-секретъ“. На томъ и уѣхали:

Мелькаетъ торопливо крючокъ, поблескивая, какъ вода, торопливо накидываются петля за петлей, и тихонько ссовывается надвязываемая салфеточка.

Марья Васильевна слѣдитъ сквозь очки за крючкомъ, важная, добродушная, дебелая, отдаваясь привычному ощущенію прожитой жизни, когда вся тяжесть и всѣ радости сзади. Любитъ ее такую Тонечка. Любитъ, какъ разсказываетъ Марья Васильевна, особенно, когда было еще холодно: тоненько, бывало, поетъ самоваръ, запотѣютъ окна, и не видно противоположной стѣны.

Тонечка выскальзываетъ изъ-подъ простыни, накидываетъ ярко-красную юбку, кофточку, вздѣваетъ туфельки, перевѣшивается черезъ подоконникъ и кричитъ внизъ:

— Здравствуйте, Никаноръ Сергѣичъ.

А снизу:

— Тридцать пять съ кисточкой.

— Нюрка-а, съѣла канфеты?

Снизу тоненько:

— Съѣля... иссо ха-цу.

Тонечка схватываетъ коробку и, совсѣмъ перегнувшись и жадно глядя внизъ, начинаетъ кидать туда конфекты. Снизу доносится радостный дѣтскій визгъ. Опустошивъ коробку, Тонечка протягиваетъ руки и хлопаетъ пустыми ладошками:

— Все. больше нѣту.

Потомъ срывается съ окна къ Марьѣ Васильевнѣ, душитъ тоненькими руками, цѣлуетъ взасосъ:

— Миленькая вы моя... родненькая вы моя, золотце мое, алмазная, ненаглядная, безцѣнная...

-- Ну, ну, ну, будетъ, будетъ, затрепала, — и сдвинула на бѣлобрысыя брови очки.

Тонечка кружится, раздувая юбку.

— Я васъ на автомобилѣ прокатаю.

— Не надо мнѣ твоего автомобиля, и безъ автомобиля тошно.

Чѣмъ нравилась Марьѣ Васильевнѣ Тонечка, такъ это тѣмъ, что никогда не причиняла непріятностей и безпокойства, хотя утромъ въ ея комнатѣ всегда пахло дорогими винами, сигарами. И Марья Васильевна говорила, когда квартиранты обижались:

— Ну-къ что такое, не скандалистка, абы какого народу не приводитъ, а приходятъ господа чистые, и всегда въ манжетахъ, просто сказать, гости. И всякій квартирантъ имѣетъ право пригласить гостей. Почемъ кто знаетъ, изъ какихъ у него гость. Можетъ, истинный жуликъ, или самъ въ цилиндрѣ, а въ клубѣ крапленными играетъ. Всего видала на своемъ вѣку.

Тонечка числилась шляпницей, жила у Марьи Васильевны просто, какъ квартирантка, и Марья Васильевна не злоупотребляла своимъ положеніемъ, какъ другія хозяйки, сосавшія пьявками такихъ жиличекъ, и брала лишь пять рублей лишнихъ за рискъ.

И съ полиціей Тонечка умѣла ладить,—въ случаѣ нужды давала околодочному пять рублей.

Всегда была весела Тонечка, никогда не жаловалась, смѣялась, кружилась и хлопала крохотными ладошками. Посѣтителямъ разсказывала, что отецъ ея предсѣдателемъ окружнаго суда, что она бѣжала отъ родителей, училась въ пансіонѣ, за ней ухаживалъ гвардейскій офицеръ. Но съ Марьей Васильевной была откровенна.

— Папаша въ Рязанской губерніи хозяйничаетъ, крестьянствуетъ. Хоть бы однимъ глазкомъ глянуть. Боюсь и писать. Двѣ сестры у меня выданы въ нашей деревнѣ; одинъ братъ нѣмой; одинъ въ солдатахъ; одного желѣзная дорога зарѣзала.

А разъ усѣлась въ кресло совсѣмъ съ ногами, накинула на плечики платокъ, съежилась комочкомъ, совсѣмъ стала маленькой и сказала:

— Марья Васильевна, я хочу отравиться.

Марья Васильевна сдвинула очки на лобъ, строго посмо-

трѣла на нее голубыми глазами и выпятила бѣлые подбородки:

— Ну чего хорошаго? ну полиція придетъ, начнутся допросы, да рыться начнутъ, меня безпокоить, жильцовъ всѣхъ, да не оберешься. И то сказать, должна ты мнѣ, Тонечка; я тебѣ вѣрю, вѣрила и буду вѣрить. Выбрось ты изъ головы. Да на твоемъ мѣстѣ всякая не знала бы, какъ Бога благодарить. Иныя, которыя отъ хозяекъ, такъ вѣдь они въ ярмѣ, а ты у меня замѣстъ квартирантки, сама себѣ госпожа, какъ обыкновенный человѣкъ, и билетъ у тебя обыкновенный. Да и то сказать, не вѣкъ же такъ будешь: соберешь деньжатъ, переѣдешь въ другой городъ, никто не будетъ знать, выйдешь замужъ, дѣтки будутъ...

Марья Васильевна помолчала и ссунула очки на глаза.

— И-и, Господи... какъ въ дѣвушкахъ, думаешь замужъ выйти—нивѣсть что. А *имъ* что,—сорвалъ цвѣтокъ и лупаетъ глазами, гдѣ бы еще. Я шестнадцати годовъ выходила. Мой-то, какъ на веревочкѣ, за мной ходилъ. Родился первый ребеночекъ, и началось. Не то что пересталъ любить, а ужь никогда не было того, что какъ невѣстой была, да первое время, что поженились. Къ тебѣ ходятъ, такъ ты можешь не принять, али закапризничаешь, али другой у тебя, онъ и дорожитъ, и боится...

— Я, Марья Васильевна, вотъ такъ...

Она сдавливаетъ ей холодными пальчиками руку, захлебнувшись, судорожно втягиваетъ воздухъ и, запрокинувъ голову, въ мелкой дрожи глядитъ съ минуту узенькими бѣлками.

— .. а онъ и обомлѣетъ,—и звонко расхохоталась.

— Ну вотъ. А жена—своя, какъ кровать или должность. Ты каждый разъ ему новая, а жена все та же. Дѣти у меня умирали, осталась одна дѣвочка. И вся жизнь ушла, чтобъ воспитать дѣвочку. Ужь забыла, какъ люди веселятся, только труды, только заботы, да брань, да недостатки... Мой-то оболтусъ, видала, байбакъ-байбакомъ. Тогда онъ служилъ швейцаромъ, служилъ контролеромъ на скачкахъ, а потомъ сколько лѣтъ капельдинеромъ. Конечно, нужда, труды, а все жили. А теперь лежитъ брюхомъ кверху, все должность ищетъ. Лежа-то, немного наищешь, кобель подъ носъ не положитъ. Съ дочкой трудно было. Въ гимназію отдала. Пока маленькая была, я такъ и сякъ. А какъ стала подростать, горя набралась—все видитъ, все понимаетъ, а тутъ актеры, знаешь, какой народъ. А мнѣ хотѣлось все за студента. Стала студентовъ пускать, даже дешевле брала противъ другихъ. И съ студентами надрожалась. Бывало, заберутся

къ себѣ въ комнату, а я мѣста не найду, Богъ ихъ знаетъ, что у нихъ тамъ. Измучилась.

Тонечка слушаетъ, и ей такъ хочется, чтобъ она была дѣйствительно дочка предсѣдателя и воспитывалась въ пансіонѣ.

— Ну, слава Богу, посватался, женился, теперь на Кавказъ уѣхали, мѣсто получилъ. Скучаетъ, пишетъ, ребеночка ждетъ; полетѣла бы къ ней, да куда за тысячи верстъ, да и байбака своего некуда дѣть. Вотъ и все, и тяну тутъ неизвѣстно зачѣмъ, покеда не отволокутъ.

Марья Васильевна давно возится на кухнѣ съ обѣдомъ. Тонечка, зѣвая и не зная, куда себя дѣть, слоняется по комнатѣ непричесанная, неодѣтая. То мимоходомъ откроетъ подаренный альбомъ съ неприличными карточками, то подолгу стоитъ у окна и смотритъ, какъ воркуютъ и любятся голуби на противоположномъ подоконникѣ. Нечего дѣлать, и она потягивается, хрустя пальчиками.

Стукнувъ въ дверь и не дожидаясь отвѣта, влетаетъ дѣвочка лѣтъ десяти съ торопливо-подвижнымъ лицомъ и ничего не упускающими глазами. Волосы ея кокетливо собраны маленькимъ шишомъ на маковкѣ.

Она бросается къ Тонечкѣ.

— Дуся, что-жъ ты не одѣваешься? скоро часъ.

— Лиличка, такъ спать хочется, не вы-ыспалась.

— Кто у тебя былъ?.. Это—бенедиктинъ?

Дѣвочка подхватываетъ липкую бутылку и приставляетъ къ горлышку раздувающіяся ноздри.

- Интеллигентный типъ былъ или такъ себѣ?

- Онъ никакъ въ банкѣ.

— Крѣпко тебя любитъ?..

А сама ужь не слушаетъ, схватываетъ стаканъ, дѣлаетъ вдохновенное лицо, относитъ небрежно стаканъ въ сторону, потемнѣвшіе глаза мерцаютъ, и поетъ:

— Мо-ой ма-а-ленькій ста-а-канъ... но-о пью-у-у изъ мо-о-е-го-о ста-а-ка-а-на...

— А ты будешь актеркой,—говоритъ Тонечка, восхищенно глядя на дѣвочку.

А та уже другая, и искорки шаловливаго смѣха прыгаютъ по губамъ, въ глазкахъ, по веселому личику.

— Артистка, а не актерка. Папа говоритъ, у меня есть данныя. А тѣ скандалили?

— Скандалили. Марья Васильевна приходила, сидѣла, разсказывала, велитъ имъ съѣзжать.

— Пойдемъ конопатаго подсмотримъ.

Схватившись за руки, съ хитрыми прокудливыми заячь-

ими лицами, сдерживая рвущійся смѣхъ, выскочили въ коридоръ, на цыпочкахъ, балансируя руками, подобрались къ двери студента. и, оттаскивая другъ друга, фыркая и затыкая платками ротъ, то одна, то другая прилипали къ замочной скважинѣ.

Студентъ сидѣлъ за столомъ спиной къ двери, опершись рыжей головой на руки, и съ непонятнымъ азартомъ, съ ожесточеніемъ дудѣлъ:

— ...институтъ наслѣдственнаго права подвергся съ тѣхъ поръ коренной переработкѣ...

Потомъ вскочилъ, хрустнулъ на всю комнату пальцами, и сталъ ходить изъ угла въ уголъ.

Въ замочную скважину не было видно его лица, но въ фигурѣ, въ напряженно изогнутой шеѣ, на которую падалъ красный отсвѣтъ волосъ, было столько искаженнаго, что обѣ присмирѣли и по очереди прикладывали круглый глазъ къ замку.

— Елена!..—раздался въ коридорѣ барскій, какимъ играютъ на сценѣ важныхъ людей, съ хронической хрипотой басъ.

Дѣвочка отскочила и на цыпочкахъ перебѣжала коридоръ. Тоня исчезла у себя.

Актеръ, породистый, бритый, въ крупныхъ актерскихъ складкахъ по лицу, въ которомъ барская повадка, сказалъ:

— Ты куда же исчезла. Заваривай,—и пустилъ руладу баритонально, перекатываясь все ниже, все гуще, пока не задрожало въ груди глубокой сиповатой октавой.

Леночка умѣло возилась около бунтовавшаго самовара. На столѣ валялись роли, ноты, остатки колбасы, ломбардныя квитанціи, на гвоздѣ возлѣ двери—огромный, запыленный, обсыпавшійся лавровый вѣнокъ. Въ тѣсненькой комнатѣ накурено, душно; съ неубранной кровати и осѣвшаго турецкаго дивана, на которомъ спалъ актеръ, сползли на полъ углами несвѣжія простыни.

Леночка заварила чай, открыла окно; ворвался свѣжій воздухъ, уличный гулъ и слабый, Богъ вѣсть откуда, запахъ лопающихся почекъ.

Актеръ раздумчиво стоялъ въ позѣ, отставивъ ногу, и слегка, спокойно, увѣренно дирижировалъ рукой какому-то звучавшему внутри мотиву; между желто прокуренными пальцами дымилась папироса. Выраженіе лица, фигуры, каждое движеніе, полныя сдержаннаго достоинства, все, что выработалось подъ тысячами глазъ, никогда его не оставляло, даже когда былъ одинъ. Это свое благопріобрѣтенное лицо онъ также носилъ неотъемлемо, какъ и то, съ которымъ родился.

Да вдругъ о чемъ-то вспомнилъ, что-то пришло въ голову, и сдержанно пуская рулады, какъ-будто мурлыкалъ очень большой старый котъ, вышелъ въ корридоръ, все также красиво держа слегка на отлетѣ кисть руки съ дымящейся папиросой.

На секунду пріостановился передъ Тонечкиной дверью, потомъ, толкнувъ, вошелъ.

Тонечка причесывалась, ахнула и сѣла, съежившись, въ кресло, зажимая руками растегнувшуюся кофточку на груди и поднявъ колѣни въ красной нижней юбкѣ.

— Э-э... мма-де-му-а-зель,—дѣлая жестъ рукой, чуть картавя басомъ, улыбаясь снисходительно, тянулъ актеръ, гибко растягивая крупныя послушныя резиновыя губы, которыя поминутно мяли ему лицо,—mille pardons!..

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ...

Тонечка затрясла головой, испуганно глядя исподлобья, забираясь все глубже въ кресло.

— ... нѣтъ, нѣтъ...

— Gra-ande co-quette!.. хе-хе-хе...

— ... нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ...

Онъ взялъ ее двумя пальцами за подбородокъ, поднялъ лицо и сталъ глядѣть замасливающимися глазками.

— Gra-ande co-quette!..

Она нырнула подъ руку и стреканула къ двери. Онъ поймалъ, посадилъ на колѣни.

— Я буду кричать.

Онъ оттянулъ, ничего не понимая, нижнюю губу.

— Ссс... пэ-эзвольте-съ... съ кѣмъ вы имѣете дѣло..? Извольте-съ десять, пятнадцать... — недоумѣвающе и возмущенно доставалъ онъ пустой кошелекъ, придерживая ее одной рукой.

Тонечка куснула его за палецъ и, какъ мышь, юркнула въ двери. Ей мучительно хотѣлось отгородить уголокъ, гдѣ бы она была просто дѣвочка, Тонечка, за которую также нужно бояться и дрожать, какъ за дочку Марьи Васильевны. И Марьѣ Васильевнѣ нравилось, что она чистоплотная кошечка, и въ домѣ ничего не заводитъ, а то, чего добраго, и байбакъ протянетъ лапу.

Актеръ, глухо, гдѣ-то въ пищеводѣ перекатывая руладами, пошелъ къ себѣ.

Лиля глянула на обвисшія складки вокругъ глазъ, всплеснула руками:

— Папочка, да ты чистый бульдогъ!.. Ну бери же стаканъ, чай давно остылъ.

— Эккая скверная дѣвченка! сколько разъ говорилъ— крѣпче. не могу же я бурду пить...

И, лазая языкомъ за щеками и подымая брови, сталъ подбирать обвисшія на лицѣ складки.

Послѣ предложенія Марьи Васильевны съѣхать съ квартиры въ комнатѣ судейскаго прекратился шумъ, стукъ, крикъ, брань, и каждый день аккуратно въ восемь съ половиной утра судейскій, чисто выбритый и одѣтый съ иголочки, съ портфелемъ въ рукахъ уходилъ на службу.

Марья Васильевна успокоилась, а Тонечка ей разсказала:

— Разъ я подкралась къ ихней двери,—ужь очень мнѣ захотѣлось, Марья Васильевна, подсмотрѣть, что у нихъ тамъ. Ну я стала на колѣнки возлѣ двери да приложила глазъ къ скважинѣ въ замкѣ. Она въ креслѣ, а онъ около нее на колѣняхъ стоитъ. „Ты мнѣ,—она-то говоритъ—скажи правду, я ни волноваться, ни бранить не буду, ну только скажи: измѣняешь?"—„Слушай, онъ-то говоритъ, что жь мнѣ для твоего удовольствія врать: не измѣняю, а сказать измѣняю? подумай—это онъ-то ей—такъ соврать, не рюмку водки выпить".—Да положилъ голову ей въ платье, да какъ зарыдаетъ, ну до того,—плечи трясутся, до безчувствія, а самъ никакъ выговорить не можетъ: зачѣмъ мы мучаемся?.. зачѣмъ?.. зачѣ-ѣмъ?.. А у ней глаза широкіе, какъ въ горячкѣ, блистя-ятъ, блистятъ... Смотритъ сама въ полъ, мнѣ жутко стало. Потомъ стала гладить его по волосамъ; потомъ нагнулась къ нему и шепчетъ—губы синія: намъ отравиться надо. А онъ спряталъ лицо, только плечи дергаются,—и этого, говоритъ, не сумѣемъ. Она упала головой на него и затряслась. Онъ реветъ, она реветъ, и я стою на колѣнкахъ возлѣ двери, реву, ничего не вижу.

У Тонечки полны слезъ глаза. Она торопливо поморгала и сказала печально, глядя въ окно:

— И зачѣмъ замужъ выходить, какъ такъ колотиться?

И глянувъ на Марью Васильевну, вся засіявшая,—сказала съ милой улыбкой:

— А я бы вышла.

Марья Васильевна опять забезпокоилась.

— Вѣдь этакъ и впрямь отравятся, то-то надѣлаютъ хлопотъ, не оберешься. Да тутъ хоть святыхъ вонъ неси, хоть отъ квартиры отказывайся, прославятъ на всю округу. Спаси и помилуй, Царица Небесная. Пойду, надо ее урезонить, али безпонятная настолько, не можетъ глянуть, какъ есть жизнь настоящая.

Елена Александровна, напѣвая, ходила по комнатѣ, наклоняясь, подбирая кусочки цвѣтного гаруса, оброненные на коверъ.

Быстрымъ нервнымъ движеніемъ подняла тяжелую отъ

буйно облегшихъ бѣлокурыхъ волосъ голову и глянула веселымъ глазкомъ:

— Марья Васильевна, сколько лѣтъ, какъ вы перестали танцевать?

— И—и, Господь съ вами, Елена Александровна, объ томъ ли мнѣ вспоминать. И ужь не помню. А вотъ хотѣла объ чемъ съ вами поговорить...

— Знаю, знаю о чемъ... я вамъ сейчасъ станцую...

Елена Александровна быстро, какъ дѣвочка, убѣжала въ другую комнату, выбѣжала оттуда съ бубномъ и, разомъ ударивъ и поднявъ надъ головой, тонко перегибаясь и качаясь какъ лозина, пошла вокругъ Марьи Васильевны, звеня и гудя бубномъ, и слѣдя за ней хитрымъ, смѣющимся глазкомъ.

Она носилась вокругъ комнаты все задорнѣй съ дикими выкриками, неуловимо гибкая, какъ змѣя.

— „Святъ, святъ, святъ"...

Марья Васильевна стояла, боясь сдвинуться съ мѣста. Мимо нея мелькала трепещущая яркая юбка, копна бѣлыхъ волосъ, отъ которыхъ тянулись въ воздухѣ золотыя пряди.

Жалобно звеня, покатился бубенъ. Торопливо дыша, откинулась на диванъ.

— Жалко, что вы одни, и никого больше нѣтъ. Хорошо танцую?..

Вдругъ лицо стало тонкое, губы повело, и глаза злобно обожгли Марью Васильевну.

— „Святъ, святъ, святъ"...

— Я его терпѣть не могу... Думаете, тихо, такъ ничего нѣтъ... Вотъ, вотъ, вотъ.

Она стала рвать на себѣ рукавъ тонкой кофточки.

— О, Господи!..

Марья Васильевна перекрестилась слегка дрожавшей рукой.

— На-те, смотрите... на-те...

На обнажившейся рукѣ темнѣли синяки.

И вдругъ закатилась хохотомъ.

— Думаете тихо. А это онъ схватитъ за руки и держитъ пока я не устану, а то бы я ему... и все молчкомъ, молча, чтобъ никто не слыхалъ.

Марья Васильевна опустилась на ближайшій стулъ, придерживая животъ.

— И за что вы его такъ?!... — горестно всплеснула руками.

Та придвинулась къ самому лицу, глядя злыми глазами:

— Вы думаете онъ мнѣ не измѣнялъ?.. Вѣдь они всѣ такъ, кого ни возьми... съ шестнадцати лѣтъ все знаютъ, а

нѣкоторые съ двѣнадцати... нельзя довѣрять. Хоть даже правду говоритъ,—это только ртомъ, перевернется, а ужь онъ другой. У-ххххъ... я ихъ знаю...

И она постучала маленькими кулачками другъ о дружку. И приговаривала медленно, глядя широкими глазами:

— Да даже если не измѣняетъ, все равно, не терплю... Теперь я его мучу, а онъ отдаетъ мнѣ страсть, обнимаетъ— посмотрите, какая тонкая у меня талія. Какъ у змѣи...—она охватываетъ себя кругомъ пояса, стараясь, чтобъ сошлись пальцы,—цѣлуетъ молодые глаза... Господи, какъ надъ нимъ теперь можно измываться... А какъ отцвѣтать стану, развѣ пощадитъ? Какъ бы ни любила, какъ бы ни отдала душу тѣло, молодость, какъ первыя морщины, онъ ужь не такой, ужь другой... Вѣдь всегда, вездѣ, со всѣми такъ... И со мной такъ будетъ! Ну такъ я жь ему отомщу... Я жь ему покажу. Не виноватъ? а я виновата?... а я виновата... я виновата...

Лицо стало маленькое, стянулось въ кулачекъ, и снова пролегла сухая черточка затаеннаго, истерически готоваго прорваться крика, удерживаемаго тонкимъ изгибомъ змѣиныхъ губъ.

— Я отомщу за всѣхъ... охъ, какъ отомщу!..

— Ну я такъ хочу,—настойчиво говорила Елена Александровна мужу, а золотая коса короной лежала, обвиваясь вокругъ головы,—хочу.

— Да вѣдь, послушай, неловкость выйдетъ, пойми, товарищей приглашу...

— Хочу.

— Слушай, Леля...

— Ну вотъ хочу и хочу...

Тотъ пристально, съ разрастающимся почти въ ненависть раздраженіемъ поглядѣлъ ей въ глаза, въ лицо, и вдругъ комъ подступавшей къ горлу злобы сталъ таять. Онъ засмѣялся.

— Ну да ладно. И выдумщица же ты, Леля, никому эдакое въ голову не придетъ.

Она обвила его шею руками, точно прилипла, отодвинула поблѣднѣвшее лицо съ глазами, въ которыхъ не потухли еще искры не то злобы, не то все-отдающей любви, поглядѣла съ минуту на него, поцѣловала, слегка оттолкнула:

— Ну иди, милый.

И начались приготовленія.

— Елена Александровна, что же вы меня обижаете,— говорила Марья Васильевна и ея добрые голубые глаза

стали наливаться слезами,—ну какая я экономка на старости лѣтъ. Господи Боже мой... да ужь лучше уйду на этотъ вечеръ...

У Елены Александровны по лицу пробѣжала судорога готоваго гнѣва, да вдругъ ласково засмѣялась:

— Ну, ну, ну, ладно, ну будете моей дальней родственницей, тетушкой, изъ провинціи пріѣхала. Хотите?

Марья Васильевна растерянно развела руками:

— И ужь не знаю... отпустите вы душу мою на покаянье, родненькая Елена Александровна...

— И думать не смѣйте. Кто же за всѣмъ присмотритъ? Дальняя тетушка изъ провинціи пріѣхала, и все.

Марья Васильевна безсильно покорилась.

— Только вы ужь поменьше разговаривайте. А то лучше совсѣмъ не разговаривайте, молчите, и все.

— Да ужь воды въ ротъ наберу.

Со студентомъ было труднѣе. Онъ моталъ огненной головой и твердилъ.

— Не понимаю, зачѣмъ я-то тутъ.

Елена Александровна нервничала.

— Ну я прошу васъ... ну прошу. Не трудно же вамъ. Изъ вашей комнаты какъ разъ маленькую гостинную надо сдѣлать.

— Комнату берите, пожалуйста,—я на эту ночь у товарища устроюсь.

— И думать не смѣйте. Послушайте, ну какъ вы не поймете, вѣдь послѣдній разъ. Господи, такъ хочется красиво пожить, хоть разокъ, по особенному... Вы вѣдь знаете, мужа въ Архангельскую губернію назначаютъ, такъ это будетъ прощальный вечеръ. Тамъ заберемся въ такія трущобы, глушь, безлюдье, голоса человѣческаго не услышишь, однѣ карты, мнѣ ужь разсказывали.

Онъ глянулъ на ея пышнымъ золотомъ обвѣянную головку, на водяные русалочьи глаза, на тонко и гибко выбѣгающую изъ-за пояса талію, и дикая нелѣпая мысль вдругъ встала: обнять ее молча.

Но вмѣсто этого онъ сказалъ, тряхнувъ огненной копной:

— Къ вашимъ услугамъ, располагайте мной и комнатой, какъ найдете нужнымъ.

— Спасибо.

Тонечка виновато стояла передъ Еленой Александровной.

— Вотъ что, Тоня, ты тоже будешь на вечерѣ.

— Я боюсь, Елена Александровна.

— Не твое дѣло, слушай, что говорятъ. Покажи платье. Ну да, это можно... вокругъ шеи кружево прихватишь. Есть? ну отлично. Никакихъ бантовъ, тогда покажешься

мнѣ предварительно. И, пожалуйста, въ разговоры не пускайся. Да-да, нѣтъ-нѣтъ, и будетъ съ тебя. Тоже изъ провинціи пріѣхала.

— Я боюсь.

— Молчи. Будетъ таперъ, можешь танцовать.

— Я умѣю, уроки брала.

— Нѣтъ, не смѣй, просто будешь скромно сидѣть въ уголку... или хотя можно... впрочемъ, нѣтъ, я тебѣ скажу тогда... Шею хорошенько вымой...

Когда мужъ Елены Александровы узналъ, что и Тонечка будетъ, то побагровѣлъ, потомъ побѣлѣлъ, какъ полотно.

— Это же чортъ знаетъ что... безразсудство, истерика какая-то... Ты бы ужь съ панели набрала... А вдругъ кто-нибудь изъ моихъ товарищей знаетъ ее, какъ ея гость?..

— А я хочу, ну хочу, и все. Не такой человѣкъ? Да она, можетъ, лучше васъ всѣхъ въ тысячу разъ... А-а-а, испугались... попользоваться да и въ сторонку... Можетъ, и ты пользовался...

— Сумасшедшая!..

— Хочу, чтобы она была, хочу, хочу... понимаешь ты... Это мерзость, это низость... Ахъ Боже мой, какіе вы всѣ подлецы.

Она упала лицомъ въ диванъ, стала биться въ злой истерикѣ, сейчасъ же подняла исковерканное слезами лицо и сказала всхлипывая:

— И потомъ... у нея... такая... чудесная... комната... какъ это ты не поймешь... лучшую столовую и не придумать...

Онъ махнулъ рукой, пошелъ къ двери, да остановился, постоялъ, понуривъ голову, какъ будто передъ нимъ мутно пробѣжали эти два года ихъ совмѣстной жизни, и сказалъ осунувшимся голосомъ, въ которомъ ни злобы, ни раздраженія, а одна непроходящая усталость.

— Да, у насъ все вверхъ ногами. Вѣдь мы не живемъ. Ни у насъ никто, ни мы ни у кого. Среди огромнаго города, какъ въ захолустьи, какъ въ лѣсу.

— Ну да,—жалобно подняла она заплаканное личико,—тебѣ бы хотѣлось, чтобы у насъ ежедневно все дамочки хорошенькія собирались, а ты бы среди нихъ какъ султанъ распустился...

— Куда ужь тамъ дамочки, людей вѣдь, наконецъ, хочется. А то въ кои-то вѣки надумали устроить вечеръ, и не нашли ничего лучшаго, какъ проститутокъ набрать со всего города.

— Молчи!..—закричала она съ высохшими мгновенно глазами.

Приготовленія закипѣли.

Актеръ занялъ у Марьи Васильевны и побѣжалъ выкупать изъ ломбарда фракъ.

Привезли взятую на прокатъ мебель, портьеры, ковры, картины, посуду. Двери въ смежныхъ комнатахъ отклеили и растворили. Все лишнее повытаскивали и свалили въ актеровой комнатѣ, заваливъ ее чуть не до потолка. Комнаты цѣлый день провѣтривали, брызгали лѣсной водой, одеколономъ.

Когда насталъ вечеръ, всѣ ахнули: изъ двери въ дверь тянулись неузнаваемыя комнаты, ярко освѣщенныя, мягкія отъ бархатной мебели, отъ пушистыхъ ковровъ, отъ строго спускающихся портьеръ, и, всюду разливая жизнь, живыми пятнами проступали цвѣты.

Горничная съ крылышками на головѣ и лакей во фракѣ съ бѣлой грудью и въ бѣлыхъ перчаткахъ готовили чай въ Тонечкиной комнатѣ.

— Слушай, Леля, но я вотъ чего боюсь. Представь, явится франтъ и потребуетъ Антонину, вѣдь скандалъ.

Елена Александровна посмотрѣла на мужа, лицо передернулось. Она хотѣла ему сказать оскорбительное и злое, да бросилась къ лакею и, тряся его за бортъ фрака, торопливо захлебываясь, заговорила:

— Гоните въ шею. Тутъ, можетъ быть, явятся подозрительные господа... такіе... особенные... понимаете... ну ловеласы... фу, какой вы!.. усы кверху, ихъ сразу узнаешь... въ шею... безъ разговора съ лѣстницы...

„Ну и сыпетъ, какъ языкъ успѣваетъ... Чисто молотилка у насъ на деревнѣ, только солому успѣвай подавать“...—подумалъ лакей и сказалъ почтительно:

— Слушаю-съ.

Собрались гости, человѣкъ десять,—кандидаты на судебныя должности, два, три молоденькихъ адвоката, нѣсколько товарищей по университету, кое-кто изъ сослуживцевъ, все молодежь, безпечная и вольная, готовая побалагурить, выпить, поухаживать.

Изъ пожилыхъ былъ только судебный приставъ съ женой.

У жены пристава—мясистый носъ и уши по сторонамъ, какъ у летучей мыши.

Изъ дамъ ни съ кѣмъ не водила знакомства Елена Александровна, а для этой сдѣлала исключеніе.

Пили чай въ Тонечкиной комнатѣ.

Посрединѣ тянулся длинный столъ. Серебряные живчики ослѣпительно играли въ хрусталѣ, и пятна цвѣтовъ, лица людей, говоръ и смѣхъ вливали во все жизнь.

Чай разливала Марья Васильевна, поджавъ губы и сдѣлавъ два подбородка. И когда къ ней, исполняя долгъ вѣжливости, любезно обращался кто-нибудь изъ гостей, она, приподымая бѣлобрысыя брови и улыбаясь плотно сжатыми губами, на все одинаково говорила:

— Мм... угу...—памятуя наказъ Елены Александровны.

Возлѣ нея примостилась Лиля, ничего не упуская, все ловя живыми, острыми дѣтскими глазками.

Ее сначала рѣшено было не пускать, но она такъ горько, съ такимъ отчаяніемъ, зарывшись въ подушки, рыдала, что ей позволили быть на вечерѣ.

Елена Александровна сидѣла въ другомъ концѣ стола, не наклоняя гордой головки, какъ королева, въ царствѣ которой все само собою идетъ строго и въ порядкѣ, и оживленный почтительный говоръ мужчинъ, постоянно къ ней наклонявшихся, колыхался, не смолкая.

Актеръ, оттопыривая хорошо выбритую нижнюю губу и играя голыми складками, барскимъ крупнымъ голосомъ, роняя его до октавы, разсказывалъ о постановкахъ въ лондонскомъ королевскомъ театрѣ.

Студентъ сначала конфузился и все ерошилъ пятерней свою огненную гриву, потомъ осмотрѣлся и успокоился и теперь уписывалъ съ чаемъ конфекты и пирожныя, и обрадованно бесѣдовалъ объ уголовномъ правѣ съ сосѣдомъ, молоденькимъ помощникомъ присяжнаго повѣреннаго, который тоже конфузился и сидѣлъ, не сгибая туго крахмаленной на груди сорочки. Они называли другъ друга „коллега" и предупредительно придвигали другъ къ другу конфекты, пирожныя, чай.

Тонечка сидѣла съ сіяющими глазами. Щеки нѣжно розовѣли. Вся худенькая, хрупкая, и тоненькія черточки отъ носа къ губамъ придавали невыразимую прелесть дѣтской безпомощности.

Она, какъ въ туманѣ, видѣла милые, молодые, оживленные глаза, какъ въ туманѣ, потому что ея дѣвственное тѣло было такъ далеко отъ нихъ, такъ чисто и нетронуто подъ легкой сиреневой кофточкой съ строгимъ высокимъ воротникомъ у горла, и кофточка легонько шевелилась отъ сдержанно-взволнованнаго дыханія.

Наглые масляные глаза, цилиндры на затылкахъ, запахъ вина, смѣшанный съ запахомъ мужского дыханія, и судорожно-сжатая захлебнувшаяся маленькая ручка вокругъ большой мужской руки, все это смутно, какъ воспоминаніе, неясное, неразбуженное воспоминаніе тонуло позади.

Большими открытыми глазами смотрѣла она, какъ ухо-

дили голубовато черезъ раскрытыя двери одна за одной незнакомыя чудесныя комнаты.

— Изволили быть на весенней выставкѣ?

— Нѣтъ.

— И хорошо сдѣлали; одни перепѣвы, все старое, ничего, что бы несло свѣжесть, надежду.

Онъ говоритъ долго, ласково и, кажется ей, необыкновенно убѣдительно. Это ничего, что она не понимаетъ. Она слушаетъ съ сіяющими точечками и только: „да", „нѣтъ"... А иногда запутается и растерянно заторопится: „да... нѣтъ... нѣтъ... да... нѣтъ"... и мучительно покраснѣетъ.

Въ столовую странно и тревожно долетѣлъ изъ передней шумъ:

— Куда лѣзешь... тебѣ говорятъ...

— То есть, какъ куда лѣзу? Это квартира № 16?

— А хоть бы и шестнадцать. Тебя это не касается.

— Да ты съ ума спятилъ?

Тонечка помертвѣла, и неотвратимо пронеслось: „Выброшусь въ окно"...

Елена Александровна откинулась на спинку стула, до крови закусивъ губу.

Студентъ уронилъ зазвенѣвшую на полу ложечку.

У Марьи Васильевны по-птичьи скруглились глаза.

А на лѣстницѣ все разрастались разгорячавшіеся голоса.

— Да что за нахалъ!.. Какое ты имѣешь право?!.

— Я тебѣ дамъ право... Турманомъ у меня ахнешь по лѣстницѣ... Поворачивай оглобли... Ишь ты, хлюстъ!..

Елена Александровна сорвалась и бросилась въ корридоръ, за ней мужъ, потомъ Марья Васильевна, шепча:

— „Святъ, святъ, святъ"...

Выскочили на площадку.

Молодой человѣкъ въ котелкѣ и съ усиками кверху держался за перила, а лакей, упираясь, спихивалъ его внизъ,—оба были красны и потны.

— Ты съ ума сошелъ...—крикнулъ хозяинъ, отталкивая лакея.

— Григорій Николаевичъ... Елена Александровна... что это такое?.. этотъ субъектъ все съ лѣстницы норовитъ меня спустить...

Хозяинъ подхватилъ гостя за талію и повелъ въ квартиру.

— Простите, дорогой мой... недоразумѣніе... Жалуйте, жалуйте... страшно рады,, и я, и жена... чортъ его... этотъ дуракъ...

— Понимаете,—говорилъ гость, отдуваясь, снимая пальто и цѣлуя руку у Елены Александровны,—только я позво-

нилъ, выскакиваетъ этотъ гусь и во все горло: поворачивай оглобли! Постой, да это такая-то квартира? я приглашенъ сюда. И слушать не хочетъ. Я такъ, сякъ, куда-а! и на козѣ не подъѣдешь.

Гостя увели въ столовую, а Елена Александровна, вся дрожа отъ негодованія, накинулась на лакея.

— Да какъ вы смѣли?.. какъ вы позволили себѣ... вонъ сію же минуту...

Лакей стоялъ, испуганно моргая, вытянувъ руки по швамъ.

— Простите... какъ вы приказали...

— Приказа-али... Заставь дурака Богу молиться...

— Простите, опознался... Главное, котелокъ у нихъ на затылкѣ... Теперь я понимаю, это они уставши по лѣстницѣ, а я смутился, счелъ—хлюстъ...

— Какой же вы дурр-ракъ!..

Лакей передохнулъ и посмотрѣлъ вслѣдъ.

— Угоди ей,—на третій день сдохнешь.

За ужиномъ было оживленно и весело.

Жена пристава сказала:

— У васъ, Елена Александровна,—премиленькая квартира, я даже и не подозрѣвала.

Она сидѣла лопоухая, съ толстымъ носомъ, и не было больше дамъ; отъ этого Тонечка казалась прелестнымъ полевымъ цвѣткомъ, а Елена Александровна—красавицей.

А приставъ думалъ: „не то будутъ карты, не то нѣтъ“.

Кандидатъ на судебныя должности, котораго выпроваживалъ съ лѣстницы лакей, рѣзко постучалъ ножомъ о тарелку, поднялся и строго посмотрѣлъ на всѣхъ сквозь золотое пенсне.

Говоръ, падая, воровски разбѣжался и притихъ. Всѣ повернули головы къ кандидату.

Онъ на минутку прислушался и рѣзко поднялъ голову:

— Господа, позвольте быть нешаблоннымъ. Обычно спичи за ужиномъ говорятся по трафарету, потому что вообще за ужиномъ говорятся спичи. Мнѣ же сейчасъ хочется сказать то, о чемъ сердце проситъ. Можетъ, не сумѣю, не такъ, неуклюже, уловите съ полуслова, помогите сами. То, что я чувствую, чувствуютъ—это я чувствую—не улыбайтесь, не улыбайтесь...—чувствуютъ всѣ, это особенный теплый уютъ, душевный уютъ, который разлила,—онъ сдѣлалъ широкій жестъ рукой,—здѣсь женская рука. Нашъ братъ, одинокій холостякъ, вѣчно мятущійся въ жаждѣ остроты наслажденій, мятущійся съ смутной боязнью женитьбы, вдругъ ощущаетъ всю теплоту, всю прелесть уюта, созданнаго женской рукой... И не во внѣшнемъ только не въ ослѣпительной бѣлизнѣ

скатерти, не въ изяществѣ сервировки — что внѣшность! а въ томъ незримомъ ощущеніи...

Елена Александровна строго опустила глаза, ни на кого не глядя, не слушая:

„Я его люблю, люблю его, моего Гришу. Мы дрались? когда дрались? глупости, никогда не дрались... Господи, пусть скорѣй уходятъ... Какъ я его буду любить, ласкать, цѣловать... Когда же его и любить, какъ не теперь, когда я молода, когда мной любуются, не тогда же, какъ сдѣлаюсь старой каргой... Ахъ, какъ надо дорожить каждой минутой ласки и нѣжности... Когда же наконецъ они всѣ разойдутся... Господи, какъ бы мнѣ не закричать: пошли вонъ, дураки!...“

Она больно ущипнула себя, а кругомъ закричали, захлопали въ ладоши, потянулись со всѣхъ сторонъ съ блещущими рюмками, и всюду ласковыя лица, бѣлые сверкающіе въ улыбкахъ зубы, кланяются... гулъ пожеланій... и... и ласковый долгій взглядъ любимаго человѣка...

„Боже мой, какъ же это я не знала, что такъ чудесно жить на свѣтѣ“.

Потомъ говорилъ еще кто-то изъ гостей, потомъ Гриша, потомъ опять гость, но не все ли равно? Не все ли равно, что они тамъ говорятъ, когда она знаетъ одно, что не было и нѣтъ никакихъ непріятностей, боли и горечи, что вотъ всегда такъ заливаетъ этотъ ровный спокойный бѣлый свѣтъ спокойную ласковую жизнь.

Послѣ ужина перешли въ гостиную.

Елена Александровна подошла къ скромно стоявшему во фракѣ въ сторонкѣ тапёру—его представляли всѣмъ въ качествѣ гостя—и стала просить сыграть что нибудь. Онъ слегка поломался, подошелъ къ роялю, откинулъ фалды фрака, сѣлъ, подумалъ и сыгралъ Шопена.

Слегка похлопали, опасаясь, что онъ опять начнетъ играть—молодежи хотѣлось побалагурить, посмѣяться.

Актеръ подошелъ къ роялю, взялъ аккордъ и сказалъ небрежнымъ густымъ басомъ:

— Да, Шопенъ, это я понимаю. Не чета современнымъ... Старое золото не тускнѣетъ... Я вотъ, напримѣръ, когда выступаю, всегда исполняю старыхъ авторовъ... — и небрежно пустилъ октавой руладу въ тонъ аккорду.

— А вы намъ спойте что-нибудь, — сказала жена пристава,—такъ хорошо послушать послѣ ужина.

Актеръ кисло улыбнулся и уронилъ небрежно:

— Да-а... что жъ... мм... какъ-то... что-то... послѣ ужина...— и опасаясь, что поднявшійся кругомъ оживленный разговоръ упразднитъ его пѣніе, поспѣшилъ сказать, притрогиваясь слегко къ кадыку,—такъ что-то послѣ ужина... въ горлѣ...

хотя можно...—и громко, чтобъ заставить говорившихъ замолчать, кашлянулъ октавой и что-то сказалъ тапёру.

Тотъ взялъ аккордъ, разговоръ нехотя сталъ стихать, и волей неволей всѣ размѣстились, кто въ креслахъ, кто на диванѣ, кто у окна пристроился.

Актеръ положилъ руку на спинку стула, и большой палецъ другой руки заложилъ за жилетъ. Стоялъ неподвижно, дожидаясь такта во вступленіи, которое дѣлалъ рояль. Голое въ складкахъ лицо было каменно неподвижно, какъ и самъ онъ, и глаза равнодушно и свысока смотрѣли мимо приготовившихся слушать.

И вдругъ перекосилъ ротъ, необычайно растянулъ губы и... заговорилъ, потому что голосу не хватало, заговорилъ речитативомъ, выдѣлывая то басомъ, то октавой.

— Ди-тятко! ми-лость Господня...
Что ты не спишь до полночи глухой...

Всѣ разомъ стали смотрѣть подъ столъ и подъ кресла.

Тонечка мучительно низко наклонила русую головку, и изъ-подъ насунувшейся косы пылала щека. Только Елена Александровна, слегка поблѣднѣвъ, впилась въ него горящими, ненавидящими глазами.

Но ему было все равно.

— Дай я тебя хоть шуу-бенкой...
Весь ты-ы дро-о-жишь, а го-о-ря-чій ка-а-кой...

Понемногу то одинъ, то другой подымали на актера глаза и, кто поднялъ, уже не отрывался, не могъ оторваться, потому что пѣлъ актеръ не голосомъ, не горломъ, а пѣлъ мучительно лицомъ.

Онъ также неподвижно стоялъ, положивъ руку на спинку стула, заложивъ большой палецъ другой руки за жилетъ, а голыя бритыя складки горько сползались къ глазамъ, точно онъ ихъ собиралъ въ пригоршню, мучительно изламывались брови, собирая кожу на лбу, шевеля волосы, даже уши шевелились, то все распускалось, и тогда голое лицо смотрѣло наивно, усталыми, измученными глазами.

— Ма-а-ма, гляди-ка... всё-о свѣ-ѣ-чи, да свѣ-ѣ-чи...
...Ма-а-ма... тем-нѣ-етъ... мнѣ ду-уш-но...

На него смотрѣли, не отрываясь, слушая за этимъ чревовѣщаніемъ, за хриплымъ басомъ, какую-то иную невыговариваемую словами пѣсню.

Лиля, забывъ обо всемъ, стояла передъ отцомъ и смотрѣла широко открытыми глазами въ его перекошенный, то закрывающійся, то открывающійся огромный черный ротъ.

Только Елена Александровна теперь не смотрѣла на него, опустивъ смягченные, влажные глаза: она знала, о чемъ онъ поетъ.

Но странно, размягчившееся, полное жалости сердце вдругъ отвернулось отъ него, а переполнилось снова нахлынувшей волной безконечной нѣжности къ мужу.

„Нѣтъ, никогда, никогда я ни однимъ словомъ, ни однимъ движеніемъ не причиню ему боли... милый, милый!.!“—и она снова съ безконечной любовью глянула на мужа. Онъ сидѣлъ спокойно, какъ всегда, и смотрѣлъ—слушалъ.

А актеръ кончилъ, выждалъ, пока смолкли послѣдніе аккорды рояля, досталъ платокъ и приложилъ ко лбу и лицу.

Всѣ молчали.

Вдругъ прозвенѣлъ, нарушая, дѣтскій голосъ:

— Папочка, да какъ же ты чудесно поешь!..

Лиля схватила и чмокнула большую руку отца.

Всѣ облегченно задвигались, заговорили и, чтобъ не обидѣть, апплодировали.

— Да, вотъ они старые романсы...

— Въ исполненіи дѣло...

— Да нѣтъ, трогательная простота, которой нѣтъ въ нынѣшнихъ изломанныхъ вещахъ...

Актеръ снова важно, съ барской повадкой, снисходительно играя лицомъ, сталъ объяснять изъяны современныхъ композиторовъ.

Елена Александровна захлопала въ ладоши:

— Господа, танцовать...

Томительные звуки вальса, мягко качаясь, поплыли въ гостинной.

Курительная была устроена въ маленькой крайней комнаткѣ, и молодежь бѣгала сюда курить.

Курили, стоялъ говоръ, насмѣшливо перекидывались.

— Я съ тетушкой пробовалъ заговаривать, такъ она сожметъ губы и только одно: „угу“... какъ воды въ ротъ набрала.

— Не умѣешь съ тетушками бесѣдовать.

— А пѣвецъ-то... чревовѣщатель...

— Нѣтъ, это что, вотъ ушастая-то, вотъ феноменъ...

— Одинъ носъ фунта полтора.

— Тише, не распускайте языки...

— Когда я путешествовалъ въ Африкѣ—улыбаясь и не выговаривая р, заговорилъ бѣлобрысый, съ бѣлыми, какъ ленъ, бровями и усиками,—видѣлъ летающихъ собакъ—точь-въ-точь уши растопырены.

— Разскажи своему дѣду... Это ресторанъ „Африка“, знаете на углу? ну такъ у него послѣ бутылки коньяку

передъ глазами посѣтители начинаютъ летать, и все съ собачьими мордами.

Смѣхъ, сверкающія въ табачномъ дыму лица.

Дремотные звуки вальса смутно просятся сквозь закрытыя двери. А когда дверь на минутку открываютъ, звуки ярко врываются, и въ залѣ видно, мелькаетъ относимое движеніемъ легкое сиреневое платье и черная тяжелая юбка. Прихлопнется дверь и снова томительно и смутно плыветъ далекое смягченное, напоминая о невозвратномъ.

Курительная опустѣла. Остались двое. Одинъ курилъ, присѣвъ на уголъ стола, другой задумчиво ходилъ, заложивъ руки назадъ и глядя подъ ноги.

— Да. У меня такое ощущеніе, точно пойманную птичку подержалъ въ рукахъ, а у нея молящіе глазки и крохотное, тревожно бьющееся сердце.

— Кто она такая?

— Не знаю. Отецъ гдѣ-то предсѣдателемъ окружнаго суда, гдѣ-то въ провинціи.

— На курсахъ, что-ли?

— Да нѣтъ, повидимому. Домашнее, видно. Слова у нея нѣсколько странно, но можетъ быть, такъ просто, а то бываетъ нарочно, щеголяютъ этакъ нѣкоторой утрированной простотой, народностью,—провинціалка.

— Да-а, ты цѣлый вечеръ около нея, какъ на тесемочкѣ.

Тотъ подошелъ къ окну, постоялъ, припоминая, и опять сталъ ходить, глядя подъ ноги и заложивъ руки.

— Года два назадъ я бродилъ по Кавказу. Иду съ мѣшкомъ за плечами. Вечеръ. Впереди синія задымленныя горы. Справа по крутизнѣ—непролазные лѣса. Слѣва поросли не то по старымъ вырубкамъ, не то всегда такъ было. Иду по шоссе. Днемъ въ жару цикады нестерпимо трещали, а къ вечеру и жаръ ослабѣлъ, и цикады утомились, стали тише. И такой покой на душѣ, освобожденность отъ всѣхъ заботъ, мелочей. Городъ и все, что съ нимъ, гдѣ-то далеко, далеко одно блаженное чувство отдыха и одиночества. Кругомъ ни души, никакого жилья, пустыня. И вотъ я шагаю по бѣлой шоссейной пыли, шагаю погруженный не то въ полусонъ, не то въ марево мечты. Вдругъ: „бе-ре-ги-и-ись!..“ то-оненько, тоненько, какъ комаръ будто надъ ухомъ. А я иду. Опять: „бе-ре-ги-и-ись!..“ такъ же далеко, такъ же неуловимо. Что за чудо? Остановился, постоялъ, поглядѣлъ на пустое шоссе, на лѣсъ, въ которомъ только звѣри. Опять пошелъ и опять: „бе-ре-ги-и-ись“... И вдругъ я почувствовалъ, это—женскій голосъ, дѣвичій голосъ. Я опять остановился, потомъ отошелъ къ обочинѣ шоссе и сталъ напряженно всматриваться

и слушать. Никого. Внезапно изъ-за поворота вылетаетъ въ облакѣ пыли громадный автомобиль. Я не успѣлъ моргнуть, онъ пронесся мимо безъ гудковъ, все застлавъ пылью, и скрылся. Я постоялъ опѣшенный: еслибъ не сошелъ раньше съ шоссе, былъ бы убитъ—на такомъ ходу нельзя было ни сдержать, ни свернуть.

— Ну?

— Ну, и пошелъ дальше.

— Кто же кричалъ?

— А я почемъ знаю? Только съ тѣхъ поръ въ ушахъ стоитъ этотъ дѣвичій голосъ, его тембръ, выраженіе. И всюду, гдѣ бываю, въ гостяхъ, въ театрѣ, на собраніяхъ прислушиваюсь—я бы узналъ его изъ тысячи.

— Ну, братъ, дрянь дѣло: романтика пошла.

— И сегодня, когда она заговорила, вдругъ точно толкнуло въ грудь—она!

— Что вы тутъ, господа!.. идите танцовать.

Снова ярко ворвался вальсъ, а въ залѣ вѣяло легкое сиреневое платье и тяжелое черное.

Дочка предсѣдателя—вѣдь это дѣйствительно была дочка предсѣдателя—съ упоеніемъ танцовала безъ отдыху, мелькая крохотными туфельками, положивъ маленькую ручку въ перчаткѣ въ черное плечо кавалера и отвернувъ милую, наивную головку съ выраженіемъ дѣтской безпомощности.

Утро уже стало пробиваться сквозь занавѣсы, когда стали расходиться гости.

Все по старому шло у Марьи Васильевны. Двери между комнатами давно заклеены, на окнахъ тѣ же старые будничные занавѣсы. Изъ-за плотно затворенной двери студента доносится:... источникомъ обязательнаго права въ древнемъ мірѣ являлось...

И по утрамъ Марья Васильевна приходитъ съ рынка,—изъ сумки торчатъ желтыя куриныя ноги,—и выноситъ изъ Тонечкиной комнаты корзину пустыхъ бутылокъ. Актеръ глубокой октавой пускаетъ рулады, точно у него въ желудкѣ перекатывается, и говоритъ, случайно встрѣчая въ корридорѣ Тонечку и собирая складки:

— Э-э-э... здравствуйте, прелестная невинность.

Елена Александровна уѣхала, и въ ея комнатѣ уже новые жильцы.

Должно быть, за городомъ млѣли лѣса, лоснились подъ пробѣгающимъ горячимъ вѣтеркомъ изжелта-темнѣющіе хлѣба и тѣни отъ лепечущихъ деревьевъ шевелились по травѣ.

А въ городѣ стоялъ сухой пышущій каменный жаръ, шаги людей оставляли въ размягченномъ терпко пахнущемъ

асфальтѣ вдавленные слѣды каблуковъ и надъ улицами всегда висѣла дымная мгла, изъ которой, чувствовалось, не вырваться, и крыши нестерпимо блестѣли подъ неподвижно-сіяющимъ маленькимъ солнцемъ.

Тонечка въ новомъ шелковомъ балахонѣ спѣшила по мягкой асфальтовой панели и растекающійся потъ дѣлалъ неровные потеки отъ наведенныхъ по лицу румянъ.

Надо было переодѣться—черезъ часъ за ней заѣдетъ обожатель на автомобилѣ и повезетъ катать за городъ.

Тонечка задыхается отъ жары и быстрой ходьбы и не можетъ удержаться отъ тоненькаго радостнаго смѣха—на нее оглядываются.

Господи, да что такое!.. Ей хочется вспомнить что-то радостное и нѣжное, что не дается памяти. И отчего такъ весело и радостно смотрѣть на Божій день?

И... вспомнила: вѣдь это же идетъ предсѣдателева дочка.

Кто такая? Предсѣдателева дочка.

И опять засмѣялась тоненько и заразительно, — на нее оглянулись.

И, удерживая радость, удерживая смѣхъ, вошла въ ворота. Узкій дворъ, хоть и душенъ, былъ веселъ и звонокъ, оттого ли, что изъ-за крыши пробралась полоска солнца и окна верхнихъ этажей нестерпимо блестятъ, не то отъ ребячьихъ звонкихъ голосовъ, наполняющихъ дворъ до самаго верха.

Увидя Тонечку, ребятишки бросились къ ней гурьбой и заплясали, запрыгали, стали кувыркаться, какъ бѣсенята, и кричать:

— Конфетку! дай конфетку... дай конфетку... да-ай...

— Ну, ну... нѣту... пустите... ужо дамъ, а сейчасъ нѣту...

— Тонечкѣ наше вамъ двадцать два съ прикуской, — говоритъ, проходя мимо и весело осклабляясь, приказчикъ изъ сосѣдней лавочки.

Съ Тонечкой всегда весело здороваются, непремѣнно почему-то улыбаясь.

Всѣ знаютъ ее во дворѣ и въ околодкѣ и относятся къ ней добродушно, особенно матери ребятишекъ, которыхъ она всегда кормитъ конфектами. Но подъ сердитую руку, выглядывая изъ придавленныхъ къ асфальту оконъ, бабы съ раздраженными лицами иногда бросаютъ вслѣдъ:

— А тутъ еще *эта* таскается...

Тонечка слышитъ, но гордо проходитъ, не оборачиваясь. только ноздри раздуваются, и мысленно бросаетъ имъ скверное ругательство.

Проходитъ время, это забывается, опять все идетъ по

старому, опять всѣ привѣтливо здороваются съ Тонечкой, ласково улыбаясь.

— Погода ноньче жаркая,—говоритъ красная, какъ обваренная, прачка изъ полуподвала, гдѣ, нагнувшись надъ огромными круглыми бадьями, стираютъ бѣлье блѣдныя женщины.

— Жарко,—пріостанавливается Тонечка — а у васъ-то тамъ, думаю, страсть жарко.

— И-и не говорите, не продыхнешь. Али собрались куды?

— За городъ, на автомобилѣ.

— Ну, ну, доброе дѣло. Теперича за городомъ легко дыхать.

— Да-а-й конфетку.

— Нѣту же, вамъ говорятъ.

Тонечка пошла было да глянула на зеленый сапогъ и вспомнила—зайти, спросить, не починилъ ли башмаки.

Спустилась къ сапожнику. Ей подали скрипучій стулъ. Она сѣла, осторожно подбирая платье, яркимъ пятномъ выдѣляясь среди сора, копоти, паутины, полутемноты.

Сапожникъ, сидя на просиженномъ трехногомъ табуретѣ подъ узенькимъ тусклымъ окномъ, торопливо кололъ шиломъ и тянулъ, разводя руками, дратву. Жена стучала большой сапожной машиной, простр ачивая головки, а подмастерье работалъ въ углу, гдѣ тоненько коптила лампочка— тамъ и днемъ было темно.

— Ну что какъ, Николай Васильичъ, скоро мои почините?—проговорила Тонечка, чувствуя себя отдѣленной отъ нихъ яркимъ платьемъ, модной прической и окружающимъ ихъ соромъ, темнотой, неуютомъ, и тѣмъ, что она почти каждый день катается на автомобиляхъ,—работы много?

— Работа завсегда, работа не переводится, это деньги только переводятся, по работѣ лѣнивые плачутъ. А ваши къ понедѣльнику аккуратъ будутъ.

— Я себѣ на прошлой недѣлѣ вѣнскіе ботинки купила— вотъ каблуки высокіе! чисто ходить невозможно; дай, думаю, лучше старые починю.

— Ноньче что каблуки, что платья, не шагнешь,— сказала сапожница, продолжая стучать машиной.

— Маму-уня,—проговорила бѣлоголовая востроносенькая дѣвочка съ заплетенной въ косичку голубой ленточкой,— куда ее, оборочку-то, пришивать?—и показала матери одной рукой куклу въ платьѣ, а въ другой держала иглу.

— Брысь, чего прилипла,—сердито бросила мать, также торопливо гремя машиной.

Дѣвочка подняла на Тонечку голубые, какъ васильки,

глаза, держа растерянно въ одной рукѣ куклу, въ другой иглу.

Двое другихъ съ голыми ноженками сидѣли на полу другъ противъ друга и таскали за ноги и за хвостъ привыкшую къ истязаніямъ кошку.

Тонечка гдѣ-то въ глубинѣ, не поднимая груди, вздохнула.

Синіе, какъ васильки...

И бѣлыя березки, и околица, за которой она бѣгала съ такой же ленточкой въ косичкѣ, и голосъ матери—голова у ней вѣчно въ ушастомъ платкѣ: „Тонюша, загони индюшатъ-те, кабы на дорогѣ не подавили..."

И эти незабываемыя, но уже чуть бѣлѣющія въ воспоминаніи березки, и синіе васильки во ржи, и синіе глаза этой дѣвочки, и двое, таскавшіе покорно привыкшую кошку, все отдѣлило ее отъ людей больше, чѣмъ автомобиль, чѣмъ дорогое платье, будя несознанное, гдѣ-то глубоко живущее, точно пьявка, не больно, но всегда, не замирая, сосетъ.

А сапожница, гремя и не отнимая глазъ отъ строчки, сказала:

— Съ краю прихвати и черезъ край и шей.

Дѣвочка радостно и торопливо сѣла и стала заботливо шить.

Тонечка, опять задерживая, тихонько вздохнула, чувствуя, какъ кругомъ все помертвѣло, и замѣтила:

— Ну, такъ, пожалуйста, къ понедѣльнику. Прощайте.

— Будетъ сдѣлано. Бывайте здоровы.

Тонечка пошла къ выходу, подобравъ платье, прислушиваясь къ торопливому шелесту шелковой юбки.

Во дворѣ снова охватилъ душный жаръ стѣнъ, ѣдкій запахъ размягченнаго асфальта, блескъ стеколъ въ верхнихъ этажахъ, гулъ улицы, накатывавшійся въ ворота, звонкіе голоса ребятишекъ, которые, какъ бѣсенята, неугомонно скакали, бѣгали по асфальту, играя, ссорясь, тутъ же мирясь.

Увидя Тонечку, всѣ бросились опять къ ней, визжа смѣясь, подпрыгивая.

— Дай конфетку... дай конфетку.. дай конфетку...

— Да нѣту, говорятъ вамъ...

— Дай, дай... у тебя есть... прежде давала...

— Фу, пустите... не трогайте меня... не лапайте, пальто шелковое запачкаете... не трожьте, сопливые, дрянь!..

— Дай!.. дай!..

Она испуганно отстранялась, приподымала пальто.

— Уйдите, вамъ говорю... да не трогайте... не смѣйте хвататься за пальто... вонъ пятно... ахъ ты!..

Схватила одного назойливаго за ухо и слегка потрепала. Тотъ заверещалъ, а ребятишки закричали:

— Какъ ты смѣешь... шлюха!..

— Чего такое у васъ? — любопытно выглянула въ окно прачка.

— Шлюха насъ колотитъ,—кричали ребятишки.

— Ахъ ты, подлая!..—закричала прачка,—ишь какую моду взяла!..—и еще больше налилась краской, хотя дѣтей у нея не было.

Ребятишки визжали, кидали въ Тонечку соромъ, бумажками.

Выглянула въ окно и прилизанная костлявая голова сапожницы.

— Чего такое?

— *Эта* вотъ Санькѣ вашему ухи надрала.

Голова сапожницы исчезла изъ окна и сейчасъ же появилась въ дверяхъ. Испитое лицо покрылось пятнами.

— Это ты что же?.. Своихъ дѣтей не было, не будетъ, такъ ты чужихъ?..

И, захлебнувшись, закричала пронзительно:

— Проститутка!..

Тонечка съ бѣлымъ, какъ полотно, лицомъ, прилипла спиной и руками къ стѣнѣ и глядѣла огромными глазами.

Изъ разныхъ мѣстъ надъ асфальтомъ показались изъ оконъ головы:

— Чего такое?

— Вонъ эта паскуда ребятишекъ нашихъ бьетъ.

— Ахъ, окаянная!

— Послѣдній человѣкъ да куда люди...

— Проучить надо...

Тонечка рванулась отъ стѣны, вскочила въ дверь и понеслась вверхъ по лѣстницѣ.

Добѣжала до первой площадки, сдѣлала поворотъ, добѣжала до второй, перехватило дыханіе. Остановилась на секунду, зажала сердце, надавила грудью перила и глянула въ пролетъ: огибая поворотъ, съ трудомъ справляясь съ одышкой, торопливо подымалась сапожница и красныя пятна выступили у нея не только на блѣдныхъ щекахъ, но и на шеѣ. За ней что-то кричавшая прачка и еще нѣсколько человѣкъ.

А за ними, подшмурыгивая носомъ, торопливо, чтобы не отстать, на четверенькахъ взбирались, хватаясь за ступени, двое—трое ребятишекъ.

Шумъ, сморканье, торопливое дыханіе подымались по лѣстницѣ.

Тонечка опять бросилась вверхъ, путаясь въ юбкѣ, перехватывая перила, и, когда оглядывалась, видѣла спѣшившую за ней сапожницу и шептала, шелестя сухими, полопавшимися губами:

— Гонются...

Рванула звонокъ. Марья Васильевна открыла двери, съ изумленіемъ глядя.

— Али съ цѣпи сорвалась?!.

Тонечка на секунду задержалась, задохнувшись. Вокругъ рѣзко обозначившихся румянъ проступило смертельно-блѣдное полудѣтское лицо съ горькими морщинами около рта.

— Гонются...—и бросилась въ корридоръ.

Марья Васильевна пунцово покраснѣла.

— Да ты что, скандалы заводить?!. мѣста не нашла другого? вотъ и держи *такую*...

Тонечка глядѣла на нее остановившимися глазами.

— Мнѣ скандалистокъ не надо... на всѣ четыре стороны... скатертью дорога...

На шумъ вышелъ актеръ, заложивъ подъ мышками за жилетъ большіе пальцы и играя остальными въ воздухѣ.

— Что, прелестница, накуралесили?.. въ участочекъ что-ли?.. не хочется, поди?... хе-хе-хе...—добродушно засмѣялся и, играя пальцами, пошелъ къ себѣ.

На минуту показались рыжія патлы студента. Разобравъ, въ чемъ дѣло, онъ захлопнулъ дверь.

Въ корридоръ ворвалась сапожница. Съ площадки доносились голоса подымавшихся и улюлюканье ребятишекъ.

— Мы ее достанемъ... хочь со дна моря достанемъ!..

Тонечка юркнула въ свою комнату. Марья Васильевна, крича тонкимъ голосомъ, вытолкала всѣхъ изъ корридора, заперла дверь и пошла хорошенько пробрать Тоню. Это— новости. Нѣ-ѣтъ, этого она не позволитъ. Хочешь стоять на квартирѣ, такъ веди себя порядочно, а скандаловъ она не позволитъ.

Отворила дверь, въ комнатѣ никого. Марья Васильевна постояла удивленная.

— Тоня!

Въ настежъ открытомъ окнѣ блестѣли стекла противоположныхъ оконъ.

Марья Васильевна, тяжело перегибаясь черезъ животъ, чувствуя, какъ таетъ раздраженіе и наростаетъ тревога, заглянула подъ кровать, потомъ за шкапъ и съ облегченіемъ увидѣла, что Тонечка сидитъ на полу съ мокрымъ отъ слезъ лицомъ.

— Я имъ всѣмъ покажу!—закричала Тонечка, поднявъ

изуродованное злобой лицо,—всѣ вы...—она бросила скверное ругательство — всѣхъ васъ терпѣть не могу... Уйдите изъ моей комнаты!..

И, не обращая вниманія, злобно всхлипывая, стала притирать передъ зеркаломъ растекшіяся отъ слезъ по щекамъ румяна.

Марья Васильевна постояла, глядя круглыми глазами, потомъ повернулась.

— Надо выгнать!—подумала она, успокаиваясь, и пошла къ себѣ.

А. Серафимовичъ.

---

* * *

Въ старомъ домѣ выцвѣли карнизы,
Сѣрый свѣтъ скользитъ по пыльнымъ заламъ,
На террасѣ старая маркиза
Задремала въ креслѣ полиняломъ.
За ночь скрипы стараго паркета
Истомили страхомъ и тоскою,
Въ кружевныхъ узорахъ менуэта
Плыли тѣни, тѣни подъ луною.
И пока въ туманѣ блѣдно-сизомъ
Звѣзды ночи влажной угасали,
Какъ ребенокъ, плакала маркиза,
Содрогаясь въ страхѣ и печали.
А подъ утро встала черезъ силу,
Заглянула въ пыльное оконце
И съ трудомъ изъ комнаты унылой
Потихоньку выползла на солнце.

Борьба за физическое міровоззрѣніе.

(Очерки современнаго атомизма).

I.

Года три назадъ на страницахъ нѣмецкихъ философскихъ журналовъ происходилъ оживленный обмѣнъ мнѣній въ связи съ загорѣвшейся между М. Планкомъ и Э. Махомъ полемикой. Вызвана была эта полемика рѣчью Планка „Единство физической картины міра“, или, вѣрнѣе, концомъ этой рѣчи, содержавшимъ довольно рѣзкую характеристику ученія Маха. Отмѣтивъ заслуги этого ученія, какъ полезной реакціи противъ стремленія предыдущаго поколѣнія ученыхъ растворить всю физику въ механикѣ атомовъ, Планкъ однако призналъ значеніе маховской системы чисто формальнымъ, совершенно не затрагивающимъ существа естествознанія. Маховскій позитивизмъ, проведенный вполнѣ послѣдовательно, разумѣется, совершенно свободенъ отъ внутреннихъ противорѣчій, но онъ безплоденъ. И, какъ бы желая еще рѣзче подчеркнуть это безплодіе теоріи Маха, знаменитый физикъ закончилъ свою рѣчь изреченіемъ, которое, по его словамъ, „уже болѣе девятнадцати вѣковъ служитъ послѣднимъ и самымъ надежнымъ признакомъ, отличающимъ ложныхъ пророковъ отъ истинныхъ: *по дѣламъ* ихъ судите ихъ!“

Рѣчь эта, и особенно ея заключительныя слова, сильно задѣла великаго австрійскаго мыслителя, который отвѣтилъ на нее статьей въ журналѣ Scientia: „Основныя идеи моей естественно-научной теоріи познанія и отношенія къ ней моихъ современниковъ“ [1]). Изложивъ здѣсь вкратцѣ свои взгляды и исторію зарожденія ихъ, Махъ замѣчаетъ, что его біологически-экономическое воззрѣніе на процессъ познанія можетъ находиться въ мирныхъ и даже дружескихъ отношеніяхъ съ общепринятой въ настоящее время физикой. Единственное, извѣстное ему, существенное различіе между ними, это вѣра въ реальность атомовъ, за отсутствіе которой Планкъ и нападаетъ на него. Объявленіе же его со стороны Планка лжепророкомъ показываетъ, что физики

---

[1]) Русскій переводъ см. „Новыя идеи въ философіи“, № 2.

находятся на пути къ образованію церкви, пріемы которой они уже заранѣе усвоиваютъ. Касаясь далѣе мнѣнія Планка о заслугахъ маховскаго позитивизма, какъ реакціи на неудачу атомистическихъ умозрѣній, авторъ „Механики" находитъ его неправильнымъ. Еслибы кинетическая гипотеза даже и „объясняла" (кавычки Маха) *всѣ* физическія явленія, то этимъ еще не было бы исчерпано все многообразіе міра: „Въ томъ-то и дѣло, что для меня *матерія, время* и *пространство* суть также еще *проблемы*, къ рѣшенію которыхъ физики (Лоренцъ, Эйнштейнъ, Минковскій) постепенно приближаются все больше и больше. Да и къ тому же физика--это не весь міръ; не слѣдуетъ забывать и біологіи, которая также играетъ существенную роль въ картинѣ міра" (с. 142).

Эта статья вызвала, въ свою очередь, отвѣтъ со стороны Планка: „Теорія физическаго познанія Э. Маха" (см. „Новыя идеи въ философіи", № 2). Указавъ сперва на многозначность термина „экономія" у Маха, на различные пробѣлы и ошибки въ его книгѣ о теплотѣ, Планкъ заканчиваетъ свою статью опять-таки указаніемъ на формальный и безплодный характеръ принципа экономіи. „Физикъ, говоритъ онъ, стоящій на стражѣ интересовъ своей науки, долженъ быть реалистомъ, а не экономомъ, т. е., изучая смѣну явленій, онъ долженъ руководствоваться одной цѣлью: отыскать въ нихъ все вѣчное, непреходящее, независимое отъ человѣческихъ воспріятій. Экономія мышленія является для него при этомъ лишь средствомъ, но не можетъ служить конечной цѣлью. Такъ было всегда, и такъ будетъ, вопреки Эрнсту Маху и его мнимой антиметафизикѣ" (с. 157).

Я остановился на этомъ частномъ эпизодѣ происходящей теперь борьбы за физическое міровоззрѣніе, потому что онъ любопытенъ въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, по именамъ борцовъ: съ одной стороны, величайшій нѣмецкій физикъ нашего времени, одинъ изъ признанныхъ вождей современной науки, творецъ теоріи квантъ и т. п., а, съ другой, крупнѣйшій теоретикъ такъ называемаго феноменологическаго—отказывающагося отъ объясненія явленій и довольствующагося всестороннимъ описаніемъ ихъ — естествознанія. Но полемика Планка—Маха интересна, кромѣ того, и по своему символическому, симптоматическому значенію, показывая на происшедшій за послѣднее время въ умонастроеніи физиковъ переломъ. Вѣдь Планкъ, какъ онъ самъ разсказываетъ о себѣ во второй изъ цитированныхъ мною статей, былъ втеченіе ряда лѣтъ сторонникомъ философіи Маха, оказавшей на его физическое мышленіе сильное вліяніе. Да не вполнѣ отъ этого вліянія онъ освободился, собственно, и теперь. Но изъ поклонника этой философіи онъ сталъ ея противникомъ. Принципъ экономіи мышленія, феноменологическій принципъ описанія—убѣдился онъ— безплоденъ и по существу не свободенъ отъ метафизическихъ

примѣсей. Физическая картина міра, считаетъ онъ теперь необходимымъ доказывать, не болѣе или менѣе произвольное созданіе человѣческаго ума, а отраженіе реальныхъ и совершенно отъ насъ независимыхъ процессовъ природы; атомы такъ же дѣйствительны, какъ и небесныя тѣла или окружающіе насъ земные предметы. Эта перемѣна въ философско-физическихъ воззрѣніяхъ Планка—происшедшая у него лично сравнительно давно—не есть какое-то стоящее особнякомъ явленіе. Она ярко отражаетъ совершающуюся на нашихъ глазахъ смѣну во взглядахъ физиковъ, покидающихъ номиналистическія концепціи и возвращающихся сызнова къ прежнему, реалистическому, пониманію физическихъ теорій. Еще сравнительно недавно номиналистическая философія физики, какъ она выразилась въ работахъ Маха, Герца, Кирхгофера, Оствальда, Гельма, Пуанкарэ, Дюгема, Пирсона, Столло, Де-Геена и пр., если и не раздѣлялась всѣми физиками, то пользовалась особеннымъ авторитетомъ. Въ абсолютной истинѣ механическаго міровоззрѣнія извѣрились даже наиболѣе горячіе приверженцы его. Лордъ Кельвинъ, авторъ столь часто цитируемаго изреченія, что понять какое-нибудь физическое явленіе значитъ умѣть построить механическую модель его, подъ конецъ своей исключительной научной карьеры разочаровался во всемогуществѣ механистическихъ объясненій. Еще характернѣе была позиція Л. Больцманна, одного изъ основоположниковъ современной кинетической теоріи газовъ, сдѣлавшаго больше, чѣмъ кто-либо другой, для механическаго объясненія второго начала термодинамики. Больцманнъ неоднократно—и въ отдѣльныхъ статьяхъ, и въ своихъ крупныхъ классическихъ работахъ—возвращался къ вопросу о реалистическомъ и номиналистическомъ пониманіи физическихъ теорій и, въ частности къ вопросу о „неизбѣжности атомистики“, какъ озаглавлена одна изъ его статей. Никто не сомнѣвается, разсуждаетъ онъ, напримѣръ, въ своихъ лекціяхъ о принципахъ механики [1]), что наши мысли суть простые образы (или, вѣрнѣе, знаки) объектовъ. Въ лучшемъ случаѣ онѣ имѣютъ нѣкоторое родство съ ними, но никогда не могутъ покрыть ихъ, и относятся къ нимъ, какъ буквы къ звукамъ или ноты къ музыкальнымъ тонамъ. Изслѣдователь можетъ поступать двояко. Во-первыхъ, онъ можетъ сдѣлать образы болѣе общими. Въ этомъ случаѣ меньше риска, что они окажутся впослѣдствіи ложными; но, благодаря своей общности, они болѣе неопредѣленны и туманны, они многозначны. Но изслѣдователь можетъ, наоборотъ, специализировать образы. Это вноситъ въ нихъ больше произвольныхъ и гипотетическихъ элементовъ; но за то образы ясны и отчетливы, и изъ нихъ можно однозначнымъ способомъ извлечь всѣ слѣдствія. Самъ Больцманнъ сторонникъ второго метода. Прямое, лишенное гипотезъ, описаніе явленій, на

---

[1]) L. Boltzmann. Vorlesungen über die Prinzipe der Mechanik, I Th. 1897

которомъ настаиваютъ феноменологи, неосуществимо. Рекомендуемый Махомъ методъ описанія явленій съ помощью дифференціальныхъ уравненій—причемъ отказываются отъ какихъ бы то ни было предположеній о строеніи матеріи—по существу не отличается отъ атомистики, ибо онъ заключается въ установленіи соотвѣтствія между эмпирическими явленіями и лежащимъ внѣ нихъ и чуждымъ имъ числовымъ рядомъ. Конечно, изъ столь часто оправдывавшейся на фактахъ примѣнимости атомистики не слѣдуетъ заключать, что ея образы будутъ всегда пригодны. Тамъ, гдѣ для нихъ не найдется непринужденно мѣста, тамъ надо привлечь другіе образы. Не слѣдуетъ дѣлать атомистику отвѣтственной за всѣ тѣ фантазіи и выдумки, которыя сочиняли во имя ея разныя непризванныя лица. Кто знаетъ, не представитъ ли и энергетика (не забудемъ, что это писалось въ разгаръ предпринятаго Оствальдомъ похода энергетики противъ „научнаго матеріализма") подобныхъ уродливыхъ искаженій, когда она достигнетъ возраста атомистики? Во всякомъ случаѣ, прежде, чѣмъ безповоротно осудить атомистику, пусть противники ея попытаются построить какой-нибудь другой, „свободный отъ гипотезъ—энергетическій или чисто феноменологическій—образъ міра, но построить не просто такъ, чтобъ намѣтить нѣсколькими неопредѣленными намеками возможность его, но чтобы развить его отъ начала и до конца съ той же ясностью, съ какой въ дальнѣйшемъ будетъ изложенъ механическій образъ. Hic Rhodus, hic salta!" (с. 5). Какъ мы видимъ, здѣсь передъ нами выраженное въ нѣсколько иной формѣ планковское: „по дѣламъ ихъ судите ихъ". Впрочемъ, между взглядами обоихъ физиковъ есть и немаловажное различіе: Больцманнъ, выступая на защиту атомистики, видѣлъ въ ней исключительную по своему значенію рабочую гипотезу, а не отображеніе реальности, какъ это полагаетъ Планкъ.

Еще интереснѣе для характеристики смѣны направленій въ философіи физики соображенія, развитыя Больцманномъ въ докладѣ „О развитіи методовъ теоретической физики въ новѣйшее время" [1]), прочитанномъ имъ на собраніи математиковъ въ Мюнхенѣ въ 1899 г. Больцманнъ начинаетъ здѣсь съ описанія картины классической теоретической физики, какой онъ ее засталъ въ началѣ своей научной дѣятельности. Съ тѣхъ поръ произошла огромная перемѣна и Больцманнъ, можетъ быть, единственный, борющійся въ мѣру силъ за старое, за то хорошее, что въ немъ есть, для того, чтобы не пришлось—какъ это нерѣдко бываетъ въ наукѣ—когда-нибудь вторично открывать его. „Я являюсь передъ вами, говорилъ Больцманнъ, какъ реакціонеръ, какъ ретроградъ, ратующій противъ новаго за старое, классическое; но все же, думается, я не настолько ограниченъ и слѣпъ, чтобы не видѣть

[1]) „Jahresberichte der deutsch. Mathem.—Vereinigung" за 1900 г.

извѣстныхъ преимуществъ и новаго“. Атомистическая теорія въ физикѣ послѣ ряда блестящихъ успѣховъ истощилась. Ея мѣсто заняла общая энергетика. Какъ реакція противъ крайностей классической теоріи, когда чуть ли не первый встрѣчный считалъ себя призваннымъ придумать какую-нибудь комбинацію изъ атомовъ, вихрей и ихъ соединеній, она была вполнѣ правомѣрна. Но сецессіонисты — какъ назвалъ энергетиковъ типа Оствальда Больцманнъ — часто довольствуются поверхностными, формальными аналогіями и отбрасываютъ многое хорошее, даже необходимое, что есть въ старомъ. Феноменологи—умѣренные сецессіонисты. Ихъ ученіе—реакція противъ реалистическаго пониманія молекулярной гипотезы. Но они заблуждаются, думая, будто феноменологія не выходитъ за факты. Всякое уравненіе есть идеализація процессовъ природы и, слѣдовательно, выхожденіе за факты. Феноменологія тоже не обходится безъ образовъ; числа, ихъ отношенія, группировка—это образы процессовъ, какъ и геометрическія представленія механики. Первые трезвѣе, но они имѣютъ меньшее эвристическое значеніе. И энергетики, и феноменологи требуютъ уничтоженія атомистики: первые утверждаютъ, что она вообще была вредна, вторые, что, если она и была когда-нибудь полезна, то теперь, когда съ ея помощью найдены математическія уравненія, она лишняя. И тѣ, и другіе указываютъ также, что взгляды, высоко цѣнившіеся въ извѣстную эпоху, въ короткій срокъ вытѣсняются другими взглядами. Но въ такомъ случаѣ и побѣда энергетики и феноменологіи не можетъ быть окончательной.

Такъ молилъ о снисхожденіи къ атомистикѣ великій ученый, пугая противниковъ измѣнчивостью счастья. Эта перемѣна наступила несравненно скорѣе, чѣмъ это онъ представлялъ себѣ. Больцманнъ дожилъ еще до того, чтобы присутствовать при первыхъ успѣхахъ электронной теоріи, построенной на признаніи существованія нѣкотораго недѣлимаго атома электричества (см. объ этомъ 2 изд. 2 тома его „Механики“, с. 138). Но преждевременная трагическая кончина лишила его возможности увидѣть полное—ни съ чѣмъ прежнимъ несравнимое—торжество атомизма, при которомъ въ роли „реакціонеровъ“ и „ретроградовъ“ оказались сторонники феноменологіи.

И въ рядахъ послѣднихъ нѣтъ ужь прежняго единодушія. Правда, Махъ, какъ мы видѣли, остался на своей прежней позиціи. Еще увѣреннѣе утвержденія Пирсона, который въ предисловіи къ третьему изданію своей „Грамматики науки“ (1912 г.) говоритъ, что теперь кажется почти безполезнымъ переиздавать книгу, согласно которой объективная сила и матерія не имѣютъ ничего общаго съ наукой, а атомъ и эѳиръ суть простыя логическія понятія, полезныя для описанія картины нашихъ воспріятій. Но совсѣмъ иначе звучитъ теперь голосъ Оствальда, который въ своей послѣдней книгѣ „Die Philosophie der Werte“ (1913 г.) прямо признаетъ уже

реальность атомовъ. „Путемъ ряда независимыхъ другъ отъ друга опытныхъ изслѣдованій, пишетъ онъ здѣсь, былъ установленъ тотъ фактъ, что, дѣйствительно, такъ называемая матерія имѣетъ *зернистое строеніе*“ (с. 140). „Такъ называемая“ матерія—это отголосокъ бывшихъ воззрѣній Оствальда, нисколько не скрывающаго своей капитуляціи передъ атомами, которые, какъ онъ выразился въ одной изъ своихъ воскресныхъ „монистическихъ проповѣдей“, снова воскресли и стали вполнѣ достовѣрнымъ достояніемъ науки, между тѣмъ какъ еще совсѣмъ недавно они представляли нѣчто совершенно противоположное [1]). Почти такъ же категорически высказывается и Пуанкарэ. „Спору нѣтъ, мы видимъ атомы“, пишетъ онъ по поводу опытовъ надъ брауновымъ движеніемъ и радіактивными веществами въ статьѣ „О новыхъ взглядахъ на матерію“ (см. сборникъ „Le materialisme actuel“) . „Атомъ химика сталъ теперь реальностью“, говоритъ онъ въ заключительной статьѣ цѣннаго научнаго сборника „Les idées modernes sur la constitution de la matière“.

Реальность атомовъ становится такимъ образомъ какъ бы своего рода аксіомой физики. Правда, и теперь раздаются—даже среди сторонниковъ атомизма—отдѣльные голоса, предостерегающіе противъ чрезмѣрнаго увлеченія, но голоса эти тонутъ въ общемъ хорѣ торжествующихъ атомистовъ. Торжество это тѣмъ полнѣе, что современная физика приходитъ къ выводу не только о прерывистомъ строеніи вѣсомой матеріи, но и о такой же структурѣ электричества (ученіе объ электронахъ), магнетизма (ученіе о магнетонахъ), излученія (теорія квантъ) и т. д. Прерывное вводится во всѣ физическіе процессы. Міръ, согласно новымъ воззрѣніямъ, долженъ измѣняться не незамѣтными, непрерывными переходами, а какъ бы скачками. Изслѣдователей не пугаетъ мысль даже время разложить на особые недѣлимые элементы, своего рода атомы времени.

Чтобы понять эту своеобразную—представляющуюся, какъ это всегда бываетъ въ исторіи науки, инымъ окончательной—оріентацію физической мысли, надо было бы изложить всю поучительную и исключительную по своимъ результатамъ эволюцію физики за послѣдніе 15—20 лѣтъ, ибо съ самыхъ разнообразныхъ концовъ научнаго горизонта—изъ области электролиза, іонизаціи газовъ, изъ области радіоктивныхъ явленій, браунова движенія, явленій излученія и т. д., и т. д.—часто совершенно независимо другъ отъ друга, исходили импульсы, всѣ какъ бы устремленные въ одну точку. Въ журнальной статьѣ сдѣлать это невозможно. Мнѣ придется поэтому удовольствоваться одной или двумя главами изъ этой новѣйшей исторіи физики, которыя покажутъ, въ силу какихъ мотивовъ изслѣдователи все больше и больше склоняются въ сто-

---

[1]) Цитируется у Study, „Die realistische Weltansicht u. die Lehre vom Raume“, 1914.

рону атомистическихъ воззрѣній. Но для лучшаго пониманія современныхъ ученій придется напомнить, хотя бы въ общихъ чертахъ, предшествующую исторію научной атомистики.

II.

Всѣмъ извѣстны изъ элементарной физики или же изъ фактовъ повседневной жизни тѣ многочисленныя явленія, которыя съ принудительной силой побуждаютъ высказать предположеніе о прерывномъ строеніи видимаго вещества, о существованіи предѣльныхъ мельчайшихъ частицъ, дающихъ въ своемъ соединеніи тѣла окружающаго насъ міра. Возьмемъ стаканъ воды и бросимъ туда кусокъ сахару. Черезъ нѣкоторое время — довольно короткое, если вода горяча, и гораздо болѣе продолжительное, если она холодна— сахаръ исчезнетъ, растаетъ, вода же станетъ сладкой, какъ бы подсказывая этимъ мысль о присутствіи въ каждомъ, даже мельчайшемъ объемѣ ея нѣкоторой частицы сахара. Въ другихъ случаяхъ исчезнувшія первоначальныя вещества даютъ себя знать въ смѣси по цвѣту или запаху. О существованіи мельчайшихъ невидимыхъ частицъ говоритъ и рядъ другихъ фактовъ, которыми пользовались еще древніе атомисты для доказательства своего ученія. Такъ, напримѣръ, Лукрецій указываетъ на незамѣтное для глаза высыханіе мокраго бѣлья на солнцѣ, на утонченіе съ годами перстней, носимыхъ на рукѣ, на похудѣніе рукъ металлическихъ изображеній боговъ у городскихъ воротъ отъ прикосновеній къ нимъ набожныхъ путниковъ и т. д. („О природѣ вещей“, кн. I, стр. 301 и слѣд.). Если принять наличность такихъ невидимыхъ частицъ, то простое разсужденіе доказываетъ, что есть нѣкоторый предѣлъ, за которымъ прекращается дѣлимость веществъ. Дѣйствительно, разсуждаетъ Лукрецій, будь возможна безпредѣльная дѣлимость матеріи, то въ концѣ концовъ все свелось бы къ ничему. Путемъ такой же несложной дедукціи онъ доказываетъ и необходимость допущенія, что послѣднія частицы тверды. Такимъ образомъ рядъ взятыхъ изъ окружающей жизни фактовъ и незамысловатый рядъ силлогизмовъ, приводящій къ убѣжденію въ недѣлимости и твердости атомовъ,—вотъ та основа, на которой строилась атомистическая теорія древнихъ, довольно стройно объяснявшая—на тогдашній, конечно, масштабъ—совокупность извѣстныхъ греко-римскому міру явленій.

Когда въ началѣ 19 вѣка въ науку была введена атомистическая гипотеза, то основа ея стала несравненно шире и самый способъ ея трактованія принялъ другой характеръ. На мѣсто немногихъ элементарныхъ—хотя и принудительныхъ въ своей элементарности—фактовъ, которыми пользовались Эпикуръ и Лукрецій, стали безчисленныя своеобразныя явленія лабораторной техники, сила которыхъ не въ убѣдительности и наглядности каждаго

факта въ отдѣльности, а въ совокупномъ дѣйствіи огромной массы координируемыхъ одной гипотезой явленій. Кромѣ того, въ согласіи съ общимъ духомъ современнаго научнаго изслѣдованія, чисто качественное объясненіе явленія, довольствующееся грубой приблизительной схемой, было замѣнено строго количественнымъ истолкованіемъ, гдѣ имѣетъ свое значеніе всякій десятичный знакъ.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ пришлось измѣнить и самыя черты атомистическаго ученія. У Лукреція атомы—это твердыя недѣлимыя частицы недифференцированной матеріи; они различной формы—круглые, крючковатые, шероховатые, гладкіе и т. п.—и находятся въ состояніи непрерывнаго движенія, причемъ они способны, подъ вліяніемъ какихъ-то внутреннихъ, исходящихъ изъ нихъ самихъ, импульсовъ, измѣнять самопроизвольно направленіе своего движенія. Эта самопроизвольность теперь отнята у послѣднихъ частицъ веществъ, подчиненныхъ неизмѣннымъ законамъ механики и, въ частности, закону инерціи. Частицы далѣе различны для разныхъ видовъ вещества, для разныхъ химическихъ элементовъ. Но за то онѣ не представляютъ той пестрой формы, которую рисовало себѣ воображеніе древнихъ атомистовъ: для удобства и простоты выкладокъ имъ приписывается какая-нибудь простая—чаще всего шарообразная геометрическая фигура (хотя для объясненія нѣкоторыхъ особенныхъ свойствъ веществъ физикамъ и химикамъ приходится часто отказываться отъ такихъ простыхъ схемъ).

Творцомъ современной атомистики является Дальтонъ, увидѣвшій въ ученіи Демокрита ключъ для объясненія особенностей вѣсовыхъ отношеній химическихъ соединеній, именно для объясненія двухъ основныхъ химическихъ законовъ: закона опредѣленныхъ отношеній (закона Пру) и закона кратныхъ отношеній (закона Дальтона). Согласно закону Пру, простыя вещества (элементы), изъ соединенія которыхъ получается нѣкоторое сложное вещество, соединяются для этого между собой въ одномъ опредѣленномъ, неизмѣнномъ отношеніи. Такъ, напримѣръ, вода получается всегда изъ соединенія восьми вѣсовыхъ частей кислорода и одной части водорода. Кислородъ можетъ соединиться съ водородомъ и въ другой пропорціи, давая такимъ образомъ новое сложное вещество, но эта вторая пропорція отдѣлена отъ первой какъ бы пропастью. Словомъ, элементы способны соединяться между собой не въ какихъ угодно произвольныхъ отношеніяхъ, а въ сравнительно немногихъ, рѣзко отграниченныхъ другъ отъ друга. Отъ одного соединенія какой-нибудь пары элементовъ до другого соединенія ихъ имѣется какъ бы скачокъ, перерывъ. Въ этой прерывности есть однако своя, открытая Дальтономъ, закономѣрность, именно: если два какихъ-нибудь элемента A и B даютъ между собой рядъ соединеній, то массы элемента B, соединяющіяся съ одной и той же массой элемента A, находятся между собой въ простыхъ числовыхъ отношеніяхъ, какъ 1:2, 1:3, 2:3 и т. д.

Если предположить, какъ это сдѣлалъ Дальтонъ, что простыя вещества состоятъ изъ тожественныхъ недѣлимыхъ частицъ, способныхъ соединяться между собой опредѣленными небольшими группами—т. е. такъ, напримѣръ, что одна частица углерода способна соединиться съ одной, или двумя, или тремя и т. д. частицами водорода и пр.,—то отсюда сразу получаются законы Дальтона и Пру. Нетрудно видѣть, что гипотеза Дальтона давала только видимость объясненія, ибо она приписывала гипотетическимъ частицамъ тѣ самыя свойства (способность соединяться въ опредѣленныхъ, простыхъ отношеніяхъ), для объясненія которыхъ у доступныхъ непосредственному наблюденію веществъ она и была придумана. Но, отличаясь большой наглядностью, она дала возможность, въ особенности благодаря введенному Берцеліусомъ удобному способу химическихъ обозначеній, классифицировать огромную массу соединеній.

Въ первоначальной исторіи химической атомистики большую роль, наряду съ законами Пру и Дальтона, сыгралъ и законъ Гей-Люссака, согласно которому объемы газовъ въ химическомъ соединеніи находятся между собою въ простыхъ отношеніяхъ. Такъ, напримѣръ, при образованіи воды изъ кислорода и водорода соотственныя массы водорода, кислорода и получающагося изъ нихъ водяного пара—отнесенныя къ однимъ и тѣмъ же температурѣ и давленію—имѣютъ объемы, которые относятся между собой, какъ 2, 1 и 2. Законъ этотъ Гей-Люссакъ пытался объяснить тѣмъ, что у всѣхъ тѣлъ въ газообразномъ состояніи находится въ равныхъ объемахъ (при условіи одинаковой температуры и давленія) равное число частицъ. На это Дальтонъ возражалъ, что, напримѣръ, въ окиси азота NO изъ одного объема азота и одного объема кислорода получается не одинъ объемъ окиси, какъ бы слѣдовало согласно гипотезѣ Гей-Люссака, а два. Затрудненіе это было устранено въ слѣдующемъ (1811) году итальянскимъ ученымъ Авогадро, который первый провелъ различіе между недѣлимыми физически, но дѣлимыми химически частицами, *молекулами* (molécules integrantes по Авогадро), и недѣлимыми уже и химически частицами, *атомами* (molécules élémentaires Авогадро). Если предположить, напримѣръ, что молекулы кислорода и азота состоятъ каждая изъ двухъ атомовъ, то выдвинутое Дальтономъ возраженіе падаетъ. Но гипотеза Авогадро (которую черезъ три года выставилъ независимо отъ него и французскій физикъ Амперъ) осталась незамѣченной химиками до 40-хъ годовъ прошлаго столѣтія, когда она была извлечена изъ забвенія Жераромъ, сдѣлавшимъ изъ нея краеугольный камень химической науки [1]).

[1]) Вопросъ о числѣ молекулъ, содержащихся въ какомъ-нибудь опредѣленномъ объемѣ веществъ, играетъ большую роль въ различныхъ теорети-

Надо замѣтить, что до середины прошлаго столѣтія—и даже нѣсколько позже—многіе выдающіеся изслѣдователи, какъ Волластонъ, Дэви, Либихъ, Фарадей и др., смотрѣли на атомистическое ученіе просто какъ на рабочую гипотезу, видѣли въ ней весьма удобный для классификаціи химическихъ явленій символизмъ, а вовсе не истинную картину дѣйствительности [1]). Но съ 50-хъ годовъ въ этомъ отношеніи намѣчается крупная перемѣна подъ вліяніемъ, съ одной стороны, структурныхъ теорій въ химіи, а, съ другой, необыкновенно развившейся кинетической теоріи газовъ. Въ структурныхъ формулахъ уже не довольствовались, какъ прежде, установленіемъ голаго вѣсового отношенія элементовъ между собой, а пытались дать нѣкоторый геометрическій образъ взаимнаго расположенія атомовъ въ молекулѣ. Благодаря этому удалось систематизировать необозримую массу матеріала, главнымъ образомъ въ органической химіи (располагающей уже 200.000 формулъ строенія), и удовлетворительно объяснить явленіе изомеріи (изомеро—это тѣла, обладающія одинаковымъ вѣсовымъ химическимъ составомъ, но отличающіяся другъ отъ друга различными свойствами). Особенное значеніе для торжества атомистики имѣло данное Вант-Гоффомъ (въ 1877 г.) объясненіе случаевъ изомеріи, не поддававшихся прежнимъ теоріямъ, и, въ частности, оптической асимметріи, открытой еще въ 1848 г. Пастеромъ. Асимметрія эта заключается въ томъ, что существуютъ тѣла (напримѣръ, виноградная кислота), одинаковаго химическаго состава и одинаковыхъ свойствъ, но дѣйствующія различно на свѣтовой лучъ (вращающія плоскости поляризаціи одни вправо другія—влѣво) и отличающіяся другъ отъ друга, примѣрно, такъ, какъ правая перчатка отъ лѣвой или винтъ съ нарѣзкой направо отъ винта съ нарѣзкой налѣво. Для объясненія этихъ явленій Вант-Гоффъ ввелъ модель частицы, расположенной уже не въ плоскости, какъ это представляли себѣ прежде, а въ пространствѣ и положилъ этимъ начало новой вѣтви химической науки—стереохиміи (химіи въ пространствѣ). Впослѣдствіи были открыты факты, не подходящіе подъ схему Вант-Гоффа, но въ цѣломъ его концепція оказалась весьма плодотворной. Вообще для химіи органическихъ соединеній атомистическая гипотеза въ томъ видѣ, какой ей придали теоріи строенія, оказывается настолько необходимой, что даже Оствальдъ въ пору своей вражды съ атомизмомъ не видѣлъ

ческихъ изслѣдованіяхъ. По предложенію французскаго физика Ж. Перрена, о работахъ котораго у насъ будетъ ниже рѣчь, называютъ постоянной Авогадро число N молекулъ, содержащихся въ двухъ граммахъ водорода (а, значитъ, и въ соотвѣтственныхъ массахъ различныхъ другихъ веществъ, такъ называемыхъ граммъ-молекулахъ ихъ). Постоянная Авогадро есть универсальная, не зависящая отъ рода вещества, величина. Новѣйшимъ попыткамъ опредѣлить ее и будутъ посвящены слѣдующія главы.

[1]) См. объ этомъ I. Merz, „A History of European Thaught in the 19 Century", т. I, с. 417 и сл.

пока возможности выразить наблюдаемыя здѣсь отношенія безъ помощи этой гипотезы (см. его „Эволюція основныхъ проблемъ химіи", с. 114).

Но, какъ ни важны были для развитія атомистической теоріи структурныя представленія химіи, гораздо большее значеніе для этого имѣла кинетическая теорія газовъ. И вообще—въ отличіе отъ первой половины 19 вѣка — успѣхи атомизма въ новѣйшее время тѣсно связаны съ физическими изслѣдованіями.

Основные контуры кинетической теоріи газовъ были намѣчены еще въ 1738 г. Д. Бернулли, объяснившимъ съ помощью ея законъ Бойля-Маріотта (согласно которому объемъ, занимаемый газомъ,—при неизмѣнной температурѣ—обратно пропорціоналенъ давленію). Но идеи Бернулли остались неиспользованными втеченіе болѣе столѣтія. Въ стройное ученіе, оказавшее вліяніе на весь дальнѣйшій ходъ физики, кинетическая теорія разростается лишь съ 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія подъ соединенными усиліями такихъ выдающихся изслѣдователей, какъ Крёнигъ, Клаузіусъ, Максвелль, Больцманнъ, Стефанъ и др. Развитіе ея при этомъ было тѣсно связано съ обозначившимся въ 40-хъ и 50-хъ годахъ переворотомъ во взглядахъ на теплоту, когда творцами закона сохраненія энергіи (Майеромъ, Гельмгольцемъ, Джоулемъ) былъ установленъ фактъ эквивалентности между теплотой и механической работой. При этомъ, если Р. Майеръ довольствовался „феноменологической" характеристикой теплоты, какъ особаго вида энергіи, который способенъ превращаться въ другіе виды энергіи и въ который способны превращаться эти послѣдніе, и не доискивался до скрытой сущности теплоты, то другіе изслѣдователи, тяготѣвшіе къ механистическимъ концепціямъ, стали разсматривать теплоту какъ особый родъ движенія мельчайшихъ частицъ вещества. Теорію эту было особенно удобно примѣнить къ газамъ, свойства которыхъ подчиняются гораздо болѣе простымъ и обозримымъ закономѣрностямъ, чѣмъ свойства жидкихъ и особенно твердыхъ тѣлъ. И, дѣйствительно, Клаузіусу, Максвеллю и др. удалось, исходя изъ ряда допущеній на счетъ механическихъ свойствъ гипотетическихъ частицъ, изъ которыхъ составлены газы, объяснить цѣлый рядъ явленій, наблюдаемыхъ у нихъ. Согласно кинетической теоріи газовъ, эти послѣдніе состоятъ изъ огромной массы тожественныхъ между собой частицъ, движущихся безпорядочнымъ образомъ по всѣмъ направленіямъ, прямолинейно, съ большой, зависящей только отъ плотности газа и его температуры, скоростью. Прямолинейное движеніе частицъ измѣняется только при ихъ сталкновеніи съ какой-нибудь преградой, какъ стѣнка заключающаго газъ сосуда или какая-нибудь другая частица. При столкновеніи измѣненіе направленія и величины движенія происходитъ согласно законамъ удара упругихъ тѣлъ. Характерное для

газовъ стремленіе занять предоставленное имъ пустое пространство объясняется, съ этой точки зрѣнія, присущимъ имъ поступательнымъ движеніемъ, а давленіе, которое они оказываютъ на стѣнки содержащаго ихъ сусуда, непрерывной молекулярной „бомбардировкой" стѣнокъ. Величина этого давленія—выражаемая закономъ Бойля-Маріотта—выводится путемъ чисто математическихъ разсужденій изъ основныхъ посылокъ. Если предположить далѣе, что абсолютная температура газа (температура, отсчитываемая отъ —273°) соотвѣтствуетъ энергіи поступательнаго движенія его частицъ, то получится второй законъ Гей-Люссака объ одинаковомъ тепловомъ расширеніи всѣхъ газовъ. Аналогичнымъ путемъ выводится цѣлый рядъ другихъ законовъ и формулъ, относящихся къ явленіямъ теплопроводности, внутренняго тренія, диффузіи и т. д. газовъ. Исходя изъ этихъ формулъ и пользуясь числовыми данными опыта, можно было попытаться опредѣлить приблизительно размѣры частицъ, ихъ скорость, постоянную Авогадро и т. п. Постоянная Авогадро, на основаніи этихъ выкладокъ, равна въ круглыхъ цифрахъ 6.200 милльярдамъ трилліоновъ ($N=62.10^{22}$), причемъ, въ виду ряда допущенныхъ при вычисленіи упрощеній, отклоненія отъ этой величины въ обѣ стороны могутъ достигать 30%.

Надо при этомъ указать на одно обстоятельство, имѣвшее огромное значеніе при выработкѣ кинетическихъ теорій и наложившее въ дальнѣйшемъ свою печать на все современное физическое міровоззрѣніе. Любая, доступная нашимъ чувствамъ, масса газа содержитъ милліоны милльярдовъ молекулъ. Ясно, что физикъ не можетъ прослѣдить судьбы одной какой-нибудь частицы, подобно тому, какъ это дѣлаетъ, напримѣръ, астрономъ, вычисляющій орбиту извѣстной планеты. Единичное изслѣдованіе здѣсь роковымъ образомъ замѣняется изслѣдованіемъ массовымъ, *статистическимъ*, опирающимся на законы теоріи вѣроятностей и дающимъ средніе выводы, тѣмъ болѣе строгіе, чѣмъ больше число индивидовъ, входящихъ въ статистическій итогъ. Первый образчикъ такого изслѣдованія далъ Максвелль своимъ знаменитымъ закономъ распредѣленія скоростей молекулъ газа. Крёнигъ и Клаузіусъ въ своихъ первыхъ работахъ исходили изъ допущенія, что всѣ молекулы движутся съ нѣкоторой одинаковой скоростью. Въ дѣйствительности это невозможно, ибо, еслибы даже въ нѣкоторый начальный моментъ всѣ частицы и двигались такъ, то въ дальнѣйшемъ, подъ вліяніемъ безчисленныхъ столкновеній молекулъ между собой, произошло бы—какъ показываетъ механика—полное измѣненіе этихъ скоростей. Максвелль нашелъ математическое выраженіе для наиболѣе вѣроятнаго распредѣленія скоростей при стаціонарномъ состояніи газа. Приводить эту формулу здѣсь не имѣетъ смысла, но распредѣленіе скоростей, согласно съ ней, будетъ примѣрно такое, какъ распредѣленіе ре-

рутовъ по росту: больше всего будетъ молекулъ съ нѣкоторой средней скоростью; по мѣрѣ удаленія отъ этой средней скорости число молекулъ по обѣ стороны будетъ убывать, такъ что частицъ съ минимальной и максимальной скоростями будетъ совершенно ничтожное количество.

Но несравненно большее значеніе, чѣмъ законъ Максвелля, имѣло данное Больцманномъ статистически-механическое объясненіе второго начала термодинамики (принципа Карно-Клаузіуса), составлявшаго втеченіе долгихъ лѣтъ камень преткновенія для физиковъ-механистовъ. Суть этого начала заключается въ тенденціи всякихъ видовъ энергіи къ выравниванію своихъ уровней. Такъ, напримѣръ, теплота сама по себѣ переходитъ только отъ болѣе нагрѣтаго тѣла къ холодному, а никогда наоборотъ. Можно, конечно, перевести теплоту отъ болѣе холоднаго тѣла къ теплому, но за счетъ энергіи, взятой изъ другого источника. Сама же по себѣ теплота всегда „падаетъ", какъ падаетъ внизъ, а не поднимается вверхъ, предоставленный самому себѣ камень. Электричество течетъ отъ большаго потенціала къ меньшему. И т. д. Словомъ, всѣ физико-химическіе процессы, наблюдаемые въ природѣ, обнаруживаютъ опредѣленный уклонъ, обнаруживаютъ стремленіе протекать въ одномъ опредѣленномъ направленіи, въ сторону уменьшенія разностей энергіи. Они, какъ говорится, *необратимы*. Для выраженія мѣры этой необратимости служитъ особая математическая величина, *энтропія*. Пользуясь этой величиной, можно дать второму началу строго-математическую формулировку, утверждающую, что во всякой замкнутой системѣ энтропія можетъ только выростать (иначе говоря, выростаетъ мѣра необратимости процессовъ). Второе начало получило разныя яркія, ставшія популярными выраженія, подъ названіями ученія о „тепловой смерти" вселенной (ибо полное выравненіе температуръ равносильно прекращенію жизни), о разсѣяніи или деградаціи энергіи (ибо паденіе уровня энергіи дѣлаетъ ее менѣе цѣнной для практическаго использованія) и т. д.

Но это второе начало находится въ рѣзкомъ противорѣчіи съ принципами механики. Въ отличіе отъ реальныхъ физическихъ процессовъ идеальные процессы теоретической механики обратимы. Въ нихъ нѣтъ односторонняго уклона. Предоставленная самой себѣ замкнутая механическая система—какъ бы ни было велико число составляющихъ ее тѣлъ—должна пройти, хотя и черезъ фантастически огромные промежутки времени, черезъ положенія, произвольно близкія къ ея первоначальнымъ положеніямъ. Но это совершенно противорѣчитъ второму началу, по которому нѣтъ возврата къ разъ бывшему состоянію, а есть только все большее и большее удаленіе отъ него въ сторону выравниванія уровней энергіи. Различныя, предпринимавшіяся теоретиками, попытки примирить принципъ Карно-Клаузіуса съ законами механики, оказались

несостоятельными, такъ что Пуанкарэ въ своемъ курсѣ термодинамики могъ даже выставить окончательный тезисъ: „механизмъ несовмѣстимъ съ принципомъ Карно“, т. е., что или надо отказаться отъ механистическихъ объясненій физическихъ процессовъ, или надо пожертвовать принципомъ Карно.

Выходъ изъ этого противорѣчія былъ указанъ Больцманномъ, который, исходя изъ основъ статистической механики, развилъ теорію, видящую во второмъ началѣ не абсолютно-строгій принципъ, а принципъ статистическій, итоговый. Ростъ энтропіи любой физической системы означаетъ, съ этой точки зрѣнія, переходъ разсматриваемой системы отъ положеній, менѣе вѣроятныхъ, къ положеніямъ, болѣе вѣроятнымъ. Энтропія и выражаетъ собственно мѣру вѣроятности какого-нибудь положенія. Обратимся къ примѣру. Возьмемъ два сообщающихся между собой сосуда, изъ которыхъ одинъ наполненъ какимъ-нибудь газомъ, а другой — пустой. Откроемъ кранъ въ соединяющей ихъ трубкѣ. Тогда изъ полнаго сосуда въ пустой устремятся частицы, которыя распредѣлятся такъ, что вскорѣ наступитъ состояніе равновѣсія между обоими сосудами, способное длиться неопредѣленно долго. Но равновѣсіе это не статическое, а динамическое, подвижное, основывающееся на томъ, что приблизительно одинаковое количество частицъ съ соотвѣтственно равными скоростями попадаетъ въ нѣкоторый промежутокъ времени изъ перваго сосуда во второй и обратно. Однако равновѣсіе это могло бы быть нарушено въ пользу первоначальнаго состоянія „демономъ“ Максвелля, фиктивнымъ микроскопическимъ разумнымъ существомъ, способнымъ слѣдить за полетомъ единичныхъ молекулъ и, регулируя кранъ, пропускать частицы только изъ второго сосуда въ первый, но не наоборотъ. Но это можетъ произойти и безъ вмѣшательства максвеллева демона, ибо среди всякаго рода механически допустимыхъ положеній нашей системы имѣется и такое, когда всѣ частицы изъ второго сосуда устремляются вдругъ въ первый. Это крайне, до ничтожнаго невѣроятно, но это все-таки возможно. Для осуществленія такой возможности потребны, по выкладкамъ Больцманна (см. Vorlesungen über die Theorie der Gase, т. II, с. 254), промежутки времени, по сравненію съ которыми мало число вѣковъ, изображаемое единицей съ милльярдомъ нулей послѣ нея. Такое „самопроизвольное“ оставленіе газомъ второго сосуда и собираніе его въ первомъ, вполнѣ совмѣстимое—отвлеченно говоря—съ принципами механики, противорѣчитъ, конечно, второму началу термодинамики, если понимать послѣднее въ абсолютномъ, безусловномъ смыслѣ. Но оно такъ мало вѣроятно, что практическое значеніе подобныхъ нарушеній сводится къ нулю.

Въ связи съ даннымъ Больцманномъ толкованіемъ второго начала термодинамики завязался продолжительный теоретическій

споръ, не закончившійся еще и до сихъ поръ [1]). Обнаружившіяся здѣсь трудности отчасти связаны съ самымъ существомъ понятія вѣроятности, далеко не отличающагося большой ясностью. Вдаваться въ разсмотрѣніе этихъ разногласій мы не будемъ. Для насъ важно лишь отмѣтить взглядъ Больцманна на второе начало, какъ на принципъ не абсолютно-строгій, а приблизительный, статистическій, доступный измѣненіямъ. Правда, для того, чтобы наблюдать отклоненія отъ него при обычныхъ условіяхъ, нужны сказочные періоды времени. Но то, что для макроскопическихъ— доступныхъ невооруженному глазу—явленій растягивается на безчисленные вѣка, то для явленій микроскопическихъ можетъ быть сжато на несравненно болѣе короткихъ промежуткахъ времени. И, дѣйствительно, физики наткнулись на такіе микроскопическіе процессы, которые наглядно представляли собой отступленіе отъ принципа Карно-Клаузіуса. Это явленія такъ называемаго браунова движенія, опытное изслѣдованіе которыхъ современными физиками подѣйствовало особенно сильно на противниковъ атомизма.

III.

Брауново движеніе названо такъ по имени англійскаго ботаника Р. Брауна, открывшаго его въ 1827 г. Примѣнивъ усовершенствованные незадолго до того ахроматическіе объективы, значительно увеличившіе силу микроскоповъ, онъ замѣтилъ, что подвѣшенныя въ жидкости частицы (напримѣръ, споры растеній) вмѣсто того, чтобы правильно опускаться или подниматься—въ соотвѣтствіи съ своей плотностью—находятся въ безпрерывномъ неправильномъ движеніи. Явленіе это втеченіе долгаго времени не обращало на себя вниманія физиковъ,—можетъ быть, потому, что его смѣшивали съ движеніемъ частицъ, вызываемымъ конвекціонными токами (т. е. теченіями въ жидкости, производимыми небольшими различіями въ температурѣ). Только въ 1863 г. нѣмецкій ученый Винеръ, работавшій въ эпоху полнаго расцвѣта кинетической теоріи, занялся брауновымъ движеніемъ, причину котораго онъ искалъ—въ духѣ кинетическихъ теорій—въ бомбардировкѣ подвѣшенныхъ частицъ молекулами жидкости. Но изслѣдованія Винера прошли незамѣченными, равно какъ и аналогичныя, высказанныя Рамзаемъ въ 1876 г., Дельсо и Карбоннелемъ въ 1877 г. и пр. идеи на счетъ молекулярной природы этого явленія. Только блестящія опытныя работы Гуи (1888 г.), ставшаго также на точку зрѣнія молекулярной гипотезы, сломили индифферентизмъ физиковъ и сдѣлали изъ явленій браунова движенія одну изъ интереснѣйшихъ проблемъ опытной и теоретической

[1]) См. объ этомъ въ Enzyclopädie der mathem. Wissensch, B. IV 2 II H. 6 рефератъ П. и Г. Эренфестовъ „Begriffliche Grundlagen der statist. Auffassung in der Mechanik".

физики. Въ 1905 г. Эйнштейнъ далъ стройную математическую теорію явленія, основывающуюся на кинетической гипотезѣ. А черезъ три года Ж. Перренъ произвелъ тѣ свои классическіе опыты надъ брауновымъ движеніемъ, которые многими считаются самымъ нагляднымъ и безспорнымъ доказательствомъ реальности атомовъ, ставшихъ какъ бы доступными нашимъ чувствамъ [1]).

Еще Гуи установилъ, что брауново движеніе не вызывается сотрясеніями, испытываемыми жидкостью: ночью, въ деревнѣ, оно наблюдается съ такой же отчетливостью, какъ и въ шумномъ городѣ днемъ, на столикѣ, вѣчно сотрясаемомъ проѣзжающими экипажами. Точно также не зависитъ оно и отъ конвекціонныхъ токовъ: эти послѣдніе легко распознать по движенію частицъ въ одномъ общемъ направленіи, между тѣмъ, какъ въ случаѣ браунова движенія перемѣщенія двухъ сосѣднихъ частицъ, какъ бы близко онѣ ни подходили другъ къ другу, совершенно независимы между собой. Не играетъ тутъ также никакой роли интенсивность освѣщенія поля зрѣнія микроскопа, которую Гуи уменьшалъ въ тысячу разъ, нисколько не вліяя этимъ на наблюдаемое явленіе, ни цвѣтъ источника свѣта, которымъ пользуется наблюдатель. За то явно замѣтно вліяніе температуры, съ повышеніемъ которой усиливаются движенія частицъ. Явленіе это наблюдается во всѣхъ жидкостяхъ, и оно тѣмъ энергичнѣе, чѣмъ меньше вязкость жидкостей: едва замѣтное, напримѣръ, въ глицеринѣ, оно отличается необычайной интенсивностью въ газахъ. Очень большое значеніе имѣютъ—при данной жидкости—размѣры подвѣшенныхъ въ ней крупинокъ. Движеніе, какъ указалъ еще Браунъ, тѣмъ значительнѣе, чѣмъ меньше крупинки. Природа же крупинокъ не играетъ, повидимому, никакой роли. Но особенно замѣчательно и характерно въ брауновомъ движеніи то, что оно никогда не прекращается. Въ закрытомъ препаратѣ—гдѣ нѣтъ мѣста испаренію—его можно наблюдать днями, мѣсяцами, годами. Его наблюдаютъ также въ жидкихъ включеніяхъ въ кварцѣ, гдѣ оно продолжается, слѣдовательно, тысячи лѣтъ, осуществляя такимъ образомъ идеалъ вѣчнаго движенія. Ясно, что эти микроскопическія perpetuum mobile не находятся въ противорѣчіи съ первымъ началомъ термодинамики (закономъ сохраненія энергіи), какъ не противорѣчитъ ему вѣчное движеніе планетъ вокругъ солнца и

---

[1]) Перренъ изложилъ для широкой публики результаты своихъ изслѣдованій въ четырехъ, повторяющихъ мѣстами другъ друга почти дословно, работахъ: 1) въ прочитанномъ во французскомъ физическомъ обществѣ докладѣ „Брауновское движеніе и молекулы“ (пер. по-русски въ „Новыхъ идеяхъ въ физикѣ“, № 1); 2) въ очеркѣ „Les preuves de la réalité moléculaires“ (см. собраніе докладовъ на брюссельскомъ конгрессѣ 1911 г. подъ названіемъ „La théorie du rayonnement et les quanta“); 3) въ статьѣ того же названія въ сборникѣ „Les idées modernes sur la constitution de la matière“, и 4) въ книгѣ „Les atomes“ (5 изд. 1914 г.) гл. 3—5.

т. п. Но за то брауново движеніе противорѣчитъ второму началу, такъ какъ при немъ частицы, болѣе плотныя, чѣмъ жидкость, въ которую онѣ погружены, вмѣсто того, чтобы опуститься на дно, самопроизвольно поднимаются вверхъ. Брауново движеніе такимъ образомъ опытно указываетъ на не абсолютный характеръ принципа Карно-Клаузіуса, какъ это отмѣтилъ еще Гуи,

Если принять во вниманіе всю совокупность этихъ особенностей браунова движенія, то весьма правдоподобной начинаетъ представляться мысль Винера, что источникъ этого движенія надо искать не въ самыхъ частицахъ и не въ какой-нибудь внѣшней относительно жидкости причинѣ, а во внутреннихъ движеніяхъ, характеристичныхъ для жидкаго состоянія. Еще яснѣе и выпуклѣе формулировали эту мысль лѣтъ черезъ пятнадцать послѣ нѣмецкаго физика Дельсо и Карбоннелль. „Въ случаѣ большой поверхности, писали они, молекулярные толчки, являющіеся причиной давленія, не вызовутъ никакого сотрясенія подвѣшеннаго тѣла, ибо совокупность ихъ будетъ толкать это тѣло одинаково во всѣхъ направленіяхъ. Но если поверхность меньше размѣровъ, при которыхъ могутъ компенсироваться неправильности, то приходится признать наличность неодинаковыхъ и непрерывно измѣняющихся давленій, которыхъ не можетъ выравнять законъ большихъ чиселъ и равнодѣйствующая которыхъ не будетъ нулевой, но будетъ непрерывно мѣняться по интенсивности и направленію". Или, пользуясь сравненіемъ одного физика, здѣсь происходитъ то же, что съ океанскимъ пароходомъ, который остается нечувствительнымъ къ волненію на морѣ, бросающему изъ стороны въ сторону небольшой челнъ. Такимъ образомъ величина частицъ—вѣрнѣе, порядокъ ихъ величины—играетъ существенную роль при обнаруженіи явленій браунова движенія: частицы эти еще достаточно велики, чтобы быть видимыми подъ микроскопомъ или ультрамикроскопомъ, но уже и достаточно малы, чтобы испытывать вліяніе случайныхъ неравномѣрностей молекулярной бомбардировки. Благодаря этому, брауново движеніе является какъ бы посредникомъ между нашимъ обычнымъ макроскопическимъ міромъ и невидимымъ міромъ молекулъ и атомовъ. Міръ молекулъ остается для насъ по прежнему невидимымъ, но заключенія относительно него, выводимыя на основаніи наблюденій надъ этимъ промежуточнымъ, „посредническимъ" міромъ браунова движенія, пріобрѣтаютъ особенно наглядный характеръ.

Въ этомъ отношеніи особенно наглядными и убѣдительными оказались опыты, произведенные Ж. Перреномъ надъ однородными эмульсіями, т. е. эмульсіями, въ которыхъ удалось получить почти вполнѣ тожественныя зерна. Опыты эти служили для провѣрки одной основной гипотезы, распространявшей законы идеальныхъ газовъ (т. е. законы Бойль-Маріотта, Гей-Люссака и пр.) на эмульсіи. Въ свою очередь, расширеніе это явилось шагомъ впе-

редъ въ направленіи, указанномъ еще лѣтъ 30 назадъ творцомъ стереохиміи, Вант-Гоффомъ. Вант-Гоффъ въ серединѣ 80-хъ годовъ показалъ, что явленія, наблюдаемыя въ слабыхъ растворахъ, превосходно объясняются, если примѣнить къ нимъ соотвѣтственнымъ образомъ законы идеальныхъ газовъ. Въ случаѣ слабыхъ растворовъ частицы раствореннаго вещества (напримѣръ, сахара) ведутъ себя такъ же въ растворителѣ (скажемъ, въ водѣ), какъ частицы газа въ пустомъ сосудѣ. Но молекула сахара представляетъ уже довольно сложный составъ, содержа въ себѣ 45 атомовъ (эмпирическая формула тростниковаго сахара—$C_{12}H_{22}O_{11}$); еще сложнѣе составъ молекулы сѣрнокислаго хинина, въ которой уже болѣе 100 атомовъ, и многихъ другихъ молекулъ, удовлетворяющихъ теоріи Вантъ-Гоффа. Естественна мысль распространить эту теорію—а, значитъ, и законы идеальныхъ газовъ—на еще гораздо болѣе сложныя комбинаціи атомовъ, какими являются микроскопическія частицы, подчиняющіяся браунову движенію. Конечно, только опытъ можетъ рѣшить, насколько правомѣрно это новое обобщеніе.

Опыты эти, первоначально невѣрно направленные, приводили къ результатамъ, рѣзко расходившимся съ теоріей. Лишь Перрену удалось съ помощью весьма остроумнаго подхода къ явленіямъ браунова движенія добиться поразительнаго согласія между предвидѣніями теоріи и данными опыта. Выбранный имъ путь изслѣдованія заключался въ слѣдующемъ. По его словамъ, ему съ самаго начала казалось, что зерна однородной эмульсіи должны расположиться опредѣленнымъ образомъ въ зависимости отъ высоты, подобно тому, какъ размѣщаются частицы газа подъ вліяніемъ силы тяжести. Воздухъ, какъ извѣстно, плотнѣе (т. е. частицъ воздуха больше) на уровнѣ моря, чѣмъ на вершинѣ горы. Точно также зерна однородной эмульсіи—*если къ эмульсіямъ примѣнимы законы идеальныхъ газовъ*—каково бы ни было ихъ первоначальное распредѣленіе, должны въ концѣ концовъ пріобрѣсти нѣкоторое устойчивое положеніе; при этомъ количество зеренъ въ послѣдовательныхъ слояхъ должно быть тѣмъ меньше, чѣмъ больше разстояніе слоя отъ дна, а законъ разрѣженія количества зеренъ долженъ быть тотъ же, что и законъ разрѣженія воздуха при поднятіи отъ уровня моря.

Этотъ послѣдній законъ былъ выведенъ еще Лапласомъ. Согласно формулѣ Лапласа, атмосферическое давленіе убываетъ въ геометрической прогрессіи, когда высота возростаетъ въ ариеметической прогрессіи, именно: давленіе это уменьшается въ два раза съ каждымъ новымъ поднятіемъ на 6 километровъ. Значитъ, на высотѣ въ 6 километровъ, оно въ два раза меньше, чѣмъ на уровнѣ моря; на высотѣ въ 12 километровъ оно въ четыре раза меньше; на высотѣ въ 18 километровъ въ восемь разъ меньше, и т. д. Само собою разумѣется, что давленіе пропорціонально коли-

честву молекулъ въ единицѣ объема, такъ что на высотѣ въ шесть километровъ молекулъ воздуха въ два раза меньше, чѣмъ на уровнѣ моря, и т. д.

Надо при этомъ замѣтить слѣдующее важное обстоятельство. Высота, на которую слѣдуетъ подняться, чтобы получить соотвѣтственное разрѣженіе, не одна и та же для разныхъ газовъ. Для водорода, атомный вѣсъ котораго въ 16 разъ меньше атомнаго вѣса кислорода, надо подняться на высоту въ 16 разъ большую, чѣмъ для кислорода, чтобы получить то же самое разрѣженіе газа въ два раза. Соотвѣтственнымъ образомъ придется измѣнить высоту для атмосферъ, составленныхъ изъ гелія, хлора и т. д.

Теперь, если предположить, что законы идеальныхъ газовъ имѣютъ силу для эмульсій, то формула Лапласа въ примѣненіи къ нимъ принимаетъ слѣдующій видъ:

$$\frac{n'}{n} = 1 - \frac{N}{RT} m \left(1 - \frac{d}{D}\right) gh$$

Входящія въ эту формулу величины имѣютъ слѣдующія значенія: n означаетъ число зеренъ эмульсіи, наблюдаемое на нѣкоторомъ начальномъ уровнѣ; n' — число тѣхъ же зеренъ при подняніи на нѣкоторую небольшую высоту h; R—нѣкоторую вполнѣ опредѣленную величину, называемую постоянной газовъ (въ абсолютной системѣ единицъ $R = 83{,}2 . 10^6$); T—абсолютную температуру жидкости, въ которой разведена эмульсія; m—масса одного зерна; d—плотность жидкости; D—плотность вещества, изъ котораго состоятъ зерна; g—ускореніе силы тяжести($=9{,}81$ метровъ); наконецъ, N есть искомая постоянная Авогадро. Если изъ опыта извѣстны всѣ остальныя величины, то рѣшеніе простого уравненія первой степени дастъ намъ величину N. Но опредѣленіе этихъ величинъ изъ опыта представляетъ довольно значительныя техническія трудности, которыя однако Перрену удалось, въ концѣ концовъ, преодолѣть.

Послѣ ряда безуспѣшныхъ опытовъ надъ употреблявшимися до того обыкновенно коллоидальными растворами Перренъ наткнулся на двѣ смолы — гуммигутовую и мастиковую—давшія ему превосходныя эмульсіи. Если потереть руками въ водѣ кусокъ гуммигута (какъ это дѣлаютъ, умывая руки, съ мыломъ), то гуммигутъ мало по малу растворится и дастъ красивую эмульсію ярко желтаго цвѣта, въ которой микроскопъ обнаруживаетъ массу сферическихъ зеренъ разной величины. Получивъ эмульсію, ее начинаютъ центрифугировать. Зерна тогда собираются на днѣ центробѣжной трубки въ видѣ густой грязи, надъ которой располагается мутная жидкость, которую отливаютъ. Осадившуюся на днѣ грязь разводятъ въ дистиллированной водѣ, надъ которой затѣмъ повторяютъ операцію центрифугированія, продолжая ее до тѣхъ поръ пока между зернами не получится чистая по виду вода.

Но очищенная такимъ образомъ эмульсія еще не годна для опытовъ, такъ какъ она содержитъ въ себѣ зерна самыхъ различныхъ размѣровъ, тогда какъ для опытовъ нужна однородная эмульсія. Этого Перренъ достигъ путемъ своего рода дробнаго центрифугированія, подобнаго дробной перегонкѣ жидкостей. Техническая сторона дѣла здѣсь не представляетъ особенныхъ трудностей, требуя лишь большого терпѣнія. Въ наиболѣе тщательной серіи своихъ опытовъ Перренъ началъ съ 1 килограмма гуммигута, изъ котораго послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ дробнаго центрифугированія онъ получилъ нѣсколько дециграммовъ одинаковыхъ зеренъ желательнаго ему размѣра.

Получивъ однородную эмульсію, Перренъ опредѣлилъ плотность вещества, изъ котораго состоятъ зерна. Проще всего для этого, конечно, высушить эмульсію въ сушильномъ шкафу и опредѣлить затѣмъ количество оставшейся прозрачной стекловидной массы. Масса эта, вѣроятно, имѣетъ ту же плотность, что и вещество, образующее зерна эмульсіи, и плотность ея не трудно опредѣлить обычнымъ путемъ. Но, не полагаясь вполнѣ на это опредѣленіе, Перренъ провѣрилъ его двумя совершенно отличными способами. Результаты при этомъ получались очень близкіе между собой. Такъ, напримѣръ, три способа дали въ одномъ случаѣ для плотности гуммигута слѣдующія величины: 1,1942—1,194—1,195.

Точно также нѣсколькими различными способами опредѣлялъ Перренъ размѣры зеренъ (зная радіусъ зерна и его плотность, легко опредѣлить уже массу его). Измѣреніе радіуса отдѣльныхъ зеренъ не даетъ надежныхъ результатовъ, такъ какъ расширеніе, благодаря явленію диффракціи, изображеній небольшихъ предметовъ влечетъ за собой большія погрѣшности при оцѣнкѣ размѣровъ этихъ предметовъ. Вліяніе диффракціи становится ничтожнымъ, если можно измѣрить длину нѣкотораго количества зеренъ, расположенныхъ въ одинъ непрерывный рядъ. Путемъ особенной уловки Перрену удавалось получать такіе довольно правильные ряды зеренъ, расположенныхъ въ прямолинейномъ порядкѣ, какъ ряды ядеръ. Раздѣливъ длину ряда на количество зеренъ въ немъ, можно было получить діаметръ зерна. Эту величину Перренъ затѣмъ провѣрялъ двумя другими способами. Такъ, напримѣръ, въ одной серіи опытовъ радіусъ зеренъ, выраженный въ микронахъ (микронъ $=\frac{1}{1000}$ миллиметра), былъ, согласно тремъ этимъ способамъ, соотвѣтственно равенъ: 0,371—0,3667—0,3675. Какъ мы видимъ, согласіе между этими результами весьма удовлетворительное.

Такъ опредѣляются величины D и m вышеприведенной формулы. Опредѣленіе плотности d жидкости, въ которой подвѣшены зерна, и ея абсолютной температуры не представляетъ, конечно, никакихъ трудностей. Но все это лишь подтотовительная работа для провѣрки формулы Лапласа въ ея примѣненіи къ эмульсіямъ.

Остается еще самая важная часть изслѣдованія, именно опредѣленіе измѣненія количества зеренъ въ зависимости отъ высоты слоя и выводъ отсюда (зная n′, n и h) константы N. Надо замѣтить, что при изученіи расположенія зеренъ въ эмульсіяхъ приходится имѣть дѣло съ высотами не въ нѣсколько сантиметровъ и даже не въ нѣсколько миллиметровъ, а съ высотами меньше $\frac{1}{10}$ миллиметра. Очевидно, что изслѣдованіе приходится производить съ помощью микроскопа.

Для этого берутъ каплю эмульсіи и кладутъ ее въ плоскую Цейссову ванночку, глубиной въ $\frac{1}{10}$ миллиметра (ванночкой этой служитъ просто углубленіе въ тонкомъ стеклышкѣ, приклеенномъ къ предметному стеклу микроскопа). Затѣмъ покрываютъ каплю эмульсіи покровнымъ стеклышкомъ, края котораго заливаютъ парафиномъ, чтобы избѣгнуть испаренія. При наблюденіи пользуются очень сильно увеличивающимъ объективомъ, у котораго глубина поля зрѣнія невелика, такъ что въ каждое мгновенье ясно видны только зерна, расположенныя въ очень тонкомъ горизонтальномъ слоѣ. Поднимая или опуская микроскопъ, мы увидимъ зерна уже другого слоя. Разстояніе двухъ слоевъ — величина h формулы Лапласа—получится безъ труда, если извѣстно перемѣщеніе микрометрическаго винта, управляющаго движеніемъ микроскопа, и показатели преломленія средъ, раздѣляемыхъ покровнымъ стеклышкомъ.

Теперь надо еще опредѣлить количество зеренъ въ разныхъ слояхъ. Сдѣлать это путемъ непосредственнаго подсчета невозможно, ибо въ полѣ зрѣнія наблюдателя находится всегда нѣсколько сотъ зеренъ, движущихся самымъ безпорядочнымъ образомъ, причемъ одни изъ нихъ исчезаютъ, а на ихъ мѣстѣ появляются другія. При этихъ условіяхъ не удается даже грубый подсчетъ. Проще всего, казалось бы, въ такомъ случаѣ прибѣгнуть къ моментальной фотографіи. Но въ виду огромнаго увеличенія и краткости выдержки изображенія получаются плохія. Поэтому Перренъ поступилъ слѣдующимъ образомъ: помѣстивъ въ фокальной плоскости окуляра непрозрачный кружокъ съ проткнутымъ въ немъ иголкой отверстіемъ, онъ значительно сужалъ поле зрѣнія, въ которомъ получались уже не сотни зеренъ, а совершенно небольшое количество ихъ, сразу улавливавшееся глазомъ. Поступая такъ черезъ правильные промежутки времени (напримѣръ, черезъ каждыя 15 секундъ), Перренъ записывалъ наблюденныя числа, скажемъ:

2, 2, 0, 3, 2, 2, 5, 3, 1, 2, . . .

Послѣ большого числа такихъ наблюденій (при желаніи особенной точности надо произвести нѣсколько тысячъ такихъ наблю-

деній) получится нѣкоторая средняя величина, дающая среднюю частоту зеренъ изучаемаго слоя.

Такъ опредѣляются всѣ величины, входящія въ формулу Лапласа. Теперь, если приступить къ опыту, то оказывается, что первое время, въ виду встряхиванія, какимъ сопровождается установка препарата, распредѣленіе зеренъ въ каплѣ эмульсіи приблизительно одинаковое во всѣхъ слояхъ. Но достаточно уже нѣсколькихъ минутъ, чтобы стало замѣтнымъ обогащеніе зернами нижнихъ слоевъ за счетъ верхнихъ. Черезъ нѣсколько же часовъ—иногда даже черезъ часъ—устанавливается окончательное распредѣленіе частицъ, сохраняющееся затѣмъ въ неизмѣнномъ видѣ втеченіе цѣлыхъ дней и недѣль.

Изслѣдуя законъ разрѣженія зеренъ, Перренъ нашелъ, что —въ предѣлахъ погрѣшностей наблюденія—онъ вполнѣ совпадаетъ съ закономъ разрѣженія воздушнаго столба, такъ что съ увеличеніемъ высоты въ ариѳметической прогрессіи количество зеренъ уменьшается въ прогрессіи геометрической. Такъ, напримѣръ, въ одной особенно тщательной серіи опытовъ, въ которой производились подсчеты количества зеренъ въ четырехъ горизонтальныхъ плоскостяхъ, отстоявшихъ отъ дна цейссовой ванночки соответственно на:

5μ, 35μ, 65μ, 95μ (μ—микронъ)

получились, при общемъ количествѣ 13000 подсчитанныхъ зеренъ, концентраціи, пропорціональныя числамъ:

100, 47, 22.6, 12,

которыя мало разнятся отъ составляющихъ геометрическую прогрессію чиселъ:

100, 48, 23, 11.1.

Въ другой серіи опытовъ (съ зернами мастики) наблюденіе дало въ четырехъ равноотстоящихъ горизонтальныхъ слояхъ (причемъ разстояніе между ними было 6μ) слѣдующія количества зеренъ:

1880, 940, 530, 305,

между тѣмъ, какъ согласно вычисленію должны были бы получиться числа:

1880, 995, 528, 280.

Согласіе между наблюденіемъ и вычисленіемъ и здѣсь вполнѣ удовлетворительное. То же самое можно было сказать и о другихъ серіяхъ опытовъ, подтверждающихъ такимъ образомъ законъ разрѣженія въ его примѣненіи къ эмульсіямъ.

Но одного этого еще мало. Важно убѣдиться въ томъ, что формула Лапласа даетъ для постоянной N величину того же порядка, что и выведенная на основаніи кинетической теоріи. Чтобы вполнѣ убѣдиться въ этомъ, Перренъ варьировалъ по возможности всѣ, входившіе въ его опыты, элементы. Такъ, объемъ употреблявшихся имъ зеренъ измѣнялся въ предѣлахъ отъ 1 до 50. Измѣнялась

жидкость, въ которой были подвѣшены зерна, что влекло за собой огромныя измѣненія въ вязкости жидкости. Изучалось вліяніе температуры. И т. д., и т. д. И, не смотря на всѣ эти измѣненія, для N получалось приблизительно постоянное значеніе, колебавшееся неправильнымъ образомъ между 65 . 10^{22} и 72 . 10^{22}. Удивителенъ самъ по себѣ фактъ постоянства найденнаго при такихъ разнообразныхъ условіяхъ значенія N. Но еще поразительнѣе то, что оно весьма близко совпадаетъ съ значеніемъ N, найденнымъ—совершенно независимо отъ явленій браунова движенія—на основаніи кинетической теоріи газовъ. Это рѣшающее совпаденіе не оставляетъ, по словамъ Перрена, никакихъ сомнѣній на счетъ происхожденія браунова движенія. Оно тѣмъ поразительнѣе, говоритъ онъ, что до производства опытовъ никто бы, навѣрное, не сталъ думать о такомъ правильномъ и значительномъ измѣненіи концентраціи на ничтожной высотѣ въ нѣсколько микроновъ. Можно было, напримѣръ, думать, что зерна распредѣлены равномѣрно во всѣхъ слояхъ— и тогда изъ формулы Лапласа получилось бы, что N=0—или что они всѣ собрались у дна ванночки, что дало бы безконечную величину для N. Не можетъ быть поэтому случайнымъ, что въ такомъ громадномъ, возможномъ a priori, интервалѣ получились числа, столь близкія къ теоретически вычисленному значенію. „*Такимъ образомъ*, пишетъ Перренъ, *становится труднымъ отрицать объективную реальность молекулъ.* Въ то же время молекулярное движеніе становится для насъ видимымъ. Брауново движеніе даетъ намъ вѣрное изображеніе его или, лучше, оно само уже есть молекулярное движеніе, подобно тому, какъ инфракрасное излученіе есть уже свѣтъ“ (Les atomes, с. 151).

Надо отмѣтить еще слѣдующее. Найденное на основаніи браунова движенія значеніе N того же порядка, что и выведенное изъ кинетической теоріи. Но между этими двумя способами опредѣленія N есть разница, говорящая въ пользу новаго способа опредѣленія ея. Какъ уже было выше сказано, рядъ упрощеній, вводимыхъ въ разсужденія кинетической теоріи, отражается на правильности конечнаго результата въ видѣ возможной погрѣшности въ 30%. Въ случаѣ браунова движенія нѣтъ такого внутренняго неустранимаго источника погрѣшностей. Здѣсь все зависитъ отъ аккуратности и точности производства опытовъ. Улучшая техническую сторону дѣла (однородность зеренъ, правильность подсчета ихъ и т. д.), можно получать все болѣе и болѣе точныя значенія для N. Перренъ, на основаніи лучшей своей серіи наблюденій, принимаетъ N равнымъ:

$$N=68,2.10^{22}.$$

Разсмотрѣнныя до сихъ поръ явленія касаются лишь состоянія (статистическаго) равновѣсія зеренъ, осуществляемаго, какъ и всякое состояніе подвижнаго равновѣсія, благодаря тому, что въ нѣкоторый измѣримый промежутокъ времени одинаковое число частицъ

входитъ и выходитъ изъ любого слоя эмульсіи. Совершенно иной путь для опредѣленія N даютъ законы самаго движенія частицъ— какъ поступательнаго, такъ и вращательнаго — и связанныя съ этимъ явленія диффузіи. Эйнштейнъ въ 1905 г., исходя изъ нѣкоторыхъ простыхъ допущеній, вывелъ математическимъ путемъ законы этого движенія и диффузіи. Полученныя имъ формулы даютъ возможность опредѣлить, зная размѣры зеренъ, вязкость жидкости, въ которую они погружены, и перемѣщеніе (или вращеніе) зерна въ извѣстный промежутокъ времени, постоянную Авогадро. Правильная экспериментальная провѣрка формулъ Эйнштейна оказалась возможной лишь тогда, когда Перрену удалось получить однородныя эмульсіи, радіусъ зеренъ которыхъ можно было опредѣлить указанными выше способами. Рядъ опытовъ, при которыхъ опять-таки варьировались, по возможности, всѣ элементы ихъ, далъ въ среднемъ для поступательнаго движенія N равнымъ 70. 10^{22}. Въ лучшей серіи этихъ опытовъ Перренъ нашелъ для N значеніе 68, 8. 10^{22}. Беря среднюю между этой величиной и найденнымъ на основаніи изученія распредѣленія зеренъ въ разныхъ слояхъ значеніемъ N=68,2. 10^{22}, Перренъ принимаетъ, что

$$N = 68{,}5.\ 10^{22}.$$

Провѣрка эйнштейновой формулы для вращенія частицъ представляла свои особенныя трудности. Согласно этой формулѣ, шарики діаметромъ въ 1μ дѣлаютъ въ одну секунду оборотъ приблизительно въ 800°, т. е. успѣваютъ обернуться вокругъ себя болѣе двухъ разъ за это время. За такимъ вращеніемъ невозможно услѣдить, тѣмъ болѣе, что столь малые шарики не представляютъ какихъ-нибудь опорныхъ пунктовъ, по которымъ можно было бы слѣдить за ихъ вращеніемъ. Перренъ обошелъ эту трудность, получивъ особымъ способомъ сравнительно огромные—въ 50μ—гуммигутовые и мастиковые шарики. Многіе изъ такихъ шариковъ содержатъ знутри себя включенія, благодаря которымъ легко было слѣдить за брауновымъ вращательнымъ движеніемъ. Исключительно большіе размѣры этихъ зеренъ принесли съ собой новыя осложненія, съ которыми Перрену удалось все же справиться. Въ результатѣ онъ получилъ отсюда для N значеніе: N = 65. 10^{22}. Изслѣдованіе явленій диффузіи дало, наконецъ, согласно теоретической формулѣ Эйнштейна, N = 69. 10^{22}.

Резюмируя результаты своихъ опытовъ надъ эмульсіями, Перренъ пишетъ:

„Итакъ, законы идеальныхъ газовъ приложимы во всѣхъ ихъ деталяхъ къ эмульсіямъ, что даетъ прочную экспериментальную основу для молекулярныхъ теорій. Область провѣрки ихъ покажется, несомнѣнно, весьма значительной, если принять въ разсчетъ:

что измѣнялась природа зеренъ (гуммигутъ, мастика);

что измѣнялась природа жидкости между зернами (чистая вода, вода, содержащая на четверть мочевой кислоты или на одну треть сахару, глицеринъ съ 12% воды, чистый глицеринъ);

что измѣнялась температура (между—9° и +58°);

что измѣнялась кажущаяся плотность зеренъ (отъ—0,03 до +0,30);

что измѣнялась вязкость жидкости между зернами (въ отношеніи 1 къ 330);

что измѣнялась масса зеренъ (въ колоссальномъ отношеніи 1 къ 70000), а также ихъ объемъ (въ отношеніи 1 къ 90000).

Это изслѣдованіе эмульсій дало для $\frac{N}{10^{22}}$ слѣдующія значенія:

68,2 согласно распредѣленію на высотѣ;
68,8 согласно поступательному движенію;
65 согласно вращеніямъ;
69 согласно диффузіи". (Les atomes, с. 188).

П. Юшкевичъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

* * *

Шепчутъ за мной полуголые темные тополи,
Траурной осени черныя свѣчи,
Мертвыя листья со звонами носятся по полю,
Падаютъ съ грустною лаской на плечи.
Лошадь устало плетется знакомой дорогою,
Влажную землю взрываютъ копыта...
Гдѣ-то шумятъ города съ ненасытной тревогою,
Здѣсь только вѣтеръ воетъ сердито...
Тянутся темные тополи, скучные, хмурые,
Траурной осени черныя свѣчи,
Утро какъ сумерки, стелятся тучи понурыя,
Падаютъ мертвыя листья на плечи.

САИДЪ РЫБАКЪ.

История его жизни.

Мармадука Пиктхолла.

Пер. съ англійскаго З. Н. Журавской.

X.

Былъ уже вечеръ, когда, наконецъ, Саидъ завидѣлъ вдали большой городъ. Онъ пришпорилъ коня и единымъ духомъ очутился на вершинѣ крутого холма, одного изъ послѣднихъ скалистыхъ отроговъ горъ, черезъ которыя весь день сегодня лежалъ его путь. Неподалеку виднѣлась большая мечеть, надъ куполомъ которой на солнцѣ горѣлъ полумѣсяцъ. Солнце садилось между темными пиками, и послѣдніе лучи его играли на бѣлыхъ стѣнахъ мечети и на вершинѣ холма, золотя спины всадника и коня. Но утопавшій въ садахъ городъ внизу былъ уже окутанъ тѣнями ночи. Бѣлые куполы и минареты, дворцы и мечети маячили, словно выглядывая изъ огромной густой рощи, тянувшейся къ востоку, до самаго горизонта, ровнаго и плоскаго, за которымъ уже начиналась пустыня. Сгущающіяся тѣни словно легкой дымкой окутывали равнину. На востокѣ небо отливало аметистовымъ блескомъ, призрачнымъ, нѣжнымъ, но живымъ, въ которомъ какъ бы сливались сіяніе звѣздъ и свѣтъ догоравшаго дня. Сердце Саида забилось сильнѣе, когда онъ узрѣлъ царицу грезъ своихъ, утопающую въ садахъ, еще болѣе прекрасную и желанную оттого, что ее окружали угрюмыя, безлѣсныя горы.

— Это рай земной!—восторженно пробормоталъ онъ.

У подножья холма, тамъ, гдѣ кончались сады, онъ увидѣлъ маленькую деревушку, въ которой всѣ дома были съ плоскими кровлями. По дорогѣ, извивавшейся у подножья холма, къ ней тянулся караванъ верблюдовъ. Ихъ колокольчики такъ привѣтливо звякали въ сумеркахъ. Неожиданно раздалось громкое пѣніе—дикое, восторженное, пронзительно рѣзкое—съ высокой платформы единственнаго минарета въ

деревнѣ. Смягченное разстояніемъ, оно показалось Саиду небесной музыкой. Колокольчики вдругъ умолкли. Верблюды стали. Погонщики, повинуясь призыву муэззина, простерлись ницъ въ вечерней молитвѣ.

Саидъ слѣзъ съ коня и совершилъ обязательное омовеніе сухой пылью, набранной въ горсть. Снявъ съ себя свою роскошную одежду, за пять дней, что онъ носилъ ее, уже сильно запачкавшуюся, онъ разстелилъ ее на землѣ вмѣсто ковра и, обративъ лицо къ югу, сталъ на колѣни. Потомъ заткнулъ большими пальцами уши, а остальные распростеръ передъ глазами, какъ бы читая раскрытую книгу. Потомъ всталъ, нагнулся, снова опустился на колѣни и простерся ницъ, прижимаясь лбомъ къ землѣ. Потомъ сѣлъ на корточки съ закрытыми глазами, потомъ раскрылъ ихъ и оглянулся вправо и влѣво, чтобъ отогнать злыхъ духовъ, которые могли быть по близости.

Потомъ поднялся и снова надѣлъ свое платье. Оранжевый блескъ заката быстро тускнѣлъ и горы сзади словно надвигались на него черно-сѣрой громадой. Саидъ сѣлъ на коня и началъ спускаться съ горы. Въ городъ онъ въѣхалъ ужь ночью. Улицы были почти безлюдны. Немногіе пѣшеходы, попадавшіеся на встрѣчу, возвращались домой, нѣкоторые торопливо, другіе неспѣшно, сохраняя важность осанки и поступи. Яркій свѣтъ, бившій изъ-подъ сводчатой двери, ложился неровнымъ желтымъ пятномъ на каменный тротуаръ. Въ другомъ мѣстѣ красный свѣтъ, пробивавшійся сквозь рѣшетку окна въ верхнемъ этажѣ, рисовалъ нѣжный ажуръ на противоположной стѣнѣ. Но, за исключеніемъ такихъ случайныхъ свѣтлыхъ бликовъ, улицы были погружены въ непроглядную тьму, рядомъ съ которой полоса неба надъ ними, густо усѣяннаго звѣздами, казалась ярко освѣщенной. На лошадиный топотъ откликнулось лаемъ несчетное количество собакъ, съ ворчаньемъ и рычаньемъ откуда ни возьмись появившихся на дорогѣ. Каждый прохожій освѣщалъ себѣ дорогу фонаремъ, который несъ или самъ, или слуга, шедшій впереди его.

Потомъ пошли такія улицы, на которыхъ крыши домовъ заслоняли небо, видимое только мѣстами, въ просвѣты между черной настилкой. Здѣсь было люднѣе. Тамъ и сямъ около фонарей, освѣщавшихъ лавки, расхаживали продавцы въ развѣвающихся одеждахъ и высокихъ тюрбанахъ, убирая на ночь съ прилавковъ товары. На перекресткѣ, гдѣ сходились четыре такихъ крытыхъ улицы, похожихъ больше на корридоры гигантскаго дома, стоялъ часовой въ дверяхъ своей будки, разговаривая съ двумя погонщиками муловъ.

Ѣзда по этимъ длиннымъ и темнымъ улицамъ смирила Саида. Онъ вдругъ почувствовалъ себя одинокимъ и затеряннымъ въ этомъ огромномъ городѣ. Столько домовъ—и ни единой души, которая бы знала его! Многое онъ отдалъ бы въ эту минуту—даже свою лошадь и коричневый халатъ съ краснымъ шитьемъ — за то, чтобъ съ нимъ была Газнэ. Боясь, самъ не зная почему, какъ бы не нарваться на грубость, онъ до сихъ поръ еще не рѣшился обратиться ни къ кому изъ встрѣчныхъ съ вопросомъ, гдѣ здѣсь можно переночевать. Но теперь онъ остановилъ свою лошадь передъ будкой часового и, пожелавъ маленькой группѣ добраго вечера, освѣдомился, гдѣ ближайшій *ханэ*. Одинъ изъ погонщиковъ сказалъ, что онъ знаетъ хорошій по близости, и вызвался проводить его. По тому, какъ усердно кланялись ему оба погонщика, ясно было, что они принимаютъ его за важнаго барина. Саидъ ободрился. До гостиницы оказалось недалеко. Провожатый всю дорогу болталъ безъ умолку то о путешествіяхъ вообще, то о собственныхъ своихъ дорожныхъ приключеніяхъ. Звали его, какъ оказалось, Селимомъ. Онъ недавно только вернулся изъ Халеба Бѣлаго, а передъ тѣмъ былъ въ Багдадѣ съ сотней верблюдовъ. А его милость откуда ѣдетъ? Съ Юга?—Съ морского берега? А! онъ былъ и на побережьи, ходилъ съ караваномъ въ Газу и обратно, черезъ Эль-Халиль и священный городъ. Пріятное мѣстечко, настоящее царство апельсиновъ—онъ какъ сейчасъ ощущаетъ вкусъ ихъ во рту.

Саидъ благосклонно слушалъ болтовню своего проводника, разогнавшую чувство оброшенности, которое такъ удручало его. По прибытіи въ *ханэ*, онъ далъ Селиму за труды нѣсколько *пара*; тотъ поблагодарилъ его и пошелъ своею дорогой.

Босоногій мальчуганъ, служка изъ гостиницы, подержалъ ему лошадь, пока онъ слѣзалъ, и затѣмъ повелъ ее во дворъ. Саидъ пошелъ за нимъ, чтобъ удостовѣриться, что лошади дадутъ хорошую порцію корма. Они вошли въ высокую комнату со сводами, поддерживаемыми двумя рядами столбовъ. Большіе неуклюжіе верблюды, лежа на землѣ, смачно пережевывали жвачку, по временамъ издавая басистые булькающіе звуки откуда-то изъ нѣдръ желудка. Здѣсь были и лошади, привязанныя каждая за уздечку къ кольцу, ввинченному въ стѣну. Одинъ жеребецъ громко ржалъ и рвался съ привязи. Тамъ и сямъ были привязаны терпѣливые ослы, все время мотавшіе ушами и хвостами, и угрюмые мулы, глаза которыхъ злобно поблескивали при тускломъ свѣтѣ единственнаго фонаря. Слышно было чавканье, жеванье, топанье ногами; острый

запахъ конюшни билъ въ носъ. Маленькій осликъ, стоявшій въ воротахъ, при видѣ Саида поднялъ голову и заревѣлъ.

Удостовѣрившись, что его лошади будетъ удобно и сытно, Саидъ послѣдовалъ за мальчуганомъ къ двери, изъ которой падалъ свѣтъ на горбъ одного изъ верблюдовъ. Изъ-за двери доносились громкіе голоса и запахъ жаренаго, суля утоленіе голода и веселое общество. Саидъ очутился въ длинной комнатѣ съ рядами подушекъ вдоль стѣнъ, освѣщенной множествомъ фитилей, плававшихъ въ большомъ соусникѣ, наполненномъ масломъ. Въ комнатѣ было много народу; одни сидѣли, куря и бесѣдуя между собой, на диванахъ; другіе, сидѣвшіе на отдѣльныхъ подушкахъ, жадно ѣли руками кушанья, поставленныя передъ ними на мѣдныхъ подносахъ. Тѣ и другіе встали, отвѣчая на привѣтствіе новоприбывшаго, и предложили ему почетное мѣсто, котораго онъ, однакожъ, не принялъ, предпочтя низенькій табуретъ почти посерединѣ комнаты. Въ глубокой нишѣ или, вѣрнѣе, въ сосѣдней комнаткѣ, не имѣвшей другого выхода, ярко пылала большая жаровня, на которой дымилось нѣсколько блюдъ.

Саидъ заказалъ себѣ порцію жирныхъ голубей съ рисомъ, которые, какъ сообщилъ ему мальчуганъ, были почти ужь готовы. Такое кушанье, хоть и подходящее для человѣка, который одѣтъ въ вышитый красивый халатъ и пріѣхалъ на добромъ конѣ, едва-ли было по средствамъ Саиду—въ холщевомъ мѣшечкѣ у него на груди запасъ денегъ былъ не великъ. Но рыбакъ разсчиталъ, что лошадь ему здѣсь уже не нужна и завтра же онъ продастъ ее. На вырученныя деньги онъ разсчитывалъ прожить съ удобствами, по крайней мѣрѣ, нѣсколько мѣсяцевъ.

Утоливъ свой голодъ и запивъ голубей чашечкой горчайшаго кофе, разлившаго пріятную теплоту въ его жилахъ, рыбакъ съ интересомъ сталъ прислушиваться къ разговорамъ. Высокій, румяный парень—судя по одеждѣ и внѣшности, зажиточный феллахъ—можетъ быть, шейхъ какой-нибудь деревушки или же мелкій землевладѣлецъ—разглагольствовалъ возбужденно и громко. Его большіе каріе глаза, глупые, какъ у быка, были красивы и блестящи, но въ нихъ не свѣтилось ни искры ума. Коротко подстриженная бородка его была рыжая, какъ и усы.

— Мое дѣло правое,—говорилъ онъ.—И денегъ у меня припасено достаточно, чтобъ обезпечить рѣшеніе дѣла въ мою пользу. Мой противникъ не можетъ представить на судъ ни одного свидѣтеля, который бы показалъ за него, а у меня свидѣтелей двое: мой братъ и мой слуга, которые

лично присутствовали при сдѣлкѣ. Я убѣжденъ, что выиграю дѣло.

Онъ нагнулся и полой своей одежды—богатой, хоть и не особенно чистой—вытеръ янтарный мундштукъ своего *наргиле.*

— Поистинѣ ты честный и довѣрчивый человѣкъ,—замѣтилъ желчнаго вида приземистый и съ смуглымъ лицомъ человѣкъ, ехидно усмѣхаясь. — Сразу видать, что ты изъ глухой деревушки. Что касается свидѣтелей, я тебѣ скажу, что твой противникъ можетъ выставить десять противъ твоихъ двоихъ. Слишкомъ ты прытокъ, молодой человѣкъ! — ссоришься съ тѣмъ, кто повліятельнѣе тебя. Можетъ быть, ты и богатъ, но онъ, во всякомъ случаѣ, богаче тебя. Вѣдь онъ десятинный сборщикъ и къ его рѣчамъ преклоняютъ ухо правители, съ которыми онъ дѣлится поборами. *Мехмекехъ* [1])—не домъ правосудія, какъ ты полагаешь, а рынокъ, гдѣ приговоры выносятся въ пользу того, у кого кошель потяжелѣе. Ты издалека пріѣхалъ, я же здѣшній и говорю то, что *знаю.* Завтра, когда ты пойдешь въ судъ, у входа тебя обступитъ толпа негодяевъ, которыхъ ремесло—за деньги свидѣтельствовать на судѣ. За двадцать піастровъ ты можешь нанять очень приличнаго съ виду свидѣтеля, который присягнетъ въ чемъ тебѣ угодно. Кади сочтетъ свидѣтелей съ той и съ другой стороны и признаетъ правымъ того, у кого больше свидѣтелей,—если только онъ заранѣе уже не подкупленъ, — что всего вѣроятнѣе. *Бакшишъ* у насъ всѣмъ господинъ. Мудрый человѣкъ не ссорится съ богатымъ и сильнымъ. Впрочемъ, и вездѣ, вѣдь, на свѣтѣ то же. Я слыхалъ, будто есть страны, гдѣ судъ не знаетъ разницы между богатымъ и бѣднымъ, но это все сказки.

Онъ обвелъ глазами лица слушателей, чтобы прослѣдить впечатлѣніе своихъ словъ. Потомъ, довольный, откинулся на подушки и началъ свертывать папироску.

Молодой человѣкъ, котораго онъ наставлялъ, началъ сердито ругать такіе порядки. Но тѣмъ не менѣе остался при увѣренности, что свое дѣло онъ выиграетъ, довольно глупо хвастаясь, какъ онъ отомститъ судьѣ, если тотъ рѣшитъ дѣло не въ его пользу. Онъ бранилъ даже высшія власти, такъ что слушатели ерзали на мѣстахъ и испуганно перешептывались между собой. Не годится такъ разговаривать въ общественномъ мѣстѣ, гдѣ не знаешь,—съ кѣмъ говоришь. Каждый тревожно косился на сосѣда. Особенно подозрительнымъ всѣмъ казался Саидъ. Его темная одежда

[1]) Судъ.

иноземнаго покроя и, въ особенности, красный галунъ на ней имѣли въ себѣ какъ бы что-то мундирное, офиціальное. А вдругъ онъ — чиновникъ Султана? Всѣ вздохнули свободнѣе, когда толстолицый мужчина съ плутовскими глазами, сидѣвшій ниже всѣхъ и, казалось, бѣднѣйшій изъ всѣхъ, возвысилъ голосъ, горячо восхваляя богатыхъ. Онъ всталъ и, жестикулируя, какъ адвокатъ или публичный ораторъ, несъ невѣроятный вздоръ, но очень гладко и съ большимъ поэтическимъ подъемомъ. И эта блестящая чепуха страшно потѣшала аудиторію. Всѣ со смѣху катались, держась за бока. Къ тому времени, какъ шутникъ усѣлся на мѣсто, всѣ присутствовавшіе успѣли полюбить его, какъ родного. Въ качествѣ популярнаго шутника, онъ могъ бы теперь занять и самое почетное мѣсто, не оскорбивъ и надменнѣйшихъ.

Послѣ этого общій разговоръ ужъ не вязался. Мужчины позѣвывали. Ближайшіе къ Саиду предлагали ему свою дружбу, допытываясь, откуда онъ и какъ его звать, и есть ли у него сынъ, и за какимъ дѣломъ онъ пріѣхалъ въ Дамаскъ. Засыпали его попросами, на которые Саидъ иной разъ положительно не зналъ, какъ отвѣтить. Чтобъ избавиться отъ докучныхъ разспросовъ, онъ зѣвнулъ, сказалъ, что очень усталъ, и попросилъ показать ему, гдѣ тутъ спятъ. Двое-трое изъ компаніи ушли еще раньше его. Онъ общимъ поклономъ простился со всѣми и вышелъ.

Тотъ же босоногій мальчишка, который держалъ ему лошадь, повелъ его обратно черезъ полутемную конюшню между спящихъ животныхъ, къ стѣнѣ, у которой вилась лѣстница съ каменными ступенями. Поднявшись по лѣстницѣ, рыбакъ вошелъ въ длинную комнату, вродѣ той, изъ которой онъ только что вышелъ. Фонарь его проводника освѣтилъ совсѣмъ пустую комнату. На голомъ полу лежали четыре матраца и на нихъ въ растяжку нѣсколько человѣкъ, а въ углу кучка мусору. Въ рѣшетчатое оконце свѣтили звѣзды. Ночной воздухъ свободно проникалъ въ комнату—не свѣжее дыханіе горъ или моря, но дыханіе спящаго города, пропитанное всей вонью, накопленной за день. Мальчикъ вытащилъ изъ общей кучи матрацъ и одѣяло и разостлалъ ихъ подъ самымъ окномъ. Потомъ пожелалъ путнику доброй ночи и скрылся.

Саидъ долго не могъ уснуть. Люди входили по одному и по двое, стлали себѣ постели и укладывались, пока весь полъ не покрылся распростертыми фигурами и тихая комната не наполнилась громкимъ храпѣньемъ, басистымъ и звонкимъ. Рыбаку мерещилось, что онъ все еще ѣдетъ верхомъ черезъ холмы и долины, черезъ горы, гдѣ гуляетъ

вольный вѣтеръ, и равнины, сожженныя зноемъ. И страхъ томилъ его сердце — страхъ, въ послѣднее время не покидавшій его: что его нагонитъ отрядъ солдатъ и отниметъ у него лошадь, какъ самъ онъ отнялъ ее у владѣльца. Отъ одного пастушонка онъ узналъ, что войны пока нѣтъ—есть только общее передвиженіе войскъ, мѣняющихъ мѣсто стоянки. Но такъ какъ лошади одинаково были нужны и въ томъ, и въ другомъ случаѣ, это извѣстіе ничуть не разгоняло его опасеній. Предусмотрительно избѣгая городовъ и большихъ деревень и выбирая боковыя тропинки, даже если при этомъ приходилось дѣлать большіе круги, Саидъ почти удвоилъ свой путь и подъѣхалъ къ городу со стороны холмовъ, тогда какъ путь черезъ равнину былъ гораздо прямѣй и короче.

Когда, наконецъ, онъ уснулъ, ему приснилось, будто городъ превратился въ сплошную каменную громаду и онъ, Саидъ, замурованъ посерединѣ ея, въ крохотной нишѣ. Въ порахъ камня кишѣли человѣческія существа, которыя однакожъ не обращали ни малѣйшаго вниманія на его крики и жалобы. Въ камнѣ были проложены безчисленные туннели, по которымъ тоже шли люди, и все съ фонарями—это было племя, никогда не видавшее солнца. И какъ-то выходило такъ, что камень всей тяжестью давилъ на него одного. Онъ воззвалъ къ Аллаху объ освобожденіи изъ каменной темницы, но плотность камня была непостижима, Аллахъ же далеко. Однакоже его все-таки услыхали. Надъ нимъ склонилось лицо Пророка Магомета (миръ праху его!)—жирное, хитрое лицо, вродѣ лица Абдуллы, и строго сказало: „Это—рай". Тутъ со всѣхъ сторонъ поднялись крики: требовали бакшиша, и Саидъ понялъ, что это вовсе не рай, а корридоры суда.

XI.

Саидъ проснулся на разсвѣтѣ и замѣтилъ, что комната уже наполовину опустѣла. Съ озабоченнымъ лицомъ онъ спустился по каменной лѣстницѣ въ конюшню и началъ осторожно пробираться между животными и тюками товаровъ, обдумывая планы распредѣленія дня. Дѣла предстояло много. Прежде всего, надо продать лошадь, потомъ подыскать себѣ пристанище, соотвѣтствующее его средствамъ. А съ здѣшнимъ народомъ надо все время быть на-сторожѣ, потому что язычки у жителей большихъ городовъ острые и они любятъ поточить ихъ о чужого захожаго человѣка.

Дневной свѣтъ чуть проникалъ черезъ сводчатыя ворота, слабо озаряя толстые столбы, головы и горбы верблюдовъ, лоснящіеся бока лошадей и муловъ. Онъ пробрался къ тому

мѣсту, гдѣ стояла его собственная лошадь въ ожиданіи утренней порціи ячменя и мякины. Она встрѣтила рыбака тихимъ ржаніемъ и тотчасъ навострила уши. Саидъ любовно погладилъ ея густую гриву, потрепалъ ее по шеѣ и пощекоталъ ей носъ, шепча всевозможныя ласковыя слова. Лошадь была хорошая и ему жалко было разстаться съ ней.

Къ комнатѣ для гостей онъ нашелъ того самаго юношу, который вчера такъ неосторожно разглагольствовалъ о судебныхъ властяхъ; онъ сидѣлъ на полу и завтракалъ хлѣбомъ, кислымъ молокомъ и оливками. Хорошенькій мальчикъ, лѣтъ шестнадцати, судя по сходству, братъ его, сидѣлъ съ нимъ рядомъ и ѣлъ изъ того же блюда. На почтительной дистанціи сидѣлъ на корточкахъ въ ожиданіи приказаній слуга, черномазый, съ сверкающими глазами, въ истрепанномъ тарбушѣ безъ кисточки. Прежде чѣмъ спросить себѣ что-нибудь поѣсть, Саидъ учтиво поздоровался съ ними. Между тѣмъ, какъ прислужникъ, явившійся на его зовъ, поливалъ ему воду на руки и помогалъ вытирать ихъ грязнымъ полотенцемъ, молодой человѣкъ заговорилъ красиво и убѣдительно.

Онъ репетировалъ рѣчь, которую намѣревался держать на судѣ передъ кади. Должно быть, ему составилъ и написалъ эту рѣчь какой-нибудь ученый писецъ, искушенный во всѣхъ хитросплетеніяхъ путаннаго судебнаго краснорѣчія, ибо простой смертный не могъ бы уловить ея содержанія. Она представляла собой вся какъ бы одну цѣльную фразу, выговариваемую единымъ духомъ, безъ всякихъ знаковъ препинанія, такъ что нельзя было разобрать, гдѣ кончается одна мысль и начинается другая. Юноша произносилъ ее нараспѣвъ и съ большимъ паѳосомъ. Саидъ слушалъ, разинувъ ротъ отъ восторга, позабывъ даже о своемъ завтракѣ. Раза два ораторъ сбивался: тогда вытаскивалъ изъ-за пазухи свитокъ и, водя по немъ пальцемъ, отыскивалъ нужное мѣсто, а затѣмъ продолжалъ съ удвоеннымъ рвеніемъ. „Великолѣпно! — воскликнулъ слуга, замѣтивъ довольную усмѣшку на лицѣ господина, возвѣщавшую окончаніе рѣчи.— Въ жизнь свою не слыхалъ ничего лучшаго. Ты говоришь, словно устами Корана и голосомъ ангела. Клянусь Аллахомъ, эта рѣчь должна смягчить сердце Владыки Горъ! Радуйся, о мой господинъ, ибо дѣло твое выиграно“.

— Хорошо, очень хорошо!—похвалилъ и младшій братъ, видимо волнуясь.—Однако не пора ли намъ идти въ мехкемехъ?

Саидъ также присоединилъ свой голосъ къ хору похвалъ. Такая рѣчь, увѣрялъ онъ, сдѣлала бы честь даже принцу. Она блестяща, какъ блюдо изъ чистѣйшаго зо-

лота, изысканна, какъ мозаика изъ драгоцѣнныхъ камней, нѣжна, какъ дѣвичьи голоса, поющіе подъ аккомпаниментъ однострунной лютни. Ухо Аллаха не презритъ ея. Эти горячія похвалы, совершенно искреннія, видимо льстили оратору и его юному брату. Даже угрюмый слуга посмотрѣлъ на Саида и буркнулъ по его адресу что-то одобрительное. Ораторъ сообщилъ ему для свѣдѣнія, что эту рѣчь сочинилъ для него писецъ, извѣстный во всемъ городѣ своею ученостью, и взялъ за нее изрядныя деньги—онъ назвалъ сумму. Если противникъ его сумѣетъ произнести лучшую рѣчь, онъ будетъ очень изумленъ. Кромѣ того—добавилъ онъ съ такой самодовольно-глупой улыбкой, что Саидъ позавидовалъ его противнику,—вдобавокъ, я потратилъ уже немало денегъ на подкупъ чиновниковъ и теперь несу съ собой крупную сумму, чтобы раздать ее въ самомъ судѣ. Несомнѣнно, я выиграю свое дѣло.

— Безъ всякаго сомнѣнія! — подхватили его товарищи, одинъ восторженно, другой съ какимъ-то угрюмымъ вызовомъ.

— Само собой — никакого сомнѣнія быть не можетъ,— поддержалъ ихъ Саидъ, сразу сдѣлавшійся очень почтительнымъ, какъ только онъ заслышалъ звонъ серебра въ мѣшкѣ, спрятанномъ на груди молодого оратора.

Наѣвшись досыта, Саидъ потребовалъ счетъ. Явился самъ хозяинъ—очень толстый мужчина въ ярко-синемъ халатѣ, изъ-подъ котораго виднѣлись грязные бѣлые панталоны, доходившіе только до щиколокъ, огненно-красныя туфли и пестрый поясъ, который, вмѣсто того, чтобы стягивать его грузное тѣло, безцеремонно оттопыривался на животѣ. Тюрбанъ на немъ былъ съ богатою вышивкой, но обтрепанный и грязный. Держалъ онъ себя съ большимъ достоинствомъ, но учтиво, какъ и подобаетъ солидному хозяину, предъявляющему счетъ гостю, о которомъ онъ ничего не знаетъ. Всего слѣдуетъ съ эффенди,—доложилъ онъ,— двѣнадцать піастровъ. Поторговавшись немного, хотя это оказалось совершенно безплоднымъ и только оскорбило хозяина, непреклоннаго, какъ гранитъ, Саидъ уплатилъ по счету и вышелъ, простившись съ самонадѣяннымъ тяжущимся и его спутниками.

Войдя въ конюшню, онъ засталъ босоногаго конюшенка за усердной чисткой его коня. По первому же слову мальчуганъ бросилъ работу и досталъ его сѣдло и уздечку, висѣвшія вмѣстѣ съ другими на гвоздѣ, вбитомъ въ стѣну.

Поодаль навьючивали нѣсколькихъ верблюдовъ мѣшками, наваленными грудой около одного изъ столбовъ. Трое погонщиковъ, жестоко ругаясь, заставляли верблюдовъ опу-

скаться на колѣни, потомъ вставать и снова опускаться, чтобъ удобнѣе расположить вьюки. Передній верблюдъ, уже навьюченный, стоялъ поперекъ двери, загораживая проходъ Крѣпкое словцо, пущенное Саидомъ, которому умѣло вторилъ босоногій конюшенокъ, вызвало цѣлый потокъ отвѣтной брани изъ устъ погонщиковъ верблюдовъ; но тѣмъ не менѣе одинъ изъ нихъ побѣжалъ къ двери и отвелъ упрямое животное въ сторону. Мальчуганъ вывелъ лошадь на улицу, взывая къ Аллаху, чтобъ онъ уничтожилъ и стеръ въ порошокъ отцовъ и вѣру и все потомство полудюжины верблюдовъ, навьючиваемыхъ въ конюшнѣ. Затѣмъ смиренно обратился къ тому же Аллаху съ просьбой умножить богатство Саида, когда этотъ достойный человѣкъ уѣхалъ, оставивъ нѣсколько мелкихъ монетъ на смуглой ладони конюшенка.

Длинный крытый базаръ, отъ котораго, вправо и влѣво, тянулись другіе такіе же, былъ уже переполненъ народомъ. Въ тѣни его еще царила ночная прохлада, но самая тѣнь была уже не сѣрая и жиденькая, а синяя и густая, говорившая о томъ, что крыши наверху ужъ горятъ подъ лучами восходящаго солнца. Разсчитывать продать лошадь въ такой ранній часъ было трудно, поэтому Саидъ поѣхалъ просто прокатиться по городу и посмотрѣть его, поворачивая въ ту и другую сторону, какъ ему заблагоразсудится.

Повсюду на затѣненныхъ навѣсами рынкахъ продавцы открывали лари, отпирали ставни, отодвигали засовы, раскладывали товары. Купцы усаживались въ темныхъ закоулкахъ, походившихъ на пещеры. Всюду уже гудѣлъ говоръ пестрой веселой толпы. Люди, пробиравшіеся сквозь толпу на ослахъ или мулахъ, рѣзкими или сиплыми голосами кричали: „Гей! гей! Гляди вправо, гляди влѣво!“ Одуряющіе сладкіе запахи неслись изъ лавки продавца благовоній. Мускусомъ вѣяло отъ одеждъ проходившихъ мимо женщинъ, отъ мужчинъ табакомъ, отъ корзины съ овощами и зеленью, навьюченной на спину мула,—росистымъ дыханьемъ садовъ, отъ одеждъ покупателей и продавцовъ—человѣческимъ потомъ и грязью, но особенно скверной вонью несло изъ темныхъ воротъ, гдѣ сваливали всякіе отбросы и гниль въ пищу бродячимъ собакамъ, которыя, сытыя и гладкія, дюжинами спали вдоль стѣнъ и подъ каждыми сводчатыми воротами. Всѣ эти запахи, и пріятные, и отвратительные въ перемежку, щекотали обоняніе рыбака; но Саидъ вдыхалъ всѣ съ одинаковымъ наслажденіемъ, какъ частицу очарованія дивнаго города.

И самъ онъ, ѣдучи по улицѣ, поминутно кричалъ: „Гей! гей! сторонись!“ предостерегая пѣшеходовъ, которые своимъ

говоромъ и перебранкой заглушали стукъ копытъ его лошади. Рыбакъ и во снѣ не видалъ такого огромнаго и наряднаго города. Вотъ цѣлый огромный базаръ, высокій и длинный, находящійся въ исключительномъ распоряженіи рабочихъ по драгоцѣннымъ металламъ; вотъ другой, гдѣ продаютъ только сладости; третій—гдѣ работаютъ рѣзчики по дереву съ инкрустаціей изъ перламутра; четвертый—для исключительной продажи ковровъ, роскошныхъ и простыхъ, привозимыхъ со всѣхъ концовъ свѣта: изъ Бухары, изъ Хорассана, изъ Мекки, изъ Багдада, изъ Эль Аджема. Въ одной улицѣ ему метнулись въ глаза за низенькой дверью лавки груды роскошныхъ матерій, тонкихъ шелковъ, изукрашенныхъ роскошною вышивкой. На слѣдующей слышенъ былъ только визгъ пилъ и рѣзцовъ, да стукъ рубанковъ; здѣсь сидѣли за работой на корточкахъ столяры, и прохожіе дышали на нихъ и задѣвали ихъ, проходя мимо, своими одеждами.

Саидъ выѣхалъ, наконецъ, изъ тѣни крытыхъ базаровъ на площадь, гдѣ солнце свѣтило ослѣпительно ярко на расписныя двери мечети. Голуби вились вокругъ высокаго стройнаго минарета, ослѣпительно бѣлаго на ослѣпительно синемъ фонѣ небесъ, указывавшаго на самое сердце огромнаго сапфироваго купола, гдѣ находился престолъ самого Аллаха. За аркой воротъ виднѣлась цѣлая стая этихъ птицъ, клевавшихъ крошки на мозаичномъ полу обнесеннаго со всѣхъ сторонъ стѣнами двора. Въ ихъ воркованіи было что-то успокоительное, навѣвавшее на душу тишину, не смотря на то, что кругомъ былъ шумъ и многолюдство.

Саидъ поѣхалъ дальше, радуясь одинаково яркому свѣту и прохладной тѣни, но всюду, на всѣхъ улицахъ, была та же оживленная шумная, дѣловито озабоченная толпа.

Становилось очень жарко и Саидъ усталъ отъ ѣзды. Крикъ продавца прохладительныхъ, локтями проталкивавшагося сквозь толпу, держа въ рукахъ огромную бутыль съ желто-зеленоватою жидкостью, позвякивая двумя оловянными кружками одна о другую, показался Саиду ангельскимъ зовомъ.

— О, горный снѣгъ, какъ ты чистъ и какъ холоденъ! О, сокъ лимона, какъ ты освѣжаешь, если тебя смѣшать въ надлежащей пропорціи съ сахаромъ, какъ у меня въ этой бутыли! О, райскій напитокъ, кто можетъ отвергнуть тебя? Да умилосердится Аллахъ надъ тѣмъ, кто не выпьетъ изъ этой чаши!

Саидъ выпилъ и съ удовольствіемъ облизалъ губы. Дѣйствительно, питье освѣжало. Онъ вложилъ самую мелкую

монету — больше ангелъ и не спросилъ за этотъ райскій напитокъ—въ такую грязную руку, какой онъ еще не видалъ, а ангелъ напутствовалъ его благословеніемъ:

— Да смилуется Аллахъ надъ твоимъ брюхомъ!

Пораздумавъ, Саидъ рѣшилъ, что теперь пора уже предпринять какіе-нибудь шаги относительно продажи лошади. До сихъ поръ онъ чувствовалъ себя превосходно, разъѣзжая по городу, куда глаза глядятъ, безъ всякой опредѣленной цѣли. Но какъ только настало время предпринять что-нибудь опредѣленное, онъ оробѣлъ и пріунылъ. Многолюдная толпа, казалось, принимавшая его до сихъ поръ въ свою среду любовно, какъ брата, вдругъ точно отхлынула и сразу показалась ему чужой, безсердечной и безучастной Среди этихъ несчетныхъ веселыхъ или озабоченныхъ лицъ онъ тщетно искалъ такого, къ обладателю котораго онъ могъ бы безъ страха обратиться съ вопросомъ. Неожиданно, въ то время, какъ онъ стоялъ растерянный, кто-то схватилъ и поцѣловалъ его руку и одновременно съ этимъ пріятный мужской голосъ почтительно и весело привѣтствовалъ его:

— Да будетъ день твой счастливымъ, о мой господинъ!

— Да будетъ твой день счастливымъ и благословеннымъ!—милостиво отвѣтилъ Саидъ.

Это былъ Селимъ, тотъ самый погонщикъ муловъ, который наканунѣ проводилъ его въ *ханэ*. Онъ подвернулся удивительно кстати. Саидъ тотчасъ же началъ разспрашивать его: гдѣ тутъ можно выгоднѣе всего продать лошадь. Селимъ объявилъ, что сегодня онъ весь день совершенно свободенъ и всецѣло къ услугамъ Саида. Онъ сведетъ его въ такое мѣсто, которому въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ равнаго, такъ бойко торгуютъ тамъ лошадьми. Онъ очень уважаетъ эффенди, и лошадь у него, навѣрно, хорошая, достойная быть проданной на самомъ лучшемъ рынкѣ.

Онъ взялъ подъ уздцы лошадь Саида и вывелъ его изъ толпы ярко освѣщенныхъ улицъ въ лабиринтъ узкихъ, грязныхъ и темныхъ переулковъ. Здѣсь на каждомъ шагу попадались арки, коротенькіе туннели, спящія собаки, и отовсюду несло нестерпимой вонью. Встрѣчалось также много женщинъ съ непокрытыми лицами. У большинства мужчинъ на головѣ были однѣ только фески, а если и тюрбаны, то не бѣлые, а сѣрые или черные. Саидъ лѣниво и презрительно любовался прелестями дѣвушекъ и женщинъ, не прикрывавшихъ себя чадрами. Все это были христіанки, невѣрующія и проклятыя Аллахомъ. Однакоже всѣ эти люди, и мужчины, и женщины, преспокойно шли посерединѣ

улицы, отнюдь не торопясь смиренно уступить дорогу истому мусульманину да еще ѣдущему верхомъ на лошади.

Это удивило Саида и онъ обратился къ своему спутнику за разъясненіемъ.

— Это кварталъ назарянъ, — объяснилъ погонщикъ муловъ.—Здѣсь милостью Султана невѣрнымъ разрѣшено жить особо отъ правовѣрныхъ, подъ началомъ собственнаго священника. Это—старинная ихъ привилегія и въ прежнія времена, когда эти собаки вели себя смирно и повиновались законамъ, никто на нихъ не сердился за это. Въ тѣ дни правовѣрные не гнушались ими, а напротивъ жили съ ними въ дружбѣ, оставляя за собой только права побѣдителей. Но теперь, когда они отъѣлись и обнаглѣли, такъ какъ за нихъ горою стоитъ франкскій консулъ, они стали для насъ ненавистнѣе даже евреевъ. А виной всему консулы, которые защищаютъ и покрываютъ ихъ, что бы они ни сдѣлали. Самые худшіе изъ нихъ тѣ, которые называютъ себя французскими подданными или московитами и въ подтвержденіе этого показываютъ бумаги, выданныя имъ консуломъ. Ваша милость дивится—не правда ли?—что простой человѣкъ разсуждаетъ о такихъ высокихъ матеріяхъ. Знай же, эффенди, что Селимъ говоритъ не отъ своего глупаго разума,—онъ слегка тряхнулъ полой своего платья, чтобы показать, что онъ стряхиваетъ съ себя всякую отвѣтственность,—а лишь передаетъ то, что онъ слышалъ въ тавернѣ, гдѣ бесѣдовали между собой умные люди и уши Селима довели часть слышаннаго до его пониманія. Притомъ же, въ настоящее время въ цѣломъ городѣ трудно найти человѣка, будь то именитый купецъ или нищій, правовѣрный или назарянинъ, который бы не увлекался политикой.

Саидъ, насторожившій уши, хотя взоры его блуждали, казалось, разсѣянно, сердито нахмурился, когда спутникъ его окончилъ рѣчь.—Всѣхъ бы этихъ собакъ надо перебить и спалить ихъ кварталъ,—выговорилъ онъ съ гнѣвнымъ блескомъ въ глазахъ.—Это было бы дѣло, угодное Аллаху.

— Ахъ,—возразилъ погонщикъ муловъ,—франки могущественны и месть ихъ была бы ужасной. Какъ тебѣ извѣстно, франки и англичане помогали туркамъ въ послѣдней московитской войнѣ и въ благодарность за это они хотятъ теперь сами править царствомъ Султана вмѣсто него. Правовѣрные въ ихъ глазахъ хуже собакъ и на всѣ высшія должности они сажаютъ назарянъ. Аллахъ, умилосердись надъ нами! Горе намъ! трудные дни настали для истинной вѣры.

Но глаза рыбака сверкали одной только алчностью. Онъ былъ сильный человѣкъ и не лишенный мужества. Въ угоду

Аллаху и пророку его Магомету онъ, не задумываясь, убилъ бы любого человѣка, все равно беззащитнаго или вооруженнаго, женщину и даже ребенка. Но онъ не могъ забыть, что христіане всѣ очень богаты. Въ темныхъ убогихъ лачугахъ ему мерещились кучи золота. И женщины у нихъ пухленькія и красивыя. Онъ до сихъ поръ облизывался при воспоминаніи о хорошенькой дѣвушкѣ, которая улыбнулась ему, проходя. Поистинѣ, было бы пріятнымъ и угоднымъ Аллаху дѣломъ истребить этихъ невѣрныхъ огнемъ и мечомъ.

XII.

— Ну, развѣ я неправду говорилъ, о, господинъ мой когда увѣрялъ, что сведу тебя въ хорошее мѣсто? Самые именитые люди въ городѣ ежедневно сходятся сюда послушать новости и посмотрѣть, какія лошади выставлены для продажи. Съ твоего позволенія, я останусь съ тобой. Не подобаетъ человѣку твоего званія, чтобъ его видѣли безъ слуги.

Высокія, наполовину развалившіяся ворота вели на лужайку, мѣстами до того вытоптанную копытами лошадей. что тамъ уже не росла трава. Вокругъ лужайки, у стѣнъ домовъ, росли деревья, въ тѣни которыхъ сидѣли люди, богато одѣтые,— турецкіе офицеры въ высокихъ фескахъ и парадныхъ мундирахъ; важные купцы и старѣйшины города, въ халатахъ изъ тончайшаго дорогого шелка и роскошно вышитыхъ тюрбанахъ; два-три человѣка въ форменныхъ черныхъ фракахъ и красныхъ *тарбушахъ* и группа европейцевъ въ свѣтлыхъ костюмахъ и шляпахъ причудливой формы. Всѣ эти люди стояли группами или прогуливались взадъ и впередъ, слѣдя за бедуиномъ съ лицомъ дикаря и франтоватымъ грумомъ, которые, состязаясь между собою, заставляли своихъ лошадей продѣлывать всевозможныя штуки.

Когда они въѣхали на лужайку, Селимъ пригнулся къ самому уху Саида и шепнулъ: — Эффенди, лучше бы тебѣ здѣсь слѣзть съ лошади и дать мнѣ вести ее въ поводу, Слугѣ удобнѣе торговаться, чѣмъ господину. Само собой разумѣется, Селимъ ничего не рѣшитъ, не посовѣтовавшись съ тобой. А ты, о господинъ мой, держи себя гордо—не будь уступчивъ. Селимъ ужъ сумѣетъ должнымъ образомъ восхвалить тебя, когда къ нему будутъ обращаться съ вопросами относительно лошади. Такимъ образомъ всѣ узнаютъ, что ты большой человѣкъ и постыдятся предложить тебѣ малую цѣну.

Совѣтъ показался Саиду разумнымъ: онъ слѣзъ съ лошади и передалъ поводъ своему спутнику, говоря:

— Аллахъ съ тобою. Сѣдло и уздечка тоже идутъ въ продажу—мнѣ они больше теперь не нужны. И постарайся продать лошадь какъ можно дороже.

— Не бойся, господинъ. Селимъ ловкій человѣкъ и въ этомъ дѣлѣ онъ набилъ себѣ руку. Клянусь Аллахомъ, конекъ добрый! Жалко только, что не кобылица. Жеребецъ, какъ онъ ни будь силенъ и красивъ, и быстроногъ, хотя бы лучшихъ кровей пустыни, все же онъ не такъ выгоденъ, какъ кобылица. За кобылу, да еще жеребую, здѣсь можно взять большія деньги, эффенди. Ахъ ты, милый мой!— говорилъ онъ, любовно прижимаясь щекой къ розовымъ ноздрямъ коня: — что бы тебѣ быть кобылицей? —Затѣмъ потрепавъ коня по лбу между глазами, онъ повелъ его туда гдѣ бедуинъ и его конкурентъ скакали бѣшенымъ галопомъ взадъ и впередъ подъ ослѣпительно яркимъ солнцемъ, круто поворачивая у самой стѣны или осаживая лошадей такъ, что онѣ становились на заднія ноги,— и все это съ такимъ гиканьемъ и криками, какъ будто отъ этого зависѣла самая жизнь ихъ.

Саидъ тѣмъ временемъ неторопливо, соблюдая свое достоинство, направилъ свои шаги къ ближайшему дереву, подъ которымъ стояла въ тѣни кучка зрителей. Никогда до тѣхъ поръ онъ не бывалъ въ обществѣ такихъ знатныхъ особъ и потому сильно робѣлъ. Но не успѣлъ онъ дойти, какъ позади него раздался стукъ копытъ, заглушенный густою травой, и возлѣ него очутился Селимъ.

— Посмотри вонъ туда, эффенди—говорилъ онъ, указывая пальцемъ въ ту сторону.—Видишь старика въ бѣлоснѣжномъ тюрбанѣ и полосатомъ халатѣ, черномъ съ бѣлымъ? Это—дурзи, изъ племени друзовъ—Аллахъ его вѣдаетъ, съ Хаврана онъ или съ Горы. Странное племя-господинъ мой!—ты, навѣрное, слыхалъ о немъ. Я подумалъ, что, такъ какъ ты здѣсь новый человѣкъ и пріѣхалъ издалека, тебѣ можетъ быть интересно посмотрѣть на настоящаго дурзи, потому и пріѣхалъ сказать тебѣ. Они— наши братья въ томъ дѣлѣ относительно назарянъ, о которомъ мы съ тобой давеча говорили, и чудесные воины. Они не любятъ моварни, своихъ сосѣдей по Горѣ, которые называютъ себя французскими подданными и страшно чванятся этимъ. Разсказываютъ, будто между ними вотъ-вотъ вспыхнетъ война. Хорошенько вглядись въ него, эффенди. Смотри, какая у него гордая осанка. Клянусь Кораномъ, въ жизнь свою я не видалъ старика красивѣе. Онъ на голову выше всѣхъ здѣсь.

Саидъ отвѣтилъ, что онъ много слыхалъ объ этомъ странномъ племени, котораго побаивается само правительство, и во время своего путешествія даже имѣлъ случай бесѣдовать съ друзами. Онъ согласился съ Селимомъ, что трудно встрѣтить болѣе благородную внѣшность, чѣмъ у этого старика съ длинной бородой, такой же бѣлоснѣжной, какъ и его тюрбанъ, и однакоже прямаго и статнаго, какъ юноша. Онъ держалъ въ поводу красиваго коня, чернаго, какъ уголь, и молодые франты изъ города, разсматривавшіе жеребца по статьямъ, казались рядомъ съ нимъ неотесанными мужланами, не смотря на роскошь своихъ одеждъ. Саидъ глазъ не могъ отвести отъ этой высокой статной фигуры. Черный скакунъ былъ подстать своему хозяину.—Старый друзъ, должно быть, спятилъ,—думалъ Саидъ, или ужь ему пришлось очень круто, что онъ хочетъ продать такого коня. Самъ онъ за всѣ богатства Стамбула не разстался бы съ такимъ скакуномъ. Маленькая голова, живые глаза, настороженныя уши, расширенныя ноздри, крутая могучая шея, хвостъ, падающій каскадомъ, а не висящій уныло между ногами, вся повадка—и то, что жеребецъ билъ ногою о землю и норовилъ встать на дыбы, просто изъ рѣзвости—все это было очаровательно—у Саида дыханье захватило отъ восторга.

Онъ стоялъ теперь подъ большимъ деревомъ, въ тѣни котораго густо толпился народъ. У подножія обожженной солнцемъ стѣны позади, густо и путанно, словно терновникъ, разрослись розы надъ осыпавшимися камнями и кучами мусора. Бѣлый отсвѣтъ горящей на солнцѣ стѣны падалъ на розовые цвѣты и они казались поблекшими среди запыленныхъ листьевъ. Но легкій вѣтерокъ, подымающійся въ третьемъ часу утра и усиливающійся къ полудню, все же доносилъ до Саида ихъ благоуханіе.

Бедуинъ отдыхалъ теперь отъ своей бѣшеной скачки, озабоченно обтирая деревянной скребницей пѣну съ боковъ своего коня. Мѣсто его, въ качествѣ соперника франтоватаго грума, теперь занялъ Селимъ и оба, какъ сумасшедшіе, носились вскачь по лужайкѣ. Саидъ крикнулъ ему, чтобъ онъ не очень утомлялъ лошадь, и это обратило на него вниманіе стоявшихъ по близости. Онъ разслышалъ шепотъ: „Что это за форма—военная, что ли?“ и взволновался, сообразивъ, что это говорятъ о красивой вышивкѣ на его воротникѣ и рукавахъ. Потомъ слышалъ, какъ турецкій офицеръ сказалъ: „Клянусь Аллахомъ, это не военная форма: это какая-то каррикатура на наше форменное пальто“. И Саидъ зналъ, что говорившій—офицеръ, по зва-

к...нью сабли, сопровождавшему его слова,—кстати сказать, онъ принялъ араба за турка—но не обернулся и виду не показалъ, что онъ слышалъ сказанное. Когда же, наконецъ, рискнулъ оглянуться черезъ плечо, оказалось, что компанія почти вся уже разошлась; остались только молодой офицеръ и два франка, весело болтавшіе между собой, не обращая вниманія ни на него, ни на его одежду.

Неожиданно до слуха его донесся смѣхъ—франка или идіота—очень громкій и совершенно безсмысленный. Саидъ почувствовалъ себя неловко, но не тронулся съ мѣста и ни на единый вершокъ не повернулъ головы. Только насторожился и навострилъ уши. Теперь смѣялись оба франка, и смѣхъ ихъ былъ, какъ крикъ молодыхъ ословъ. Они, видимо, пытались объяснить что-то турку на незнакомомъ Саиду языкѣ. Въ концѣ концовъ, офицеръ, повидимому, понялъ, такъ какъ и онъ засмѣялся—не ихъ дурацкимъ смѣхомъ, а тонко и умно. Потомъ шагнулъ впередъ и дотронулся до плеча Саида.

— Съ твоего позволенія, дядя, — фамильярность этого обращенія уязвила рыбака въ самое сердце,—я хотѣлъ бы задать тебѣ вопросъ. *Кхаваджатъ*, вотъ эти друзья мои, очень дивятся твоей одеждѣ. Такое платье, говорятъ они, носятъ въ ихъ странѣ, но только въ гаремѣ или въ спальнѣ—ни одинъ франкъ не позволитъ себѣ выйти на улицу въ такомъ костюмѣ. Имъ любопытно знать, по какой причинѣ, по невѣдѣнію или умышленно, ты надѣваешь его, идя въ публичное мѣсто.

Тутъ Саидъ, до глубины души сконфуженный и пристыженный, въ свою очередь засмѣялся—еще громче и звончѣй, чѣмъ франки.

— Вотъ такъ ловко!—воскликнулъ онъ.—Ахъ, мошенникъ! Вотъ хитрецъ!—какъ онъ одурачилъ меня! Слушайте же, о *кхаваджатъ*, и ты также, господинъ бекъ. Въ своемъ городѣ я не послѣдній человѣкъ, но этотъ городъ далеко отсюда. Я пріѣхалъ сюда получать наслѣдство послѣ умершаго брата. Мнѣ случилось проѣзжать мимо дома франка—онъ, должно быть, священникъ: одѣтъ весь въ черное. Онъ пригласилъ меня заѣхать къ нему отдохнуть, а такъ какъ день былъ очень знойный, я слѣзъ съ лошади и посидѣлъ вмѣстѣ съ нимъ. Пока мы дожидались, когда подадутъ кофе, онъ вынесъ показать мнѣ вотъ эту одежду, клянясь всѣми пророками, которыхъ онъ почитаетъ за боговъ, что это самая дорогая одежда, какую на его родинѣ носятъ только одни короли. Онъ хочетъ продать ее и, такъ какъ, дескать, я ему полюбился—ахъ, мошенникъ!—онъ готовъ уступить мнѣ ее за пятьсотъ піастровъ. Это все равно, что

даромъ, но онъ полюбилъ меня, какъ брата, и для меня уступаетъ дешево. Я повѣрилъ ему, что такое платье—большая рѣдкость, и такъ какъ оно мнѣ очень понравилось, а у меня денегъ съ собой было много, я купилъ и надѣлъ его; и, правду сказать, носить его очень пріятно. Вотъ ловкачъ! Совсѣмъ одурачилъ меня.

Турокъ долго смѣялся. Потомъ, не безъ труда, перевелъ своимъ франкскимъ друзьямъ разсказъ Саида. Одинъ изъ нихъ, красный лицомъ, какъ цвѣтокъ граната, схватилъ за руку Саида и началъ трясти ее—это такое ужъ дружеское привѣтствіе у франковъ. И все время заливался - хохоталъ съ раскрытымъ ртомъ, уставившись на Саида глупыми голубыми глазами. Его товарищъ, съ бѣлорозовымъ, точно у накрашенной женщины, лицомъ, затѣненнымъ отъ солнца широчайшими полями шляпы, былъ сдержаннѣе и не подходилъ близко, но смѣялся также отъ души. У этого послѣдняго усы были желтые, какъ солома.

Саидъ терпѣливо вынесъ униженіе—чувствовать свою руку раздавленной въ кашу, а плечо чуть не вывернутымъ изъ сустава, утѣшая себя мыслью, что франки всѣ одержимы бѣсами. Но смысла всего происходившаго совершенно не могъ уяснить себѣ, пока офицеръ не просвѣтилъ его:

— Это они потому, что ты—веселый малый, дядя. Мой другъ полюбилъ тебя за то, что ты, смѣясь, переносишь невзгоду и не сердишься, что тебя одурачили.

Въ отвѣтъ на это Саидъ широко осклабился и изо всей силы стиснулъ руку франка, тряся ее съ такой силой, что тотъ, смѣясь, крикнулъ: „Довольно! довольно!"—это было одно изъ немногихъ словъ, которыя онъ зналъ по-арабски.

— Зачѣмъ ты здѣсь, дядя?—спрашивалъ его турокъ.—Ты пришелъ купить лошадь? Вонъ тамъ старый *дурзи* держитъ красавца-коня.

— Нѣтъ, господинъ бекъ,—съ достоинствомъ отвѣчалъ Саидъ,—я пришелъ не купить, а продать лошадь: вонъ тамъ, въ тѣни дерева, мой слуга держитъ ее подъ уздцы. Конь добрый—не такъ красивъ, какъ выносливъ. Для далекой поѣздки другого такого не сыскать. Я самъ пріѣхалъ на немъ—ѣхалъ цѣлыхъ пять дней; оттого онъ и спалъ немного съ тѣла. Мнѣ даже жалко продавать его.

Турокъ перевелъ сказанное своимъ друзьямъ. Затѣмъ между всѣми троими начался оживленный разговоръ, изъ котораго Саидъ ничего не понялъ. Потомъ офицеръ сказалъ:

— Моему другу *кхаваджѣ* нуженъ сильный, выносливый

конь для предстоящаго ему путешествія по пустынѣ. Съ твоего позволенія, онъ желалъ бы посмотрѣть твоего коня.

Саиду удивительно повезло, и онъ счелъ это за особую милость къ себѣ Провидѣнія, и не переставалъ прославлять Аллаха до конца дня, пока тѣни ночи не окутали улицы. Короче говоря, краснорожій болванъ европеецъ купилъ его лошадь и заплатилъ за нее, тутъ же, наличными, изъ своего кошелька, четырнадцать англійскихъ фунтовъ. Присутствовавшіе при этой сдѣлкѣ открыто издѣвались надъ нимъ. Турокъ силился урезонить своего друга, но франкъ настоялъ на томъ, чтобъ заплатить столько, сколько съ него запросили, видимо, находя цѣну невысокой, хотя Саидъ, еслибъ съ нимъ поторговались, взялъ бы и половину. Старый друзъ, которому только что предлагали десять фунтовъ за дивнаго коня, котораго онъ привелъ продавать, громко выражалъ свою зависть. Селимъ былъ внѣ себя отъ восторга. Въ довершеніе всего, франкъ, выложивъ деньги на руку Саида, снова принялся пожимать и трясти его руку такъ, что этотъ послѣдній едва не вышелъ изъ себя, ибо присутствующіе смѣялись себѣ въ бороды.

Затѣмъ, довольный и радостный, Саидъ попросилъ Селима свести его въ хорошую кофейню, гдѣ собирается приличное общество.

XIII.

Съ полудня до одиннадцатаго часа Саидъ сидѣлъ со своимъ спутникомъ въ тавернѣ, обсуждая, что предпринять дальше, возсылая хвалы Аллаху и въ промежуткахъ дремля надъ наргиле. Въ тавернѣ было прохладно и темно, какъ въ большомъ погребѣ. Свѣтъ проникалъ въ комнату только черезъ низкую дверь, выходившую въ тѣнистую аллею, бросая голубоватые отсвѣты на края большого мѣднаго сосуда и блѣдныя лица сидѣвшихъ по близости отъ входа. Въ глубинѣ комнаты, тамъ, гдѣ мракъ былъ всего гуще, пламенѣли угли на жаровнѣ. Горячій паръ, напоенный пріятнымъ запахомъ варящагося кофе, носился по комнатѣ, ища себѣ выхода. Здѣсь находилось около двадцати человѣкъ, сидѣвшихъ на низенькихъ табуретахъ или же лежавшихъ на полу. Нѣкоторые оживленно бесѣдовали между собой вполголоса; другіе дремали или просто спали. Рыбакъ и скромный почитатель его усѣлись въ темномъ углу, подальше отъ огня.

— Пусть будетъ, какъ ты просишь,—выговорилъ, наконецъ, Саидъ, послѣ долгой паузы, посвященной обдумыванію. — Я нанимаю тебя на мѣсяцъ въ слуги. Если ты будешь хорошо и вѣрно служить мнѣ, я буду

считать тебя за друга и позабочусь о томъ, чтобъ обезпечить тебя. Согласенъ?—значитъ, по рукамъ. За пробный мѣсяцъ я кладу тебѣ жалованья шестьдесятъ піастровъ, а тамъ дальше видно будетъ. Ѣда и питье на мой счетъ. И деньги я отдамъ тебѣ сейчасъ же, такъ велико мое довѣріе къ тебѣ—умѣй его цѣнить.

Селимъ низко нагнулся надъ рукой, облагодѣтельствовавшей его—такой же загорѣлой и мозолистой, какъ и его собственная,—и припалъ къ ней съ горячимъ поцѣлуемъ.—Да умножитъ Аллахъ твои богатства! Теперь я, поистинѣ, могу назвать себя счастливымъ человѣкомъ. Жизнь погонщика муловъ—собачья жизнь и смерть его собачья: окачурится гдѣ-нибудь на дорогѣ, и похоронить его некому. Сколько разъ Селимъ говорилъ въ душѣ своей: ахъ, хорошо бы бросить это поганое дѣло и пристроиться къ какому-нибудь вельможѣ въ качествѣ слуги! Награди тебя Аллахъ, о, господинъ мой, ты сдѣлалъ меня счастливымъ человѣкомъ.

Саидъ предложилъ сейчасъ же идти искать приличнаго помѣщенія для нихъ обоихъ, но Селимъ отговорилъ его.

— Пусть лучше ваша милость на сегодня вернется въ ханэ. Ты богатъ, а *ханэ* хорошій и въ немъ останавливаются только богатые. Пока ты будешь отдыхать, я сбѣгаю въ одно мѣсто, знакомое мнѣ, гдѣ можно разузнать о чемъ угодно. А потомъ, утромъ, все, что узнаю, доложу тебѣ. Не слѣдуетъ нанимать или покупать что-нибудь на спѣхъ. Селимъ человѣкъ опытный. Довѣрься ему, господинъ мой, и подожди немного.

— Мнѣ непремѣнно надо купить себѣ новое платье,—шепнулъ Саидъ.—Я вѣдь разсказывалъ тебѣ, какъ франки тамъ, въ саду, смѣялись надъ моей одеждой—хорошій халатъ и удобный, онъ мнѣ стоилъ шесть турецкихъ фунтовъ. Ты самъ говоришь, что въ этомъ городѣ много франковъ—мнѣ не охота навлекать на себя ихъ насмѣшки. Вставай, Селимъ! Идемъ къ портному.

— Умоляю тебя, не поднимайся съ мѣста, господинъ мой. Не подобаетъ человѣку въ твоемъ положеніи самому идти въ лавку, и притомъ пѣшкомъ. Притомъ же, такъ какъ у тебя спѣшная нужда, лучше тебѣ обратиться къ торговцу готовымъ платьемъ, чѣмъ къ портному. Посиди здѣсь немного, я приведу торговца сюда.

Саидъ воздалъ горячую хвалу Аллаху, пославшему ему такого находчиваго и разумнаго слугу.

Не прошло и минуты, какъ въ дверяхъ появилась затемнившая свѣтъ высокая фигура человѣка въ просторной

одеждѣ, болтавшейся на немъ отъ шеи до пятъ, и съ большимъ узломъ въ рукахъ. Голосъ Селима крикнулъ:

— Смотри, мой господинъ! вотъ и торговецъ.

Высокій мужчина почтительно поклонился, когда Саидъ придвинулъ свой табуретъ поближе къ двери, гдѣ было больше свѣту. Свой узелъ онъ положилъ на полъ и принялся развязывать его. Въ немъ было много разныхъ костюмовъ; каждый онъ встряхивалъ, развертывалъ и, любовно поглаживая его, превозносилъ до небесъ. Одинъ изъ нихъ сразу понравился Саиду. Это была свободная одежда, вродѣ надѣтой на торговцѣ, съ узкими рукавами, застегивающаяся спереди до самой шеи, изъ шелка пополамъ съ бумагой, красивая, въ полоску, синяя съ желтымъ. Продавецъ, замѣтивъ выраженіе лица покупателя, началъ клясться и божиться, что она будетъ чрезвычайно къ лицу его превосходительству. Для высокаго, стройнаго, красиваго мужчины съ благородной осанкой, какъ у его превосходительства, не придумаещь лучшаго фасона. Всѣ сидѣвшіе въ тавернѣ, отъ нечего дѣлать, придвинулись поближе, полюбоваться роскошными тканями, и заинтересовались торгомъ. Сами они не собирались покупать — слѣдовательно, не имѣли надобности обезцѣнивать товаръ, и хоромъ вторили торговцу, расхваливая платье, какъ шедевръ своего рода.

— Позволь Селиму одному торговаться, эффенди, — шепнулъ погонщикъ муловъ на ухо новому своему господину. И снова Саидъ воздалъ хвалу Аллаху за то, что онъ послалъ ему такого умнаго слугу. Ибо Селимъ отвелъ торговца въ сторону и съ четверть часа настойчиво въ чемъ-то убѣждалъ его, причемъ оба сверкали глазами и наклонялись другъ къ другу съ такимъ видомъ, будто они вотъ-вотъ раздерутся до крови. А черезъ четверть часа оба вернулись, улыбаясь другъ другу, какъ закадычные друзья, и сообщили Саиду, что одежда куплена имъ за пятьдесятъ піастровъ, хотя торговецъ клялся бородой Пророка, что она стоитъ вдвое больше. Онъ ни за что не продалъ бы ее такъ дешево никому, кромѣ его превосходительства, но для его превосходительства онъ готовъ на всякую уступку. Взамѣнъ, онъ только проситъ, какъ милости, у его превосходительства, чтобы его превосходительство, если ему понадобится хорошее платье, покупалъ только у него. Его покупатели — именитѣйшіе люди въ городѣ: Махмудъ-эффенди, его преподобіе муфтій, его высочество Абдулъ Кадеръ, прославленный эмиръ Элиджарскій, и самъ Вали-Ахмедъ паша. Это истинная правда. Если его превосходительство сомнѣвается, пусть спроситъ любого изъ здѣшнихъ посѣтителей — всѣ подтвердятъ, что это такъ. И, дѣйствительно, всѣ при-

сутствовавшіе, хотя въ первый разъ въ жизни видѣли торговца, закативъ глаза и прижимая руки къ груди, подтвердили правдивость его словъ.

Селимъ бережно принялъ съ рукъ на руки аккуратно сложенную одежду, между тѣмъ, какъ господинъ его далъ торговцу англійскій фунтъ и тщательно сосчиталъ сдачу. Затѣмъ, простившись съ торговцемъ, который разсыпался въ благодарностяхъ, они вмѣстѣ пошли въ ханэ, такъ какъ былъ уже одиннадцатый часъ и дневной жаръ смѣнился вечернею прохладой.

Въ сводчатомъ сараѣ, заваленномъ товарами и заставленномъ мулами и лошадьми, Саидъ снялъ съ себя коричневый халатъ съ красною вышивкой, которымъ онъ еще недавно такъ гордился, и синій камзолъ, который былъ подъ нимъ, оставшись только въ рубашкѣ и панталонахъ, которые когда-то были бѣлыми. Снятое платье онъ подарилъ слугѣ, къ великому восторгу и радости Селима, который тотчасъ же надѣлъ его на себя и принялся любовно оправлять. Синій камзолъ, старый, но еще годный къ носкѣ, онъ засунулъ въ свои широкіе шальвары. Затѣмъ простерся ницъ передъ Саидомъ, цѣлуя его ноги и разсыпаясь въ благодарностяхъ и благословеніяхъ. Саидъ строго приказалъ ему сейчасъ же встать, иначе онъ разсердится, но въ душѣ онъ былъ очень доволенъ. Чаша его величія въ эту минуту наполнилась до краевъ. Впервые въ жизни онъ разыгрывалъ роль благодѣтеля.

Въ то время, какъ онъ, съ помощью Селима, облекался въ новый свой костюмъ, до слуха его долетѣла грубая брань и проклятія—изъ дверей комнаты для посѣтителей, гдѣ уже горѣла лампа. Саидъ прислушался, затѣмъ вошелъ, и, по пятамъ за нимъ, Селимъ.

Тотъ самый юноша, который утромъ съ такимъ паѳосомъ декламировалъ свою защитительную рѣчь, теперь, окруженный толпой опечаленныхъ слушателей, съ искаженнымъ лицомъ, яростно восклицалъ:

— Да укоротитъ Аллахъ дни его жизни! Чтобъ онъ сгнилъ заживо, этотъ кади, и съ нимъ весь его родъ! Да сотретъ Аллахъ съ лица земли этого поганаго писаку!.. Слыхано ли что-нибудь подобное! Я плачу огромныя деньги за то, чтобъ онъ мнѣ зарядилъ языкъ краснорѣчивыми словами, когда придетъ мой чередъ говорить въ *мехкемехъ*. Я половину своего состоянія отдаю этой подлой свиньѣ. И что же? На судѣ я слышу почти что тѣ же самыя слова изъ устъ моего врага. Ему первому дано слово—значитъ моя рѣчь ужь ничего не стоитъ—хоть сожги и выбрось. Я иду къ этому дьяволу-писцу, а онъ ухмыляется себѣ въ

бороду. Въ одинъ и тотъ же день къ нему пришли два человѣка. Почему же онъ могъ знать, что они оба—тяжущіеся по одному и тому же дѣлу? Онъ еще смѣется!.. Клянусь Аллахомъ! онъ можетъ почитать себя счастливымъ, если я не убью его за отказъ вернуть мнѣ деньги.

Въ этомъ мѣстѣ Саидъ отошелъ въ дальній уголъ комнаты, чтобъ посмѣяться, не будучи замѣченнымъ пострадавшимъ. Онъ былъ въ восторгѣ отъ остроумной продѣлки писца и шепотомъ выразилъ свой восторгъ Селиму; этотъ послѣдній соглашался, что писецъ славно одурачилъ кліента, но все же находилъ, что деньги слѣдовало бы вернуть обратно.

Бѣдный юноша, сорвавъ злость, теперь стоналъ и жаловался на свою горькую участь.

— И, вдобавокъ ко всему,—плакался онъ—судъ отложенъ до завтра, а у меня и деньги всѣ истрачены—все, что я захватилъ съ собою, кромѣ нѣсколькихъ піастровъ, отложенныхъ на ѣду и квартиру. У меня ничего не осталось на подкупъ свидѣтелей на завтра... Дѣло мое проиграно... Милосердный Аллахъ! я раззоренъ!

— Оселъ!—шепнулъ Саидъ своему слугѣ.—Ну, скажи самъ, еслибъ не такія бараньи головы, какъ онъ, на чемъ бы и нажиться умному человѣку?—Онъ громко подозвалъ служителя, велѣлъ ему подать чего-нибудь повкуснѣе и на время умолкъ, занявшись ѣдой. Въ видѣ милости, онъ разрѣшилъ Селиму ужинать вмѣстѣ съ нимъ, хотя, по правдѣ говоря, самъ былъ радъ этому, такъ какъ терпѣть не могъ ѣсть одинъ. Запивъ ѣду горячимъ горькимъ кофе, прямо съ жаровни, поданнымъ босоногимъ мальчишкой-прислужникомъ, Саидъ икнулъ отъ полноты желудка и велѣлъ подать себѣ наргиле.

Сытый и довольный, не имѣя чѣмъ заняться, Саидъ начиналъ ощущать потребность, довольно часто проявляющуюся у великихъ и богатыхъ міра сего. Его душа жаждала утѣхъ и женской ласки. На мигъ онъ пожалѣлъ, что возлѣ него нѣтъ Газнэ, но лишь на мигъ. Въ городѣ мало ли всякихъ усладъ, а Газнэ была его женой уже втеченіе семи лѣтъ, такъ что сладости въ ней для него осталось мало. Къ тому же, она не выполнила своего супружескаго долга—не дала ему ребенка. Онъ давно рѣшилъ взять себѣ другую жену, какъ только онъ разбогатѣетъ. Онъ взглянулъ на Селима, обѣими руками набившаго себѣ ротъ вареннымъ въ маслѣ рисомъ, — и шепотомъ спросилъ его о чемъ-то, исподтишка вглядываясь въ выраженіе лица слуги.

- Нѣтъ, клянусь Аллахомъ!—съ негодованіемъ пробормоталъ тотъ, брызжа слюною.—Ваша милость ошибается.

Селимъ не изъ такихъ. Я готовъ служить тебѣ чѣмъ угодно, о, мой господинъ, но вести тебя въ такое мѣсто—нѣтъ, я не могу.

— Ты меня не понялъ,—успокоительно шепнулъ Саидъ.— Я никогда не сомнѣвался въ твоей честности,—никогда!— умирать буду, скажу то же. Я просто спросилъ твоего совѣта, такъ какъ я здѣсь пріѣзжій человѣкъ и города не знаю.

Селимъ скоро смягчился.

— Это другое дѣло, господинъ мой, но, по правдѣ говоря, въ такихъ дѣлахъ я—плохой совѣтчикъ. Есть тутъ дома въ христіанскихъ и еврейскихъ кварталахъ—ахъ, эти невѣрные такіе грязные люди!—хорошее слово ты давеча сказалъ о томъ, чтобъ перебить ихъ всѣхъ. Такъ я говорю, тутъ есть дома, гдѣ женщины по ночамъ поютъ и пляшутъ. Въ любой тавернѣ ты найдешь назарянина, который за деньги сведетъ тебя туда. Но совѣтую тебѣ не ходить, потому что въ такомъ мѣстѣ всегда можно встрѣтить лихого человѣка. Или, ужь если ты рѣшилъ идти, по крайней мѣрѣ, оставь ты свои деньги здѣсь у хозяина *ханэ*; онъ дастъ тебѣ расписку и завтра утромъ ты получишь ихъ обратно.

Но, какъ ни убѣждалъ его слуга, Саидъ не могъ рѣшить оставить свои деньги въ рукахъ чужого человѣка. Промѣнять золото и серебро на клочекъ писаной бумаги представлялось ему верхомъ нелѣпости.

— Безразсудно ты поступаешь, господинъ мой,—со слезами въ голосѣ шепталъ Селимъ.—Ахъ, зачѣмъ ты не привезъ съ собой своей невѣсты? Чужія женщины могутъ погубить и мудреца. Что касается меня, у меня есть свой домикъ въ деревнѣ между горами, кусокъ земли и два фруктовыхъ дерева—все мое достояніе. Моя жена тамъ и жила, пока я зарабатывалъ себѣ хлѣбъ въ качествѣ погонщика муловъ; и теперь тамъ живетъ. Это всего въ двухъ часахъ ходьбы отъ города и, когда мнѣ захочется побыть съ ней, я иду туда. Она славная и вѣрная жена и кажется красивой, когда видишь ее рѣдко и прощаешься съ ней утромъ, когда еще только свѣтаетъ. Ахъ, эффенди, услада сердцу женщина съ ребенкомъ у груди для мужчины, вернувшагося изъ далекихъ странствій. Но то, что ты затѣялъ, господинъ мой—прости меня!—позоръ для правовѣрнаго; потомъ тебѣ самому стыдно будетъ вспомнить. Чужія женщины алчны, какъ лютые звѣри: онѣ сожрутъ тебя безъ остатка, если ты станешь гоняться за ними. Оставь хоть половину твоего богатства у хозяина *ханэ*, или, если тебѣ угодно, у меня, твоего вѣрнаго слуги.

Но Саидъ только подозрительно посмотрѣлъ на говорившаго,—ужь не задумалъ ли и этотъ обокрасть его? Вскорѣ

послѣ того онъ всталъ и, заплативъ за ужинъ, пожелалъ доброй ночи всей компаніи. Селимъ выпросилъ фонарь у босоногаго привратника и поспѣшилъ за своимъ господиномъ, мимо спящихъ животныхъ, на безлюдную улицу, гдѣ было теперь темно, хоть глазъ выколи, и гдѣ шлепанье ихъ туфель отдавалось, словно въ пустой залѣ. Собаки шарахались въ сторону отъ яркаго свѣта фонаря и съ лаемъ устремлялись вслѣдъ за ними. Селимъ рѣшилъ до конца свѣтить своему господину, хочетъ, или не хочетъ этого Саидъ, и хорошенько замѣтить себѣ, въ какой домъ онъ войдетъ и что за человѣкъ стоитъ у двери.

XIV.

— Горе мнѣ!.. Умилосердись надо мной Аллахъ!.. я раззоренъ!.. все мое богатство пошло прахомъ... Злые люди ограбили меня: убей ихъ до смерти Аллахъ за это!.. О, еслибы я зналъ, кто меня ограбилъ, я убилъ бы его!.. Еще вчера вечеромъ я былъ богатъ; а теперь мнѣ остается только просить милостыни... Но я не оставлю этого такъ—я отомщу. Я пойду прямо къ кади—къ военачальнику—къ самому Султану... Вставай, Селимъ, идемъ скорѣе довести обо всемъ этомъ до свѣдѣнія судьи.

— Горе мнѣ!.. Сердце мое болитъ за тебя, господинъ мой. Увы! не я ли совѣтовалъ тебѣ оставить хоть половину твоего богатства у владѣльца *ханэ?*—но ты не согласился. Я сдѣлалъ все, что только можетъ сдѣлать человѣкъ. Я разыскалъ хозяина этого дома грѣха. Я грозилъ ему самыми жестокими пытками, такъ что онъ даже заплакалъ. Но ничего не добился и вернулся къ тебѣ назадъ, куда ты указалъ мнѣ, въ этотъ прибережный садъ, чтобы плакать вмѣстѣ съ тобою. Кади не поможетъ тебѣ, потому что тебѣ нечего ему сунуть въ руку. Къ тому же, изъ своихъ доходовъ этотъ домъ грѣха значительную долю платитъ городу за покровительство... Не думай, что я легко отнесся къ твоей потерѣ. Я битыхъ два часа толковалъ съ хозяиномъ этого дома, просилъ, бранился, угрожалъ. Одинъ разъ даже схватилъ его за горло...

— Ага! Это ты хорошо сдѣлалъ. И что же говоритъ эта свинья?

— Развѣ я не сказалъ тебѣ, о господинъ мой? Онъ плакалъ горько, и сыновья его плакали вмѣстѣ съ нимъ. Потомъ всталъ, и за нимъ его сыновья. Всѣ они взяли большія палки въ руки и принялись бѣгать, какъ сумасшедшіе, по всему дому, колотя танцовщицъ и старуху, которая имъ вмѣсто матери, и слугъ, и человѣка, который сторожитъ у двери.

— Милосердный Аллахъ! Неужто же никто изъ нихъ не сознался?

— Увы, мой господинъ! горе темнитъ твой разумъ. Развѣ я не сказалъ тебѣ? Всѣ они сознались. Бремя чужой вины показалось имъ легкимъ и радостнымъ, въ сравненіи съ побоями хозяина. Всѣ они, женщины и мужчины, громко кричали и молили о пощадѣ, говоря: „Я и никто другой укралъ!—или: я украла!“ Но это все равно, какъ еслибы ни одинъ не сознался. Ахъ, господинъ мой, какъ могъ ты такъ неосторожно обойтись со своими деньгами!..

— Горе мнѣ! я раззоренъ!

И Саидъ громко зарыдалъ, колотя себя въ грудь и дергая себя за платье, словно хотѣлъ разорвать его. Селимъ, сидя на корточкахъ, закутанный въ халатъ миссіонера, съ глубокой горестью смотрѣлъ на отчаяніе своего господина, силясь утѣшить страдальца пословицами и мудрыми изреченіями древнихъ—крохами, падающими съ обильнаго стола Ислама, которыя даже и псы подбираютъ и передаютъ изъ устъ въ уста. Но Саиду трудно было въ эту минуту исполниться смиренія, которому учитъ мудрость Пророка. „Человѣкъ долженъ все, дурное и хорошее, переносить спокойно“. „Аллахъ превыше всего“. „Претерпѣвшій до конца можетъ быть увѣренъ, что онъ удостоится награды“. Всѣ эти крохи утѣшенія Саидъ гнѣвно отшвыривалъ отъ себя, какъ выдохшееся старое пиво. Онѣ его не утѣшали.

Не внимая мольбамъ своего слуги, онъ повалился наземь, плача, стеная и бормоча проклятія. Корчась отъ муки, онъ молилъ Аллаха отомстить за него, наказать обидчика и разрушить домъ грѣха вмѣстѣ со всѣми обитающими въ немъ.

Голосъ гнѣва и печали нарушалъ спокойствіе мирнаго сада, какъ стенанья грѣшниковъ въ аду, донесшіяся въ рай. Селимъ, давно смирившійся, свернулъ себѣ папироску и закурилъ ее, усѣвшись на корточкахъ въ тѣнь. Вокругъ нихъ отдѣльные кустики и цѣлыя заросли розъ колыхали въ воздухѣ благоуханные цвѣты и шептались зелеными листочками подъ лаской вѣтерка, пившаго ихъароматъ. Рѣка журчала въ своемъ каменномъ руслѣ, сверкая на солнцѣ гладко обточенными валунами и подмываясь подъ берегъ глубокими лужами, какъ будто и ей пріятно было полѣниться въ тѣни высокаго орѣшника.

Грустящіе были совсѣмъ одни. Шумы города доносились до нихъ издали, какъ гудѣнье большого пчелинаго улья. Маленькій кабачокъ на берегу невдалекѣ стоялъ совсѣмъ пустой и даже хозяинъ его спалъ въ тѣни. Былъ четвертый часъ дня, а до румянаго заката у людей нѣтъ досуга выйти

подышать благоуханіемъ садовъ. Каменный мостъ съ единственною высокой и красивой аркой, пересѣкавшій рѣку нѣсколько пониже, смотрѣлъ на осколки своего отраженія въ водѣ и словно кивалъ имъ, засыпая. Огромный синій куполъ небосвода блѣднѣлъ по краямъ горизонта, окутанный жемчужной дымкой. Все кругомъ тонуло въ зелени, но въ одномъ мѣстѣ, въ просвѣтѣ вѣтвей, видна была городская стѣна, бѣлый кубикъ верхняго этажа съ выпуклой рѣшеткой, и одинокій минаретъ вдали.

— Утѣшься, о мой господинъ, — сказалъ, наконецъ, Селимъ, когда папироска успокоила его и онъ менѣе мрачно сталъ смотрѣть на вещи.—Смотри: ты даже птицъ всѣхъ распугалъ стенаньями твоего горя. — Онъ указалъ на птичекъ, которыя, тревожно чирикая, перепархивали съ вѣтки на вѣтку.—Согласенъ, потеря твоя велика. Для маленькаго человѣка, вродѣ меня, это было бы раззореніемъ. Но для тебя, эффенди, это только непріятность — безъ сомнѣнія, очень обидная, и я скорблю вмѣстѣ съ тобой. Ты потерялъ деньги, которыя взялъ съ собой, чтобы истратить, но главныя твои богатства остаются нетронутыми—тѣ земли и дворецъ, о которыхъ ты мнѣ разсказывалъ вчера, и все твое богатство, которымъ ты владѣешь въ своемъ родномъ городѣ.

Отъ этихъ словъ Саида всего скрючило, словно отъ укуса змѣи. Онъ упалъ въ такую бездну горя, что ему уже не страшно было опозорить себя въ глазахъ погонщика муловъ. И онъ съ горечью, почти сердито крикнулъ:

— Все это была ложь, вранье—все, что я говорилъ тебѣ. Ничего у меня нѣтъ и не было, кромѣ того, что у меня украли. Правда, былъ я когда-то важнымъ человѣкомъ. Люди на перебой кидались цѣловать край моей одежды, когда я выходилъ изъ дому. Но величью моему насталъ конецъ. Мой врагъ, который ненавидѣлъ меня, былъ назначенъ каймакамомъ и использовалъ всю свою власть, какъ губернатора, чтобъ погубить меня. Меня ограбили, и онъ открыто укрывалъ грабителей. Однажды ночью, двое членовъ Совѣта, мои друзья, тайно пришли въ мой домъ—дворецъ, клянусь Аллахомъ! — предупредить меня, что противъ меня заговоръ съ цѣлью лишить меня жизни. И въ ту же ночь я бѣжалъ, на томъ конѣ, котораго ты видѣлъ, взявъ съ собой только женщину, которая была мнѣ дорога, и денегъ на дорогу. Женщина заболѣла въ дорогѣ и я оставилъ ее въ домѣ одного своего друга. Увы! быть можетъ, ея ужь нѣтъ на свѣтѣ.

— Горе мнѣ! я раззоренъ... Вчера еще я былъ богатымъ человѣкомъ: имѣлъ слугу и денегъ вволю, а сегодня—я червь раздавленный и нѣтъ никого, кто бы пожалѣлъ меня!.. Аллахъ, умилосердись, возьми и мою жизнь...

И онъ снова разразился плачемъ и рыданіями.

— Ну это ужь, клянусь моею бородой, ты глупости говоришь, эффенди,—строго сказалъ Селимъ. — Ты говоришь: „вчера еще у меня былъ слуга“,—какъ будто сегодня нѣтъ у тебя человѣка, который былъ бы готовъ исполнить твой приказъ. Нехорошо, что ты скрылъ отъ меня истину, эффенди. Слуга все равно, что компаньонъ или жена. Ему лучше съ первыхъ дней сказать всю правду, потому что, живя съ тобой подъ одной кровлей, онъ, все равно, узнаетъ все, что ты хотѣлъ отъ него скрыть. Развѣ я не связанъ съ тобой шестьюдесятью піастрами и этой роскошною одеждой, которую ты подарилъ мнѣ? Такое платье стоитъ много золота, хотя бы франки и смѣялись надъ нимъ. Селимъ не песъ и не гяуръ, чтобы покинуть въ бѣдѣ своего благодѣтеля, которому Аллахъ послалъ несчастье.

— Возьми же себя въ руки, господинъ мой. Подбодрись! Кромѣ шестидесяти піастровъ, у меня есть и свои деньги— немного, разумѣется—очень немного. На всѣ эти деньги я накуплю товаровъ—разныхъ мелочей, которые носятъ по улицамъ въ корзинахъ. Удостой раздѣлить со мною мое начинаніе, эффенди, не почитай для себя это за стыдъ изъ-за того, что я—погонщикъ муловъ, а ты человѣкъ образованный и изъ хорошаго дома. Я отыщу тѣнистое мѣстечко, и ты будешь сидѣть тамъ у корзины, а Селимъ будетъ громко выхвалять твои товары, соблазняя прохожихъ остановиться и посмотрѣть ихъ. Какъ и теперь, Селимъ будетъ твоимъ слугой. Только въ концѣ дня, когда торговля уже прекращается, мы будемъ считать барыши и дѣлить ихъ между собою поровну, какъ компаньоны. Согласенъ ли ты, господинъ мой? Я понимаю, что тебѣ зазорно торговать въ компаніи съ такимъ человѣкомъ, какъ Селимъ, притомъ на улицѣ, гдѣ всѣ тебя могутъ видѣть — это естественно. Но вѣдь это только начало. Потомъ, когда мы немножко разбогатѣемъ, мы арендуемъ мѣсто на одномъ изъ лучшихъ рынковъ, и я обѣщаю тебѣ: ты станешь большимъ купцомъ, а Селимъ, слуга твой и (про это будемъ знать только мы двое) твой компаньонъ, будетъ дѣлить съ тобой твое благополучіе. Что ты на это скажешь?

Не скоро Саидъ далъ уговорить себя и позволилъ вѣрному слугѣ смягчить немного свое горе. Впродолженіе нѣсколькихъ часовъ тотъ уговаривалъ его, а онъ только стоналъ и на всѣ предложенія моталъ головой и отмахивался отъ него обѣими руками. Но, когда день склонился къ вечеру и тѣни деревьевъ и кустовъ удлиннились и потемнѣли, онъ сталъ отнѣкиваться уже не такъ упорно; а послѣ папироски, которую вѣрный Селимъ скаталъ для него и почтительно

зажегъ, онъ и совсѣмъ размякъ.—Ну, будь по твоему,—молвилъ онъ, махнувъ рукой, и уже съ интересомъ началъ обсуждать съ Селимомъ планы будущей торговли.

— А теперь, о господинъ мой,—сказалъ Селимъ, улыбаясь отъ радости, что исцѣлилъ душу скорбящаго, — пойдемъ вонъ въ тотъ кабачокъ — ты съ ранняго утра, вѣдь, ничего не ѣлъ. Хозяинъ кабачка мнѣ хорошо знакомъ, мы съ нимъ даже побратимы. А стряпаетъ онъ такъ, что по всему городу о немъ идетъ слава, какъ о чудесномъ поварѣ. Клянусь Аллахомъ, его тушеныя овощи не имѣютъ себѣ равныхъ въ мірѣ. Вставай же, господинъ мой. Если понадобится, у меня есть деньги.

Солнце уже близилось къ закату и много посѣтителей изъ города сидѣло на низенькихъ стульчикахъ въ самой тавернѣ или же въ тѣни большого орѣшника, росшаго возлѣ ручья, наклоняя къ нему свои вѣтви.

Караванъ муловъ, переходившій рѣку черезъ мостъ неподалеку, мелодично позвякивалъ своими колокольцами, Совсѣмъ иная музыка доносилась изъ-подъ широкаго портика кофейни,—если только можно назвать это портикомъ, ибо недоставало одной только стѣны, чтобы превратить его въ комнату, такихъ же размѣровъ, какъ и сама кофейня. Человѣкъ, сидѣвшій, скрестивъ ноги, на каменной скамьѣ или ложѣ у внутренней двери, жалобно завывалъ нараспѣвъ съ закрытыми глазами, все время ритмично раскачивая станъ взадъ и впередъ, въ то время какъ другой, сидѣвшій напротивъ него на обыкновенномъ стулѣ, аккомпанировалъ ему на двухструнной гитарѣ. Нѣкоторые изъ слушателей прихлопывали въ ладоши, отбивая тактъ. Другіе томно улыбались съ закрытыми глазами, протяжно вздыхая: „А-а-а!“ или же, задыхаясь, шептали: „О, глаза мои! О, душа моя!“ отъ избытка чувственнаго наслажденія. То была любовная пѣсня, восторженная и страстная, которой истый арабъ не можетъ внимать равнодушно.

На Саида въ его теперешнемъ настроеніи она подѣйствовала очень сильно, вызвала въ немъ не томность нѣги, какъ у другихъ слушателей, а волненье крови, отъ котораго загорѣлись румянцемъ его смуглыя щеки и заблестѣли глаза. Страстные выкрики пѣвца, его выгибаніе тѣла, его стоны—все это будило живой откликъ въ груди рыбака. Просыпались старыя воспоминанія и, какъ кучка увядшихъ лепестковъ розы, благоухали ароматомъ прежнихъ дней. Припоминался вечеръ, когда онъ привелъ къ себѣ въ домъ невѣсту, восторгъ, блаженство и безумье первой страсти... А міръ вѣдь полонъ дѣвушекъ прекраснѣй и нѣжнѣе, чѣмъ была его жена.

Поглощенный музыкой, казалось ему, воспѣвавшей все, что въ жизни есть прекраснаго и сладостнаго, Саидъ не слушалъ разговора, который вполголоса велъ Селимъ съ хозяиномъ таверны, хоть и догадывался, что разговоръ этотъ клонится къ удовлетворенію его разыгравшагося аппетита. Заключительныя слова, произнесенныя нѣсколько громче предыдущихъ, вслѣдъ удалявшемуся хозяину, однако-жъ дошли до его сознанія.

— Да умножитъ Аллахъ твое благоденствіе, отецъ вареныхъ овощей! Приготовь ихъ въ тушеномъ видѣ, какъ только ты одинъ умѣешь это дѣлать, и, ахъ! заклинаю тебя твоей любовью ко мнѣ, не забудь пропитать ихъ хорошенько масломъ.

Пѣсня оборвалась рѣзкой, протяжной нотой, долго дрожавшей въ воздухѣ. Пѣвецъ открылъ глаза и осклабился въ ожиданіи заслуженныхъ аплодисментовъ. Изъ грудей слушателей вырвался единодушный вздохъ удовлетворенія и сожалѣнія о томъ, что пѣсня кончилась; затѣмъ мало по малу возобновились разговоры.

Саидъ смотрѣлъ на западъ, туда, гдѣ солнце уже склонило подбородокъ свой на гребень горной цѣпи, казавшейся темной стѣною чудовищной печи, ибо все вокругъ было огонь. Онъ видѣлъ храмъ на горѣ, съ которой онъ впервые увидѣлъ этотъ городъ—крохотный черный шарикъ, вырисовывавшійся на фонѣ неба. Всего лишь третьяго дня онъ на своемъ конѣ въѣхалъ на самую вершину.

По мѣрѣ того, какъ онъ углублялся въ размышленія, волненіе въ крови, вызванное любовной пѣсней, стихало, уступая мѣсто тупой покорности, которой и надлежитъ царить въ душѣ правовѣрнаго, когда Селимъ дернулъ его за платье и шепнулъ:

— Смотри, о, господинъ мой! Вонъ идетъ тотъ самый человѣкъ, котораго надулъ писецъ—помнишь, вчера вечеромъ, въ ханэ? Смотри, съ нимъ его младшій братъ и угрюмый слуга.

Саидъ вздрогнулъ и обернулся. Въ то же самое мгновеніе солнце закатилось за шаршавые холмы и сады мгновенно изъ облитыхъ пламенемъ стали голубовато-сѣрыми. Человѣкъ, о которомъ говорилъ Селимъ, шелъ медленно, уныло понуривъ голову. Когда бѣднякъ приблизился съ своею свитой, Саидъ почтительно всталъ, низко поклонился и жестомъ выразилъ почтеніе, набравъ въ горсть воображаемой пыли и сдѣлавъ видъ, будто слегка посыпаетъ ею лобъ и губы.

— Да будетъ вечеръ вашъ пріятнымъ и счастливымъ, эффенди. Помогъ ли вамъ Аллахъ выиграть ваше дѣло?

При этомъ вновь прибывшіе всѣ трое подняли къ небу

руки и глаза, разразившись потокомъ смѣшанныхъ привѣтствій, жалобъ и проклятій. Очевидно, дѣла они не выиграли.

Саидъ подождалъ, пока они усѣлись, затѣмъ придвинулъ къ нимъ свой табуретъ и горячо выразилъ свое участіе, хоть и вполголоса, но въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ возмущаясь несправедливостью судьбы вообще, и судей въ частности. Онъ также много выстрадалъ съ тѣхъ поръ, какъ въ послѣдній разъ имѣлъ удовольствіе видѣть его милость. За одну ночь его ограбили, лишили всего его достоянія, и онъ нигдѣ не могъ найти управы на обидчиковъ, не могъ даже добиться, чтобы выслушали его жалобу. Видитъ Аллахъ, этотъ городъ—мать всякихъ беззаконій!

Согрѣтый теплымъ участіемъ брата по несчастію, бѣдный юноша разговорился. Онъ съ самаго начала разсказалъ всю исторію своихъ обидъ, начиная отъ спора съ сборщикомъ десятины, требовавшимъ втрое больше, чѣмъ слѣдуетъ, зерна съ селенія, въ которомъ онъ, юноша, былъ старшиной, и кончая несправедливостью судьи. Это была длинная исторія, съ нагроможденіемъ всякихъ обидъ и несправедливостей, но Саидъ не досадовалъ на то, что она длинная: онъ тѣмъ временемъ сочинялъ исторію собственныхъ невзгодъ, которая должна была превзойти разсказъ собесѣдника. И, улучивъ удобный предлогъ—небольшую паузу въ разсказѣ юноши—онъ тотчасъ же клиномъ врѣзался въ этотъ разсказъ, перебивъ его своимъ и поразивъ всѣхъ слушателей картиною такихъ несчастій, какія никогда еще не постигали человѣка, со временъ Айюба Бедави [1]), котораго Аллахъ любилъ и каралъ нещадно.

— Поистинѣ, ты еще несчастнѣе меня!—съ изумленіемъ вскричалъ юноша.—Въ сравненіи съ тобой, я могу даже назвать себя удачникомъ, ибо все же я нашелъ одного праведнаго человѣка въ этомъ городѣ воровъ. Онъ пожалѣлъ меня и отнесся ко мнѣ, какъ другъ. Еслибъ не его доброта, я бы сейчасъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, вмѣсто того, чтобы бесѣдовать съ тобою на свободѣ, въ этомъ миломъ садикѣ. Узнай же, что на судѣ сегодня былъ одинъ старикъ—другъ кади, сидѣвшій возлѣ него на почетномъ мѣстѣ, гдѣ иной разъ сидитъ муфтій. Но это былъ не его преосвященство муфтій—того я хорошо знаю въ лицо.

— Вмѣстѣ съ этимъ безсовѣстнымъ, несправедливымъ приговоромъ, на меня была наложена еще пеня, за то, молъ, что я даромъ побезпокоилъ проклятаго сборщика десятины своею тяжбой и помѣшалъ ему на время отправлять его служебныя обязанности. А такъ какъ заплатить мнѣ было

---

[1]) Іовъ.

нечѣмъ, я предложилъ съѣздить къ себѣ въ деревню и черезъ три дня доставить деньги. Но на это врагъ мой—да погибнетъ весь его родъ!—крикнулъ: „Не пускайте его: онъ хочетъ уйти отъ правосудія!“ И судья тоже объявилъ, что, если я не заплачу пени тутъ же, я долженъ идти въ тюрьму и сидѣть тамъ, пока за меня не внесутъ деньги. Тогда поднялся старикъ, о которомъ я давеча говорилъ—добрый старикъ, ласковый такой, награди его Аллахъ!—другого такого нѣтъ на свѣтѣ. Онъ обратился къ кади и попросилъ у него милости... Не знаю, о чемъ они говорили, потому что они говорили шепотомъ, а меня увели въ переднюю, но только потомъ старикъ прошелъ ко мнѣ въ переднюю, отвелъ меня въ сторонку и сказалъ, что не дастъ посадить меня въ тюрьму за такіе пустяки. Онъ заплатитъ за меня пеню, если только я ему пообѣщаю вернуть деньги до истеченія года. Награди его Аллахъ!

— И вотъ, какъ видишь, я свободенъ. Завтра, чуть свѣтъ, ѣду домой, а черезъ четыре дня, считая отъ сегодняшняго, праведный и добрый человѣкъ убѣдится, что Хабибъ эбнъ Назръ хорошій человѣкъ, а не клятвопреступникъ.

— Удостой придвинуться поближе, господинъ мой. Ужинъ готовъ,—шепнулъ Селимъ.

— Съ твоего позволенія, я долженъ покинуть тебя,—скороговоркой зашепталъ Саидъ, разрываясь между муками голода и желаніемъ узнать побольше объ этомъ чудѣ щедрости,—но прежде, чѣмъ уйду, скорѣй, прошу тебя: скажи мнѣ, какъ зовутъ этого старика. Я тоже бѣденъ—и въ тяжкой невзгодѣ. Моя нужда еще больше твоей. Безъ сомнѣнія, этотъ добрый человѣкъ поможетъ мнѣ, выслушавъ мою исторію. Скажи же мнѣ, о шейхъ, какъ его имя—и гдѣ домъ его. Я не успокоюсь до тѣхъ поръ, пока не поцѣлую его ногъ.

— Его зовутъ Измаилъ Аббасъ—онъ шерифъ, изъ рода Пророка—вотъ все, что онъ сказалъ мнѣ. Но, смѣю тебя увѣрить, это—большой человѣкъ,—его именами и титулами можно наполнить цѣлую книгу. Должно быть, онъ—ученый богословъ, ибо онъ сказалъ мнѣ, что его можно всегда найти у воротъ большой мечети между третьимъ часомъ и полуднемъ.

— Благодарю тебя,—пробормоталъ Саидъ, озабоченно наморщивъ лобъ.—Да сохранитъ тебя въ пути Аллахъ и да поможетъ онъ тебѣ благополучно добраться домой.

Съ этими словами онъ взялъ свой табуретъ и вернулся къ своему слугѣ.

— У меня добрыя вѣсти для тебя Селимъ,—шепнулъ

онъ.—Веселыя, радостныя. Завтра, въ третьемъ часу, ты поведешь меня къ большой мечети и...

Онъ не успѣлъ договорить: какъ разъ въ это мгновеніе изъ города донесся, плывя надъ садами, пѣвучій зовъ муэззиновъ съ высоты сотенъ минаретовъ—голосъ общественной совѣсти, призывающій всѣхъ на молитву.

Саидъ палъ на колѣни. Его огорчало то, что у него не было плаща подстелить себѣ вмѣсто ковра, какъ онъ видѣлъ это сдѣлали другіе, въ томъ числѣ и его слуга, Селимъ. На время въ тавернѣ и около нея воцарилось безмолвіе, нарушаемое только жаркимъ шепотомъ молящихся да порой стукомъ горшковъ и сковородъ, неосторожно двинутыхъ какою-нибудь неуклюжей бабой внутри дома. Единственный фонарь, спускавшійся съ крюка, вбитаго въ крышу, уже горѣлъ, хотя голубоватый, какъ пламя спирта, дневной свѣтъ еще медлилъ въ просвѣтахъ между деревьями, бросая синеватые отсвѣты на головы въ тюрбанахъ, всѣ повернутыя въ одну сторону, на руки, прикрывшія глаза, для большаго сосредоточенія, на шевелящіяся губы, на молодыхъ и старыхъ, простертыхъ ницъ, припавшихъ челомъ къ землѣ,—смутно проникая даже въ дальній уголъ таверны, гдѣ сидѣло трое невѣрующихъ, рядомъ у стѣны, не смѣя шевельнуться или сказать слово. Ибо въ такое время, за неосторожное слово, нарушавшее покой молящихся, можно было получить и взбучку.

XV.

Оказалось, что Селимъ многое могъ поразсказать о добромъ и ученомъ докторѣ, имя котораго Саидъ сообщилъ ему за ужиномъ, не забывъ упомянуть при этомъ и о своихъ надеждахъ. Но развѣ было что-нибудь, о чемъ Селимъ не имѣлъ бы чего поразсказать? Погонщики муловъ и верблюдовъ, расположившись на ночлегъ въ какомъ-нибудь *ханэ*, или хотя бы на привалѣ, до поздней ночи разсказываютъ другъ другу о своихъ приключеніяхъ, своихъ хозяевахъ и своихъ родныхъ городахъ. Смѣтливый и внимательный слушатель изъ такихъ разсказовъ можетъ почерпнуть много полезныхъ свѣдѣній и о жизни, и о людяхъ. А у Селима слухъ былъ острый и память превосходная.

Имя Измаилъ Аббаса стало синонимомъ учености и справедливости и о немъ ходило много интересныхъ анекдотовъ, всѣ съ привкусомъ той особой мудрости, которая свойственна пословицамъ. Но, хотя слуга охотно выложилъ господину весь свой запасъ анекдотовъ объ этомъ чело-

вѣкѣ, онъ все же отговаривалъ Саида обращаться къ нему за милостыней.

Онъ даже не скрывалъ мотива, но смиренно изложилъ его въ видѣ просьбы, съ волненьемъ въ голосѣ и взглядѣ. Онъ боялся, что Саидъ, раздобывшись вновь деньгами, раздумаетъ быть его компаньономъ и поищетъ болѣе почетнаго способа разбогатѣть. Но рыбакъ былъ непреклоненъ и Селимъ, въ концѣ концовъ, вынужденъ былъ уступить и обѣщалъ на другое утро свести Саида въ мечеть.

Тѣмъ не менѣе упорство Саида огорчило и раздосадовало погонщика муловъ. Онъ долго ворчалъ себѣ подъ носъ, пожимая плечами и глядя на свои ноги. Потомъ словно пришелъ къ какому-то рѣшенію и лицо его прояснилось.

— Много денегъ онъ тебѣ не дастъ, о господинъ мой. И тебѣ выгоднѣе всего будетъ употребить ихъ, какъ я тебѣ совѣтовалъ. Тогда мы сможемъ купить лучшихъ товаровъ, чѣмъ на одни только мои деньги. Что ты на это скажешь?

— Разумѣется,—небрежно проронилъ Саидъ.—Ты хорошій, добрый человѣкъ и вѣрный слуга. Будь спокоенъ, я не оставлю тебя.

— Чудесно, превосходно!—радостно вскричалъ Селимъ.—А теперь, съ твоего позволенія, эффенди, я пойду потолковать съ моимъ другомъ.

Съ этими словами онъ всталъ и, пробираясь между табуретами, направился къ двери, ведшей во внутренній покой, гдѣ содержатель кабачка стоялъ, нагнувшись надъ жаровней, а огромная тѣнь его тянулась вдоль по стѣнѣ.

Почти тотчасъ же Селимъ вернулся и обратилъ вниманіе Саида на хозяина, пришедшаго съ большимъ пестрымъ матрацомъ и разстилавшаго его на полу въ темномъ уголкѣ поодаль отъ гостей. Селимъ надѣялся, что его милость не побрезгаетъ провести ночь въ этомъ скромномъ кабачкѣ. Постель мягкая и чистая,—за это хозяинъ ручается. Посѣтители скоро всѣ разойдутся и его превосходительство можетъ проспать здѣсь безъ помѣхи до утра.

Саида давно уже клонило ко сну. Онъ всталъ, зѣвнулъ, призвалъ благословеніе Аллаха на этотъ домъ и на его хозяина, мимоходомъ раскланялся съ неудачливымъ тяжущимся и его спутниками и улегся на матрацъ. Съ минуту онъ лежалъ, мигая глазами на шаткій фонарь, свѣтъ котораго все тускнѣлъ и тускнѣлъ въ его глазахъ. Потомъ заснулъ и ужъ ничего не видѣлъ, пока Селимъ не разбудилъ его и онъ, раскрывъ глаза, не увидалъ росистой травы и кустовъ въ саду, озаренныхъ первыми лучами солнца, и

содержателя таверны, толстяка съ добродушнымъ лицомъ и въ засаленномъ тюрбанѣ, ставившаго передъ нимъ на полъ подносъ со всякой снѣдью.

Часа два спустя господинъ и слуга, послѣ сытнаго завтрака и наргиле, выкуреннаго въ интересахъ пищеваренія въ видѣ дессерта, снова входили въ городъ. Пробираясь сквозь пеструю толпу на улицахъ, Селимъ все время разсыпался въ похвалахъ своему другу, содержателю таверны. О, Рашидъ—это такой человѣкъ, такой человѣкъ!—другого такого и не сыщешь. Его милость сами видѣли, какой онъ добрый, какой щедрый. И какъ онъ обрадовался своему побратиму! Они вотъ уже пять лѣтъ, какъ побратались. Рашидъ прежде тоже былъ погонщикомъ муловъ, какъ и Селимъ; они вмѣстѣ ходили въ Багдадъ и Мосулъ и съ первой встрѣчи полюбили другъ друга, какъ братья. У нихъ и друзья, и враги общіе. За пять лѣтъ ни разу между ними не было сказано грубаго слова.

Эта тема была еще далеко не истощена, когда они вышли изъ узенькаго переулка на широкую красивую улицу, ведущую къ мечети. Селимъ круто оборвалъ свой панегирикъ другу, чтобъ показать Саиду ослѣпительно бѣлый минаретъ, обратившій на себя его вниманіе еще въ первое утро его пріѣзда въ городъ. Теперь, какъ и тогда, надъ минаретомъ и вокругъ него кружилось и ворковало несчетное число голубей.

— Извѣстно ли тебѣ его названіе и исторія, связанная съ нимъ, господинъ мой?—спросилъ Селимъ, впрочемъ, только для формы, и, не дожидаясь отвѣта, принялся разсказывать.—Этотъ минаретъ, эффенди, носитъ имя Иса эбнъ Миріама, великаго пророка, котораго христіане въ своемъ ослѣпленіи чтутъ, вмѣсто Аллаха. Хочешь знать, почему онъ такъ зовется. И это Селимъ можетъ повѣдать тебѣ. Всю правду объ этомъ, эффенди, я слышалъ отъ ученаго дервиша, въ обществѣ котораго я шелъ однажды съ мулами отъ Урфы до самаго Халеба Бѣлаго.

Селимъ прервалъ себя и поспѣшно увлекъ своего господина въ нишу большихъ воротъ мечети, чтобы пропустить мимо длинный караванъ верблюдовъ, нагруженныхъ камнемъ и дававшихъ знать о своемъ приближеніи оглушительнымъ звономъ колоколецъ. Здѣсь онъ сталъ въ тѣни, рукой подать отъ толпы и солнечнаго свѣта, держа одной рукою за плечо Саида, чтобы привлечь его вниманіе, а другой указывая ему на минаретъ Іисуса Пророка, котораго правовѣрные зовутъ *Ру'Алла*—Духъ Божій. Взоры прохожихъ съ любопытствомъ останавливались на этой парѣ, но въ особенности на Селимѣ, внушительная поза котораго, въ связи

съ его причудливымъ нарядомъ, дѣлала его замѣтною фигурой.

— Знай же, о господинъ мой: предсказано, что въ послѣдніе дни, когда приблизится конецъ свѣта, явится Дежиль (Дьяволъ) въ облакѣ чернаго дыма, чернаго, какъ смола, окутывающаго весь міръ. Это будетъ Мессія, котораго ждутъ евреи, и многое множество людей изъ этого народа пойдетъ за нимъ. Тогда явится Звѣрь Земной, въ одной рукѣ у него будетъ жезлъ Мусы (Моисея), въ другой—печать Сулеймана (Соломона). Жезломъ онъ начертитъ слово на челѣ каждаго правовѣрнаго, а лбы невѣрныхъ припечатаетъ печатью. И взойдетъ солнце съ запада, и всѣмъ станетъ видимо *Йехеджу-Мехеджу*, племя карликовъ, вышедшее изъ утробы *Йефъ зебнъ Нухъ*. И будетъ великое трясеніе земли во всемъ Арабистанѣ. И Дежилю, лжепророку, на время будетъ дана власть обманывать и вѣрныхъ. Но изъ Йемена изойдетъ огонь—великій пожаръ, который погонитъ передъ собою всякую живую тварь къ мѣсту суда. И вотъ тогда-то придетъ Иса эбнъ Миріамъ, и...

Но Саидъ не въ силахъ былъ дольше терпѣть этой задержки, когда внутри мечети ждалъ его человѣкъ, щедрый на милостыню. Позабывъ объ учтивости, онъ выругался устремился впередъ и сбросилъ свои башмаки у порога храма. Селимъ вздохнулъ, но стерпѣлъ обиду и послѣдовалъ его примѣру.

По правую руку отъ входа, въ темномъ придѣлѣ, группа мальчугановъ сидѣла, поджавъ подъ себя ноги, на коврѣ, образуя полукругъ около почтеннаго мужчины, роскошно одѣтаго, поучавшаго ихъ густымъ басомъ. У каждаго изъ мальчиковъ былъ привѣшенъ къ поясу рожокъ съ чернилами и въ рукѣ было тростниковое перо для записыванія словъ наставника въ тетради, лежавшей у каждаго на колѣняхъ. Саидъ съ улыбкой поглядѣлъ на нихъ, онъ любилъ дѣтей, и ему смѣшно было видѣть дюжину мальчишекъ самаго буйнаго возраста сидящими такъ смирно и серьезно, словно маленькіе писцы у ногъ мудреца. Онъ послѣдовалъ за Селимомъ въ мѣсто омовеній, откуда, выполнивъ обрядъ, оба вернулись въ храмъ, чтобъ помолиться. Выйдя снова на солнце наружнаго двора, Селимъ прикрылъ ладонью глаза, въ то же время зорко поглядывая, не увидитъ ли гдѣ-нибудь зеленаго тюрбана. Неожиданно онъ потянулъ Саида за рукавъ, шепча.

— Ты видишь трехъ почтенныхъ на видъ мужей, сидящихъ вонъ въ томъ углу, гдѣ тѣнь всего гуще? Тотъ, который сидитъ справа, и есть шерифъ Измаилъ Аббасъ,

котораго ты ищешь. Рядомъ съ нимъ, если я только хорошо разглядѣлъ, сидитъ его благочестіе, муфтій. Третьяго я не знаю, но, повидимому, это большой человѣкъ. Совѣтую тебѣ, эффенди, не тревожить ихъ сейчасъ. Они, по всей вѣроятности, бесѣдуютъ о важныхъ матеріяхъ, и разсказъ о твоихъ обидахъ только разсердитъ ихъ, такъ какъ они заняты.

Но Саидъ не внялъ совѣту. Даже не дослушавъ, онъ торопливо зашагалъ по мозаичнымъ плитамъ и, прежде чѣмъ Селимъ успѣлъ опомниться, уже лежалъ у ногъ трехъ именитыхъ мужей, сидѣвшихъ въ прохладной тѣни.

Хвалы и льстивыя слова Саида были прерваны ласковымъ, но властнымъ голосомъ, приказывавшимъ ему встать; тонъ приказа былъ такой, что его нельзя было ослушаться.

Саидъ привсталъ на колѣни, потомъ присѣлъ на корточки, откинувшись назадъ и бормоча все тѣ же льстивыя слова заунывно и монотонно, какъ визжитъ собака. Муфтій, грузный мужчина въ роскошной одеждѣ, нахмурился, недовольный назойливостью просителя. Неизвѣстный, сосѣдъ его, изобразилъ на лицѣ своемъ лѣнивое изумленіе. Только шерифъ остался совершенно равнодушнымъ. Вглядываясь въ лицо Саида и задумчиво поглаживая свою холеную сѣдую бороду, онъ вторично спросилъ:

— Съ которымъ изъ насъ трехъ ты желаешь говорить?

Съ раболѣпнымъ, униженнымъ поклономъ Саидъ отвѣтилъ:—Съ твоею милостью, о эмиръ.

— Даю тебѣ мое разрѣшеніе — говори. Только, смотри недолго, такъ какъ я занятъ.

Дальнѣйшихъ поощреній Саиду не потребовалось. Ломая руки, онъ началъ выкрикивать:—Увы мнѣ! я разоренъ. Да будетъ извѣстно эмиру и вашимъ превосходительствамъ, что нѣкогда я былъ большимъ человѣкомъ — не было въ цѣломъ городѣ болѣе уважаемаго человѣка, клянусь могилой моего отца!—И, перепутывая то, что было съ нимъ, съ тѣмъ, чего не было, онъ началъ разсказывать жалостную и плачевную исторію, поминутно прерывая разсказъ восклицаніями: Горе мнѣ. Увы мнѣ бѣдному!..

— Но почему же,—строго прервалъ его муфтій еще въ самомъ началѣ разсказа: — почему, спрашиваю я тебя, ты винишь теперь въ кражѣ своего друга, когда вначалѣ ты не сомнѣвался, что тебя ограбилъ *джинни*? Всѣмъ извѣстно, что *джановъ* много и что они часто строютъ козни человѣку. Съ тѣхъ поръ, какъ они взбунтовались противъ Аллаха, послѣ грѣхопаденія человѣка, для нихъ первое удовольствіе дразнить и мучить сыновъ Адама. Пророкъ Мухаммедъ, посолъ Аллаха (миръ ему) былъ, сказано въ Писаніи, посланъ не только къ людямъ, но и къ *джанамъ*. Тѣмъ не

менѣе среди нихъ, какъ и среди людей, есть много не увѣровавшихъ, и весьма возможно, что одинъ изъ нихъ ополчился на тебя. Я не люблю, когда при мнѣ высказываютъ такія сомнѣнія. Въ этомъ есть дурной привкусъ невѣрія.

— Прости мнѣ, братъ,—кротко сказалъ шерифъ,—но я раздѣляю сомнѣнія этого молодого человѣка—понятно, только въ данномъ случаѣ, ибо кто можетъ сомнѣваться, что *джаны* существуютъ, когда у насъ столько доказательствъ ихъ существованія? Но, все же, и вѣроломный другъ, увы! не рѣдкость. Разсказывай же дальше.

Саидъ продолжалъ имъ описывать дальнѣйшія невзгоды, постигшія его, прибавляя многое и о многомъ умалчивая, чтобы не выставить себя въ невыгодномъ свѣтѣ. Выслушавъ его, Измаилъ Аббасъ съ легкой улыбкой повернулся къ своимъ друзьямъ.

— Что вы думаете объ его разсказѣ?

— Враки!—сказалъ муфтій, величаво махнувъ жирной рукой и при этомъ сверкнувъ перстнями, которыми были унизаны его толстые пальцы.—Все враки. Это, должно быть, какой-нибудь невѣрующій—переодѣтый христіанинъ.

— Позволь, мой другъ, это ты несправедливо говоришь,—впервые за все время подалъ голосъ третій. — Не я ли боролся за Исламъ, и съ честью? ты самъ знаешь это. Не я ли былъ въ плѣну въ рукахъ невѣрныхъ? Всѣ знаютъ, что у меня меньше, чѣмъ у кого бы то ни было, причинъ любить христіанъ. И однакожь увѣряю тебя, что даже среди моихъ личныхъ враговъ я зналъ у нихъ много хорошихъ людей и справедливыхъ.

— Увѣряю ваше высочество, что я имѣлъ въ виду лишь христіанъ, живущихъ въ нашемъ городѣ,—почтительно возразилъ муфтій.—И у франковъ иногда, согласенъ, встрѣчаются хорошія качества.—Затѣмъ, повернувшись къ Саиду, онъ строго спросилъ:—Но къ чему ты ведешь? Зачѣмъ ты разсказалъ намъ всю эту исторію?

Униженно, смиренно, Саидъ отвѣтилъ, что теперь, раззоренный, безъ друзей, онъ не видитъ иного выхода, какъ просить помощи. Все время при этомъ онъ обращался къ шерифу, а тотъ слушалъ его, задумчиво улыбаясь, какъ бы что-то соображая.—Онъ слышалъ—да и кто же не слыхалъ этого: слава объ его превосходительствѣ идетъ по всей округѣ,—что его милость человѣкъ набожный, щедрый и добраго сердца. И вотъ теперь, попавъ въ бѣду, онъ спѣшитъ поцѣловать землю у ногъ его превосходительства, моля снабдить его хотя бы маленькой суммою денегъ, чтобы спасти его отъ голодной смерти.—Подтверждая слова жестомъ, рыбакъ снова простерся ницъ передъ шерифомъ.

— Голодной смерти?—говоришь ты.—Вздоръ!—воскликнулъ муфтій, поглаживая себя по животу, видимо, туго набитому.—Когда же это люди умирали съ голоду въ Дамаскъ-эсъ-Шамѣ, съ тѣхъ поръ, какъ въ немъ правитъ и владычествуетъ Ибрагимъ Эль Халилъ? Говорятъ, такія вещи случаются въ городахъ франковъ, гдѣ бѣдняку живется хуже, чѣмъ собакѣ. Но укажи мнѣ правовѣрнаго, который отказалъ бы тебѣ въ кускѣ хлѣба и въ глоткѣ воды. Ты вздоръ говоришь, молодой человѣкъ!

Саидъ, словно не слыша замѣчанія почтеннаго судьи, все еще лежалъ у ногъ шерифа.

— Встань!—сказалъ Измаилъ Аббасъ тѣмъ же мягкимъ, но властнымъ голосомъ, котораго нельзя было ослушаться.—Кто я, чтобы ты падалъ ницъ передо мною? И кто, скажи мнѣ, этотъ человѣкъ въ такой необычайной одеждѣ?

Саидъ, снова усѣвшійся на корточки, оглянулся черезъ плечо и увидалъ Селима, смиренно стоявшаго поодаль, позади его.

— Это—мой слуга, съ дозволенія вашей милости.

— Ма ш'Алла! — воскликнулъ муфтій, отъ удивленія даже забывая о спокойствіи, приличествующемъ его высокому званію и грузному тѣлу.—Виданое ли дѣло, чтобы кто звалъ собаку господиномъ? Или у блохи бываютъ слуги? Эй ты, подойди-ка поближе и отвѣть: ты вправду ли слуга этого человѣка!

Селимъ сконфуженно приблизился и отвѣсилъ низкій поклонъ.

— Это правда, о великій. Онъ мой господинъ и отецъ доброты. Это онъ мнѣ подарилъ роскошную одежду, которую я теперь ношу. Это было въ дни его благополучія, и теперь, когда онъ обѣднѣлъ, грѣшно было бы мнѣ покинуть его.

— Вотъ такъ чудо! — ахнулъ муфтій и умолкъ, словно боясь, какъ бы его не хватилъ ударъ.

— Давно-ль ты служишь у него?—освѣдомился Измаилъ Аббасъ съ такой ласковой улыбкой, какой онъ не удостоилъ Саида, не смотря на его удивительный разсказъ.

— Со вчерашняго дня,—былъ отвѣтъ.

Жирное брюхо муфтія все затряслось отъ смѣха и даже важный сосѣдъ его снизошелъ до улыбки.

— Разскажи мнѣ, какъ ты встрѣтился съ нимъ, сынъ мой,—сказалъ шерифъ, поглаживая бороду.

Селимъ вкратцѣ разсказалъ объ ихъ знакомствѣ, не позабывъ упомянуть о щедротахъ своего побратима, содержателя таверны, и о своемъ знаменитомъ планѣ начать въ компаніи съ Саидомъ торговлю въ разносъ мелкимъ товаромъ. Выслушавъ его до конца, Измаилъ Аббасъ обратилъ строгое

лицо къ просителю, и тотъ весь поблѣднѣлъ, такъ суровъ былъ его взглядъ.

— Ты говоришь, что ты всего лишенъ — и однакожъ этотъ добрый человѣкъ согласенъ принять тебя въ компаньоны. Ты говоришь о голодной смерти, когда брюхо твое набито не хуже моего собственнаго. А я тебѣ скажу, что этотъ человѣкъ, смиренно называющій себя твоимъ слугой, за доброту свою достоинъ быть твоимъ господиномъ. Ты вотъ все разглагольствовалъ о своемъ прежнемъ богатствѣ и высокомъ положеніи — а говоришь ты языкомъ бѣднѣйшаго простонародья. Такъ слушай же. Ты былъ рыбакомъ, прежде чѣмъ попалъ сюда—это я узналъ отъ тебя самого. Не кажется ли тебѣ самому, что ты подобенъ рыбѣ, бьющейся въ сѣти, вытащенной изъ воды? Будь ты портнымъ, ты нашелъ бы подходящее для себя сравненіе въ какой-нибудь одеждѣ, будь ты садовникомъ —въ плодѣ. Ты уменъ, безспорно, и боекъ на языкъ—ну, и довольствуйся своимъ умомъ. Я ничего тебѣ не дамъ.

— Братъ, ты мудро разсудилъ,—одобрительно кивнулъ головою муфтій.—Я самъ, хоть и судья, не сумѣлъ бы высказать больше остроты. По истинѣ, вырождаться сталъ народъ,—продолжалъ онъ, помахивая пухлою рукой.—Во времена первыхъ калифовъ, непосредственныхъ преемниковъ Пророка, у *муслимовъ* были иныя заботы, чѣмъ лгать и красть и надувать своихъ сосѣдей, тогда всѣ правовѣрные стремились только къ одному—огнемъ и мечемъ истреблять невѣрныхъ. Гдѣ теперь Имамъ Омаръ эль Хаттабъ (миръ его душѣ)? И гдѣ калифъ, прозванный Мечомъ Аллаха? Или память о нихъ не живетъ больше на землѣ? Поистинѣ, близится конецъ свѣта. Дежиль ужъ между нами, въ лицѣ франкскихъ пословъ. Самъ Султанъ уклонился отъ праваго пути, назаряне сидятъ у насъ на самыхъ почетныхъ мѣстахъ. Встрѣчаютъ правовѣрныхъ на улицѣ и даже не кланяются. Или отлетѣла душа Ислама, что стали возможны среди насъ такія вещи?

— Ахъ, братъ, ты хорошо сказалъ!—вздохнулъ шерифъ—дѣйствительно, теперь осталась тѣнь лишь прежняго величія. Однакожь, что касается меня, я больше грущу о временахъ позднѣйшихъ, когда калифы изъ рода Аббасовъ владычествовали въ Городѣ Мира, когда науки процвѣтали, какъ молодое деревцо, и жажда знанія была для каждаго дыханьемъ жизни.

— Я самъ всей душой ненавижу невѣрныхъ, чтобъ имъ всѣмъ передохнуть!—пробормоталъ Саидъ.

— Ха! Вотъ это славно сказано!—похвалилъ муфтій.—Очень хорошо. Быть можетъ, недалекъ ужъ часъ, когда...

— Тише, другъ мой,—укоризненнымъ тономъ прервалъ его важный сосѣдъ.—Не отъ мудрости рѣчь твоя. Праздныя слова стоящаго у власти—что искры, развѣянныя по вѣтру. Онѣ могутъ погаснуть безобидно, упавъ на землю, но могутъ поджечь цѣлый городъ. Поэтому тебѣ надлежитъ быть осмотрительнымъ. Изъ-за того, что франкскій консулъ вчера добился отмѣны твоего указа, ты ожесточенъ противъ всѣхъ назарянъ—это естественно. Но дай же гнѣву своему истлѣть въ безмолвіи... Послушай, ты! чего ты здѣсь стоишь? Развѣ ты не слыхалъ, что сказалъ мой другъ — что онъ ничего тебѣ не дастъ, потому что ты мошенникъ? Оставь насъ. Иди съ миромъ.

Саидъ всталъ, низко поклонился и угрюмо отошелъ. Селимъ, съ огорченнымъ видомъ, хотѣлъ пойти за нимъ, но Измаилъ Аббасъ остановилъ его.

— Если когда-нибудь тебѣ понадобится другъ,—сказалъ онъ—приди ко мнѣ. И, совѣтую тебѣ, найди себѣ другого компаньона. Теперь иди съ миромъ, ибо я занятъ.

Селимъ поцѣловалъ руку, милостиво протянутую ему, а также пухлую волосатую руку Муфтія и тонкіе нервные пальцы третьяго ихъ друга. Затѣмъ нагналъ Саида, который уже надѣвалъ башмаки у дверей мечети.

Саидъ мрачно взглянулъ на него. Онъ думалъ, что погонщикъ муловъ пришелъ только затѣмъ, чтобъ издѣваться надъ нимъ и укорять его. Уличный шумъ, доносившійся извнѣ, звучалъ въ его ушахъ, какъ ласковый голосъ жены для человѣка, пробудившагося отъ кошмара. Тишина, царившая на дворѣ мечети, была нестерпима ему, полна укоровъ; даже воркованье голубей и тихій говоръ учениковъ напоминали ему о пережитомъ униженіи. Селимъ былъ свидѣтелемъ его позора, хотѣлось бы никогда больше не видѣть его. Злобно нахмурившись, онъ велѣлъ бывшему слугѣ уйти. Но тотъ, ласково улыбаясь, подошелъ ближе и сказалъ:

— Какой ты умный о Саидъ!—и ловкій—сущій дьяволъ! Какъ ты искусно обошелъ меня! Я глупымъ себя не считаю и нигдѣ не слылъ дуракомъ, но ты совсѣмъ одурачилъ меня. Для человѣка съ такой головой, какъ у тебя, поистинѣ не велика честь имѣть компаньономъ Селима. Деньги, которыя ты далъ мнѣ, будутъ твоимъ паемъ въ нашемъ дѣлѣ. Такъ какъ я не могу долѣе называть тебя господиномъ, я буду звать тебя другомъ—братомъ. И, поистинѣ, у меня основаніе любить тебя, не только за твой умъ, ибо роскошная одежда, которую ты далъ мнѣ, снискала мнѣ благоволеніе великаго Измаилъ Аббаса. Будь я одѣтъ, какъ всѣ, великій не удостоилъ бы замѣтить меня. Ты обратилъ вниманіе на то, какъ они изумлялись, что такъ хорошо одѣтый

человѣкъ можетъ быть слугой? Всему причиной эта богатая одежда, твой подарокъ, и Селимъ съумѣетъ быть тебѣ признательнымъ. Теперь идемъ. Я поведу тебя въ такое мѣсто где товары, которые нужны намъ, можно купить задешево

Съ минуту Саидъ колебался, не вѣря ушамъ своимъ. Затѣмъ, видя, что Селимъ не шутитъ и во взорѣ его нѣтъ насмѣшки, онъ вдругъ припалъ къ его рукѣ и началъ цѣловать ее, взволнованно призывая всѣ блага міра и всѣ благословенія Аллаха на Селима за его доброту –равной которой не сыскать въ цѣломъ мірѣ.

XVI.

Съ мѣсяцъ или около того совмѣстная работа Селима и Саида была прибыльной для обоихъ и обоихъ удовлетворяла. Но въ концѣ концовъ Саидъ наскучилъ ею. Мысли его снова и снова возвращались къ днямъ его скитаній, которые казались ему теперь счастливѣйшими днями его жизни.

Сидѣть въ тѣни гдѣ-нибудь подъ воротами, гдѣ деньденской толпится народъ, толкая и тѣсня другъ друга, и громко восхвалять свои товары, представлялось скучнымъ, чтобъ не сказать унизительнымъ, способомъ заработка человѣку, успѣвшему уже вкусить отъ чаши величія. Жалкая комнатушка, въ самомъ центрѣ бѣднѣйшихъ и наиболѣе густо населенныхъ кварталовъ, которую они дѣлили съ Селимомъ, раздражала его своимъ убожествомъ. Пробираться въ нее приходилось цѣлымъ рядомъ вонючихъ туннелей и лѣстницъ съ избитыми ступенями, гдѣ вы на каждомъ шагу натыкались на спящую бродячую собаку или могли упасть, поскользнувшись на какой-нибудь гнили. Даже въ полдень дневной свѣтъ не проникалъ сюда. Впрочемъ, скудость убранства и дурной запахъ не смущали Саида, но то, что онъ живетъ въ кварталѣ, самое имя котораго — синонимъ нищеты, претило ему.

Не меньше раздражали его восторги его компаньона каждый вечеръ, когда онъ, при свѣтѣ фитиля, плавающаго въ маслѣ, подсчитывалъ жалкіе барыши, накопившіеся за день. Что такое нѣсколько *пара* для того, кто имѣлъ въ рукахъ четырнадцать англійскихъ фунтовъ! Конечно, это правда,— какъ съ веселой улыбкой говорилъ Селимъ, поблескивая сверкающими бѣлыми зубами,—что немножко, да еще немножко—анъ,глядишь, и много вышло. Но ужь больно медленно и трудно доставалось это накопленіе. Съ такими барышами, какъ теперь у нихъ, они развѣ что черезъ три года смогутъ нанять ту лавку на большомъ базарѣ, которую Селимъ каждую ночь видѣлъ во снѣ. А пока Саидъ тосковалъ

по жизни, оставленной имъ ради этой, и съ каждымъ днемъ томился все сильнѣе.

Въ такомъ неуравновѣшенномъ душевномъ состояніи онъ шелъ однажды вечеромъ съ Селимомъ домой съ того излюбленнаго мѣста, гдѣ они обыкновенно торговали. Оба тащили вмѣстѣ тяжелый коробъ, почти полный, такъ какъ покупателей сегодня было мало. Такого неудачнаго дня имъ еще не случалось переживать и Селимъ не удивлялся угрюмости своего спутника. Улицы были еще полны народу, не смотря на то, что день клонился къ вечеру, и сѣрыя фигуры въ сумеркахъ казались призрачными. Поодаль отъ прохожихъ кучками стояли собаки, въ ожиданіи, когда улицы опустѣютъ, чтобы безпрепятственно насытиться отбросами.

У входа въ маленькую мечеть сидѣлъ пожилой человѣкъ, протягивая руку и жалобно выпрашивая подаянія. Уличная толпа, состоявшая теперь главнымъ образомъ изъ людей, торопившихся домой и нетерпѣливо расталкивавшихъ всѣхъ, кто имъ загораживалъ дорогу, подтолкнула двухъ разнощиковъ съ тяжелымъ коробомъ совсѣмъ близко къ нищему. Неожиданно нищій возвысилъ голосъ съ особенною силой. Въ его пронзительныхъ причитаньяхъ звучали теперь торжествующія, насмѣшливыя нотки.

— Аллахъ воздастъ тебѣ, о эмиръ... Помоги мнѣ, ради самого Аллаха, не дай умереть съ голоду!.. Да сохранитъ Аллахъ навѣки священные дни твоей милости!.. Смотри, одна рука у меня высохла, не двигается... О господинъ!.. Я знаю тебя, о эмиръ, знаю, какъ ты великъ (Погоди немного)... Не мои ли очи видѣли встарь твое величіе? (Въ оливковой рощѣ—помнишь?) Сжалься надо мною, или я умру (Отойди въ сторонку, замѣть, куда я пойду и слѣдуй за мною)... Аллахъ великъ... Или на землѣ умерло состраданіе, что богатые и знатные отвращаютъ лицо свое отъ нищеты...

Онъ такъ вопилъ, что его слышно было на всю улицу. Прохожіе, оглядывались, ожидая увидѣть какого-нибудь принца, но увидавъ вмѣсто того только разнощика, бѣдно одѣтаго, усмѣхались, подталкивали локтями другъ друга и проходили мимо. Фразы въ скобкахъ, нищій говорилъ вполголоса, такъ что слышать его могъ только Саидъ. Удивленный и нѣсколько смущенный, рыбакъ увлекъ Селима въ тѣнь стѣны, гдѣ они не стояли ни на чьей дорогѣ. Затѣмъ выпустилъ рукоятку короба и обернулся посмотрѣть, что будетъ дѣлать старый нищій, Селимъ волей-неволей вынужденъ былъ поставить коробъ на землю.

— Что съ тобою, братъ?—озабоченно допытывался онъ.—

Что у тебя общаго съ этимъ старикомъ? Что онъ шепталъ тебѣ?

— Я встрѣчался съ нимъ раньше,—взволнованно пояснилъ Саидъ.—Онъ желаетъ переговорить со мной наединѣ. Быть можетъ, онъ принесъ мнѣ вѣсти изъ моего родного города, или же о женщинѣ, которую я оставилъ больною въ пути,—это вѣдомо только Аллаху. Но о чемъ бы ни хотѣлъ онъ говорить со мной, я долженъ выслушать его.

Нищій всталъ и медленно перешелъ черезъ улицу, въ томъ мѣстѣ, гдѣ она расширялась въ небольшой четырехугольникъ, или открытый дворъ передъ мечетью. Онъ направлялся, повидимому, къ проходу на другой сторонѣ дворика, зіявшему черной дырой въ надвигавшихся сумеркахъ. Его жалобныя причитанья доносились до Саида. мошенникъ приставалъ чуть не къ каждому прохожему въ рѣдѣвшей съ минуты на минуту толпѣ и, стеная, молилъ Аллаха избавить его отъ голодной смерти такъ жалобно, какъ будто онъ въ самомъ дѣлѣ былъ при послѣднемъ издыханіи. Дойдя до темнаго прохода, нищій исчезъ въ немъ. Тогда Саидъ, наскоро попросивъ своего товарища дождаться его, поспѣшилъ вслѣдъ за нимъ.

Въ проходѣ было темно, хоть глазъ выколи, такъ что въ первую минуту Саиду стало жутко. Съ наступленіемъ ночи начинается раздолье для всякихъ духовъ, а гдѣ же лучше всего притаиться злому *африту*, какъ не въ темномъ проходѣ? Старый нищій показался ему вдругъ переодѣтымъ дьяволомъ и онъ готовъ былъ уже повернуть обратно, когда чья-то рука схватила его за руку и удержала его.

— Чего ты испугался? Я одинъ.—Голосъ былъ насмѣшливый и сердитый.—Видно, что ты пожилъ въ городѣ—сталъ уже трусомъ, какъ всѣ горожане. Поди сюда—мнѣ надо переговорить съ тобой.

Теперь глаза Саида нѣсколько привыкли къ темнотѣ и ему было уже не такъ страшно. Онъ позволилъ увлечь себя дальше, въ глубь темнаго прохода. Тамъ невидимый нищій вдругъ измѣнилъ тонъ на радостный, кинулся обнимать Саида и расцѣловалъ его въ обѣ щеки, не смотря на досадливые протесты рыбака.

— Ты совсѣмъ, какъ мой сынъ,—захлебывался восторженнымъ смѣхомъ старый нищій.—Ей-богу, я готовъ усыновить тебя, дитя моей души. Скажи же мнѣ, мой ненаглядный, какъ тебѣ жилось съ тѣхъ поръ, какъ мы не видѣлись съ тобой. Ты несъ корзину, я замѣтилъ это,—такъ значитъ, ты сталъ торговцемъ? Ахъ, ты глупый! Къ тому времени, когда ты состаришься, какъ я, у тебя, можетъ быть, и будетъ достаточно денегъ, чтобы купить себѣ роскошную

одежду. Съ чего это тебѣ вздумалось промѣнять веселую игру на такую тяжелую работу?

Саидъ нарисовалъ яркую картину своей теперешней жизни, съ намѣреніемъ наглядно показать слушателю, какая пропасть лежитъ между трудящимся и всѣми уважаемымъ купцомъ и человѣкомъ, который живетъ подаяніемъ. Поцѣлуи нищаго обидой горѣли на его щекахъ. Онъ чувствовалъ себя загрязненнымъ ими и спѣшилъ смыть съ себя позоръ, а это можно было сдѣлать, только основательно унизивъ оскорбителя. Старый нищій выслушалъ его до конца и затѣмъ, какъ ни въ чемъ не бывало, горячо заговорилъ.

— Теперь слушай!—брось ты это жалкое ремесло разносщика и присоединись ко мнѣ. У меня былъ сынъ твоихъ лѣтъ, но я прогналъ его, потому что онъ спутался съ дѣвкой, у которой отецъ былъ прокаженный. Я гордый и прокаженные для меня всегда были, какъ грязь подъ ногами: поэтому я проклялъ его и прогналъ. Если желаешь, можешь заступить его мѣсто въ качествѣ моего компаньона. Замѣть себѣ, я не требую, чтобы и ты клянчилъ милостыни. Аллахъ свидѣтель—нѣтъ! Твоя сила и молодость нужны мнѣ для другого.

Онъ понизилъ голосъ до шепота, звучавшаго въ темнотѣ, какъ змѣиный шипъ. Фонарь, неожиданно вспыхнувшій въ сѣромъ устьѣ прохода, озарилъ на мигъ лицо, искаженное страстью.

— Я жажду мести—мести!—повторялъ онъ, какъ клещами сжимая руку Саида.—Въ этомъ городѣ есть одинъ невѣрный, богатый и вліятельный—да будетъ осквернена могила его матери и да погибнетъ весь его родъ!—этотъ песъ обидѣлъ меня тяжко, ужь много лѣтъ тому назадъ. Я долго—слишкомъ долго—ждалъ случая отмстить ему. Я успѣлъ состариться—онъ тоже. Я могу скоро умереть, или онъ умретъ, а мертваго ничто уже не радуетъ. Говорю тебѣ: время не терпитъ. Я старъ и одинокъ—иной разъ я боюсь, что у меня не хватитъ силы. Мой сынъ — накажи его Аллахъ!—могъ бы помочь мнѣ, еслибъ онъ не промѣнялъ меня на женщину. Ты можешь замѣнить его. Брось свое ремесло—обѣщаю тебѣ, что со мной ты будешь и сытъ, и веселъ. Для такого человѣка, какъ я, каждый мѣсяцъ Рамазанъ. Мы постимся весь день и протягиваемъ руку за подаяніемъ, а настанетъ ночь—мы пируемъ и веселимся. Я предоставляю тебѣ на выборъ—жизнь вельможи или мула; а въ концѣ концовъ тебѣ достанется все богатство—всѣ сокровища этого назарянина, о которомъ я разсказывалъ тебѣ. Ну, что ты мнѣ на это скажешь? Нѣтъ, не спѣши

отвѣтомъ: вернись домой и обдумай хорошенько все, сказанное мною. Завтра я до полудня буду ждать тебя въ погребкѣ своднн Нуръ. Спроси въ кофейнѣ Абу Халила, что напротивъ дворца—онъ скажетъ тебѣ, какъ пройти. Иди же съ миромъ. Клянусь моею бородой, какъ ты похожъ на Мансура, моего сына—накажи его Аллахъ.

Саидъ началъ было разспрашивать его, призывая Аллаха въ свидѣтели того, что онъ съ наслажденіемъ готовъ напакостить назарянину, но надо же ему точнѣе знать, чего отъ него ждутъ. Ему любопытно было также знать, почему, изъ всего города, старикъ выбралъ именно его и почтилъ своимъ довѣріемъ, но старый нищій оборвалъ его словами:

— Завтра, если ты надумаешься, я все подробно разскажу тебѣ. Въ первую нашу встрѣчу съ тобой въ оливковой рощѣ ты называлъ себя эмиромъ. Быть можетъ, черезъ годъ или два и другіе будетъ такъ называть тебя, если ты согласишься ввѣрить мнѣ свою судьбу. Иди же съ миромъ, ненаглядный мой.

Выйдя снова на улицу, вымощенную неровными булыжниками, Саидъ нашелъ ее пустой: ничего не было видно, кромѣ жавшихся къ стѣнамъ собакъ, да звѣздъ, сіявшихъ на небѣ... Пѣнье муэззина давно смолкло на верхушкѣ минарета. Онъ только было повернулся къ тому мѣсту, гдѣ раньше стоялъ Селимъ, какъ услыхалъ совсѣмъ близко возлѣ себя тихій голосъ Селима, говорившій:

— Я здѣсь, Саидъ.

И, оглянувшись, увидалъ своего компаньона, поднимавшаго коробъ у стѣны, возлѣ которой онъ сидѣлъ на корточкахъ. Это было такъ близко отъ прохода, что онъ, навѣрное, все слышалъ. Саидъ гнѣвно кинулся къ нему, готовый вцѣпиться ему въ волосы:

— Что ты тутъ дѣлаешь? Развѣ я не сказалъ тебѣ, чтобъ ты ждалъ меня, гдѣ мы стояли? Что ты мнѣ— сторожъ, что-ли, а я—ребенокъ несмысленный, что ты шпіонишь за мной?

— О, братъ мой, не гнѣвайся на Селима! Я не подслушивалъ, хоть кое-что слышалъ—такъ, отдѣльныя слова. Но могъ ли я оставить моего брата одного съ чужимъ человѣкомъ въ такомъ подозрительномъ мѣстѣ? Я знаю только, что онъ уговаривалъ тебя бросить торговлю и Селима, который тебѣ все равно, что братъ, и жить съ нимъ—съ нищимъ! Я слышалъ также, какъ онъ назначалъ тебѣ свиданіе у распутной бабы. Домъ Нуръ извѣстенъ по всему Дамаску; онъ пользуется самой дурной славой—тамъ собираются самые темные люди.—Голосъ его звучалъ грустью и уко-

ризной. Саидъ молча взялся за другую ручку короба и они зашагали дальше.

— Чѣмъ я провинился передъ тобой, братъ мой, что ты хочешь оставить меня? Развѣ не все у насъ общее? Развѣ я утаилъ отъ тебя хоть одну полушку? Я полюбилъ тебя душою, Саидъ, за то время, что мы трудимся вмѣстѣ и спимъ бокъ о бокъ. И я считаю себя обязаннымъ тебѣ за твой подарокъ—роскошную одежду, которую ты, по добротѣ своей, отдалъ мнѣ и за которую люди стали уважать меня. Молю тебя, не слушай этого чужого, не покидай меня. Конечно, это долго—словъ нѣтъ!—копить деньги, откладывая понемножку. Но за то наше дѣло вѣрное; съ нимъ, при выдержкѣ и настойчивости, въ концѣ концовъ, навѣрное разбогатѣешь, а то богатство, которое онъ сулитъ тебѣ, можетъ быть, и достанется тебѣ сразу, безъ хлопотъ, а, можетъ быть, и нѣтъ. Я слышалъ, какъ одинъ мудрецъ говорилъ, что богатство, доставшееся безъ труда, не идетъ человѣку впрокъ. Говорившій это былъ старъ и въ молодости былъ богатымъ; онъ знаетъ по опыту.

Они шли теперь по вонючимъ, темнымъ переходамъ и по гнилымъ ступенькамъ лѣстницы, ведшей въ ихъ комнату. Тамъ, поставивъ въ уголъ коробъ, Селимъ вздулъ огонь и отправился къ сосѣду-повару добывать ужинъ, оставивъ друга сидѣть въ задумчивости на подушкѣ у стѣны. Немного погодя, Саидъ всталъ, также вышелъ и поднялся на крышу дома по темной, крутой лѣстницѣ. Одинъ подъ звѣзднымъ небомъ, прислушиваясь къ далекимъ шумамъ города, онъ молился и благодарилъ Аллаха, обращая лицо свое къ югу, гдѣ неприступною твердыней высились суровыя темныя горы. Когда онъ вернулся, на столѣ уже дымилась миска съ чечевицей, которую любилъ Саидъ, и Селимъ ласковой улыбкой встрѣтилъ брата.

Саидъ обнялъ своего друга и поцѣловалъ его.

— Клянусь Аллахомъ, ты—хорошій, добрый человѣкъ!— воскликнулъ онъ.—Ты былъ для меня лучше брата. Накажи меня Аллахъ, если я когда-нибудь покину тебя!

XVII.

А на восходѣ солнца Саидъ уже сидѣлъ со старымъ нищимъ у сводни Нуръ. Лучъ разсвѣта заглядывалъ въ отворенную дверь, ласкал избитыя ступени, ведшія съ улицы внизъ къ двери дома. Но предразсвѣтная дымка еще окутывала дворикъ, узкій, какъ труба, сжатый между двумя домами и заканчивавшійся погребомъ, куда черезъ двѣ открытыхъ каменныхъ арки, проникали воздухъ

и свѣтъ. У одной изъ этихъ арокъ виднѣлась каменная лѣстница, поднимавшаяся снаружи вдоль стѣны къ небольшой площадкѣ, состоявшей изъ одной только плиты и служившей порогомъ верхней комнаты. Это роскошная комната,—восторженнымъ шопотомъ разсказывалъ Саиду старый Мустафа — вся устланная мягкими коврами и уставленная такими диванами, на которыхъ съ наслажденіемъ нѣжились бы и дѣвы Рая. Здѣсь, при содѣйствіи Нуръ, встрѣчались знатные любовники и проводили вмѣстѣ долгіе блаженные часы.

Абу Халилъ, трактирщикъ, къ которому направился Саидъ, по совѣту стараго нищаго, съ хитрымъ видомъ мотнулъ головой, когда рыбакъ спросилъ его, какъ разыскать Нуръ.

— Дурная слава — сказалъ онъ — прилипаетъ, какъ смола,—ее потому трудно стереть. Нуръ всѣмъ извѣстна, какъ опытная сваха, и имѣетъ доступъ во всѣ гаремы. Молодые люди, которымъ хотѣлось бы украдкой посмотрѣть своихъ невѣстъ, находятъ у нея дружескую помощь и содѣйствіе, и дамы, которыя любятъ не однихъ только своихъ мужей, быть можетъ, пользуются ею, какъ посредницей. Самъ я не видалъ, не знаю, мое дѣло—сторона,—онъ стряхнулъ пыль съ своей одежды...—Такъ люди говорятъ про нее... Ты спрашиваешь, чего ради она пріютила нищаго? Аллаху вѣдомо. Можетъ быть, ей по душѣ пришелся Мустафа — онъ занятный старикъ и мастеръ посмѣшить. А, можетъ быть, онъ ей собираетъ свѣдѣнія, которыя ей могутъ пригодиться въ ея ремеслѣ. Многіе благословляютъ ее—это ужь навѣрное. Можетъ, есть и такіе, которые клянутъ ее—мало ли что бываетъ.

Нуръ оказалась высокой, статной женщиной, сильной и властной, какъ мужчина. Она была уже совсѣмъ старуха, не смотря на румяна и бѣлила, густою маской покрывавшія ея лицо, скрывая морщины. Черная тушь, искусно растертая подъ глазами, чтобы придать имъ томный взглядъ, не могла вполнѣ затушевать морщинокъ по угламъ ихъ, да и сами глаза блестѣли жестокимъ, неестественнымъ блескомъ драгоцѣнныхъ камней, а не такъ, какъ блестятъ очи молодости. Ея смуглые пальцы, которые она натирала бѣлилами только послѣ полудня, были унизаны перстнями, среди которыхъ торчали наружу, какъ бобы, большіе, но дешевые камни: сардониксъ, лиловый аметистъ, янтарь. Браслеты и запястья изъ потускнѣвшей мѣди и серебра гремѣли и звенѣли на ней при каждомъ ея движеніи. Ожерелья изъ стеклянныхъ бусъ и всякаго рода амулетовъ украшали ея худую,

морщинистую шею и увядшую грудь. Когда рыбакъ вошелъ, она стояла на колѣняхъ у жаровни и, надувая щеки, силилась раздуть слабыя искорки въ большой огонь. Лицо ея не было закутано вуалью, такъ какъ она была дома, но въ каждый данный моментъ, когда отъ нея потребовалась бы стыдливость, она могла закрыть лицо капюшономъ своего голубого платья, богато вышитаго золотою битью.

Старый нищій сидѣлъ съ Саидомъ на порогѣ внутренней, темной комнаты, изъ убранства которой виденъ былъ черезъ дверь только диванъ съ подушками, шедшій вокругъ всей комнаты вдоль стѣнъ. Мустафа гладилъ руку гостя, поминутно дотрогиваясь то до плеча его, то до руки, какъ бы любуясь силой своего новаго союзника, и горячо шепталъ ему:

— Теперь ты знаешь, почему я избралъ тебя, а не кого другого. Я полюбилъ тебя съ перваго дня, когда увидѣлъ тебя, потому что ты похожъ на моего сына, Мансура. Послѣ того я побывалъ въ твоемъ городѣ, гдѣ всѣ дивились твоему чудесному исчезновенію. Никто не зналъ, куда ты скрылся, какъ, зачѣмъ и почему. Но я, не будь дуракъ, спросилъ ихъ: „Кому же пошло впрокъ его исчезновеніе“? И всѣ мнѣ отвѣчали: „Абдуллѣ абу Азизу, такъ какъ ему достался домъ Саида и его фиговое дерево, и его сѣти“. (Ловкій малый, этотъ Абдулла! — ужь этотъ-то, навѣрно, выйдетъ въ люди. Я слышалъ разъ въ тавернѣ, какъ онъ говорилъ о тебѣ, какъ объ утраченномъ миломъ, любимомъ братѣ). И я отлично понялъ, что Саидъ-рыбакъ, про котораго они разсказывали, не кто иной, какъ эмиръ Саидъ, съ которымъ я столкнулся въ оливковой рощѣ. Съ тѣхъ поръ я много думалъ о тебѣ, потому что ты похожъ на моего сына, Мансура, покинувшаго меня, и еще потому, что тебя также обидѣли и ты остался безъ гроша. Когда человѣкъ ничего не имѣетъ, онъ не станетъ разбирать, за какое дѣло взяться, лишь бы ему была отъ него выгода, а мнѣ страшно нуженъ былъ именно такой человѣкъ для того дѣла, о которомъ ты уже знаешь. Клянусь моею головой: когда я вчера увидалъ тебя на улицѣ, сердце мое запрыгало отъ радости, какъ еслибы ты и вправду былъ мнѣ сыномъ. Хвала милосердному Аллаху.

„Теперь слушай: я разскажу тебѣ, за что я ненавижу Юханну назарянина. Суди самъ, могу ли я не ненавидѣть его. Изъ-за него я много лѣтъ тому назадъ, вотъ этой самой правою рукой, зарѣзалъ свою родную сестру“. Онъ понизилъ голосъ до шопота, многозначительно покосившись въ сторону хозяйки.—„Еслибъ я не зарѣзалъ ея, она стала

бы такою же, какъ вотъ эта самая Нуръ. Онъ соблазнилъ ее, похитилъ, увезъ въ городъ, а потомъ, пресытившись ею, бросилъ ее и помѣстилъ въ домъ позора, котораго онъ былъ владѣльцемъ. Но я разыскалъ ее. Мы были бѣдные феллахи, не знатные и не богатые, но въ моей семьѣ каждый поступилъ бы такъ же, какъ и я. Я убилъ ее, и она сама подставила мнѣ грудь подъ ножъ.

„Это было въ дни правленія Ибрагима-Баши, египтянина—клянусь Аллахомъ, хорошее то было время, хотя теперь нельзя этого говорить, съ тѣхъ поръ, какъ надъ нами снова владычествуютъ турки. Но тогда царила справедливость и для правительства было все равно, что мусульманинъ, что христіанинъ. Я пошелъ на домъ къ кади, поцѣловалъ землю въ ногахъ у него и разсказалъ ему всю свою исторію, какъ будто это было мое измышленіе. Потомъ спросилъ его: „Что бы вы сдѣлали, ваша милость, еслибъ это была ваша сестра“? И онъ отвѣтилъ: „Клянусь Аллахомъ, я убилъ бы ее и уничтожилъ бы этого невѣрнаго вмѣстѣ съ домомъ отцовъ его“.

„Я отвѣтилъ: Хорошо, мой повелитель: первое я уже исполнилъ, и второе совершу, раньше, чѣмъ умру. Сначала онъ разсердился, что я обманулъ его, потому что онъ принялъ меня за сказочника; но потомъ разсмѣялся, назвалъ меня плутомъ и посовѣтовалъ мнѣ не дѣлать ничего, запрещеннаго закономъ.

„Этотъ песъ Юханна и старый шакалъ, братъ его, разбогатѣли, какъ это часто бываетъ съ невѣрными, всякими тайными и грязными способами. Въ качествѣ агентовъ начальника этого города, они ссужали деньги намъ, деревенскимъ пахарямъ, на покупку сѣмянъ, а потомъ отбирали за это большую часть жатвы. Послѣ нихъ и десятиннаго сборщика намъ самимъ ничего почти не оставалось на прокормъ. Они ссуждали деньги также и важнымъ сановникамъ и даже безъ отдачи, но этимъ пріобрѣтали вліяніе и покровительство для себя и всей своей проклятой расы. Послѣ похищенія Лулу, сестры моей, оба брата ополчились на домъ отца моего. Какъ они утонченно преслѣдовали меня—да погаситъ Аллахъ огонь на ихъ очагѣ! О, это были ловкіе люди, мастера своего дѣла!“...

Онъ возвелъ глаза и руки къ сводчатому потолку и оставался такъ съ минуту, какъ бы восхищаясь ловкостью своихъ враговъ.

„Затѣмъ насталъ неурожайный годъ. Юханна и братъ его потребовали, чтобы наши феллахи немедленно внесли имъ плату за сѣмена, выданныя въ кредитъ, дѣлая видъ,

будто они дѣйствуютъ только по порученію Мухаммеда эффенди, но душа невѣрныхъ явственно сказалась во всемъ послѣдующемъ. Наши дома перешли въ собственность начальника, Мухаммеда эффенди—т. е., такъ они говорили, а на самомъ дѣлѣ, въ ихъ собственность. Мой отецъ и братья остались жить въ деревнѣ: они были, словно деревья, которыя глубоко ушли корнями въ землю и пересадить ихъ на другое мѣсто значило убить ихъ. Но я былъ молодъ и исполненъ гордости, и предпочиталъ скитаться нищимъ по свѣту, чѣмъ по-рабьи ѣсть изъ рукъ врага. Жизнь дала мнѣ много радостей, но я не забылъ позора, павшаго на домъ мой, и клятвы, данной мною передъ лицомъ самого кади. И теперь, когда близится часъ возмездія, ты видишь, самъ Аллахъ послалъ мнѣ тебя, сынъ мой. Клянусь моею бородой, я не осуждаю тебя за то, что ты бросилъ жену свою: по моему, ты хорошо сдѣлалъ, что избавился отъ нея. На что она тебѣ, когда, ты говоришь, она безплодна? И для меня удобнѣй, что ты одинокій человѣкъ. Праведенъ Аллахъ"!—Тутъ онъ снова бросился обнимать и цѣловать своего новаго помощника, какъ отецъ сына, пачкая его твоими слюнявыми губами, къ большому неудовольствію Саида.

— Ну, будетъ, будетъ уже!—бормоталъ рыбакъ, отталкивая его.—Будь спокоенъ, я помогу тебѣ въ этомъ дѣлѣ. Но скажи мнѣ, прошу тебя, дядя, какимъ образомъ ты сталъ сухоручкой.

Старый нищій откинулъ назадъ голову и захохоталъ такъ, что обнаружились всѣ его ломаные желтые зубы. Такъ какъ тема разговора была не изъ веселыхъ, Саиду стало жутко отъ этого смѣха: онъ даже содрогнулся. Да и Нуръ испуганно выпрямилась во весь ростъ и выругала его сумасшедшимъ.

— Ха-ха-ха. Какимъ образомъ я сталъ сухоручкой? Любопытно—а? Ну, изволь, я разскажу тебѣ. Когда я былъ еще новичкомъ въ своемъ дѣлѣ, я встрѣтилъ нищаго, у котораго одна рука отсохла до плеча, какъ сухая вѣтвь на деревѣ. Онъ сказалъ мнѣ, что это принесло ему кучу денегъ, и очень удивлялся, какимъ образомъ я, совсѣмъ здоровый человѣкъ, ухитряюсь возбуждать въ людяхъ жалость. Когда я спросилъ его: „А ты—ты такимъ и родился"? онъ засмѣялся надъ моею глупостью. И сказалъ: нѣтъ ничего легче, какъ сдѣлаться калѣкой, и обѣщалъ научить меня, какъ это дѣлается. Я хотѣлъ было поступить въ погонщики муловъ или пойти на какую-нибудь другую службу, но его разсказы объ его богатствахъ и веселой жизни измѣнили мои намѣренія. Мы провели вмѣстѣ два дня и

очень подружились. На третій день мы пришли въ городъ и онъ свелъ меня къ одному дервишу. Я вошелъ къ нему цѣлымъ и здоровымъ, какъ вотъ ты теперь, а вышелъ сухоручкой. Это фокусъ—ничего больше. Вначалѣ надо держать руку кверху, чтобы къ ней не приливала кровь, и только, а потомъ это уже само собой выходитъ. Это—мой главный козырь, источникъ моего богатства.

Неожиданно онъ нагнулся и ущипнулъ Саида за ногу.— Ахъ, вотъ это такъ нога!—восторженно воскликнулъ онъ.— Погляди, Нуръ, какая стройная и сильная. Вотъ бы ее отрѣзать до колѣна!—я знаю такого человѣка въ здѣшнемъ городѣ, который отлично это дѣлаетъ—только до колѣна. Клянусь Аллахомъ, это все, чего я прошу—только до колѣна. Это было бы чудесно—красота! Не нашлось бы человѣка, который не заплакалъ бы отъ жалости, сравнивая ее съ другой, здоровою. И еще у такого молодца. Ну, что ты скажешь—только до колѣна? Говорю тебѣ, дорогой мой, это былъ бы кладъ для тебя—деньги—куча денегъ. Но нѣтъ, увы! Этого нельзя: тебѣ можетъ понадобиться вся твоя сила для дѣла мести.

Что-то нечеловѣчески гнусное было въ этихъ причитаніяхъ, отъ которыхъ Саиду становилось тошно до того, что онъ отодвигался, словно отъ прикосновенія ядовитой гадины. Старый нищій укоризненно взглянулъ на него.

— Ахъ, до чего ты похожъ на Мансура—совсѣмъ, какъ онъ, бывало!—забормоталъ онъ, печально тряся головой.— Мансуръ вотъ тоже не позволялъ мнѣ хоть одинъ палецъ ему искалѣчить, хотя я часами молилъ его объ этомъ, обливаясь слезами. Молодость такъ кичится своей силой и не понимаетъ собственной же выгоды. А теперь, о другъ души моей, если ты готовъ, я покажу тебѣ домъ Юханны назарянина, чтобъ ты умѣлъ отличить его среди другихъ домовъ, какъ домъ врага.

Онъ всталъ и подошелъ къ столу, за которымъ Нуръ жевала хлѣбъ съ сливками, съ трудомъ двигая челюстями, стянутыми густымъ слоемъ краски, и шепнулъ ей нѣсколько словъ. Саидъ потянулся и зѣвнулъ, радуясь, что скоро онъ уйдетъ изъ этого дома, опротивѣвшаго ему изъ-за страннаго поведенія его новаго друга. Затѣмъ они вмѣстѣ поднялись по избитымъ ступенямъ и вышли въ узенькій переулокъ, въ которомъ только что взошедшее солнце уже сушило еще росистую траву.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РАЗБИТЫЯ СКРИЖАЛИ.

(Окончаніе).

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

1.

Дулъ теплый мартовскій вѣтеръ, „гнилякъ“ — сѣялъ мокрую знобящую пыль. Подъ его разрушительнымъ дыханьемъ снѣгъ пузырился и таялъ, грузно оcѣдали сугробы, на дорожныхъ колеяхъ проступала вода. Въ такую погоду по захолустнымъ мѣстамъ нѣтъ ни проходу, ни проѣзду, а въ ночное время даже самыя безпокойныя собаки хоронятся по закутамъ и, уткнувъ морду въ лапы, спятъ, какъ убитыя.

На рѣчкѣ что-то шуршало и вздыхало,—не то сухіе камыши съ вѣтромъ перешептывались, не то водяныя струйки просачивались изъ-подъ снѣга и потихоньку въѣдались въ ледъ. Въ темнотѣ эти шорохи обманчивы и Ермолаеву часто казалось, что идетъ человѣкъ. Онъ выходилъ изъ подъ навѣса старой кузни, пристально вглядывался въ мокрую муть и ругался.

— Чертовщина!.. Десятый часъ, а его, дьявола, нѣтъ какъ нѣтъ. Ужь не пронюхалъ ли, за какимъ дѣломъ онъ мнѣ понадобился?

— А онъ навѣрное обѣщался?—спросилъ Скафтымовъ, который сидѣлъ на порогѣ у входа въ кузню и тихонько насвистывалъ что-то себѣ подъ носъ.

— Конечно...—откашливаясь отъ хрипоты въ горлѣ, отвѣчалъ Ермолаевъ и нервно раскуривалъ папиросу.—Чувствуетъ подлецъ... Говорятъ, и быки чуютъ, когда ихъ на бойню ведутъ, а человѣкъ-то понѣжнѣе быка. Фу, скверность какая... хоть бы ужь поскорѣе!

— Однако и ты, кажется, сантиментальничать начинаешь?—насмѣшливо замѣтилъ Скафтымовъ.

— Не сантиментальничать, а... противно. Не привыкъ я

къ этому. Заманить человѣка въ западню, состроить ему сначала веселую рожу, а потомъ хватить камнемъ по башкѣ... гадость!

— Тс-с... перебилъ его Скафтымовъ, прислушиваясь.— Идетъ...

Какъ кошка, онъ быстро вскочилъ и скрылся въ темной глубинѣ кузни. Ермолаевъ поспѣшно затопталъ папироску и пошелъ на встрѣчу шагамъ.

— Дунечка!.. воскликнулъ онъ съ удивленіемъ и испугомъ.—Зачѣмъ это вы сюда?

— Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ...—нетерпѣливо сказала Дуня.— Не могла я тамъ оставаться, когда здѣсь...

— А отецъ какъ же?

— Спитъ. Всѣ спятъ. Меня никто не видѣлъ. А тотъ... пришелъ?

— Нѣтъ.

Дуня зябко повела плечами подъ большимъ сѣрымъ платкомъ, которымъ была окутана съ головы до ногъ. Ермолаевъ усмѣхнулся.

— А что, страшно?

— Не надо шутить, Ермолаевъ,—строго остановила его Дуня.—А гдѣ же...

— Поповичъ? Ага... Тамъ, тамъ, въ кузнѣ, дожидается!

Дуня помедлила, глубоко вздохнула и переступила черезъ порогъ кузни. Стало тихо, только на рѣчкѣ продолжалась таинственная возня, стоналъ вѣтеръ, шуршали камыши, тонко потрескивалъ ледъ подъ напоромъ тающаго снѣга.

Послышались новые шаги, съ хрустомъ проваливался подъ ними снѣгъ, хлюпала и чмокала вода. Человѣкъ шелъ, не торопясь, въ развалку, иногда спотыкался и громко клялъ погоду и дорогу.

— Какого дьявола ты запропастился?—зарычалъ на него Ермолаевъ.—Что мнѣ—до полночи тебя дожидаться? Я ужь уходить хотѣлъ.

— Да, вы бы попробовали по эдакому распутью восемь верстъ пѣхомъ пройти!—дерзко отозвался человѣкъ.—Кабы не нужны деньги, пошелъ бы я,—какъ же! А тутъ еще Арсюшка навязался...

— Этого черта еще не хватало! Гдѣ же онъ?

— Насилу отшилъ. Къ бабѣ своей послалъ: сиди, говорю, дожидайся, полдиковинки принесу, выпьемъ.

— Чертъ!.. Стало быть, онъ знаетъ, куда ты пошелъ?

— Зачѣмъ ему знать? Неужели я своего интересу не соблюдаю? Нѣтъ, ужь это извините: что касаемо денегъ— хлѣбъ-соль вмѣстѣ, табачокъ врозь!

Онъ захохоталъ. Вѣтеръ подхватилъ хохотъ, разорвалъ

его на клочки и понесъ надъ рѣчкой, которая отвѣтила ему угрюмо-насмѣшливымъ гуломъ: „Ах-ха-ха-гу-ухъ“!.. Ермолаевъ старался вглядѣться въ мутно бѣлѣвшееся передъ нимъ лицо человѣка, и что-то темное, звѣрски злое подымалось у него въ душѣ.

— Ой, Политка, больно много ты разговариваешь!— сказалъ онъ съ усмѣшкой.—Языкъ твой—врагъ твой; смотри, кабы онъ тебя до погибели не довелъ.

Политка вдругъ чего-то испугался и смѣхъ застрялъ у него въ глоткѣ. Но привычка форсить взяла верхъ надъ страхомъ; ухорски отставивъ ногу впередъ, онъ возразилъ:

— Небось, не пропаду, не таковскій! На японцевъ ходилъ,—Богъ миловалъ, а въ Рассеѣ-то матушкѣ и вовсе какъ у Христа за пазухой. Можетъ, и пропадутъ которые, а мы еще поживемъ. Ну, давайте, что-ль, деньги-то...—грубо оборвалъ онъ свою рѣчь.—Давайте, да я и пойду, некогда мнѣ тутъ валандаться.

Взвинчивая и поддерживая въ себѣ все ростущую темную злость, Ермолаевъ такъ же грубо отвѣтилъ:

— А некогда валандаться, такъ и убирайся къ черту! Никакихъ денегъ я тебѣ не дамъ. Что ты больно задаешься?

— Да что вы, Дмитрій Иванычъ?—примирительно заговорилъ Политка.—Экій вы горячій какой! Нешто я могу передъ вами задаваться? Я вѣдь это къ тому, что погода-то дюже плоха, а мнѣ еще восемь верстъ киселя хлебать.

Отъ этихъ униженныхъ словъ раздраженіе Ермолаева мгновенно прошло, снова ему стало скучно и противно.— „Проклятый трусъ!—подумалъ онъ,—хоть бы разозлился, выругалъ, съ кулаками бросился, а то ползаетъ, какъ гадина“... И, помолчавъ, сказалъ равнодушно:

— Ну, проходи, что-ль, въ кузню, тамъ разсчитаемся. Я въ потемкахъ плохо вижу, надо фонарь зажечь.

Политка пошелъ за нимъ, но у порога опять чего-то испугался и, запнувшись, боязливо оглянулся назадъ.

— Да иди же, чертова перечница!—сердито крикнулъ Ермолаевъ.—Надоѣло мнѣ съ тобой возжаться... мнется тамъ!

Политка шагнулъ въ промозглую темноту и чуть не упалъ, поскользнувшись въ скользкой грязи земляного пола. Въ ту же минуту чьи-то руки желѣзными клещами впились ему въ локти и ослѣпительный свѣтъ электрическаго фонаря озарилъ его помертвѣвшее, исковерканное ужасомъ лицо.

— Такъ-то вы?.. Заманули!..—пробормоталъ онъ цѣпенѣющимъ языкомъ и, вдругъ понявъ, что это смерть, погибель,

изо всѣхъ силъ рванулся назадъ и заревѣлъ:—Пустите!. Помогите! Душегубы! Караулъ!.

— Ермолаевъ, да заткни же ему скорѣй глотку!—свирѣпо крикнулъ Скафтымовъ, едва удерживая барахтавшагося у него въ рукахъ Политку.

На Ермолаева точно столбнякъ напалъ. Онъ стоялъ у дверей и хмуро смотрѣлъ на Дуню, которая высоко держала въ рукѣ фонарь.

Политкѣ удалось вырваться; спотыкаясь, онъ заметался по кузнѣ, ища выхода. Но Скафтымовъ настигъ его въ углу и почти въ упоръ выстрѣлилъ ему въ голову. Политка взметнулъ руками, сдѣлалъ нѣсколько судорожныхъ прыжковъ и свалился на кучу кирпичей, которые съ шумомъ разсыпались по полу.

– Дайте сюда фонарь!—отрывисто сказалъ Скафтымовъ Дунѣ.

Дуня молча подошла и освѣтила Политку. Онъ дергался руками и ногами, казалось, силился подняться; въ горлѣ у него что-то булькало и переливалось, въ расширенныхъ зрачкахъ стыли ужасъ и злоба. Скафтымовъ нагнулся и еще разъ выстрѣлилъ ему въ ухо.

Дерганье и бульканье мгновенно прекратились, наступила тишина, которая показалась особенно странной послѣ дикихъ криковъ, злобной возни и треска выстрѣловъ. Нѣсколько минутъ всѣ трое молчали, потомъ Скафтымовъ потрогалъ Политку ногой и обернулся къ Ермолаеву.

— Готовъ,—сказалъ онъ хладнокровно.—Ну, что же, Митяй, надо его куда-нибудь сплавить!

Ермолаевъ подошелъ къ Политкѣ и заглянулъ ему въ лицо. Смерть уже успѣла стереть съ него слѣды земныхъ страстей и на коченѣющія черты наложила печать созерцательнаго покоя. Точно это былъ не форсунъ и хвастунъ Политка, а какой-то совсѣмъ другой человѣкъ, глубоко задумавшійся надъ тѣмъ, что открылось ему по ту сторону жизни.

— Аще кто соблазнитъ единаго изъ малыхъ сихъ,—прогудѣлъ вполголоса Ермолаевъ,—уне бо тому повѣситъ на шею камень осельскій...

— Ну, эту проповѣдь ты отложи до завтра,—нетерпѣливо перебилъ его Скафтымовъ.—Надо съ этимъ прежде покончить. Куда его? Не оставлять же здѣсь?

— Тутъ недалеко полынья есть...

— Ну вотъ и бери его за ноги, а я за голову возьму, и потащимъ.

Скафтымовъ взялся было за мертвеца, но сейчасъ же отдернулъ руки.

— Кровь...—съ отвращеніемъ пробормоталъ онъ.—Надо бы ему голову чѣмъ-нибудь завернуть.

Дуня также молча, съ окаменѣвшимъ лицомъ, стащила съ шеи коричневый вязаный шарфъ и протянула Скафтымову.

— Чудесно! Вы, Дунечка, молодецъ. Безъ васъ мы бы пропали... не понимаю, что такое сдѣлалось съ Митяемъ, онъ совсѣмъ раскисъ. Ну вотъ, отлично... Посвѣтите намъ немного... Довольно... теперь тушите фонарь...

Съ своей тяжелой ношей они вышли изъ кузни и утонули въ зыбкомъ туманѣ, который, свиваясь и развиваясь, какъ змѣя, распластался надъ рѣчкой. Нѣсколько мгновеній еще слышалось шлепанье ногъ по вязкому снѣгу, потомъ жестко прошумѣли камыши, что-то треснуло, всплеснулось,— и снова вѣтеръ завизжалъ и захихикалъ, перешептываясь съ камышами.

2.

Въ конторѣ пробило 10 часовъ. Дуня сосчитала удары и удивилась,—какъ могла она такъ долго проспать? Въ домѣ было тихо; должно быть, Нефедъ уже истопилъ печи, отецъ напился чаю и ушелъ въ контору, гдѣ щелкали счеты и гудѣлъ Ермолаевъ. Услышавъ его голосъ, Дуня вспомнила все... мокрую, туманную ночь, противный запахъ гнили въ мрачной кузнѣ, звѣриный вой и предсмертный хрипъ Политки, лицо Скафтымова въ яркомъ свѣтѣ электричества Особенно это лицо... его невозможно было забыть. Неумолимо жестокое, съ злымъ блескомъ въ прищуренныхъ глазахъ, съ бѣлыми, хищно оскаленными зубами, оно совершенно вытѣснило изъ памяти Дуни знакомый обликъ и ей казалось теперь, что это былъ не тотъ Скафтымовъ, который такъ умѣлъ убаюкивать ее своими ласками и сказками, а кто-то другой. Давно когда-то, на святочномъ вечерѣ, она увидѣла его въ первый разъ. Онъ пришелъ въ черной маскѣ и тогда еще никто не зналъ, кто онъ такой. Всѣ смѣялись, танцовали и пѣли о юной любви, о молодости быстротечной. Какъ давно это было... и она сама была молодая, чистая, строгая Дуня, о которой никто не смѣлъ сказать дурного слова. Теперь онъ снялъ маску и показалъ свое настоящее лицо. А гордая принцесса своимъ шарфомъ помогала ему вытирать окровавленныя руки и ея зеленое платье все въ грязи и въ крови...

Дунѣ стало нестерпимо душно и страшно. Она сбросила съ себя одѣяло, вскочила съ постели и въ испугѣ осмотрѣла свои руки, платье, всю комнату. Нигдѣ не было ни пятнышка. Дуня вспомнила, что еще вчера, какъ пришла изъ кузни, она умылась и вычистила платье; это ее успокоило. Она

одѣлась, заплела и приколола косы, потомъ по привычкѣ обернулась къ материну образку. Щемящая боль сжала сердце... вѣдь этотъ образокъ было послѣднее, что оставалось у нея отъ прежней дѣтской жизни. Но послѣ вчерашняго оборвалась и эта тоненькая ниточка, которая связывала ее съ прошлымъ. Некому и не за что молиться... отлетѣлъ бѣлый ангелъ-хранитель, не уберегъ ее отъ зла. Остался одинъ дьяволъ. Нѣтъ больше у нея Бога, нѣтъ ничего...

— Ну, и не надо, все равно,—сквозь зубы сказала Дуня и, снявъ образокъ вмѣстѣ съ бѣлыми цвѣтами, засунула его въ ящикъ стола.

Комната какъ-то странно опустѣла и вмѣстѣ съ нею опустѣла Дунина душа. Не хотѣлось ни вышивать, ни читать... что новаго могла теперь разсказать ей книга, когда ея собственная жизнь стала похожа на страшную сказку. И Дуню опять потянуло ко сну. Не раздѣваясь, она легла и подъ монотонное щелканье счетовъ, подъ мужичій говоръ впала въ тяжелое забытье. И, какъ это всегда бываетъ, когда заснешь днемъ, ей привидѣлся поразительно яркій сонъ.— Она собирала въ саду вишни. Ихъ было множество, цѣлый потокъ, и такія крупныя, такія сочныя, что на Дуню напала жадность. Она обрывала ихъ обѣими руками, но ягоды одна за другой лопались съ страннымъ трескомъ и горячій, красный сокъ лился ей за рукава, на платье, густыми каплями стекалъ на землю. А въ кустахъ кто-то смѣялся тихимъ, шипящимъ смѣхомъ. Навѣрное, это Лимпіада забралась потихоньку въ вишенникъ и смѣется надъ Дуней. Разсерженная Дуня бросилась въ кусты, чтобы прогнать оттуда наглую бабу, но смѣхъ, точно поддразнивая ее, слышался уже въ другомъ мѣстѣ, перебрасывался то направо, то налѣво, и все дальше и дальше заводилъ Дуню въ зеленую, душную чащу. Ей было нестерпимо жарко; она задыхалась, сердце колотилось, въ ушахъ гудѣло, какъ на молотилкѣ. И вдругъ, откуда ни возьмись, изъ-подъ ногъ у нея выскочилъ маленькій мальчикъ въ бѣлой рубашенкѣ и побѣжалъ... Дуня пустилась за нимъ вдогонку, вотъ настигла, вотъ схватила, мальчикъ пискнулъ, опрокинулся ей на руки и началъ умирать. Потомъ умеръ; Дуня хотѣла спрятать его въ кустахъ, а тамъ слышался все тотъ же шипящій, поддразнивающій смѣхъ; въ ужасѣ она заметалась во всѣ стороны, ища выхода изъ зеленаго сумрака, но деревья сдвигались вокругъ нея все тѣснѣе, смѣхъ звучалъ все громче и язвительнѣе, а мальчикъ коченѣлъ у нея на рукахъ и смотрѣлъ ей въ лицо страшными, мертвыми глазами.

— Авдотья! Авдотья! Вставай!—стучался къ ней отецъ.— Обѣдать пора!

Вся содрогаясь отъ внутренняго озноба, Дуня поднялась съ постели.

— Сейчасъ!—отозвалась она, тупо соображая, кто ее зоветъ, зачѣмъ зоветъ, и еще не освободившись отъ чувства ужаса, испытаннаго ею во снѣ.—„Господи, какъ было страшно.„ —думала она.—И теперь всегда такъ будетъ... Что это за мальчикъ такой, къ чему? Должно быть, это душа моя... а я ее убила. Вотъ и буду всегда таскать ее въ себѣ мертвую".

Дуня закуталась въ платокъ и сѣрая, какъ привидѣніе, вышла въ столовую.

— Что это ты разоспалась нынче?—спросилъ отецъ, подозрительно ее оглядывая.--Ишь, даже опухла вся. Нездоровится, что-ль?

— Нѣтъ, я здорова.

— Охъ, дѣвка, смотри!.. Замужъ тебѣ надо, вотъ что.

Дунѣ опять ярко представилось все, что было ночью, она усмѣхнулась.

— Что ты надъ отцомъ-то смѣешься?—оборвалъ ее Федоръ Степанычъ и вдругъ заговорилъ плаксивымъ, бабьимъ голосомъ, совсѣмъ не похожимъ на его обычный грубоватый тонъ.--Я вѣдь тебѣ же добра желаю. Какая твоя жизнь со мной? Я старый, да все въ работѣ, да въ разъѣздахъ, а ты одна да одна. А замужъ выйдешь,—тамъ хозяйство, тамъ дѣти,—совсѣмъ другое дѣло. И мою бы душу развязала...

Дуня молчала.

Вечеромъ она неожиданно столкнулась въ сѣняхъ съ Ермолаевымъ. И оба они, точно испугавшись другъ друга, не обмѣнявшись ни однимъ словомъ, поспѣшно разошлись.

3.

Послѣ обѣда въ воскресенье, когда контора была уже закрыта и никого не было дома, въ дверь съ крыльца кто-то громко постучался. Дуня вышла на стукъ и спросила,—кто тамъ?

— Отворите! — отвѣчалъ рѣзкій женскій голосъ, совершенно незнакомый Дунѣ.

Жуткое предчувствіе чего-то отвратительнаго стѣснило ей сердце. Она сняла крюкъ. Въ сѣни, неуклюже стуча подкованными по деревенской модѣ башмаками, вошла невысокая бабенка въ зеленомъ байковомъ платкѣ, съ худымъ, некрасивымъ, точно обсосаннымъ лицомъ. Вслѣдъ за нею бокомъ пролѣзъ Арсентій Лычагинъ и, снявъ шапку, умильно ухмыльнулся. Холодная, противная дрожь, какъ липкая змѣя, проползла по Дунину тѣлу и молніей сверкнула мысль: „это что-нибудь на счетъ Политки"...

— Опять ты, Арсентій, не во время пришелъ? — строго сказала она, подавляя въ себѣ чувство слѣпого ужаса, который внушала ей эта жалкая бабенка съ обсосаннымъ лицомъ.—Вѣдь знаешь, послѣ обѣда контора закрыта.

— Мы, барышня, не въ контору, мы, стало быть, по своему дѣлу...—размахивая шапкой и въ знакъ вѣжливости присѣдая, заговорилъ Арсентій.—Вотъ у ей, стало быть, у бабочки-то, мужъ пропалъ, вотъ мы, стало быть, и пришли...

— Пропалъ, милые мои, пропалъ, кормильцы, осиротилъ съ малыми дѣтьми!.. нараспѣвъ, привычно-жалобнымъ голосомъ запричитала баба.

— Ну, такъ что-жь, ну, пропалъ?—еще строже оборвала ее Дуня.—Контора-то здѣсь причемъ, зачѣмъ вы въ контору пришли?

— Да мы, барышня, это хорошо понимаемъ, мы не въ контору!—заторопился опять Арсентій.—Позвольте, барышня, обсказать, какъ дѣло было. Вотъ ейный, стало быть, мужъ, значитъ, Политка, пошелъ онъ надысь... Лушь, это когда было-то, во вторникъ, ай нѣтъ?

— Зачѣмъ во вторникъ, въ понедѣльникъ...

— Во-во!.. въ понедѣльникъ, стало быть, ввечеру, пошелъ онъ на хутора, а мнѣ велѣлъ у него въ избѣ дожидаться. Ну, пошелъ и пошелъ и нѣту; время, стало быть, въ ночь, его все нѣту. Я ко дворамъ собрался, думаю, должно на хуторахъ ночевать остался, анъ, глядь, и день идетъ и другой, а его все нѣту...

Баба громко всхлипнула и высморкалась въ фартукъ.

— Погодь, Луша, дай обсказать. Ну, вотъ мы съ ней думали-думали и обдумали пойтить къ Дмитрію Иванычу, стало быть, къ конторщику вашему увспросить, можетъ случаемъ, онъ его видалъ.

— Ну, видалъ, ну, а дальше что? Почемъ же онъ можетъ знать, куда вашъ Политка дѣвался? Это вы въ станъ объявите, а конторщикъ вамъ не полиція, чтобы пропащихъ людей разыскивать.

Но у Арсюшки, видимо, была какая-то затаенная мысль, которую онъ не хотѣлъ высказать, и, замявшись, нерѣшительно пробормоталъ:

— Да, это конечно... въ станъ-то надо... Мы только попытать, видалъ ли, молъ... бабочка-то больно извелась. Какъ такъ? Пошелъ—и вдругъ пропалъ! Дивное дѣло. Человѣкъ не иголка...

— Объявите въ станъ, больше ничего... рѣзко сказала Дуня.

Обсосанное лицо бабы внезапно исказилось безобразной гримасой отчаянія и злобы, и она пронзительно завыла:

— Ухайдакали, да и концы въ воду... Ой, милые мои, что жь я теперь стану дѣлать съ малыми дѣтьми!..

Дуня, едва удерживаясь отъ безумнаго желанія зажать ротъ этой страшной бабѣ, повернулась къ Арсентію.

— Что за безобразіе такое,—Арсентій, уведи ее!

Лычагинъ, самъ перепуганный неистовыми воплями своей спутницы, засуетился и, подталкивая ее въ спину, шепталъ:

— Лушь, Лушь, молчи, касатка, нешто можно? Вотъ грѣхъ-то!..

Баба замолчала и, хрипя, давясь, какъ будто у нея въ горлѣ застрялъ клубокъ, покорно поплелась на крыльцо. Дуня заперла за ними дверь, прислушалась и, когда затихли шаги, побѣжала въ домъ посмотрѣть, зайдутъ ли въ людскую. Нѣтъ... прошли мимо: Арсюшка впереди, баба сзади, приземистая, неуклюжая, въ своемъ зеленомъ платкѣ похожая на огромную лягушку. Съ ненавистью и отвращеніемъ Дуня проводила ее глазами. Да,—вотъ онъ, ужасъ-то, вотъ ужасъ безконечный, неотступный, безпощадный... Нѣтъ Политки, онъ лежитъ теперь на днѣ рѣки и на немъ копошатся жирные раки, которыхъ такъ много водится въ Костиндѣѣ. Но вмѣсто него явилась его жена, потомъ явятся дѣти, потомъ еще кто-нибудь и никуда отъ этого не уйдешь, точно каторжникъ, за которымъ вѣчно тянется холодная, скользкая, гремучая цѣпь.

Въ сумеркахъ за стѣною послышались шаги Ермолаева. Дуня пошла въ контору, остановилась у двери и, не здороваясь, хотя они не видѣлись цѣлую недѣлю, сказала:

— Сегодня приходила Политкина жена съ Арсентіемъ.

— Это зачѣмъ?—спросилъ Ермолаевъ, зажигая лампу.

— Они хотѣли васъ спросить, куда дѣвался Политка.

При желтомъ свѣтѣ лампы они обмѣнялись взглядами. Въ глазахъ Дуни Ермолаевъ прочелъ отчужденность и холодную тоску... вѣдь онъ былъ для нея теперь тоже однимъ изъ звеньевъ длинной скользкой цѣпи, которая будетъ тащиться за нею всю жизнь. По лицу его пробѣжала болѣзненная судорога, но онъ справился съ ней и насмѣшливо произнесъ:

— Спрашивали, гдѣ Политка? Да вѣдь объ этомъ вы знаете столько же, сколько и я!

— Да, я знаю. Но они спрашивали васъ, а не меня; должно быть, вы имъ ближе, чѣмъ я. И потомъ... я вѣдь такая же пѣшка, какъ и они...

Дуня хотѣла уйти, Ермолаевъ ее остановилъ.

— Дунечка! Постойте... Ужь если пришли, такъ давайте поговоримъ.

Дуня вернулась и сѣла съ тою же отчужденностью и холодною тоской въ глазахъ. Ермолаевъ жадно смотрѣлъ на нее и что-то нѣжное, грустное проступило въ его угловатыхъ чертахъ.

— Слушайте, Дунечка... скажите мнѣ по правдѣ,—вы ненавидите меня?

— Я всѣхъ ненавижу,—со скукой отвѣтила Дуня.— Прежде просто не любила, теперь ненавижу. Всѣхъ!

— А... того? Алешу?.. Тоже?

— Не знаю... Тоже!

Она прямо взглянула на Ермолаева и глаза ея были темны и страшны, какъ грозовая ночь.

— У меня душа умерла, Дмитрій Ивановичъ,—продолжала она тихо.—Я во снѣ видѣла, что мальчика убила. И вотъ теперь каждый день вижу: ходитъ за мной мертвецъ и никуда я отъ него спрятаться не могу. Это душа моя мертвая... Дмитрій Иванычъ, зачѣмъ мы Политку убили?

Ермолаевъ схватилъ ея руку и, какъ давно когда-то сталъ ее цѣловать.

— Дунечка, простите меня, это я вашу душу убилъ... Со мной что-то страшное случилось, Дунечка. Старыя скрижали разбилъ, а новыхъ не нашелъ... Хотѣлъ дорогу къ будущему показать, да и самъ заблудился и другихъ запутлялъ. Самъ слѣпой—и такихъ же темныхъ слѣпышей въ прорву затащилъ...

— Это вы про соблазненныхъ младенцевъ опять?—съ усмѣшкой вспомнила Дуня.

— Дунечка, не смѣйтесь, это страшно. Ну да, младенцевъ соблазнилъ... Развѣ вы не младенецъ? А Политка? А другіе... Я про Алешу не говорю, я его самъ теперь боюсь...

— Да, вы струсили тогда,—съ злорадствомъ снова напомнила Дуня.

— Не струсилъ я, Дунечка, а просто вдругъ понялъ, что не могу... Когда все мое доброе превратилось въ злое, когда я увидѣлъ, какъ вы вотъ этими самыми руками Политкину кровь вытирали,—я потерялъ вѣру и началъ тонуть... Читалъ я когда-то сказку про одного монаха. Онъ выучился вызывать и заклинать бѣсовъ и вотъ однажды взялъ и вызвалъ ихъ. Они явились, а когда монахъ захотѣлъ, чтобы они опять исчезли, то вдругъ позабылъ слово, которое нужно было сказать, и бѣсы бросились на него и растерзали. Ну, вотъ й я также... Бѣсовъ вызвалъ, а, что дѣлать съ ними, не знаю. Слово забылъ! Стрескаютъ они меня, стало быть, такъ и надо, туда и дорога. Заодно съ

Политкой. Я вѣдь такъ и ждалъ тогда, что онъ и меня убьетъ.

— Кто?—вздрогнувъ, спросила Дуня.

— Алеша-поповичъ... по пріятельски!—сумрачно улыбнулся Ермолаевъ.—Онъ можетъ, у него рука легкая.

Кутаясь въ свой сѣрый платокъ, Дуня встала.

— Вамъ нужно уѣхать отсюда, Дмитрій Иванычъ,—сказала она.

— Это вы мнѣ уже второй разъ говорите, Авдотья Федоровна. Но куда и зачѣмъ?

— Не знаю. Куда-нибудь подальше. Васъ поищутъ, поищутъ, не найдутъ и забудутъ.

— Утѣшительно! Вы меня, какъ малаго ребеночка, убаюкиваете. Не найдутъ—забудутъ... Да на кой чертъ мнѣ это нужно? Вы что думаете,—я висѣлицы боюсь или тюрьмы? Дунечка, я себя боюсь, а отъ себя никуда не убѣжишь.

4.

Дуня никогда не получала писемъ по почтѣ и очень удивилась, когда Ермолаевъ переслалъ ей изъ конторы цѣлыхъ два. Одно было отъ попадьи; она безпокоилась, почему Дуня не ѣдетъ примѣрять платье, напоминала о близости Пасхи и торопила пріѣхать какъ можно скорѣй, если Дуня не хочетъ къ празднику остаться безъ обновы. Другое, въ маленькомъ голубоватомъ конвертикѣ, надписанное незнакомымъ, но несомнѣнно женскимъ почеркомъ, заставило Дуню насторожиться. У нея не было ни подругъ, ни родственницъ,—кто могъ ей писать и о чемъ? И вдругъ смутная догадка горячимъ румянцемъ обожгла ей щеки. Быстро разорвала она конвертъ, взглянула на подпись—и поняла все.

„Милостивая Государыня,—не знаю, да и не желаю знать, какъ Васъ зовутъ,—(дрожащей рукой, въ кипѣніи злыхъ чувствъ, не заботясь о правильности слога, но выбирая самыя язвительныя выраженія, писали ей).—Вы воображаете себя героиней романа, а Вы не болѣе какъ интригантка и низкая тварь. Никакая порядочная дѣвушка не позволитъ себѣ такъ нахально гоняться за молодыми людьми и отбивать чужихъ жениховъ. Но для Васъ не составляетъ никакого стыда посѣщать мужчину, хотя онъ давно обрученъ, и даже оставлять у него такіе предметы, о которыхъ неприлично говорить въ обществѣ, напримѣръ, голубые банты отъ корсета и тому подобное. Ахъ Вы безсовѣстная эдакая, да послѣ этого Вамъ слѣдовало бы плюнуть въ лицо, хотя Вы и героиня! Но я настолько развита, что не позволю себѣ

такого некорректнаго поступка и съ своей стороны прошу Васъ оставить насъ въ покоѣ, тѣмъ болѣе, что Алексѣй Митрофановичъ мой женихъ и ничего отъ меня не скрываетъ. Надѣюсь, что послѣ этого Вы прекратите свои наглые визиты къ нему и будете искать любовныхъ приключенiй гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ.

Презирающая Васъ до глубины души Марія Звѣздочетова".

Внизу были еще двѣ приписки:

„P. S. Если желаете получить обратно свой сувениръ, т. е. голубой бантъ отъ корсета, обратитесь въ аптеку къ Кларѣ Осиповнѣ Пряхиной".

„P. S. А если Вы посмѣете опять заявиться къ А. М., то знайте, что Васъ спустятъ съ лѣстницы, какъ самую потерянную личность".

Съ каждой строчкой этого письма Дунино сердце все больше и больше холодѣло и подъ конецъ смертная мгла на мгновеніе затуманила ея сознаніе. Второй разъ въ жизни она переживала такую обиду: когда отецъ при Лимпіядѣ ударилъ ее по лицу—и вотъ теперь. Но теперь было еще хуже, еще больнѣе. И не то больно, что какая-то Марья Власовна въ припадкѣ мелкой женской злости обзывала ее разными позорными именами, а то, что единственная радость, единственная свѣтлая сказка ея грустной молодости была грубо вытащена на улицу, осмѣяна, оплевана и затоптана въ грязь. И кто же это сдѣлалъ! Не пьяный и грязный Фикулаевъ, не какой-нибудь молодчикъ изъ очистной, а рыцарь воздушнаго замка надъ бездной голубого моря.

Преодолѣвая дурноту, Дуня еще разъ перечитала написанное ядомъ письмо Марьи Власовны и заметалась по комнатѣ, какъ раненая птица. Омертвѣвшая душа ея ожила и загорѣлась. То, что было въ кузнѣ, вдругъ выпало изъ памяти, точно давнишній сонъ; осталось одно: рвущая боль оскорбленнаго сердца, стыдъ и ярый гнѣвъ. Дуня не сомнѣвалась, что письмо они сочиняли вмѣстѣ... вѣдь у нихъ не было тайнъ другъ отъ друга. И ей представилось, какъ они сидѣли въ той самой комнаткѣ съ завѣшанными окнами, гдѣ Скафтымовъ разсказывалъ ей волшебныя сказки, какъ придумывали обидныя слова и какая жестокая улыбка озаряла при этомъ прекрасное лицо. О, теперь Дуня хорошо знала всѣ улыбки этого красиваго звѣря съ золотыми кудрями! Онъ всегда улыбается—и когда цѣлуетъ своихъ любовницъ и когда убиваетъ... навѣрное, улыбался и въ то время, какъ разсказывалъ Марьѣ Власовнѣ о дикой хуторской дѣвчонкѣ, которая въ одну сумасшедшую ночь броси-

лась ему на шею. Но откуда они взяли корсетъ и голубой бантъ? Дуня никогда не носила корсетовъ... Неудержимый смѣхъ напалъ на нее. Конечно, бантъ оставила какая-нибудь третья. Можетъ быть, Клара, можетъ быть, одна изъ хохлушекъ,—мало ли ихъ тамъ?.. не мудрено и позабыть, кто изъ нихъ носитъ корсеты, а кто нѣтъ. А эта глупая Марья Власовна воображаетъ, что ея женихъ невинный младенецъ и, если въ его комнатѣ оказываются иногда разные женскіе сувениры, то виновата въ этомъ только одна Дуня.

Смѣхъ продолжалъ душить ее, точно въ угарѣ она была, ходила, пошатываясь, громко разговаривала сама съ собой. И вдругъ какъ будто страшно запутанный узелъ развязала,—сразу рѣшила, что надо дѣлать.

— Папаша, мнѣ нынче непремѣнно нужно въ Избищи ѣхать, дайте мнѣ лошадь,—заявила она за обѣдомъ.

— Что это загорѣлось?—недовольно возразилъ отецъ.—Въ эдакую распутицу поѣдешь, тамъ теперь по яругамъ вода идетъ, лошадямъ по брюхо, еще утопнешь чего добраго, а ужь выкупаться-то за милую душу выкупаешься.

Но Дуня разгорячилась, раскраснѣлась, опять стала какъ въ угарѣ, показала матушкино письмо и убѣдила Федора Степаныча отпустить ее на примѣрку. Онъ согласился и велѣлъ запрягать.

Пока запрягали, Дуня уже одѣтая вышла на крыльцо. Она вся горѣла отъ нетерпѣнія поскорѣе уѣхать; ей казалось, что если она не уѣдетъ сейчасъ, то либо отецъ раздумаетъ и не пуститъ ее, либо еще что-нибудь случится. На крыльцѣ стоялъ Ермолаевъ.

— А вы знаете,—сказалъ онъ,—Костиндѣй нынче ночью прошелъ.

— Что?—разсѣянно переспросила Дуня, но вспомнила и засмѣялась. — Ахъ, да! Прошелъ? А что, вы думаете, онъ выплыветъ?

— Нѣтъ... я думаю, отчего вы сегодня такая веселая! Письмо, что-ли, хорошее получили?

— Очень, очень!..—Смѣясь, она стала гладить радостно визжавшаго Карайку.

— Карайчикъ, милый, что, проститься со мной пришелъ? Ну, прощай, прощай... Ты не любишь людей въ черныхъ маскахъ? Такъ и надо, не люби... куси ихъ, куси!

Карайка метнулся, залаялъ, но, не видя, кого надо кусать, вернулся къ Дунѣ и снова запрыгалъ около нея.

Подъѣхали санки въ одной запряжкѣ. Дуня пошла было садиться и вернулась къ Ермолаеву.

— А съ вами-то я забыла проститься, — сказала она серьезно.

— Да что это вы, Авдотья Федоровна, точно за сто верстъ ѣдете. Вѣдь скоро опять увидимся.

— А вдругъ я въ яругѣ утопну?—отозвалась Дуня уже изъ саней.

— Что вы, барышня, сохрани Господи! — укоризненно возразилъ работникъ и зачмокалъ на лошадь.—Ну, Каряя, вывози помаленьку!..

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

I.

Шумѣла и бушевала вода по яругамъ, санки то ухали въ рыхлую снѣжную кашу, то плыли въ жидкомъ черноземномъ киселѣ, упарилась старая Карюха, вся дымилась и тяжко водила боками. Пріѣхали въ Избищи къ вечернямъ; нѣжно и грустно пѣли великопостные колокола; надъ покраснѣвшими вербами озабоченно суетились и кричали вороны; чумазые ребятишки съ визгомъ бѣжали за санями, норовя прицѣпиться къ задку. Отъ шума воды, птичьяго гомона, колокольныхъ звоновъ и ребячьихъ криковъ Дуня совсѣмъ опьянѣла и думала, улыбаясь: — „А завтра я, можетъ быть, уже ничего этого не увижу и не услышу"... И отъ мысли этой было не страшно, а весело.

Такая же веселая, вся красная, растрепанная, въ самомъ дѣлѣ похожая на пьяную, вошла она въ поповскій домикъ. Матушка Наталья сейчасъ же набросилась на нее съ упреками, отчего долго не пріѣзжала, и послѣ долгихъ сочныхъ поцѣлуевъ сказала дѣловито:

— Ну, пойду, пошлю за портнихой, успѣетъ еще сегодня примѣрить. Дуняша, а какую я тебѣ отдѣлку нашла, вотъ увидишь! Это что-то удивительное!

Пришла портниха, тощая, длинная, съ унылымъ лицомъ. Дуню нарядили въ новое платье, поставили передъ зеркаломъ и начали совѣщаться. Пока обѣ женщины что-то прикалывали, подшивали, наметывали, Дуня смотрѣла на себя въ зеркало, и ей казалось, что тамъ, въ зеркалѣ, совсѣмъ не она, а какая-то другая дѣвушка, у которой въ жизни не было ни Политки, ни черныхъ масокъ, ни того, что должно случиться сегодня и что будетъ завтра. Развѣ съ этимъ можно улыбаться и быть такой глупой и нарядной? Нѣтъ, это не она, не Дуня...

— Ну, милочка, вы посмотрите, здѣсь ужасно морщитъ!—говорила между тѣмъ матушка Наталья.—Надо вынуть, непремѣнно вынуть!

— Что-жь, можно вынуть...—покорно соглашалась портниха.—Барышня, поднимите ручку, я наметку сдѣлаю.

И та, въ зеркалѣ, поднимала руку, кокетливо изгибалась и, сверкая бѣлыми зубами, оглядывала себя съ ногъ до головы. Ахъ, глупая, глупая!..

— Нѣтъ, Дуняша, ты взгляни, какъ это красиво!—искренно восхищалась матушка, отходя въ сторону и любуясь Дуней.—Къ тебѣ удивительно идетъ японскій фасонъ, а какова отдѣлка? Прелесть!

Дѣйствительно, и платье, и отдѣлка были очень красивы. Пламенѣя и вспыхивая искрами на изломахъ, мягкій шелкъ темнымъ облакомъ обвивалъ высокую фигуру Дуни; черная съ золотомъ вышивка нѣжно оттѣняла обнаженныя руки и шею, и въ этомъ сочетаніи черно-красно-золотого съ смуглостью кожи и суровостью всего Дунина облика было что-то до того живописное, что даже смиренная избищенская портниха это почувствовала.

— Чисто картиночка изъ моднаго журнала!—уныло улыбаясь, сказала она.

Дуня обмѣнялась взглядами съ зеркальной дѣвушкой. Та отвѣтила ей торжествующей улыбкой, точно хотѣла сказать:—„Да, я красива и хочу быть красивой,—особенно сегодня“... Но зачѣмъ, зачѣмъ? Зачѣмъ этотъ нарядъ и эта красота? Вѣдь, все равно, завтра ничего уже не будетъ...

Вернулся изъ церкви о. Владиміръ, его тоже позвали посмотрѣть на Дуню. Онъ вошелъ, похохатывая, готовый отпустить одну изъ своихъ обычныхъ шуточекъ, но вдругъ смутился, развелъ руками и произнесъ:

— Ну-ну... Вотъ такъ чудеса въ рѣшетѣ! Это ужь не маркиза, а настоящая королева Марго!

И, когда послѣ примѣрки Дуня приняла свой всегдашній скромный видъ, отблескъ царственнаго пурпура, должно быть, сохранился еще на ея лицѣ, потому что о. Владиміръ принялъ съ нею несвойственный ему серьезно-почтительный тонъ и, оставшись наединѣ съ попадьей, задумчиво сказалъ:

— Ну, мать, а Дуня-то наша того... злокачественная дѣвица стала! Вотъ тебѣ и заморышъ... и откуда что взялось. Не дѣвица, а трагедія... отъ эдакой и запьешь, и заворуешь...

— Глупости!—оборвала его матушка Наталья.—Не вздумай еще при ней это повторять, съ тебя станетъ. Экая у васъ, мужчинъ, глупая манера дѣвченкамъ головы дурить!

А Дуня, выйдя на улицу, сейчасъ же забыла и зеркальную красавицу въ черно-красно-золотомъ платьѣ и чету

Кипарисовыхъ, и все, что было и что есть. Не видѣла вечерней красоты небесъ, прозрачно-зеленыхъ на западѣ и синихъ, какъ сапфиръ, на востокѣ, не слышала хрустальныхъ звоновъ журавлиной стаи и не замѣтила совсѣмъ темной фигуры, которая, крадучись, шла по ея слѣдамъ. Избищи собирались спать; народъ разбрелся по домамъ и золотыя точки огоньковъ сверкали вдоль опустѣвшихъ улицъ. Пусто было и на площади; насупившись, чернѣли запертые балаганы торговцевъ и въ этой пустотѣ и темнотѣ особенно яркими казались зеленые, красные и фіолетовые шары на окнахъ аптеки.

Темная фигура вдругъ исчезла, точно растаяла или провалилась сквозь землю. Хриплымъ басомъ залаяла собака около балагановъ, потомъ отрывисто взвизгнула, какъ будто ее ударили, и смолкла. Дуня шла, не оглядываясь, прямо на разноцвѣтные огни, бросавшіе радужные отсвѣты на мокрую землю. И точно искра въ потемкахъ сверкнула на мгновенье ненужная мысль: — „А что-то будетъ со мною завтра въ это время“?..

Въ широкое окно аптеки, между двумя шарами, былъ виденъ некрасивый профиль Клары Пряхиной. Она стояла за прилавкомъ, завертывая что-то въ голубую бумагу, и разговаривала съ бабой. Дуня подождала, когда разговоръ кончится и баба уйдетъ. Но та не уходила и, получивъ голубой свертокъ, продолжала о чемъ-то разсказывать, должно быть, нудно и тягуче, потому что Пряхина нѣсколько разъ судорожно зѣвнула. Дуня рѣшила не дожидаться больше. Засунувъ руки въ карманы пальто, высоко поднявъ голову, она съ дерзкимъ и вызывающимъ видомъ вошла въ аптеку и остановилась у дверей.

Пряхина ея не узнала и, думая, что это новая покупательница, нетерпѣливо сказала бабѣ:

— Ну вотъ, милая, такъ и принимай, какъ сказано: три порошка въ день—утромъ, передъ ѣдой и на ночь...

Баба упорно топталась на мѣстѣ и продолжала пѣвучимъ голосомъ:

— А то вотъ золовка у меня дюже мается... И что такое, Господь ее знаетъ? Какъ поисть, такъ подъ ложечкой у ней и ссеть, и ссеть...

— Некогда, некогда мнѣ, въ другой разъ когда-нибудь. Видишь—ждутъ!

Баба, наконецъ, ушла. Прихлопнувъ за ней дверь, Дуня съ тѣмъ же рѣшительнымъ и дерзкимъ видомъ направилась къ прилавку. Теперь Клара Осиповна ее узнала и выраженіе усталости на ея лицѣ смѣнилось холоднымъ недоброжелательствомъ.

— Мнѣ нужно видѣть Скафтымова,—сказала Дуня.

Ея рѣзкій тонъ, неподвижные глаза и руки въ карманахъ испугали Пряхину. Она растерянно оглянулась, какъ будто у нея за спиной стоялъ кто-нибудь, и отвѣтила, запинаясь:

— Его... Онъ... Его теперь здѣсь нѣтъ.

„Вретъ"! — подумала Дуня и въ то же время говорила вслухъ.—Ну, хорошо, черезъ полчаса я приду опять.

Площадь была все такъ же пустынна и такъ же сіяли, отражаясь въ лужахъ, синіе, красные и лиловые шары. Чья-то таинственная тѣнь вынырнула изъ-за угла, пересѣкла радужныя отраженія и, метнувшись въ сторону, пропала. На этотъ разъ Дуня ее замѣтила и подозрительно насторожилась. Ужь не Скафтымовъ ли это удираетъ отъ нея? Она стала медленно прохаживаться мимо аптеки, заглядывая въ окна. Тамъ было все по прежнему: ярко горѣли лампы, профиль Пряхиной неподвижно вырисовывался за прилавкомъ, уродливая тѣнь его чернѣла на бѣлой стѣнѣ. И какая мертвая тишина...

Но вотъ въ мрачной пустотѣ площади зачмокали чьи-то шаги,—Дуня встрепенулась. Шаги были дробные и легкіе, направлялись прямо къ аптекѣ. Несомнѣнно, шла женщина. Можетъ быть, опять какая нибудь баба отъ мертвящей деревенской скуки брела на огонекъ погуторить съ барышней-аптекаршей о своихъ болѣзняхъ. Дуня отошла въ тѣнь и притаилась, напряженно всматриваясь въ приближающуюся фигуру. Теперь уже ясно было видно, что это не баба, а скорѣе барышня. Блестѣли перламутровыя пуговицы кофточки, развѣвался бѣлый шарфъ и, когда, наконецъ, вся она очутилась въ полосѣ аптечныхъ огней, широкій рубиновый лучъ фантастически озарилъ такъ хорошо знакомое Дунѣ и такое ненавистное ей хорошенькое личико Марьи Власовны.

Своею легкою походкой она взбѣжала на крыльцо и отворила дверь. Дуня едва удержалась, чтобы не ворваться вслѣдъ за ней, и жадно прильнула къ окну. Марья Власовна, какъ своя, прямо прошла за прилавокъ и расцѣловалась съ Пряхиной. Та что-то ей сказала; учительница засмѣялась, кокетливо откинувъ назадъ головку. У Дуни задрожало сердце отъ приступа дикой злобы. Можетъ быть, онѣ смѣются надъ ней... Навѣрное! Вѣдь ей угрожали спустить ее съ лѣстницы, когда она придетъ,—ну, вотъ такъ и вышло... Невѣста сейчасъ войдетъ къ своему жениху, а любовница дрожитъ на улицѣ, въ темнотѣ и грязи, какъ побитая собачонка. Что-то давнишнее, какая-то старая сказка о принцессѣ въ зеленомъ платьѣ съ бѣлыми цвѣтами смутно

вспомнилась Дунѣ, переплелась съ этой ночью, съ радужными огнями въ лужахъ, съ торжествующимъ смѣхомъ Марьи Власовны... и расплылась, какъ туманъ.

Когда Дуня снова заглянула въ окно, Марьи Власовны уже не было и печальная тѣнь Пряхиной одиноко чернѣла на стѣнѣ. Дуня рванулась было къ крыльцу—и остановилась. Конечно, эта вѣрная Личарда теперь и вовсе ее не пуститъ къ Скафтымову. Ну, и отлично, пускай сидитъ несчастная кикимора, сторожитъ брачный чертогъ влюбленныхъ. Хитро посмѣиваясь, она проскользнула во дворъ, загроможденный ящиками и боченками, и сразу разыскала черный ходъ въ аптеку. Отсюда шли двѣ лѣстницы,—одна спускалась въ подвальный этажъ и тамъ слышались громкіе голоса, пахло прѣлыми щами и махоркой, потомъ чья-то лохматая голова мелькнула. Дуня притаилась, выждала. Голова исчезла. Громкіе голоса продолжали мирную бесѣду. Тогда она нащупала скользкія перила и быстро вбѣжала наверхъ. Все было такъ, какъ она предполагала. Вотъ эта самая комната, черезъ которую провела ее въ первый разъ Клара Осиповна, и вотъ потаенная лѣсенка на чердакъ. Тамъ теперь, обнимая другую, Скафтымовъ разсказываетъ свои убаюкивающія сказки.

На минуту Дуня прислонилась къ стѣнѣ, чтобы перевести духъ. Гдѣ-то однозвучно капала вода; сверху неясно доносился говоръ. Воркуютъ голубки, и кикимора ихъ стережетъ. Дуня зажала ротъ платкомъ, стараясь заглушить рвущійся наружу смѣхъ. И неслышно, какъ кошка, вошла...

А дальше было то мутное, странное и страшное, что вспоминалось послѣ безсвязными отрывками, какъ видѣнія горячечнаго бреда. Спущенныя занавѣски и голубоватый свѣтъ лампы, блескъ и дымъ выстрѣловъ, улыбка Скафтымова, кричащій ротъ Марьи Власовны, кровавыя пятна на бѣломъ шарфѣ... И потомъ черный провалъ.

2.

Точно гробовая крышка,—низко нависшій потолокъ надъ головой, безшумно скользящія, крылатыя тѣни, неясные шорохи и шопоты,—все это было такъ необычно, что въ первый моментъ возвращенія къ сознанію Дунѣ показалось, будто она уже перешла въ другой міръ. И такая свѣтлая радость освобожденія отъ жизни, такое безмятежное спокойствіе ощутила ея душа, что долгое время спустя, при воспоминаніи о пережитомъ блаженствѣ, Дуня испытывала сладкую тоску и сожалѣніе,—отчего это продолжалось только одинъ мигъ?

Одна изъ крылатыхъ тѣней заколыхалась и наклонилась надъ Дуней. Знакомые тусклые глаза встрѣтились съ ея глазами; кто-то шопотомъ сказалъ:

— „Ничего, теперь, кажется, прошло, она уже дышитъ".— Дуня поднялась и дико смотрѣла на Пряхину, которая съ свѣчой въ рукѣ стояла передъ ней.

— Это вы? Стало быть... ничего не было? Я промахнулась?

— Да, вы промахнулись. Я во время пришла.

Дуня припоминала. Да, это было... Когда она приложила браунингъ къ виску, кто-то больно ударилъ ее по рукѣ. Но выстрѣлъ такъ близко прогремѣлъ надъ ухомъ...

— А онъ?.. Умеръ?

— Никто не умеръ, всѣ живы.

— Послушайте, не обманывайте меня. Я ничего... я все могу...

— Да нѣтъ же... все хорошо! Нежножко раненъ... пуля оцарапала ему плечо. Пустяки. Я уже перевязала, и онъ совсѣмъ ничего. Смѣется...

Смѣется! Да, онъ всегда смѣется — и когда цѣлуетъ, и когда убиваетъ. Дуня молча прислушивалась къ тому, что было въ ея душѣ. Ничего не было. Ни злобы, ни любви, ни радости и горя, ни стыда и раскаянія. Пожаръ, бушевавшій еще такъ недавно, потухъ,—потухло все.

Клара Осиповна поставила свѣчу на столикъ рядомъ съ кроватью и присѣла около Дуни.

— Зачѣмъ вы это сдѣлали?—спросила она, и лицо у нея было уже не сухое и замкнутое, а доброе, и въ тусклыхъ глазахъ свѣтилась глубокая печаль.

— Хорошо еще, что я отослала учениковъ; еслибы мальчики были здѣсь, пропали бы мы всѣ. Ну, скажите, зачѣмъ вы это сдѣлали?

— Вы не стали бы спрашивать, еслибы испытали то, что я.

— А почему вы думаете, что я не испытала?

— Вы?..

— Ну, да... Или вы думаете, что если я некрасива, то не могу чувствовать и страдать такъ же, какъ и всѣ?

Дуня ближе придвинулась къ ней и взяла ее за руки.

— Вы его тоже любите?

— Ну, да... И, можетъ быть, еще больше, чѣмъ вы всѣ.

Онѣ замолчали. Въ темной глубинѣ убогой каморки послышались сдержанныя сморканья и всхлипыванья. Дуня вздрогнула.

— Что это? Кто плачетъ? Кто это плачетъ?

— Ничего, не пугайтесь, — сказала Пряхина, ласково

удерживая Дуню на кровати.—Это Маруся... Она давно уже здѣсь плачетъ. Маруся, иди сюда къ намъ!

Изъ темноты выступила Марья Власовна. Ея хорошенькое личико было красно отъ слезъ, глаза напухли, прическа растрепалась. Она взглянула на Дуню и, уткнувшись въ платокъ, снова расплакалась.

— Это я... Это я виновата... Простите меня... Охъ, какъ это ужасно, какъ ужасно!..

Клара Осиповна встала, взяла Марью Власовну за плечи и посадила рядомъ съ Дуней.

— Ахъ, глупыя вы дѣвочки, поссорились изъ-за игрушки!—сказала она, усмѣхнувшись.—Ну, посидите, помиритесь, а я сейчасъ приду.

Она ушла, а Дуня сидѣла рядомъ съ Марьей Власовной и съ тупымъ удивленіемъ думала о томъ, куда же дѣвались бѣшеная злоба, жгучая боль, все это клокотаніе страстей, которое привело ее сюда, въ эту каморку съ низкимъ потолкомъ. Точно какая-то черта отдѣлила ее отъ недавняго прошлаго, и здѣсь, на этой сторонѣ, все было такъ просто и все равно и ничего не надо.

— Не плачьте,—тихо проговорила она.—Зачѣмъ вы плачете? Вѣдь онъ живъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... дайте мнѣ... Ахъ, вы не знаете!... Вѣдь я все, все наврала... И вдругъ такой ужасъ... Господи, Господи, еслибы я знала!..

— Это вы про письмо? Не стоитъ. Теперь все кончилось — и не надо больше...

— Нѣтъ, постойте, дайте мнѣ... мнѣ будетъ легче. Да, это письмо я выдумала. Ничего не было, ни корсета, ничего... И что онъ мой женихъ — это тоже неправда... Но мнѣ было такъ обидно, такъ обидно, Боже мой! Я къ нему ходила, мы цѣловались, но влюбленъ онъ въ васъ, въ васъ...

— Марья Власовна, не въ меня и въ васъ, онъ Клару любитъ.

— Клару? Никогда!.. Онъ ее очень уважаетъ, но чтобы любить,—никогда! Раньше, это правда, онъ за мной прихлыстывалъ... немножко. Но съ этой вечеринки, помните, когда ряженые, онъ только вами и интересовался. И принцесса, и какая-то Шарлота Корде, ужь я не знаю... это онъ васъ такъ называлъ. Ну, и я просто съ ума сходила... Ахъ, еслибы вы знали! Я даже подъ окнами подсматривала... А потомъ это письмо... И когда я увидѣла васъ съ револьверомъ, и пуля пролетѣла вотъ такъ близко, а онъ былъ весь въ крови... нѣтъ, это ужасъ, ужасъ! Послѣ этого остается только въ монастырь... И, конечно, я устраняюсь и больше никогда... и вы обвѣнчаетесь и... и...

Она совсѣмъ захлебнулась въ слезахъ; Дуня обняла ее и неловко поцѣловала въ мокрую щеку.

— Марья Власовна, не надо въ монастырь и устраняться не надо. Я тоже сходила съ ума, теперь это прошло. Завтра я уѣду и никому больше не буду мѣшать. Все у васъ останется по прежнему... а того не будетъ, о чемъ вы говорили. Пусть лучше онъ на васъ женится.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!—по-ребячьи всхлипывая, бормотала Марья Власовна.—На мнѣ онъ никогда... Я такъ виновата, такъ виновата! Если онъ узнаетъ про письмо, онъ будетъ презирать меня навѣки...

— Да откуда же онъ узнаетъ? Вы, можетъ, думаете, я скажу? Напрасно. Я ничего не скажу.

— Честное слово? Господи, какая вы милая, какая хорошая, а я-то, я-то?... Такая подлая, такая дрянь!.. Скажите, вы презираете меня, да?

— Съ какой стати я буду васъ презирать? Мы всѣ такія... съумасшедшія. И вообще все это такъ глупо, такъ глупо...

Ежась и вздрагивая отъ внутренняго озноба, Дуня встала. Она чувствовала страшную усталость; смертельно хотѣлось лечь и забыться, одолѣвала нестерпимая зѣвота.

— Ну, я пойду. Навѣрное, уже поздно... меня будутъ ждать.

Марья Власовна вынула маленькіе часики и, все еще всхлипывая, сказала дѣловито:

— Нѣтъ, еще только половина десятаго, у Кипарисовыхъ такъ рано не ложатся. Но вѣдь мы съ вами разстаемся друзьями, да?

— Да, да, да!—нетерпѣливо отвѣтила Дуня.

Вошла Пряхина, быстро взглянула на обѣихъ и обратилась къ Дунѣ.

— Ступайте къ нему, онъ васъ зоветъ.

Дуня нахмурилась и отрицательно покачала головой.

— Нѣтъ!

— Почему? Онъ такъ проситъ. Сейчасъ у него маленькій жаръ... это его успокоитъ. Ну, наконецъ, я васъ прошу!

— Нѣтъ, нѣтъ... — упрямо повторила Дуня.—Никогда. Такъ ему и скажите: никогда!..

И уже на улицѣ, пробираясь въ потемкахъ черезъ лужи, она все повторяла про себя:—„Ахъ, какія мы всѣ несчастныя, глупыя, сумасшедшія женщины“... А таинственная тѣнь кралась за нею.

3.

Утро встало румяное, какъ молодая красавица, которой еще снятся тихіе радостные сны. И вотъ проснулась, расчесала свои серебристыя косы, голубое съ блестками платье

надѣла, улыбается всему свѣту. И улыбкой на улыбку отвѣчаетъ ей Божій свѣтъ.

Такое же праздничное утро поднялось и надъ хуторомъ сегодня,—голубое въ блесткахъ, съ серебряными облаками, разметавшимися по небу, со смѣхомъ, звономъ, пѣтушинымъ пѣніемъ. На базахъ мычали одурѣлыя отъ весенняго солнца коровы, изъ кошаръ неслось жалобное блеяніе, и самъ овечій командиръ, Гаврюшка, запрокинувъ голову къ небу, съ гоготаніемъ, припѣвками и приговорками выплясывалъ сумасшедшій танецъ посреди дороги, такъ что брызги летѣли у него изъ-подъ лаптей.

Я по куркѣ цѣпомъ,
Она кверху зобомъ,
Отлетѣло перо,
На Иваново село,
Иванъ дудочникъ,
Балалаечникъ!
Онъ на дудкѣ загудилъ
Всѣхъ чертей перебудилъ,
Въ балалайку заигралъ,
Самъ анчутка заплясалъ...

Людская кухарка, Агафья, смотрѣла на него и ругалась:

— Да онъ, милые, сбѣсился! Лобъ-то, лобъ-то перекрести. Страшная недѣля, а ты что дѣлаешь? Вотъ тебѣ на томъ свѣтѣ-то припекутъ, припекутъ, небось, не запляшешь!

Гаврюшка повернулъ къ ней свою комическую рожицу, озаренную солнцемъ, и разинулъ ротъ до ушей.

— И-го-го!—загоготалъ онъ, брыкнулъ по жеребячьи и снова запѣлъ:

Старуха старая
Самоваръ ставила,
Самоваръ не скипѣлъ,
Старикъ съ печки слетѣлъ...

Должно быть, въ этой приговоркѣ таился намекъ на какое-то щекотливое событіе изъ Агафьиной жизни, потому что она окончательно разсердилась.

— Тьфу, идоленокъ, безстыжія твои бѣльма, погоди, дамъ я тебѣ на святой день краснымъ яичкомъ разговѣться! Ишь хайло-то раззявилъ, безматерный сынъ... вотъ доживешь до моихъ лѣтъ, узнаешь, какъ надъ старыми людьми смѣяться.

—Чему ты радуешься?—спросилъ Ермолаевъ, подходя къ Гаврюшкѣ.

Овчаренокъ пересталъ плясать и устремилъ на Ермолаева свои щенячьи глаза, изъ которыхъ такъ и брызгала буйная радость жизни.

— Да такъ...

— Ну, танцуй, танцуй, веселая твоя голова. А что, не слыхалъ, пріѣхала барышня Дуня?

— Должно, нѣтъ, ни Карюхи, ни Ванюхи ноньче не видалъ. Не пріѣхала еще.

Ермолаевъ и самъ зналъ, что не пріѣхала, и спросилъ такъ себѣ, просто для того, чтобы немного разсѣять безпокойство, томившее его съ отъѣзда Дуни. Вотъ уже два дня прошло, а ея все нѣтъ. Возбужденное лицо съ красными пятнами на щекахъ такъ и стояло передъ нимъ. И этотъ странный смѣхъ... надъ чѣмъ и надъ кѣмъ смѣялась она, такъ рѣдко смѣющаяся?

„Да, убили душу,—думалъ онъ, спускаясь къ рѣчкѣ.— Только кто изъ насъ—я или поповичъ? Или оба? Все равно... вышла ошибочка“...

Костиндѣй ревѣлъ и рычалъ, завиваясь на отмеляхъ въ мутные водовороты, и тащилъ куда-то все, что ни попало: рогатыя коряги, лапоть обшмыганный, кусокъ грязной льдины, клочья сѣна изъ подмытаго стога. Камыши стояли въ водѣ по самыя верхушки и трудно было узнать то мѣсто, куда они бросили Политку. Можетъ быть, вотъ здѣсь, сейчасъ за поворотомъ, можетъ, еще дальше, тамъ, гдѣ крутятся и скачутъ пѣнистыя волны. Далеко и трудно было тогда идти, скользили и разъѣзжались ноги, нестерпимо тяжелымъ казался трупъ и такъ противно пахло грязными Политкиными сапогами. А вѣдь тоже, небось, когда-нибудь плясалъ на солнышкѣ и гоготалъ по жеребячьи, какъ веселый Гаврюшка... Все равно, вода все смыла, все сгладила и заровняла, и отъ Политки не осталось ничего. Хорошо, еслибы также сгладилось и воспоминаніе о мутныхъ призракахъ той мутной ночи. Но нѣтъ: душа человѣческая—скупой ростовщикъ: она все собираетъ, все складываетъ и бережно хранитъ въ своихъ глубокихъ тайникахъ, а когда приходитъ часъ,—предъявляетъ къ уплатѣ векселя...

Ермолаевъ долго стоялъ надъ шумящимъ Костиндѣемъ Бурлила, пѣнилась и крутилась полая вода и также бурлили, крутились и мчались куда-то его безпокойныя думы.

А Дуни все не было.

Въ конторѣ уже дожидался народъ. Стояли, сидѣли на корточкахъ у порога, дымили цыгарками и толковали о пропавшемъ Политкѣ. Никто его не жалѣлъ; плевый былъ мужиченко, хозяйствомъ не занимался и еще до солдатчины былъ замѣченъ въ худыхъ дѣлахъ. А какъ пришелъ съ войны—и вовсе отъ рукъ отбился. Поворовывалъ и у своихъ, и у чужихъ. Жаденъ былъ до легкой деньги, оттого и пропалъ.

— За чѣмъ пошелъ, то и нашелъ,—не мимо говорится,—

сказалъ степенный мужикъ съ крутыми сѣдоватыми кудрями.—У Бога дорогъ много, да всѣ прямыя, а у дьявола одна, да и та не годна, запутляетъ—заведетъ головой въ бучило. Вотъ и Политку нашего гдѣ-нибудь настигло: кикнули по башкѣ—и поминай какъ звали.

— А вѣрнѣй дѣло, самъ впяхтался съ пьяныхъ глазъ. Ку-убрилъ вѣдь онъ здорово, на всѣ Лохмоты гремѣлъ. Мудренаго нѣтъ, что ввалился хмельнымъ дѣломъ въ пролубь, и засосало.

— А женёнка его неподобныя слова болтаетъ,—замѣтилъ опять сѣдокудрый мужикъ.

— Какія слова?—спросилъ Ермолаевъ, щелкая на счетахъ.

— Да ишь, будто онъ въ какой-то партіи былъ. Стало быть, по тайнымъ дѣламъ. Ну, стало быть, всѣ ихнія тайности узналъ, за это его и смерти предали. Зря мелетъ баба,—какая тамъ партія? Небось, и слова-то такого не понимаетъ. Чего-нибудь Политка нахвасталъ,—мастеръ былъ на это, а она сглупу бормочетъ.

— Нѣтъ, это ему за овчара Никиту!—вмѣшался еще кто-то.—Вѣдь сидитъ парень-то до сей поры, а нешто это онъ въ Лимпіядкѣ виноватъ?..

Всѣ сразу замолчали и нѣсколько минутъ въ конторѣ только и слышалось постукиванье костяшекъ. Потомъ одинъ бородачъ, смѣшливо подмигивая мужикамъ, спросилъ вполголоса:

— Да что это нашего Ведеръ Стаканыча-то не видать, ай нѣту его?

— Къ хозяину въ имѣніе уѣхалъ,—отвѣтилъ Ермолаевъ.

Мужики захохотали.

— Въ имѣнье! Это онъ тебѣ, Иванычъ, очки втираетъ. Знаемъ, какое имѣнье, онъ себѣ другую кралю нашелъ... Вотъ, гляди, привезетъ. Набаловался старый песъ, безъ мясного не могетъ!

— Не мое дѣло.

— Извѣстно, не твое. А только, Иванычъ, мекаемъ мы промежъ себя, хорошо бы стараго пса въ отставку, а тебѣ на его мѣсто, въ прикащики. На дочкѣ бы женился, на Дунечкѣ, хороша дѣвка! Зажили бы мы съ тобой за милую душу. Ужь больно ты парень-то для насъ душевный, да пра!

— Ладно!—пробурчалъ Ермолаевъ, посмѣиваясь себѣ въ усы.—Вотъ погодите, поѣду въ городъ, фракъ себѣ отхвачу, перчатки бѣлыя, и женюсь. Сыграемъ свадьбу по княжески, съ трескомъ, съ блескомъ, съ красной водочкой, да наливочкой, по усамъ текло, въ ротъ не попало.

— Шутникъ ты, Иванычъ а вѣдь мы въ серьезъ.

Ермолаевъ пересталъ считать, прислушался и сказалъ:

— Будто подъѣхалъ кто. Ну-ка, ребята, поглядите, не къ намъ?

Мужики сунулись къ окнамъ, поглядѣли.

— Барду везутъ, Иванычъ!

И опять застучали костяшки.

Въ два часа мужики разошлись и въ конторѣ, еще пропитанной запахомъ ихъ полушубковъ и махорки, водворилась тоскливая тишина, пустыми глазами глядѣла изо всѣхъ угловъ, нашептывала черныя мысли. Какъ маятникъ, Ермолаевъ мотался изъ угла въ уголъ, иногда подходилъ къ стѣнѣ, стучался въ нее и громко произносилъ:—„Дунечка"!.. Ему отвѣчало молчаніе. И снова всплывало засѣвшее въ мозгу изреченіе:

— Уне бо тому, кто соблазнитъ единаго изъ малыхъ сихъ...

Дуни все не было. День кончался, солнце опускалось надъ полями, осыпая землю золотою пылью. Одинъ лучъ вдругъ прокрался въ контору, перерѣзалъ ее наискось и наполнилъ вихремъ пляшущихъ золотинокъ. Ермолаевъ долго слѣдилъ за этою молчаливою пляской, потомъ, когда лучъ погасъ, онъ растопилъ желѣзную печку, досталъ изъ чемодана желтую книжку, разорвалъ ее на мелкіе клочки и бросилъ въ огонь.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

1.

Дуня пріѣхала въ сумерки—вся мокрая, продрогшая, съ посинѣвшими губами и лихорадочнымъ блескомъ въ глазахъ. Работникъ, просушивая около печки свой тулупъ и сапоги, разсказывалъ въ людской, что они не ѣхали, а плыли, чуть не уходились и въ поискахъ удобнаго проѣзда проплутали цѣлый день.

— Ужь какъ насъ попъ съ попадьей упрашивали не ѣздить, — говорилъ онъ, съ сожалѣніемъ вспоминая о теплой поповской кухнѣ, поповскихъ ситныхъ пирогахъ и дебелой кухаркѣ. — Нѣтъ, заладила ѣхать, да ѣхать, и никакихъ! Ну, а мое дѣло какое: приказываетъ, стало быть, долженъ исполнять. Запрегъ Карюху, поѣхали. Только подъѣзжаемъ къ Столбунову яру,—вода такъ черезъ край и хлещетъ.—Барышня, говорю, надо назадъ вертаться, здѣсь не проѣдемъ. А она—поѣзжай, поѣзжай, нечего!—Да куда жь мы поѣдемъ, нешто не видите. вода-то какая?—А я тебѣ

говорю, поѣзжай... Вотъ вѣдь отчаянная голова, что съ ней сдѣлаешь! Ну, я Карюху подбодрилъ возжей, она не идетъ, ушьми такъ и строгаетъ. Опосля ка-акъ ухнемъ прямо въ прорву, вижу, погибель приходитъ... Выскочилъ изъ саней, заворотилъ назадъ, самъ по поясъ въ водѣ. Тутъ ужь и она въ разумъ вошла, говоритъ: ищи объѣзда. Потянули мы на Масловку, да на Чечоры, да такъ цѣльный день и путались. Карюху-то зарѣзали совсѣмъ, и сейчасъ вся дрожмя дрожитъ. Нахлебались горя...

— А тутъ еще какая оказія...—продолжалъ онъ, подумавъ.—Увязалась за нами пара саней въ двѣ запряжки, и ѣдутъ, и ѣдутъ, куда мы, туда и они,—ну, прямо слѣдъ въ слѣдъ. Мы въ яръ, и они въ яръ, мы на взлобокъ, и они на взлобокъ, чистое тебѣ навожденіе! Ажно жуть меня взяла... Ну, на сверткѣ, гляжу, разъѣхались: мы поправѣй взяли, на хутора, а они прямымъ трактомъ на заводъ. Отлегло у меня.

— Да чего же ты испугался? Диви бы ночью...

— Я и самъ не знаю, чего. Такъ вотъ, чую что-й-то неладно... Хоть бы объѣхали или отстали, а то вѣдь нѣтъ! Мы шагомъ—и они шагомъ; мы рысью—и они рысью. Чудно!..

Въ это время Дуня, уже переодѣтая, съ мокрыми, распущенными волосами, кутаясь въ теплый платокъ, сидѣла у себя на кровати и блестящими глазами слѣдила за Ермолаевымъ, который суетился около самовара, заваривалъ чай и, скрывая кипѣвшую въ душѣ радость, ворчалъ:

— Ишь вѣдь, угораздило васъ въ такую погоду по гостямъ таскаться! Сумасшедшая вы, барышня Дуня, право сумасшедшая, будь я вашъ отецъ, непремѣнно бы высѣкъ. Башмаки-то сняли?

— Да сняла, сняла... охота вамъ такими глупостями заниматься?

— Хороши глупости, — какъ сосулька пріѣхала! Вотъ схватите какую-нибудь ерунду вродѣ тифа, вотъ и будетъ чертовщина!

— Все равно...

Ермолаевъ искоса взглянулъ на Дуню. Она отогрѣлась, щеки ея пылали, блестѣли мокрые волосы, въ глазахъ желтыми точками отражался огонь лампы. И что-то въ ней напоминало маленькую дѣвочку, которая набѣгалась, нашалилась и вотъ устала, сидитъ, поджавъ подъ себя ноги, и ждетъ, когда ее уложатъ спать.

— Эхъ вы!..—пробормоталъ Ермолаевъ, недосказалъ и понесъ ей стаканъ съ чаемъ.—На-те, пейте, да сразу, горячій отъ простуды хорошо.

Вдругъ онъ уставился на стѣну, поискалъ чего-то глазами, нерѣшительно спросилъ:

— А гдѣ же... это?.. тутъ у васъ было...

— Что? Ахъ, да... Образокъ? Его нѣтъ.

— Почему нѣтъ? Куда же вы его дѣвали?

— Нѣтъ,—повторила Дуня и по-дѣтски развела руками, отчего еще больше стала похожа на маленькую дѣвочку.— У меня теперь ничего нѣтъ...

— Такъ-съ...—задумчиво сказалъ Ермолаевъ.—А знаете, я нынче своего Заратустру сжегъ. Ну его къ дьяволу!

— Сожгли? Стало быть, и у васъ ничего нѣтъ?

— Ничего... Чисто! Х-ха-ха... Я нынче хорошую штуку слышалъ, одинъ умный мужикъ сказалъ. У Бога, говоритъ, дорогъ много, да всѣ прямо ведутъ, а у дьявола одна, да и та кривая. Вотъ я по этой, по-дьявольской-то, и зашагалъ, думалъ—скорѣй на свѣтъ выйти, анъ къ тому же мѣсту и пришелъ, откуда вышелъ. Теперь ни туда, ни сюда; ни впередъ, ни назадъ ходу нѣту.

— Да, да...—Дуня кивнула головой. —Назадъ нельзя... и впередъ некуда.

Замолчали. Шумѣлъ самоваръ, а тамъ, въ пустыхъ и темныхъ комнатахъ что-то шуршало, потрескивало и вздыхало. Ермолаевъ сѣлъ около Дуни и тихонько взялъ ее за руку. Она не отнимала.

— Дунечка, а я, какъ вы уѣхали, съ тоски пропадалъ. Такая чертовщина въ голову лѣзла... Я думалъ, вы не вернетесь!

— Я сама думала, что не вернусь.

— Ну?—Ермолаевъ началъ тяжело дышать.

— Ну, а вотъ вернулась.—Дуня обвела глазами комнату и усмѣхнулась.—И какъ странно... Вчера... Нѣтъ, не вчера, а въ тотъ вечеръ я шла и думала: завтра въ это время ничего ужь больше не увижу. И вдругъ то же самое: и комната, и пяльцы, и окно... Такъ же буду глядѣть на дорогу, и счеты будутъ щелкать, и все по прежнему... Къ тому же мѣсту пришла... какъ и вы.

И спокойно, точно говорила не о себѣ, а о комъ-то чужомъ и далекомъ, она разсказала о своей коротенькой любви съ Скафтымовымъ.

— Хотѣла убить, а теперь рада, что не убила,—не стоитъ. Когда у меня остановилось сердце, все вдругъ сдѣлалось такое маленькое, такое ненужное, я подумала:—зачѣмъ?—и все забыла. И послѣ, какъ вспомню голубой корсетъ и Марью Власовну, такъ станетъ смѣшно. Никогда я столько не смѣялась...

— Чудная вы дѣвица! Чуть человѣка не убила, себя хотѣла убить,—и ей смѣшно! Не понимаю этого.

— И не поймете... потому что этого нельзя разсказать и я не умѣю. Но вотъ какъ подумаю:—черная маска и голубой корсетъ,—и не могу удержаться и смѣюсь, смѣюсь. Изъ аптеки шла,—смѣялась и на другой день у Кипарисовыхъ все смѣялась,—ну просто умираю отъ смѣха!

— Ну, да, смѣялась, а позоветъ, опять пойдете?

— Не пойду. Онъ ужь звалъ, и я не пошла. Теперь тамъ Клара и Марья Власовна. Ахъ, это было ужасно смѣшно, какъ мы съ Марьей Власовной жениха другъ дружкѣ уступали. Она говоритъ: вы его себѣ возьмите, а я: нѣтъ, лучше вы возьмите... Такія дуры!

Она все говорила и говорила, а щеки ея разгорались и въ расширенныхъ зрачкахъ искрились золотыя блестки. Ермолаевъ слушалъ и съ пристальнымъ вниманіемъ разсматривалъ ея руку, довѣрчиво лежавшую въ его рукѣ. И эта нѣжная дѣвичья рука съ голубыми жилками подъ тонкой кожей, съ длинными пальцамя и розовыми дѣтскими ноготками, вдругъ вызвала въ его душѣ приливъ страстной тоски и жалости къ себѣ и своей зря растраченной жизни, которая вотъ уже проходитъ, почти прошла безъ единаго мгновенія самозабвенной радости, безъ искры любви, безъ сладкой женской ласки. Прошла—и не воротишь, и нельзя воротить, и скоро конецъ всему...

— Эхъ... дуракъ, дуракъ!.. съ отрывистымъ смѣхомъ пробормоталъ онъ.

— Что?—спросила Дуня.

— Такъ... Случай одинъ былъ у меня. Пустякъ, а любопытно. Я еще тогда мальчонкой бѣгалъ, лѣтъ семь или восемь было, а вотъ помню, будто вчера это случилось. Пошли мы съ ребятами въ лѣсъ, а въ это время шиповники цвѣли и надъ каждымъ цвѣточкомъ пчела,—такъ и гудутъ, такъ и гудутъ, чисто музыка. Отъ музыки этой, отъ солнышка да отъ запаху медоваго совсѣмъ мы одурѣли: оремъ, кувыркаемся, ну прямо, какъ звѣрята сдѣлались. А потомъ уморились и въ траву попадали. Вотъ лежу я подъ кустомъ и вижу,—сидитъ на цвѣткѣ бабочка. Цвѣтокъ розовый, а она бѣлая; сидитъ, крылышками трепещется, и такая въ ней радость, такая красота,—я на что глупъ былъ и то восчувствовалъ. И что жь вы думаете, пришло мнѣ вдругъ въ башку? Тихонечко подкрался я къ ней, взялъ за крылышки и сначала одну ножку оторвалъ, потомъ другую, потомъ крылышки выдернулъ и смотрю... Куда дѣвалась радость и красота? Все пропало!... Остался какой-то червякъ безобра-

ный; подался туда-сюда, должно быть, взлетѣть хотѣлъ, а крыльевъ-то нѣту,—и свалился въ траву. Тутъ-то и напалъ на меня ужасъ великій... Что я сдѣлалъ?.. Зачѣмъ изуродовалъ красоту, не мной созданную? Вѣдь не вернешь ее теперь, и не будетъ она на солнышкѣ красоваться, бѣлыми крылышками трепетать... Конечно, такихъ мыслей складныхъ у меня тогда не было, но душонка-то все-таки, должно быть, почуяла: смотрѣлъ-смотрѣлъ я на цвѣтокъ, гдѣ сейчасъ бабочка жизни своей радовалась, да вдругъ какъ вскочу, какъ зареву—и побѣжалъ, куда глаза глядятъ...

Онъ помолчалъ немного и прибавилъ съ усмѣшкой:

— Х-ха-ха... двадцать лѣтъ прошло, а вотъ никакъ этого забыть не могу. Особенно, если шиповникъ увижу,—такъ мнѣ сейчасъ эта бабочка и представляется... даже тошно станетъ. Чертовщина!

— А почему вы теперь о ней вспомнили?

— Почему? Гм... Да вотъ потому, что я и жизнь свою такъ же изуродовалъ. Вѣдь для чего-нибудь же она мнѣ была дана, а я что сдѣлалъ? Такъ, размытарилъ безъ толку по всему свѣту, больше ничего. Мотался-мотался, искалъ чего-то, а нашелъ—ни два, ни полтора.

— Дмитрій Иванычъ,—прервала его Дуня,—кто-то въ окно глядитъ.

Ермолаевъ быстро поднялъ голову и оба они увидѣли, какъ чье-то похожее на блѣдную маску лицо на мгновеніе прильнуло къ окну, потомъ исчезло.

— Чертъ!.. пробормоталъ Ермолаевъ и, выпустивъ Дунину руку, стремительно выбѣжалъ въ сѣни.

2.

Черезъ минуту онъ вернулся и сказалъ охрипшимъ голосомъ.

— Облава...

Но, видя, что Дуня смотритъ на него непонимающими глазами, пояснилъ:

— Полиція... должно быть, за мной. Весь домъ окружили. Вы не пугайтесь, Дунечка.

— Я не боюсь.

— Ну, вотъ и отлично. Ахъ, черти проклятые, даже чаю не дали напиться! Такъ вы вотъ что, Дунечка, вы какъ сидѣли, такъ здѣсь и сидите, или спать ложитесь, или дѣлайте что хотите, какъ будто васъ это не касается. Дверь заприте на замокъ. Ну, а я ужъ въ контору пойду раздѣлываться.

— Нѣтъ, постойте. я съ вами!—возразила Дуня и, вско-

чивъ съ постели, поспѣшно стала закручивать еще не просохшіе волосы.

— Дунечка... да вѣдь я живымъ въ руки не дамся.

— Ну такъ что-жь, конечно, что же изъ этого?

— Дунечка... бабочка вы бѣленькая, да вѣдь крылышки оборвутъ! Стрѣльба будетъ... кровь, убійство...

— Ну, и знаю, все равно, все равно, какой вы...

Ермолаевъ задулъ лампу, они вышли въ сѣни. Тамъ уже ломились въ дверь, она трещала и содрогалась подъ тяжелыми ударами кулаковъ и палашей, но не подавалась, и на крыльцѣ слышались сердитые голоса...

Точно молнія сверкнула, освѣтивъ серьезное лицо Дуни съ нахмуренными бровями; отрывисто и сухо прозвучалъ выстрѣлъ. Съ крыльца донесся взрывъ гнѣвныхъ возгласовъ, загрохотали по ступенькамъ торопливые шаги, звякнула зацѣпившаяся шпора. И затѣмъ все стихло.

— Х-ха-ха... Что? Не нравится? То-то!

Они вошли въ контору, тускло освѣщенную призрачнымъ свѣтомъ звѣздной ночи. Въ сумракѣ неясно выступали пересѣченные черными крестами квадраты оконъ; сквозь запотѣвшія стекла видны были темныя фигуры людей, которые столпились группой за крыльцомъ, о чемъ-то совѣщаясь. И Дунѣ представилось, что это уже было съ нею когда-то давно, вотъ такъ же сидѣла она съ кѣмъ-то въ темной комнатѣ, а за окнами мелькали подстерегающія черныя фигуры, и было немножко жутко, любопытно и въ то же время хотѣлось, чтобы все кончилось поскорѣй.

— Ого-го-го!—прогудѣлъ Ермолаевъ.—Ишь, сколько народу нагнали, чисто на бѣшеную собаку...

. . . .

Ермолаевъ выстрѣлилъ разъ и другой,—одну завѣтную пулю Дунѣ, другую себѣ. Горячій вихрь со свистомъ промчался надъ Дуниной головой, и увидѣла Дуня сверкающій подъ солнцемъ лугъ росистый, осыпанный золотомъ и бирюзой весеннихъ цвѣтовъ.

Но, должно быть, дрогнула въ послѣднюю минуту Ермолаевская рука, потому что Дуня, открывъ изумленные глаза, встрѣтила не солнце новой жизни, а все ту же мерзость разрушенія вокругъ себя, тѣ же пулями избитыя стѣны и какую-то темную груду, раскинувшуюся на грязномъ полу рядомъ съ опрокинутой табуреткой.

— Дмитрій Иванычъ! Дмитрій Иванычъ!.. безсмысленно пробормотала она.

Дмитрій Иванычъ молчалъ. Опустившись около него на колѣни, все еще не вѣря себѣ, Дуня ощупала его еще те-

плыя руки, подняла съ пола револьверъ и машинально спустила курокъ. Ничего...

А дверь уже гнулась и трещала подъ ударами топора, разсыпался гнилой шкафъ и контора наполнилась удушливой пылью, бѣгучими отблесками желтыхъ огней, злыми лицами, грубыми голосами жестокой, грубой жизни.

— Ваше благородіе, вотъ онъ!.. Застрѣлимши, должно.

— Окочурился? Ну и чертъ съ нимъ! А это кто еще тамъ?

— Не могу знать, ваше б-діе... Вродѣ какъ барышня.

— А, и дѣвочка тутъ? Живая? Ты смотри, братъ, онѣ, и дѣвочки, нынче кусаются! Ай-ай-ай, сударыня, и не стыдно вамъ съ такой сволочью путаться?

— Оставьте меня, не смѣйте трогать... трусы!

— Что? Ну, мадмуазель, съ вами у насъ разговоръ будетъ короткій. Ребята, бери ее, заприте тамъ гдѣ-нибудь покуда. Что? Не пойдете? Женишка жалко? Ну, теперь ужь онъ вамъ никакого удовольствія не можетъ доставить... Ишь, раскорячился... падаль! Этого ей жалко, а отца не жалко. Эхъ, дѣти, дѣти, ростишь ихъ, лелѣешь, а они тебѣ на старости лѣтъ вотъ такую страмотищу устроютъ... Что-жь вы стали? Возьмите ее!..

3.

Выкатилось солнце, такое же радостное, какъ было вчера, какъ будетъ завтра, жарко поцѣловало землю и разбудило Федора Степаныча, который еще не протрезвился хорошенько послѣ вчерашней выпивки и сладко придремнулъ въ широкихъ саняхъ. Они уже подъѣзжали къ хутору и влѣво чернымъ кружевомъ засквозила поросль Волчьято Буерака, надъ которой зыбкой сѣтью висѣла воронья стая. Федоръ Степанычъ покосился туда, пришла на умъ Лимпіядка, стало нехорошо. И, какъ всегда послѣ похмѣлья, противное сознаніе своей стыдной и грязной жизни замутило душу. Надо бы въ Избищи съѣздить, поговѣть, причаститься, а то въ этомъ угарѣ онъ и про Бога совсѣмъ позабылъ...

За кошарами имъ встрѣтился Гаврюшка. Замахалъ руками, закричалъ и, когда они остановились, всхлипывая, сообщилъ:

— А у насъ, Федоръ Степанычъ, несчастье! Полиціи наѣхало, и становой, и урядникъ, тамъ такая страсть, бѣда!

— Что ты брешешь, зачѣмъ къ намъ полиція?—блѣднѣя, сказалъ Федоръ Степанычъ, и еще мутнѣе стало на душѣ.

— И ей-Богу правда, тамъ такая пальба была, мы всю ночь въ избѣ дрожмя-дрожали...

Федоръ Степанычъ уже не слушалъ и велѣлъ ѣхать поскорѣй. И, когда подъѣзжали, первое, что бросилось ему въ глаза, это были выбитыя окна въ конторѣ, а потомъ уже

какъ въ сонномъ видѣніи, толстый исправникъ на крыльцѣ, знакомый становой, ухмыляющаяся рожа Фикулаева и что-то длинное на землѣ подъ рогожей.

— Хозяину почтеніе!—сказалъ становой, преувеличенной развязностью маскируя легкое смущеніе.—Во, какого звѣрято мы нынче залобовали!.. Матерой!

Федоръ Степанычъ не сразу понялъ и дикими глазами смотрѣлъ то на становаго, то на длинныя, странно знакомыя ноги, торчавшія изъ-подъ рогожи. Что-то липкое подползло ему къ горлу, мѣшало дышать, обволокло языкъ, который сдѣлался вдругъ большимъ и неповоротливымъ.

— Дмитрій Иванычъ...—съ трудомъ прохрипѣлъ онъ наконецъ.

— Былъ Дмитрій Иванычъ, а теперь черту баранъ,—съ тою же напускной развязностью продолжалъ становой.—Ты моли Бога, что мы тебя отъ этого фрукта избавили,—отогрѣлъ ты змѣю за пазухой. Ты гляди-ка, чего натворилъ: чисто Мамаево побоище! Стекла — чертъ съ ними, хозяинъ вставитъ, а вотъ людей-то, гадина, перепортилъ, одному руку прострѣлилъ, другому колѣнку. Денегъ-то, жалко, не нашли, и куда онъ ихъ сплавилъ?

— Ка...кихъ денегъ?..

— Да награбленныхъ. Кромѣ паршивыхъ книжонокъ въ чемоданишкѣ ничего не оказалось. Ты ужь, Федоръ Степанычъ, извини, мы у тебя похозяйничали, ничего не подѣлаешь, дружба дружбой, а служба службой.

Исправникъ курилъ папиросу и неодобрительно пыхтѣлъ: видимо, ему не нравилась бесѣда становаго съ Федоромъ Степанычемъ.

— Какія тутъ могутъ быть извиненія? — сухо сказалъ онъ.—Разъ въ домѣ оказались опасные злоумышленники, которые оказали вооруженное сопротивленіе нашимъ законнымъ требованіямъ, мы обязаны были произвести повальный обыскъ и всѣхъ подозрительныхъ лицъ задержать.

Федоръ Степанычъ все еще стоялъ передъ крыльцомъ и силился протолкнуть внутрь застрявшій въ горлѣ липкій клубокъ. А смущенный замѣчаніемъ исправника становой сдѣлалъ строгое лицо и, стараясь не глядѣть на Федора Степаныча, совсѣмъ другимъ тономъ произнесъ:

— Да, любезнѣйшій, столько лѣтъ тебя зная, никакъ этого не ожидалъ. Ну, вотъ этотъ... (Онъ презрительно ткнулъ ногой въ рогожу).—Собакѣ собачья и смерть! Но чтобы твоя дочь оказалась въ разбойничьей шайкѣ, признаюсь, это меня поразило.

— Дочь?... Авдотья... Убили?..

— Не убили, а арестована съ оружіемъ въ рукахъ, вотъ

съ этимъ молодчикомъ вмѣстѣ орудовали. Скверно, Федоръ Степанычъ, очень скверно!

Крыльцо вмѣстѣ съ исправникомъ и становымъ закачалось, поплыло куда-то въ сторону, остался одинъ Фикулаевъ и, посмѣиваясь, щурилъ свои голубенькіе глазки.

— А этотъ... зачѣмъ? — борясь съ наполнившимъ ротъ клубкомъ, картаво проговорилъ Федоръ Степанычъ.—Пути указывалъ?.. за мою хлѣбъ-соль?..

Бѣшеная ярость вспыхнула въ сердцѣ Федора Степаныча, краснымъ огнемъ залила мозгъ; сжавъ кулаки, онъ ринулся на крыльцо. Но на первой ступенькѣ споткнулся и упалъ.

— Что такое? — недовольно сказалъ исправникъ.—Прекратите пожалуйста эти сцены да и... ѣхать пора.

— Разстройство чувствъ!..—растерянно пробормоталъ становой.—Такъ сказать, единственная дочь... и вообще... Вставай, Федоръ Степанычъ, нехорошо!

Федоръ Степанычъ не двигался. На мгновеніе лицо его страшно перекосилось, глаза выкатились, на губахъ выступила пѣна. Потомъ легкій хрипъ вылетѣлъ изъ горла; онъ проглотилъ, наконецъ, давившій его клубокъ и успокоился.

Это произошло такъ внезапно и неожиданно, что всѣ оторопѣли, а Фикулаевъ спрятался за широкую спину исправника и, выкативъ отъ ужаса глаза, смотрѣлъ на своего стараго пріятеля, съ которымъ они скоротали много веселыхъ дней и ночей.

— Кондратій Иванычъ хватилъ...—какъ бы оправдываясь, вымолвилъ становой. — Конечно, потрясеніе... единственная дочь... жалко человѣка. Со слабостями, но честнѣйшей души былъ и чрезвычайно угостительный...

— Да будетъ вамъ болтать!—сморщившись, перебилъ его исправникъ. — Распорядитесь лучше, чтобы лошадей подавали, ѣхать надо.

— А какъ же...—робко сказалъ становой, косясь на Федора Степаныча.

— Ну, а что же, хоронить, что ли, мнѣ его? Позовите прислугу, пускай уберутъ; вы тутъ присмотрите, а я уѣду...

И еще больше сморщившись, съ отвращеніемъ и страшной усталостью въ душѣ, онъ ушелъ въ домъ.

— Вотъ всегда такъ...—укоризненно прошепталъ становой.—Ему непріятно... а мнѣ пріятно? Ты и присмотри, ты и распорядись, а потомъ тебѣ же выговоръ. Ну, Федоръ Степанычъ, удружилъ, нечего сказать! А жалко, хорошій былъ старикъ... Фикулайка, помнишь, какъ онъ съ Лимпіядкой-то плясалъ, бывало? Эхе-хе-хе, вотъ такъ-то и мы, — пляшемъ-пляшемъ, да и ляжемъ, со святыми упокой.

— Типунъ тебѣ на языкъ...—дрожа отъ страха и уже чувствуя за спиною смерть, сказалъ Фикулаевъ и тихонько захныкалъ.

Дуня увидѣла отца уже на столѣ въ разгромленной столовой, откуда наскоро вымели осколки стекла и грязь, натасканную сапогами. Онъ лежалъ прибранный, спокойный и довольный; Агафья закрыла ему глаза и сложила крестъ-накрестъ руки; Нефедъ зажегъ свѣчечку передъ образами; Гаврюшку - овчаренка заставили читать псалтырь и онъ, боязливо поглядывая на покойника, съ переливами и завываніями выводилъ непонятныя ему слова. Въ дверяхъ молча толпились хуторскіе рабочіе и стражники; слышались сдержанныя всхлипыванья и сморканье. Смерть все сгладила, всѣхъ соединила и предъ ея холоднымъ величіемъ забылась полная вражды и злобы кровавая ночь.

Дуня напряженно всматривалась въ мертваго отца, стараясь хорошенько запомнить и унести въ своей душѣ то, что должно было скоро исчезнуть навѣки. И чѣмъ глубже погружалась она въ таинственное молчаніе, оковавшее знакомыя, но уже чуждыя черты, тѣмъ яснѣе становилась для нея вѣчная истина, что есть скрижаль завѣта, которую никогда не разобьетъ самая дерзновенная рука, и начертана на ней страшная заповѣдь, которую преступить не можетъ никто:

— *„Родись, страдай и умри“*...

Ее осторожно тронули за рукавъ.

— Барышня, прощайтесь съ папашкой-то, да поѣдемъ,— шепотомъ сказалъ бородатый стражникъ, жалостливо заглядывая ей въ лицо подслѣповатыми глазками.—Ихъ благородіе приказали ѣхать, а то поздно будетъ...

Дуня обернулась. Да, вѣдь она теперь не *своя* и должна дѣлать то, что ей прикажутъ. Но неужели этотъ добродушный парень въ сѣрой шинели—одинъ изъ тѣхъ людей, въ которыхъ они съ Ермолаевымъ стрѣляли ночью и которые въ свою очередь стрѣляли въ нихъ?

— Хорошо, я сейчасъ,—отвѣтила Дуня и, приложившись къ ледяному лбу отца, пошла къ дверямъ

Плачъ и всхлипыванья усилились, вся комната наполнилась ими. Заголосили бабы.

— Прощайте, прощайте...—говорила Дуня, кланяясь на обѣ стороны.

— И ты насъ прости, барышня Дуня, ежели въ чемъ согрубили, а мы отъ тебя худа не видали, дай тебѣ Господи здоровья...

Къ ней потянулись корявыя, узловатыя руки, жесткія

бороды кололи ей лицо, кто-то крестилъ ее, кто-то гладилъ по склоненной головѣ. И Дуня почувствовала, что эти сѣрые Лохмотовцы, которыхъ она такъ презирала, давно знаютъ то, что ей открылось только сегодня, и еслибы она могла теперь остаться съ ними, то отдала бы имъ всю свою жизнь. Но было поздно... „его благородіе“ приказалъ торопиться; стражники подсадили Дуню, сами сѣли по бокамъ, лошади помчались. И, когда они выѣхали на знакомую дорогу, въ концѣ которой золотой звѣздочкой сверкалъ крестъ избищенской колокольни, Дунѣ почему-то вспомнился вѣщій сонъ стараго Нефеда про отца, разстилавшаго по этой дорогѣ красное сукно для крестнаго хода. Вотъ и сбылось... только не сукномъ красна дорога, а кровью, и идетъ по ней сама Дуня въ свой далекій и тяжелый крестный ходъ.

На пригоркѣ передъ спускомъ въ ложбинку она обернулась, чтобы взглянуть въ послѣдній разъ на хуторъ и то окно, у котораго просидѣла столько лѣтъ, вплетая въ вышиванье узоры своей фантазіи. Миромъ и тишиной вѣяло оттуда; золотились надъ трубами дымки, нѣжно голубѣла каемка фруктоваго сада, а дальше, за черными кучками строеній, игралъ и искрился на солнцѣ шумный Костиндѣй.

Стражники вѣжливо посторонились и бородатый сказалъ:

— Что, барышня, поглядѣть хотится? Поглядите, поглядите... извѣстно, всякому своего родного жалко. Птица, когда изъ гнѣзда вылетаетъ, — и то оглядывается, а человѣкъ и подавно. Глядите, барышня, ничего...

А другой помоложе, съ рыжими усами, раскуривая цыгарку, прибавилъ:

— Вотъ тоже авчерась подъ утричко въ избищенской аптекѣ двоихъ взяли—молодчика и барышню. Такъ барышня тоже страсть убивалась, когда ихъ съ молодчикомъ разлучали! Ажно глядѣть было прискорбно.

Сани спустились въ ложбинку, хуторъ исчезъ. Направо и налѣво чернобѣлымъ ковромъ раскинулись полуобнаженныя поля и на пригрѣвахъ сквозь прошлогоднюю прѣль уже явственно пробивалась яркая зелень.

— Удивленное дѣло...—началъ снова бородатый. — Ну, дивл бы нашъ братъ-мужикъ отъ тѣсной жизни на такія дѣла идетъ. А господамъ-то чего надо? Народъ молодой, образованный, куда ни пошелъ, вездѣ свой кредитъ нашелъ. А вотъ нѣтъ, тоже добиваются чего-й-то, головы своей не жалѣютъ... Аль тоже тѣсно жить стало?

Дуня молчала. Опять, какъ вчера, кругомъ бѣжала и шумѣла вода, бѣлокрылыя облака летѣли по небу и откуда-то съ высоты падали внизъ зовущіе серебряные звуки.

— Журавли, журавли!—закричалъ рыжеусый.—Глень-ко, глень-ко-ся, сколько!

Всѣ подняли головы кверху, даже ямщикъ пріостановилъ лошадей и, распустивъ возжи, съ улыбкой вглядывался въ бездонную синеву

— Ишь ты!.. Летятъ.

— Вольная птица... И куда это они?

— Да ужь они знаютъ куда... Стало быть, и имъ тѣсно!

Но, замѣтивъ, что лошади совсѣмъ стали, стражники оторвались отъ созерцанія журавлей и напустились на ямщика:

— Чего зѣваешь? Ѣзжай, ѣзжай скорѣйча, нечего глазами лупать, надо до сумерковъ къ мѣсту прибыть, а то его благородіе ругаться будутъ...

В. І. Дмитріева.

---

* * *

По вершинамъ крадутся шелесты атласные,
Ночи умирающей шопотъ полусонный,
На обрывахъ вспыхнули маки ярко-красные,
Алый факелъ утренній, радостно зажженный.
Море тихо плещется, море за туманами
Сказками баюкаетъ розовыя скалы,
Тучи, окаймленныя полосой багряною,
Потянулись къ сѣверу, къ сѣверу устало.
Прилетятъ померкшія, бурями гонимыя,
Но въ дремотной памяти знойный образъ спрячутъ,
Надъ землей печальною, солнцемъ не любимою,
Вспомнятъ утро алое, вспомнятъ и заплачутъ.

Очерки соціальной исторіи Малороссіи.

3. Свободныя войсковыя села и владѣльческія имѣнія въ лѣвобережной Малороссіи XVII—XVIII вв.

(Продолженіе).

VI.

Со смертью Петра I политика центральнаго правительства относительно Малороссіи нѣсколько измѣнила свой характеръ. Рѣзкія и крутыя мѣры Петра, уничтожавшія малорусскую автономію какъ разъ въ тѣхъ ея сторонахъ, которыя были обезпечены гетманскими „статьями", при ближайшихъ его преемникахъ уступили свое мѣсто болѣе мягкимъ мѣропріятіямъ, кое въ чемъ представлявшимъ даже шагъ назадъ, къ прежнимъ порядкамъ. Уже при Екатеринѣ I въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ начались разговоры о возможности и желательности возстановленія гетманства, причемъ однако предполагалось сохранить и Малороссійскую Коллегію. Вслѣдъ за воцареніемъ Петра II Верховный Совѣтъ пошелъ еще дальше и рѣшилъ не только возстановить гетманство, но и упразднить Малороссійскую Коллегію, введя лишь, въ цѣляхъ наблюденія за судами, трехъ членовъ-великороссовъ въ генеральный войсковой судъ. На первыхъ порахъ, правда, проекты возвращенія къ прежнимъ порядкамъ управленія Малороссіей ничѣмъ не отразились въ сферѣ ея землевладѣнія и нимало не мѣшали выдвигавшему ихъ центральному правительству продолжать начатую Петромъ раздачу великороссамъ малорусскихъ имѣній, въ томъ числѣ и имѣній, принадлежавшихъ раньше гетманамъ. Такъ, 1 марта 1726 г. состоялся именной указъ объ отдачѣ М. Строгоновой съ дѣтьми въ арендное содержаніе Шептаковской волости, нѣкогда пожалованной въ вотчину гетману Бруховецкому, а послѣ него составлявшей вплоть до смерти Скоропадскаго ранговое владѣніе гетмановъ [1]). Въ томъ же году именнымъ указомъ были пожалованы земли въ Малороссіи генералъ-майору гр. Антону Девьеру, а вслѣдъ за опалой, постигшей Девьера, изъ его имѣній въ Кіевскомъ полку послѣ княгини Кантакузенъ 168 дворовъ были пожалованы именнымъ указомъ 1727 г. Степану Лопухину [2]). Еще

---

[1]) Барановъ, Архивъ Прав. Сената, Опись высочайшимъ указамъ и повелѣніямъ, II, № 1567.

[2]) Тамже, II, № 1857; Моск. Архивъ Мин. Юст., дѣла упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ, Дѣла б. Черниг. Палаты Уг. и Гр., оп. 5, св. 1, № 14.

болѣе крупныя пожалованія получилъ кн. Меншиковъ. Онъ еще въ моментъ заключенія Ништадтскаго мира просилъ Петра отдать ему г. Батуринъ съ уѣздомъ, но встрѣтилъ отказъ въ этой просьбѣ. При Екатеринѣ I онъ безъ труда добился этого новаго расширенія своихъ малорусскихъ владѣній и именнымъ указомъ 25 іюня 1726 г. ему былъ пожалованъ г. Батуринъ съ окрестными селами и деревнями. Въ томъ же году Меньшиковъ получилъ бывшее гетманское владѣніе въ Прилуцкомъ полку—сс. Великій и Мелкій Самборъ, Голюнку, Карабутовъ и Дептовку. Сверхъ того, Меншиковъ успѣлъ было получить въ свое владѣніе и громадныя ранговыя имѣнія гетмановъ въ Гадяцкомъ полку, такъ называемый Гадяцкій ключъ или Гадяцкую волость. Впрочемъ, когда правительство Петра II окончательно приняло рѣшеніе возстановить гетманство, 21 іюня 1727 г. состоялся указъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, повелѣвавшій отобрать Гадяцкій ключъ для возврата его гетману и вознаградить кн. Меньшикова другими вотчинами въ Малороссіи [1]). Но этихъ другихъ вотчинъ Меншикову уже не удалось получить,— вскорѣ совершилось его паденіе и всѣ его малорусскія имѣнія были отписаны на государя. Въ то же время состоялось, наконецъ, возстановленіе гетманства и въ связи съ этимъ не только пріостановилась получившая было такой широкій размахъ раздача гетманскихъ имѣній, но и вообще значительно сократилось пожалованіе имѣній въ Малороссіи великороссамъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ возстановленіе гетманства внесло и кое-какія новыя черты въ развитіе малорусскаго землевладѣнія. Вновь поставленный гетманъ, которымъ явился одинъ изъ наиболѣе заслуженныхъ и старыхъ представителей малорусской старшины, бывшій миргородскій полковникъ Даніилъ Апостолъ, былъ въ сущности назначенъ центральнымъ правительствомъ и актъ его избранія въ Малороссіи представлялъ собою лишь простую формальность, за которой не стояло никакого реальнаго содержанія. При этомъ, не смотря на упраздненіе Малороссійской Коллегіи, и самая власть Апостола была серьезно ограничена, съ одной стороны, состоявшимъ при немъ резидентомъ или „министромъ",

[1]) С. М. Соловьевъ, Исторія Россіи, изд. „Обществ. Пользы", кн. IV, т. 18, стр. 770; Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Прилуцкаго полка, с. 30; Барановъ, назв. соч., II, № 2361. Наряду съ видными представителями петербургскаго общества и центральной администраціи такимъ же способомъ получали имѣнія въ Малороссіи и менѣе замѣтныя лица. Такъ, напр., именнымъ указомъ 2 апрѣля 1726 г. с. Лялички было пожаловано поручику Детердену; 23 марта 1727 г. состоялся указъ Верховнаго Совѣта о выдачѣ женѣ Детердена жалованной грамоты на с. Лопазню; 15 января 1728 г. послѣдовалъ указъ Верховнаго Совѣта о пожалованіи придворному метръ-де-гардероба П. Бему въ вѣчное и потомственное владѣніе с. Городни со всѣми къ нему деревнями и угодьями, принадлежавшими кн. Меньшикову,—Барановъ, назв. соч., II, №№ 1.706, 2.141, 2.833.

имѣвшимъ порученіе тщательно контролировать всѣ дѣйствія гетмана, съ другой—тремя членами генеральнаго войскового суда, назначавшимися изъ великороссовъ. Тѣмъ не менѣе традиціи гетманства все же обезпечивали Апостолу извѣстную власть и онъ воспользовался ею, чтобы попытаться внести нѣкоторое упорядоченіе въ сферу владѣнія имѣніями.

На первыхъ порахъ главное вниманіе Апостола привлекли къ себѣ ранговыя владѣнія. Принявъ въ свои руки гетманскую булаву, онъ первымъ дѣломъ озаботился назначить ранговыя имѣнія для нѣкоторыхъ членовъ старшины. 14 октября 1727 г. шедшія раньше на чинъ генеральнаго судьи села Аксютинцы и Пустовойтовка въ Лубенскомъ полку впредь до устройства генеральнаго суда были отданы гетманомъ на содержаніе знатныхъ войсковыхъ товарищей и старшины, опредѣленныхъ для пріема дѣлъ изъ Малороссійской Коллегіи и для временнаго отправленія судебныхъ дѣлъ [1]). Универсаломъ 2 ноября 1728 г. Апостолъ утвердилъ черниговскимъ полковымъ судьей назначеннаго на эту должность въ 1727 г. Малороссійской Коллегіей Василія Каневскаго и закрѣпилъ за нимъ на рангъ судейства с. Хотуничи [2]). Въ томъ же году гетманъ, по просьбѣ полтавскаго полкового обознаго Лаврентія Никитина, приказалъ полтавскому полковнику Кочубею отдать Никитину „на урядъ обозничества“ с. Комаровку, „якое здавна на рангъ обозничества полкового полтавского прислушаетъ“, и Кочубей, исполняя этотъ приказъ, опредѣлилъ „тое село Комаровку въ спокойное ему, пану обозному, на рангъ его обозничества владѣніе“ [3]). Въ Кіевскомъ полку Апостолъ тогда же подтвердилъ с. Чемеръ Ив. Стопановскому на урядъ полкового писарства и отдалъ д. Пархимовъ Ф. Ханенку на урядъ полкового обозничества, дд. Пѣсоцкое, Шуляки и Гладкое—Евст. Гречкѣ и дд. Гуту и Олбынь—Матвѣю Шуму на уряды полковыхъ асауловъ [4]). Подобнымъ же образомъ даны были въ это время гетманомъ ранговыя маетности нѣкоторымъ членамъ старшины и въ другихъ полкахъ.

Въ связи съ этимъ утвержденіемъ и раздачей маетностей „на рангъ“ Апостоломъ на первыхъ же порахъ были въ рядѣ случаевъ приняты мѣры къ возстановленію нарушеннаго рангового владѣнія и вообще къ ограниченію произвола владѣльцевъ ранговыхъ имѣній. Почти немедленно вслѣдъ за принятіемъ гетманской

[1]) Матеріалы для отечеств. истории, изд. М. Судіенко, т. I, отд. II, сс. 2—3.

[2]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Черниговскаго полка, сс. 456—о.

[3]) Рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго, (теперь въ б-кѣ кіевск. ун-та) п. з.: „Полтавскіе земельные универсалы“, № 75.

[4]) Рукописное отдѣленіе Моск. Румянц. Музея, Архивъ Маркевича, № 3.688.

булавы Апостолу пришлось вступить на этой почвѣ въ рѣзкое столкновеніе съ приставленными къ нему великорусскими чиновниками. Еще Скоропадскимъ на содержаніе состоявшаго при немъ резидента, стольника Протасьева, назначены были три села Нѣжинскаго полка—Литвиновичи, Стахорщина и Блистовая. Съ возникновеніемъ Малороссійской Коллегіи эти же села были переданы въ пользованіе ея президента, Вельяминова, а съ возстановленіемъ гетманства они же были опредѣлены Апостоломъ въ пользованіе назначенному при немъ резидентомъ т. с. Наумову. Послѣдній однако не удовлетворился этими селами и гетману пришлось прибавить ему еще четвертое—с. Середину Буду. „Ознаймуемъ—писалъ Апостолъ въ универсалѣ 26 ноября 1727 г.—симъ нашимъ унѣверсаломъ тебѣ, войтовѣ Серединой Буды зо всѣми тамошними посполитими людми, что мы, гетманъ, усмотрѣли, ижъ (что) превосходителній его милость господинъ Федоръ Василіевичъ Наумовъ, тайный совѣтникъ и министръ, по указу его императорского величества тутъ в Глуховѣ совокупно з нами резидуючій, не можетъ виконтентоватися (удовольствоваться) тѣми деревнями, которыми столникъ Федоръ Протасіевъ и генералъ-маіоръ Веляминовъ прежде владѣли, а разсуждая, чтобъ его превосходителство, яко знатная персона, от лица монаршого к намъ присланній, не имѣлъ в обиходахъ своихъ нужды и скудости, опредѣляемъ к тимъ же деревнямъ и село Середину Буду в прислушаніе дому его превосходителства. Того ради абысте (чтобы вы), вѣдаючи о томъ нашомъ опредѣленіи, по объявленіи сего унѣверсалу во всемъ его превосходителству были послушни и до дому его превосходителства надлежали с должнимъ повиновеніемъ до совершенного утвержденія, мѣти хочемъ и приказуемъ“. Одновременно съ этимъ Апостолъ отдалъ въ пользованіе другого состоявшаго при немъ великорусскаго чиновника, бригадира Арсеньева, село Викторовъ въ томъ же Нѣжинскомъ полку. Однако уже въ слѣдующемъ году гетману, находившемуся въ это время въ Москвѣ, было донесено, что Наумовъ и Арсеньевъ сильно притѣсняютъ отданныхъ имъ „въ послушенство“ посполитыхъ. Въ частности, хотя с. Викторовъ дано было Арсеньеву „только для того, дабы с того села люде привезли ему сѣна да дровъ“, но гетману „извѣстно учинилось, что не только ему тіе люде всякое отдають послушенство, але (но) зверхъ того необыкліе з людскою тяжестію онъ взимаетъ з онихъ поборы и другіе немаліе чинитъ имъ обиды“. Кромѣ того, гетманъ узналъ, что Наумовъ запродалъ сс. Стахорщину и Блистовую бунчуковому товарищу Фаю. Въ виду такихъ свѣдѣній гетманъ разсудилъ, что „доволно на того особу, хто при насъ резидоватиметъ, и тихъ маетностей, которими енералъ-маіоръ г. Веляминовъ владѣлъ“, и предписалъ старшинѣ, управлявшей генеральной канцеляріей и генеральнымъ судомъ, отобрать изъ владѣнія

Наумова Середину Буду и вернуть ее по прежнему къ гетманскому двору, а с. Викторовъ, также отобравъ изъ владѣнія Арсеньева возвратить въ свободныя войсковыя села („въ вѣдомство старшины сотенной глуховской“). Фаю же гетманъ поручалъ отъ его имени приказать, чтобы онъ Наумову „денегъ закупнихъ нѣ едной копейки не давалъ, а если дастъ, то нехай будетъ певенъ, же (пусть будетъ увѣренъ, что) дармо тіе деньги пропадутъ“ [1]).

Охранять ранговыя имѣнія приходилось однако не только отъ великорусскихъ резидентовъ. Въ 1729 г. великобудискій сотникъ Иванъ Сулима жаловался гетману на отсутствіе всякаго „вспоможенія“ въ своемъ хозяйствѣ, такъ какъ полагавшимися на рангъ великобудискаго сотника 15 посполитыми въ с. Старыхъ Млинахъ завладѣлъ бывшій сотникъ Дмитрій Колачинскій. Получивъ эту жалобу, Апостолъ приказалъ полтавскому полковнику провѣрить ее и въ томъ случаѣ, если она окажется справедливой, отобрать упомянутыхъ въ ней старомлинскихъ посполитыхъ отъ Колачинскаго и отдать въ послушенство Сулимѣ на рангъ сотничества [2]). Но подобныя же жалобы шли и изъ другихъ мѣстъ Захваченными въ частное владѣніе оказались и нѣкоторыя гетманскія ранговыя имѣнія. Такъ, напримѣръ, принадлежавшія на гетманскую булаву села Пушкари, Роговка и Биринъ были отданы гетманомъ Скородадскимъ его женѣ и утверждены за ней жалованной грамотой [3]). Наряду съ этимъ Апостолу пришлось вскрыть въ дѣйствіяхъ своего предшественника и другія неправильности, вродѣ раздачи войсковыхъ селъ лицамъ, не несшимъ никакой

---

[1]) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Черн. отд., № 859; ср. отмѣтку подъ 1 сентября въ Журналѣ поѣздки въ Москву гетмана Апостола въ 1728 г.—Матеріалы для отечеств. исторіи, изд. М. Судіенко, т. I, сс. 120—1. Въ сохранившемся въ архивномъ дѣлѣ черновикѣ гетманскаго письма къ старшинѣ дававшееся ей порученіе къ Фаю было облечено въ еще болѣе энергичныя выраженія. Согласно этому черновику, старшинѣ предписывалось „бунчуковому товарищу Фаю, которій у его, тайного совѣтника, закупилъ села Стахорщину и Блистовую, предложить, дабы онъ Фай, за тіе маетности денегъ нѣкому не отдаючи, в себе удержалъ до возвращенія нашего, ибо тіе маетности дани ему, тайному совѣтнику, для надлежащого подданского послушенства, а не для того, жебы кому запродавалъ и новіе тою продажою и нѣкогда небываліе установлялъ образци“. Продажа названныхъ селъ и была предотвращена Апостоломъ. Когда въ 1729 г. Наумова смѣнилъ при гетманѣ кн. Шаховской, на его содержаніе Верх. Совѣтомъ велѣно было дать тѣ же имѣнія, какія были въ пользованіи Вельяминова и потомъ Наумова. Универсаломъ 26 марта Апостолъ отдалъ въ пользованіе Шаховского сс. Литвиновичи, Стахорщину и Блистовую, а универсаломъ 12 апрѣля—и с. Середину Буду. Матеріалы для отечеств. исторіи, изд. М. Судіенко, т. I, отд. II, сс. 65—6; рукописное отдѣленіе Моск. Румянц. Музея, Архивъ Маркевича, № 2.585.

[2]) Рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго (теперь въ б-кѣ кіевск ун-та), п. з.: „Полтавскіе земельные универсалы“, № 77.

[3]) Матеріалы для отечеств. исторіи, изд. М. Судіенко, т. I, отд. II, стр. 73.

войсковой службы. Въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ онъ своею властью и устранялъ такія неправильности. Такъ, 7 іюня 1728 г. Апостолъ отправилъ указъ сребрянскому сотнику Антону Троцинѣ, „даби онъ Андрею Кгондзіеровскому, служителевѣ дому еи милости панеи гетмановой Скоропадской, которого войсковой службы нѣякой нѣтъ, отъ села Свѣтличного отказалъ“; „а оное—прибавлялъ гетманъ—можетъ здатися (пригодиться) другому кому, въ службѣ его императорского величества войсковой найдуючомуся“ [1]).

При наличности ограниченій, установленныхъ для гетманской власти, такія частныя мѣры не могли однако дать достаточно удовлетворительныхъ результатовъ и не всегда даже были возможны и въ виду этого Апостолъ рѣшился возбудить вопросъ объ упорядоченіи владѣнія имѣніями въ Малороссіи передъ центральнымъ правительствомъ. Въ началѣ 1728 г., пріѣхавъ на коронацію въ Москву, онъ подалъ здѣсь въ Верховный Тайный Совѣтъ прошеніе о нуждахъ Малороссіи, состоявшее изъ 21 пункта. На большинство этихъ пунктовъ послѣдовало именно такое рѣшеніе, какое предлагалъ имъ дать гетманъ, и такимъ путемъ возникли „рѣшительные пункты“, которые должны были опредѣлить на будущее время многіе порядки малорусской жизни. Въ частности эти „рѣшительные пункты“ опредѣляли и порядокъ владѣнія имѣніями. По восьмому пункту какъ выслуженныя, такъ и купленныя имѣнія козаковъ и другихъ владѣльцевъ должны были оставаться въ ихъ владѣніи и не могли быть отнимаемы ни у нихъ, ни у ихъ наслѣдниковъ, дальнѣйшее же пожалованіе имѣній могло совершаться не иначе, какъ по высочайшей волѣ. Девятый пунктъ предписывалъ провѣрить наличность ранговыхъ гетманскихъ имѣній и, еслибы оказалось, что нѣкоторыя изъ нихъ Скоропадскій закрѣпилъ за своими дѣтьми или женой либо отдалъ монастырямъ, приказывалъ возвратить такія имѣнія во владѣніе гетмана. Десятый пунктъ касался ранговыхъ и ратушныхъ имѣній и предписывалъ на будущее время сохранять ихъ при урядахъ и ратушахъ; въ случаѣ же, еслибы нѣкоторыя изъ такихъ имѣній оказались закрѣпленными за кѣмъ-либо въ собственность, ихъ предписывалось возвратить соотвѣтствующимъ урядамъ и ратушамъ.

Для того, чтобы выполнить эти пункты, требовалось, конечно, произвести предварительную контрольную работу. Соотвѣтствующія распоряженія и не заставили себя ждать. Грамотою 12 апрѣля 1729 г. гетману повелѣно было опубликовать данное ему рѣшеніе и привести его въ исполненіе. Въ виду этого Апостолъ въ маѣ того же года спеціальнымъ распоряженіемъ, разосланнымъ во всѣ полки,

[1]) Тамже, т. I, сс. 63—4.

пріостановилъ дѣйствіе выданныхъ было передъ тѣмъ отъ него различнымъ лицамъ универсаловъ на владѣніе имѣніями [1]). Въ то же время, съ прибытіемъ въ служившій гетманской резиденціей г. Глуховъ новаго министра-резидента при гетманѣ, кн. Шаховского, въ Малороссіи начато было „генеральное слѣдствіе о маетностяхъ", которое должно было выяснить, какія имѣнія и на какихъ правахъ находятся въ чьемъ-либо владѣніи и какія поселенія остаются еще свободными. Лѣтомъ 1729 г. по всѣмъ полкамъ были разосланы канцеляристы, которые, переѣзжая изъ одного поселенія въ другое, отбирали отъ старожиловъ сказки о томъ, когда и кѣмъ было основано данное поселеніе и кто и на какихъ правахъ владѣлъ имъ, начиная съ момента отдѣленія Малороссіи отъ Польши. Сами же владѣльцы имѣній обязывались представить полковымъ канцеляріямъ всѣ свои документы на владѣніе. Собранныя такимъ путемъ свѣдѣнія приводились въ порядокъ и систематизировались въ каждомъ полку его полковой старшиной и вслѣдъ затѣмъ составленныя ею книги „генеральнаго слѣдствія о маетностяхъ" отправлялись на провѣрку генеральной старшины въ Глуховъ. Всѣ маетности были раздѣлены въ этихъ книгахъ на шесть разрядовъ: 1) ранговыя, 2) отданныя, по грамотамъ и универсаламъ, за заслуги или частновладѣльческія, 3) магистратскія или ратушныя, 4) свободныя войсковыя, 5) сомнительныя или спорныя и 6) монастырскія. Въ результатѣ всей этой работы получался матеріалъ, позволявшій въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ точно опредѣлить, куда именно должно быть отнесено то или иное отдѣльное имѣніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ дававшій общіе итоги различныхъ разрядовъ имѣній.

Всѣхъ полковъ въ лѣвобережной Малороссіи насчитывалось десять. До насъ дошли книги генеральнаго слѣдствія о маетностяхъ по девяти полкамъ, причемъ однако въ слѣдствіи одного изъ этихъ полковъ, Стародубовскаго, помѣщены не всѣ имѣвшіяся въ послѣднемъ поселенія [2]). Во всякомъ случаѣ сохранившіяся въ этихъ книгахъ свѣдѣнія даютъ возможность представить общую картину распредѣленія различныхъ видовъ владѣній къ 1729—30 гг. въ большей части лѣвобережной Малороссія. Подсчитывая по этимъ книгамъ число имѣній различныхъ разрядовъ и число находившихся въ такихъ имѣніяхъ посполитскихъ дворовъ, мы получимъ слѣдующую таблицу:

---

1) Тамже, т, I, отд. II, сс. 70—1.

2) Книги генеральнаго слѣдствія о маетностяхъ полковъ Черниговскаго, Нѣжинскаго, Кіевскаго, Переяславскаго, Прилуцкаго, Гадяцкаго и Миргородскаго въ настоящее время изданы; рукопись Стародубовскаго слѣдствія находится въ библіотекѣ кіевской коллегіи В. Галагана, рукопись Полтавскаго— въ библіотекѣ А. М. Лазаревскаго (теперь въ б-кѣ кіевск. ун-та); рукопись Лубенскаго слѣдствія еще не разыскана.

Полки:	Свободныхъ войсковыхъ.		Магистратскихъ.		Ранговыхъ.		Монастырскихъ.		Частновладѣльческихъ.		Итого:	
	Маетностей[1]).	Дворовъ.	Маетностей.	Дворовъ.	Маетностей.	Дворовъ.	Маетностей.	Дворовъ.	Маетностей.	Дворовъ.	Маетростей.	Дворовъ.
Черниговскій .	10	750	6	103	20	561	70	2.025	252	7.242	358	10.681
Кіевскій. . . .	10	614	—	—	21	702	118[2])	4.334	46[3])	1.316	195	6.966
Нѣжинскій [4]).	40[5])	—	10	—	45	—	60	—	88	—	243	—
Прилуцкій . .	37[6])	1 619	--	—	8	278	12	618	51	2.995	108	5.510
Переяславскій.	48[7])	1.203	7[8])	336	11	153	30	1.052	78[9])	1.386	174	4.130
Гадяцкій . . .	—	—	—	—	34[10])	3.377	5	215	36[11])	2.126	75	5.718
Миргородскій.	56	8.176	—	—	2	252	9	825	36	2.935	103	12.188
Полтавекій . .	25	7.669	—	—	7	850	8[12])	575	36[13])	1.776	76	10.870
Итого:	226	20.031	23	439	148	6.173	312	9.644	623	19.776	1.332	56.063[14])

[1]) Подъ маетностью разумѣется здѣсь, не село, а держаніе одного владѣльца въ данномъ поселеніи, не всегда совпадавшее съ границами самаго поселенія. Въ одномъ и томъ же мѣстечкѣ или селѣ могло быть и бывало нѣсколько владѣній.

[2]) Въ 5 изъ этихъ маетностей число дворовъ не указано.

[3]) Въ томъ числѣ 12 спорныхъ маетностей съ 614 дворами.

[4]) Въ Нѣжинскомъ слѣдствіи число дворовъ въ маетностяхъ не указано.

[5]) Въ томъ числѣ 23 описныхъ маетности, послѣ кн. Меншикова и кн. Долгорукихъ,

[6]) Въ томъ числѣ отписныхъ на государыню 6 маетностей съ 164 дв.

[7]) Въ 6-ти изъ этихъ маетностей число дворовъ не указано.

[8]) Въ одной изъ этихъ маетностей число дворовъ не указано.

[9]) Въ томъ числѣ въ 2 маетностяхъ число дворовъ не указано и 20 маетностей спорныхъ съ 449 дв.

[10]) Въ томъ числѣ „замковыхъ" (гетманскихъ) 29 маетностей съ 2.673 дв.

[11]) Въ томъ числѣ въ 2 маетностяхъ число дворовъ не указано и 3 спорныхъ маетности съ 60 дв.

[12]) Въ двухъ изъ этихъ маетностей число дворовъ не указано.

[13]) Въ 8-ми изъ этихъ маетностей число дворовъ не указано.

[14]) Въ Стародубовскомъ полку, по даннымъ генеральнаго слѣдствія, свободныхъ войсковыхъ было 15 маетностей съ 168 дв. и 105 маетностей, въ которыхъ число дворовъ не указано; магистратскихъ—5 маетностей съ 196 дв. и 1 маетность, въ которой число дворовъ не указано; ранговыхъ—39 маетностей съ 1731 дв. (въ томъ числѣ гетманскихъ—21 маетность съ 1.096 дв.); частновладѣльческихъ—143 маетности съ 5.354 дв.; монастырскихъ—2 маетности съ 97 дв. Но сюда не вошли недоставленныя владѣльцами свѣдѣнія о маетностяхъ Кіево-Печерской Лавры, Новгородскаго и Черниговскаго Каѳедральнаго монастырей, объ отписныхъ маетностяхъ въ почепской, бакланской и шептаковской сотняхъ и о другихъ маетностяхъ великорусскихъ владѣльцевъ. По даннымъ одной позднѣйшей вѣдомости (Харьк. Ист. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Черн. отд., № 1,672) въ Стародубовскомъ полку по ревизіи 1729—30 гг. числилось 2.104 свободныхъ посполитскихъ дворовъ, въ Нѣжинскомъ—2.738 и въ Лубенскомъ—4.446. Всего такимъ образомъ въ моментъ генеральнаго слѣдствія свободныхъ посполитскихъ дворовъ во всѣхъ 10 полкахъ Малороссіи насчитывалось 29.321.

Переводя эти цифры на процентныя отношенія, мы получимъ такую таблицу:

Въ полкахъ:	% Свободныхъ войсковыхъ.	Д В О Р О В Ъ: Магистрат-скихъ.	Ранговыхъ.	Монастыр-скихъ.	Частновла-дѣльческихъ.	Всего.
Черниговскомъ	7	1	5	19	68	100
Кіевскомъ	9	—	10	62	19	100
Прилуцкомъ	29	—	5	11	55	100
Переяславскомъ	29	8	4	26	33	100
Гадяцкомъ	—	—	59	4	37	100
Миргородскомъ.	67	—	2	7	24	100
Полтавскомъ	71	—	8	5	16	100
итого въ 7 полкахъ: .	35,8	0,8	11	17,2	35,2	100

Такимъ образомъ черезъ 75 лѣтъ самостоятельнаго существованія лѣвобережной Малороссіи въ семи ея полкахъ свободные посполитые составляли лишь треть съ небольшимъ общаго числа посполитскаго населенія, тогда какъ всѣ остальные посполитые—почти $^2/_3$ общаго ихъ числа—находились въ той или иной зависимости отъ владѣльцевъ. При этомъ посполитые магистратскихъ имѣній не достигали и одного процента общаго числа посполитыхъ, а количество посполитыхъ ранговыхъ имѣній лишь немногимъ превышало $^1/_{10}$ этого числа. За то посполитые частновладѣльческихъ и монастырскихъ имѣній, которые въ началѣ самостоятельной жизни гетманщины являлись лишь незначительнымъ меньшинствомъ въ морѣ свободнаго крестьянства, къ 1730 г. составляли въ 7 полкахъ лѣвобережной Малороссіи уже болѣе половины общаго числа посполитскаго населенія. Въ нашемъ распоряженіи нѣтъ такихъ же точныхъ данныхъ для остальныхъ трехъ полковъ Малороссіи, но, судя по тѣмъ неполнымъ свѣдѣніямъ, которыя мы имѣемъ и которыя частью были указаны выше, и на территоріи этихъ полковъ отношенія различныхъ разрядовъ посполитыхъ и различныхъ формъ владѣнія имѣніями складывались въ общемъ приблизительно такимъ же образомъ.

Пристальнѣе вглядываясь въ эти отношенія, поскольку они обрисовываются приведенными выше цифрами, въ нихъ можно подмѣтить еще одну характерную черту: особенно пышно разрослись владѣльческія имѣнія и соотвѣтственно этому особенно сильно сократились въ своемъ количествѣ и размѣрахъ свободныя войсковыя поселенія на сѣверѣ страны, а, чѣмъ дальше на югъ, тѣмъ больше еще сравнительно сохранилось въ ней свободнаго крестьянства. Въ Черниговскомъ и въ Кіевскомъ полкахъ свободные посполитые къ 1729—30 гг. и абсолютно, и относительно представляли собой величину, которую смѣло можно было бы назвать ничтожной. Въ томъ и другомъ было всего по 10 свободныхъ войсковыхъ по-

селеній, причемъ въ первомъ изъ нихъ числилось 750 посполитскихъ дворовъ, составлявшихъ 7% всего посполитскаго населенія полка, а во второмъ—614 дв. или 9% населенія полка. За то владѣльческихъ посполитыхъ въ первомъ изъ этихъ полковъ насчитывалось 87%, а во второмъ—81%, и вся разница здѣсь заключалась въ томъ, что въ Черниговскомъ полку рѣшительно преобладали частновладѣльческія имѣнія, тогда какъ въ Кіевскомъ столь же рѣшительное преобладаніе принадлежало имѣніямъ монастырскимъ. Нѣсколько больше было свободныхъ посполитыхъ въ Стародубовскомъ и Нѣжинскомъ полкахъ, но наряду съ этимъ и въ этихъ полкахъ получили чрезвычайно широкое развитіе какъ частновладѣльческія, такъ и монастырскія имѣнія. Въ значительной мѣрѣ иначе сложились отношенія въ южныхъ полкахъ, занимавшихъ территорію нынѣшней Полтавской губерніи. Уже въ Прилуцкомъ и Переяславскомъ полкахъ свободные посполитые составляли по 29% посполитскаго населенія, тогда какъ владѣльческихъ посполитыхъ, считая въ томъ числѣ частновладѣльческихъ и монастырскихъ, въ первомъ изъ этихъ полковъ было 66%, а во второмъ 59%. Дальше на югъ отношенія мѣнялись еще рѣзче: въ Миргородскомъ полку свободные посполитые составляли 67%, а владѣльческіе—31% посполитскаго населенія, а въ Полтавскомъ полку свободные посполитые—71% и владѣльческіе—21. Особое положеніе занималъ Гадяцкій полкъ, въ которомъ свободныхъ войсковыхъ поселеній вовсе не было, такъ какъ онъ первоначально въ составѣ всего своего посполитскаго населенія представлялъ собою ранговую маетность, принадлежавшую „на булаву“ гетманамъ. Значительная часть имѣній этого полка, заключавшая въ себѣ 2.673 посполитскихъ двора, и въ 1730 г. составляла еще ранговое гетманское владѣніе. Но остальную, и притомъ бо́льшую, часть имѣній гетманы и здѣсь постепенно роздали въ разныя руки, и въ моментъ составленія генеральнаго слѣдствія о маетностяхъ въ Гадяцкомъ полку въ ранговомъ владѣніи полковниковъ числилось 704 посполитскихъ двора, во владѣніи монастырей—215 дв. и въ рукахъ частныхъ владѣльцевъ—2.066 дв. Такимъ образомъ число собственно владѣльческихъ посполитыхъ, не считая ранговыхъ, достигало здѣсь 2.341 дв. и равнялось 41% всего посполитскаго населенія полка.

Въ общемъ приведенныя цифры ясно показываютъ, что изъ различныхъ формъ земельныхъ держаній, возникшихъ въ Малороссіи послѣ отдѣленія ея отъ Польши, одна уже черезъ три четверти вѣка, протекшія со времени этого отдѣленія, получила рѣшительное преобладаніе надъ всѣми остальными и этою одною была форма владѣльческаго имѣнія, приблизившагося къ типу полной и безусловной собственности. Если на югѣ Малороссіи это владѣльческое имѣніе въ 1730 г. составляло еще меньшинство

среди другихъ поселеній, то на сѣверѣ оно уже почти цѣликомъ вытѣснило и поглотило собою всѣ иныя формы земельныхъ держаній, а въ цѣломъ заняло преобладающее положеніе и во всей странѣ, сосредоточивъ въ себѣ около двухъ третей всего ея посполитскаго населенія. И тотъ самый актъ правительственной дѣятельности, который обнаружилъ это преобладаніе владѣльческихъ имѣній, еще тѣснѣе закрѣпилъ ихъ за ихъ владѣльцами и еще больше приблизилъ къ частной собственности послѣднихъ. Какъ мы видѣли, восьмой изъ данныхъ гетману Апостолу „рѣшительныхъ пунктовъ“ воспрещалъ отбирать у малорусскихъ владѣльцевъ ихъ выслуженныя и купленныя имѣнія. Производившая генеральное слѣдствіе о маетностяхъ малорусская старшина подвела подъ этотъ пунктъ, за ничтожными исключеніями, почти всѣ маетности, отданныя владѣльцамъ какъ царскими грамотами, такъ и гетманскими и полковничьими универсалами, разъ только онѣ не были вполнѣ опредѣленно даны на тотъ или иной „урядъ“. Всѣ вообще маетности, данныя „за заслуги“, безразлично, были ли такія маетности даны царемъ, гетманомъ или полковникомъ, были ли онѣ отданы „въ вотчину“, „въ вѣчное владѣніе“, „въ спокойное владѣніе“, или „до ласки войсковой“, разбиравшая имѣнія старшина одинаково признала подходящими подъ восьмой пунктъ, тѣмъ самымъ закрѣпляя ихъ въ наслѣдственномъ владѣніи и отвергая на будущее время право властей отбирать ихъ обратно.

По отношенію къ имѣніямъ, закрѣпленнымъ за ихъ владѣльцами царскими грамотами, такое право гетманской власти въ принципѣ было отмѣнено еще въ глуховскихъ статьяхъ, заключенныхъ съ гетманомъ Многогрѣшнымъ въ 1669 г. На практикѣ гетманы, правда, практиковали отборы „грамотныхъ“ имѣній довольно долго послѣ того, но съ концомъ гетманства Скоропадскаго, когда центральное правительство стало ближе вмѣшиваться во внутреннія дѣла гетманщины. оно начало оказывать энергичное противодѣйствіе такого рода отборамъ. Любопытнымъ примѣромъ такого противодѣйствія можетъ служить эпизодъ, разыгравшійся съ имѣніями переяславскаго полковника Думитрашка Райчи. Гетманъ Самойловичъ далъ ему въ 1673 г. за его вѣрную службу м. Березань со всѣми окрестными селами. Въ слѣдующемъ году эти имѣнія были подтверждены Думитрашку Райчѣ и царской грамотой, которая, повторяя универсалъ Самойловича, ничего не говорила, впрочемъ, объ отдачѣ названныхъ имѣній въ потомственное владѣніе. Они остались однако за наслѣдниками Думитрашка Райчи, но у внука его, Василія Райчи, „въ бытность его въ наукахъ“, гетманъ Скоропадскій отобралъ с. Недру и отдалъ канцеляристу Володковскому, который въ 1718 г. получилъ на нее и жалованную грамоту. Тѣмъ не менѣе Василій Райча, придя въ возрастъ, обратился съ жалобой въ коллегію иностранныхъ дѣлъ и послѣдняя, разобравъ въ 1727 г. эту жалобу, „приговорила селу Недрѣ быть за челобитчикомъ Василіемъ

Райчею потому, что онъ къ службѣ годенъ, а хотя гетманъ Скоропадскій отдалъ былъ то село Недру Володковскому, и того чинить было ему не надлежало" [1]).

Наряду съ многочисленными „грамотными маетностями" ко второй четверти XVIII вѣка, какъ мы знаемъ, замѣтно окрѣпли въ рукахъ малорусскихъ державцевъ и многія другія маетности, постепенно также принявшія характеръ наслѣдственныхъ имѣній. И все же восьмой „рѣшительный пунктъ" и то примѣненіе, какое было ему дано малорусской старшиной въ „генеральномъ слѣдствіи о маетностяхъ", явились новымъ и серьезнымъ шагомъ въ сторону укрѣпленія и расширенія власти малорусскихъ державцевъ надъ ихъ имѣніями. До этого момента никакое общее постановленіе законодательнаго характера не ограждало владѣльческихъ имѣній гетманщины — исключая лишь имѣнія, закрѣпленныя царскими грамотами,—отъ обращенія ихъ властью въ свободныя войсковыя поселенія и не обезпечивало непремѣнной принадлежности всякаго даннаго имѣнія тому владѣльцу, въ рукахъ котораго оно находилось. Начиная же съ 1729—31 гг., споръ о характерѣ того или иного имѣнія нерѣдко рѣшался простой справкой съ генеральнымъ слѣдствіемъ о маетностяхъ: разъ въ послѣднемъ данное имѣніе было обозначено, какъ владѣльческое, состоящее „по восьмому пункту", оно осуждено было оставаться владѣльческимъ и на будущее время. Простое возвращеніе властью, безъ всякихъ особыхъ провинностей со стороны владѣльца, владѣльческаго имѣнія въ ряды свободныхъ поселеній впредь становилось невозможнымъ, какъ невозможной становилась и подобная же передача имѣнія, безъ особыхъ къ тому основаній, отъ одного владѣльца другому. А рядомъ съ этимъ для владѣльцевъ исчезали и препятствія къ свободному распоряженію признанными за ними имѣніями, которыя они и раньше во многихъ случаяхъ готовы были трактовать, какъ перешедшія въ ихъ частную собственность. Такимъ образомъ, если въ первоначальныхъ планахъ правительства генеральному слѣдствію о маетностяхъ ставилась прежде всего та же цѣль, какъ и неудавшейся офицерской „ревизіи" 1726 г.,—возвращеніе неправильно захваченныхъ въ частное владѣніе селъ къ ратушамъ и урядамъ, то на дѣлѣ въ рукахъ производившей его старшины это слѣдствіе получило нѣсколько иную роль и однимъ изъ важнѣйшихъ его результатовъ явилось закрѣпленіе за малорусскими владѣльцами, въ громадномъ своемъ большинствѣ состоявшими изъ той же старшины, массы собранныхъ ими подъ свою власть имѣній.

Нельзя сказать, впрочемъ, чтобы и въ смыслѣ возвращенія захваченныхъ въ частное владѣніе ранговыхъ имѣній генеральное

[1]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Переяславскаго полка, рукопись Моск. Румянц. Музея, № 1.159, Документы №№ 49 и 48.

слѣдствіе о маетностяхъ прошло совершенно безслѣдно. Оно не дало, правда, въ этомъ отношеніи очень крупныхъ результатовъ, но въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ безусловно облегчило такое возвращеніе, особенно, если рѣчь шла объ имѣніяхъ, сравнительно недавно отошедшихъ изъ рангового владѣнія и находившихся въ рукахъ не черезчуръ вліятельныхъ лицъ. Въ этихъ случаяхъ гетманъ, опираясь на данныя, добытыя генеральнымъ слѣдствіемъ, получилъ возможность принять и нѣкоторыя практическія мѣры къ возстановленію нарушеннаго рангового владѣнія.

„Понеже—писалъ, напримѣръ, Апостолъ въ своемъ универсалѣ 15 октября 1729 г., адресованномъ полтавскому полковнику съ полковой старшиной и новосанжаровскому сотнику, — половина села Лелюховки, в сотнѣ новосанжаровской найдуючаяся, здавна на урядъ судейства полкового належала, а теперъ тоею половиною села Лелюховки умершого судіи полкового полтавского Григорія Буцкого жена неналежне владѣетъ, о чемъ и з нынѣшного слѣдствія, в полку Полтавскомъ о всѣхъ маетностяхъ чиненного, показалось, того ради и теперъ вишеозначенного села Лелюховки половину зо всѣми принадлежностями на урядъ судейства полкового полтавского настоящему судіи полковому тамошнему, пану Василію Зелененкому, опредѣляемъ“ [1]). Въ 1730 г. кіевскій полковой прапорщикъ Иванъ Завадскій подалъ гетману „суплику“, въ которой сообщалъ, что „Василь Харсѣка, слуга пана кіевского, владѣетъ частю села Ставиского, на рангъ прапорщика полкового надлежащого“, и притомъ владѣетъ безъ гетманскаго универсала, а между тѣмъ въ кіевскомъ слѣдствіи о маетностяхъ „показано, что тая часть села Ставиского, в которой найдуется человѣка 13, надлежить на рангъ оного прапорщичества полкового“. Завадскій просилъ поэтому „ему тихъ людей, в ономъ селѣ имѣючихся, определить на чинъ во владѣніе“ и Апостолъ, дѣйствительно, выдалъ ему соотвѣтствующій универсалъ. „Предлагаемъ,— писалъ онъ здѣсь—абы панъ полковникъ кіевскій Василю Харсѣцѣ, яко неслушне (неправильно) означенною частю села Ставиского безъ унѣверсалу нашого владѣючому, отказалъ, а Ивану Завадскому оную, якъ на рангъ прапорщества надлежащую, привернулъ во владѣніе“ [2]). Подобныхъ случаевъ возстановленія рангового владѣнія въ результатѣ генеральнаго слѣдствія о маетностяхъ было и еще нѣсколько. Однако общее количество ихъ было все же невелико и главная масса ранговыхъ имѣній, успѣвшихъ отойти до гетманства Апостола въ частное владѣніе, такъ и осталась въ послѣднемъ.

Возвращать „на рангъ“ прежнія ранговыя имѣнія, успѣвшія обратиться въ частныя, было далеко не всегда удобно, такъ какъ

---

[1]) Рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго (теперь въ б-кѣ кіевск. ун-та) п. з.: „Полтавскіе земельные универсалы“, № 80.

[2]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Кіевскаго полка, рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго (теперь въ б-нѣ кіевск. ун-та), документы, л. 38.

это противорѣчило интересамъ значительной части старшины. Но можно было попытаться получить „на рангъ“ новыя имѣнія изъ числа свободныхъ селъ. Немалая часть малорусской старшины и увидѣла въ производствѣ генеральнаго слѣдствія о маетностяхъ удобный моментъ для такого рода попытки. „Всенижайше доношу,— писалъ на имя императрицы, окончивъ слѣдствіе о маетностяхъ, кіевскій полковникъ Антонъ Танскій—что на чинъ полковничества кіевского в маетностяхъ дворового числа велми скудно за тимъ, что сотня бобровицкая з давнихъ лѣтъ со всѣми уездними селами на урядъ полковничества кіевского ишла, а теперъ оніе села... на разнихъ владѣлцовъ роздани бывшими гетманами, которіе села оніе владѣлци себѣ гетманскими унѣверсалами и високомонаршими грамотами ствердили, з чего мнѣ за малолюдствомъ подданнихъ немалая чинится трудность и к службѣ войсковой надлежащихъ припасовъ недостатокъ“. Танскій просилъ поэтому „з имѣючихся в Кіевскомъ полку мѣстечокъ свободныхъ на урядъ полковничества дворового числа определѣніе учинить“. Одновременно съ своимъ полковникомъ такую же просьбу о назначеніи имъ ранговыхъ имѣній изъ свободныхъ мѣстечекъ и селъ подали императрицѣ кіевская полковая старшина и сотники. „Всенижайше доносимъ,—писали они въ своей просьбѣ—что на урядъ судейства полкового кіевского маетности жадной (никакой) нѣтъ, кромѣ нищетнихъ семь дворовъ в деревнѣ Киселевцѣ, ибо село Адамовку, которое на чинъ судейства полкового ишло, господинъ генералъ-аншефъ фонъ-Вейзбахъ на себе отобралъ. Такъ же на чинъ хоружества полкового кіевского и единого двора подданнихъ нѣтъ, ибо село Красиловку, на чинъ хоружества полкового кіевского содержащееся, по грамотѣ государственной, покойному Подтеребу, обозному полковому кіевскому, данной, внукъ его Өедоръ Лисенко, асаулъ войсковій генералній, по разсмотренію противъ прежнего отобралъ. Яко же и протчой полковой старшинѣ кіевской малое число дворовъ имѣется, а сотникамъ всѣмъ и единого двора подданнихъ на уряди сотничіе нѣтъ. И с того в службѣ войсковой, не имѣя опредѣленія, крайне на трактѣ неусипномъ живучи, разоряются и, когда указъ получать в походъ военній итти, то в припасахъ военнихъ, не имѣя доволствія надлежащаго, велми скудно виходятъ“ [1]). О томъ же просилъ для себя и переяславскій полковникъ Василій Танскій. Прежніе полковники—писалъ онъ въ своемъ прошеніи императрицѣ—„на той полковничества чинъ опредѣленними маетностями владѣли, я не владѣю и затимъ весьма ниякого з домомъ моимъ я себѣ препитанія не имѣю“. Въ свою очередь сотники Переяславскаго полка и полковые писарь и асаулъ также просили назначить имъ ранговыя имѣнія. Мы— заявляли они въ своемъ прошеніи императрицѣ—„со всякою под-

---

1) Тамже, *лл.* 1—2.

даническою вѣрностію служимъ высокомонаршому вашего императорского величества престолу, а па чини свои маетностей нѣкоторіе по нѣсколко толко человѣка, а другіе и нѣ единого не имѣемъ и затимъ, во всегдашней службѣ будучи, лишаемся своего господарства и приходимъ до крайнего оскудѣнія, в чомъ не токмо противъ другихъ полковъ полчанъ, но и нашего полку противъ прежней старшини естесми обижденни, ибо для препитанія себе и убогихъ домовъ нашихъ ніякого вспоможенія не имѣемъ". „Да повелить державство ваше—прибавляли просители—по своему всемилостивѣйшему разсмотрѣнію за службы наши такъ на чинъ полковничій, яко и на уряды наши старшины полковой и сотниковъ для вспоможенія убогихъ домовъ нашихъ учинити опредѣленіе и пожаловать насъ крестьянами" [1]). Гадяцкая полковая старшина съ своей стороны обратилась съ просьбою о ранговыхъ имѣніяхъ къ гетману Апостолу. За свои труды—писала она—мы „войскового респекту и на ранги свои опредѣленія жадного не имѣемъ, ибо якіе на которій чинъ маетности прежде насъ ишли, тіе теперъ стали за другими владѣльцами". Сотники Гадяцкаго полка также просили гетмана „на чины сотницкіе по скольку двориковъ опредѣлить". „Безъ жадного опредѣленія служачи,—поясняли они свою просьбу—въ крайнее раззореніе и послѣднюю за временемъ нищету прійдемъ, понеже прежде зъ млиновъ (мельницъ) части войсковыя на уряды сотничіе были опредѣлены, а нынѣ и зъ нашихъ купленныхъ части войсковыя отбираютъ" [2]). Подобнымъ же образомъ сотники и городовые урядники Полтавскаго полка, „не мѣючи наданихъ себѣ на уряди и за заслуги жаднихъ во владѣніе маетностей", просили „монаршой милости, чтобъ имъ в тѣхъ же сотеннихъ городкахъ, в якихъ они живутъ, опредѣленно было по певному (нѣкоторому) числу дворовъ посполитихъ обывателей для кошеня в лѣтѣ сѣна и ради возки дровъ и протчей домовой прислуги". Прежде—мотивировали свою просьбу полтавскіе „урядники"—они пользовались для „вспоможеня домовъ своихъ" услугами свободныхъ посполитыхъ, „а нынѣ тое указами всепресвѣтлѣйшого императорского величества отставленно" [3]).

Первоначально и само гетманское правительство, повидимому, разсчитывало воспользоваться генеральнымъ слѣдствіемъ о маетностяхъ, чтобы назначить ранговыя имѣнія на всѣ „уряды", на которые такихъ имѣній не было дано раньше. По крайней мѣрѣ, въ моментъ составленія слѣдствія „панамъ писарямъ всѣмъ полковымъ" данъ былъ такого рода „указъ": „чиновніе села, начавъ од полковниковъ и старшины полковой и сотниковъ, сколко оныхъ

[1]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Переяславскаго полка, рукопись Моск. Румянц. Музея, № 1.159, документы, №№ 2 и 1.

[2]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Гадяцкаго полка, сс. 12—15.

[3]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ. Полтавскаго полка, рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго (теперь въ б-кѣ кіевск. ун-та).

в якомъ полку во владѣніи у кого имѣется и якіе кому приличествовати будутъ, выписать статями порознь з обстоятелствомъ, а на которого з старшини чиновного села не покажется, то бы полковники и старшина, з свободныхъ селъ усмотря, мнѣніемъ на рангъ его опредѣлили и в докладъ представили в самой скорости" [1]).

Мы не знаемъ, былъ ли этотъ указъ въ точности выполненъ въ полкахъ, но во всякомъ случаѣ массового назначенія ранговыхъ имѣній полковой старшинѣ и сотникамъ въ результатѣ генеральнаго слѣдствія о маетностяхъ не послѣдовало. Быть можетъ, такому назначенію помѣшало то обстоятельство, что слѣдствіе выяснило не особенно значительные размѣры уцѣлѣвшихъ свободныхъ войсковыхъ маетностей, быть можетъ, на пути задуманнаго плана выросла какая-либо другая помѣха, быть можетъ, наконецъ, Апостолъ просто не успѣлъ осуществить его. Какъ бы то ни было, этотъ планъ, если даже онъ вышелъ за предѣлы общей идеи, не былъ выполненъ. Просьбы полковой старшины и сотниковъ о назначеніи всѣмъ имъ опредѣленныхъ имѣній на ихъ „ранги" оказались такимъ образомъ безуспѣшными и лишь нѣкоторымъ лицамъ изъ среды этихъ „урядниковъ" удалось, не въ примѣръ прочимъ, получить отъ Апостола новыя ранговыя имѣнія [2]).

Несравненно большее вниманіе и заботливость проявило возсозданное гетманское правительство по отношенію къ ранговымъ имѣніямъ генеральной старшины. Въ значительной мѣрѣ, правда, такое вниманіе вызывалось и самыми обстоятельствами дѣла. Уже послѣ низложенія Мазепы нѣкоторыя ранговыя имѣнія, принадлежавшія ушедшимъ съ нимъ чинамъ генеральной старшины, разошлись, подъ видомъ „измѣнничьихъ", въ разныя руки. Послѣ же того краха, какой потерпѣли въ концѣ Петровскаго царствованія усилія Полуботка, направленныя къ возстановленію гетманства, и связанныхъ съ этимъ крахомъ многочисленныхъ арестовъ старшины, многіе генеральные „уряды" опустѣли, а принадлежавшія къ нимъ имѣнія опять-таки отошли въ другія руки. Поэтому, когда съ возстановленіемъ гетманства вновь возстановлена была въ прежнемъ своемъ видѣ и генеральная старшина, Апостолу пришлось позаботиться о надѣленіи ея членовъ имѣніями. Рядомъ универсаловъ, выданныхъ между 20 и 30 іюня 1730 г., онъ далъ чинамъ генеральной старшины такія имѣнія изъ свободныхъ войсковыхъ поселеній, „понеже—говорилось въ этихъ универсалахъ—

[1]) Тамже.

[2]) Такъ, напримѣръ, пѣщанскому сотнику Переяславскаго полка Семену Кандибѣ, жаловавшемуся, что онъ, „радѣтельно чрезъ многіе года отправуючи службы войсковіе, жадной на томъ чину не имѣетъ маетности", Апостолъ универсаломъ 16 августа 1730 г. далъ, по его просьбѣ, с. Шабельники, взявъ его отъ овдовѣвшей дочери переяславскаго полковника Томары Евдокіи, которая владѣла этимъ селомъ по надачѣ своего отца, безъ гетманскаго универсала. Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Переяславскаго полка, рукопись Моск. Румян. Музея. № 1.159, документы, № 71.

маетности, належніе на чини енералнихъ особъ, по змѣнѣ Мазепиной одийшли въ разніе владѣнія и утверждены жалованными монаршими грамотами, а панове старшина енералние, оставивши доми свои, в отправленю войсковихъ и общенароднихъ дѣлъ неисходно живутъ при нашой резиденціи и на вспарте (поддержку) домовъ ихъ жить имъ безъ маетностей скудно" [1]). Вслѣдъ затѣмъ 10 іюля того же 1730 г. къ гетману поступило прошеніе генеральной старшины, въ которомъ она, благодаря за данныя имѣнія, вмѣстѣ съ тѣмъ просила его ходатайствовать въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ о прибавкѣ къ этимъ имѣніямъ новыхъ, „понеже тѣми маетностями данными—поясняли просители—намъ довольствовать себе и служащихъ при насъ небезскудно, ибо мы, оставивши доми свои, такъ войсковіе, яко и гражданскіе при резиденціи вашой ясневелможности отправуючи дѣла, неисходно в Глуховѣ живемъ и по чужихъ неспокойнихъ квартерахъ немало убыточимся и оскудѣваемъ" [2]). Большого успѣха однако это прошеніе не имѣло. Получивъ отъ Апостола свѣдѣнія о назначеніи имъ „до дальшого указу" имѣній генеральнымъ чинамъ, имп. Анна съ своей стороны 1 февраля 1732 г. дала гетману грамоту, опредѣлившую на будущее время размѣръ владѣній генеральной старшины. Согласно этой грамотѣ, генеральному обозному предписывалось назначить 400 дворовъ, двумъ судьямъ—по 300 дв., малороссійскому подскарбію—300, двумъ асауламъ—по 200, хоружему и бунчучному—по 200, асаулу и хоружему генеральной артиллеріи—по 30, писарю генеральныхъ судовъ—30, на генеральную и судебную канцелярію—100, тремъ великороссійскимъ членамъ генеральнаго суда и великороссійскому подскарбію—по 30, а генеральному писарю оставить опредѣленные ему раньше 453 двора. Всѣмъ этимъ маетностямъ предписывалось „быть при тѣхъ, кто будетъ на тѣхъ урядахъ, неподвижно и никому ихъ не отнимать и въ другія дачи не производить". Дать же ихъ нужно было изъ тѣхъ имѣній, которыя были опредѣлены на генеральную старшину въ 1730 г., а чего не

---

[1]) Генеральный обозный Яковъ Лизогубъ получилъ при этой раздачѣ „въ спокойное владѣніе" с. Городище въ Черниговскомъ полку, сс. Мехедовку и Очкинъ въ Стародубовскомъ и с. Землянку въ Нѣжинскомъ; ген. судья Мих. Забѣла—сс. Оксютинцы и Пустовойтовку въ Лубенскомъ полку, сл. Красиловку, Андреевку и Добротовъ въ Нѣжинскомъ и с. Переволочную въ Прилуцкомъ; ген. бунчучный Ив. Борозна — сс. Галку, Коренецкую Дмитровку и Рабухи въ Прилуцкомъ полку и сс. Пятовскъ, Андрѣйковичи и Ущерпе въ Стародубовскомъ; ген. асаулъ Ив. Мануйловичъ—с. Артюховку въ Лубенскомъ полку, с. Ивашки въ Полтавскомъ и сс. Борошню и Подище въ Прилуцкомъ; ген. хоружій Якимъ Горленко—сс. Смошъ, Полонки, Красняне, Рибецъ и Лиски въ Прилуцкомъ полку и с. Селище, д. Дерчувку, сс. Перегудовку и с. Пѣски въ Переяславскомъ; ген. асаулъ Ф. Лисенко—с. Макошинъ въ Черниговскомъ полку и с. Толкачовку въ Прилуцкомъ. Матеріалы для отечеств. исторіи, изд. М. Судіенко, т. I, отд. II, сс. 85—7; рукописное отдѣленіе Моск. Румянц. Музея, Архивъ Маркевича, №№ 412. 411, 410, 409, 2.603.

[2]) Тамже, № 413.

хватитъ, то добавить изъ свободныхъ войсковыхъ селъ. Добавить, главнымъ образомъ на тѣхъ членовъ генеральной старшины, которые не получили имѣній въ 1730 г., пришлось довольно много: въ 1730 г. Апостолъ роздалъ генеральной старшинѣ 1915 дв., да кромѣ того во владѣніи генеральнаго писаря было 453 дв. и во владѣніи малороссійскаго подскарбія 147 дв., а всего, стало быть, за генеральной старшиной числилось 2.515 дв.; послѣ же раздачъ по грамотѣ 1732 г. за генеральной старшиной и другими, названными въ грамотѣ, чинами оказалось 2.978 дв., слѣдовательно, на 463 двора больше [1]).

Эта раздача имѣній генеральной старшинѣ не обошлась безъ протестовъ. Уже въ августѣ 1730 г. прилуцкій полковникъ Игнатій Галаганъ съ полковою старшиной и сотниками своего полка обратился къ гетману, указывая, что благодаря совершившейся раздачѣ чинамъ генеральной старшины многихъ селъ Прилуцкаго полка въ немъ остались свободными только три села при полковомъ городѣ Прилукахъ, одно при городкѣ Сребномъ и одно при городкѣ Красномъ Колядинѣ. Между тѣмъ—писала прилуцкая старшина— „бивало с тихъ свободнихъ маетностей посполитіе люде з мѣскими людми по указу вашемъ рейментарскомъ почту в полку Прилуцкомъ, такожъ и в Кіевскомъ в селѣ Броварахъ отбуваютъ, подводи для всякихъ ездаковъ видаютъ, сѣно для войсковыхъ арматскихъ и почтовихъ мѣскихъ коней, такожъ для переездовъ косятъ и возятъ, сторожу плецовую и около колодниковъ одправуютъ, и бивало передъ симъ на служителей войсковыхъ и мѣскихъ денежную и хлѣбную видаютъ належитость; з инних тежъ сотенъ до Хвастовецъ на войсковіе енералной артилеріи конѣ, а з инныхъ для мануфактурныхъ овецъ до Самбора сѣно ежегодно косятъ и зимою возятъ, а стадницѣ строятъ лѣтомъ. И ежели, ясневелможній добродѣй, помянутіе тяжести мененними самимъ (названными однимъ) городомъ Прилукою и городками прійдется отбувати, то мѣскіе люде произійдутъ в крайное разореніе и куда видя розійдутся, з чого дѣется превеликая обида". Къ тому же Галаганъ съ подчиненной ему старшиной находили, что „ихъ милость панове старшина войсковая енералная не по силѣ десятого пункта, в рѣшителнихъ пунктахъ изображенного, на свои ранги маетности в полку Прилуцкомъ упросили" у гетмана, не оставивъ селъ ни для помощи полковому городу и сотеннымъ мѣстечкамъ, ни на ранги мѣстному полковнику, полковой старшинѣ и сотникамъ. Въ виду всего этого прилуцкій полковникъ и старшина просили отобрать розданныя въ ихъ полку генеральной старшинѣ села и вернуть ихъ снова къ полку „для общенародныхъ необходимыхъ нуждъ" [2]).

---

[1]) Тамже, № 3.238; грамоту 1 февр. 1732 г. см. также—Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Черниг. отд. № 1.521.

[2]) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Черниг. отд. № 18.401

Протестъ Галагана самъ по себѣ едва-ли могъ бы разсчитывать на успѣхъ, тѣмъ болѣе, что этотъ протестъ былъ не вполнѣ и безкорыстенъ: передъ тѣмъ Апостолъ далъ было Галагану с. Толкачовку, но черезъ нѣкоторое время отобралъ ее на нужды генеральной старшины, на томъ основаніи, что за Галаганомъ числилось 806 посполитскихъ дворовъ, тогда какъ у чиновъ генеральной старшины не было ранговыхъ имѣній [3]). Однако у Галагана скоро нашелся сильный союзникъ. Въ Прилуцкомъ полку было расположено описанное отъ кн. Меншикова на государя Самборское имѣніе, а въ немъ разводились „мануфактурныя овцы“, причемъ обязанность поставки сѣна для нихъ была возложена, между прочимъ, и на свободныхъ посполитыхъ сосѣднихъ сотенъ. Въ 1732 г. представители этихъ посполитыхъ, войты мѣстечекъ Краснаго Колядина, Варвы и Сребнаго, обратились къ гетману Апостолу, жалуясь, что посполитымъ названныхъ сотенъ приходится благодаря возложенной на нихъ повинности испытывать „немалыя тяжести“, такъ какъ они „подчасъ лѣта по семи и по одиннадцати недѣль сѣно косятъ и, на ту косовицу людей наймаючи, немало денегъ платятъ, тамже своимъ хлѣбомъ и приставовъ, козаковъ самборскихъ, кормятъ, да еще отъ нихъ же и побои немилостивые на себѣ поносятъ“. Если—прибавляли жалобщики—и прежде посполитые „съ немалою нуждою отбывали“ эту повинность, то теперь, послѣ отдачи въ ихъ сотняхъ немалаго количества селъ въ ранговое владѣніе генеральной старшины, „отнюдь той тяжести отбывать уже не здужаютъ, понеже за тою самборскою косовицею хлѣба себѣ не заработаютъ, а зимою, то жъ сѣно до Самбора возячи, статку (скота) своего лишаются, чего болше снести не могучи, мусятъ (должны) бѣдные люди съ мѣстечекъ тѣхъ и изъ позосталыхъ малолюдныхъ селъ разволоктися“, тѣмъ болѣе, что на нихъ, „опричъ тоей самборской уставичной (постоянной) панщины“, лежитъ и рядъ другихъ нелегкихъ повинностей. Апостолъ вошелъ въ положеніе жалобщиковъ и предложилъ состоявшему при немъ въ это время министромъ-резидентомъ Семену Нарышкину не привлекать ихъ къ заготовкѣ сѣна для овецъ, а довольствоваться для этой цѣли лишь работою посполитыхъ описного же Батуринскаго имѣнія. Но Нарышкинъ не принялъ этого предложенія. „Онаго сѣнокосу для отборныхъ овецъ—писалъ онъ гетману—описными подданными исправить никакъ невозможно, понеже оные описные подданные ко имѣющимся описнымъ дворцамъ косятъ особливо сѣно для имѣющагося въ тѣхъ дворцахъ разнаго скота, къ тому жъ всякіе пригоны въ пашнѣ земли и въ сѣяніи хлѣба и въ починкѣ мельницъ и во всякихъ дворцовыхъ работахъ исправляются съ немалою нуждою“. Кромѣ того, Нарышкинъ указывалъ, что свободные посполитые трехъ названныхъ

[3]) А. М. Лазаревскій, Описаніе старой Малороссіи, т. III, сс. 41—2.

сотенъ Прилуцкаго полка были привлечены къ заготовкѣ сѣна на самборскихъ овецъ еще Малороссійской Коллегіей, а въ пользованіе генеральной старшины гетману повелѣно было отдать маетности свободныя войсковыя, никому не отданныя и къ ратушамъ и ни къ какимъ чинамъ не утвержденныя. „Того ради—заключалъ Нарышкинъ—вашей ясневельможности совѣтомъ моимъ предлагаю, благоволите ваша ясневельможность приказать взятыя отъ красноколядинской, варвинской, серебрянской сотенъ отъ ратушъ ратушныя села и деревни, которыя отъ вашей ясневельможности розданы генеральной старшинѣ и прочимъ, возвратить по прежнему къ тѣмъ ратушамъ". На случай же, еслибъ гетманъ призналъ это невозможнымъ, Нарышкинъ предлагалъ ему „приказать для кошенія на означенныхъ отборныхъ овецъ сѣна вмѣсто оныхъ отданныхъ генеральной старшинѣ селъ толикое жъ число дворовъ опредѣлить изъ другихъ сотенъ, которыя къ тому самборскому дворцу имѣются въ близости, дабы въ предбудущую косовицу на опредѣленный къ тому самборскому дворцу степъ работники высланы были, не упуская времени" [1]).

Завязавшійся такимъ образомъ споръ былъ разрѣшенъ грамотою имп. Анны отъ 29 октября 1733 г., и разрѣшенъ не въ пользу гетмана. Отданныя было имъ на чиновъ генеральной старшины и хоружаго генеральной артиллеріи с. Савинцы въ варвинской сотнѣ и сс. Рябухи, Коренецкую и Дмитровку въ сотнѣ красноколядинской, всего немногимъ болѣе 100 дворовъ, названная грамота предписала, въ цѣляхъ заготовки сѣна на самборскихъ овецъ, возвратить въ свободныя войсковыя маетности, а вмѣсто этихъ селъ дать упомянутымъ чинамъ опредѣленныя передъ тѣмъ на генеральную канцелярію и насчитывавшія въ себѣ 101 посполитскій дворъ сс. Овсюки и Кейдаловку въ Лубенскомъ полку, такъ какъ на генеральную канцелярію и безъ того имѣется болѣе 500 дворовъ [2]). Такой исходъ спора нѣсколько уменьшилъ количество ранговыхъ имѣній, предоставленныхъ въ пользованіе центральныхъ органовъ малорусскаго управленія, но уменьшеніе это было въ концѣ концовъ очень незначительнымъ, а другихъ измѣненій въ распоряженіяхъ Апостола по этому вопросу не послѣдовало. Въ результатѣ же этихъ распоряженій, происходившихъ съ вѣдома и утвержденія имперскаго правительства, раздача ранговыхъ имѣній однимъ только центральнымъ органамъ малорусскаго управленія поглотила около десятой части уцѣлѣвшихъ еще въ странѣ свободныхъ посполитыхъ.

Между тѣмъ наряду съ раздачей имѣній „на рангъ" Апостолъ раздавалъ ихъ, хотя и въ значительно меньшихъ размѣрахъ, и въ

---

[1]) Рукописное отдѣленіе Моск. Румянц. Музея, Архивъ Маркевича, № 806.

[2]) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Черн. отд., № 1.521, лл. 173–4.

частное владѣніе. Правда, по „рѣшительнымъ пунктамъ“ 1728 г. онъ не имѣлъ права самъ собою раздавать имѣнія и такая раздача могла происходить только по высочайшей волѣ. Но сила старыхъ традицій гетманской власти была еще такъ велика, что Апостолъ, подобно своимъ предшественникамъ, порою раздавалъ имѣнія отъ себя, причемъ продолжалъ пользоваться и тѣми формами раздачи, какія практиковались прежними гетманами, носителями власти „Войска Запорожскаго“. Такъ, въ Черниговскомъ полку было с. Ладинка, еще Богданомъ Хмельницкимъ утвержденное за шляхтичемъ Грязнымъ, а отъ него перешедшее по наслѣдству въ родъ Мазапетъ. Въ гетманство Апостола послѣдній представитель этого рода былъ посаженъ въ тюрьму по обвиненію въ убійствѣ и тогда Апостолъ утвердилъ Ладинку „до ласки войсковой“ за его шуриномъ, значковымъ товарищемъ Бродовскимъ. Подобнымъ же образомъ другое имѣніе Мазапеты, с. Яновку, Апостолъ утвердилъ „до ласки войсковой“ за другимъ его шуриномъ, значковымъ товарищемъ Сущинскимъ. Послѣднему, впрочемъ, не пришлось удержать Яновку за собою. При генеральномъ слѣдствіи о маетностяхъ выяснилось, что Сущинскій, названный въ универсалѣ Апостола значковымъ товарищемъ, „не написанъ не токмо въ значковихъ, ниже въ рядовихъ козакахъ, и сказуютъ про его полчане, что онъ синъ дьячковъ, зъ отца и самъ собою неслужачій“. Въ виду этого производившая слѣдствіе старшина приговорила Яновкой „не владѣть никому до указу“, а позже, при Апостолѣ же, это село отошло во владѣніе Лизогубовъ [1]).

Въ только что приведенныхъ эпизодахъ рѣчь шла, правда, не столько о надачѣ имѣній, сколько объ утвержденіи ихъ за наслѣдниками. Но Апостолу случалось давать и новыя имѣнія. Такъ, въ Переяславскомъ полку онъ въ 1731 г. далъ нѣкоему Григорію Моцоху 10 дворовъ посполитыхъ въ м. Золотоношѣ, а въ 1732 г. далъ 6 дворовъ тамже золотоношскому атаману Зиновію Васильеву и разрѣшилъ полковому обозному Лукѣ Васильевичу осадить при его купленномъ хуторѣ слободку и занять къ ней вольный степъ [2]). На территоріи Кіевскаго полка Апостолъ въ 1728 г. отдалъ с. Красиловку генеральному хоружему Федору Лисенку, а въ с. Савинкѣ 28 дв. козелецкому сотнику Ал. Яковенку и 10 дв.—Ал. Подвысоцкому [3]). Продолжалъ раздавать имѣнія Апостолъ и въ Гадяцкомъ

[1]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Черниговскаго полка, сс. 164—5, 187—8; рукописное отдѣленіе Моск. Румянц. Музея, Архивъ Маркевича, № 3.689.

[2]) Рукописное отдѣленіе Моск. Румянц. Музея, Архивъ Маркевича, № 3.688.

[3]) Тамже, № 3,690. Въ 1742 г. Подвысоцкому, бывшему тогда полковымъ обознымъ, именнымъ указомъ имп. Елизаветы эти дворы были утверждены въ вѣчное владѣніе и въ прибавку пожаловано 10 дв. въ с. Хрещатомъ. Рум. Опись, хранящаяся въ б-кѣ кіевск. ун-та, Кіевскій полкъ, Документы Остерской сотни, т. III, № 7.

полку, этомъ ранговомъ владѣніи гетмановъ: въ 1732 г. онъ далъ здѣсь бунчуковому товарищу Андрею Трощинскому половину с. Сергѣевки, 50 дворовъ, въ 1733 г. далъ наказному „господарю“ (управляющему) Гадяцкаго „замка“ Якову Ворончeнку с. Бобровникъ, въ 1730 г. отдалъ генеральному писарю Михаилу Турковскому с. Бобрикъ [1]).

Изъ-за Бобрика, впрочемъ, возникъ впослѣдствіи судебный процессъ. Въ 1743 г. веприцкій сотникъ Прокопъ Масюкъ обратился въ генеральный судъ, прося передать Бобрикъ въ его владѣніе. По словамъ просителя, это село было отдано въ 1709 г. его дѣду, веприцкому же сотнику Федору Масюку, гетманомъ Скоропадскимъ по указу Петра „за вѣрныя службы, за осадное сидѣніе за полонное терпѣніе и крайнее въ имуществѣ своемъ отъ непріятеля разореніе“. Послѣ дѣда просителя Бобрикомъ владѣлъ отецъ его, веприцкій сотникъ Леонтій Масюкъ, а затѣмъ Бобрикъ временно отошелъ отъ него къ гадяцкимъ протопопамъ по приватному письму гетмана Скоропадскаго. Апостолъ, вступивъ на гетманство, вернулъ было Бобрикъ Леонтію Масюку, но затѣмъ снова отобралъ и сперва передалъ на короткое время гадяцкому протопопу, а потомъ отдалъ генеральному писарю Турковскому. Сынъ послѣдняго, бунчуковый товарищъ Иванъ Турковскій, владѣвшій въ это время Бобрикомъ, съ своей стороны возражалъ, что Масюкамъ это село дано было и Скоропадскимъ, и Апостоломъ лишь „до ласки войсковой“, почему оно и переходило отъ нихъ къ гадяцкимъ протопопамъ, отецъ же его, Турковскаго, и онъ самъ владѣли и владѣютъ Бобрикомъ по универсалу гетмана Апостола, данному за совѣтомъ кн. Шаховского. Однако генеральный судъ, отвергнувъ права на Бобрика гадяцкихъ протопоповъ, такъ какъ они владѣли этимъ селомъ по частному письму гетмана, а не по универсалу, отвергъ и права Турковскаго на томъ основаніи, что гетманъ Апостолъ не могъ собою раздавать маетности, и Бобрикъ былъ присужденъ Масюку [2]). Но это было рѣшеніе лишь одного частнаго дѣла и при всемъ своемъ принципіальномъ характерѣ оно нисколько не помѣшало другимъ лицамъ, получившимъ тѣ или иныя имѣнія отъ Апостола, сохранить ихъ въ своемъ владѣніи. По смерти Апостола вступившій въ управленіе Малороссіей кн. Шаховской собиралъ, правда, свѣдѣнія о томъ, „сколько отъ покойнаго гетмана маетностей, селъ и деревень, такожъ мельницъ, степныхъ и прочихъ угодій на вспарте домовъ, до ласки войсковой и въ прислушаніе до времени, такожъ и въ спокойное владѣніе

---

[1]) Рукоп. отдѣленіе Моск. Румянц. Музея, Архивъ Маркевича, №№ 3.693, 3.694, 3.695.

[2]) Моск. Архивъ Мин. Юст., дѣла упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ, Дѣла б. Черниг. Палаты Уг. и Гр. Суда, оп. 17, св. 8, кн. 38, д. 22, лл. 150—159 об.

роздано“ [1]), но никакого практическаго употребленія изъ этихъ свѣдѣній сдѣлано не было.

Вмѣстѣ съ извѣстнымъ упорядоченіемъ владѣнія имѣніями и съ болѣе точнымъ разграниченіемъ различныхъ видовъ этого владѣнія годы правленія Апостола принесли такимъ образомъ съ собою для Малороссіи дальнѣйшее сокращеніе количества свободныхъ войсковыхъ поселеній, увеличеніе числа поселеній, стоявшихъ въ той или иной зависимости отъ владѣльцевъ, и упроченіе власти этихъ послѣднихъ надъ собранными въ ихъ рукахъ имѣніями. Въ общемъ гетманство Апостола, можно сказать, вернуло развитіе землевладѣнія малорусской старшины на ту дорогу, съ которой его какъ будто грозила сбить буря, разразившаяся надъ этой старшиной подъ конецъ Петровскаго царствованія. На первыхъ порахъ эта буря вызвала въ различныхъ слояхъ малорусскаго населенія много опасеній и много надеждъ. Но она прошумѣла и ушла, не оправдавъ ни этихъ опасеній, ни этихъ надеждъ и не давъ особенно серьезныхъ результатовъ. Имперское правительство не сумѣло и не захотѣло пристальнѣе вглядѣться во внутреннюю жизнь Малороссіи и стать ближе къ широкимъ массамъ ея населенія, а предпочло опираться все на ту же старшину, сломивъ только ея автономныя стремленія. И въ результатѣ уже въ гетманство Апостола землевладѣніе малорусской старшины не только вернулось на старую дорогу своего развитія, но и сдѣлало по ней рядъ новыхъ и крупныхъ шаговъ.

Не свернуло оно съ этой дороги и послѣ Апостола, въ періодъ новаго междугетманства. Правительство имп. Анны находило излишнимъ то „ласкательство“ малороссовъ старыми формами управленія, къ какому считали полезнымъ прибѣгать ближайшіе преемники Петра, и послѣ смерти Апостола въ январѣ 1734 г. новаго гетмана не было назначено, а „правленіе гетманскаго уряда“ было поручено особой коллегіи изъ шести лицъ, составленной поровну изъ великороссовъ и малороссовъ и находившейся подъ предсѣдательствомъ великорусскаго администратора. Но эта перемѣна организаціи управленія Малороссіей не повлекла за собою какихъ-либо измѣненій въ порядкахъ владѣнія имѣніями. Только раздача послѣднихъ была сосредоточена теперь въ центральныхъ учрежденіяхъ имперіи, которыя обычно производили такую раздачу, поскольку она касалась малорусской старшины, по представленіямъ мѣстныхъ властей. Сенатъ по представленіямъ генеральной вой-

[1]) См., напр., изданный полтавскимъ полковникомъ Василіемъ Кочубеемъ 12 іюня 1734 г. универсалъ, въ которомъ Кочубей, по приказу кн. Шаховского, требовалъ представленія такихъ свѣдѣній отъ сотниковъ и владѣльцевъ Полтавскаго полка,—рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго (теперь въ б-кѣ кіевск. ун-та) п. з.: „Полтавскіе земельные универсалы“, № 83

сковой канцеляріи раздавалъ имѣнія „на рангъ“ [1]), изъ сената же и изъ кабинета министровъ выходили доклады и указы о пожалованіи членамъ старшины имѣній въ частное владѣніе [2]).

Иногда, впрочемъ, раздача того и другого рода имѣній производилась и въ эти годы мѣстными властями. Такъ, въ 1740 г. стародубовскій полковой судья Андрей Рубецъ просилъ глуховскихъ властей „о дачѣ на рангъ судейскій“ вмѣсто села Найтоповичъ, отошедшаго въ частное владѣніе, какого-либо другого села. По этой просьбѣ генеральная войсковая канцелярія выдала Рубцу универсалъ „на владѣніе на урядъ судейства полкового“ въ м. Мглинѣ „за городомъ и на подваркахъ 30 дворовъ посполитыхъ въ одномъ мѣстцу, кромѣ знатнѣйшихъ мѣщанъ и таковыхъ людей, кои бы купечествомъ и другимъ знатнымъ промысломъ бавились“ [3]). Андрей Безбородко, исправлявшій должность генеральнаго писаря, получилъ въ 1736 и 1739 гг. отъ управлявшихъ Малороссіей кн. Барятинскаго и ген. Румянцева универсалы на вѣчное владѣніе сс. Стольнымъ, Плешканами и Богданами. Въ 1740 г. онъ просилъ „для совершенной въ вѣчные часы твердости“ жалованной грамоты на эти села и получилъ ее [4]). Но такіе случаи являлись сравнительно рѣдкостью, по большей же части пожалованіе имѣній въ эту эпоху совершалось черезъ центральныя учрежденія и облекалось въ форму высочайшихъ указовъ.

При этомъ не всегда такія пожалованія давались за одну только службу. Такъ, въ 1741 г. именнымъ указомъ имп. Ивана Антоно-

[1]) Такъ, въ 1735 г. сенатомъ были утверждены мнѣнія генеральной войсковой канцеляріи объ опредѣленіи прилуцкому полковнику Галагану ранговыхъ маетностей, подобно другимъ полковникамъ, и о дачѣ миргородскому полковнику Павлу Апостолу „на урядъ“ сс. Балаклѣя, Зайчинецъ и Бѣлякова. Сенатскимъ указомъ 18 марта 1735 г. предписано было дать двумъ новымъ членамъ генеральнаго суда изъ великороссовъ по 50 дворовъ. Сенатскимъ указомъ 19 января 1742 г. предписывалось дать миргородскому полковому обозному Москову 57 „грунтовыхъ“ дворовъ на урядъ, но „по немъ, Московѣ, тѣхъ селъ другимъ, въ томъ урядѣ опредѣленнымъ, безъ указу изъ сенату не опредѣлять, ибо ему такое знатное число подданныхъ дается особливо за его службы“. Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Черниг. отд., № 1.521, лл. 177, 179, 178, 181—2.

[2]) Такъ, въ 1734 г. высочайшей резолюціей по докладу сената ирклѣевскому сотнику Славую Требинскому съ братьями пожаловано было 70 дв. въ Малороссіи. Въ 1737 г. состоялись указы кабинета министровъ кн. Барятинскому о назначеніи маетностей генеральному судьѣ Мих. Забѣлѣ и о дачѣ сотнику Гадяцкаго полка Бантышу 40 дв. изъ свободныхъ войсковыхъ деревень. Барановъ, назв. соч., II, №№ 4.918, 6.399 и 6.424.

[3]) Черниг. Губ. Вѣдомости, 1853 г., № 49, с. 456. Впрочемъ, мглинскіе мѣщане успѣли на этотъ разъ довольно скоро освободиться отъ отдачи въ ранговое „подданство“—см. Токмаковъ, Описаніе г. Мглина, с. 116.

[4]) А. Л., Генеральный писарь Андрей Безбородко, „Кіевская Старина“, 1890, № 1, с. 136. Данную Безбородку въ 1740 г. грамоту см. Румянц. Опись, хранящаяся въ б-кѣ кіевск. ун-та, Переяславскій полкъ Документы Гельмязовской сотни, т. II, № 10.

вича сотнику Лубенскаго полка М. Скаржинскому было пожаловано 20 дв. посполитыхъ въ Малороссіи въ вѣчное и потомственное владѣніе за его службу и „воспріятіе православной вѣры [1])". Въ томъ же году и другому лицу, поручику ландмилицкаго полка Андрею Мартинсу, „за воспріятіе имъ православныя вѣры греческаго исповѣданія", именнымъ указомъ пожаловано было въ вѣчное и потомственное владѣніе 20 дв. посполитыхъ въ с. Березоточѣ Лубенскаго полка [2]). Въ этомъ послѣднемъ случаѣ имѣніе въ Малороссіи было пожаловано лицу, не имѣвшему раньше къ ней никакого отношенія, но это не являлось какимъ-либо исключеніемъ, такъ какъ такого рода пожалованія и вообще продолжались въ эту эпоху въ очень широкихъ размѣрахъ, причемъ матеріаломъ для нихъ служили частью описныя, частью свободныя войсковыя села. Такъ, именнымъ указомъ 14 апрѣля 1738 г. генералъ-лейтенанту фонъ-Штофелю пожалованъ былъ въ вѣчное и потомственное владѣніе Мутинскій дворецъ съ 5 селами въ Нѣжинскомъ полку [3]). Большія имѣнія въ Малороссіи получилъ Минихъ и еще расширилъ ихъ путемъ самовольныхъ захватовъ. Эти имѣнія были оставлены за нимъ въ пожизненное владѣніе и послѣ увольненія его Анной Леопольдовной отъ службы [4]), но съ опалой, постигшей его въ моментъ воцаренія Елисаветы, были отписаны въ казну. Въ свою очередь тайный совѣтникъ Неплюевъ получилъ въ 1741 г. по именному указу Ивана Антоновича въ вѣчное и потомственное владѣніе Ропскую волость, сс. Рыковъ и Баклань [5]), Такого же рода пожалованія, только въ меньшихъ, конечно, размѣрахъ, получали подчасъ и очень невидные сравнительно люди. Такъ, въ то же царствованіе Ивана Антоновича въ 1740 г. состоялся именной указъ о пожалованіи нѣкоему секретарю Хризоскулѣеву въ вѣчное владѣніе с. Марчихиной Буды съ принадлежащими къ ней деревнями, а въ 1741 г. нѣкоей вдовѣ Еленѣ де-Гонопъ, вмѣсто назначенной ей пенсіи, пожалована была деревня въ Малороссіи, въ вѣчное же владѣніе [6]).

Свободныя поселенія Малороссіи окончательно обратились та-

---

[1]) Барановъ, назв. соч. III, № 8.617.

[2]) Тамже, № 8.484; Моск. Архивъ Мин. Юст., дѣла упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ, Дѣла б. Черниг. Палаты Уг. и Гр. Суда, оп. 17, св. 12, кн. 49, д. 50в., л. 715.

[3]) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Черниг. отд. № 8.261.

[4]) Барановъ, назв. соч., III, № 8.336. Между прочимъ, Минихъ, „для бывшей тогда его сильной власти" захватилъ ранговое имѣніе генеральнаго подскарбія с. Линовицу въ Прилуцкомъ полку. Въ 1742 г. подскарбій Скоропадскій жаловался на это и генеральный судъ постановилъ возвратить с. Линовицу на рангъ подскарбія. Моск. Архивъ Мин. Юст., дѣла упраздн. присутств. мѣстъ, Дѣла б. Черниг. Палаты Уг. и Гр. Суда, оп. 17, св. 7, кн. 37, д. 29, лл. 156—159 об.

[5]) Барановъ, назв. соч., III, № 8.556.

[6]) Тамже, №№ 8.245, 8.388.

кимъ образомъ къ этому времени въ глазахъ центральнаго правительства въ своего рода запасный земельный фондъ, изъ котораго оно считало себя въ правѣ создавать имѣнія не только для малорусской старшины, но и вообще для всякаго, кого оно хотѣло наградить за службу или за особыя заслуги. На этой почвѣ, между прочимъ, въ концѣ 30-хъ годовъ XVIII вѣка состоялось массовое надѣленіе имѣніями въ Малороссіи выселившихся въ Россію грузинскихъ князей и дворянъ. Эти грузинскіе князья и дворяне начали въ большомъ количествѣ выселяться въ Россію еще съ конца Петровскаго царствованія, послѣ бѣгства изъ Грузіи царя Вахтанга, и на первыхъ порахъ находились въ новыхъ мѣстахъ своего поселенія на содержаніи русскаго правительства, получая отъ него денежное жалованье и разнаго рода припасы. Въ 1738 г. они изъявили желаніе принять русское подданство и поступить на военную службу. Тогда имп. Анна предписала образовать изъ заявившихъ такое желаніе грузинъ особую гусарскую роту и, кромѣ жалованья, отвести имъ „для поселенія въ Украйнѣ въ пристойныхъ мѣстахъ деревни и земли изъ отписныхъ или другихъ какихъ казенныхъ деревень и земель въ вѣчное потомственное владѣніе каждому по пропорціи“: князьямъ предписывалось отводить по 30 дворовъ, дворянамъ по 10, а если у кого изъ князей во время получки дворовъ будутъ малолѣтніе сыновья, то на ихъ воспитаніе давать на каждаго по 5 дворовъ. Отведенные дворы можно было и продавать, но право преимущественной покупки ихъ сохранялось за казною: еслибы кто изъ грузинъ рѣшилъ продать полученное имѣніе, онъ долженъ былъ объявить объ этомъ генеральной войсковой канцеляріи, а послѣдняя, если предложенная покупщикомъ цѣна не превышала стоимости имѣнія, обязана была купить его на имѣвшіеся въ ея распоряженіи казенные доходы [1]). Такія имѣнія и были, дѣйствительно, отведены грузинскимъ князьямъ и дворянамъ въ четырехъ южныхъ полкахъ Малороссіи—Прилуцкомъ, Лубенскомъ, Миргородскомъ и Полтавскомъ—и въ результатѣ этого отвода, продолжавшагося втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ, немалое количество бывшихъ свободныхъ посполитыхъ оказалось въ „подданствѣ“ у новыхъ владѣльцевъ, ничѣмъ не связанныхъ съ той страной, въ которой они теперь поселились. Согласно сохранившимся архивнымъ вѣдомостямъ, къ 1744 г. роздано и намѣчено къ раздачѣ грузинамъ было 2.500 посполитскихъ дворовъ [2]). Въ дѣйствительности же, повидимому, число отошедшихъ во владѣніе грузинъ дворовъ было еще больше. По крайней мѣрѣ, въ 1764 г. малороссійское шляхетство считало во владѣніи грузинъ болѣе 5.000 дворовъ [3]).

Благодаря всѣмъ этимъ раздачамъ количество свободныхъ по-

[1]) П. С. З., X, № 7.545.

[2]) М. Плохинскій, Поселеніе грузинъ въ Малороссіи въ XVIII вѣкѣ, Харьковъ, 1893, сс. 6—7.

[3]) Кіевская Старина 1883 т. VI, с. 328.

селеній и „описныхъ“, т. е. отписанныхъ на государя, имѣній годъ отъ году быстро уменьшалось. Съ воцареніемъ Елизаветы правительство рѣшило составить опись всѣхъ такихъ имѣній и упорядочить управленіе ими. По представленію правившаго Малороссіей Бутурлина сенатъ 2 апрѣля 1742 г. предписалъ „къ смотрѣнію въ Малой Россіи всѣхъ описныхъ на ея императорское величество и имѣющихся въ той же Малороссіи свободныхъ маетностей учредить особливую коммиссію въ Глуховѣ“ изъ двухъ членовъ, одного великоросса и одного малоросса. Эта коммиссія, получившая названіе Коммиссіи Экономіи описныхъ на ея императорское величество малороссійскихъ маетностей, должна была припять въ свое завѣдываніе управленіе и доходы описныхъ и свободныхъ маетностей, имѣть объ этихъ маетностяхъ исправныя вѣдомости, „содержать оныхъ мужиковъ во всякомъ добромъ и порядочномъ смотрѣніи и защищеніи и ни до какихъ обидъ и налогъ и до владѣнія оными подданными и ихъ принадлежностями и ихъ самихъ въ надлежащія работы и въ другія употребленія отнюдь не допускать“. Въ этихъ видахъ вновь образованная коммиссія должна была отъ себя „во всѣхъ полкахъ къ тѣмъ войсковымъ свободнымъ маетностямъ опредѣлить особыхъ смотрителей, надежныхъ же людей“ [1]).

Учрежденіе Коммиссіи Экономіи не остановило и не замедлило однако процесса раздачи свободныхъ и описныхъ маетностей. Наоборотъ, при Елизаветѣ, благодаря близости къ ней А. Гр. Разумовскаго, этотъ процессъ въ первые же годы ея правленія пошелъ едва-ли не быстрѣе, чѣмъ въ непосредственно предшествовавшее ей время. Самому А. Гр. Разумовскому уже въ 1742 г. были пожалованы отобранные отъ Неплюева мм. Ропскъ и Баклань. Въ слѣдующемъ году Баклань была взята въ дворцовыя волости, но вмѣсто нея Разумовскій получилъ семь бывшихъ гетманскихъ мельницъ подъ Батуриномъ; кромѣ того, тогда же ему были даны изъ бывшихъ имѣній Миниха слободки Орчикъ и Карловка и с. Коломакъ въ Полтавскомъ полку и сс. Андреяшовка и Андреевка въ Лубенскомъ полку. Въ томъ же году Разумовскій получилъ грамоту на с. Куклинцы въ Полтавскомъ полку, причемъ оно, какъ и всѣ выше названныя имѣнія, было дано ему въ полную собственность [2]). Щедроты Елизаветы не обошли и родни ея любимца и дяди, двоюродные братья, зятья и шурья Разумовскаго, обратившіеся изъ простыхъ козаковъ въ бунчуковыхъ товарищей, также получили на свою долю деревни изъ описныхъ имѣній въ вѣчное владѣніе [3]). Щедро раздавала

[1]) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Черн. отд., № 13.218.

[2]) Барановъ, назв. соч., III, № 8.863, 9.029; Рум. Опись, хранящаяся въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 55; Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Полт. отд., Рум. Опись, св. 51.

[3]) Барановъ. назв. соч., III, №№ 9.932 и 9.413.

Елизавета имѣнія въ вѣчное владѣніе и членамъ малорусской старшины. Такъ, миргородскому полковому обозному Москову въ 1743 г. дано было четыре села въ Миргородскомъ полку, бунчуковому товарищу Горленку—м. Иваница въ Прилуцкомъ полку со 120 дв. посполитыхъ, полковнику Танскому въ 1744 г.—м. Мурафа съ населеніемъ въ 423 души, генеральному бунчучному Оболонскому—сс. Вишняки и Горошинъ, гадяцкому полковнику Галецкому—150 дв. свободныхъ посполитыхъ [1]). А наряду съ этими и съ другими, менѣе крупными, пожалованіями по прежнему жаловались имѣнія въ Малороссіи и постороннимъ для нея лицамъ. Такъ, въ 1742 г. ген.-маіору Стоянову пожалованъ былъ отписной послѣ Миниха Линовицкій хуторъ съ д. Мамаевкой, а въ слѣдующемъ году резолюціей императрицы по докладу сената велѣно было дать до 100 дворовъ изъ свободныхъ войсковыхъ маетностей полковнику сербскаго гусарскаго полка Ст. Витковичу [2]).

Въ одномъ изъ малорусскихъ архивовъ сохранилась любопытная вѣдомость, отразившая въ себѣ результаты этихъ раздачъ и позволяющая представить въ цифрахъ движеніе посполитскаго населенія за 1730—1752 гг. въ свободныхъ войсковыхъ поселеніяхъ всѣхъ 9 полковъ лѣвобережной Малороссіи за исключеніемъ Гадяцкаго, въ которомъ, какъ мы знаемъ, свободныхъ войсковыхъ селъ не было [1]). Данныя этой вѣдомости могутъ быть сведены въ такую таблицу:

Полки.	По ревизіи 1729—30 г.	По офиц. рев. 1743 г.	По ревизіи 1751 г.		Наличныхъ въ 1752 г	
Стародубовскій .	2.106 дв.	1.127 дв.	389 дв.	208 б. х.	144 дв.	166 б. х.
Черниговскій . .	938 „	701 „	672 „	4 „	589 „	4 „
Кіевскій	676 „	393 „	233 „	129 „	2 „	13 „
Нѣжинскій . . .	2.738 „	1.954 „	971 „	340 „	213 „	209 „
Прилуцкій . . .	3.445 „	1.723 „	736 „	845 „	126 „	186 „
Переяславскій .	2.055 „	990 „	763 „	250 „	345 „	70 „
Лубенскій . . .	4.446 „	1.090	1.139 „	376 „	271 „	76 „
Миргородскій . .	4.981 „	1.606 „	1.068 „	2.660 „	522 „	1.412 „
Полтавскій . . .	6.174 „	2.190 „	981 „	657 „	647 „	546 „
Итого . .	27.559 дв.	11.774 дв.	6.952 дв.	5.469 б. х.	2.859 дв.	2.682 б. х.

Какъ видно изъ этой таблицы, почти съ 28.000 дворовъ въ 1730 г. посполитское населеніе свободныхъ войсковыхъ маетностей уже къ 1743 г. опустилось почти до двѣнадцати тысячъ дворовъ, а къ 1752 г.—до 2.859 дворовъ и 2.682 бездворныхъ хатъ, уменьшившись за 22 года почти въ пять разъ и достигнувъ весьма небольшой уже и абсолютно цифры. Таковы были итоги развитія владѣльческихъ имѣній Малороссіи къ половинѣ XVIII столѣтія.

(*Окончаніе слѣдуетъ*). **В. Мякотинъ.**

---

[1]) Тамже, №№ 9.049, 9.132, 9.288, 9.331, 9.823.

[2]) Тамже, №№ 8.993, 8.916,

[3]) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Черниг. отд., № 1.672.

Мнѣніе мистера Джаксона о еврейскомъ вопросѣ.

Одно если не изъ самыхъ глубокихъ, то во всякомъ случаѣ изъ самыхъ выразительныхъ сужденій по еврейскому вопросу мнѣ довелось слышать на Атлантическомъ океанѣ отъ случайнаго спутника по путешествію. И хотя это было давно и человѣкъ, его произнесшій, былъ ничѣмъ не замѣчателенъ, тѣмъ не менѣе это сужденіе встаетъ въ моей памяти по разнымъ поводамъ, которые теперь такъ часты.

Это было именно въ 1904 году. Мы съ однимъ соотечественникомъ, тоже человѣкомъ пишущимъ, плыли на пароходѣ англо-американской компаніи „Cunard".

Наша каюта была маленькая и тѣсная. Освѣщалась она матовымъ свѣтомъ изъ иллюминатора, помѣщавшагося въ потолкѣ, служившемъ палубой. Въ ней было три койки и умывальникъ. Двѣ койки занимали мы съ товарищемъ, на третьей помѣщался господинъ, о которомъ мы прочитали въ корабельномъ спискѣ: „м-ръ Генри Джаксонъ, изъ Иллинойса".

Въ первые дни мы только это о немъ и знали. Подымался онъ очень рано, ложился поздно, весь день проводилъ внѣ кабины. Обыкновенно мы просыпались оттого, что къ глухому и мѣрному плеску океана за бортомъ корабля присоединялся болѣе близкій плескъ умывальника. При тускломъ свѣтѣ иллюминатора мнѣ съ моей верхней койки была видна высокая фигура, въ длинной, какъ саванъ, ночной рубахѣ, съ небольшой лысинкой на макушкѣ. Изъ деликатности онъ не зажигалъ электричества, справлялъ туалетъ въ полутьмѣ очень тихо и только не могъ отказать себѣ въ удовольствіи нѣсколько фыркать, когда полоскался въ струѣ холодной воды изъ умывальника. Затѣмъ онъ опять нырялъ на свою койку и возился тамъ нѣкоторое время тихо и осторожно; потомъ—легкій скрипъ двери и длинная фигура выскальзывала изъ кабины.

Мы очень интересовались личностью сосѣда-незнакомца: это былъ первый американецъ, съ которымъ насъ такъ близко сводила судьба. Мы не могли даже разглядѣть его лица и днемъ напрасно старались угадать его въ международной толпѣ джентльменовъ, сновавшихъ по палубѣ нашей „Ураніи“, полулежавшихъ въ лонгшезахъ, садившихся за столы во время лёнчей, обѣдовъ и ужиновъ, утопавшихъ въ дыму сигаръ въ smoking-room'ѣ. Эта неуловимость дѣлала личность спутника загадочной и интересной, и мы выбирали въ званіе „нашего“ американца то того, то другого изъ американскихъ джентльменовъ средняго возраста. При этомъ, конечно, мы намѣчали кандидатами наиболѣе интересныя и наиболѣе типичныя фигуры.

„Уранія“ давно была въ океанѣ, когда однажды мой товарищъ сказалъ мнѣ наконецъ:

— Я узналъ, который американецъ—„нашъ“... Вотъ онъ идетъ сюда, смотрите.

Вдоль борта приближался долговязый господинъ съ маленькой толстой дамой.

Я испыталъ невольное разочарованіе: и онъ, и она были какъ разъ самые неинтересные изъ всѣхъ пассажировъ перваго класса на „Ураніи“. На пароходѣ ѣхала какая-то полу-европейская, полу-экзотическая труппа для гастролей въ Америкѣ. Въ центрѣ ея были двѣ очень красивыя креолки, успѣвшія уже составить громкое имя въ Европѣ. Около нихъ группировались нѣсколько звѣздочекъ меньшаго блеска, и все созвѣздіе привлекало респектабельное вниманіе кавалеровъ разныхъ націй. Вскорѣ намѣтились нѣсколько паръ, совершавшихъ вращеніе по палубѣ „Ураніи“ вмѣстѣ... Въ томъ числѣ былъ и долговязый господинъ съ коротенькой, очень вульгарной дамой, имѣвшей видъ камеристки или дуэньи. Когда они проходили мимо другихъ паръ,—порой можно было замѣтить слегка ироническіе взгляды и тонкія улыбки. Но „нашъ американецъ“ имѣлъ видъ очень самодовольный, даже отчасти побѣдительный.

Мой товарищъ, хорошо владѣвшій англійскимъ языкомъ, вскорѣ завязалъ нѣсколько знакомствъ. Особенно часто я видѣлъ его бесѣдующимъ съ „нашимъ американцемъ“ въ тѣ часы, когда послѣдній бывалъ свободенъ отъ своихъ кавалерскихъ обязанностей. Вскорѣ мы ознакомились съ главнѣйшими чертами его жизни.

Оказалось, что въ молодости онъ перебралъ много профессій, пока на одной ему повезло. Онъ сталъ состоятельнымъ рантье, отлично пристроилъ двухъ сыновей, овдовѣлъ и рѣшилъ использовать въ свое удовольствіе осталь-

ную часть жизни, начавшейся среди тяжелаго труда и многихъ превратностей. Свое время онъ проводилъ въ путешествіяхъ отъ одного сына къ другому, отдыхая у себя въ отлично устроенномъ домѣ въ Чикаго... „Во время путешествій часто попадаются интереснѣйшія встрѣчи и приключенія... Не правда-ли?"... И онъ кидалъ лукаво-побѣдительный взглядъ въ сторону своей артистической дамы.

Узнавъ, что мы русскіе писатели, онъ сразу рѣшилъ, что мы ѣдемъ въ качествѣ корреспондентовъ на выставку.

— О, да! Въ мои трудные дни я ѣлъ хлѣбъ и изъ этой печи,—сказалъ онъ съ довольнымъ видомъ.—Есть много занятій, болѣе респектабельныхъ и доходныхъ... Но человѣкъ пробуетъ все. Я могу дать вамъ хорошій совѣтъ. На первомъ поѣздѣ, который повезетъ васъ вглубь страны, вы увидите молодого парня, который предложитъ вамъ купить иллюстрированный гидъ. Не жалѣйте полдоллара и покупайте такіе гиды почаще. Въ нихъ вы найдете прекрасныя описанія достопримѣчательныхъ мѣстностей, составленныя настоящими мастерами. Вы можете черпать оттуда щедрой рукой. Даже мы, американцы, не можемъ знать всѣхъ нашихъ гидовъ, а въ Россіи... Ха-ха! Еще не доѣхавъ до Чикаго, вы уже сдѣлаете тысячи строкъ... Ваши читатели будутъ довольны, редакторъ тоже, а вы легко заработаете вашъ гонораръ... Что?.. Не правда ли?..

— Мы очень признательны вамъ, сэръ,—съ иронической вѣжливостью отвѣтилъ мой товарищъ и прибавилъ по-русски:—свинья въ ермолкѣ... Онъ увѣренъ, что облагодѣтельствовалъ насъ своимъ совѣтомъ.

У моего товарища была сильная юмористическая складка и онъ каждый день передавалъ мнѣ какой-нибудь новый эпизодъ, характерное сужденіе или разсказъ изъ прошлаго „нашего американца". Порой онъ вынималъ записную книжку и дѣлалъ видъ, что почтительно заноситъ въ нее особенно удачные пассажи изъ этихъ поучительныхъ бесѣдъ. И при этомъ говорилъ мнѣ по-русски:

— Онъ глубоко увѣренъ, что Америка лучшая страна въ мірѣ, Иллинойсъ лучшій штатъ въ Америкѣ, его кварталъ лучшій кварталъ въ городѣ, а его домъ—лучшій домъ этого квартала... Теперь онъ увѣряетъ, что Чикаго давно уже переросъ Нью-Іоркъ и является первымъ городомъ въ мірѣ. Постойте... вотъ идетъ еще одинъ. Этотъ изъ Нью-Іорка...

Онъ остановилъ шедшаго мимо джентльмена и сталъ знакомить американцевъ.

— Мистеръ Джаксонъ изъ Иллинойса, мистеръ Карсонъ

изъ Нью-Іорка...—Затѣмъ наивнымъ тономъ недоумѣвающаго человѣка онъ спросилъ:

— Вы говорили мнѣ, что Нью-Іоркъ первый городъ въ мірѣ. А вотъ мистеръ Джаксонъ утверждаетъ, что Чикаго въ послѣднія десять лѣтъ по количеству населенія далеко оставилъ за собой Нью-Іоркъ. По его словамъ, въ Чикаго столько-то милліоновъ жителей.

Мой товарищъ слегка откинулся на спинку своего кресла и съ видимымъ любопытствомъ посмотрѣлъ на обоихъ американцевъ.—„Сейчасъ будетъ бой пѣтуховъ“—сказалъ онъ мнѣ по-русски и насмѣшливая складочка зазмѣилась подъ его усами.

Мистеръ Карсонъ выпрямился. Его брови сдѣлали нетерпѣливое движеніе, но тотчасъ же лицо приняло выраженіе вѣжливаго спокойствія и, слегка приподнявъ шляпу, онъ сказалъ:

— Весьма возможно... Этотъ джентльменъ, навѣрное, считаетъ вмѣстѣ съ населеніемъ чикагскихъ кладбищъ.

И, поклонившись, онъ прослѣдовалъ дальше, оставивъ чикагца съ разинутымъ ртомъ, съ котораго не успѣло сорваться возраженіе... Потомъ онъ быстро поднялся и пошелъ вдоль палубы... Мой товарищъ провожалъ его улыбающимися глазами...

— Совершенные попугаи,—сказалъ онъ.—Колокольный патріотизмъ въ самой наивной формѣ... Еще Диккенсъ отмѣчалъ эту черту американцевъ...

Такъ шло и дальше. Мой лукавый соотечественникъ умѣло интервьюпровалъ свою жертву, продолжая черта за чертой раскрывать смѣшныя стороны янки. Слабостей оказалось много; интересовавшій насъ мистеръ Джаксонъ оказывался весьма посредственнымъ во всѣхъ отношеніяхъ субъектомъ съ наивно буржуазнымъ міросозерцаніемъ. И мы, двое русскихъ наблюдателей, предавались характерному загранично-русскому злорадству. Вотъ они, хваленые сыны заатлантической республики...

Однажды я опять засталъ моего товарища и мистера Джаксона за разговоромъ. Океанъ слегка волновался. Дамы на палубу не выходили, мистеръ Джаксонъ былъ свободенъ и, видимо, въ ударѣ. Онъ говорилъ очень оживленно. Мой спутникъ держалъ въ рукахъ записную книжку и на его лицѣ играла лукаво почтительная улыбка...

— Мы обсуждаемъ еврейскій вопросъ,—сказалъ онъ.—Мистеръ Карсонъ, четверть часа назадъ, похвалилъ евреевъ и теперь „нашъ“ не можетъ успокоиться. Онъ поучаетъ меня аргументами, точно сейчасъ выхваченными изъ нашихъ уличныхъ газетокъ... Продолжайте, сэръ, — почти-

тельно обратился онъ къ собесѣднику. — Все, что вы говорите, такъ ново и интересно...

Мистеръ Джаксонъ, которому льстило почтительное вниманіе наивнаго русскаго, продолжалъ свои поученія... Въ то время дѣла Бейлиса еще не было... Но, кромѣ „ритуала", весь остальной жаргонъ нашихъ антисемитскихъ листковъ былъ на лицо: „еврейскій характеръ" рисовался самыми ужасными чертами.

На дальнемъ концѣ нашей палубы раздался пронзительный звукъ гонга, звавшаго къ лёнчу...

— Благодарю васъ, сэръ,—сказалъ мой товарищъ.—Я съ большимъ удовольствіемъ ознакомился съ высказанными вами взглядами и увѣренъ, что все это будетъ чрезвычайно ново для нашей прессы... У меня остается еще немного времени для послѣдняго вопроса...

— Что еще вамъ угодно знать? — спросилъ Джаксонъ.

— Дѣло за выводомъ изъ этой поучительной бесѣды. Итакъ, безъ сомнѣнія, вы стоите противъ равноправія евреевъ?.. Вы желали бы закрыть для евреевъ границу?.. Живущихъ уже у васъ ограничить въ правахъ?.. Напримѣръ, установить черту, дальше которой они не могли бы селиться?..

По мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, брови американца приподымались, образуя острый уголъ, и онъ смотрѣлъ на говорившаго съ видомъ такого сожалѣнія, что тотъ немного смѣшался.

— Откуда вы заключаете все это?—спросилъ Джаксонъ холодно и нѣсколько сурово.

— Но... вѣдь вы такъ не любите евреевъ...

Завываніе гонга стало приближаться къ нашему концу. Мистеръ Джаксонъ поднялся и, застегивая свое пальто, сказалъ...

— Одно изъ другого не слѣдуетъ. Вы сдѣлали плохой силлогизмъ: заключеніе не соотвѣтствуетъ посылкѣ.

— Но, сэръ...

— Я не люблю этого народа, это вѣрно. Но изъ этого не слѣдуетъ, что я требую ограниченія правъ...

И, подумавъ мгновеніе, какъ будто подыскивая для насъ наиболѣе понятную форму объясненія, онъ продолжалъ:

— Вотъ насъ зовутъ къ столу... Долженъ сказать вамъ, сэръ, что я терпѣть не могу зеленаго горошку... Таковъ мой личный вкусъ. Но изъ этого, русскіе джентльмены, никакъ не слѣдуетъ, что я вправѣ требовать, чтобы зеленаго горошку не подавали къ столу... Можетъ быть, другіе любятъ...

И, выпрямившись еще болѣе, онъ прибавилъ:

— Что касается остального, то... Какъ американецъ, я чувствовалъ бы себя оскорбленнымъ еслибы были

неполноправные граждане въ моемъ отечествѣ... Чтобы, напримѣръ, житель Кентукки не имѣлъ права свободно дышать воздухомъ Иллинойса... Боже мой! Что за идея!..

И онъ пошелъ вдоль борта, прямой и вытянутый, и во всей его фигурѣ чувствовалось что-то особенное. Какъ будто онъ дѣйствительно былъ оскорбленъ. Встрѣтивъ у выхода изъ курилки мистера Карсона, своего недавняго антагониста изъ Нью-Іорка, онъ дружелюбно взялъ его подъ руку и сталъ что-то оживленно сообщать ему. По тому, какъ тотъ повернулся въ нашу сторону, можно было догадаться, что они говорятъ о насъ, русскихъ, дѣлающихъ несоотвѣтствующіе выводы изъ посылокъ.

Мы переглянулись. Полминуты пробѣжало въ смущенномъ молчаніи. Потомъ мы оба засмѣялись...

— Rira bien, qui rira le dernier. Надо признаться, послѣднимъ смѣется на этотъ разъ „нашъ" плохенькій американецъ, — сказалъ мой насмѣшливый товарищъ...—И замѣтили вы, какое у него въ эту минуту было лицо...

Да, положительно умное... Можетъ быть потому, что устами нашего плохенькаго американца говорили въ эту минуту опытъ и мудрость великаго народа, у котораго есть уже твердо выработанныя аксіомы...

— А негры, — нерѣшительно и задумчиво сказалъ мой товарищъ.

— Что-жъ... Негры—„черный горошекъ", котораго терпѣть не могутъ американцы. Но это область нравовъ, а передъ закономъ негры все-таки равноправны... Любить, не любить... это неуловимо и капризно, а справедливость обязательна, какъ аксіома...

Входя въ обѣденный залъ, я чувствовалъ нѣкоторую неловкость... Какъ будто всѣ американскіе взгляды должны были повернуться на насъ, представителей націи, не знающей еще правовыхъ аксіомъ, которые дѣлаютъ дѣтски неправильные выводы изъ посылокъ...

Но это была ошибка. За столами стоялъ обычный шорохъ, стукъ тарелокъ, вилокъ, ножей, звонъ стакановъ, сдержанные разговоры. „Нашъ американецъ" сидѣлъ рядомъ со своей смѣшной Дульцинеей и видъ у него былъ опять фатовской и самодовольный.

Но мнѣ казалось, что въ эти будни пароходнаго табльдота вошло для меня что-то неуловимое и значительное, что легко можетъ измѣнить видъ этой разнохарактерной толпы, какъ измѣнилось лицо „нашего американца" въ концѣ разговора.

И дѣйствительно, черезъ нѣсколько недѣль мнѣ пришлось присутствовать при одномъ изъ тѣхъ порывовъ обще-

ственнаго мнѣнія, которые проносятся порой, какъ порывъ бури надъ зыбью океана... Очень много смѣшнаго въ будничномъ тонѣ американскихъ газетъ, въ ихъ погонѣ за сенсаціей и рекламой, въ ихъ мелочныхъ интервью... Но тутъ вдругъ все это отодвинулось, и господствующая нота американской прессы стала глубока и значительна. Изъ-подъ суеты дня въ передовицахъ, въ статьяхъ, въ рѣчахъ ораторовъ на митингахъ то и дѣло звучали голоса прошлыхъ поколѣній, строившихъ въ этой странѣ основы свободы и права, голоса Линкольновъ, Гаррисоновъ и Дэвисовъ...

Поводомъ опять былъ еврейскій вопросъ и незнаніе аксіомъ, проявленное одной изъ націй стараго континента. И я думалъ, что, быть можетъ, гдѣ-нибудь въ своемъ кварталѣ мистеръ Джаксонъ, „не любящій зеленаго горошка",—произноситъ или, по крайней мѣрѣ, сочувственно выслушиваетъ рѣчи объ аксіомахъ человѣческаго права и вотируетъ сотвѣтственныя резолюціи...

Потому что онъ твердо знаетъ, что „любовь" капризна. Она, какъ благодать, вѣетъ, идѣ-же хощетъ... А справедливость обязательна, какъ воздухъ...

Вл. Короленко.

Безъ вины виноватые.

— Не хотите ли посмотрѣть на выселенцевъ? — предложила Софья Владиміровна.

Мнѣ, какъ гостю, пріѣхавшему издалека, желали показать все, что есть въ городѣ достопримѣчательнаго. Но у меня совсѣмъ нѣтъ жилки туриста и къ достопримѣчательностямъ я вообще довольно равнодушенъ. Въ настоящій же разъ и вовсе не было охоты ихъ осматривать. Я пріѣхалъ въ Полтаву, чтобы повидаться съ В. Г. Короленкомъ послѣ долгой разлуки, пріѣхалъ всего лишь на три дня и склоненъ былъ все это время безвыходно провести въ его квартирѣ. Однако за предложеніе С. В. я сразу ухватился. на эту „достопримѣчательность", хотя бы мелькомъ, взглянуть необходимо.

Читатели, вѣроятно, уже догадались, о какихъ выселенцахъ въ данномъ случаѣ шла рѣчь. Это—евреи, подвергшіеся массовому выселенію изъ нѣкоторыхъ мѣстностей, прилегающихъ къ нашему фронту. Для жительства имъ назначены четыре губерніи, лежащія въ чертѣ осѣдлости, въ томъ числѣ и Полтавская. Въ частности, въ Полтавѣ, когда я былъ тамъ, такихъ выселенцевъ скопилось около $2^1/_2$ тысячъ. О нихъ мнѣ уже приходилось читать и слышать, а теперь представился случай и лично увидѣть.

С. В. переговорила, съ кѣмъ слѣдуетъ, и на слѣдующій день за нами заѣхалъ находившійся въ это время въ Полтавѣ уполномоченный петроградскаго еврейскаго комитета, г. Викторовъ, чтобы вмѣстѣ отправиться къ выселенцамъ. Съ г. Викторовымъ, какъ оказалось, мы уже встрѣчались,—на учительскомъ съѣздѣ 1906 г. Онъ и до сихъ поръ учительствуетъ въ одномъ изъ городковъ сѣверо-западнаго края. Но сейчасъ всецѣло поглощенъ выселенцами.

— Бросилъ и школу, какъ разразилась эта бѣда, — сказалъ онъ,—другіе ужь за меня окончили занятія... Ѣзжу, вотъ, устраиваю. Былъ въ Черниговской губерніи, теперь здѣсь живу уже недѣлю... Все никакъ не удается наладить дѣло...

Выселенцы въ Полтавѣ размѣщены почти поровну въ двухъ мѣстахъ: одна половина—въ талмудъ-торѣ и на прилегающемъ къ

ней участкѣ, другая—въ казармахъ Маляровича. Рѣшили отправиться сначала въ казармы. Меня заинтересовало ихъ названіе. Оказалось, что это — частныя зданія, раньше были конюшнями, потомъ передѣланы въ казармы и теперь арендуются городомъ. Послѣдній уступилъ ихъ подъ выселенцевъ, но только на время. Скоро ихъ будутъ ремонтировать и теперешнихъ обитателей необходимо устроить какъ-нибудь иначе.

По дорогѣ г. Викторовъ спѣшилъ подѣлиться со мной своими свѣдѣніями о полтавскихъ выселенцахъ. Прежде всего онъ сообщилъ статистическія о нихъ данныя. По переписи, произведенной недавно, ихъ оказалось 2.357. Въ значительной части это—выселенцы изъ Ковенской губерніи. Видную группу составляютъ также галиційскіе евреи. Какъ извѣстно, при отходѣ нашихъ войскъ изъ Галиціи было отдано распоряженіе вывести боеспособное населеніе, „за исключеніемъ евреевъ". Но прежде еще начали выселять въ Россію именно евреевъ и притомъ сплошь, не различая пола и возраста. Когда послѣдовало только что упомянутое распоряженіе, они оказались уже за линіей отходящихъ войскъ, дѣвать ихъ было некуда и ихъ гнали пѣшкомъ 150 верстъ, а потомъ посадили въ поѣзда и развезли по городамъ еврейской осѣдлости. Такимъ путемъ часть ихъ оказалась и въ Полтавѣ. Кромѣ галиційскихъ и ковенскихъ евреевъ, составляющихъ главную массу, встрѣчаются здѣсь также выселенцы изъ другихъ мѣстъ сѣверо-западнаго края, изъ Курляндіи и изъ Польши,— даже изъ западной, давно уже занятой непріятелемъ. Эти послѣдніе выселенцы, очевидно, уже не въ первый разъ вынуждены были перемѣнить мѣсто своего жительства. Можетъ быть, сначала они были бѣженцами, а потомъ оказались выселенцами. Но возможно и то, что ихъ сначала выселили изъ западной Польши, а потомъ и оттуда, гдѣ они нашли себѣ пристанище.

Та же участь—новое выселеніе — едва не постигла и всѣхъ выселенцевъ, нахлынувшихъ въ Полтаву. Мѣстный губернаторъ, г. Багговутъ, уже возбудилъ вопросъ о выселеніи ихъ въ Пензенскую губернію. Едва-ли нужно говорить, какой былъ бы ужасъ, еслибы этихъ обнищавшихъ, истощенныхъ и растерявшихся людей погнали въ новое мѣсто, — притомъ въ губернію, гдѣ нѣтъ мѣстнаго еврейскаго населенія и гдѣ даже позаботиться о нихъ было бы некому. Къ счастію, усиленными хлопотами это удалось предотвратить и изъ Петрограда пришло распоряженіе оставить выселенцевъ въ Полтавѣ. Тогда губернаторъ 45 человѣкъ изъ нихъ выслалъ на основаніи положенія о чрезвычайной охранѣ. На-дняхъ ихъ только отправили...

Половой и возрастный составъ выселенцевъ, какъ показала перепись, очень далекъ отъ нормальнаго. Достаточно сказать, что женскаго пола (1.619) въ два слишкомъ раза больше, чѣмъ мужского (738 душъ). Очень великъ также процентъ дѣтей, стариковъ

и старухъ. Есть очень древніе,—троимъ больше 100 лѣтъ. Выше нормальнаго и процентъ одиночекъ,—ихъ оказалось больше 200 человѣкъ. Остальные прибыли семьями, каковыхъ насчитано 456. Но семьи во многихъ случаяхъ неполныя. Въ суматохѣ, въ какой происходило выселеніе, очень многіе растеряли своихъ близкихъ. Такъ, дѣтей потеряли 30 семей, отцовъ—6, мужей—8, женъ—3, всю семью растеряли—14 человѣкъ. А кромѣ того члены 36 семей прямо выселены были въ разныя губерніи. Въ крѣпостное время нельзя было продавать семьи враздробь, а выселять такъ и теперь можно...

Само собой понятно, что многія семьи не полны вслѣдствіе мобилизаціи. Такихъ семей насчитано 64, изъ ихъ состава находятся на войнѣ 72 человѣка. Къ „семьямъ запасныхъ" у насъ относятся вообще съ особою заботливостью, прилагаютъ всѣ усилія, чтобы поддержать ихъ и ихъ хозяйства. Ну, а этимъ выпала иная доля...

Возможно, что объ этомъ даже не подумали. Выселяли вѣдь всѣхъ сплошь. Выселяли тяжело больныхъ, — среди здѣшнихъ выселенцевъ такихъ было 18 человѣкъ и еще трое умерли въ дорогѣ. Выселяли находившихся въ богадѣльнѣ (здѣсь ихъ трое), слѣпыхъ (шестеро), нѣмыхъ (четверо), умалишенныхъ (четверо)... Въ этомъ, между прочимъ, ужасъ массоваго выселенія: страдаютъ не только неповинные, но и завѣдомо не могущіе быть виновными въ томъ, отъ чего желаютъ уберечься. Ну, а дѣти—младенцы, не могущіе отличить правой руки отъ лѣвой,—развѣ они могли быть опасны? Между тѣмъ на нихъ-то тяжелѣе всего и отзовется эта передряга. Многія и многія изъ нихъ поплатятся жизнью...

Сейчасъ среди выселенцевъ и въ талмудъ-торѣ, и въ казармахъ свирѣпствуетъ корь,—въ очень тяжелой формѣ. Много дѣтей умираетъ. Кромѣ кори, прокралась и другая инфекція—оспа. На дняхъ въ талмудъ-торѣ почти одновременно заболѣло ею шесть человѣкъ. Заболѣвшихъ, конечно, отправили въ больницу, произвели дезинфекцію,—можетъ быть, и удастся предотвратить дальнѣйшія заболѣванія. Но при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ живутъ выселенцы, эпидемій приходится бояться все время. Да и помимо эпидемій больныхъ очень много: народъ все—истощенный, обстановка прямо антигигіеническая, а тутъ еще жара, которую такъ плохо переносятъ дѣти.

Въ значительной своей части выселенцы принадлежатъ, конечно, къ малоимущему классу. Извѣстно вѣдь, какая масса бѣдноты ютится въ мѣстечкахъ еврейской осѣдлости. Но общей участи не избѣгли и зажиточные люди. У многихъ были свои дома, торговыя и ремесленныя предпріятія. Какъ выяснилось изъ переписи, переселенцами оставлено на мѣстѣ всякаго рода иму-

щества на 938.000 р.,—почти на милліонъ. Но все это брошено на произволъ судьбы; если и удалось кому что ликвидировать, то продавали впопыхахъ, за безцѣнокъ...

На мѣстѣ кое-какъ жили; иные, вѣроятно, и недурно жили;—ну, а теперь всѣмъ нужна общественная помощь. Въ Полтавѣ, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, образовался съ этой цѣлью особый еврейскій комитетъ. Онъ расходуетъ на выселенцевъ до 6.000 руб. въ мѣсяцъ, но этого мало, очень мало. По смѣтѣ, составленной на ближайшій мѣсяцъ, расходъ исчисленъ въ 13 тысячъ,—семь тысячъ обѣщалъ отпустить петроградскій комитетъ.

Городское управленіе до сихъ поръ относилось къ выселенцамъ безучастно,—лишь въ послѣднемъ засѣданіи городская дума ассигновала на это 2.000 руб. Имѣется въ Полтавѣ отдѣленіе Татіанинскаго комитета, который, какъ извѣстно, поставилъ своей задачей помогать мирному населенію, пострадавшему отъ войны, и объявилъ, что будетъ дѣлать это безъ различія вѣроисповѣданія и національности. Но въ мѣстномъ отдѣленіи предсѣдательствуетъ губернаторъ, а онъ евреевъ-выселенцевъ исключаетъ. На дняхъ для помощи выселенцамъ прибылъ въ Полтаву Пироговскій отрядъ, снаряженный при содѣйствіи Вольнаго Экономическаго общества. Онъ уже открылъ больничку, въ которую взялъ пока десять наиболѣе тяжелыхъ больныхъ. Устроенъ также дѣтскій очагъ, въ которомъ находятъ себѣ дневной пріютъ около сотни дѣтей. Ежедневно утромъ ихъ туда отводятъ, а вечеромъ они возвращаются въ казармы. Сначала родители отпускали ихъ туда съ опаской, но теперь дѣлаютъ это очень охотно. Дѣти же прямо рвутся туда: при очагѣ есть садъ, дѣтей тамъ кормятъ, играютъ съ ними, занимаются... Словомъ, это налажено.

Но вообще-то, хотя выселенцы находятся здѣсь уже третій мѣсяцъ, дѣло плохо клеится. Главное, не хватаетъ людей, которые отдали бы ему свои силы. Молодежь оказалась здѣсь почему-то почти отстраненной, а солидные люди, которые входятъ въ составъ комитета, недостаточно подвижны. Они засѣдаютъ, обсуждаютъ вопросы, а дѣло не двигается. Впрочемъ, теперь, кажется, сорганизовались. Учредили рядъ спеціальныхъ коммиссій: одна займется розысками потерянныхъ родственниковъ и вообще сношеніями съ другими мѣстностями, другая —будетъ пріискивать работу и т. д.

— Но главное сейчасъ—говорилъ г. Викторовъ—квартирный вопросъ. Это прежде всего. Необходимо, во что бы то ни стало, вывести ихъ изъ казармъ, хотя бы разрѣдить нѣсколько. Мы уже рѣшили выдавать квартирное пособіе по 1 р. 50 к. въ мѣсяцъ на человѣка. Завтра объ этомъ будутъ расклеены объявленія... Пока же они остаются здѣсь, ничего сдѣлать нельзя. Прямо руки опускаются, голова идетъ кругомъ... Ну, да вы сами это увидите... Вотъ и казармы!.

Казармы Маляровича расположены на крутомъ спускѣ, который отъ города ведетъ къ р. Ворсклѣ и лежащему за ней вокзалу Харьково-Николаевской ж. д. Естественно, что весь участокъ покатый. Мы вошли въ ворота. Вправо отъ нихъ, по нижнему краю участка, идутъ вглубь двора низкія, находящіяся въ одной связи между собою, сараеподобныя зданія; это—казармы. Налѣво отъ воротъ—двухэтажный домъ, выходящій фасадомъ на улицу. Вѣроятно, это раньше былъ трактиръ или постоялый дворъ. Похоже, что въ нижнемъ этажѣ помѣщались кладовыя; по крайней мѣрѣ, когда казармы были заняты войсками, тутъ были цейхгаузы. Теперь эти помѣщенія набиты выселенцами. За домомъ во дворѣ небольшая постройка—отдѣльная кухня.

Дворъ представляетъ изъ себя неприглядный пустырь, изрытый и поросшій въ верхней своей части бурьяномъ; ни деревца, ни кустика,—хотя въ Полтавѣ всюду масса зелени. Въ нижней части двора вдоль всѣхъ казармъ протянулась лужа съ застоявшейся водой. Вода застоялась—какъ объяснили намъ—послѣ бывшихъ въ предыдущіе дни ливней. Но сюда же стекаетъ и вода изъ-подъ находящагося посрединѣ двора водопроводнаго крана, если что-либо моютъ подъ нимъ. Если не лужа, то болотце около казармъ, несомнѣнно, остается все время. Въ лужѣ видны картофельные очистки и другіе отбросы, явно уже загнившіе...

По срединѣ двора, параллельно казармамъ, протянулся небольшой обрывчикъ,—быть можетъ, искусственно даже сдѣланный. Въ немъ выкопанъ рядъ маленькихъ печурокъ,—правильнѣе, очажковъ, съ боковымъ и верхнимъ отверстіями. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ очажковъ разведенъ огонь и около нихъ суетятся выселенцы.

До крайности странной казалась эта картинка въ губернскомъ городѣ; какъ будто тутъ становище какого-нибудь дикаго племени...

— Это они пищу себѣ тутъ готовятъ,—пояснилъ г. Викторовъ.—Комитетъ отпускаетъ каждому $1^1/_2$ ф. хлѣба и супъ съ мясомъ, кромѣ того чай дается безъ ограниченія. Но этого мало, конечно, и вотъ они тутъ себѣ въ горшечкахъ стряпаютъ, кто что можетъ... Со стиркой вотъ скверно,—прибавилъ онъ:—совсѣмъ стирать негдѣ. Ну, а это—какая же стирка?!

И онъ указалъ на нѣсколько штукъ цвѣтного бѣлья, сушившагося на солнцѣ. Кто-то ухитрился выстирать его подъ водопроводнымъ краномъ, прибавивъ такимъ путемъ и мыльныхъ помоевъ въ вонючую лужу...

Мы перепрыгнули черезъ эту лужу и вошли въ одну изъ казармъ. Но при входѣ, внутри, сразу же наткнулись на другую лужу еще болѣе грязныхъ помоевъ.

— Это что такое?—воскликнулъ г. Викторовъ. Онъ перекинулся нѣсколькими словами на жаргонѣ съ ближайшими изъ вы-

селенцевъ и объяснилъ намъ:—Видите ли, въ этой казармѣ мыли полъ сегодня. Ну, вотъ, каждый вымылъ доски, которыя противъ его наръ. А эта часть пола—общая, всѣ тутъ ходятъ. Сюда согнали всѣ помои, а мыть никто не хочетъ...

— Но неужели же нельзя было бы ихъ нѣсколько дисциплинировать? Сорганизовать какъ-нибудь, — напримѣръ, въ десятки, назначить дежурныхъ...

Г. Викторовъ безнадежно махнулъ рукой.

— Дежурные есть, но толка отъ нихъ мало... Еслибы вы знали, какъ трудно уговорить хотя бы тотъ же полъ вымыть! Одна изъ работающихъ здѣсь волонтерокъ уже къ такому средству какъ-то прибѣгла: притащила ведро и начала сама мыть. Тогда только устыдились и взялись за дѣло... Развѣ такихъ можно дисциплинировать?—И онъ обвелъ глазами казарму.

Мой взоръ упалъ на ветхую старуху, которая, сидя на нарахъ и держа горшечекъ между колѣнями, чистила трясущимися руками картофель. Очистки у нея падали на платье и съ него сыпались на только что вымытый полъ... Такую, дѣйствительно, уже поздно, пожалуй, дисциплинировать: не легко было бы втолковать ей правила гигіены и совершенно новой для нея формы общежитія, а еще труднѣе, быть можетъ, было бы требовать отъ нея работы на другихъ, совершенно чужихъ ей людей, когда она сама, явно, нуждается въ уходѣ...

Вокругъ казармы идутъ нары; середина тоже занята двусторонними нарами. Нары—неровныя, не то черезъ-чуръ старыя, не то небрежно, кое-какъ сдѣланныя. Разсчитаны онѣ, очевидно, были на роту, но выселенцевъ помѣщается на нихъ гораздо больше. Тутъ они и спятъ всѣ въ повалку: дѣти, мужчины, женщины,—свои и чужіе. И такъ живутъ уже третій мѣсяцъ...

На нарахъ груды постельныхъ принадлежностей, до-нельзя грязныхъ. У многихъ они имѣютъ видъ какого-то тряпья и хлама. Кое у кого видны подъ нарами сундучки и корзины. Попадаются и всякія другія вещи, порой совершенно неожиданныя. Вотъ, напримѣръ, довольно большая бензиновая кухня. Быть можетъ, захватили ее, какъ одну изъ наиболѣе цѣнныхъ вещей въ домѣ...

Народу въ казармѣ не очень много: часть публики на дворѣ, другіе—ушли въ городъ на работу или въ поиски за нею; дѣти уведены въ очагъ, хотя и тутъ ихъ еще довольно. Кое-кто спитъ на нарахъ...

— Меня удивляло сначала,—говоритъ г. Викторовъ—почему они и днемъ спятъ. Но оказывается, что вечеромъ, когда соберутся всѣ, тутъ творится нѣчто невообразимое: шумъ, плачъ, ругань... Иной разъ до двухъ-трехъ часовъ не могутъ угомониться...

Мужчинъ въ рабочемъ возрастѣ совсѣмъ мало. Но мы сразу

наткнулись на двоихъ молодыхъ парней, слонявшихся безъ дѣла по казармѣ.

— Вы почему работы не ищете? чѣмъ вы дома занимались?— обратился къ нимъ г. Викторовъ.

Оказалось, что въ своихъ мѣстахъ они были ломовыми извозчиками, а здѣсь никакъ не могутъ найти себѣ подходящаго дѣла. Нашли было работу на одной изъ мельницъ, но проработали всего лишь два дня.

— Почему же бросили?

— Не можно... Никакъ не можно, господинъ!..—твердитъ одинъ изъ нихъ съ какимъ-то виноватымъ видомъ, Другой растерянно улыбается.

Едва мы поняли, почему „не можно". На мельницѣ ихъ заставили таскать пяти-пудовые мѣшки. За день приходилось триста-четыреста мѣшковъ перетащить, нерѣдко во второй этажъ. И они оказались не въ силахъ. Видъ у нихъ, дѣйствительно, такой, что не крючниками имъ быть: оба—низкорослые, истощенные... Трудно и представить себѣ, какъ они управлялись съ кладью въ качествѣ ломовыхъ извозчиковъ.

Мы бѣгло обошли казарму. Вотъ и „ротная канцелярія",— отдѣленная отъ казармы крохотная комнатка, въ которой помѣщался, вѣроятно, фельдфебель. Какой-то господинъ, въ котелкѣ и при манишкѣ, окруженный выселенцами, выдаетъ имъ тутъ кусочки сахара. У каждаго изъ выселенцевъ въ рукахъ билетъ, на которомъ отмѣчается выдача. Господинъ въ котелкѣ—тоже выселенецъ; ему назначено небольшое жалованье и онъ играетъ роль какъ бы завѣдующаго казармами. Сначала онъ строго посмотрѣлъ на насъ: это, молъ, что за люди? Но узналъ г. Викторова и счелъ своимъ долгомъ сопровождать насъ въ дальнѣйшемъ обходѣ. Вскорѣ однако извинился и вернулся къ кусочкамъ сахара.

Мы перешли въ другую казарму. Та же картина. Въ одномъ мѣстѣ на нарахъ лежитъ какой-то свертокъ и около него по бокамъ двѣ горящихъ свѣчи въ подсвѣчникахъ.

— Это что такое?

Оказывается, трупикъ ребенка, скончавшагося ночью. Двѣ недѣли мучился животомъ,—отъ живота и умеръ... Мы обратились къ присоединившемуся къ намъ по дорогѣ студенту,—одному изъ волонтеровъ, работающихъ здѣсь.

— Надо бы перенести куда-нибудь... Жара вѣдь...

— Да, да... Въ аптеку возьмемъ... Не доглядѣлъ, да и некогда все...

Прибѣжала волонтерка въ бѣломъ халатѣ и проситъ насъ уступить ей задержаннаго нами извозчика: нужно немедленно отвезти больную, заразная, а извозчика по близости найти трудно.

Заглянули и здѣсь въ „ротную канцелярію". Тамъ тоже больные,—два ихъ и оба лежатъ,—но это уже давніе. Помѣстили ихъ сюда—все-таки имъ здѣсь нѣсколько спокойнѣе.

Г. Викторова, видимо, больше всего интересуетъ рабочеспособная часть выселенцевъ: вѣдь одна изъ главнѣйшихъ заботъ сейчасъ—это пристроить всѣхъ къ дѣлу. Въ эту сторону, очевидно, направлены всѣ его мысли и онъ не пропускаетъ ни одного взрослаго мужчины.

— Вы чѣмъ дома занимались? — обращается онъ къ рослому еврею, похожему скорѣе на русскаго мужика: рыжая борода лопатой и одѣтъ какъ-то по-мужицки,—подъ пиджакомъ русская рубаха и поверхъ нея фартукъ.

— Массажистъ!—отвѣчаетъ тотъ гордо и увѣренно.

Мы съ улыбкой переглядываемся, а г. Викторовъ спѣшитъ объяснить намъ:

— Это, знаете ли, у нихъ тамъ, въ мѣстечкахъ, вродѣ какъ бы знахари или фельдшера-самоучки... Лечатъ...

Мы, конечно, понимаемъ: слово, вотъ, только иностранное, а то костоправы и въ русскихъ деревняхъ встрѣчаются...

У одной изъ наръ примостился старикъ-сапожникъ, — чинитъ башмакъ стоящей тутъ же дѣвочкѣ. Этому ремесленнику найти себѣ работу, казалось бы, не трудно: спросъ на сапожниковъ сейчасъ большой. Останавливаемся и начинаемъ разспрашивать.

Была работа, въ одной мастерской устроился, но бросилъ: на хлѣбъ не заработаешь, а тутъ обѣдъ долженъ пропускать. Старикъ толкуетъ что-то про „чистую работу", и мы никакъ не можемъ понять: вѣдь чистая работа выгоднѣе, гораздо лучше оплачивается. Лишь когда присмотрѣлись, какъ старикъ кладетъ заплатку, то поняли: чистая работа, дѣйствительно, не для него, онъ можетъ ее только испортить... Г. Викторовъ спѣшитъ его и себя обнадежить:

— Вотъ, если откроемъ свою мастерскую, возьмемъ подрядъ на солдатскіе сапоги, тогда и для васъ что-нибудь найдется... Вѣдь въ мастерской—обращается онъ къ намъ—работа будетъ раздѣлена на отдѣльныя операціи, ему и дадутъ что попроще...

Мы обходимъ казарму за казармой.

Кромѣ этого сапожника и нѣсколькихъ женщинъ, по преимуществу старухъ, которыя возятся надъ кое-какою стряпнею, всѣ сидятъ или слоняются безъ дѣла. Послѣдняго тутъ же въ казармѣ и просто у каждаго вокругъ себя—прибрать, почистить, починить и т. д.—нашлось бы, конечно, много. Но всѣ какіе-то вялые, растерянные, какъ будто развинченные. Чѣмъ дальше идемъ, тѣмъ опредѣленнѣе складывается это впечатлѣніе. Люди, видимо, опустились чуть ли не до полнаго безразличія къ окружающему ихъ...

И къ нашему приходу относятся равнодушно. Но стоитъ намъ остановиться, заговорить съ кѣмъ-нибудь, какъ быстро подходитъ

одинъ, другой, третій,—и вокругъ насъ уже кучка. У каждаго имѣется какой-нибудь вопросъ, всѣ чувствуютъ себя безпомощными, никто ничего толкомъ не знаетъ. Обращаются, по большей части, на жаргонѣ, но г. Викторовъ, чтобы держать насъ въ курсѣ разговора, отвѣчаетъ по-русски.

Нѣкоторыхъ волнуетъ вопросъ, когда и куда ихъ погонятъ. Оказывается, слухъ этотъ упорно держится среди выселенцевъ и они живутъ, готовые со дня на день отправиться куда-то еще дальше. Какая-то старуха умоляетъ отправить ее въ Бобруйскъ,—тамъ у нея родственники, а здѣсь ни души нѣтъ.

— Пусть пришлютъ письмо въ комитетъ или вамъ, это безразлично,—объясняетъ г. Викторовъ.—Пусть напишутъ, что они васъ примутъ или какъ-нибудь устроятъ. Тогда комитетъ дастъ вамъ денегъ на дорогу...

Старуха, видимо, удовлетворена такимъ простымъ рѣшеніемъ вопроса и въ ней уже вспыхнула надежда. Но новое сомнѣніе: у нея нѣтъ паспорта. Многіе, въ томъ числѣ и она, прибыли по проходнымъ свидѣтельствамъ, и у нихъ нѣтъ теперь никакихъ документовъ...

Какой-то старый еврей упорно тычетъ мнѣ въ руки рецептъ,—видимо, бережно имъ хранимый. Оказывается, у него болятъ ноги, ему прописаны ножныя ванны, но какъ же и гдѣ же онъ тутъ ихъ будетъ дѣлать? Вмѣшивается г. Викторовъ и объявляетъ, что будутъ разселять по квартирамъ.

— Идите и ищите себѣ квартиру... Если сегодня найдете, то завтра же дадутъ пособіе на нее. У кого въ семьѣ пять душъ, то семь съ полтиной въ мѣсяцъ получитъ... Только уполномоченный раньше осмотритъ.

Вѣсть о квартирахъ, видимо, на нѣкоторыхъ дѣйствуетъ ободряюще и они отходятъ удовлетворенные, оживленно между собою разговаривая. Но другихъ не это интересуетъ, у нихъ свои вопросы и заботы...

Сквозь собравшуюся около насъ кучку къ намъ неожиданно проталкиваютъ молодого, красиваго еврея. У него небольшая окладистая бородка и очень нѣжная, розовая кожа. Онъ очень смущенъ и не знаетъ, что сказать.

— Это—цадикъ, цадикъ!..—слышно изъ толпы.

Смыслъ этой демонстраціи ясенъ: смотрите де, вотъ и этого человѣка не отъ міра сего пригнали вмѣстѣ съ прочими... Мы, въ свою очередь, смущены и не знаемъ, что сказать. Цадикъ!.. Но вѣдь гг. Замысловскіе въ цадикахъ-то и видятъ главное зло, людоѣдами ихъ считаютъ...

Медленно, задерживаемые на каждомъ шагу, переходимъ мы черезъ дворъ къ дому, о которомъ я упомянулъ выше. По дорогѣ заглядываемъ въ кухню. Тамъ только что вынули мясо изъ котла и рѣжутъ его на порціи. Посерединѣ на табуреткѣ сидитъ моло-

денькая, совершенно разморенная жарой волонтерка. Къ нашему появленію она относится совершенно безучастно.

— Безсмѣнно тутъ дежуритъ,—шепчетъ мнѣ г. Викторовъ.— Совсѣмъ измаялась, а смѣнить некѣмъ...

Ежедневно приходится выдать свыше тысячи обѣдовъ. Процедура утомительная и нелегкая. Двери запираютъ, чтобы не вломилась толпа,—и духота бываетъ ужасная. Въ одно окошечко принимаютъ билеты и дѣлаютъ на нихъ отмѣтки, въ другое выдаютъ пищу.

Идемъ въ домъ. Въ нижнемъ этажѣ сумрачно и душно, нехорошо пахнетъ. Въ первой отъ входа комнатѣ—столовая съ длинными, сколоченными на скорую руку, столами и такими же скамейками.

— Столовую устроили,—говоритъ г. Викторовъ—а ею почти никто не пользуется. Почему-то предпочитаютъ ѣсть тамъ же въ казармахъ, на нарахъ.

Въ столовой мы застали лишь нѣсколько пожилыхъ евреевъ, оживленно о чемъ-то разсуждающихъ. Г. Викторовъ прислушался.

— Философствуютъ... — съ улыбкой объяснилъ онъ намъ.— Смысла въ войнѣ ищутъ...

Въ остальныхъ комнатахъ размѣщены выселенцы. Нѣкоторыя комнаты совсѣмъ маленькія, почти темныя каморки.

— А вѣдь не идутъ отсюда, когда приходится кого-либо перевести въ казарму. Здѣсь предпочитаютъ оставаться...

Но это понятно. Здѣсь меньше шума, больше какъ бы уюта, что-то вродѣ своего угла. А тамъ вѣдь то же, что площадь .

Одна каморка стоитъ пустая. Мы заглянули въ нее и прямо отпрянули отъ вони. Здѣсь помѣщались два старика, совершенно безпомощные. Теперь ихъ удалось пристроить куда-то въ богадѣльню или въ больницу. Должно быть, отсюда скверный запахъ и распространяется по всему нижнему этажу.

Въ верхнемъ—много свѣтлѣе и комнаты больше. Въ одной изъ нихъ раньше была „контора", теперь—„аптека". Но это только названіе: стоятъ всего лишь три-четыре склянки, да и тѣ чуть ли не пустыя. Въ этой комнатѣ врачи принимаютъ больныхъ и на стѣнѣ виситъ каллиграфическое расписаніе, въ какіе часы и кто изъ нихъ принимаетъ. По расписанію пріемъ долженъ быть ежедневно, но въ дѣйствительности врачи, обремененные работой въ лазаретахъ и другихъ мѣстахъ, бываютъ рѣдко и неаккуратно. За послѣднюю недѣлю врачебный пріемъ, какъ сказали намъ, былъ всего лишь два раза. Жалуются и на другое неудобство: регистрація больнымъ не ведется, а врачи смѣнные, и случается, что одинъ изъ нихъ находитъ у больного одну болѣзнь, а на слѣдующій пріемъ паціентъ является къ другому врачу,—и тотъ ставитъ другой діагнозъ. Такъ и лечатъ—вперемежку...

Санитаріей врачи, повидимому, и не задаются,—иначе вонючая

каморка, находящаяся прямо подъ „аптекой", была бы, конечно, вычищена и провѣтрена. А отцы города, вѣроятно, и не знаютъ, какая клоака образовалась у нихъ въ казармахъ Маляровича. А то хотя бы санитарнымъ-то надзоромъ они озаботились,—не ради выселенцевъ даже, а ради самихъ себя и своихъ присныхъ...

Двѣ комнаты верхняго этажа отведены подъ больныхъ корью, которые помѣщаются въ нихъ съ матерями. Тѣснота здѣсь не меньше, пожалуй, чѣмъ въ казармахъ, а грязи и дѣтскаго плача—гораздо больше. Окна въ этихъ комнатахъ наглухо закрыты и завѣшены тряпками. Не знаю, по совѣту ли врача это сдѣлано или матери сами додумались, что яркій свѣтъ вреденъ больнымъ дѣтямъ. Но въ результатѣ еще и духота получилась.

Изоляція больныхъ корью имѣетъ, конечно, совершенно призрачный характеръ. Какъ разъ въ проходной комнатѣ мы обратили вниманіе на мальчика лѣтъ двухъ, который лежалъ на желѣзномъ листѣ, прибитомъ къ полу у печки. Нашъ приходъ спугнулъ его, онъ схватилъ свою подушечку и убѣжалъ. „Какой славный карапузикъ!"—полюбовались мы. Оказалось, что это одинъ изъ корьевыхъ дѣтей. Когда мы проходили обратно, онъ опять укладывался на томъ же мѣстѣ.

— Ишь ты,—сказалъ кто-то изъ сопровождавшихъ насъ—такой маленькій, а понимаетъ, что на желѣзѣ-то холоднѣе...

Больной и, вѣроятно, съ повышенной температурой ребенокъ, ищущій прохлады на желѣзномъ листѣ,—таково было послѣднее впечатлѣніе, которое намъ дали „казармы Маляровича".

Отъ казармъ до талмудъ-торы ходьбы минутъ десять. Шли мы туда съ опаской: пожалуй, вѣдь не пустятъ. Послѣ вспышки оспы тамъ учрежденъ „карантинъ": у воротъ поставленъ городовой, который долженъ не допускать сношеній между обитателями талмудъ-торы и внѣшнимъ міромъ. Конечно, этотъ карантинъ — призрачный, и весь вопросъ въ томъ только, какъ заклясть поставленнаго на стражѣ духа. Обсудивъ вопросъ, мы рѣшили, что лучше всего пройти мимо него съ дѣловымъ видомъ, увѣреннымъ шагомъ, какъ будто мы имѣемъ право на входъ въ заклятое мѣсто Софья Владиміровна, которую городовой могъ знать въ лицо, рѣшила принести себя въ жертву и подождать насъ у воротъ.

Нашъ планъ удался, какъ нельзя лучше: городовой не сдѣлалъ ни малѣйшей попытки насъ остановить. А мы настолько осмѣлѣли, что прежде, чѣмъ закрыть за собою калитку, позвали и Софью Владиміровну:

— Идите и вы!.. Городовой пропуститъ...

Послѣдній не сталъ подрывать нашу увѣренность... Впрочемъ, онъ, вѣроятно, уже убѣдился, что держать въ карантинѣ 1.200 человѣкъ, хотя бы и при содѣйствіи другого городового, поставленнаго съ задней стороны участка, онъ совершенно не въ силахъ. Послѣ

я видѣлъ, что и кромѣ насъ не мало людей входило въ ту же калитку и уходило черезъ нее.

Дворъ талмудъ-торы имѣетъ несравненно болѣе привлекательный видъ, чѣмъ при казармахъ: большой и ровный, онъ въ одной части засаженъ деревьями, въ другой—покрытъ травою. На такой травкѣ и полежать пріятно...

Самое зданіе талмудъ-торы, поставленное въ глубинѣ двора, имѣетъ очень недурной видъ, а внутри—характеръ хорошаго дома. Комнаты расположены на двѣ стороны и раздѣлены корридоромъ. Ихъ, несомнѣнно, наскоро пришлось приспособить для жилья и обставлены онѣ различно: въ однѣхъ имѣются койки въ видѣ козелъ, на которыя натянута парусина; въ другихъ — устроены нары; въ третьихъ — выселенцы оказались вынужденными расположиться прямо на полу. И публика подобралась какъ будто по комнатамъ: въ однѣхъ—почище, въ другихъ—попроще. Въ цѣломъ здѣсь несравненно больше уюта, чистоты и порядка, чѣмъ въ казармахъ,—быть можетъ, потому, что здѣсь люди лучше успѣли сжиться другъ съ другомъ. И мы это невольно чувствуемъ: не такъ свободно входимъ въ комнаты и быстро изъ нихъ выходимъ. Неловко какъ-то со своимъ любопытствомъ вторгаться въ чужое жилище. Чувствуется, что это—уже не площадь...

Передъ одной комнатой мы и вовсе остановились. Черезъ полуоткрытую дверь намъ видно нѣсколько кроватей. На одной—несомнѣнно, на перинѣ или на чемъ-то мягкомъ—лежитъ молодая и красивая, но очень блѣдная женщина, покрытая бѣлымъ одѣяломъ. Подлѣ, на сосѣдней кровати, сидитъ интеллигентный по внѣшности мужчина съ утомленнымъ видомъ. Оба молчатъ, но, несомнѣнно, мужчина сидитъ около этой женщины, играетъ роль сидѣлки.

— Что это?—спрашиваемъ.—Больная?

— Роженица...

Естественно, что войти мы не рѣшились... Заходимъ въ другую такую же комнату. Поставленныя почти вплоть другъ къ другу койки прибраны, покрыты одѣялами или простынями; на полу—ни соринки, народу—немного: три-четыре человѣка; остальные, очевидно, разошлись по своимъ дѣламъ. Наше вниманіе привлекаетъ дѣвушка лѣтъ 16-17, очень красивая и изящно, хотя просто, одѣтая. Съ задумчивымъ видомъ она сидитъ около жестяного чайника,—только что кончила пить чай. Пробуемъ заговорить, — понимаетъ только жаргонную и польскую рѣчь. Г. Викторовъ начинаетъ разговоръ съ нею на жаргонѣ и вкратцѣ передаетъ намъ, что узнаетъ: „изъ Лодзи"... „портниха"... „совсѣмъ одна здѣсь"... Но онъ скоро прерываетъ разговоръ и мы догадываемся, что онъ сообщаетъ ей адресъ.

— Завтра придетъ въ комитетъ—говоритъ онъ намъ: — тамъ удобнѣе будетъ разспросить... Здѣсь какъ-то неловко.

Нѣсколько свободнѣе мы чувствуемъ себя въ комнатѣ съ на-

рами. Тамъ тоже наше вниманіе привлекаетъ молодая дѣвушка: примостившись на какомъ-то сундучкѣ, она пишетъ на нарахъ письмо для сидящей тутъ же пожилой женщины.

— Почему она пишетъ по-русски, а не на жаргонѣ? — не подумавъ, спросилъ я.

— А должно быть училась на русскомъ языкѣ, — говоритъ г. Викторовъ.

Но причина оказывается иная и намъ немного совѣстно, что мы сразу не сообразили. Письма, написанныя по еврейски, теперь вѣдь вовсе не доставляются,—напомнила намъ дѣвушка...

Заходимъ въ комнату, гдѣ нѣтъ ни коекъ, ни наръ, — только голыя стѣны. Здѣсь люднѣе и шумнѣе. Расположившись въ разныхъ позахъ на полу, выселенцы группами разговариваютъ другъ съ другомъ. Мы какъ-то не нашли даже, съ кѣмъ заговорить...

Въ самомъ зданіи талмудъ-торы, хотя занятъ каждый уголокъ вплоть до передней, нашли себѣ пріютъ далеко не всѣ выселенцы. Значительная часть ихъ помѣщена въ находящемся по сосѣдству зданіи. Я какъ-то не сообразилъ и не спросилъ, чѣмъ оно было раньше; называютъ же его казармой. Другая часть выселенцевъ помѣщена просто подъ навѣсомъ. Здѣсь, очевидно, предполагалась столовая, устроено нѣчто вродѣ столовъ, поставлены скамейки, Но потомъ и здѣсь пришлось поселить выселенцевъ.

— Гдѣ же они ночуютъ?—спросилъ я. Все пространство занято скамейками и столами, но спать на нихъ немыслимо: первыя слишкомъ узки, вторые—слишкомъ жидки.

— А вотъ на травкѣ размѣщаются, подъ открытымъ небомъ... Тутъ еще лучше...

— А если дождь пойдетъ?..

Отвѣта я не получилъ. Между тѣмъ, пока я былъ въ Полтавѣ ежедневно, даже нѣсколько разъ въ день, шли дожди, хотя и недолгіе, но очень сильные. Земля все время не просыхала...

Подъ навѣсомъ размѣщены галиційскіе евреи: съ пейсами, въ длиннополыхъ одеждахъ.

— И жаргонъ у нихъ иной—сказалъ г. Викторовъ. — Сначала я не все понималъ даже.

Мы направились къ нимъ. Когда мы проходили мимо кухни, устроенной въ отдѣльномъ зданьицѣ, тамъ заканчивалась раздача обѣдовъ. Въ дверяхъ показалась раскраснѣвшаяся отъ жары дама и крикнула, обращаясь къ г. Викторову:

— Людей, людей давайте!.. Не можемъ мы тутъ вдвоемъ справиться...

Г. Викторовъ подошелъ и что-то поговорилъ съ ней.

— Это—жена одного изъ членовъ комитета,—сказалъ онъ намъ, когда возвратился...—Съ людьми, дѣйствительно, бѣда. Тутъ была молодежь, но теперь совсѣмъ изсчезла. Говорятъ, что родители не

пускаютъ, оспы боятся... Можетъ быть, и „карантинъ“ отпугиваетъ...

Мы приблизились къ навѣсу. Нѣсколько галичанъ сами подошли къ намъ. Одинъ еврей съ тонкимъ и выразительнымъ лицомъ, чуть-чуть улыбаясь, что-то сказалъ при этомъ.

— Онъ желаетъ добраго дня—перевелъ намъ г. Викторовъ—и говоритъ, что талмудъ предписываетъ ко всякому обращаться съ этимъ пожеланіемъ.

Мы отвѣтили на привѣтствіе, а г. Викторовъ объяснилъ нашему собесѣднику, что мы—русскіе и не понимаемъ по-еврейски.

— Тѣмъ больше, стало быть, они заслуживаютъ привѣтствія, если не погнушались придти сюда,—отвѣтилъ еврей съ тою же изысканною вѣжливостью.

Другіе начали оживленно разсказывать, какъ ихъ „гнали“ до границы. Но разговоръ черезъ переводчика какъ-то не ладился, да и торопились мы. А нужно еще было заглянуть въ „казарму“.

Зашли прежде всего въ „аптеку“. Здѣсь это не названіе только, но имѣется и настоящая, хотя небольшая, аптечка. Есть даже „ученикъ“,—изъ выселенцевъ, очень обстоятельный и, повидимому, знающій свое дѣло молодой человѣкъ.

— Сначала безплатно его взяли сюда—сказалъ намъ г. Викторовъ—а теперь жалованье назначили, 10 руб. въ мѣсяцъ. Очень его хвалятъ...

Въ аптекѣ, довольно прилично обстановленной, оказался образцовый порядокъ,—по крайней мѣрѣ, на нашъ взглядъ. Ведется и книга рецептовъ; мы заглянули въ нее: послѣдній рецептъ за 874-мъ номеромъ,—это за два съ небольшимъ мѣсяца.

Изъ аптеки прошли въ самую „казарму“. Это—громадная, неправильной формы комната. Должно быть, раньше ихъ было нѣсколько, но раздѣлявшія ихъ перегородки теперь сняты. Вдоль стѣнъ и посрединѣ—нары. Общій видъ тотъ же, что и казармъ Маляровича, и такъ же, какъ тамъ, тѣсно и грязно.

У меня почему-то осталось впечатлѣніе, что эту казарму мы осматривали подъ вечеръ, хотя былъ всего лишь третій часъ на исходѣ. Наше вниманіе уже ослабѣло, и изъ сценокъ, видѣнныхъ здѣсь, въ мою память врѣзались лишь двѣ.

Въ одномъ изъ проходовъ на двухъ-трехъ доскахъ, представляющихъ какъ бы кровать, совершенно особнякомъ отъ другихъ лежитъ старуха,—очевидно, совершенно больная. При нашемъ проходѣ она съ трудомъ поднимается и садится, —получился комокъ какой-то. И этотъ комокъ всячески старается привлечь наше вниманіе, но голоса, чтобы позвать насъ, у старухи не хватаетъ. Г. Викторовъ, наконецъ, подходитъ, къ ней. Она что-то съ трудомъ ему объясняетъ. Онъ возвращается къ намъ и говоритъ:

— У нея были 80 коп. и какой-то вексель. Она отдала ихъ кому-то на храненіе и проситъ разыскать... Каждый разъ, какъ я

захожу сюда, она пристаетъ съ этимъ. Но что я могу сдѣлать, если она не помнитъ не только, кому отдала свои богатства, но даже гдѣ и когда это было?!...

Мы направляемся уже къ выходу. Наше вниманіе привлекаетъ стройный, бѣлокурый мальчикъ въ розовой рубашенкѣ. На видъ ему 2—3 года. Неуспѣли мы остановиться, какъ насъ окружаютъ нѣсколько человѣкъ и начинаютъ оживленно разсказывать: родители бросили этого мальчика (вѣроятно, просто потеряли въ суматохѣ), а вотъ эта старуха взяла и привезла въ Полтаву; съ нею онъ и живетъ тутъ. У старухи есть дочь съ ребенкомъ, живущая здѣсь же, а зять на войнѣ... Видъ у старухи очень непривлекательный: еслибы мы увидали ее въ сердитомъ видѣ, то, вѣроятно, она показалась бы намъ мегерой. Но сейчасъ у нея на лицѣ—ласковая, любовная улыбка. Она прямо засіяла, когда мы похвалили мальчика...

Выходя изъ казармы, мы продолжаемъ еще говорить объ этомъ случаѣ.

— Еслибы моя жена была здѣсь—сказалъ г. Викторовъ—непремѣнно уговорилъ бы ее взять этого мальчика къ себѣ.

— Ну, пожалуй, старуха и не отдала бы его вамъ,—замѣтилъ я.

Въ дверяхъ мы оглянулись: старуха прижала мальчика къ груди и страстно его цѣлуетъ...

А родители этого мальчика, быть можетъ, гдѣ-нибудь въ это время горько его оплакиваютъ.

„Безъ вины виноватые“,—озаглавилъ я свою замѣтку... Много ихъ сейчасъ и какъ разнообразны эти „жертвы войны“! Когда сидишь въ своемъ углу, то какъ-то не представляешь себѣ этого. Знаешь, конечно, что льется сейчасъ горя рѣченька бездонная и съ каждымъ днемъ все шире и шире становится она. Но видишь обыкновенно лишь небольшой краешекъ ея. Когда же двинешься, то воочію видишь, какъ широка уже она. Я проѣхалъ только по Россіи,—и цѣлый рядъ сценъ и лицъ уже запечатлѣлся въ моей памяти.

Въ нашемъ отдѣленіи ѣдетъ молодой полякъ съ мальчикомъ двухъ лѣтъ—бѣженцы изъ Скерневицъ. Дважды приходили къ нимъ нѣмцы, но ничего, обиды особой не было. За все платили.

— Въ первый разъ у меня взяли хлѣба и сала,—разсказываетъ бѣженецъ.—Я ужь не хотѣлъ и деньги брать, испугался. Но они вотъ ему сунули,—показалъ онъ на мальчика.—А другой разъ чуть не всю солому себѣ подъ подстилку расхватали. Я пошелъ къ ихъ начальнику и говорю: почему только у насъ все берутъ?! Онъ прислалъ часового къ нашему сараю, чтобы больше у насъ не брали. А на утро всю взятую солому нѣмцы опять принесли... Глядимъ: каждый свою охапку назадъ тащитъ...

— Почему же вы бѣжали?..

Оказывается, первые два раза Скерневицы уступались безъ боя. А въ третій разъ подъ самыми Скерневицами началось сраженіе. Снаряды такъ и сыпались.

— Я схватилъ его вотъ на руки и побѣжали съ женой. Въ чемъ были... Все тамъ осталось. А хозяйство у насъ хорошее, своя механическая мастерская у меня тамъ была. Отецъ и мать тоже тамъ остались... Какой-то нѣмецъ у воротъ не пускалъ, хотѣлъ задержать насъ, да мы увернулись. Жену два раза ударилъ, и по мнѣ тоже замахнулся, но по мальчику попалъ...

Въ Петроградѣ онъ устроился было монтеромъ на аэропланномъ заводѣ и жилъ здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ. Но жена умерла отъ тифа, семь дней только проболѣла. Онъ остался съ мальчикомъ на рукахъ,—и плохо стало.

— Главное, на счетъ мальчика безпокоюсь. Весь день на работѣ, а онъ тутъ одинъ. Приду домой, а онъ весь грязный... Въ Екатеринодарѣ у насъ родственники есть, туда и ѣду: можетъ быть, тамъ устроюсь или мальчика оставлю.

— А что это у мальчика съ глазомъ-то? Или коситъ онъ?

— А это отъ нѣмца... Докторъ говоритъ, что отъ испуга; обѣщалъ, что пройдетъ...

Потомъ мы имѣли возможность ближе присмотрѣться къ мальчику. Кромѣ глаза, въ немъ какъ будто есть и еще что-то непор-

мальное. Третій уже годъ ему, а не говоритъ и странно какъ-то дичится. Во всякомъ случаѣ „нѣмецъ“ въ его жизни слѣдъ оставилъ: матери онъ уже лишился, да и въ родную обстановку вернется, быть можетъ, еще не скоро. Въ частности, и говорить начнетъ, пожалуй, не по-польски, а по-русски.

Въ нашемъ отдѣленіи ѣдетъ еще художница, — съ именемъ, картины ея можно встрѣтить во многихъ музеяхъ. У нея сынъ и зять на войнѣ, оба теперь контужены, — одинъ второй уже разъ.

— Вотъ и у меня тоже...—раздается хриплый голосъ молчавшаго до сихъ поръ пассажира. Для плацкартнаго вагона даже III класса это пассажиръ былъ необычный. Въ иное время онъ, вѣроятно, поѣхалъ бы въ IV классѣ. Художница нѣсколько брезгливо на него посматривала: главное, такъ и разитъ денатуратомъ...

Оказалось, что онъ работаетъ по переноскѣ мебели въ Петроградѣ. Но сегодня въ 8 час. утра у него въ деревнѣ, въ Рязанской губерніи, скончался братъ,—раненый солдатъ, отпущенный домой на поправку. Въ 11 часовъ онъ уже получилъ телеграмму и вотъ спѣшитъ на похороны.

— Одиннадцать душъ теперь на шеѣ... Своихъ шестеро, да братниныхъ пятеро. Свою бабу и евонную я ужь не считаю...

Художницѣ уже не до брезгливости, она полна жалости къ этому придавленному горемъ человѣку.

— Съ горя, видно, онъ и денатурату-то хватилъ, — говоритъ она мнѣ, когда онъ вышелъ изъ вагона...

Прислушиваюсь къ разговорамъ въ другихъ отдѣленіяхъ,— преобладаютъ тѣ же темы...

...Въ Харьковѣ пересаживаюсь на Южную дорогу, ѣду уже не въ плацкартномъ, а обыкновенномъ вагонѣ. Послѣдній прямо набитъ публикой. И тутъ такіе же сцены и разговоры. Кондукторы въ Харьковѣ почему-то усиленно старались отсортировать солдатъ, которыхъ такъ много теперь въ каждомъ поѣздѣ, отъ остальной публики. Первымъ были предоставлены цѣликомъ два заднихъ вагона.

На одной изъ маленькихъ станцій въ вагонъ вваливается баба съ пятью ребятами малъ-мала меньше и съ массой всякихъ узловъ. Тоже—„жертва“. Получила извѣстіе, что мужъ убитъ на войнѣ. Раньше служилъ гдѣ-то около этой станціи и она оставалась тутъ жить, поджидая, когда онъ вернется. Теперь ждать уже нечего, ѣдетъ къ свекру въ деревню... Не знаетъ, какъ и явиться къ нему съ этакой оравой...

...Пріѣзжаю въ Полтаву. Владиміра Галактіоновича, далеко еще не оправившагося отъ сердечной болѣзни и не успѣвшаго, какъ слѣдуетъ, отдохнуть послѣ дальняго путешествія, уже начала захватывать русская дѣйствительность. Въ частности, я какъ разъ засталъ его сильно озабоченнымъ.

Приходитъ къ нему мѣстный раввинъ и разсказываетъ слѣдующее. Въ Полтавѣ, какъ и во многихъ другихъ городахъ, содержатся заложники. Среди нихъ свыше пятидесяти евреевъ,—главнымъ образомъ, изъ Кѣлецкой и Радомской губерній, уже занятыхъ непріятелемъ. Это—русскіе подданные, почти сплошь крупные коммерсанты, есть среди нихъ даже милліонеры. Для чего ихъ держатъ,—никто здѣсь толкомъ не знаетъ. Но имъ разрѣшили все-таки поселиться на частныхъ квартирахъ съ тѣмъ, чтобы они за свой счетъ нанимали городовыхъ, которые ихъ караулятъ.

Но, кромѣ евреевъ, есть еще семь человѣкъ галичанъ-украинцевъ. Среди нихъ: священникъ, адвокатъ, директоръ гимназіи и т. д. Ихъ держатъ при полиціи, и позаботиться о нихъ некому. Узнавъ о нуждѣ, въ какой они находятся, раввинъ помогъ имъ кое-чѣмъ,—въ частности, справилъ на свой счетъ штаны священнику. Но вообще-то заботу о нихъ на себя онъ взять не можетъ,—съ него достаточно и евреевъ. Между тѣмъ украинцы узнали, что въ Полтавѣ находится Короленко, и вотъ черезъ раввина просятъ его, чтобы онъ навѣстилъ ихъ.

Свиданія съ заложниками въ Полтавѣ разрѣшаетъ полицеймейстеръ. У него даже бланки печатные для этого имѣются: „пропускъ для свиданія съ заложникомъ“. Очевидно, порядокъ вполнѣ уже установившійся. Къ полицеймейстеру и отправился В. Г. Но тому этотъ случай показался исключительнымъ и разрѣшить свиданіе самъ онъ не рѣшился. Доложилъ губернатору, а тотъ сказалъ:

— Это отъ меня зависитъ...

Стало быть, нужно идти къ губернатору. Это уже при мнѣ было. Неожиданное осложненіе и удручало В. Г. Кто знаетъ, что

скажетъ губернаторъ? Да и вообще въ этомъ вынужденномъ визитѣ не было ничего пріятнаго...

Сначала губернаторъ рѣшительно отказалъ и даже удивился, зачѣмъ это Короленку нужно свиданіе.

— Можетъ быть, они шпіоны...

— Вы сами, ваше превосходительство, уже дважды назвали ихъ заложниками, и я подчеркиваю, что прошу свиданія не со шпіонами, а съ заложниками...

— Нѣтъ! не могу разрѣшить...

Въ концѣ концовъ губернаторъ сказалъ:

— Ну, подайте прошеніе... Посмотримъ...

Сѣлъ В. Г. писать прошеніе, а такъ какъ онъ уже рѣшилъ этого дѣла не оставлять, то и писать нужно было не только для губернатора, которому онъ все уже объяснилъ, но такъ, чтобы это прошеніе пригодилось и въ дальнѣйшемъ. Написалъ... А къ вечеру приходитъ городовой и сообщаетъ: свиданіе разрѣшено и безъ прошенія. Потомъ оказалось, что заложникамъ-украинцамъ разрѣшено и поселиться на частной квартирѣ,—на тѣхъ же условіяхъ, какъ и евреямъ...

...Ѣду обратно. Вхожу въ вагонъ: буквально, нѣтъ мѣста, даже стоять негдѣ. Поѣздъ набитъ бѣженцами изъ Люблинской губ. и изъ Варшавы. Это—уже цѣлое море нищеты, горя и страданій, которое разливается сейчасъ по лицу земли русской...

Да, много уже задѣтыхъ и даже вовсе придавленныхъ войною... И винить какъ-будто некого. Непріятель, это—вѣдь vis major, непреодолимая сила, стихія, противъ которой ничего сейчасъ не подѣлаешь,—все равно, что землетрясеніе, отъ котораго не уклонишься, разъ оно застигло. Если не утѣшать, то до извѣстной степени примирять это должно каждаго пострадавшаго съ его судьбою.

Даже галичане-заложники, которыхъ я засталъ въ Полтавѣ, это утѣшеніе имѣютъ: ихъ тоже вѣдь забралъ непріятель и, вотъ, зачѣмъ-то до сихъ поръ держалъ въ клоповникѣ...

Но у русскихъ евреевъ—и заложниковъ, и выселенцевъ—даже этого своеобразнаго утѣшенія, что они страдаютъ отъ непріятеля, не имѣется. Къ ихъ горю примѣшивается еще обида; для другихъ это—несчастіе только, а для нихъ—какъ бы наказаніе. А за что?. Когда я спросилъ объ этомъ одного выселенца, то онъ горько разсмѣялся:

— Да развѣ-жь мы знаемъ?!.—И потомъ съ ноткой уже озлобленія продолжалъ:—Можетъ, господинъ знаетъ? Нехай господинъ скажетъ!.. Никто не знаетъ,—окончилъ онъ упавшимъ голосомъ

Среди „безъ вины виноватыхъ“ этимъ, несомнѣнно, приходится всѣхъ тяжелѣе.

А. Пѣшехоновъ.

---

* * *

Въ черномъ небѣ звѣзды, точно окна
Золотого праздничнаго зала,
Облака—туманныя волокна,
Кружева и ленты карнавала.
А внизу въ печали и тревогѣ
Дикій вѣтеръ рыскать не устанетъ,
Въ темноту на грязныя дороги
Ни одинъ веселый лучъ не глянетъ.
Но земля безмолвна и покорна,
Словно вѣченъ сонъ ея угрюмый.
Не смотри на небо ночью черной
И о звѣздномъ праздникѣ не думай.

ИЗЪ АНГЛІИ.

Вмѣсто предисловія.

Статья эта была написана въ концѣ іюля 1914 года, какъ разъ передъ войной. Великая катастрофа, обрушившаяся на Европу, отодвинула надолго всѣ вопросы, которыми жили культурные народы; но явленія, отмѣченныя въ этой статьѣ, существуютъ въ Англіи до сихъ поръ въ той же формѣ, какъ и въ прошломъ году.

I.

Англійскіе средніе классы до послѣдняго времени сохранили ту жизненную силу и ту энергію, которыя проявили впервые на своемъ экзаменѣ на аттестатъ зрѣлости, производившемся 2 іюля 1644 года при Марстонъ-Мурѣ. До послѣдняго времени была крѣпкая вѣра не только въ собственную правоту, но и въ непогрѣшимость; было подчиненіе поступковъ *въ личной жизни* установленному кодексу; былъ большой запасъ здоровыхъ анимальныхъ силъ. Въ самое послѣднее время тотъ громадный сдвигъ, о которомъ мнѣ приходилось говорить много разъ, впервые обнаружилъ коегдѣ въ среднихъ классахъ признаки гніенія.

Общество, какъ цѣлое, конечно, не можетъ быть поражено гангреной, хотя такой діагнозъ ставился и ставится. „Кайтесь! Кайтесь! Судъ міру вашему пришелъ!—восклицаетъ, напр., великій русскій публицистъ въ своемъ лучшемъ произведеніи...—Народы, какъ королевскіе дома, передъ паденіемъ тупѣютъ, ихъ пониманіе помрачается, они выживаютъ изъ ума, какъ Меровинги, зачинавшіеся въ развратѣ и кровосмѣшеніяхъ и умиравшіе въ какомъто чаду, ни разу не пришедши въ себя; какъ аристократія, выродившаяся до болѣзненныхъ кретиновъ, измельчавшая Европа изживетъ свою бѣдную жизнь въ сумеркахъ тупоумія, въ вялыхъ чувствахъ, безъ убѣжденій, безъ изящныхъ искусствъ, безъ мощной поэзіи. Слабыя, хилыя, глупыя поколѣнія протянутся какънибудь до взрыва, до той или другой лавы, которая ихъ покроетъ каменнымъ покрываломъ и предастъ забвенію лѣтописей". „Все мельчаетъ и вянетъ на истощенной почвѣ,—восклицаетъ А. И.

Герценъ въ другомъ мѣстѣ.—Нѣтъ талантовъ, нѣтъ творчества, нѣтъ силы мысли, нѣтъ силы воли! Міръ этотъ пережилъ эпоху своей славы. Время Шиллера и Гете прошло такъ же, какъ время Рафаэля и Бонаротти, какъ время Вольтера и Руссо, какъ время Мирабо и Дантона. Блестящая эпоха индустріи проходитъ, она пережита такъ, какъ блестящая эпоха аристократіи; всѣ нищаютъ, не обогащая никого". Это было писано въ 1849 году. Появленіе Дарвина и Лайеля, Шопенгауэра и Ницше, Вагнера и Родэна, плеяды великихъ изобрѣтателей, осуществившихъ то, что составляло много вѣковъ лишь тему самыхъ фантастическихъ сказокъ (не говорю уже о поразительномъ развитіи промышленности), показало, что Герценъ, читая отходную западной Европѣ, ошибся, какъ ошибается врачъ, приговаривая къ смерти такого больного, который потомъ не только совершенно оправляется, но живетъ еще „два вѣка".

Общество, какъ цѣлое, не можетъ гнить. Рядомъ съ отмирающими стеблями всегда есть въ немъ молодые, здоровые ростки, буйно рвущіеся къ жизни. На „отмирающіе стебли" въ среднихъ классахъ я постараюсь указать дальше; но изъ тѣхъ же среднихъ классовъ вышли милитантки, которыя, какъ бы мы ни относились къ нимъ, поражаютъ скорѣе избыткомъ, чѣмъ скудостью жизненныхъ силъ.

Проявленіе гніенія *части* общества и признаки частичнаго отмиранія всегда одинаковы во всѣхъ странахъ. Больной классъ мечется изъ стороны въ сторону, какъ животное, раненое такъ, что оно не можетъ координировать больше своихъ движеній. Метанія свидѣтельствуютъ о растерянности и о глубокой тоскѣ. Мы замѣчаемъ въ больномъ классѣ такія противоположныя теченія, какъ грубый гедонизмъ, основанный на чрезвычайной роскоши, и прославленіе простой жизни; какъ примитивный скептицизмъ и увлеченіе таинственнымъ, мистическимъ; какъ утрата вѣры въ свой старый культъ и умиленіе передъ культомъ другого народа, который надѣляется при этомъ всѣми добродѣтелями, въ дѣйствительности у него не существующими. „Наиболѣе отдаленныя страны древняго міра тщательно обыскивались, чтобы доставить Риму предметы роскоши, — пишетъ великій историкъ. — Лѣса Скиѳіи доставляли цѣнные мѣха. Караваннымъ путемъ привозился съ береговъ Балтійскаго моря янтарь. Варваровъ поражали тѣ громадныя цѣны, которыя они получали за столь безполезный предметъ. Существовалъ значительный спросъ на вавилонскіе ковры и на другія издѣлія востока; но наиболѣе важная внѣшняя торговля производилась съ Аравіей и Индіей. Ежегодно, приблизительно около лѣтняго солнцестоянія, изъ египетскаго порта на Красномъ морѣ Міосъ-Гормоса отправлялся флотъ въ сто двадцать триремъ. Пользуясь попутнымъ монсуномъ, корабли эти переѣзжали Индѣйскій океанъ въ сорокъ дней и добирались до Малабарскаго берега и до Тапробана, т. е. до Цейлона

служившихъ тогда рынками для наиболѣе отдаленныхъ странъ Азіи. Изъ Индіи флотъ возвращался въ Египетъ приблизительно въ декабрѣ или въ январѣ. Изъ Міоса-Гормоса драгоцѣнные товары доставлялись сухимъ путемъ на верблюдахъ до береговъ Нила, затѣмъ немедленно сплавлялись внизъ по рѣкѣ до Александріи, откуда правильно доставлялись въ Римъ. Съ востока привозили шелкъ, фунтъ котораго стоилъ фунтъ золота, драгоцѣнные камни, главнымъ образомъ, алмазы и жемчугъ, затѣмъ благовонія. Торговля съ востокомъ приносила колоссальные, почти невѣроятные барыши; но прибыль, получаемая немногими, образовывалась на счетъ римскихъ гражданъ" [1]). Эти товары, привезенные изъ столь далекихъ странъ и продававшіеся за колоссальныя цѣны, въ изобиліи можно было видѣть на громадныхъ пирахъ и торжествахъ, описанныхъ Светоніемъ и Петроніемъ. Наряду съ людьми, устраивавшими такіе пиры и принимавшими въ нихъ участіе, Гиббонъ изображаетъ богатыхъ римлянъ, охваченныхъ великой тоской. Они метались, не зная, что дѣлать съ собою, затѣмъ бросали на площадь мѣшки золота, покидали своихъ родныхъ и убѣгали въ пустыню.

Мы видимъ въ одномъ и томъ же классѣ глубокихъ скептиковъ и мистиковъ. Міровоззрѣніе однихъ формулировалось стихами Лукреція: „Ex nihilo nihil, in nihilum nil posse reverti" („Ничто не происходитъ изъ ничего и ничто не уничтожается"). „Nec bene pro meritis capitur, nec tangitur ira Deus" (ничто не можетъ льстить божеству и ничто не можетъ его раздражить). „Tantum religio potuit suadere malorum" (все зло происходитъ отъ религіи). „Nil igitur mors est, ad nos neque pertinent hilum" (прекращеніе существованія это ничто, такъ какъ все умираетъ вмѣстѣ съ тѣломъ). „Mortalem tamen esse animam fateare necesse est" (нѣтъ, ада не существуетъ, и наша душа смертна). „Hinc Acherusia fit stultorum denique vita" (старые глупцы находятся во власти суевѣрій). И наряду съ этимъ въ томъ же классѣ замѣчаемъ мистицизмъ. Такъ какъ вѣра въ своихъ боговъ рухнула, то увлекались чужими культами. „Въ высшихъ классахъ римскаго общества одна религія смѣнялась другою,—говоритъ Лекки.—Религія Моисея по причинѣ своего монотеизма и любви къ ближнему находила многочисленныхъ новообращенныхъ, не смотря на свой глубоко національный характеръ. Императрица Поппея, жена Нерона, говорятъ, была одною изъ прозелитокъ, обратившихся въ іудейство. Ювеналъ постоянно жалуется на увлеченіе знатныхъ римлянокъ обрядами этой вѣры. Въ большихъ городахъ Римской имперіи соблюдались субботы и еврейскіе посты. Философы обсуждали на форумахъ догматы этой вѣры. Другія восточныя религіи пользовались еще

---

[1]) E. Gibbon, „The Decline and the Fall of the Roman Empire", vol. I, chap. II.

большимъ успѣхомъ. Митра и, въ особенности, египетскія божества привлекали безчисленныхъ поклонниковъ. Втеченіе трехъ вѣковъ латинскіе писатели говорятъ въ своихъ произведеніяхъ объ успѣхахъ этихъ религій. Мистеріи Bona Dea, о которыхъ говоритъ Ювеналъ въ своей шестой сатирѣ, т. е. торжественная служба Изидѣ, имѣвшая цѣлью очищеніе души отъ грѣха, вызывали энтузіазмъ, переходившій почти въ неистовство. Ювеналъ описываетъ римлянокъ, отправлявшихся зимою рано утромъ на Тибръ, ломавшихъ ледъ и погружавшихся троекратно въ священную рѣку, чтобы пріобщиться такимъ образомъ къ новому культу. Знатныя женщины давали обѣтъ паломничества въ Египетъ, чтобы въ храмѣ царицы неба погрузить пальцы въ святую воду. Апулей оставилъ намъ графическую картину такого паломничества; вѣра, проявленная женщинами, отправлявшимися на поклоненіе Изидѣ, повидимому, заражала даже скептиковъ. Императоры Коммодъ, Каракалла и Геліогабалъ были ревностными служителями Изиды. Послѣдними памятниками римскаго искусства являются храмы Изиды и Сераписа да изображенія Митры. И вмѣстѣ съ вторженіемъ новыхъ культовъ ожили служители старой вѣры, забытые было во времена скептицизма. Замолкшіе было оракулы снова заговорили. Въ каждомъ городкѣ появились астрологи; философовъ стали окружать атмосферой легенды. Пиѳагорійская школа возвела суевѣрія въ систему“ [1]). Митраизмъ имѣлъ такую массу послѣдователей, что только случайно не сталъ культомъ всего новаго міра. Митра въ концѣ концовъ уступилъ владычество надъ душами другому, но побѣдитель взялъ у побѣжденнаго значительную часть его ученія, его символы и легенды.

Укажу еще одну черту въ древнемъ мірѣ, которую мы найдемъ впослѣдствіи въ другой обстановкѣ. „Легенды популярной теологіи потеряли всякую власть надъ богатыми римлянами,—говоритъ Лекки—но параллельно съ этимъ сохранилось полное незнаніе физическихъ законовъ и отсутствіе представленія объ индуктивномъ методѣ мышленія. Только изучавшіе литературу того времени имѣютъ достаточное представленіе о той степени легковѣрія, которую проявляли тогда даже крупные умы. Плиній Старшій, напр., совершенно серьезно описываетъ, какъ левъ трепещетъ отъ ужаса, заслышавъ пѣніе пѣтуха; какъ слоны правятъ свои религіозные обряды; какъ олень выманиваетъ своимъ дыханіемъ изъ норъ змѣй, которыхъ топчетъ потомъ до смерти; какъ ядовита саламандра („люди умираютъ немедленно, поѣвъ пищи, сваренной на огнѣ, поддерживаемомъ дровами изъ дерева, по которому проползла саламандра“); какъ останавливаетъ *держи-ладья* (родъ морской рыбы), присосавшаяся къ килю, бѣгъ корабля, гонимаго бурей. Плиній Старшій говоритъ о чудесахъ, которыя, ка-

[1]) William E. Lecky, „History of European Morals“, vol. I, стр. 163.

залось, онъ могъ бы легко провѣрить. Человѣческая слюна, узнаемъ мы отъ него, обладаетъ многими таинственными свойствами. Если человѣкъ, въ особенности голодный, плюнетъ змѣѣ въ раскрытую пасть, то пресмыкающееся погибнетъ. Трахома излечивается совершенно, если помазать глаза слюной. Если кулачный боецъ, сваливші только что противника, плюнетъ себѣ на ладонь, то боль побѣжденнаго сейчасъ же прекратится. Если же боецъ поплюетъ себѣ на ладонь до удара, то послѣдній будетъ сильнѣе. Плиній изслѣдуетъ утвержденіе, сдѣланное Аристотелемъ, будто всѣ животныя на берегу моря умираютъ только вмѣстѣ съ отливомъ. Величайшій натуралистъ Римской имперіи, которую омывали многія моря, подверженныя приливамъ и отливамъ, приходитъ къ заключенію, что утвержденіе Аристотеля вѣрно только относительно людей, т. е. только ихъ жизнь уходитъ вмѣстѣ съ отливомъ“ [1]).

II.

Я пытался указать на явленія, всегда наблюдаемыя въ той части общества (или одного класса его), которыя представляетъ собою отмирающій стебель. Повторяю, отмираніе одного стебля не означаетъ ни вырожденія, ни смерти цѣлаго общества.

Теперь приведу нѣсколько примѣровъ, иллюстрирующихъ болѣзненныя метанія части среднихъ классовъ англійскаго общества. Установленный культъ переживаетъ такой глубокій кризисъ, что всѣ клерджимены жалуются на опустѣніе церквей. Параллельно съ этимъ мы наблюдаемъ увлеченіе среднихъ классовъ оккультизмомъ, мистицизмомъ и спиритизмомъ. Намъ, живущимъ теперь въ Англіи и имѣющимъ многочисленныхъ знакомыхъ, приходится безпрерывно слышать объ эксцентричныхъ радѣніяхъ, невольно напоминающихъ эпизоды, описанные Гиббономъ. Лекціи г-жи Энни Безантъ усиленно посѣщаются, а ученіе, принесенное въ Англію изъ Америки и извѣстное подъ названіемъ Christian Science, имѣетъ послѣдователей почти въ каждомъ зажиточномъ домѣ. Изъ десяти состоятельныхъ женщинъ, увлекающихся Christian Science, вѣроятно, хоть одна будетъ утверждать, что основательница ученія Эдди не умерла, а вознеслась на небо. Если гость станетъ перебирать книжки, лежащія въ гостиныхъ на столѣ, то, вѣроятно, часто найдетъ такія произведенія, какъ „The Life after Death“ Лидбитера, „Theosophy and Social Reconstruction“ Хэдена Геста и „Nature's Mysteries“ Синнета. Все это изданія Теософическаго Общества. Если наблюдатель имѣетъ хорошихъ знакомыхъ, принадлежащихъ къ выше-среднему классу, то услышитъ странные разсказы, а, быть можетъ, сдѣлается очевидцемъ удивительныхъ сценъ. Въ Лондонѣ въ послѣдніе три - четыре года выросли и стремительно развились такъ называемые nigh-

[1]) ib., стр. 156.

clubs, т. е. ночные клубы, которыхъ раньше не было, такъ какъ „веселящійся Лондонъ“ засыпалъ въ двѣнадцать часовъ. „Ночные клубы“ посѣщаются только богатыми людьми, такъ какъ впускаютъ туда лишь членовъ да гостей ихъ, а членскій взносъ отъ пяти до сорока гиней въ годъ, т. е. отъ 50 до 400 руб.

Года четыре тому назадъ въ Танжерѣ мой проводникъ обратилъ мое вниманіе на отвратительнаго паука, чернаго, съ огненными пятнами, про котораго разсказалъ мнѣ удивительныя вещи.

— Cuando pica a un hombre todo es ocabado! (когда паукъ этотъ укуситъ человѣка,—все кончено)—объяснялъ проводникъ.— Человѣкъ умираетъ, но до самой смерти пляшетъ, какъ бѣшеный, хохочетъ, поетъ и строитъ гримасы.

Къ слову сказать, всѣ эти разсказы про чернаго съ красными пятнами паука (Lycosa Tarentula) страшно преувеличены. Но, когда наблюдаешь въ ночныхъ клубахъ внуковъ и внучекъ диккенсовскихъ героинь, всегда кажется, что ихъ укусилъ Lycosa Tarentula. Парижскіе ночные рестораны Монмартра, главнымъ образомъ, существуютъ для иностранцевъ и для уличныхъ женщинъ. Все это —большіе невольничьи рынки, на которыхъ пріѣзжіе „изучаютъ француженокъ“ и подновляютъ свои знанія языка выраженіями, вродѣ: „j'en suis bleu“, „Aller à la cour des aides“ и „asticot“. Въ „ночныхъ клубахъ“ нельзя видѣть проститутокъ. Тутъ все женщины „изъ общества“, которыя никогда не произнесутъ вульгарнаго слова, но тѣмъ не менѣе залъ лондонскаго ночного клуба въ 2—3 часа утра имѣетъ странный видъ. Назначается, напр., „pyjama night“, и три четверти мужчинъ и дамъ являются въ шелковыхъ „pyjamas“, т. е. въ спальныхъ костюмахъ, состоящихъ изъ курточки и панталонъ. Конечно, у дамъ подъ „pyjamas“ надѣто нижнее бѣлье, но въ своихъ костюмахъ и съ распущенными волосами онѣ имѣютъ видъ, какъ будто только что поднялись съ постели. И рядомъ съ дамами и джентльменами, одѣтыми такимъ образомъ, другіе—въ обычныхъ вечернихъ туалетахъ: т. е. женщины въ открытыхъ бальныхъ платьяхъ, а мужчины—во фракахъ. Въ нѣкоторыхъ ночныхъ клубахъ только ужинаютъ, пьютъ въ изобиліи сухое шампанское и танцуютъ танго, въ другихъ—декламируютъ новые стихи и поютъ. Есть также ночные клубы, въ которыхъ пытаются вступить въ сношенія съ сатаной. Не такъ давно мнѣ пришлось описать такое радѣніе въ „*Русскихъ Вѣдомостяхъ*“. Ничего скабрезнаго, ничего „развратнаго“ при этомъ не бываетъ, во всякомъ случаѣ, я не видалъ и не слышалъ. Вызываютъ только „черта“. Въ эпохи умственнаго подъема и упадка представленіе о „сатанѣ“ не одинаково. Въ первомъ случаѣ онъ представляется мятежнымъ геніемъ, во второмъ лишь вдохновителемъ грубой чувственности. „Въ то время, какъ солнце улыбается землѣ и обмѣнивается съ нею словами любви; въ то время, какъ съ горъ скатывается на оплодотворенныя поля невидимая, таинственная волна,—мой смѣ-

лый стихъ обращается къ тебѣ, сатана. Тебя, предсѣдателя нашихъ празднествъ, вызываю я,—говоритъ Кардучи въ своемъ знаменитомъ гимнѣ.—Ты живешь въ моихъ стихахъ, пылко вырывающихся изъ моей груди; въ стихахъ, являющихся вызовомъ небу и покрытымъ кровью потентатамъ. Ты, котораго въ разное время звали Аграмаиномъ, Адонисомъ, Астартой, вливаешь жизнь въ мраморъ ваятелей, въ полотна художниковъ и въ стихи поэтовъ. Въ тѣ времена, когда Венера Анадіомена посылала счастье возлюбленной Іоніи, тебѣ пѣли гимны, о, возлюбленный Киприды. Въ честь тебя велись пляски и хоры. Къ тебѣ изъ благоуханной чащи идумейскихъ пальмъ возносились первые вздохи счастливыхъ возлюбленныхъ... Привѣтъ тебѣ, духъ мятежный, духъ гордаго разума!" и т. д. Этотъ литературный сатана имѣетъ своими предками байроновскаго Люцифера, гетевскаго Мефистофеля и мильтоновскаго мятежнаго ангела съ опаленными крыльями. Тотъ сатана, котораго вызываютъ въ лондонскихъ ночныхъ клубахъ, не имѣетъ ничего общаго съ духомъ, заявляющимъ, что ему жалко мучить людей:

„Nein, Herr! ich find'es dort, wie immer, herzlich schl.
Die Menschen dauern mich in ihren Jammertagen,
Jch mag sogar die armen selbst nicht plagen".

То—„чертъ" вѣдьмовскихъ шабашей, духъ „черныхъ мессъ", къ которому взываетъ французскій поэтъ, авторъ поэмы „Les Messes Noires":

„Satan, la femme s'offre à toi, nue, impudique,
Prête comme nous tous à l'union lubrique,
Aux gestes défendus, chers aux initiés,
Baisers incestueux et baisers déviés".

Опять повторяю, что на „радѣніяхъ" въ ночныхъ клубахъ дальше *словъ* дѣло не идетъ. Приглашенные переходятъ въ комнату, стѣны которой увѣшаны чернымъ сукномъ, по которому вышиты серебромъ треугольники съ сосновой шишкой и бараньимъ рогомъ въ серединѣ. Въ углу стоятъ черныя ширмы, тоже расшитыя серебромъ. За этими ширмами усаживаютъ медіума. Затѣмъ тушатъ огни и въ комнатѣ начинаютъ курить бѣленой и еще чѣмъ-то удушливымъ. Черезъ нѣсколько минутъ медіумъ впадаетъ въ трансъ и начинаетъ выкликать „истошнымъ" голосомъ:

— Нѣтъ Бога, нѣтъ дьявола!

И сейчасъ же за ширмой въ темнотѣ раздается пронзительное, дерущее уши и вызывающее нервное содроганіе блеяніе:

— Бэ-э-э-э!

Это черезъ посредство медіума откликается изъ бездны „онъ", упоминавшійся въ средневѣковыхъ вѣдьмовскихъ процессахъ подъ именами „Аштаротъ", „Maître Léonard", „Исакорумъ", „Вельзевулъ" и т. д.

— Богъ во мнѣ, дьяволъ во мнѣ! — завываетъ медіумъ за ширмой.

— Бэ-э-э-э!—вторитъ „Maitre Léonard".

— Нѣтъ добра, нѣтъ зла!

— Бэ-э-э!

— Я — добро, я — зло!

— Бэ-э-э!

Въ прошломъ году вышла въ Лондонѣ „фантастическая комедія" Magic, написанная талантливымъ авторомъ Честертономъ, представляющимъ, вмѣстѣ съ Беллокомъ, любопытное явленіе. Передъ нами, такъ сказать, анти-Шоу, противоположность автора комедіи „Человѣкъ и сверхчеловѣкъ". Бернардъ Шоу остроумно разрушаетъ всѣ условности и всѣ тѣ устои, на которыхъ держится современное общество. Беллокъ и Честертонъ пытаются поддержать эти устои и тоже путемъ остроумныхъ парадоксовъ. Горькій опытъ убѣдилъ защитниковъ старыхъ устоевъ, что необходимо упорно отрицать всякую критику, такъ какъ малѣйшее признаніе ея ведетъ, въ концѣ концовъ, къ заключенію, что вся старая постройка должна быть разрушена. Честертонъ и Беллокъ отстаиваютъ „ортодоксію" до мелочей. „Комедія" построена на признаніи существованія чудеснаго и сверхъестественнаго. Сперва Magic была поставлена въ частномъ театрѣ, для особой публики, но пьеса имѣла такой громадный успѣхъ, что ее приняли въ одномъ изъ главныхъ лондонскихъ театровъ и съ тѣхъ поръ нѣсколько мѣсяцевъ она шла тамъ изъ вечера въ вечеръ, вызывая бурные аплодисменты. Въ „комедіи" посрамляется раціоналистъ, говорящій о „фокусѣ", когда сатана мѣняетъ на сценѣ красный цвѣтъ фонаря въ синій. „Вы говорите, что современные фокусы это только раскрытыя древнія чудеса, — говоритъ въ комедіи священникъ Смитъ. — Но, конечно, возможно и другое толкованіе. Когда мы называемъ какую-нибудь вещь *поддѣльной*, то подразумѣваемъ, что она является подражаніемъ чего-то *подлиннаго*. Возьмемъ, напр., ту картину Рейнольдса, что виситъ тамъ на стѣнѣ. Предположимъ, я стану утверждать, что она только копія. Будь даже мое доказательство очень убѣдительно, оно не означаетъ еще, что Рейнольдсъ никогда не существовалъ. Почему же ложныя чудеса должны доказывать, что подлинные святые и пророки никогда не жили? Существуетъ ложная магія, но откуда вы знаете, что нѣтъ настоящей? Существуютъ ложные духи, потому что есть и настоящіе. Театральныя феи, быть можетъ, являются только копіями настоящихъ. Доказавъ, что кредитный билетъ, предъявленный вами, фальшивый, вы этимъ не опровергаете еще существованія Англійскаго банка" [1]).

[1]) G. K. Chesterton, „Magic". Act II.

Эти доводы кажутся очень убѣдительными многимъ желающимъ вѣрить. Намъ, живущимъ теперь въ Англіи, приходится слышать иногда и еще болѣе интересные аргументы.

III.

Лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ въ этихъ случаяхъ ссылались на авторитетъ старыхъ книгъ. Теперь, послѣ уничтожающей критики, которой онѣ подверглись, ихъ свидѣтельство считается не убѣдительнымъ и мы видимъ попытки выдвинуть другіе авторитеты. Въ одномъ изъ третьегоднихъ „магазиновъ", предназначенныхъ для большой публики, мнѣ попалась статья въ девять страницъ подъ громкимъ названіемъ „Proof of Life after Death" (доказательство существованія загробной жизни). Статья написана лордомъ Маунтморресомъ и, какъ это принято въ „магазинахъ", украшена картинками. Къ статьѣ прибавлено маленькое вступленіе отъ редакціи, набранное крупнымъ шрифтомъ. „Вѣрите ли вы или нѣтъ въ то, что душа, послѣ того, какъ тѣло умираетъ, имѣетъ сознательное существованіе, что она знаетъ все, что происходитъ въ покинутомъ ею мірѣ, и ждетъ съ нетерпѣніемъ часа свиданія съ друзьями, оставленными на землѣ? Многимъ самый вопросъ кажется смѣшнымъ; но еще больше такихъ людей, для которыхъ міръ, лежащій за предѣлами земли,— реальность, не требующая больше доказательствъ. Въ этой статьѣ лордъ Маунтморресъ разсматриваетъ доказательства существованія жизни послѣ смерти. И тотъ фактъ, что такіе талантливые и извѣстные ученые, какъ сэръ Вильямъ Круксъ и сэръ Оливеръ Лоджъ вѣрятъ, что смерть не прекращаетъ существованія, долженъ служить достаточнымъ и убѣдительнымъ доказательствомъ для насъ" [1]). Передъ нами интересный образчикъ психологіи растеряннаго человѣка. Сэръ Оливеръ Лоджъ, на котораго указываютъ, какъ на неоспоримый авторитетъ, спеціалистъ въ области магнетизма и электричества. Для сужденія же о вопросахъ жизни и смерти необходимо быть спеціалистомъ въ области біологіи и психологіи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ лордъ Кельвинъ и сэръ Оливеръ Лоджъ сдѣлали заявленіе, что „современная біологія идетъ теперь по болѣе идеалистическому пути". На это послѣдовало рѣзкое отрицаніе со стороны такихъ авторитетовъ въ области біологіи, какъ сэръ Эдуардъ Рэй Ланкастеръ и сэръ Вильямъ Тисельтонъ-Дайеръ [2]). Сэръ Оливеръ Лоджъ дѣлаетъ такія грубыя ошибки, когда говоритъ о вопросахъ, ле-

---

[1]) „London Magazine" X, 1913, стр. 162.

[2]) Ученію Оливера Лоджа посвящена недавно вышедшая книга Джозефа Макъ-Наба „The Religion of sir Oliver Lodge". Авторъ приводитъ много доказательствъ, что Лоджъ въ своей книгѣ, переведенной теперь и у насъ, „misquoted, misstatet und misrepresented" раціоналистовъ.

жащихъ внѣ сферы его спеціальности, онъ такъ часто прибѣгаетъ къ игрѣ словами вмѣсто аргумента, что приводить его авторитетъ то же, что ссылаться на Плинія при описаніи жизни львовъ или при утвержденіи связи между отливами и смертью.

Та часть англійскихъ среднихъ классовъ, которая представляетъ собою отмирающій стебель, ищетъ теперь, какъ это было въ древнемъ мірѣ, когда мѣстный культъ умеръ,—наивной вѣры у другихъ народовъ. Съ этою цѣлью другіе народы изображаются въ совершенно фантастическомъ свѣтѣ. Вотъ, напримѣръ, какъ изображаетъ Стифенъ Граамъ нашу родину. „Англіи необходима Россія, простая и глубоко вѣрующая, какъ необходима мужу жена, кормящая его и молящаяся за него... Я вижу въ мечтахъ Святую Русь, сидящую дома и молящуюся за насъ въ то время, какъ мы поглощены суетными занятіями міра. Я вижу братцевъ и сестрицъ, давшихъ обѣтъ Богу; я вижу святыхъ крестьянъ (the holy peasano), работающихъ въ поляхъ, покорныхъ Богу, идущихъ на богомолье къ святымъ мѣстамъ, зажигающихъ лампады передъ иконами". Стифенъ Граамъ умиляется дальше другими явленіями, свидѣтельствующими о святости и благочестіи Россіи: ея аскетами, „отягчающими себя веригами", ея „святыми иноками, преклоняющимися передъ вѣчной тайной", и т. д. Авторъ радуется, что старцы существуютъ въ Россіи, потому что, молясь за весь міръ, они искупаютъ грѣхи и его, Стифена Граама. „Я радуюсь за Европу, что у нея есть такая опора",—продолжаетъ Стифенъ Граамъ. „Когда молитвы и преданность обрядамъ исчезнутъ въ Россіи, Европа погибнетъ!— восклицаетъ онъ.—Святая Русь это—наше примиреніе съ Богомъ!"

IV.

Мнѣ остается указать еще на одну черту, характерную для ‚отмирающаго стебля": на увлеченіе „простой жизнью". Давно уже книга не производила такого впечатлѣнія на англійскіе вышесредніе классы, какъ „Alone in the Wilderness" Джозефа Наулэса. Французскій ежегодникъ „Paris—Parisien", указывающій всѣмъ свѣтскимъ людямъ „то, что надо знать", и „то, что надо видѣть", говоритъ имъ между прочимъ: „Il faut avoir une opinion sur tout", т. е. надо имѣть готовое мнѣніе обо всемъ. Вотъ почему теперь первый вопросъ, задаваемый хозяйкой своимъ гостямъ на „At Home" это: «Какое ваше мнѣніе объ „Alone in the Wilderness"? Неправда-ли, это удивительно?" Книгой Наулэса увлекаются теперь въ силу тѣхъ же причинъ, по какимъ французскія дамы XVIII вѣка зачитывались пасторальными романами или безчисленными Робинзонами. „Alone in the Wilderness" оригинальная и талантливая книга. Хотя она вышла въ Лондонѣ, но написана американцемъ и повѣствуетъ объ опытѣ опрощенія, продѣланномъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Четвертаго августа 1912 года Джозефъ Наулэсъ удалился въ гро-

мадный дѣвственный лѣсъ Сѣвернаго Мэна совершенно голый, безъ провизіи и безъ всякихъ инструментовъ. Четвертаго октября того же года онъ вышелъ одѣтый и въ здравомъ умѣ изъ лѣса къ поселеніямъ, лежащимъ на канадской территоріи. По системѣ, установленной Гарвардскимъ университетомъ, физическое состояніе Наулэса улучшилось на 78 пунктовъ. Авторъ такъ описываетъ ту „культуру", которую самъ создалъ въ лѣсу. „Верхняя часть моего тѣла была покрыта шкурой чернаго медвѣдя, прикрѣпленной на груди ремнями изъ кожи лося. На ногахъ у меня былъ родъ индѣйскихъ штановъ изъ грубо выдѣланной пыжиковой шкуры шерстью внутрь и камусовые мокасины, сшитые олеными жилами. Голова у меня не была покрыта. На спинѣ висѣла сумка, сплетенная изъ коры молодыхъ кедровъ и наполненная самодѣльными инструментами. У меня были лукъ и стрѣлы, а на рукѣ, на ремнѣ, висѣлъ примитивный ножъ, сдѣланный изъ оленьяго рога". Такимъ образомъ въ два мѣсяца авторъ выработалъ всю культуру палеолитическаго вѣка. Авторъ, художникъ по профессіи, безхитростно разсказываетъ про то, какъ онъ, человѣкъ XX вѣка, велъ два мѣсяца жизнь современника мамонта. Судя по американскимъ газетамъ, Наулэсъ нашелъ уже массу подражателей и именно среди очень богатыхъ, пресыщенныхъ всѣмъ людей. Авторъ, повидимому, человѣкъ атлетически сложенный, имѣвшій раньше нѣкоторый опытъ въ томъ, что такое первобытная жизнь. Джозефъ Наулэсъ, какъ мы узнаемъ изъ его книги, много путешествовалъ и цѣлый годъ кочевалъ съ краснокожими изъ племенъ Сіуксъ и Чиппеуэй. Книга Наулэса читается взрослыми съ такимъ же захватывающимъ интересомъ, съ какимъ мы, мальчишками, читали Швейцарскаго Робинзона. Начало опыта было трудно. Когда авторъ вошелъ голымъ въ лѣсъ, лилъ дождь, продолжавшійся два дня. Такъ какъ все отсырѣло, то огонь было очень трудно развести (путемъ тренія, конечно). Оставалось только грѣться сильными движеніями. „Я не очень сильно страдалъ,—замѣчаетъ Наулэсъ—но мнѣ было несовсѣмъ удобно безъ всякаго платья". Два дня авторъ ничего не ѣлъ, а на третій пообѣдалъ голубикой, которую нашелъ на болотѣ. Къ вечеру третьяго дня онъ поймалъ руками въ ручьѣ пеструшку. Затѣмъ онъ изготовилъ силки изъ кедровой коры, которыми сталъ ловить куропатокъ. Черезъ нѣсколько дней запасы въ его мазазинѣ пополнились медвѣжатиной и олениной. Пробовалъ Наулэсъ питаться лягушками, но нашелъ ихъ невкусными, во всякомъ случаѣ, менѣе вкусными, чѣмъ древесныя почки и заболонь. На четвертый день онъ имѣлъ уже пищу, кровъ и огонь. Затѣмъ явилось желаніе имѣть одежду. Опростившійся художникъ изготовилъ себѣ тростниковые мокасины и ноговицы изъ особаго рода травы. Три дня послѣ того онъ копалъ яму плоскимъ камнемъ, которую прикрылъ потомъ вѣтвями. Въ эту волчью яму попался медвѣдь, доставившій и провизію, и

плащъ. Гибкая вѣтвь граба, высушенная надъ костромъ, доставила матеріалъ для лука, острые камни превратились въ наконечники для стрѣлъ, оперенныхъ рулевыми перьями голубой цапли. Не мало куропатокъ пало отъ этого первобытнаго оружія. Впослѣдствіи Наулэсъ нашелъ сброшенный рогъ оленя, заострилъ его на камняхъ и изготовилъ такимъ образомъ ножъ. Изъ коры одного кустарника, завернутой въ листья тюльпановаго дерева, Наулэсъ изготовилъ сигары. Свои мысли и впечатлѣнія онъ записывалъ обгорѣлой лучинкой на берестѣ. На ней же дѣлались эскизы сценъ лѣсной жизни, которыми украшена теперь книга. Впослѣдствіи автору удалось сфабриковать „родъ грубой бумаги“ изъ древесной пульпы и краски изъ сока разныхъ ягодъ и кореньевъ. Что касается кисти, то Наулэсъ сдѣлалъ ее изъ тѣхъ длинныхъ волосъ, которыми обросли ноздри медвѣдя. Если, дѣйствительно, человѣчеству грозитъ гибель всей цивилизаціи вслѣдствіе міровой войны, какъ предсказываетъ Уэльсъ, или новой эпидеміи, какъ увѣряетъ Бересфордъ, фантастическій романъ котораго „The Goslings“ былъ изложенъ въ прошломъ году въ *Русскомъ Богатствѣ*, если, дѣйствительно, человѣчество можетъ быть отброшено къ временамъ варварства, то, вѣроятно, этотъ періодъ будетъ продолжаться очень недолго, если судить по книгѣ Наулэса.

О своихъ душевныхъ переживаніяхъ въ лѣсу Наулэсъ почти не говоритъ. Онъ упоминаетъ только, что сильно чувствовалъ одиночество. Въ особенности тяжелы были вечера у костра, когда нечего уже было дѣлать, а ложиться спать было рано. Авторъ признается, что одиночество было до такой степени тяжело, что онъ не разъ думалъ оставить опытъ; но утро и солнечный свѣтъ приносили съ собою бодрость и новое настроеніе. Лѣсъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ жилъ Наулэсъ, до такой степени первобытенъ, что животныя не боялись автора. „Тамъ была стая куропатокъ, ставшихъ до такой степени ручными, что онѣ слѣдовали за мною. Онѣ ревновали другъ друга ко мнѣ и, когда одна изъ нихъ приближалась ко мнѣ болѣе, чѣмъ другія, онѣ клевали ее и отгоняли. Я часто обращался къ куропаткамъ съ рѣчью, а онѣ „пляхкали“ и выплясывали вокругъ кустовъ“. Сосѣдями и часто друзьями автора были лоси, олени, бобры, дикія кошки, выдры, лисицы, бѣлки, голубыя цапли и дикіе гуси. Нужно прибавить, что авторъ ловокъ и силенъ, какъ человѣкъ каменнаго вѣка: ударомъ дубины онъ сразу убиваетъ лося.

Такова книга о первобытной, опрощенной жизни, приводящая теперь въ восторгъ англичанокъ изъ выше-средняго класса.

V.

„Отмираніе“ ни въ коемъ случаѣ не означаетъ разложенія цѣлаго класса, а тѣмъ болѣе цѣлаго общества. Любопытно, какъ

отмирающіе пробуютъ утвердить свою жизнеспособность. Проявляется это исключительно въ „новыхъ“ литературныхъ и художественныхъ теченіяхъ. Однимъ изъ документовъ, говорящихъ объ нихъ, является вышедшій недавно громадный томъ подъ названіемъ „Blast“, т. е. „Взрывъ“, представляющій собою, какъ значится на обложкѣ, „Органъ великаго англійскаго вихря“ и выпущенный „Обществомъ мятежниковъ въ области искусства“. Передъ нами рядъ гордыхъ манифестовъ, жалующихъ и отнимающихъ дипломы на званіе „знатоковъ прекраснаго“. И при чтеніи этихъ велерѣчивыхъ грамотъ хочется прежде всего опредѣлить понятія „красота“ и „уродливость“, о которыхъ мы слышимъ такъ много. Намъ говорили когда-то, что красота это гармонія содержанія съ формой, причемъ, въ зависимости отъ степени гармоніи, красота будетъ *чистая* (если форма и содержаніе уравновѣшены), *возвышенная* (если преобладаетъ содержаніе надъ формой) или комическая (если форма преобладаетъ надъ содержаніемъ). Пря такомъ опредѣленіи прекраснаго намъ пришлось бы выбросить много удивительныхъ художественныхъ произведеній, хотя бы, напр., Бодлэра. Попробуемъ дать другое опредѣленіе. Талантъ это—проявленіе индивидуальности въ какой-нибудь пластической формѣ. Красота это—*полное* выраженіе такой индивидуальности. Талантливый поэтъ, беллетристъ или художникъ должны имѣть индивидуальность и должны обладать способностью *выразить ее*. Индивидуальность означаетъ, что писатель придумалъ что-нибудь новое, сознаетъ ясно это новое, глубоко *вѣритъ* въ него и хочетъ передать другимъ, что знаетъ и что чувствуетъ. Желаніе убѣдить другихъ порождаетъ стремленіе высказаться возможно болѣе полно, возможно болѣе *ясно* и точно. Въ силу этого внутреннее сознаніе художника подскажетъ ему самыя точныя слова и наиболѣе яркіе и подходящіе образы. Если мысль такъ нова, что для передачи ея нѣтъ подходящихъ словъ, писатель создаетъ новое слово, причемъ будетъ заботиться о томъ, чтобы слово было не только красиво, но и *выразительно*, т. е., чтобы оно передавало тотъ оттѣнокъ мысли, для котораго нѣтъ еще выраженія. Такимъ образомъ то обстоятельство, что авторъ ясно и точно сознаетъ, что онъ хочетъ сказать, породитъ одно изъ условій красоты—выразительность. Глубокая вѣра автора въ важность и серьезность того, что онъ говоритъ, порождаетъ „настроеніе“, заражающее читателя или зрителя. Красота это—*полнота выраженія* индивидуальности, внѣ зависимости отъ того, что она собою представляетъ. Прекрасно поэтому произведеніе, вполнѣ передающее индивидуальность какъ глубоко вѣрующаго, такъ и атеиста; одинаково прекрасны поэмы Лукреція и псалмы Давида, картины дона Анджелико и бронзовыя изображенія фавновъ подъ треножникомъ, хранящемся въ спеціальномъ отдѣленіи неаполитанскаго музея. Если авторъ смутно сознаетъ, что онъ самъ

хочетъ сказать; если онъ не можетъ выразить, что думаетъ и чувствуетъ, то получается неполнота выраженія, безсиліе или *уродливость*. Послѣдняя не исчезнетъ отъ того, что авторъ попытается замѣнить словами отсутствіе ясности представленія и вѣры.

Такъ какъ литературѣ „отмирающихъ" не откуда достать силу убѣжденія, то она чаще всего поражаетъ попыткой прикрыть громкими и смѣлыми словами отсутствіе яснаго сознанія. Нагляднымъ доказательствомъ этого является сборникъ „Взрывъ".

„Да здравствуетъ великій вихрь, завертѣвшійся въ центрѣ Лондона,—читаемъ мы во вступительномъ манифестѣ. — Мы стоимъ за реальность настоящаго, а не за сантиментальное будущее и не за прошлое, освященное обычаемъ.

„Мы не желаемъ заставлять людей носить футуристскія заплатки на платьѣ или щеголять въ розовыхъ и небесно голубыхъ панталонахъ. Мы не жены и не портные обывателей.

„Человѣчество можетъ помочь художнику только въ томъ случаѣ, если оно будетъ независимо и станетъ работать безсознательно.

„Намъ необходима безсознательность человѣчества, его глупость, анимализмъ и мечты.

„Мы вѣримъ только въ собственное совершенство.

„Истинная красота заключается въ зрителѣ и въ истолкователѣ, но не въ самомъ объектѣ. Мы не желаемъ измѣнить внѣшній видъ міра, ибо мы не естествоиспытатели, не импрессіонисты и не футуристы, представляющіе собою послѣднюю разновидность импрессіонизма. Наше искусство находится внѣ зависимости отъ того вида, который имѣетъ міръ. Мы хотимъ только одного: чтобы міръ жилъ и чтобы онъ черезъ наше посредство чувствовалъ свою примитивную энергію.

„Можно сказать, что въ Англіи всѣ великіе художники были всегда революціонерами, тогда какъ во Франціи всѣ дѣйствительно талантливые люди всегда тяготѣютъ къ традиціи.

„Журналъ *Взрывъ* открываетъ проходъ для всѣхъ тѣхъ живыхъ и смѣлыхъ идей, которыя иначе не могли бы дойти до публики.

„*Взрывъ*, по существу, будетъ народенъ. Онъ не обращается къ одному какому-нибудь классу, но къ основному инстинкту каждаго класса, т. е. къ индивидуальности. Въ тотъ моментъ, когда кто-нибудь чувствуетъ себя художникомъ или реализуетъ это чувство, онъ перестаетъ принадлежать къ опредѣленной средѣ или къ точному времени. *Взрывъ* предназначенъ для этихъ художниковъ по сознанію, существующихъ всюду внѣ времени.

„Народное искусство отнюдь не означаетъ искусства для бѣдныхъ людей, какъ это обычно понимается. Означаетъ оно искусство индивидуалистовъ. Образованіе, какъ общее, такъ и художественное, разрушаетъ творческій инстинктъ. Вотъ почему искусство по преимуществу процвѣтало въ тѣ времена, когда образова-

нія не было; но оно ничего не имѣетъ общаго съ народомъ"... Дальше мы узнаемъ изъ манифеста, что *Взрывъ* желаетъ, чтобы богатые члены общества сбросили съ себя „шкуру образованія, разрушили, вѣжливость, всѣ художественныя мѣрки и всѣ академіи". Художественные бунтари, собравшіеся въ *Взрывѣ*, не желаютъ возрождать въ Англіи старое народное искусство; они „не романтики", но „индивидуалисты, горящіе апостольскимъ жаромъ".

„Мы хотимъ обратить въ нашу вѣру и короля. Пусть у насъ будетъ король, стоящій во главѣ *вихристовъ* (vorticists). Почему нѣтъ"? Авторы манифеста открещиваются отъ футуристовъ и отъ Маринетти [1]). „Автомобилизмъ или маринеттизмъ утомляетъ насъ до смерти,—гласитъ манифестъ.—Мы не собираемся писать поэмъ о самокатахъ, какъ не будемъ вдохновляться также ножами, вилками, слонами и газовыми трубками. Двадцать лѣтъ тому назадъ Оскаръ Уайльдъ умилялся красотой, присущей машинамъ. Гиссингъ восторгался въ своихъ романахъ образцовыми жилищами для народа. Въ своемъ родѣ, такимъ образомъ, онъ тоже былъ футуристъ. Футуристъ это сенсаціонная и сантиментальная помѣсь эстета 1890 года съ реалистомъ 1870 года".

„Бѣдняки—противныя животныя, которыхъ только сантименталисты да романтики находятъ живописными и интересными". „Богачи, всѣ, безъ исключенія, скучны en tant que riches. *Взрывъ* представляетъ собою искусство индивидуалистовъ".

За „манифестомъ" слѣдуетъ длинное перечисленіе того, что „вортексисты" одобряютъ и неодобряютъ. Первыхъ они „взрываютъ" и „проклинаютъ", вторыхъ же благословляютъ. Проклятія и благословенія набраны заставнымъ шрифтомъ неодинаковаго размѣра и расположены колонками. Такимъ образомъ страницы *Взрыва* становятся похожими на таблицы, при помощи которыхъ оптики подбираютъ очки для близорукихъ. „Проклинаемъ и вдобавокъ желаемъ, чтобы вихрь умчалъ британскую эстетику, представляющую собою сливки снобизма и шаронскую розу фатовства да обезьяньяго тщеславія. Проклинаемъ всѣхъ безбородыхъ педантовъ, живущихъ въ Бельсайтъ-паркѣ [2]). Проклинаемъ всѣхъ, страшащихся быть смѣшными, всѣхъ лимфатическихъ авторовъ пьесъ,

---

[1]) Недавно Маринетти, вмѣстѣ съ англичаниномъ Навинсономъ, выпустили „манифестъ" къ британской публикѣ. Изъ этого документа мы узнаемъ, что подписавшіе грамоту „желаютъ излечить англійское искусство отъ самой страшной болѣзни; отъ п а с с е и з м а". Манифестъ объявляетъ войну не на животъ, а на смерть „увлеченію традиціями", „скептицизму, тошнотворному возрожденію всего средневѣковаго, садовымъ городамъ, эстетизму, Оскару Уайльду, пре-рафаэлитамъ и нео-примитивамъ". Война объявляется также и „водоворотчикамъ" (vortecists), „этимъ мнимымъ революціонерамъ, разрушившимъ престижъ Академіи художествъ и выступающимъ теперь противъ авангарда новаго искусства" (т. е. противъ футуристовъ).

[2]) Манифестъ футуристовъ помѣченъ „5, Belsize Studios, Hampstead" Такимъ образомъ, это проклятіе относится къ нимъ.

желающихъ превратить человѣчество въ травоядныхъ животныхъ". „Взрыву", по мнѣнію журнала, подлежатъ почтовая контора, епископъ лондонскій со всѣмъ потомствомъ, настоятель собора св. Павла Голсуорти, актеръ Сеймуръ Хиксъ, философъ Бергсонъ, романистка Марія Корелли, редакторъ консервативнаго еженедѣльнаго журнала Ст. Ло-Страчи, дамскій Lyceum Club, рыбій жиръ, Рабиндранетъ Тагоръ, Вейнингеръ, книга котораго только недавно дошла до Англіи, извѣстный пасифистъ Норманъ Энджель и, для контраста, должно быть, извѣстный американскій авторитетъ по морскому дѣлу адмиралъ Магонъ, Сидней Веббъ, Британская Академія, маленькій дирижеръ Вилли Ферреро и капитанъ Кукъ, находящійся уже давно внѣ предѣловъ похвалъ и проклятій. Кого же „вортексисты" (vortex) благословляютъ и за что?

„Да будетъ благословенна Англія за то, что она имѣетъ корабли, качающіеся на синихъ, зеленыхъ и красныхъ моряхъ, омывающихъ страны, выкрашенныя на глобусѣ алой краской (т. е. британскія владѣнія). Благословеніе на всѣхъ плавающихъ. Они не только мѣняютъ одну страну на другую, но переходятъ отъ элемента къ элементу. Благословеніе на безпредѣльную абстракцію океана. Благословеніе на бедуиновъ, кочующихъ по пустынѣ Атлантическаго океана. Контрастомъ нашему острову должны служить мрачныя волны. Благословеніе на всѣ порты. Благословеніе машинамъ, роющимъ, подобно громаднымъ насѣкомымъ, гавани; затѣмъ маякамъ, сіяющимъ въ холодныя звѣздныя ночи и прорѣзывающимъ своими лучами бурю, подобно тому, какъ ножъ разрѣзываетъ пирогъ; благословеніе рождающимся кораблямъ, жмущимся другъ къ другу носами на верфяхъ. Благословенны машины, движущія эти суда черезъ моря по прямой линіи. Благословеніе на Гулль, Ливерпуль, Лондонъ, Ньюкэстель-на-Тайнѣ, Бристоль и Главго. Благословеніе на Англію, представляющую собою громадную промышленную машину и пирамидальную мастерскую, вершина которой лежитъ на Шотландскихъ островахъ, а основаніе въ Ламаншѣ. Благословенъ холодный, величественный, деликатный, неловкій, чудачествующій и глупый англичанинъ". Благословеніе дальше призывается на парикмахеровъ. „Цирульникъ за ничтожное вознагражденіе нападаетъ на мать природу. За шесть пенсовъ онъ вспахиваетъ ножницами шевелюры, а за три пенса скребетъ подбородки и губы. Предъ нами ландскнехтъ, систематически ведущій войну съ пустыней, подстригающій безформенныя заросли,—превращая ихъ въ изящныя, чистыя выпуклости. Благословеніе на гессенскаго или силезскаго эксперта, исправляющаго причудливые анахронизмы нашего тѣла" [1]). Черезъ три страницы мы находимъ цѣлый листъ, наполненный немотивированными благословеніями, абсолютнымъ одобреніемъ „вортексистовъ", какъ оказывается

[1]) „Blast", стр. 25.

пользуются, между прочимъ: папа римскій, танцовщица Гэби, не любящая стѣснять себя излишними покровами, Армія Спасенія, сэръ Эдуардъ Карсонъ, стоящій во главѣ Ольстерскаго движенія, и товарищъ его капитанъ Крэйсъ, Шарлотта Кордэ, Кромвель, милитантка Мэри Робертсонъ, погибшая при попыткѣ остановить скаковую лошадь, чтобы разстроить въ видѣ протеста Дербійскія скачки, драматургъ-реалистъ Баркеръ, Шаляпинъ, драматургъ Барри, авторъ чудесной фантастической комедіи „Питеръ Панъ", затѣмъ *рецинное масло* и наша соотечественница г-жа Лидія Яворская. Въ первомъ нумерѣ „Взрыва" нѣсколько манифестовъ. Вотъ выдержка изъ воззванія, помѣщеннаго на тридцатой страницѣ. „По ту сторону Акціи и Реакціи мы установимъ себя. Мы выступаемъ съ діаметрально противоположными утвержденіями, потому что они представляютъ собою крайніе полюсы, между которыми лежитъ истина... Мы сражаемся сперва на одной сторонѣ, а потомъ переходимъ къ непріятелю; но каждый разъ мы имѣемъ въ виду только *собственную* цѣль. Ландскнехты всегда были лучшими войсками. Въ современномъ мірѣ мы представляемъ собою примитивныхъ ландскнехтовъ... Мы порождаемъ гражданскую войну среди мирныхъ обезьянъ. Мы стоимъ за юморъ только тогда, когда онъ сражается подобно трагедіи. Мы цѣнимъ трагедію только въ томъ случаѣ, если она можетъ схватиться руками за бока и разразиться смѣхомъ, подобнымъ бомбѣ". Покуда мы видимъ только громкія слова, но еще не добрались до опредѣленія, въ чемъ именно состоитъ „вихрь, завертѣвшійся въ центрѣ Лондона". Перелистываемъ болѣе ста страницъ, но никакъ не можемъ выбраться изъ „манифестовъ". Передъ нами цѣлая тайга, въ которой читатель чувствуетъ себя заблудившимся. Просвѣта не видать. На каждомъ шагу горы валежника, а дальше подъ ногами начинаетъ хлюпать вода: мы въ трясинѣ. Въ Сѣверной Европѣ, а именно въ Германіи, Скандинавіи и въ Россіи, за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ интеллектуальный міръ буйно развивался въ одномъ направленіи, а именно въ сторону *жизни*,— читаемъ мы въ статьѣ-манифестѣ „Футуризмъ, Магія и Жизнь". На сѣверѣ, а именно у Ницше, Маринетти нашелъ свои боевыя рѣчи, свой стиль и еще много кое-чего. Лучшимъ выразителемъ сѣверныхъ тенденцій является Стриндбергъ съ его истерическими, мощными автобіографіями, съ его трагическимъ кокетничаньемъ съ магіей и съ его женоненавистничествомъ. Представителемъ новаго предвидѣнія во Франціи является философъ-импрессіонистъ Бергсонъ. Авторъ манифеста объясняетъ, что когда онъ говоритъ о *жизни*, надо понимать *искусство*, и тутъ же замѣчаетъ, что „Life is not meant good dinner, sleep and copulation", т. е. „*Жизнь* не означаетъ хорошій обѣдъ, спанье и любовь" (въ англійскомъ текстѣ гораздо болѣе сильное и грубое имя существительное). Втеченіе многихъ десятилѣтій общество, а, въ частности, англійское,

не жило, т. е. не зпало настоящаго искусства, являющагося проявленіемъ „звѣринаго тѣла и первобытнаго ума“. За искусство принималось „сантиментальное курлыканье Диккенса“ или „смѣшныя глупости“ Китса. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ все это смертельно надоѣло людямъ, не имѣвшимъ „собачьихъ нервовъ“ и интересовавшимся „чѣмъ либо другимъ, а не выдѣлываніемъ гвоздей и винтовъ“. Любившіе искусство, т. е. жизнь, тщетно искали ее по всѣмъ направленіямъ, попадая часто на ложный путь. „Въ 1900 году Англія отдѣлилась отъ поклонниковъ сатаны и отъ пѣвцовъ непотребнаго дома: къ этому времени буржуазія заботливо заперла Уайльда въ тюрьму, а Суинбернъ добровольно удалился въ лондонское предмѣстье“. Наступили годы, во время которыхъ человѣчество опять работало надъ вопросомъ, „какъ жить, получая наименьшую дозу наслажденія, и какъ интенсивно работать только ради существованія“. Почему англичане предавались этому процессу самоуничтоженія? „Вѣроятно потому, — подсказываетъ авторъ—что убивать—величайшее наслажденіе въ жизни. И когда убивать некого, люди прибѣгаютъ къ самоубійству“. Теперь этотъ процессъ самоуничтоженія кончился, потому что „вихристы“ наконецъ-то нашли настоящую жизнь.

Въ „манифестѣ“, выпущенномъ англійскими футуристами [1]), строго осуждается „манія создать нѣчто безсмертное“. „Великое произведеніе должно исчезнуть вмѣстѣ съ авторомъ его,—читаемъ мы.—Безсмертіе въ искусствѣ это срамъ. Основатели итальянскаго искусства, при помощи своей творческой силы и своего стремленія къ безмертію, создали для насъ тюрьму, въ которой намъ остается только трепетать, подражать и заниматься плагіатомъ. Великіе мастера прошлаго сидятъ на своихъ мраморныхъ пьедесталахъ и хмуро глядятъ на нашу агонію творчества. Ихъ мрачные мраморные лбы говорятъ: „Берегитесь, дѣти! Остерегайтесь моторовъ, не спѣшите; закутайтесь хорошенько. Прячьтесь отъ сквозняковъ! Хоронитесь отъ молній!“ „Впередъ! — восклицаютъ англійскіе футуристы.—„Ура“! за автомобили! „Ура“! за стремительную быстроту! „Ура!“ за сквозняки! „Ура“! за молніи!“

„Вортексисты“, хотя и воюютъ съ футуристами, но безусловно согласны сь ними, что безсмертныхъ произведеній писать не слѣдуетъ. „Великіе писатели своими книгами и великіе художники своими картинами создаютъ дѣтскія для будущихъ поколѣній художниковъ и писателей. Въ этихъ дѣтскихъ оригинальная мысль и самобытное творчество подвергаются гипнозу“. Въ такихъ питомникахъ художникъ и писатель привыкаютъ къ страшному и позорному грѣху: они научаются мечтать. „Мечтаніе равносильно лжи,—читаемъ мы въ *Взрывѣ*.—Всякій моральный человѣкъ питаетъ отвращеніе ко всему нечистому и противоестественному, какъ

[1]) „Yital English Art. Futurest Manitisto“

мечтаніе". Въ „великомъ" искусствѣ и въ литературѣ былыхъ вѣковъ очень много глупостей и пустяковъ именно потому, что авторы думали о будущемъ, а не о себѣ. Художественное произведеніе должно быть безъ прошлаго и безъ настоящаго. Оно должно быть подобно свѣтляку: онъ прекрасенъ, но живетъ лишь двадцать минутъ. „Въ живописи наиболѣе яркія краски блекнутъ всего скорѣе. Мы хотимъ быть ими". „Мы ненавидимъ всѣ остальные вѣка, кромѣ нашего, и не цѣнимъ себя въ сорокъ тысячъ ф. ст., какъ скаковая лошадь". „Художникъ, подобно Нарцису, любующемуся своимъ изображеніемъ въ водѣ, все больше и больше приближаетъ свое лицо къ поверхности ея, т. е. къ жизни". Онъ такъ близокъ къ жизни, что можетъ ожидать яростнаго нападенія со стороны „лицемѣрной акулы", скрывающейся въ водѣ. „Дѣйствительность заключается въ самомъ художникѣ"; зритель и критикъ должны угадывать и дополнять.

Перелистываемъ еще нѣсколько страницъ и снова наталкиваемся на родъ манифеста, „Полицейскій и художникъ". Здѣсь развивается тезисъ, что народъ неспособенъ создать искусство; „это доказывается бѣдностью и однообразіемъ народныхъ пѣсенъ, народнаго орнамента, пляски и т. д." Перелистываемъ еще нѣсколько страницъ и снова нападаемъ на манифестъ „The New agos".

„Цивилизованный дикарь, живущій въ городѣ, лежащемъ въ пустынѣ, и окруженный очень простыми предметами, проявляетъ все свое творческое искусство въ созданіи какого-нибудь примитивнаго идола. Мы ничего не имѣемъ общаго съ такимъ индивидуалистомъ. Наши глаза пронизываютъ жизнь во всѣхъ направленіяхъ"... Но что же долженъ наблюдать новый художникъ, имѣющій глаза, устроенные не какъ у африканскаго дикаря, живущаго гдѣ-нибудь въ Четьма или въ Сиди-Окба? „Точно такъ, какъ старая форма эготизма не пригодна больше для новыхъ условій жизни,—человѣческое тѣло, являвшееся центральнымъ пунктомъ всего прежняго искусства, теперь представляетъ собою анахронизмъ". „Съ каждымъ днемъ человѣческое тѣло, *какъ мы его видимъ*, получаетъ все меньше значенія въ искусствѣ. Больше того. Теперь тѣло меньше существуетъ, чѣмъ раньше, такъ какъ любовь, ненависть и другія страсти ограничены. Анализъ современнаго человѣчества прежде всего обнаруживаетъ *дегуманизацію* его. Мы нащупываемъ теперь какую-то новую реальность въ человѣчествѣ, которой раньше не было и которую поэтому прежніе художники не могли изображать". Такимъ образомъ художникъ, изображающій теперь человѣческое тѣло, какъ его рисовали когда-то, не реалистъ, такъ какъ рисуетъ несуществующее.

Перелистываемъ еще десять страницъ. Опять манифестъ— „Эксплуатація вульгарности". „Когда во время прогулокъ жен

художника Энгра [1]) встрѣчала какого-нибудь калѣку или некрасиваго человѣка, она поднимала свою шаль такъ, чтобы глаза ея мужа не могли быть оскорблены видомъ неизящнаго. Теперь же, напротивъ, художника привлекаетъ все отмѣнно уродливое и банальное. Глупость всегда привлекала, а уродство всегда казалось красивымъ. Аристофанъ любилъ дураковъ такъ сильно, какъ можно любить только свою прекрасную возлюбленную. И, быть можетъ, именно потому, что онъ такъ увлекался глупцами, Аристофанъ потерялъ способность понимать мудрецовъ... Мы не хотимъ, чтобы все было теперь изъ чистаго золота; но насъ раздражаетъ общее увлеченіе глупостью, пошлостью и уродливостью.“ „Пошлость и уродство“ это изображенія „анахронизмовъ“ въ литературѣ и искусствѣ.

„Водоворотъ,—узнаемъ мы дальше,—долженъ уличать прошлое и сдѣлать излишнимъ будущее“. Дальше слѣдуютъ афоризмы-критограммы:

„Новый вихрь достигаетъ до самаго сердца Настоящаго.

„Химическій составъ Настоящаго и Прошлаго не одинаковы. На основаніи этой разницы въ химическомъ составѣ мы создаемъ новую живую абстракцію.

„Рембрандтовскій вихрь покрылъ Нидерланды потопомъ мечтаній

„Терперовскій вихрь залилъ Европу потоками свѣта.

„Мы хотимъ использовать прошлое и будущее. Прошлое должно смыть всю нашу печать, а будущее должно поглотить нашъ безпокойный оптимизмъ.

„Нашъ вихрь признаетъ только настоящее.

„Жизнь это Прошлое и Будущее.

„Искусство это—Настоящее“.

„Манифесты“ отстаиваютъ такимъ образомъ оригинальность, самобытность, „свободу отъ гипноза“, свободу вообще и жизнь. Они возстаютъ противъ „мечтаній“ и противъ господства „учителей“. Мы узнаемъ, что надо отдѣлаться отъ прошлаго и не задумываться надъ будущимъ. Намъ сообщили, кромѣ того, что народное искусство никуда не годится, что предметы, а человѣческое тѣло въ особенности, не должны изображаться такъ, какъ ихъ изображали до сихъ поръ. Посмотримъ теперь, какъ всѣ эти правила примѣняются на практикѣ.

VI.

Когда кто-нибудь имѣетъ что сказать, когда онъ придумалъ, что хочетъ сказать, и когда вѣритъ самъ, что его знаніе надобно,—онъ всегда найдетъ слова, чтобы ясно и точно выразить свои мысли. Мы можемъ тогда соглашаться или нѣтъ, но мысль мы, во

[1]) Jean Ingres — извѣстный историческій художникъ, скончавшійся въ шестидесятыхъ годахъ XIX вѣка.

всякомъ случаѣ, понимаемъ. И это даже въ такомъ случаѣ, если дѣло идетъ о „новомъ“ въ чуждой намъ области искусства. Вотъ, напр., г. Фокинъ желаетъ дать понятіе англійской публикѣ о томъ, что такое русскій балетъ. Онъ пишетъ большую статью въ Times [1]), въ которой говорится между прочимъ: „Въ новомъ балетѣ драматическое дѣйствіе выражено танцами и мимикой, въ которыхъ все тѣло принимаетъ участіе. Чтобы создать стильную картину, балетмейстеръ новой школы долженъ изучить прежде всего національныя пляски изображаемаго народа, которыя безконечно отличаются другъ отъ друга въ зависимости отъ расы. Затѣмъ надо изучить искусство и литературу изображаемаго періода. Новый балетъ, признавая какъ превосходныя достоинства стараго балета, такъ и танцевъ Айседоры Дунканъ, когда эти танцы соотвѣтствуютъ передаваемому сюжету,—отказывается признать каждую изъ этихъ формъ искусства за нѣчто окончательное. Изучая лучшіе памятники искусства съ точки зрѣнія балетмейстера старой школы, отстаивавшаго традиціонные жесты и танцы наноскахъ, мы должны будемъ признать, что мраморные боги Греціи стоятъ въ совершенно ложныхъ позахъ. Никто изъ нихъ не стоитъ на вывернутыхъноскахъ и не держитъ рукъ по правиламъ стараго балета. То же самое мы должны будемъ сказать о величественныхъ статуяхъ Микель Анджело, о выразительныхъ фигурахъ на картинахъ эпохи Возрожденія, о картинахъ Рафаэля и о статуяхъ Родэна. Если мы желаемъ быть вѣрны традиціямъ стараго балета, надо отвернуться отъ всѣхъ сокровищъ искусства, накопленныхъ втеченіе тысячелѣтій, и признать ихъ ложными. Съ другой стороны, становясь исключительно на точку зрѣнія г-жи Дунканъ, мы должны отвернуть фантастическія позы статуй, украшающихъ храмы Индіи, а также въ высшей степени красивыя фигуры древняго Египта, Ассиріи, Вавилона, персидскія миніатюры, японскія и китайскія акварели, доисторическое искусство Греціи, лубочныя русскія картинки, такъ какъ всѣ онѣ удаляются отъ естественныхъ движеній человѣка, а потому не могутъ быть примирены съ теоріей свободной и естественной пляски. А между тѣмъ во всѣхъ этихъ статуяхъ и рисункахъ ужасно много красоты и вкуса. Всѣ они являются выраженіемъ характера и идеаловъ націй, создавшихъ эти памятники искусства. Имѣемъ ли мы право отвергнуть все это и отстаивать одну только формулу? Нѣтъ“. Съ этой теоріей можно соглашаться или нѣтъ, но мы видимъ убѣжденнаго человѣка, продумавшаго свои мысли и желающаго „заразить“ насъ ими. Пляски, которыя г. Фокинъ изображалъ въ Лондонѣ, дѣйствительно являются иллюстраціей къ взглядамъ, выраженнымъ въ приведенной статьѣ.

---

[1]) „The New Russian Ballet“, Times, july 6, 1914.

Перейдемъ однако къ искусству „вортексистовъ", какъ оно передано въ „Взрывѣ". Начнемъ съ живописи. „Зеленая мышьяковая краска, намазанная на полотнѣ цвѣта яичнаго бѣлка. Раздавленная земляника. Пойдемъ и насладимъ наши глаза". Такъ гласитъ двустишіе „Искусство", помѣщенное на 49-й страницѣ. Оно даетъ не совсѣмъ точное представленіе о живописи альманаха, такъ какъ въ немъ нѣтъ рисунковъ въ краскахъ. Вотъ рисунокъ Эдуарда Уидсуорта, изображающій „Ньюкастель". На черномъ фонѣ бѣлые прорѣзы изображаютъ куски зубчатыхъ колесъ, обломки винтовъ, пилъ и какія-то ломанныя линіи. Такой же характеръ имѣетъ рисунокъ того же художника „Мысъ Доброй Надежды", съ тою разницею, что тутъ изображено не бѣлымъ по черному, а чернымъ по бѣлому. Мы видимъ тутъ не куски зубчатыхъ колесъ и не винты, а куски пушекъ да какія-то прямыя линіи. Повидимому, художникъ желалъ изобразить, что онъ чувствовалъ, когда огибалъ во время сильной качки Мысъ Доброй Надежды на военномъ кораблѣ. А, впрочемъ, быть можетъ, рисунокъ изображаетъ танцующихъ на Столовой горѣ негровъ, ждущихъ, когда возвѣстятъ изъ пушки полдень. А то оба предположенія ошибочны. Быть можетъ, художникъ изобразилъ портретъ своего друга, желающаго пушкой сразить всѣхъ враговъ „вортексистовъ". Такому же широкому толкованію поддаются всѣ остальные рисунки. Я не говорю о томъ, насколько они красивы или уродливы, а хочу отмѣтить только полное безсиліе художника высказаться, т. е. отсутствіе въ рисункахъ того, что составляетъ сущность всякаго искусства (стремленіе художника, поэта, музыканта или беллетриста выразить свое чувство, свое настроеніе, свою индивидуальность такъ, чтобы не только стать понятнымъ зрителю или слушателю, но еще „заразить" его). Перейдемъ къ поэзіи „вортексистовъ". Вотъ коротенькое „Размышленіе": „Когда я тщательно изучаю любопытныя привычки собакъ, то долженъ придти къ заключенію, что человѣкъ представляетъ собою высшее животное. Когда же я наблюдаю привычки людей, то признаюсь, мой другъ, что нахожусь въ громадномъ смущеніи". Сколько разъ эта мысль повторялась маленькими и большими поэтами! Если ужь говорить о формѣ, то мнѣ больше нравится эта мысль, когда ее выражаетъ Байронъ въ *Донъ Жуанѣ*. А вотъ „Пастораль". „Молодая дама, живущая противъ меня, имѣетъ такія прекрасныя руки, что я сижу зачарованный, покуда она, съ открытой шеей, чешетъ волосы. Мнѣ нисколько не стыдно наблюдать ее. Обнаженность ея нѣжныхъ рукъ и пальцевъ нисколько не смущаетъ меня; но храни меня Богъ отъ дальнѣйшаго знакомства, ибо смѣхъ ея пугаетъ даже уличныхъ разносчиковъ, а бездомная кошка получаетъ головную боль". Это все стихотвореніе. Быть можетъ, проза дастъ намъ лучшее представленіе о томъ новомъ, которое „вортексисты" возглашаютъ съ пушечной пальбой.

Сперва возьмемъ что-нибудь коротенькое, напримѣръ, отрывокъ, озаглавленный: „Сверхчеловѣкъ“ (The Super).

„Арголь переходитъ черезъ дворъ къ берегу канала. Садится.

„— Арголь!

„— Я здѣсь.

„Голосъ его, звучащій хрипло и обезображенный катарромъ лжи въ смрадной обанкротившейся атмосферѣ житейскаго болота,—теперь звенитъ ясно и чисто среди ароматныхъ холмовъ истины. Этотъ голосъ погоняетъ его проворныя мысли.

„— Арголь.

„Тотъ голосъ звучалъ подобно крику младенца, призывающаго мать.

„Нота первозданнаго отчаянія рождалась въ густыхъ кустахъ внизу“. Въ Арголя полетѣлъ камень. Затѣмъ началась борьба. Затѣмъ неизвѣстное исчезло, а Арголь потерялъ сознаніе. Это тоже все. Перехожу къ самому большому разсказу, помѣщенному въ альманахѣ—„Indissoluble Matrimony“, т. е. „Нерасторжимый бракъ“. Принадлежитъ онъ перу г-жи Р. Вести. Онъ—адвокатъ. Она—публицистка и митинговый ораторъ. Его зовутъ Джорджъ, а ее—Ивэдна. Они живутъ въ мѣщанскихъ комнатахъ, стѣны которыхъ отдѣланы дубомъ („онъ едва выноситъ ихъ видъ“), окруженные „джунглями въ видѣ мебели изъ сіяющаго краснаго дерева“. Джорджъ всегда былъ женоненавистникъ. „Отвращеніе къ женщинѣ открыло ему, что міръ этотъ наполненъ опасностями“, еще тогда, когда Джорджъ былъ одинокъ. „Брака онъ боялся, какъ смерти“. Когда Джорджу за завтракомъ приходила мысль, что ему придется жить интимно съ молодой, красивой женой, то „его начинало почти тошнить“. „Похоть женщины приводила его въ ужасъ. О ней онъ только темными намеками говорилъ съ друзьями. Онъ удивлялся, почему церковь не установила особой службы, освобождающей мужчину послѣ брака. Оставленіе жены казалось Джорджу прекраснымъ актомъ людей, стремящихся къ чистотѣ“. Г-жа Р. Вести, какъ Бернардъ Шоу въ своей комедіи Man and Superman, убѣждена, что не мужчина завлекаетъ и ловитъ женщину, а напротивъ—женщина завлекаетъ и ловитъ мужчину. И вотъ что случилось съ женоненавистникомъ Джорджемъ, твердо рѣшившимъ никогда не жениться. Какъ адвокатъ, онъ велъ дѣла матери Ивэдны. И вотъ молодая дѣвушка рѣшила изловить его и сдѣлать своимъ мужемъ. „Физически онъ былъ привлекателенъ, хотя не силенъ. Умъ его дѣйствовалъ стимулирующимъ образомъ, какъ молодое вино. Ей же пришла пора выйти замужъ. Она созрѣла вполнѣ для брачной жизни“. И Джорджъ женился. Нѣкоторое время они жили иллюзіями. „Она знала любовь. Для Ивэдны бракъ былъ только необходимымъ физическимъ приключеніемъ, которое она осуществила какъ разъ во время. Для нея это былъ кэбъ, нанятый въ подходящій моментъ“. Послѣ брака Ивэдна не долго оставалась

радикалкой, какъ ея мужъ, начала усиленно изучать политическую экономію, стала соціалисткой и успѣшно выступала, какъ авторъ и какъ ораторъ.

Джорджъ ненавидитъ жену за то, что она чувственна, и въ то же время ревнуетъ.

— Ивэдна! Вы готовите вашу рѣчь!—восклицаетъ онъ, заставъ жену за работой.

— Да,—кивнула она.

— Чертъ возьми! Вы не будете говорить на митингѣ. (NB. Тамъ долженъ быть ораторъ, къ которому Джорджъ ревнуетъ).

— Чертъ возьми! Я буду говорить.

— Ивэдна, вы не будете говорить. Если вы выступите на митингѣ, то, клянусь вамъ,—выгоню на улицу.

Она поднялась. Лицо ея потемнѣло и стало страшно. Она мягко, по-кошачьи, подошла къ нему, наклонивъ голову. Невольно онъ схватилъ ножъ со стола. Она взглянула на мужа, потомъ на остріе ножа.

— Идіотъ! — сказала она черезъ нѣсколько секундъ. — Не слышите развѣ? Чайникъ кипитъ уже давно.

Онъ отступилъ и уронилъ ножъ. Минуты три Джорджъ стоялъ неподвижно, стараясь успокоить сильно бившееся сердце. Затѣмъ онъ послѣдовалъ за женой, которая въ кухнѣ звенѣла посудой.

— Не шумите такъ,—крикнулъ онъ.

Она оглянулась, держа мокрое полотенце въ рукахъ, обдумывая, повидимому, бросить ли мужу въ лицо тряпку или нѣтъ. Но Ивэдна устала и желала мира: ей надо было разработать рѣчь. Ивэдна стояла неподвижно.

— Слышите ли вы меня?—началъ онъ:—если вы мнѣ тутъ же не дадите обѣщанія, что...

Жена не дослышала, бросилась съ плачемъ наверхъ, затѣмъ черезъ нѣсколько минутъ возвратилась, держа что-то подъ накидкой, хлопнула выходной дверью и убѣжала. У мужа, думающаго все время только о томъ, какъ бы освободиться отъ жены, пробуждается ревность: „Она убѣжала безъ сомнѣнія къ своему любовнику. Куда же еще можетъ убѣжать женщина ночью“? И женоненавистникъ бѣжитъ безъ башмаковъ, въ однихъ чулкахъ искать жену „по полямъ и по доламъ“. Оказывается, что жена убѣжала купаться. Ей доставляетъ наслажденіе купаться ночью, когда на рѣкѣ никого нѣтъ. Затѣмъ онъ тоже купается. И оба испытываютъ первозданную любовь, построенную на ненависти. „То былъ экстазъ. Они чувствовали себя сильными и свирѣпыми. Подобно тому, какъ люди, околдованные культомъ, созерцаютъ всю землю, какъ проявленіе своего божества, такъ Джорджъ и Ивэдна усматривали во вселенной субстанцію и символъ своей ненависти. Звѣзды въ небѣ трепетали отъ ярости. Вѣтеръ гнѣвно дулъ изъ-за скалы, а приземистый боярышникъ кряхтѣлъ, какъ раздраже-

ный старикъ... Передъ Джорджемъ и Ивэдной предстала новая концепція жизни. Они поняли, что Богъ, создавая міръ, имѣлъ въ виду войну... Когда собаки появляются, кошки должны бѣжать. Дѣва должна разставлять сѣти для уловленія мужчины. Возлюбленный долженъ убивать". „Въ Ивэднѣ пробудилась первобытная женщина, являющаяся проклятіемъ всѣхъ женщинъ, т. е. существо, въ которомъ полъ является преобладающей чертой, существо безполезное, пригодное только для дѣторожденія, трусливо и позорно боящееся мужчины". И результатомъ пробужденія „первозданнаго чувства" въ Джорджѣ было стремленіе утопить жену, когда они плавали вмѣстѣ, послѣ экстаза. „Хотя Господь создалъ войну, но Джорджъ желалъ мира для себя". „Жена ему представлялась занавѣсью изъ плоти, отдѣляющей его отъ прежней, спокойной жизни". Джорджъ толкнулъ жену подъ мельничное колесо. Авторъ потомъ на нѣсколькихъ страницахъ описываетъ переживанія Джорджа, сознающаго, что, убивъ Ивэдну, „онъ спасъ міръ отъ порока". И представьте: когда подъ утро Джордъ возвратился домой, онъ засталъ жену въ постели. Какое разочарованье! „Джорджъ думалъ, что съ нимъ случилось то, о чемъ мечтаютъ всѣ мужчины. Онъ думалъ, что была ночь любви и убійства. Онъ думалъ, что одну ночь онъ властвовалъ надъ женщиной. Но все это была ложь. Не случилось ничего прекраснаго... Онъ былъ побѣжденъ. Онъ раздѣлся и легъ спать, какъ дѣлалъ это уже втеченіе десяти лѣтъ То же онъ будетъ дѣлать и до смерти. И Ивэдна, еще не проснувшись, стала ласкать его теплыми руками".

VII.

Мнѣ припоминается at-home въ іюнѣ 1914 года. Хозяйка, любящая все новое, оригинальное и „смѣлое", пригласила двухъ „львовъ". Дама, конечно, хорошо знала основное правило, что никогда не слѣдуетъ звать больше одной знаменитости; но въ данномъ случаѣ оба льва выразили желаніе быть вмѣстѣ. Одинъ былъ Маринетти, а другой—его англійскій единомышленникъ. Когда наступилъ моментъ демонстрировать „львовъ", хозяйка предложила Маринетти сказать „нѣсколько словъ". Знаменитость немедленно рѣчисто и гладко стала объяснять по-французски, что новое искусство имѣетъ цѣлью освободить новую красоту, которую Маринетти называетъ Splendeur géometrique et mécanique, т. е геометрическое и механическое великолѣпіе. „Мы уже похоронили смѣшную красоту пассеистовъ, а именно романтизмъ, символизмъ и декадентство; красоту, сущностью которой были фатальная женщина, лунный свѣтъ, воспоминанія, тоска, вѣчность, безсмертіе, туманъ вѣковъ, окружающій легенды, экзотическая прелесть, порожденная дальностью разстоянія, живописное, все деревенское, пустынное уединеніе, причудливый безпорядокъ, таинственный

полусвѣтъ, рѣзкость, мѣдная окись на старинныхъ вещахъ, представляющая собою только нечистоты времени, руины, эрудиція, запахъ плѣсени, вкусъ гнили, пессимизмъ, чахотка, самоубійство, кокетничаніе агоніей, эстетика неудачниковъ и обожаніе смерти", продолжалъ Маринетти. Все было понятно до тѣхъ поръ, покуда Маринетти не принялся объяснять сущность геометрической и механической красоты. Онъ попросилъ, чтобы ему дали черную доску, которую двѣ горничныя тотчасъ же принесли изъ дѣтской. „Мой другъ Кангильо написалъ прекрасную поэму, озаглавленную *Курильщикъ въ вагонѣ второго класса*. Кангиль пишетъ такъ F U M E E R. Великолѣпное изображеніе! Можетъ ли что-нибудь другое дать лучшее представленіе объ однообразныхъ мечтахъ пассажира и о клубахъ расходящагося дыма?" Затѣмъ Маринетти сталъ иллюстрировать новую красоту своей поэмой „Зангъ-Тумбъ-Тумбъ", въ которой трескъ пулеметовъ переданъ черезъ „тататата", а ружейная стрѣльба черезъ „пикъ-пакъ-пумъ". „Сиини" изображаетъ свистъ буксирнаго парохода, а „фиииии"—эхо отъ свиста. Разница между „С" и „Ф" (Си-и-и и „Фи-и-и") должна дать представленіе о ширинѣ рѣки, на которой эхо раздается. Взглянувъ на затуманившіеся глаза слушателей, я убѣдился, что, при всей любви къ „новому", эти дамы и мужчины предпочли бы какое-нибудь старое, „похороненное" описаніе битвы вмѣсто слѣдующаго: „Горизонтъ=буравчику острі-і-і-ію солнца + 5 треугольныхъ тѣней съ каждой стороны 1 килом. + 3 ромба розоваго свѣта + 5 обломковъ холма + 30 столбовъ дыма + 23 пламени".

Затѣмъ поднялся другой „левъ": блѣдный, до смѣшного изысканно одѣтый молодой человѣкъ, съ стеклышкомъ въ глазу. Это—одинъ изъ наиболѣе видныхъ представителей „искусства будущаго". Отецъ его нажилъ громадное состояніе, фабрикуя „туалетную" бумагу, которой далъ почему-то испанское названіе „Novio", что означаетъ возлюбленный. Сынъ тоже фабрикуетъ эту бумагу, но въ то же время пріобрѣтаетъ другую для служенія музамъ. Молодой человѣкъ, потрясая костлявымъ кулакомъ, объяснялъ, что онъ и его единомышленники похоронили старое искусство. Имъ нужно искусство новое, сильное, мужественное и анти-сентиментальное. Онъ и его единомышленники представляютъ собой авангардъ великой арміи. Англія должна гордиться смѣлыми бойцами и поддерживать ихъ.

Но, когда фабрикантъ „туалетной" бумаги „Novio" началъ приводить образчики новаго искусства, я увидѣлъ тѣ же затуманенные глаза.

Не подлежитъ сомнѣнію, что жизнь въ Англіи выдвинула впередъ новые вопросы, новыя понятія красоты и новыя настроенія, для передачи которыхъ, вполнѣ возможно, нужны новыя формы. Вполнѣ допускаю, что нѣкоторые „вортекисты", или ихъ

враги - друзья искренно сознаютъ это. Но не подлежитъ также сомнѣнію, что они сами не знаютъ еще ясно, что они хотятъ сказать, а потому ихъ „творчество“—только непонятный лепетъ. У Тургенева есть чиновникъ Латкинъ, разбитый параличемъ. Мозгъ больного дѣйствуетъ правильно, но языкъ путается и никакъ не можетъ выговорить настоящее слово. Латкинъ, напр., хочетъ сказать: „Хлѣба мнѣ“, а непослушный языкъ выговариваетъ: „Чу-чу-чу! Ножницы“. „Вортексисты“ напоминаютъ этого чиновника, такъ какъ языкъ у нихъ тоже ворочается не въ ту сторону, куда слѣдуетъ. Мы видѣли выше, какія условія необходимы, чтобы „новое“ въ искусствѣ стало реальностью. Такъ какъ „вортексизмъ“ захватилъ собою по преимуществу отмирающія вѣтви того здороваго дерева, которому имя англійскіе средніе классы, то сомнительно, чтобы „Латкинъ“ нашелъ когда-нибудь „настоящее слово“.

Діонео.

ВОЙНА и ДЕМОКРАТІЯ.

(Письмо изъ Франціи).

I.

Большая война, требующая чрезвычайнаго напряженія силъ борющихся, является страшнымъ экзаменомъ для всякаго политическаго режима. Такая война подвергаетъ испытанію огнемъ и желѣзомъ его стойкость и жизнеспособность, рельефно обнаруживаетъ его достоинства и недостатки, обнажаетъ его внутреннія язвы.

Какъ же проявилъ себя во Франціи на почвѣ войны демократическій режимъ?

Французскій демократическій строй за полвѣка своего существованія успѣлъ достигнуть довольно значительнаго уровня въ смыслѣ внутреннихъ свободъ. Здѣсь завоеванія демократіи оказались болѣе широкими и болѣе существенными, чѣмъ въ области соціальной. Сейчасъ вопросъ можетъ идти лишь о томъ, насколько совокупность политическихъ свободъ Франціи пострадала или сохранилась въ періодъ войны, насколько прочными оказались политическія традиціи третьей республики.

Какъ только вспыхнула война, правительство Вивіани объявило осадное положеніе и внутреннеее перемиріе. Правительство объявило осадное положеніе, подчиняясь ясному требованію закона,—оно объявило внутреннее перемиріе, исходя изъ интересовъ обороны отечества, которая сильно зависитъ отъ моральной стойкости и единства націи. La trève, перемиріе, означало, что правительство приглашаетъ всѣ партіи прекратить на время войны

свою борьбу и свои счеты и что оно съ своей стороны обязуется не принимать никакихъ мѣръ, которыя могли бы нарушить національное единство. Введеніе осаднаго положенія принесло съ собой мало осязательныхъ перемѣнъ, которыя могли бы дѣйствительно стѣснить свободу гражданъ. Исключеніе составляетъ лишь военная цензура, о которой рѣчь будетъ ниже. Помимо цензуры осадное положеніе выразилось конкретно лишь въ томъ, что стали закрываться ранѣе обыкновеннаго магазины, рестораны и кафе и что для передвиженія въ предѣлахъ Франціи оказались необходимыми спеціальные laissez passer.

Дѣло въ томъ, что во Франціи осадное положеніе, согласно закону, далеко не равносильно упраздненію всѣхъ существующихъ свободъ и учрежденію фактической диктатуры правительства. Два спеціальныхъ закона — законъ 9 апрѣля 1849 г. и законъ 3 апрѣля 1878 г.—опредѣляютъ значеніе и сущность осаднаго положенія. Прежде всего, осадное положеніе можетъ быть вотировано только парламентомъ. Въ исключительномъ случаѣ, когда вспыхиваетъ война или вооруженное возстаніе, въ отсутствіи палатъ, президентъ республики можетъ, по предложенію совѣта министровъ, объявить декретомъ осадное положеніе. Но тогда, не позже, какъ черезъ два дня, долженъ собраться парламентъ независимо отъ того, созоветъ ли его правительство или нѣтъ. Это его право и его долгъ, точно опредѣленные конституціей.

По объявленіи осаднаго положенія поддержаніе порядка и полицейскія функціи переходятъ всецѣло въ руки военныхъ властей. Однако гражданская власть продолжаетъ исполнять тѣ функціи, которыя найдетъ возможнымъ оставить ей власть военная. Прерогативы послѣдней строго ограничены. Военная власть имѣетъ право: производить обыски въ любое время въ жилищахъ гражданъ, высылать административнымъ путемъ лицъ, осужденныхъ нѣсколько разъ за уголовныя преступленія, отбирать оружіе и аммуницію и производить розыски ихъ и, наконецъ, закрывать періодическія изданія и запрещать собранія, которыя имѣютъ цѣлью возбуждать страсти и вызывать безпорядки. И это все. 11-й параграфъ закона 9 апрѣля 1849 г. гласитъ, что, не смотря на осадное положеніе, граждане продолжаютъ пользоваться всѣми правами, гарантированными конституціей, за исключеніемъ правъ, пользованіе которыми пріостанавливается предыдущими параграфами.

Какъ видимъ, хотя осадное положеніе предоставляетъ военнымъ властямъ весьма значительныя права, тѣмъ не менѣе имъ поставленъ нѣкоторый предѣлъ, который защищаетъ гражданъ отъ полнаго произвола. Достаточно указать хотя бы на то, что военнымъ властямъ не дано права подвергать гражданъ административнымъ взысканіямъ и карамъ. Судъ и законъ не упраздняются,—лишь нѣкоторыя спеціальныя преступленія подлежатъ вѣдѣнію военныхъ

судовъ. Кромѣ того, парламентъ имѣетъ право въ любой моментъ отмѣнить осадное положеніе простымъ голосованіемъ.

Необходимо отмѣтить, что правительство съ своей стороны приняло мѣры для того, чтобы ослабить суровость осаднаго положенія. Такъ, поддержаніе порядка и полицейскія функціи фактически всюду оставлены въ рукахъ гражданскихъ властей, которыя поставлены лишь подъ общій контроль военныхъ губернаторовъ. Право военныхъ властей закрывать на все время войны періодическія изданія также фактически не примѣняется. Въ видѣ компенсаціи правительство лишь расширило компетенцію военной цензуры, которая подчинена непосредственно министру внутреннихъ дѣлъ. Наконецъ, никакихъ розысковъ оружія и аммуниціи, никакихъ повальныхъ обысковъ до сихъ поръ также произведено не было.

Въ заключенномъ по обоюдному согласію „перемиріи" правительство является, по существу, одной изъ договаривающихся сторонъ, взявшихъ на себя опредѣленныя обязательства. Справедливость требуетъ признать, что, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ правительство свои обязательства выполняло честно и въ этомъ отношеніи перемиріе не явилось однобокимъ.

Раньше всего правительство Вивіани приняло двѣ радикальныя умиротворяющія мѣры: оно объявило полную и неограниченную политическую амнистію и отмѣнило пресловутое carnet B. Благодаря амнистіи, всѣ политическіе заключенные были выпущены на свободу, всѣ политическіе процессы, безъ исключенія, прекращены и сейчасъ во французскихъ тюрьмахъ не содержится ни одного политическаго. Отмѣна „carnet B" имѣла еще большее умиротворяющее значеніе. „Carnet B"—это составленный въ мирное время списокъ наиболѣе видныхъ антимилитаристовъ изъ лагеря соціалистовъ, синдикалистовъ и анархистовъ, которыхъ надлежало арестовать тотчасъ же по объявленіи войны. Антимилитаристы, опять-таки безъ единаго исключенія, были оставлены въ покоѣ и на свободѣ.

„Умиротворяя" лѣвыхъ, правительство сочло нужнымъ умиротворить и правыхъ. Оно распорядилось, чтобы не ставилось препятствій для возвращенія во Францію изгнанныхъ монаховъ и монахинь, членовъ запрещенныхъ конгрегацій. Законъ, касающійся членовъ этихъ конгрегацій, не былъ отмѣненъ, но его неуклонное примѣненіе какъ бы временно пріостановлено. Власти просто смотрятъ сквозь пальцы на его нарушеніе.

Нѣсколько иначе обстоитъ дѣло съ военной цензурой.

Законъ 5-го августа 1911 г. не даетъ права цензировать что бы то ни было, кромѣ военныхъ извѣстій. Но сейчасъ во Франціи осадное положеніе, а, согласно закону 1849 г. объ осадномъ положеніи, каждый командующій генералъ имѣетъ право закрывать

навсегда газеты, предавать ихъ редакторовъ военному суду и закрывать типографіи.

Правительство не стало примѣнять этотъ страшный законъ, который слишкомъ противорѣчитъ установившимся французскимъ традиціямъ, но, какъ я уже говорилъ, оно сильно расширило компетенцію военныхъ цензоровъ. Послѣднимъ поручено цензировать не только военныя извѣстія, но и всякія статьи и сообщенія, относящіяся къ дипломатической области,—они должны также слѣдить за тѣмъ, чтобы въ печати не появлялось что-либо, могущее поколебать единеніе націи или ослабить силу ея патріотическаго настроенія. И такимъ образомъ фактически періодическія и непеpіодическія изданія вынуждены представлять въ цензуру весь свой печатный матеріалъ.

Противъ цензуры военныхъ извѣстій во Франціи никто не протестуетъ. Цензура статей и сообщеній, относящихся къ дипломатической области, такъ же всѣми пріемлется, какъ нѣчто необходимое и естественное. Но цензура, распространенная на всѣ прочіе отдѣлы, вызываетъ постоянные протесты и сильно стѣсняетъ сейчасъ во Франціи свободу слова. Въ первый періодъ войны, въ особенности, когда правительство находилось въ Бордо, не было ни одной парижской газеты, столбцы которой не были бы испещрены ежедневно бѣлыми пропусками.

Правда, французская цензура—своеобразная, но отъ этого не на много легче журналистамъ, привыкшимъ къ полной свободѣ. Главное вниманіе цензуры обращено не столько на общую критику правительства и властей, сколько на критику ихъ конкретныхъ дѣйствій и мѣръ. Клемансо можетъ, напримѣръ, безвозбранно выпускать свои ядовитые заряды противъ президента республики и министерства. Ему позволяютъ утверждать чуть ли не ежедневно, что Пуанкарэ въ такой отвѣтственный моментъ не проявляетъ въ достаточной мѣрѣ предоставленной ему по конституціи власти, что правительство безвольно, что въ немъ отсутствуютъ рѣшительные и способные люди, что оно не соотвѣтствуетъ своей задачѣ. То же самое цензура позволяетъ и органамъ крайней правой. Но за то она безжалостно вычеркиваетъ все, что касается плохой постановки санитарнаго дѣла, военной почты, всякую критику дѣла снабженія арміи провіантомъ и боевыми припасами, дѣла организаціи помощи жертвамъ войны и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ цензура не пропускаетъ рѣзкихъ полемическихъ статей, которыя, по ея мнѣнію, опасны съ точки зрѣнія интересовъ внутренняго мира, а также критики дѣйствій союзныхъ правительствъ. И, такъ какъ цензорамъ при исполненіи своихъ обязанностей неизбѣжно приходится руководиться не точными указаніями закона, а своими субъективными мнѣніями, то понятно, что въ ихъ дѣйствіяхъ проявляется немалый произволъ.

Два раза депутаціи отъ журналистовъ и парламентаріевъ по-

сѣтили министра-президента и просили его объ отмѣнѣ цензурнаго режима. Вивіани обѣщалъ принять мѣры къ тому, чтобы цензура сдѣлалась менѣе стѣснительной, но на просьбу объ ограниченіи ея рамками закона 1911 года,—отвѣтилъ категорическимъ отказомъ. Или цензура такъ, какъ она есть, или примѣненіе закона объ осадномъ положеніи, — выбирайте, — таковъ былъ отвѣтъ Вивіани.

Передаютъ, что въ совѣтѣ министровъ Самба и Гэдъ высказались въ пользу отмѣны цензуры, но остались въ меньшинствѣ. Правительство, очевидно, считаетъ въ данный моментъ опаснымъ для себя,—а, можетъ быть, и для страны—допущеніе полной свободы критики правительственной администраціи.

Несомнѣнно, что еслибы парламентское большинство опредѣленно желало радикальнаго измѣненія цензурнаго режима, то правительство въ концѣ концовъ подчинилось бы. Но въ парламентѣ этого вопроса никто не возбуждаетъ и правительство этимъ пользуется. Тѣмъ не менѣе на общемъ фонѣ французской жизни цензура является темнымъ пятномъ.

Что касается политическихъ прерогативъ націи, представленной парламентомъ, то здѣсь война ничего не измѣнила.

Послѣ объявленія войны парламентъ не былъ распущенъ,— были лишь отложены его засѣданія, а за президентомъ палаты осталось право созвать депутатовъ, когда онъ найдетъ это нужнымъ.

Когда нѣмцы приблизились къ Парижу, а правительству пришлось перенести свою резиденцію въ Бордо, ни о какомъ правильномъ функціонированіи представительныхъ учрежденій не могло быть рѣчи. Правительство фактически превратилось въ диктатора страны, но, какъ извѣстно, оно по собственной иниціативѣ сочло нужнымъ дать нѣкоторыя гарантіи демократіи. Именно для этой цѣли въ ряды министерства Вивіани были привлечены представители всѣхъ республиканскихъ партій, въ томъ числѣ и „объединенные соціалисты", въ лицѣ Самба и Гэда. Это былъ очень умный и тактичный шагъ, который вызвалъ большой энтузіазмъ въ странѣ и въ арміи.

По возвращеніи правительства въ Парижъ самъ собою всталъ вопросъ о возобновленіи парламентской сессіи. И вотъ тутъ-то началась яростная кампанія противъ парламента со стороны реакціонеровъ и націоналистовъ. Эти послѣдніе, такъ громко кричащіе о своей горячей любви къ отечеству, не обнаруживаютъ никакой склонности соблюдать „перемиріе", диктуемое интересомъ націи, и, наоборотъ, пользуются условіями, созданными войной, и сознательной и добровольной сдержанностью лѣвыхъ партій, чтобы нападать на демократическія учрежденія.

Созвать парламентъ? Но къ чему парламентъ во время войны?

Въ такое время слово должно принадлежать лишь пушкѣ. Къ тому же, доказывали правые „патріоты“, парламентъ всегда приносилъ лишь вредъ дѣлу національной обороны. Если Франція оказалась не вполнѣ готовой въ началѣ войны, то это вина депутатовъ, которые не давали возможности правительству принимать необходимыя мѣры. Если Франція теперь готова, то это потому, что военныя власти, избавившись отъ парламентскаго контроля, получили свободу дѣйствій. Кромѣ того, утверждали правые органы печати, депутаты и сенаторы, согласившіеся на роспускъ въ моментъ, когда отечеству угрожала страшная опасность, морально себя скомпрометировали, они тѣмъ самымъ признали, что парламентъ мѣшаетъ дѣлу національной обороны, и, слѣдовательно, сейчасъ не имѣютъ права требовать его созыва.

„Представьте себѣ,—писало „Figaro“—что съ самаго начала войны сенатъ и палата засѣдали бы непрерывно, не смотря на опасность, которая угрожала отечеству, не смотря на свои порѣдѣвшіе ряды. Это было бы зрѣлище высоко благородное и патетическое. Это напомнило бы намъ времена древняго Рима и могло остаться, какъ великое національное воспоминаніе. Почему тогда объ этомъ никто не подумалъ? Почему оба собранія, съ общаго согласія, немедленно же и безъ протеста устранились, устранились совершенно естественно, какъ будто бы они, народные представители, чувствовали себя лишними въ моментъ, когда страна переживала величайшій кризисъ, когда на карту была поставлена ея жизнь?“

А депутатъ и академикъ Морисъ Баррэсъ, въ свою очередь, писалъ въ националистическомъ „Echo de Paris“: „насъ было восемьсотъ человѣкъ, которые, подчиняясь патріотическому чувству, заявили, что мы болѣе, какъ депутаты, ничего не стоимъ. И въ эту торжественную минуту нашей національной исторіи кто, помимо солдатъ, можетъ думать, что онъ чего-нибудь стоитъ?“

Однако кампанія правыхъ потерпѣла полное фіаско. Ни въ странѣ, ни въ правительствѣ она не встрѣтила сочувствія. Буржуазный „Temps“, отражая настроенія республиканской буржуазіи, рѣзко выступилъ противъ антипарламентской пропаганды, а правительство созвало парламентъ. И въ день открытія сессіи президентъ министровъ и президентъ палаты сочли нужнымъ торжественно подтвердить суверенныя права народнаго представительства и дать публичную отповѣдь правымъ.

„Если Германія вначалѣ дѣлала видъ, что сомнѣвается, то теперь у нея уже не можетъ быть сомнѣнія,—такъ гласила правительственная декларація, прочитанная Вивіани.—Пусть она констатируетъ, что французскій парламентъ, послѣ четырехъ мѣсяцевъ войны, даетъ міру то же зрѣлище, которое онъ далъ ему въ тотъ день, когда отъ имени націи онъ принялъ вызовъ. Парламентъ обладаетъ для этого всѣмъ необходимымъ авторитетомъ. (*Бурные*

апплодисменты). Онъ является одновременно выраженіемъ и гарантіей нашихъ свободъ. (*Повторные бурные апплодисменты*). Онъ знаетъ, что правительство почтительно подчиняется его необходимому контролю, что его довѣріе намъ необходимо и что завтра, какъ и сегодня, передъ его суверенитетомъ всегда будутъ склоняться (*Новые бурные апплодисменты*)".

Президентъ палаты въ своей рѣчи сказалъ, между прочимъ слѣдующее: „Парламентъ республики подвергался въ послѣднее время несправедливымъ нападкамъ. Мы отвѣтимъ на нихъ въ свое время. Если мы также должны постараться сдѣлаться лучшими, то я думаю, что однимъ изъ главныхъ уроковъ войны является необходимость болѣе сильнаго и энергичнаго парламентскаго контроля въ будущемъ. Еслибы парламентъ обладалъ большей смѣлостью, еслибы онъ больше зналъ, то Франція находилась бы теперь въ лучшемъ положеніи".

Но созывъ парламента и рѣчи Вивіани и Дешанеля не ослабили антипарламентскаго рвенія реакціонныхъ элементовъ. Доказывая ненужность и вредность парламента въ военное время, они въ сущности преслѣдовали цѣль болѣе длительную: дискретированіе парламентскаго режима вообще. Разъ въ военное время, когда требуется напряженіе всѣхъ силъ, всѣхъ матеріальныхъ и моральныхъ рессурсовъ націи, парламентъ оказывается чѣмъ-то вродѣ пятаго колеса въ телѣгѣ, то, слѣдовательно, онъ не обладаетъ ни цѣлесообразностью, ни дѣйствительной жизнеспособностью. Реакціонеры не скрывали этой своей цѣли и дѣлали именно такіе выводы, а знаменитый Поль Бурже въ рядѣ статей развилъ цѣлую глубокомысленную философію антипарламентаризма.

Правая печать, въ своемъ походѣ противъ представительныхъ учрежденій, не преминула прибѣгнуть и къ своимъ излюбленнымъ демагогическимъ пріемамъ.

Среди депутатовъ имѣется значительное число мобилизованныхъ солдатъ и офицеровъ. Если эти депутаты будутъ присутствовать постоянно на засѣданіяхъ, то они тѣмъ самымъ уклонятся отъ исполненія своей воинской повинности,—доказывали правые—если же они отправятся на фронтъ, то палата окажется не въ полномъ составѣ. И, конечно, реакціонеры, превратившіеся вдругъ въ самыхъ горячихъ защитниковъ принципа равенства гражданъ, не желали даже допускать и мысли, чтобы депутаты осмѣлились ставить свою парламентскую повинность выше повинности воинской.

„Военный долгъ — выше парламентскаго долга,—патетически восклицала, напримѣръ, правая газета „Liberté".—Какъ, въ то время, когда цвѣтъ націи подвергается невѣроятнымъ лишеніямъ и мукамъ на фронтѣ, подъ убійственнымъ огнемъ непріятеля, когда безчисленные анонимные герои, имѣющіе единственнымъ достояніемъ свое здоровье, сидятъ по плечи въ грязи траншей и полу-

чаютъ, несомнѣнно, болѣе пятнадцати тысячъ пуль въ мѣсяцъ (словомъ balle—пуля,—называютъ шутливо франкъ. Намекъ на пятнадцатитысячное депутатское вознагражденіе), найдутся французы, способные носить оружіе, которые подъ предлогомъ, что они дѣлаютъ законы, поставятъ себя превыше всякаго закона! И какого закона? Самаго священнаго изъ всѣхъ, самаго нерушимаго, если только республиканское равенство не является насмѣшкой“.

Но демагогія также не помогла. Вопросъ о мобилизованныхъ депутатахъ, согласно конституціи, долженъ былъ рѣшать самъ парламентъ. И парламентская военная коммиссія, въ согласіи съ правительствомъ, вынесла постановленіе, одобренное палатой, въ силу котораго мобилизованнымъ депутатамъ предоставляется свобода выбора между ихъ депутатскими обязанностями и военнымъ долгомъ. Соціалисты требовали болѣе радикальнаго рѣшенія. Они требовали, чтобы парламентъ спеціальнымъ закономъ обязалъ мобилизованныхъ депутатовъ присутствовать на засѣданіяхъ палаты во время сессіи, исходя изъ того, что въ періодъ войны отвѣтственность депутатовъ передъ своими избирателями особенно велика и они не имѣютъ права, во имя какихъ бы то ни было соображеній, отказываться отъ своей направляющей и контролирующей роли въ дѣлахъ страны. У насъ парламентскій режимъ, доказывали соціалисты, наше правительство получаетъ свою власть исключительно отъ народныхъ представителей, на нихъ падаетъ поэтому вся отвѣтственность за его дѣйствія. Отказываясь присутствовать регулярно на засѣданіяхъ палаты, подъ предлогомъ своихъ военныхъ обязанностей, депутаты незаконно лишаютъ своихъ избирателей той политической власти, которую они имъ делегировали. Хотя большинство парламента вполнѣ раздѣляло мнѣніе соціалистовъ, однако оно не нашло въ себѣ достаточно смѣлости, чтобы присоединиться къ ихъ предложенію, и предпочло компромиссное рѣшеніе. Однако и это рѣшеніе обезпечило правильное функціонированіе парламентской работы.

Реакціонеры однако все же не успокоились. Примирившись, скрѣпя сердце, съ существованіемъ парламента въ военное время, они начали новую кампанію съ требованіемъ ограниченія его функцій. И здѣсь особенно рельефно обнаружилась классовая подоплека реакціонной политики и истинныя вожделѣнія бурно-пламенныхъ патріотовъ.

Въ военное время парламентъ долженъ ограничиваться исключительно вопросами, связанными съ дѣломъ національной обороны,—таковъ былъ новый тезисъ реакціи. Всякое обсужденіе соціальныхъ или политическихъ реформъ сейчасъ неумѣстно, ибо оно рискуетъ расколоть „священное національное единство“. Иными словами, это требованіе сводилось къ тому, чтобы на алтарь отечества были принесены въ жертву интересы неимущихъ слоевъ населенія, хотя бы самые неотложные и законные.

Казалось бы, разъ существуетъ „священное національное единство", т. е. духъ широкой національной солидарности, то въ такой моментъ всего удобнѣе потребовать отъ господствующихъ классовъ нѣкоторыхъ уступокъ во имя этой солидарности. Но такая простая логика недоступна реакціонерамъ, природа которыхъ всегда, во всѣ времена и подъ всѣми широтами остается неизмѣнной. И когда въ порядокъ дня палаты былъ поставленъ, по настоянію соціалистической фракціи, законопроектъ о распространеніи страхованія рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ на земледѣльческій пролетаріатъ, то на тѣхъ скамьяхъ, гдѣ засѣдаютъ „патріоты", разразилась настоящая буря патріотическаго негодованія и протестовъ, а правая и умѣренная печать начала яростную атаку противъ „антипатріотизма" соціалистовъ и „терроризованнаго" ими парламентскаго большинства.

Вотъ образчикъ тѣхъ многочисленныхъ статей, которыя появились по этому поводу въ названной печати.

„Палата—писала „Libertè"—пожелала оправдать „иммобилизацію" депутатовъ, засѣдая безъ перерыва, не смотря на то, что ея порядокъ дня почти совершенно пустъ. За отсутствіемъ серьезныхъ предметовъ обсужденія она вспомнила о своей избирательной кухнѣ, жалкая печь которой было одно время потушена во имя общественнаго спасенія и національнаго единства. Тѣ, кто толкаютъ палату на этотъ путь, суть послѣдователи и родственники (!) Карла Маркса, составляющіе партію коллективистовъ. Начатая дискуссія является однимъ изъ тѣхъ внутреннихъ дебатовъ, которымъ не должно быть мѣста въ моментъ, когда на нашей территоріи свирѣпствуетъ война... предложенная реформа есть реформа, сторонникомъ которой можно быть, но обсуждать которую нельзя въ военное время. И это тѣмъ болѣе, что мобилизованные депутаты, пожелавшіе остаться таковыми, не могутъ делегировать своихъ полномочій по такому сложному вопросу своимъ коллегамъ, оставшимся въ Бурбонскомъ дворцѣ... Но коллективистамъ захотѣлось сдѣлать манифестацію и большинство лишній разъ склонилось передъ ихъ волей". И газета требовала, чтобы немедленно былъ измѣненъ внутренній регламентъ парламента. „Долгъ правительства немедленно позаботиться объ этомъ и внести соотвѣтствующій законопроектъ. Дѣло идетъ объ общественномъ спокойствіи, о сохраненіи моральнаго достоинства націи. Это для министерства властный долгъ, диктуемый высшимъ національнымъ интересомъ".

Но правительство осталось глухо къ призывамъ реакціи. Оно еще разъ, устами Вивіани, заявило, что въ періодъ войны, какъ и въ періодъ мира, парламентъ долженъ пользоваться, безъ ограниченій, всѣми своими прерогативами и сохранить полноту своей власти. Вмѣстѣ съ тѣмъ правительство рѣшило, чтобы парламентъ

засѣдалъ непрерывно во все время войны, и въ этомъ году палаты не будутъ распущены на лѣтнія вакаціи.

Парламентскій режимъ, не смотря на войну, не потерпѣлъ во Франціи даже временнаго ущерба. Лишь измѣнился нѣсколько внѣшній характеръ парламентской работы. Эта работа сосредоточена сейчасъ главнымъ образомъ въ большихъ парламентскихъ коммиссіяхъ. Тамъ идетъ безпрерывное обсужденіе проектовъ, вносимыхъ правительствомъ, провѣрка всѣхъ правительственныхъ мѣропріятій, энергичный контроль за всѣми сторонами дѣятельности властей въ области національной обороны. Для своей контролирующей работы парламентскія коммиссіи пользуются широкими правами и полномочіями. Ихъ делегаты разъѣзжаютъ по странѣ и по фронту арміи, провѣряютъ наличность военныхъ складовъ, производство государственныхъ заводовъ, изготовляющихъ аммуницію и военные припасы, осматриваютъ казармы, въ которыхъ содержатся резервныя войска, совершаютъ офиціальныя анкеты, при полномъ содѣйствіи властей, въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ непріятельскаго нашествія, слѣдятъ за постановкой военно-транспортнаго дѣла, за постановкой дѣла помощи жертвамъ войны и т. д.

Одинъ лишь конфликтъ имѣлъ мѣсто на этой почвѣ между правительствомъ и парламентомъ. Парламентская коммиссія гигіены пожелала подвергнуть генеральной провѣркѣ всю постановку военно-санитарнаго дѣла и для этой цѣли осмотрѣть не только военныя больницы, но и всѣ походные лазареты, работающіе на линіи огня. Военный министръ воспротивился осуществленію этого желанія коммиссіи, сославшись на категорическій отказъ главнокомандующаго. Комиссія заявила протестъ и тогда военный министръ прибѣгъ къ компромиссу. Онъ образовалъ собственной властью правительственную коммиссію для провѣрки военно-санитарнаго дѣла и назначилъ въ составъ ея, вмѣстѣ съ нѣкоторыми военными чиновниками, трехъ членовъ парламентской коммиссіи гигіены.

Что касается публичныхъ засѣданій парламента, то они носятъ сейчасъ особенный, строго дѣловой характеръ. За рѣдкими исключеніями, дебаты проходятъ въ спокойной и серьезной атмосферѣ и чужды обычной партійной страстности. Кромѣ того, парламентъ не пользуется сейчасъ своимъ правомъ интерпелляцій, не желая создавать препятствій правительству національной обороны. Даже неугомонный Клемансо считаетъ нужнымъ сейчасъ подчиняться этой необходимости, хотя онъ ужь неоднократно заявлялъ, что ему приходится дѣлать надъ собою невѣроятныя усилія. Но временный отказъ отъ права интерпелляціи является со стороны парламента добровольнымъ отказомъ и онъ во всякое время, если найдетъ это нужнымъ, можетъ воспользоваться этимъ своимъ правомъ. Учрежденіе, являющееся, по словамъ главы французскаго

правительства, „одновременно выраженіемъ и гарантіей нашихъ свободъ", продолжаетъ и во время войны пользоваться всѣмъ своимъ необходимымъ суверенитетомъ.

II.

Въ области соціально-экономической роль демократическаго режима особенно сильно зависитъ отъ взаимоотношенія борющихся общественныхъ силъ, отъ степени организованности того или иного изъ сталкивающихся классовъ, отъ степени большаго или меньшаго пониманія каждымъ изъ этихъ классовъ своихъ истинныхъ интересовъ.

Мнѣ уже не разъ приходилось писать, что силы соціальнаго консерватизма принципіально обладаютъ во Франціи гораздо большей мощью и вліяніемъ, чѣмъ силы народныя, демократическія. Французская демократическая масса, вслѣдствіе ряда причинъ, не сумѣла воспользоваться благопріятными политическими условіями для самоорганизаціи, для объединенія своихъ разрозненныхъ усилій, для укрѣпленія своихъ боевыхъ позицій. Она представляетъ еще собою, въ значительной степени, людскую пыль. Между тѣмъ капиталистическая буржуазія, обладающая громаднымъ матеріальнымъ могуществомъ, играющая направляющую роль въ хозяйственной жизни страны, прекрасно и прочно организована и стремится постоянно къ опредѣленной, ясно сознанной цѣли. Эта буржуазія имѣетъ возможность вліять всевозможными способами не только на правительство и парламентъ, но и на общественное мнѣніе. И нерѣдко ей удавалось создавать въ странѣ сильное движеніе, какъ разъ противъ тѣхъ, кто выступалъ во имя истиныхъ интересовъ народа. Въ этомъ заключается главная причина, объясняющая слабость соціально-экономическихъ завоеваній французской демократіи, отсталость соціально-экономическаго законодательства во Франціи.

Но тѣмъ не менѣе демократическій режимъ, построенный на началахъ полнаго народовластія, вноситъ нѣкоторый коррективъ къ указанному положенію вещей. Если какая-нибудь реформа настойчиво и властно выдвигается жизнью, если ея неотложность и необходимость остро чувствуется большинствомъ населенія, а ея справедливость ни въ комъ не оставляетъ сомнѣній, то ужь никакія силы не могутъ помѣшать ея осуществленію. Но такъ бываетъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о мѣрѣ простой и несложной, по поводу которой не можетъ быть двухъ мнѣній, ибо мѣропріятія болѣе сложнаго характера всегда даютъ возможность господствующимъ классамъ посѣять сомнѣнія въ широкихъ народныхъ кругахъ, оспаривать ихъ пользу и цѣлесообразность и т. п.

При рѣшеніи соціально-экономическихъ вопросовъ, которые

создала война, особенно ярко обнаружилось сочетаніе указанныхъ мною факторовъ.

Правительство приняло въ этой области рядъ серьезныхъ мѣръ, оно сдѣлало многое, чтобы удовлетворить наиболѣе неотложнымъ нуждамъ населенія. Но все это такія мѣры, безъ которыхъ невозможно было бы поддерживать спокойствіе въ такой странѣ, какъ Франція. Перечислимъ, въ общихъ чертахъ, эти мѣры.

Въ первую очередь необходимо поставить мораторіумъ. Призывъ всего взрослаго населенія въ ряды арміи нанесъ сильный ударъ хозяйственной жизни страны. Требовалось энергичное вмѣшательство правительства, чтобы предохранить широкія массы отъ грозившихъ имъ катастрофъ и бѣдствій. Первой предупредительной мѣрой явился мораторіумъ. Онъ былъ распространенъ на квартирную плату, на всѣ безъ исключенія вексельныя и долговыя обязательства, на всѣ коммерческіе долги. Мораторіумъ былъ изданъ на три мѣсяца, но правительство уже два раза возобновляло его и нѣтъ никакого сомнѣнія, что ранѣе окончанія войны дѣйствіе его не будетъ пріостановлено.

Квартирный мораторіумъ втеченіе войны нѣсколько разъ подвергался измѣненіямъ. Сейчасъ, напримѣръ, для Парижа и всего Сенскаго департамента, онъ сводится къ слѣдующему. Семьи мобилизованныхъ солдатъ и офицеровъ получаютъ отсрочку для взноса квартирной платы, независимо отъ ея размѣровъ. Такую же отсрочку получаютъ всѣ безъ различія квартиронаниматели, платящіе за квартиру не болѣе 1.000 франковъ въ годъ. Отсрочка дается и квартиронанимателямъ, платящимъ отъ 1.000 до 2.500 франковъ, если они принадлежатъ къ категоріи лицъ, выбирающихъ патенты. Правда, домовладѣльцамъ предоставлено условное право требовать взноса платы съ простыхъ квартиронанимателей, квартирная плата которыхъ превышаетъ 600 франковъ въ годъ, и съ „патентованныхъ“, если они платятъ болѣе 1.000 франковъ. Но для этого домовладѣлецъ долженъ предварительно представить мировому судьѣ непреложныя доказательства платежеспособности своихъ квартирантовъ, входящихъ въ обѣ указанныя категоріи,—а это фактически является неосуществимымъ. Что же касается лицъ, платящихъ болѣе тысячи франковъ, и „патентованныхъ“ квартиронанимателей, платящихъ болѣе 2.500 франковъ, то имъ также дается отсрочка, но они должны предварительно подать мировому судьѣ заявленіе о неплатежеспособности, причемъ домовладѣлецъ можетъ такое заявленіе на судѣ оспаривать. Доказательства на этотъ разъ долженъ представить уже не домовладѣлецъ, а квартиронаниматель.

Мораторіумъ, примѣняющійся во всей остальной Франціи, отличается отъ парижскаго лишь нѣкоторымъ пониженіемъ максимумовъ квартирной платы, опредѣляющихъ категоріи квартиронанимателей. Эти максимумы измѣняются въ зависимости отъ чи-

сленности населенія городовъ и деревень и степени ихъ близости къ театру военныхъ дѣйствій. Въ общемъ сейчасъ во Франціи никто, за исключеніемъ очень богатыхъ людей, не взноситъ квартирной платы. Даже правительственные чиновники, получающіе во время войны такое же вознагражденіе, какъ и въ мирное время, пользуются отсрочкой наравнѣ со всѣми прочими гражданами.

Квартирный мораторіумъ снялъ съ французскаго населенія громадную обузу, тѣмъ болѣе, что во Франціи квартирную плату необходимо внести за три мѣсяца впередъ, а пресловутый „термъ" всегда является для французской бѣдноты настоящимъ кошмаромъ. Теперь этотъ кошмаръ временно разсѣялся и люди вздохнули свободнѣе. Многіе рабочіе, благодаря квартирному мораторіуму, получили возможность тратить больше денегъ на пищу, покупать больше молока для дѣтей и т. п.

Коммерческій мораторіумъ, въ свою очередь, предупредилъ рядъ неизбѣжныхъ въ связи съ войной краховъ и спасъ отъ раззоренія многочисленныхъ мелкихъ промышленниковъ и коммерсантовъ. Достаточно сказать, что ко дню объявленія войны во Франціи циркулировало болѣе чѣмъ на пять мидліардовъ вексельныхъ обязательствъ. Бѣдному люду коммерческій мораторіумъ также принесъ большую пользу, избавивъ его отъ необходимости заплатить „по книжкѣ" разнаго рода лавочникамъ и освободивъ его временно изъ кабалы послѣднихъ. Въ связи съ коммерческимъ мораторіемъ правительство издало также декретъ, коимъ воспрещается на все время войны продавать невыкупленныя изъ ломбарда вещи. Эта мѣра аналогична той, которую приняла въ свое время парижская коммуна.

Но одними мораторіями правительство, конечно, не могло ограничиваться. Нужно было немедленно организовать помощь милліонамъ семей, оставшимся безъ своихъ кормильцевъ. Для этой цѣли была организована очень быстро на мѣстахъ выдача „allocation militaire". Жена или мать каждаго мобилизованнаго солдата получаетъ отъ государства ежедневное пособіе въ 1 фр. 25 сантимовъ для себя и по 50 сантимовъ на каждаго ребенка, не достигшаго 16-тилѣтняго возраста. Незаконныя жены мобилизованныхъ и ихъ незаконорожденныя дѣти также имѣютъ право на пособіе.

Такъ какъ въ области раздачи „allocation militaire" въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершались злоупотребленія на почвѣ партійнополитической вражды, то правительство образовало высшую коммиссію контроля „военныхъ пособій", куда могутъ обращаться съ жалобами лица, не получившія законнаго удовлетворенія. Въ этой коммиссіи участвуютъ по назначенію правительственные чиновники, бывшіе министры, извѣстные общественные дѣятели всѣхъ направленій, въ томъ числѣ представители отъ соціалистической

партіи, федераціи рабочихъ кооперативовъ и всеобщей конфедераціи труда.

Наряду съ выдачей военнаго пособія правительство, послѣ первыхъ же мѣсяцевъ войны, позаботилось о пенсіяхъ для вдовъ и сиротъ павшихъ на полѣ брани воиновъ. Размѣры пенсій пока утверждены лишь временно, такъ какъ предвидится болѣе серьезное и тщательное обсужденіе этого важнаго вопроса, въ связи съ проектами государственнаго страхованія отъ военнаго риска, благодаря которымъ военная пенсія будетъ значительно повышена.

Вотъ временно утвержденная таблица пенсій.

Годичная пенсія во франкахъ:

Дивизіонный генералъ	5.250
Бригадный генералъ	4.000
Полковникъ	3.000
Подполковникъ	2.500
Комендантъ	2.000
Капитанъ	отъ 1.650 до 1.950
Лейтенантъ	„ 1.600 „ 1.500
Су-лейтенантъ	„ 1.150 „ 1.400
Адъютантъ	975
Сержантъ-маіоръ	900
Сержантъ	825
Капралъ	675
Солдатъ	565

Оставаясь въ области мѣръ, непосредственно связанныхъ съ войной, необходимо упомянуть еще о широкой постановкѣ помощи населенію мѣстностей, подвергавшихся вражескому нашествію, а также бѣженцамъ изъ оккупированныхъ нѣмцами департаментовъ. Для этой цѣли парламентъ вотировалъ 25 декабря первый кредитъ въ 300 милліоновъ франковъ.

Для борьбы съ нуждой населенія правительство приняло еще двѣ спеціальныя мѣры. Во-первыхъ, организація безплатныхъ столовыхъ въ большихъ городскихъ театрахъ. Этимъ дѣломъ вѣдаетъ, главнымъ образомъ, „національная коммиссія помощи", въ распоряженіе которой правительство передало 50 милліоновъ франковъ. Она приходитъ на помощь многочисленнымъ мѣстнымъ организаціямъ, создавшимся для этой цѣли по инициативѣ мэровъ, рабочихъ союзовъ и отдѣловъ соціалистической партіи, субсидируетъ ихъ денежными средствами, даетъ людей, провѣряетъ ихъ дѣятельность. Въ Парижѣ „національная коммиссія" фактически возложила общее руководство указаннымъ дѣломъ на Генеральную Конфедерацію Труда, какъ на организацію, близко стоящую къ рабочимъ массамъ и имѣющую съ ними крѣпкія связи. Въ кассу конфедераціи поступаютъ денежныя суммы изъ „національной коммиссіи", а оттуда черезъ конфедеральныхъ „доверенныхъ людей" онѣ распредѣляются въ многочисленные мѣстные отдѣлы. Въ первый періодъ войны, въ особенности, безплатныя столовыя ока-

зали громадную поддержку бѣдному люду. Въ нѣкоторыхъ округахъ столицы выдавалось ежедневно отъ 10 до 15-ти тысячъ обѣдовъ. Правомъ на полученіе безплатныхъ обѣдовъ пользуются, во-первыхъ, семьи мобилизованныхъ, во-вторыхъ, семейные безработные, получающіе недостаточное для существованія пособіе.

Другая мѣра правительства заключается въ организаціи помощи безработнымъ, подъ названіемъ „allocation de chomage" Министръ внутреннихъ дѣлъ предписалъ всѣмъ мэрамъ Франціи образовать изъ нѣкоторыхъ коммунальныхъ и муниципальныхъ суммъ фондъ помощи безработнымъ. Съ своей стороны, правительство и „національная коммиссія помощи" выдаютъ коммунамъ и муниципалитетамъ субсидіи. Сейчасъ во всей Франціи нѣтъ ни одного мѣстечка, ни одной деревушки, гдѣ бы безработные не получали своего „allocation". Размѣры этой помощи опредѣлены въ одинъ франкъ въ день на человѣка, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мэры выдаютъ эту помощь натурой: молокомъ, хлѣбомъ, мясомъ, овощами и т. д. Для полученія помощи необходимо лишь представить свидѣтельство отъ своего бывшаго работодателя съ указаніемъ его адреса. Allocation de chomage имѣютъ право пользоваться не только французскіе граждане, но и иностранные подданные, безъ различія національностей, за исключеніемъ австрогерманцевъ, которые, какъ извѣстно, были высланы въ западные департаменты и содержатся тамъ на государственный счетъ. Помощь безработнымъ выдается сразу за двѣ недѣли впередъ, по четырнадцати франковъ на человѣка. Въ началѣ текущаго года парламентъ вотировалъ новый кредитъ въ 20 милліоновъ франковъ для помощи безработнымъ. Сюда не входятъ суммы, ассигнуемыя для этой цѣли муниципалитетами и коммунами и составляющія главную основу фонда „allocation de chomage".

Но если правительство заботится о томъ, чтобы накормить безработныхъ, то для борьбы съ безработицей оно сдѣлало очень мало. Для этого правительство должно было бы, раньше всего, принять радикальныя мѣры для оживленія французской народнохозяйственной дѣятельности, но оно пока на это не рѣшается, какъ мы увидимъ въ дальнѣйшемъ.

Ограничившись вначалѣ лишь анкетами по вопросу о безработицѣ, министерство труда, въ концѣ концовъ, сочло нужнымъ учредить смѣшанныя департаментскія коммиссіи для борьбы съ указаннымъ явленіемъ. Въ составъ этихъ коммиссій входятъ, въ равномъ числѣ, представители хозяйскихъ и рабочихъ организацій. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онѣ пополняются также чиновниками по назначенію.

Задача коммиссій въ министерскомъ циркулярѣ, адресованномъ префектамъ, опредѣлена слѣдующимъ образомъ.

„Департаментская смѣшанная коммиссія будетъ выискивать и указывать вамъ практическія, непосредственно реализируемыя

мѣры, которыя, по ея мнѣнію, смогутъ ускорить возвращеніе къ нормальной экономической жизни. Она будетъ заниматься вопросами о рекрутировкѣ рабочихъ рукъ, о доставкѣ необходимаго сырья, о рынкахъ сбыта для фабричныхъ издѣлій. Что касается особенно размѣщенія рабочихъ рукъ, то коммиссія сможетъ учредить для этой цѣли спеціальное бюро, которое будетъ находиться въ общеніи съ муниципалитетами и съ синдикатами предпринимателей и рабочихъ. Она должна будетъ также указать вамъ тѣ отрасли производства, гдѣ необходимо будетъ сдѣлать немедленное усиліе для подготовки, путемъ методической выучки, квалифицированныхъ рабочихъ, необходимость въ которыхъ особенно остро почувствуется на другой день послѣ долгой войны. Для этой цѣли рекомендую вамъ систему, которая перемежаетъ втеченіе рабочаго дня сокращенные часы труда съ посѣщеніемъ профессіональныхъ курсовъ; но эта система возможна лишь въ тѣхъ отрасляхъ, гдѣ работы сейчасъ мало и нѣтъ спѣшныхъ заказовъ... Департаментская коммиссія должна будетъ также заботиться о томъ, чтобы условія труда въ подвѣдомственномъ ей округѣ находились, по возможности, въ соотвѣтствіи съ примѣнявшимися постоянно рабочими договорами".

Сейчасъ еще трудно сказать, дала ли работа смѣшанныхъ коммиссій какіе-либо осязательные результаты, такъ какъ никакихъ точныхъ данныхъ для сужденія объ этомъ пока не имѣется.

Кромѣ перечисленныхъ, еще двѣ мѣры были приняты правительствомъ для борьбы съ явленіями, получившими особенно опасный характеръ на почвѣ войны, но мѣры эти далеко нельзя считать радикальными.

Первая мѣра имѣетъ цѣлью противодѣйствіе росту цѣнъ на хлѣбное зерно. Не смотря на то, что во Франціи имѣются достаточные запасы хлѣба и что для нея открыта возможность ввоза изъ колоній и изъ Америки, цѣны на хлѣбное зерно безпрерывно ростутъ. Это явленіе объясняется двумя основными причинами: во-первыхъ, крупные землевладѣльцы воздерживаются отъ продажи своихъ запасовъ въ „патріотической надеждѣ", что съ развитіемъ войны цѣны на зерно возростутъ еще больше,—во-вторыхъ, конечно, биржевая спекуляція крупныхъ синдикатовъ. Мѣра правительства сводится къ слѣдующему. Министерство земледѣлія закупило на счетъ казны большое количество хлѣбнаго зерна и объявило, что когда цѣна на квинталъ (100 кило) пшеницы превыситъ 30 франковъ, оно броситъ на рынокъ свои заготовленные запасы по указанной цѣнѣ. Въ случаѣ, если, не смотря на это, цѣна на муку все же будетъ повышаться, правительство оставляетъ за собою право принять спеціальныя мѣры по отношенію къ мукомоламъ.

Вторая мѣра направлена противъ алкоголизма. Ею воспрещается абсолютно оптовая и розничная продажа абсента—этого

ужаснѣйшаго изъ алкогольныхъ ядовъ, который потребляется во Франціи, въ среднемъ, въ количествѣ 20 тысячъ гектолитровъ въ мѣсяцъ,—а также всѣхъ прочихъ спиртныхъ напитковъ, являющихся разновидностями абсента. Кромѣ того, воспрещено отнынѣ открытіе новыхъ кафе и кабаре съ распивочной продажей спиртныхъ напитковъ. Исключеніе оставлено для распивочной продажи вина и ликеровъ, но при условіи, чтобы эти напитки не заключали въ себѣ болѣе 23 градусовъ крѣпости.

Таковы всѣ главныя мѣры экономическаго и соціальнаго характера, которыя приняли правительство и парламентъ за время войны. Все это мѣры неотложныя, необходимыя, безъ которыхъ невозможно было бы поддержать спокойствіе и общественный порядокъ въ демократической странѣ, но дальше ни правительство, ни парламентъ пока не пошли, не смотря на то, что война создала много серьезныхъ и сложныхъ проблемъ, требующихъ разрѣшенія, и не смотря на то, что нѣкоторыя изъ перечисленныхъ выше непосредственныхъ мѣропріятій, по мѣрѣ того какъ война затягивается, все болѣе и болѣе накопляютъ элементы осложненія въ соціально-экономической жизни и въ соціально-экономическихъ отношеніяхъ.

III.

Взять хотя бы квартирный мораторіумъ, по поводу котораго не перестаетъ ломать копья буржуазная и соціалистическая печать. Объявивъ этотъ мораторіумъ вначалѣ войны и возобновляя его каждые три мѣсяца, правительство исходило и исходитъ изъ того факта, что большинство французскаго населенія не въ состояніи вносить квартирной платы. Но мораторіумъ вѣдь не упраздняетъ этой платы, а лишь отсрочиваетъ ея взносъ. Между тѣмъ война затягивается, „термы“ идутъ за „термами“ и квартирный долгъ французскаго населенія все болѣе и болѣе увеличивается. Для всѣхъ, даже для домовладѣльцевъ, совершенно ясно, что квартиронаниматели, не имѣющіе возможности заплатить за одинъ „термъ“, тѣмъ паче не смогутъ по окончаніи войны погасить квартирный долгъ за цѣлый годъ или, быть можетъ, еще за большій срокъ. Здѣсь, слѣдовательно, завязывается большой соціальный узелъ, который нельзя развязать, а необходимо такъ или иначе разрубить. И здѣсь также наростаетъ острое противорѣчіе интересовъ между домовладѣльцами и квартиронанимателями.

Домовладѣльцы естественно стремятся отстоять свои интересы Они черезъ преданную имъ печать, требуютъ просто-на-просто упраздненія мораторіума и уплаты государствомъ накопившагося квартирнаго долга. Что же касается тѣхъ гражданъ, которые и по упраздненіи мораторіума не въ состояніи будутъ удовлетворять своихъ домовладѣльцевъ, то и за нихъ должно будетъ платить государство. Капиталистическая печать, стоящая на стражѣ священнаго принципа частной собственности, защищаетъ этотъ проектъ

съ необычайной страстностью, доходя нерѣдко до полнаго абсурда. Даже серьезный и умный „Temps“ дошелъ до того, что поставилъ своимъ читателямъ вопросъ: „почему домовладѣльцы должны приносить жертвы въ пользу квартиронанимателей, а не наоборотъ?“ Дѣйствительно, почему? Логика буржуазной газеты оказалась безсильной рѣшить этотъ головоломный вопросъ.

Что же касается самихъ квартиронанимателей, то и въ ихъ рядахъ имѣется значительная категорія лицъ, для которыхъ также абсолютныя права частной собственности являются символомъ вѣры. Это—крупные и средніе промышленники, коммерсанты, предприниматели и т. п. Они, конечно, также не хотятъ платить и противъ упраздненія мораторіума, но они признаютъ справедливымъ, чтобы домовладѣльцевъ вознаградило государство.

Совсѣмъ иную позицію въ этомъ вопросѣ занимаютъ соціалисты и часть лѣвыхъ радикаловъ. Соціалисты энергически протестуютъ противъ вознагражденія домовладѣльцевъ изъ государственныхъ суммъ. „Это будетъ политикой обмана, противъ которой необходимо протестовать всѣми силами,—пишетъ „Humanité“.—Вѣдь государство будетъ черпать изъ кармана тѣхъ же квартиронанимателей. Вы не заплатите имъ непосредственно, но вы должны имъ заплатить путемъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ черезъ посредство государства“.

Соціалисты отстаиваютъ тотъ взглядъ, что въ военное время домовладѣльцы должны, какъ и всѣ прочіе граждане, нести матеріальныя жертвы и что менѣе, чѣмъ кто-либо, они имѣютъ право претендовать на полное возмѣщеніе своихъ убытковъ. Вѣдь, на самомъ дѣлѣ, отъ войны всѣ матеріально страдаютъ. Рабочіе и служащіе лишились своей заработной платы, у крестьянъ приходитъ въ разстройство хозяйство, лица либеральныхъ профессій теряютъ свой заработокъ, коммерсанты, предприниматели, даже рантье, терпятъ убытки. Одни лишь домовладѣльцы, у которыхъ и послѣ войны капиталъ ихъ, вложенный въ землю и дома, останется въ цѣлости,—ничего не хотятъ знать и разсматриваютъ себя, какъ какую-то привилегированную группу.

Но вопросъ все-таки не такъ простъ. Сами домовладѣльцы раздѣляются на нѣсколько категорій, есть и среди нихъ богатые и „бѣдные“. Одни владѣютъ домами-дворцами на главныхъ улицахъ и получаютъ сотни тысячъ дохода въ годъ. Другіе владѣютъ лишь сравнительно небольшими и недорогими зданіями въ рабочихъ кварталахъ и получаютъ небольшой доходъ, который составляетъ единственный источникъ ихъ существованія. Между обѣими этими категоріями имѣется, конечно, еще цѣлая лѣстница. И какъ разъ бѣдные домовладѣльцы больше всего страдаютъ отъ войны, ибо мораторіумъ распространяется, главнымъ образомъ, на недорогія квартиры. Обитатели фешенебельныхъ аппартаментовъ въ домахъ-дворцахъ обязаны платить, если не могутъ доказать своей пол-

ной неплатежеспособности, и, конечно, аккуратно платятъ, не нуждаясь въ отсрочкахъ. И вотъ, исходя изъ этого, соціалисты предлагаютъ, въ общихъ чертахъ, слѣдующее рѣшеніе проблемы: освобожденіе на время войны отъ квартирной платы тѣхъ, которые платить не могутъ, пропорціональное частичное сокращеніе этой платы для тѣхъ, у которыхъ частично сократился заработокъ, а затѣмъ пропорціональное распредѣленіе всей поступающей квартирной платы между всѣми домовладѣльцами даннаго города. Соціалисты хотятъ создать, такъ сказать „организованную солидарность домовладѣльцевъ". Такимъ образомъ, надѣются они, будутъ охранены интересы квартиронанимателей, а бѣдные домовладѣльцы получатъ нѣкоторое вознагражденіе за счетъ своихъ богатыхъ коллегъ. При этомъ государство избавлено будетъ отъ необходимости нести съ своей стороны матеріальныя жертвы.

Таково второе крайнее рѣшеніе вопроса. Понятно, что предлагаются и другія, среднія рѣшенія. Въ бюро палаты уже внесено нѣсколько спеціальныхъ законопроектовъ по этому вопросу. Одни предлагаютъ сокращеніе квартирной платы на половину, съ обязательнымъ однако взносомъ ея,—другіе на одну треть, третьи требуютъ частичнаго вознагражденія домовладѣльцевъ государствомъ и т. д. Однако и правительство, и парламентъ все откладываютъ квартирный вопросъ, не смотря на то, что промедленіи лишь больше его запутываетъ. И это, конечно, понятно. Вопросъ этотъ больно затрагиваетъ существенные интересы двухъ категорій гражданъ. Его необходимо рѣшить радикально. Но рѣшеніе не удовлетворяющее интересовъ квартиронанимателей, можетъ быть чревато теперь весьма крупными и опасными послѣдствіями и отразиться даже на настроеніи арміи. Многіе и многіе французскіе солдаты, сидя въ траншеяхъ, подъ непріятельскимъ огнемъ, не забываютъ своего внутренняго врага „propriétaire'a" и въ письмахъ, присылаемыхъ съ фронта, нерѣдко звучатъ по этому поводу тревожныя нотки. Вернуться съ войны и оказаться въ неоплатномъ долгу у своего домохозяина, перспектива, конечно, далеко не радующая. Но, съ другой стороны, разрѣшить квартирный вопросъ въ направленіи, рѣзко неблагопріятномъ для домовладѣльцевъ,—значитъ вызвать шумъ и протесты со стороны значительной категоріи капиталистовъ, которую морально поддерживаетъ весь капиталистическій классъ, значитъ наткнуться на силы капитала. И вотъ почему правительство и парламентъ откладываютъ рѣшеніе квартирнаго вопроса и вмѣстѣ съ тѣмъ не считаютъ возможнымъ отмѣнить мораторіумъ. Послѣ войны видно будетъ,—пока же да царствуетъ „священное національное единеніе"!

Еще хуже обстоитъ дѣло съ коммерческимъ мораторіумомъ. Онъ совершенно парализовалъ кредитъ во Франціи. Но безъ кредита въ современномъ обществѣ не можетъ быть на широкую ногу поставленнаго производства. И, дѣйствительно, французская

индустрія переживаетъ сейчасъ періодъ небывалаго маразма. Не смотря на то, что война изолировала Германію отъ мірового рынка и что для ея экономическихъ конкурентовъ сейчасъ открыта широкая дорога, французскій вывозъ не только не увеличивается, но съ каждымъ днемъ падаетъ все ниже и ниже. Въ то же время въ громадныхъ размѣрахъ ростетъ ввозъ во Францію не только продуктовъ питанія, но и фабричныхъ издѣлій.

Мы готовы принести всевозможныя жертвы для оживленія экономической дѣятельности Франціи, — кричатъ предприниматели, промышленники и коммерсанты, — но дайте намъ кредитъ. Увы, кредита нѣтъ. Во Франціи все кредитное дѣло является фактически монополіей консорціума пяти-шести крупныхъ банковъ, но эти банки, лишившись возможности, вслѣдствіе мораторіума, получить по учтеннымъ векселямъ, прекратили совершенно свои учетныя операціи и вмѣстѣ съ тѣмъ категорически отказываются выдавать какія бы то ни было ссуды. Крупные банки во Франціи всегда держали отечественную промышленность въ черномъ тѣлѣ. Чуждые какихъ бы то ни было патріотическихъ соображеній, стремясь исключительно къ полученію крупныхъ прибылей, они предпочитали ссужать за границу тѣ громадныя груды золота, составленныя изъ французскихъ сбереженій, которыя, благодаря ихъ монополіи, стекались со всѣхъ концовъ страны въ ихъ кассы.

Государственные займы, кредитованіе иностранныхъ финансовыхъ предпріятій,—вотъ что являлось всегда главнымъ и „стоющимъ“ дѣломъ для французскаго финансоваго консорціума. И онъ обставлялъ всяческими препятствіями кредитованіе отечественной промышленности, которое не могло дать такихъ крупныхъ барышей. Понятно, что теперь, когда рискъ увеличился, онъ не проявляетъ никакой склонности отпереть для французской индустріи свои накрѣпко запертыя кассы.

Протесты несутся, конечно, со всѣхъ сторонъ. Протестуютъ промышленники, протестуютъ торговыя палаты и синдикаты коммерсантовъ, энергично протестуетъ соціалистическая пресса, но правительство не находитъ въ себѣ смѣлости предпринять что-либо.

Извѣстно, какъ радикально разрѣшилъ Ллойдъ-Джорджъ эту же проблему въ Англіи, гдѣ ко дню объявленія войны циркулировало на девять милліардовъ долговыхъ обязательствъ. Правительство тотчасъ же приняло двойную мѣру. Во-первыхъ, оно объявило *государственную гарантію* для всѣхъ учтенныхъ по 5 августа векселей; во-вторыхъ, оно объявило такую же гарантію для всѣхъ векселей, которые будутъ выданы втеченіе войны, если они смогутъ быть оправданы какой-нибо индустріальной или торговой операціей. Кредитъ въ Англіи немедленно возстановился и англійская промышленность и торговля избавились отъ угрожавшей имъ опасности.

Но во Франціи нѣтъ Ллойдъ-Джорджей и правительство без-

помощно топчется на мѣстѣ. Объ отмѣнѣ мораторіума, конечно, не можетъ быть и рѣчи. Въ странѣ, гдѣ все взрослое населеніе находится на фронтѣ и гдѣ приходится серьезно считаться съ настроеніемъ гражданъ,—такая мѣра невозможна. Но возможны другія мѣры. Соціалисты, напримѣръ, требуютъ націонализаціи кредита. Торговыя палаты, не заходя такъ далеко, требуютъ, чтобы правительство заставило банки возобновить свои учетно-ссудныя операціи или же, чтобы оно организовало національный ссудный банкъ для выдачи ссудъ подъ товары и цѣнныя бумаги. Но финансовая олигархія представляетъ еще во Франціи такую силу, что правительство опасается вступить съ нею въ борьбу и молча капитулируетъ передъ нею, не смотря на то, что оживленіе экономической дѣятельности страны является однимъ изъ факторовъ успѣха на поляхъ битвъ.

„Что наши крупныя кредитныя общества, которыя втеченіе вѣка выкачивали сбереженія страны, отказываются въ этотъ критическій часъ, когда рѣшается судьба Франціи, открыть ея торговлѣ и индустріи кредитъ, необходимый для возобновленія ихъ дѣятельности, необходимый для побѣды,—это явленіе само по себѣ уже чрезвычайно серьезно и тревожно,—пишетъ въ „Humanité“ извѣстный экономистъ Эдгаръ Мильо.—Но то, что эти же общества пытаются вдобавокъ всѣми средствами помѣшать націи организовать кредитъ, въ которомъ они ей отказываютъ, и что до сихъ поръ имъ это вполнѣ удается,—это ужь, по-истинѣ, нѣчто чудовищное“. И Мильо далѣе доказываетъ, что тѣ, кто теперь не принимаютъ мѣръ противъ финансовой олигархіи, превращаются въ ея сообщниковъ. „Что касается насъ,—заявляетъ онъ—то мы сумѣемъ говорить съ достаточной ясностью, чтобы тѣ, которые станутъ сообщниками финансоваго капитала, не могли впослѣдствіи оправдываться невѣдѣніемъ“.

Такую же боязнь передъ капиталистическимъ міромъ обнаружило правительство и въ дѣлѣ добыванія средствъ на военные расходы. Правительство въ этой области ограничивается авансами „національнаго банка“, внутренними займами и усиленными выпусками бумажныхъ денегъ. О какомъ-нибудь спеціальномъ военномъ налогѣ на капиталъ, какъ это было сдѣлано Германіей въ мирное время, правительство даже не подумало. Мало того, оно отсрочило примѣненіе уже вотированнаго подоходнаго налога, который долженъ былъ вступить въ силу съ января 1915 года. Все откладывается до послѣ войны,—тогда видно будетъ, сейчасъ нуженъ „внутренній миръ“. Какъ видите, миръ у капиталистической буржуазіи приходится покупать дорогой цѣной. Возможно, конечно, что эта буржуазія, упорно не желающая сейчасъ приносить матеріальныхъ жертвъ, заплатитъ послѣ войны дороже. Возможно, что послѣ войны демократія предъявитъ ей солидный вексель и властно потребуетъ уплаты. Но тогда видно будетъ,

пока же буржуазія считаетъ нужнымъ покрѣпче завязывать узлы своего золотого мѣшка.

Правительство отступило передъ буржуазіей и въ вопросѣ о борьбѣ съ алкоголизмомъ. И здѣсь, въ сущности, были примѣнены лишь палліативныя мѣры. Напрасно соціалисты требовали, чтобы зло было подкошено въ самомъ его корнѣ. Ни правительство, ни парламентъ не пошли за ними. Было обѣщано лишь, что въ будущемъ будутъ приняты болѣе радикальныя мѣры, пока же нужно ограничиться лишь самымъ необходимымъ, ибо проблема слишкомъ сложна и требуетъ тщательнаго изученія.

Итакъ, какъ мы видѣли, въ области соціално-экономической французское правительство не обнаружило ни смѣлости, ни размаха, ни широкой творческой иниціативы. Оно сдѣлало многое, чтобы удовлетворить непосредственныя, кричащія нужды населенія, чтобы не было голодныхъ и бездомныхъ, чтобы не возникало поводовъ для народныхъ волненій и безпорядковъ. Но оно не осмѣлилось до сихъ поръ, хотя этого властно требуютъ интересы націи, поднять руку на священный принципъ буржуазнаго индивидуализма, за который такъ крѣпко держатся французскіе господствующіе классы. А громадныя и сложныя соціально-экономическія проблемы все болѣе накопляются и обостряются.

IV.

Въ глазахъ широкихъ слоевъ французскаго народа демократическій режимъ во всякомъ случаѣ сохранилъ свою популярность. Даже „Temps“ счелъ нужнымъ заявить объ этомъ. „Поистинѣ,—писалъ авторитетный выразитель мнѣнія буржуазіи,—наша демократія дала достаточныя доказательства своей мощи и никакія атаки не смогутъ поколебать ея жизнеспособности“. Вообще, большинство тѣхъ, которые раньше нападали на республику, теперь особенно громко кричатъ о своей любви къ ней, о своей вѣрности принципамъ великой революціи.

Но демократическій режимъ есть лишь форма, въ которую можетъ быть вложено любое содержаніе. И вотъ, уже сейчасъ, всѣ правыя и консервативныя группы, подъ прикрытіемъ „національнаго единенія“, дѣлаютъ всяческія усилія, чтобы на почвѣ войны усилить свои позиціи и, тѣмъ самымъ, оказать вліяніе на будущее содержаніе демократическаго режима.

Клерикалы энергично стремятся использовать въ своихъ цѣляхъ тотъ подъемъ религіознаго настроенія, который сталъ замѣтенъ во Франціи во время войны.

Во Франціи, какъ извѣстно, подавляющее большинство населенія было антиклерикальнымъ. Но неправильно было бы ставить знакъ равенства между антиклерикализмомъ и антирелигіозностью. Въ религіозномъ вопросѣ французское населеніе можно раз-

дѣлить на три группы. Есть значительное меньшинство вѣрующихъ католиковъ, которые составляютъ главную опору клерикализма. Есть не менѣе значительное меньшинство свободомыслящихъ, не признающихъ никакой церковной религіи. Наконецъ, третью группу, охватывающую большинство населенія, составляютъ люди, относящіеся къ вопросамъ религіи безразлично. Они посѣщаютъ церковь лишь въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ—когда родится ребенокъ или умираетъ ктолибо изъ близкихъ,—не любятъ поповъ, считая ихъ паразитическимъ элементомъ, раздражаются ихъ вмѣшательствомъ въ политику и охотно вотируютъ за антиклерикаловъ.

И вотъ среди этой-то категоріи французовъ война вызвала ростъ религіознаго настроенія. И это, конечно, вполнѣ естественно. Война принесла съ собой столько бѣдствій, создала столько личныхъ трагедій, что у людей, привыкшихъ въ обыденной жизни разсчитывать лишь на свои силы и ломавшихъ себѣ голову надъ философскими вопросами, создалось стремленіе найти утѣшеніе, опору, надежду въ чемъ-то высшемъ, сверхъестественномъ. Это не сознательный переходъ отъ безвѣрія къ вѣрѣ, а результатъ проснувшагося въ людяхъ, передъ лицомъ великихъ ужасовъ атавистическаго религіознаго чувства.

Католики всѣми силами стараются использовать удобный моментъ. Въ странѣ и на фронтѣ ни одно почти богослуженіе не обходится безъ политической проповѣди. Отъ кардинала до послѣдняго деревенскаго аббата, всѣ католическіе священнослужители ведутъ страстную пропаганду идей католицизма. Они не нападаютъ на республику, но мечутъ громъ и молніи противъ ея прежней политики. Нѣкоторые изъ епископовъ въ своемъ увлеченіи дошли до того, что объявили обрушившееся на Францію бѣдствіе войны справедливой Божьей карой за „гоненія" противъ святой церкви. Въ ихъ глазахъ такимъ образомъ императоръ Вильгельмъ является какъ бы орудіемъ Промысла. Вмѣстѣ съ тѣмъ воинствующіе аббаты связываютъ свою проповѣдь съ пропагандой самаго дикаго и мстительнаго націонализма. Никто не выкидываетъ сейчасъ во Франціи такихъ свирѣпыхъ человѣконенавистническихъ лозунговъ, какъ смиренные ораторы въ рясахъ. По своему обыкновенію, клерикалы прибѣгаютъ сплошь да рядомъ къ пріемамъ моральнаго давленія. Особенно это имѣетъ мѣсто въ многочисленныхъ больницахъ и госпиталяхъ, гдѣ монахи и монахини исполняютъ обязанности братьевъ и сестеръ милосердія и пользуются нѣкоторой административной властью. Они заставляютъ раненыхъ выполнять религіозные обряды, слушать мессы, возятъ ихъ по воскресеньямъ и праздникамъ въ церковь и т. п. Многіе изъ раненыхъ, даже и невѣрующіе, покорно исполняютъ все, чего требуетъ отъ нихъ духовное

начальство, не желая создавать исторій. Но встрѣчаются и люди крѣпкихъ убѣжденій и сильной воли, которые отказываются идти на компромиссы; этихъ „жестоковойныхъ“ порой и преслѣдуютъ. Ихъ лишаютъ свиданій и выходовъ, кормятъ плохой пищей, иногда сажаютъ въ карцеръ, даютъ о нихъ плохіе отзывы начальству. „Послушные“, наоборотъ, пользуются всякими поблажками и привилегіями. Лѣвая печать изо дня въ день помѣщаетъ письма съ протестами раненыхъ солдатъ. Но правительство смотритъ на все это сквозь пальцы, ибо боится, прибѣгнувъ къ репрессіямъ, нарушить „національное единеніе“.

Не менѣе энергично дѣйствуютъ и націоналисты.

Война не вызвала во Франціи взрыва зоологическаго національизма. Народъ принялъ на свои плечи тяжкое ратное бремя во имя цѣлей оборонительныхъ. Можно сказать, что и сейчасъ зоологическій націонализмъ не проникъ еще во французскую народную толщу. Но, несомнѣнно, существуетъ сильное озлобленіе противъ нѣмцевъ. Нѣмцы, по мнѣнію широкой массы, хотѣли предательскимъ ударомъ ножа въ спину убить Францію. Они ворвались въ ея предѣлы, раззорили, опустошили ея богатѣйшія провинціи, подвергли мукамъ и истязаніямъ населеніе цѣлыхъ департаментовъ, перебили и изувѣчили сотни тысячъ французовъ на поляхъ битвъ.

Прибавьте къ этому, что война разрушила иллюзіи и надежды большинства французовъ. Французскія массы были миролюбивы и не вѣрили въ войну. Демократія неохотно соглашалась на увеличеніе вооруженій,—значительная часть ея энергично и страстно боролась противъ милитаризма, въ надеждѣ, что могущественно организованный рабочій классъ Германіи является лучшей гарантіей для Франціи, чѣмъ пушки и митральезы. И вдругъ оказалось, что миролюбивая вѣра и пасифистскія надежды были лишь миражемъ, утопіей. Въ эту-то точку и бьютъ націоналисты. Они стараются всѣми силами разжечь ненависть къ нѣмцамъ, ко всему нѣмецкому, разрушить окончательно вѣру въ солидарность человѣчества, а нынѣшнія событія служатъ для нихъ кровавой иллюстраціей той истины, что народъ народу всегда былъ, есть и будетъ волкомъ. Отсюда соотвѣтствующіе политическіе выводы: необходимость усиленія милитаризма, необходимость подчиненія гражданской власти военной, необходимость безпощаднаго подавленія всѣхъ центробѣжныхъ стремленій, какъ-то радикализма, соціализма, синдикализма, угрожающихъ единству націи.

Пропаганду во имя своихъ интересовъ ведетъ на почвѣ войны и капиталистическая буржуазія, испытывающая все большую тревогу за будущее. Война нанесла пораженіе соціалистической политикѣ,—слѣдовательно, создался удобный поводъ для усиленныхъ нападокъ противъ нея. Къ услугамъ буржуазіи имѣется большая пресса и десятки ученыхъ, профессоровъ, литераторовъ, которые,

не ограничиваясь печатной полемикой, выступаютъ съ публичными рефератами, лекціями и докладами.

Кампанія противъ соціализма все болѣе усиливается. Если раньше, вначалѣ войны, буржуазный классъ считалъ такую кампанію опасной, то теперь, когда выяснилось, что соціалисты въ дѣлѣ національной обороны идутъ впереди всѣхъ и что они, не смотря ни на что, исполнятъ до конца свой долгъ передъ страной, буржуазія уже не считаетъ нужнымъ слишкомъ съ ними церемониться.

Конечно, по прежнему соціалистамъ расточаютъ похвалы за проявленный ими патріотизмъ и рѣшительность. Но все это стараются изобразить, какъ отказъ соціалистовъ отъ своихъ „старыхъ заблужденій". Буржуазная пресса увѣряетъ своихъ читателей, что соціалисты принесли бо̀льшія жертвы на алтарь отечества, чѣмъ всѣ прочіе граждане, такъ какъ они, молъ, сверхъ всего, пожертвовали еще своими идеями. И противъ этихъ идей, а не противъ ихъ носителей, направлено отравленное остріе буржуазной пропаганды.

Ученые и публицисты капиталистическаго лагеря „научно" доказываютъ, что война привела къ полному краху „нѣмецкую идею" классовой борьбы,—теперь уже не сможетъ быть рѣчи о классовомъ соціализмѣ,—будетъ лишь соціализмъ національный. Чтобы показать вамъ, до какой страстности и какого іезуитизма доходитъ буржуазная печать въ своихъ нападкахъ противъ соціалистической идеологіи, приведу цитату изъ серьезнаго и умѣреннаго „Temps".

„Война дала намъ еще одинъ особенно благотворный урокъ, который послужитъ къ увѣнчанію нашей побѣды. Наша страна втеченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ обнаруживала все бо̀льшую неблагодарность или невѣрность по отношенію къ Великой Революціи. Соціализмъ овладѣвалъ нами, *соціализмъ, мѣсто котораго лишь въ Германіи, ибо онъ вѣдь такъ близокъ по духу къ цезаризму*. Но, вѣрные завѣтамъ 1789 года, мы взялись за оружіе, чтобы защитить противъ внѣшняго врага права человѣка и права народовъ; вѣрные этимъ же завѣтамъ, мы употребимъ всѣ усилія чтобы защитить и индивидуализмъ *отъ внутреннихъ угрозъ*. Наши отцы разорвали узы, которыя его сдавливали, намъ остается предохранить его отъ опасности организацій, въ которыхъ гибнетъ иниціатива, свобода и личность".

Какъ видимъ, буржуазія, не дожидаясь конца войны, уже грозитъ кулакомъ соціализму, уже призываетъ къ борьбѣ съ нимъ, во имя идей Великой Революціи!

Такъ пишетъ „Temps", но буржуазные органы меньшаго калибра идутъ еще дальше. Для нихъ вообще соціализмъ есть „прусская затѣя", а всякій соціалистъ, осмѣливающійся заявлять о вѣр-

ности своимъ убѣжденіямъ,—безсознательный агентъ кайзера. Всякія же разсужденія объ интернаціонализмѣ, не только въ настоящемъ, но даже въ будущемъ, квалифицируются безъ обиняковъ, какъ измѣна отечеству.

Лѣвыя партіи и, въ частности, соціалисты даютъ весьма слабый отпоръ кампаніи клерикаловъ, націоналистовъ и соціальныхъ консерваторовъ. Онѣ считаютъ, что въ данный моментъ главной и наиболѣе важной задачей для демократіи является необходимость борьбы ради спасенія Франціи отъ внѣшней угрозы, между тѣмъ обостреніе внутреннихъ партійныхъ распрей рискуетъ ослабить боеспособность французскаго народа. Антидемократическая пропаганда, утверждаютъ они, является меньшимъ зломъ, для борьбы съ которымъ очередь наступитъ въ свое время. Къ тому же соціалисты, въ особенности имѣющіе прочныя связи въ народныхъ массахъ и въ арміи, глубоко вѣрятъ въ будущее и убѣждены, что побѣдоносный исходъ войны во много разъ увеличитъ ихъ силу, что бы сейчасъ ни дѣлали ихъ противники. Насколько этотъ оптимизмъ соотвѣтствуетъ дѣйствительности, сейчасъ, конечно, трудно сказать. Точно такъ же, какъ трудно учесть вліяніе и успѣхъ пропаганды и дѣятельности антидемократическихъ элементовъ. Жизнь никогда не была такъ запутана и противорѣчива, какъ въ настоящее время, никогда она не выдвигала столько противоположныхъ, другъ друга исключающихъ факторовъ. Можно лишь признать, что если война создала во Франціи несомнѣнно болѣе благопріятныя, чѣмъ раньше, условія для пропаганды реакціи и консерватизма, то она же создаетъ также опору и для силъ прогресса.

Ростъ религіознаго настроенія въ народѣ казался одно время многимъ, и кажется нѣкоторымъ еще и теперь, весьма опаснымъ явленіемъ, но продолжится ли онъ и послѣ войны, когда жизнь войдетъ въ нормальную колею, дастъ ли онъ дѣйствительно почву клерикаламъ для отвоеванія тѣхъ позицій, съ которыхъ они были сбиты? Немало непосредственныхъ наблюдателей утверждаютъ напримѣръ, что въ арміи увлеченіе религіей быстро идетъ на убыль.

Что же останется послѣ войны отъ той волны религіознаго подъема, которая прокатилась было по Франціи? И, если останется что-либо, если останется потребность въ моральномъ идеалѣ, то послужитъ ли это опорой клерикализму или соціализму? Не оттолкнетъ ли отъ себя еще сильнѣе преображенныхъ войной людей клерикализмъ съ его реакціонными идеалами, съ его стремленіемъ къ господству? Писатели демократическаго лагеря убѣждены въ послѣднемъ. Они утверждаютъ также, что вообще послѣ войны религіознымъ идеямъ придется пережить кризисъ. Люди, избавившіеся отъ страшной опасности, съ особенной силой почувствуютъ влеченіе къ земному, къ земнымъ радостямъ и благамъ, которыхъ они могли навсегда лишиться. Націоналисти-

ческая пропаганда также натыкается на серьезное препятствіе. Война создала озлобленіе противъ нѣмцевъ, она разрушила много надеждъ и иллюзій, но она породила также невѣроятную стихійную ненависть къ войнѣ. Война, которая раньше для многихъ была окутана какимъ-то романтическимъ флеромъ, выступила для всѣхъ во всей своей страшной, отвратительной и кровавой обнаженности. Страна проклинаетъ войну. Проклинаютъ ее отцы и матери, потерявшіе своихъ сыновей, въ большинствѣ единственныхъ,—ибо Франція, какъ извѣстно, „le pays du fils unique",—проклинаютъ сотни тысячъ вдовъ и сиротъ, проклинаетъ населеніе разгромленныхъ и опустошенныхъ департаментовъ, рантьеры, лишившіеся цѣлыхъ состояній, домовладѣльцы, не получающіе квартирной платы, фабриканты и торговцы, терпящіе громадные убытки, крестьяне, у которыхъ разваливается хозяйство, и т. д. И особенно острой ненавистью, по почти единодушному отзыву наблюдателей, ненавидитъ войну армія. Именно эта ненависть придаетъ арміи силу и энергію для борьбы, вдохновляетъ ее волей къ побѣдѣ. Чтобы не было больше войнъ, необходимо раздавить главную силу войны, прусскій милитаризмъ,—таково преобладающее настроеніе въ арміи, которое всѣми силами старается поддерживать правительство. Въ спеціальной газетѣ для солдатъ, издаваемой военнымъ министерствомъ, названная мысль повторяется изо дня въ день, проходитъ красной линіей черезъ всѣ статьи. Вотъ, для примѣра, маленькая цитата изъ одной изъ такихъ статей.

„Да, въ послѣдній разъ видитъ нѣжное небо Франціи опустѣвшіе очаги, оставленныя поля, колосья, затоптанные конскими копытами. Передъ лицомъ такого опустошенія и траура, націи дадутъ себѣ клятву не совершать болѣе Каинова грѣха.

„Но такъ какъ нашлись безумцы, обрушившіе на старую Европу это возмутительное бѣдствіе, то вамъ, сыновьямъ французской земли, наслѣдникамъ солдатъ Великой Революціи, которые первые призвали людей къ братству, выпадаетъ благодарная задача отомстить за поруганные разумъ и право. А завтра, когда мы перевяжемъ наши раны, оправимся отъ несчастій и возстановимъ разрушенное, мы вмѣстѣ и *навсегда* закроемъ ненавистную книгу, послѣдняя и самая славная страница которой будетъ написана вами, солдатами самой великой арміи". Совершенно очевидно, что, пропагандируя такія идеи въ солдатской массѣ въ цѣляхъ поддержанія ея энергіи и рѣшимости, правительство имѣетъ опредѣленное представленіе о преобладающемъ настроеніи арміи.

Ненависть къ войнѣ, какъ таковой, несомнѣнно, можетъ создать сильную опору для соціалистовъ, но многое здѣсь будетъ зависѣть отъ исхода войны. Если сила германскаго милитаризма не будетъ сломлена, то шансы націоналистической пропаганды, конечно, повысятся.

Что касается той кампаніи, которую ведетъ сейчасъ консервативная буржуазія противъ соціализма, то ее врядъ-ли можно считать опасной. Никакія разглагольствованія о крушеніи принципа классовой борьбы, о рождающейся „новой Франціи", въ которой капиталъ и трудъ объединятся въ братскомъ союзѣ, не могутъ измѣнить желѣзную логику соціальной жизни. Мы сейчасъ уже видимъ, какъ, не смотря на войну, капиталистическая буржуазія упорно отстаиваетъ свои эгоистическіе интересы. Мы видѣли также, что война создала рядъ крупныхъ соціально-экономическихъ проблемъ, которыя все болѣе запутываются и обостряются и которыя рѣзко сталкиваютъ интересы имущихъ и неимущихъ слоевъ. Послѣ окончанія войны выдвинутся еще и другія проблемы этого же характера, но еще болѣе сложныя и важныя. Война потрясла до самыхъ его основаній французскій экономическій организмъ, она взвалила на плечи націи небывалый по своей громадности долгъ, который надо будетъ распредѣлить такъ или иначе между всѣми общественными классами, она, наконецъ, нанесла такія раны, залечить которыя будетъ чрезвычайно трудно. Между тѣмъ экономическая сила рабочихъ классовъ истощена до крайности, а милліоны трудящихся, вернувшись съ фронта, съ возросшимъ сознаніемъ своего значенія и своей роли, менѣе всего будутъ склонны принести себя въ жертву имущимъ слоямъ.

Мы видимъ такимъ образомъ, сколько противорѣчивыхъ факторовъ создаетъ война. Сейчасъ трудно сказать съ увѣренностью, каково будетъ ихъ соотношеніе. Ясно лишь одно: наличность демократическаго режима очищаетъ арену борьбы этихъ факторовъ отъ „искусственныхъ препятствій" и устраняетъ вмѣшательство „произвола политическихъ учрежденій" въ направленіе соціальной эволюціи Франціи.

Е. Сталинскій.

ВЕЛИКІЙ ЮНКЕРЪ *)

„Die Politik ist eben keine Wissenschaft, wie viele der Herren Professoren glauben, sie ist eben eine Kunst".

„Die Politik ist die Lehre vom Möglichen".

Политика отнюдь не наука, какъ думаютъ многіе изъ господъ профессоровъ, она—искусство.

Политика есть ученіе о возможномъ.

Кн. Бисмаркъ.

I.

Не такъ давно въ одномъ изъ берлинскихъ юмористическихъ журналовъ мнѣ пришлось видѣть символическую картину: на широкомъ полѣ къ небу гордо возносится огромная, изъ циклопическихъ камней сложенная башня, на вершинѣ увѣнчанная германскимъ имперскимъ орломъ. Вокругъ башни—гроза и буря. Клубятся тучи, сверкаютъ молніи, дико завываетъ вѣтеръ, какія-то фантастическія фигуры съ горящими глазами,—должно быть, дьяволы и Вельзевулы всѣхъ степеней и названій—свирѣпо бросаются со всѣхъ сторонъ на штурмъ неподвижной громады, бьются объ ея стѣны, стараются длинными, судорожно напряженными руками вывернуть камни изъ ихъ привычныхъ гнѣздъ: все напрасно. Гигантская башня стоитъ, не шелохнется, она просто не чувствуетъ свирѣпствующаго кругомъ урагана, она точно великанъ, смѣющійся надъ усиліями лилипутовъ повалить его на землю. На башнѣ крупными буквами начертано: „Deutsches Reich" („Германская Имперія"), а внизу на стѣнѣ нѣсколько болѣе мелко выгравировано: „Baumeister Bismarck" („Строитель Бисмаркъ").

Я склоненъ думать, что авторъ картины слишкомъ сангвинически настроенный оптимистъ-патріотъ и будущее принесетъ ему, вѣроятно, чувствительное разочарованіе. Война, подобная нынѣшней, наноситъ глубокія, десятилѣтіями кровоточащія раны всѣмъ ея участникамъ, и Германія, конечно, не составляетъ исключенія изъ общаго правила. Какъ бы однако ни оцѣнивать содержаніе ри-

*) Въ основу настоящей статьи положенъ классическій трехтомный трудъ G. Klein-Hattingen—„Bismarck und seine Welt", Berlin, 1902—4, представляющій едва-ли не лучшую и наиболѣе полную характеристику „желѣзнаго канцлера" и окружавшей его обстановки.

сунка берлинскаго журнала, нельзя все-таки отрицать, что въ двухъ пунктахъ онъ весьма близко подходитъ къ истинѣ. Во-первыхъ, послѣ годового „испытанія огнемъ" ни для кого не подлежитъ больше сомнѣнію, что Германія очень сильна, болѣе сильна, чѣмъ это до войны представляли себѣ всѣ другія націи, да, пожалуй, и сами нѣмцы. И по человѣчеству вполнѣ понятно, если у нѣкоторыхъ менѣе уравновѣшенныхъ служителей искусства при созерцаніи этого могущества родной страны голова начинаетъ кружиться, какъ послѣ бутылки крѣпкаго вина, и разыгрывающаяся на нашихъ глазахъ всемірно-историческая драма принимаетъ въ ихъ сознаніи символическую форму гранитной твердыни, шутя сопротивляющейся натиску несмѣтныхъ полчищъ духовъ преисподней.

Во-вторыхъ, не менѣе справедливо, что роль Германіи въ нынѣшней войнѣ и проявленныя ею до сихъ поръ крѣпость и устойчивость невольно вызываютъ въ памяти исполинскій образъ „желѣзнаго канцлера". Не въ томъ дѣло, что, по странной игрѣ случайности, какъ разъ въ нынѣшнемъ году исполнилось ровно сто лѣтъ со дня рожденія кн. Бисмарка, а въ томъ, что мы присутствуемъ сейчасъ при подведеніи великихъ историческихъ итоговъ *его* работы. Вѣдь это онъ втеченіе двухъ десятилѣтій болѣлъ мечтой объ объединеніи Германіи. Вѣдь это онъ старательно выводилъ стѣны того грандіознаго государственнаго зданія, которое теперь обнаруживаетъ такую прочность. Вѣдь это онъ закладывалъ основы того военнаго, политическаго и экономическаго могущества новорожденной имперіи, которое нынѣ такъ болѣзненно даетъ себя знать всей остальной Европѣ. Если кто-нибудь имѣетъ право называться „строителемъ" современной Германіи, такъ это, конечно, кн. Бисмаркъ. И, если кто-нибудь можетъ считаться наиболѣе яркимъ олицетвореніемъ ея духа и стремленій, то это опять-таки, конечно, только кн. Бисмаркъ. Онъ, точно двояко-выпуклое стекло, собралъ въ себѣ сильныя и слабыя стороны своей нацiи и своего отечества и ослѣпительно-сверкающимъ пятномъ отбросилъ ихъ на фонѣ историческаго экрана. И, пожалуй, трудно найти другой моментъ, когда бы фигура „желѣзнаго канцлера" представляла такой интересъ для всякаго мыслящаго человѣка, какъ нынѣшній: переживаемая нами война—это вѣдь жестокій и кровавый юбилей Бисмарка, не предусмотрѣнный никакими календарями. А всякій юбилей невольно обращаетъ мысль къ личности самого юбиляра.

II.

Когда вы начинаете ближе знакомиться съ великимъ „строителемъ" Германской имперіи, васъ больше всего поражаетъ значительная сложность и какъ бы даже двойственность его натуры. Обычныя представленія о Бисмаркѣ, широко распростра-

женныя въ публикѣ, исчерпываются, нѣсколькими жесткими афоризмами вродѣ „желѣзнаго канцлера“, „политики крови и желѣза“ и т. п., да еще нѣсколькими анекдотами, рисующими его находчивость, смѣлость, рѣшительность, безцеремонность. И въ результатѣ въ общественномъ сознаніи встаетъ образъ человѣка-монолита, человѣка, высѣченнаго изъ одного куска камня, суроваго воина, неумолимо-безстрастнаго государственнаго мужа, не знающаго ни сомнѣній, ни колебаній, спокойно шагающаго по трупамъ къ осуществленію поставленныхъ себѣ цѣлей. Нельзя отрицать, что въ характерѣ и карьерѣ Бисмарка было не мало чертъ и событій, дающихъ основаніе для подобнаго рода представленій. И все-таки они не вполнѣ покрываютъ надменную личность великаго канцлера. Въ дѣйствительности она рисуется съ психологической точки зрѣнія гораздо болѣе богатой и разнообразной, а вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе сложной и противорѣчивой. Однажды въ бытность свою прусскимъ посланникомъ въ Петербургѣ Бисмаркъ какъ-то замѣтилъ: „Хорошая музыка возбуждаетъ меня въ двухъ направленіяхъ: она даетъ мнѣ предчувствіе войны и предчувствіе идилліи“. Это изреченіе можетъ быть взято эпиграфомъ ко всему духовному лицу творца объединенной Германіи. Въ его груди всегда жили двѣ души—правда, одна гораздо болѣе сильная и могущественная, чѣмъ другая,—но все-таки двѣ души.

Первая и безусловно доминирующая душа ярче всего воплотилась въ его политической и государственной дѣятельности, во всѣхъ тѣхъ актахъ и поступкахъ, за которые исторія подарила ему безсмертіе,—душа грубаго юнкера, душа суроваго солдата, душа „желѣзнаго канцлера“, на закатѣ дней своихъ не безъ гордости заявлявшаго, что на его совѣсти лежатъ три войны и 80.000 жизней, скрѣпившихъ, какъ цементомъ, своей кровью зданіе объединенной имперіи. И надо откровенно признать, что для своего полнаго и безпрепятственнаго выявленія эта душа была прекрасно вооружена цѣлымъ рядомъ специфическихъ особенностей бисмарковской натуры.

Уже самая наружность канцлера, его вкусы, манеры, образъ жизни были въ данномъ отношеніи весьма краснорѣчивы. Бисмаркъ отличался исполинскимъ тѣлосложеніемъ, былъ чрезвычайно силенъ физически, любилъ дикія развлеченія и рискованныя удовольствія. Ѣлъ онъ страшно много, пилъ еще больше, лечиться отъ случайныхъ недуговъ предпочиталъ различными „домашними“ и притомъ большей частью сильно дѣйствующими средствами. Его утренняя порція въ лучшіе годы обычно состояла изъ 11 крутыхъ яицъ, за обѣдомъ онъ нерѣдко единолично уничтожалъ по цѣлому громадному пирогу, запивалъ ѣду всегда бордо, коньякомъ и другими тяжелыми южными винами.

Какъ настоящій „потомственный почетный“ юнкеръ (родъ Бисмарковъ въ Бранденбургѣ старше рода Гогенцоллерновъ и

впервые упоминается въ исторіи свыше 600 лѣтъ назадъ), великій канцлеръ въ душѣ былъ солдатомъ. Его семья втеченіе 300 лѣтъ принимала активное участіе во всѣхъ войнахъ съ Франціей. И еще во время борьбы съ Наполеономъ въ 1806—14 гг. его семеро родственниковъ, включая отца, находились въ рядахъ войскъ анти-французской коалиціи, причемъ трое изъ нихъ остались на полѣ битвы, а остальные четверо вернулись домой съ „желѣзными крестами“ на шеѣ. Военныя традиціи никогда не давали Бисмарку покоя. Всю жизнь онъ сожалѣлъ о томъ, что, благодаря вліянію честолюбивой матери, прочившей его въ блестящіе дипломаты, онъ пошелъ „по гражданской части“ и вынужденъ былъ проводить время не передъ фронтомъ, а за письменнымъ столомъ. „Даже сейчасъ—писалъ онъ уже старикомъ императору Вильгельму I—послѣ того, какъ Ваше Величество осыпали меня величайшими почестями, которыя выпадаютъ на долю государственнаго человѣка, я не могу вполнѣ подавить чувство сожалѣнія о томъ, что мнѣ не суждено было пройти тѣ же ступени въ качествѣ солдата. Быть можетъ, изъ меня вышелъ бы плохой генералъ, но, поскольку дѣло касается моихъ склонностей, я предпочелъ бы выигрывать битвы для Вашего Величества“.

Судьба сложилась иначе, но и подъ „гражданскимъ мундиромъ“ у Бисмарка продолжало биться военное сердце. Изъ чистой любви къ искусству онъ, напр., часто присутствуетъ на маневрахъ, и, какъ безумный, носится съ утра до вечера верхомъ по полю дѣйствія. Своимъ сыновьямъ въ 1870 г. онъ преподноситъ въ подаромъ сабельные клинки. Въ письмахъ и рѣчахъ онъ постоянно употребляетъ воинскія выраженія: называетъ себя „солдатомъ Господа“, сравниваетъ себя съ „солдатомъ на посту“, заявляетъ, что отказъ отъ должности министра-президента былъ бы равносиленъ съ его стороны „измѣнѣ знамени“ и т. д. Съ величайшимъ интересомъ относится онъ къ развитію военнаго дѣла и усиленію арміи и подчасъ подаетъ профессіональнымъ стратегамъ, какъ это было, напр., на военномъ совѣтѣ въ Чернабора во время войны 1866 г., блестящія идеи. Та же военная складка въ психологіи помогаетъ Бисмарку оказывать могущественное вліяніе на Вильгельма I, этого типичнаго солдата-короля.

Неудовлетворенная страсть къ борьбѣ, къ преодолѣнію препятствій и опасностей ищетъ и находитъ себѣ выходы въ другихъ направленіяхъ. Бисмаркъ—страстный охотникъ. Изъ Петербурга онъ ѣздитъ за 200-300 верстъ „на медвѣдей“. Въ прибалтійскихъ лѣсахъ однажды раненый медвѣдь яростно бросился на будущаго канцлера, грозя разорвать его на части. Бисмаркъ спокойно подпустилъ его на пять шаговъ и затѣмъ выстрѣломъ изъ ружья уложилъ на мѣстѣ. Возможность дикихъ охотъ вообще очень сильно привлекала будущаго творца объединенной Германіи къ

Россіи, и въ письмахъ и частныхъ разговорахъ онъ не перестаетъ сожалѣть объ отсутствіи подобныхъ удовольствій въ Помераніи.

Но Бисмаркъ не только страстный охотникъ, онъ также не менѣе страстный наѣздникъ. Строптивыя, норовистыя лошади его особенная симпатія, ѣзда въ галопъ высочайшее наслажденіе. По собственнымъ своимъ признаніямъ, онъ падалъ въ своей жизни не меньше 50 разъ съ коня, иногда лишь чудомъ избѣгая серьезныхъ пораненій. И уже 65-лѣтнимъ старикомъ онъ все еще способенъ былъ по цѣлымъ часамъ скакать въ карьеръ по своему имѣнію или на маневрахъ.

Опасности Бисмарка не пугали. Наоборотъ, онѣ только притягивали его къ себѣ. И нерѣдко именно эта черта его характера доставляла немало хлопотъ окружающимъ его людямъ. Такъ, однажды къ большому ужасу и смятенію венгерскаго правительства будущій канцлеръ, занимавшій въ то время еще только постъ прусскаго посланника, отправляется изъ Будапешта въ окрестныя степи для того, чтобы „нѣсколько ближе познакомиться съ разбойниками", которыми въ серединѣ прошлаго вѣка кишѣли всѣ пустынныя мѣстности страны. Благодаря счастливой случайности, Бисмарку не пришлось повстрѣчаться съ „королями большихъ дорогъ", но онъ долго не могъ успокоиться по поводу этой неудачи. Въ Версали, гдѣ канцлера не разъ предупреждали о грозившей его жизни опасности, онъ спокойно выходитъ каждый вечеръ одинъ гулять, иногда, чтобы полюбоваться волшебнымъ освѣщеніемъ лунной ночи; но всегда беретъ съ собой револьверъ, ибо, какъ онъ самъ не разъ выражался, онъ „готовъ при извѣстныхъ условіяхъ позволить себя убить, но не хочетъ умереть неотмщеннымъ".

Сильная натура таитъ въ себѣ и сильныя страсти. Въ гнѣвѣ Бисмаркъ былъ страшенъ, въ ненависти безпощаденъ, въ мести неумолимъ. Когда въ 1863 г. прусскій король собирался принять участіе въ созывавшемся на августъ мѣсяцъ „съѣздѣ нѣмецкихъ князей", на которомъ должна была быть сдѣлана еще одна попытка къ объединенію Германіи путемъ соглашенія ея многочисленныхъ монарховъ, Бисмаркъ помчался въ Баденъ, гдѣ тогда находился его суверенъ, и приложилъ всѣ усилія къ тому, чтобы отговорить его отъ этого намѣренія (оно путало карты Бисмарка, подготовлявшаго разгромъ Австріи и созданіе Германской имперіи подъ главенствомъ Пруссіи). Свиданіе короля съ министромъ-президентомъ носило очень бурный характеръ и послѣдній, натѣкнувшись на упорное сопротивленіе, дошелъ до состоянія бѣлаго каленія. Когда, наконецъ, rendez-vous закончилось—и закончилось побѣдой Бисмарка,—онъ стремительно выбѣжалъ изъ комнаты монарха и на глазахъ остолбенѣвшихъ адъютантовъ разбилъ вдребезги стоявшій на столѣ хрустальный сервизъ. Только тогда

онъ немного успокоился и, обращаясь къ приближеннымъ, замѣтилъ: „Теперь мнѣ стало лучше“!

Не менѣе страшныя формы принимала и его ненависть. Бисмаркъ любилъ, когда его ненавидѣли,—это льстило его самолюбію, это доставляло ему какую-то особую гордую радость; но онъ любилъ и умѣлъ и самъ ненавидѣть. Въ 1874 г. въ самый разгаръ Kulturkampf'а онъ какъ-то разъ воскликнулъ въ прусскомъ ландтомѣ:

„Пойдите отъ Гаронны до Вислы и отъ Бельта до Тибра, поищите на родныхъ берегахъ Одера и Рейна, и вы увидите, что въ настоящій моментъ я являюсь—утверждаю это съ гордостью—наиболѣе ненавидимой личностью въ странѣ. Я очень радъ—иронически добавилъ канцлеръ, — что предшествующій ораторъ кивкомъ головы вполнѣ подтверждаетъ мое заявленіе“ [1]).

Ненависть вообще играла большую роль въ жизни Бисмарка. Она вливала въ него силы и энергію, стимулировала способность къ борьбѣ, доставляла — странно сказать—своеобразныя удовольствія и наслажденіе. Самъ Бисмаркъ однажды выразился такъ: „Ненависть такой же двигатель жизни, какъ и любовь. Мою жизнь поддерживаютъ и украшаютъ двѣ вещи: моя жена и Виндгорстъ“ (Виндгорстъ — знаменитый вождь центра, именемъ котораго Бисмаркъ вообще опредѣлялъ всѣхъ своихъ политическихъ враговъ). Въ другой разъ утромъ на вопросъ, какъ онъ спалъ ночь, канцлеръ отвѣтилъ: „Совсѣмъ не спалъ, я всю ночь ненавидѣлъ“. Это означало, что онъ хорошо провелъ ночь.

Извѣстна ненависть Бисмарка, кромѣ упоминавшагося только что Виндгорста, къ Евгенію Рихтеру, Вирхову и Бебелю, людямъ, которыхъ онъ по-своему высоко цѣнилъ и съ которыми серьезно считался, но которыхъ онъ тѣмъ не менѣе готовъ былъ бы, еслибы на то была только его воля, стереть съ лица земли. Менѣе извѣстна, но не менѣе неумолима была его ненависть къ принцу Аугустенбергскому, игравшему роль претендента на шлезвигъ-голштинскій престолъ въ 1864 г.; къ Эдвину фонъ-Мантейфелю, подвинувшему императора Вильгельма I вопреки совѣтамъ и наставленіямъ Бисмарка на свиданіе въ августѣ 1879 г. съ императоромъ Александромъ II; наконецъ, къ его главному и наиболѣе опасному противнику, императрицѣ Августѣ, всегда стремившейся парализовать вліяніе канцлера на ея супруга. Въ бурные мартовскіе дни 1848 г. эта самая женщина, бывшая еще только кронпринцессой, предлагала Бисмарку, тогда еще только вліятельному вождю консервативной партіи, планъ устраненія ея супруга отъ престола, объявленія наслѣдникомъ ея сына, а за малолѣтствомъ послѣдняго—провозглашенія ея собственнаго регентства. Бисмаркъ съ негодованіемъ отвергъ тогда сдѣланное предложеніе. Но эта тайна, ко

[1]) Fürst Bismarck—„Gesammelte Reden“, Berlin, 1892, т. II, стр. 39.

торой онъ такъ никогда и не сообщилъ императору, давала ему въ руки сильное оружіе противъ своего врага, оружіе, которымъ онъ не разъ очень успѣшно пользовался.

Быть можетъ, однако любопытнѣе всего съ психологической точки зрѣнія та неугасимая ненависть, которую великій канцлеръ всю жизнь питалъ къ злосчастному коллегѣ-студенту, нанесшему ему еще въ бытность въ Гёттингенѣ единственную рану на корпорантской дуэли (обычно Бисмаркъ всегда выходилъ побѣдителемъ). Встрѣтивъ его случайно 40 лѣтъ спустя, Бисмаркъ, уже великій государственный человѣкъ, съ негодованіемъ воскликнулъ:—„Ахъ, это вы тотъ самый?“ И, когда собесѣдникъ, съ улыбкой кивая на красовавшійся на лицѣ канцлера шрамъ, подтвердилъ, что онъ дѣйствительно „тотъ самый“, Бисмаркъ съ необычайной горячностью сталъ доказывать, что ударъ, нанесенный ему четыре десятилѣтія назадъ, былъ „Sauhieb“ („свинскій ударъ“) и не достоинъ честнаго дуэлянта. „Ваше сіятельство,—отвѣчалъ противникъ канцлера — вы утверждали то же самое и тогда, но записи въ книгѣ дуэлей доказываютъ обратное“. Бисмарку ничего больше не оставалось, какъ замолчать, но до конца дней своихъ онъ не могъ забыть нанесеннаго ему „оскорбленія“.

И, когда Бисмаркъ ненавидѣлъ,—онъ мстилъ, жестоко мстилъ. Еще какъ-то въ 1849 г. онъ сказалъ въ разговорѣ съ Бейстомъ: „Если врагъ въ моихъ рукахъ,—я долженъ его уничтожить“. Быть можетъ, наиболѣе яркимъ примѣромъ этой неумолимости Бисмарка къ врагамъ является исторія его борьбы съ графомъ Гарри Арнимомъ. Послѣдній провинился тѣмъ, что вздумалъ выступить политическимъ соперникомъ великаго юнкера и его конкурентомъ на постъ имперскаго канцлера. Впослѣдствіи онъ, вѣроятно, проклиналъ день и часъ, когда ему пришла въ голову эта честолюбивая идея. Бисмаркъ, раздраженный интригами и различными инсинуаціями Арнима, поклялся стереть его съ лица земли и, дѣйствительно, свято исполнилъ свое обѣщаніе. Съ неутомимой энергіей онъ преслѣдовалъ своего врага по пятамъ, все тѣснѣе сжимая вокругъ него желѣзное кольцо, пока не довелъ его—аристократа, посланника, одного изъ звѣздъ бюрократическаго міра—до каторги, отъ которой Арнимъ могъ избавиться только бѣгствомъ [1]). Точно

---

[1]) Вотъ нѣкоторыя подробности, касающіяся этой любопытной исторіи. Графъ Арнимъ, состоя нѣмецкимъ посломъ въ Парижѣ, вздумалъ, вопреки инструкціямъ Бисмарка, считавшаго болѣе выгоднымъ для Германіи утвержденіе во Франціи республики, поддерживать тамъ монархическую партію. За это въ 1874 г. онъ былъ отозванъ съ своего поста. Покидая Парижъ, графъ Арнимъ незаконно присвоилъ себѣ нѣкоторые важные дипломатическіе документы и сталъ распространять про Бисмарка различные позорящіе слухи. Послѣдовалъ первый судебный процессъ, по которому бывшій посолъ

также, когда въ 1875 г. „Kreuz-Zeutung" начала публикацію серіи статей противъ Бисмарка, обвиняя его въ интимной близости съ высокими финансовыми кругами, канцлеръ пришелъ въ страшное бѣшенство и, не смотря на тысячи нитей, связывавшихъ его съ консервативной партіей, не остановился предъ жестокимъ преслѣдованіемъ и самого органа, и всѣхъ вельможныхъ людей, упорствовавшихъ въ его поддержкѣ.

При наличности указанныхъ выше чертъ бисмарковскаго характера читатель едва-ли удивится, если я скажу, что въ творцѣ объединенной Германіи чрезвычайно ярко выступало то качество, та страсть, которыя такъ хорошо опредѣляются нѣмецкимъ выраженіемъ: „Wille zur Macht". Да, Бисмаркъ любилъ власть, стремился къ власти, жилъ и дышалъ властью, и притомъ властью возможно болѣе неограниченной, возможно болѣе близкой къ абсолютизму. Данное свойство его натуры рѣзко проявлялось всегда, начиная съ первыхъ годовъ его дѣтства. Разсказываютъ, что, поступивъ 6-лѣтнимъ мальчикомъ въ школу, онъ рѣшительно отказался подчиняться всѣмъ тѣмъ установленнымъ обычаемъ „испытаніямъ", которыя по правилу выпадали на долю „новичковъ". Но онъ не только просто отказался подчиняться,—онъ пошелъ дальше: онъ сплотилъ вокругъ себя всю оппозицію противъ „стариковъ", оторвалъ отъ послѣднихъ часть ихъ сверстниковъ и, въ концѣ концовъ, самъ превратился въ фактическаго повелителя товарищеской среды. Не правда ли, недурное предзнаменованіе для будущаго диктатора объединенной имперіи?

Позднѣе, въ возрастѣ 24 лѣтъ, покидая карьеру государственной службы, Бисмаркъ въ чрезвычайно любопытномъ письмѣ къ отцу (отъ 29 сентября 1839 г.) слѣдующимъ образомъ объясняетъ мотивы своего поступка:

„Я долженъ откровенно сознаться, что я не свободенъ отъ страсти честолюбія и знаки отличія солдата на войнѣ или положеніе государственнаго человѣка, при болѣе свободныхъ порядкахъ, въ родѣ Пиля, О'Коннеля, Мирабо и т. п., равно какъ и роль участника широкихъ политическихъ движеній, способны были бы оказать на меня неотразимо-притягательное вліяніе, подобное тому, какое свѣтъ оказываетъ на мошку. За то гораздо менѣе меня привлекаютъ успѣхи, которыхъ я могъ бы достигнуть на проторенной дорогѣ экзаменовъ, изученія актовъ, выслуги лѣтъ и благоволенія начальства".

И затѣмъ далѣе прибавляетъ:

„Что мое честолюбіе влечетъ меня не повиноваться, а приказывать,—это не подлежащій сомнѣнію фактъ, который объясняется,

---

былъ приговоренъ къ отрѣшенію отъ должности и 9 мѣсяцамъ тюрьмы. Опальный дипломатъ однако не успокоился и выпустилъ личный памфлетъ, направленный противъ канцлера. Послѣдовалъ второй процессъ по обвиненію въ государственной измѣнѣ, закончившійся приговоромъ на 5 лѣтъ каторги

конечно, лишь моимъ вкусомъ, но который тѣмъ не менѣе приходится брать такимъ, каковъ онъ есть... Я хочу играть свою собственную музыку или совсѣмъ никакой“ [1]).

И еще 20 годами позже, уже на посту главы кабинета, въ Версали, подъ стѣнами осажденнаго Парижа, Бисмаркъ въ разговорѣ съ другомъ однажды восклицаетъ:

„Ахъ, еслибы я хоть разъ въ жизни имѣлъ на пять минутъ власть приказать: пусть будетъ такъ или пусть будетъ не такъ! Чтобы не нужно было доказывать и клянчить въ самыхъ, казалось бы, простыхъ вещахъ! Какъ быстро все дѣлалось у такихъ людей, какъ Фридрихъ Великій, которые сами были и военными, и администраторами, и своими собственными министрами! То же самое и съ Наполеономъ. А тутъ! Вѣчное словоговореніе, вѣчная необходимость упрашивать. Да, вотъ еслибы я былъ ландграфомъ!“ [2]).

Но Бисмарку не пришлось жить въ эпоху ландграфовъ и онъ волей-неволей долженъ былъ приспособляться къ сложной обстановкѣ нашего времени. Долженъ былъ ладить съ королемъ, опасаться интригъ императрицы Августы, спорить съ коллегами по министерству, выступать съ рѣчами въ парламентѣ, считаться съ силой общественнаго мнѣнія. Однако въ этихъ поставленныхъ условіями жизни границахъ онъ все-таки бралъ отъ дѣйствительности максимумъ возможнаго и фактически пользовался такимъ полновластіемъ, какое рѣдко выпадаетъ на долю государственному человѣку. Втеченіе цѣлой четверти вѣка монархъ былъ простой игрушкой въ рукахъ всесильнаго главы министерства; народное представительство, не смотря на всю свою оппозицію, лишено возможности обуздать непокорнаго; бюрократическая среда, подавленная геніемъ канцлера, обречена на смиренное преклоненіе предъ баловнемъ успѣха. Бисмаркъ единично царилъ надъ объединенной Германіей, и одинъ остроумный каррикатуристъ 70-хъ гг. не безъ основанія изобразилъ какъ-то имперскій орелъ, снабженный характерной головой „перваго чиновника государства“. Многіе въ ту эпоху серьезно задавались вопросомъ, кто будетъ руководить въ дальнѣйшемъ судьбами страны: династія Бисмарковъ или династія Гогенцоллерновъ? И герцогиня дармштадская только отражала это общее настроеніе, когда объясняла причину своего нерасположенія къ канцлеру слѣдующими нѣсколько наивными словами: „Онъ вѣчно стоитъ и смотритъ такъ, точно онъ былъ бы великій герцогъ“.

Бисмаркъ такимъ образомъ въ полной мѣрѣ проявилъ въ дѣйствительности свою „Wille zur Macht“, и онъ умѣлъ пользоваться своей властью и защищать ее отъ всякихъ покушеній, откуда бы они ни исходили. Такъ, еще въ 1868 г. онъ рѣшительно воспроти-

---

1) O. Klein-Hattingen, т. I, стр. 16.

2) E. Ludwig. Bismarck“, 1913, Berlin, стр. 275.

вился установленію юридической отвѣтственности канцлера предъ народнымъ представительствомъ, на чемъ настаивалъ сѣверо-германскій рейхстагъ. И, какъ извѣстно, этой отвѣтственности въ Германіи не существуетъ понынѣ. Въ слѣдующемъ 1869 г. онъ также не менѣе рѣшительно выступилъ противъ учрежденія коллегіальнаго имперскаго министерства, по поводу котораго со свойственной ему безцеремонностью выраженій частнымъ образомъ замѣтилъ: „Если я хочу съѣсть ложку супу,—я долженъ предварительно просить у восьми ословъ разрѣшенія". Какъ извѣстно, коллегіальнаго министерства тоже не имѣется въ Германіи понынѣ. И это ревнивое отношеніе къ собственному могуществу никогда не покидало Бисмарка. Оно проявлялось въ тысячахъ крупныхъ и мелкихъ вещей. При немъ члены кабинета были простыми исполнителями его распоряженій, „совѣтники министерства"—обыкновенными секретарями, посланники и дипломаты — безвольными унтеръ-офицерами, служащіе и чиновники—маленькими винтиками огромнаго механизма, къ которымъ шефъ относился съ величайшей строгостью. Все и вся наполнялъ собой всемогущій канцлеръ, онъ дергалъ всѣ нити, рѣшалъ всѣ дѣла, во все вмѣшивался, за всѣмъ наблюдалъ и все направлялъ по своему усмотрѣнію. Разсказываютъ, что Бисмаркъ больше всего не терпѣлъ у своихъ подчиненныхъ привычки „Dreenreden", и что онъ почти никогда не оставлялъ безъ измѣненій представляемыхъ ему на утвержденіе актовъ, записокъ, рѣчей и др. документовъ офиціальнаго характера. Онъ былъ по натурѣ чистѣйшій автократъ и не могъ допустить, чтобы кто-нибудь былъ въ состояніи что-нибудь сдѣлать, что не нуждалось бы въ его просвѣщенномъ исправленіи.

Если ко всему сказанному выше еще прибавить, что за цѣлыхъ шестьдесятъ лѣтъ своей жизни (между двадцатью и восьмьюдесятью годами) Бисмаркъ не сумѣлъ пріобрѣсти ни одного близкаго друга и что женщины не играли въ его личной исторіи почти никакой роли [1]),—то образъ великаго канцлера пріобрѣтетъ еще больше законченности и суровой выразительности. И, быть можетъ, иной читатель подумаетъ, что этотъ образъ, писанный такими рѣзкими и крупными мазками, образъ, въ которомъ все грандіозно, сильно, подавляюще, напоминаетъ собой эпическія фигуры героевъ далекаго прошлаго. И, быть можетъ, читатель будетъ несовсѣмъ не правъ.

III.

Но этотъ желѣзный человѣкъ, этотъ гнѣвный и неумолимый диктаторъ имѣлъ въ груди и другую душу,—странно сказать!—

[1]) Даже въ своей женѣ, которую Бисмаркъ всю жизнь сильно любилъ, онъ цѣнилъ не столько женщину, сколько вѣрнаго друга, мать своихъ дѣтей, тихое прибѣжище, куда онъ приходилъ отдыхать отъ тревогъ и волненій

блѣдную и меланхолическую душу нѣмецкаго романтика-идеалиста. Она, эта другая душа, правда, по большей части пряталась стыдливо въ дальнихъ уголкахъ бисмарковской натуры и напоминала о себѣ обычно лишь въ тихіе часы размышленія и умственной рефлексіи, но она все-таки существовала, она все-таки до извѣстной степени окрашивала собой его личность.

Кто бы могъ представить себѣ, напр., что Бисмаркъ,—этотъ прославленный политикъ „крови и желѣза",—былъ очень нервенъ и порой способенъ былъ плакать, плакать, какъ самый обыкновенный человѣкъ? Онъ самъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о слѣдующемъ характерномъ инцидентѣ. Дѣло происходило въ Никольсбургѣ въ 1866 г. Битва подъ Кёниггрецомъ была только что выиграна, и военный совѣтъ подъ предсѣдательствомъ короля обсуждалъ условія заключенія мира. При этомъ и самъ король, и подавляющее большинство генераловъ настаивали на необходимости аннексіи части австрійской территоріи и полнаго возмѣщенія со стороны побѣжденнаго расходовъ Пруссіи по веденію кампаніи. Бисмаркъ былъ рѣшительнымъ противникомъ подобныхъ плановъ. Монархія Габсбурговъ была разбита и больше не стояла на пути Пруссіи въ качествѣ соперника въ борьбѣ за гегемонію въ Германію,—этого было достаточно. Теперь необходимо было возможно скорѣе закончить войну, заключить почетный миръ съ Австріей и, вырвавши изъ ея груди жало реванша, подготовить въ дальнѣйшемъ сближеніе между обѣими родственными странами, ибо на горизонтѣ вырисовывались уже новыя бури, вставали призраки новыхъ войнъ и, прежде всего, войны съ Франціей. Такъ разсуждалъ Бисмаркъ и такъ его устами говорила государственная мудрость. Но опьяненная побѣдой военщина не хотѣла слышать ни о какихъ уступкахъ, ни о какой умѣренности по отношенію къ поверженному врагу. Министръ-президентъ изложилъ еще разъ всѣмъ присутствовавшимъ свои соображенія, но остался въ полномъ одиночествѣ. Король также высказался въ пользу военной партіи. „Мои нервы—вспоминаетъ Бисмаркъ — были больше не въ силахъ сопротивляться день и ночь бьющимъ по нимъ впечатлѣніямъ, я молча всталъ, вышелъ въ сосѣднюю комнату и судорожно залился слезами" [1])...

Но слабость нервовъ и приступы слезъ могутъ быть отнесены на счетъ несовершенствъ физической природы человѣка и потому отведены въ качествѣ свидѣтелей бисмарковскаго „романтизма". Приведу поэтому другія доказательства.

Мнѣ кажется, трудно найти въ автобіографической литературѣ что-нибудь болѣе трогательное и нѣжное, чѣмъ переписка Бисмарка съ своей невѣстой, ставшей впослѣдствіи его женой. „Почему

[1]) Bismarck, „Gedanken und Erinnerungen", Stuttgart, 1898, т. II, стр. 34.

ты такъ печальна, почему ты одѣта въ черное, мой ангелъ?— пишетъ онъ ей.—Отдавай предпочтеніе зеленому цвѣту надежды"... „Или ты поблекшій листъ? Или ты полинявшее платье?.." „Я хочу посмотрѣть, не сможетъ ли моя любовь освѣжить всѣ краски, заставить снова расцвѣтать цвѣты. Ты должна срывать свѣжіе листы, а старые я положу между страницами въ книгѣ моего сердца, и мы будемъ находить ихъ при чтеніи этой книги, какъ воспоминанія милаго прошлаго..." „Почему ты плачешь, моя любимая? Не потому ли, что ты была столь легкомысленна, чтобы стать моей невѣстой? Или потому, что твои родители и всѣ окружающіе тебя любятъ? Или потому, что приближается весна и мы скоро съ тобой увидимся?.." „Сознаніе, что ты, мой ангелъ, любишь меня и что я также всецѣло принадлежу тебѣ, наполняетъ все мое существо, проникаетъ до самой глубины сердца"...

„Скажи мнѣ, моя любимая, какъ долженъ я къ тебѣ явиться? Долженъ ли я явиться тихимъ лѣтнимъ вечеромъ въ черномъ бархатѣ, въ шляпѣ съ страусовымъ перомъ на головѣ, и подъ звуки цитры внизу у твоихъ оконъ запѣть: „Бѣжимъ..." и т. д.?.. Или же я долженъ явиться въ ясный полдень, одѣтый въ сѣрый верховой костюмъ и коричневыя перчатки, и обнять тебя, ничего не говоря, безъ серенады?.." И посмотрите, какія обращенія находитъ этотъ суровый и грубый юнкеръ: „Angela mia", „Sweetest heart", „единственная любимая Жаннета", „моя бѣдная больная кошечка", „Giovannina mia", „мое милое сердечко", „любимая", „самая любимая" и т. д.[1]). Чѣмъ не мечтательный нѣмецкій романтикъ? Прибавьте къ этому, что Бисмаркъ прожилъ пятьдесятъ лѣтъ въ счастливомъ бракѣ съ своей женой и что, будучи уже сѣдымъ старикомъ, онъ, вынужденный часто по дѣламъ службы покидать семью, посылалъ утромъ срочную телеграмму домой съ запросомъ о здоровьи, если видѣлъ ночью во снѣ свою „Жаннету" черезчуръ блѣдной...

Но не только страстная любовь къ невѣстѣ и женѣ выдаетъ присутствіе другой души въ груди „желѣзнаго канцлера",—цѣлый рядъ фактовъ иного характера говоритъ о томъ же. Такъ, Бисмаркъ всегда съ величайшей охотой путешествуетъ, интересуется жизнью и обычаями чужихъ странъ, радуется, какъ дитя, встрѣчающимся по дорогѣ курьезамъ и достопримѣчательностямъ, съ подъемомъ и остроуміемъ описываетъ друзьямъ свои впечатлѣнія. Онъ любитъ общество и веселое общество и однажды онъ уѣхалъ съ знаменитаго курорта только потому, что присутствовавшіе на „водахъ" французы были слишкомъ молчаливы. Онъ долгое время отказывается отъ принятія поста министра, такъ какъ боится, что новое положеніе слишкомъ свяжетъ свободу его движеній и по-

---

1) См. Fürst Bismarcks Briefe an seine Braut und Gattin, Sttutgart, 1906

мѣшаетъ ему бродить изъ страны въ страну. Онъ предпочитаетъ поэтому карьеру дипломата.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ есть немало мечтательности, почти сентиментальности. Въ бытность свою прусскимъ посланникомъ при Bundestag'ѣ во Франкфуртѣ на Майнѣ, онъ иногда по вечерамъ въ лунныя ночи выѣзжаетъ одинъ въ лодкѣ на середину Рейна, отдается на волю теченія и волнъ и, лежа въ рыбачьемъ челнокѣ, созерцаетъ гористые берега, звѣздное небо и въ связи съ этимъ созерцаніемъ предается размышленіямъ о жизни, о людяхъ, о природѣ и вселенной. Позднѣе, въ Берлинѣ, въ самый разгаръ жестокой политической борьбы, онъ какъ-то попадаетъ въ тотъ домъ, въ которомъ протекла часть его дѣтства. Воспоминанія толпой обступаютъ его, онъ ходитъ изъ комнаты въ комнату, дотрогивается до каждаго дерева въ саду и начинаетъ философствовать на тему о бренности и преходящести всего земного.

Но менѣе неожиданными являются и вкусъ и любовь Бисмарка къ литературѣ, музыкѣ, вообще къ искусству. Въ возрастѣ между двадцатью и тридцатью годами онъ проглотилъ цѣлыя библіотеки, причемъ особенное вниманіе удѣлялъ при этомъ поэзіи. Бисмаркъ въ совершенствѣ владѣлъ англійскимъ, французскимъ и итальянскимъ языками, былъ знакомъ съ датскимъ и испанскимъ и зналъ русскій настолько, что могъ вести дипломатическія бесѣды съ Александромъ II по-русски. При такихъ условіяхъ сокровища всемірной литературы были передъ нимъ раскрыты, и онъ щедрой рукой черпалъ изъ нихъ. Въ молодости его любимымъ авторомъ былъ Байронъ, позднѣе — Шекспиръ, до конца дней Бисмарка остававшійся его фаворитомъ. Въ 50-хъ гг. въ перепискѣ съ своимъ другомъ генераломъ Герлахомъ будущій канцлеръ выработалъ даже цѣлый условный языкъ, примѣняя имена шекспировскихъ героевъ къ политическимъ персонажамъ того времени. Французскихъ и англійскихъ лириковъ Бисмаркъ зналъ въ совершенствѣ и могъ цѣлыми страницами наизусть цитировать изъ нихъ. Однажды на званномъ обѣдѣ, когда рѣчь зашла о трубадурахъ, онъ продекламировалъ на память стихотвореніе Бертрана де-Борна на старо-провансальскомъ нарѣчіи. Изъ нѣмецкихъ поэтовъ онъ больше всего восторгался Гёте. Любимыми литературными образами Бисмарка были Гамлетъ, Фаустъ, Коріоланъ, Валленштейнъ — все сложныя, двойственныя, „загадочныя“ натуры.

Почти также страстно „желѣзный канцлеръ“ относился и къ музыкѣ. Отъ природы онъ былъ надѣленъ превосходнымъ слухомъ и могъ съ перваго же раза усвоивать даже самую трудную мелодію. Фальшь при исполненіи музыкальныхъ вещей рѣзала его ухо и всегда привлекала къ себѣ его вниманіе. Во время французскаго похода онъ замѣчаетъ, напр., въ одномъ письмѣ: „Втеченіе четырехъ часовъ маршируютъ мимо баварцы, оркестръ привираетъ“.

Посѣщать концерты Бисмаркъ очень не любилъ, ибо находилъ всю обстановку послѣднихъ крайне искусственной и натянутой, но дома слушалъ игру мастеровъ скрипки и рояля съ величайшимъ наслажденіемъ. Канцлеръ не принадлежалъ къ особымъ поклонникамъ Моцарта—послѣдній былъ для него слишкомъ ясенъ и уравновѣшенъ,—но за то восхищался Шопеномъ и особенно Бетховеномъ, музыка котораго оказывала на него неотразимое вліяніе. Когда одинъ знакомый піанистъ въ первый разъ исполнилъ предъ Бисмаркомъ F-Moll сонату, суровый политикъ „крови и желѣза“ не могъ удержаться отъ слезъ. А когда въ 1866 г. былъ изданъ, наконецъ, приказъ о мобилизаціи и долголѣтняя мечта Бисмарка о военномъ поединкѣ между Австріей и Пруссіей могла считаться такимъ образомъ исполненной,—онъ пригласилъ оркестръ въ помѣщеніе министерства иностранныхъ дѣлъ и приказалъ ему играть F-Moll сонату Бетховена.

Быть можетъ, любопытнѣе всего съ психологической точки зрѣнія былъ тотъ глубокій внутренній скептицизмъ, то почти пессимистическое отношеніе къ міру, которое вы нерѣдко находите въ письмахъ, разговорахъ и воспоминаніяхъ Бисмарка. Не странно ли? Онъ, который всю свою жизнь провелъ въ самой гущѣ политической борьбы, онъ, который, втеченіе четверти вѣка руководилъ судьбами могущественной имперіи, создавалъ и разрушалъ царства, парламенты, династіи, онъ, который всегда былъ и до конца остался убѣжденнымъ роялистомъ pur sang, — онъ съ насмѣшкой, съ сдержаннымъ презрѣніемъ относился къ королямъ и герцогамъ, министрамъ и конституціямъ, орденамъ и титуламъ. О монархіи и монархахъ онъ пишетъ въ своихъ мемуарахъ: „Абсолютизмъ былъ бы наиболѣе идеальной формой государственнаго устройства въ Европѣ, еслибы государь и его чиновники не были смертными, какъ всѣ прочіе, которымъ не дано править съ сверхчеловѣческими знаніемъ, предусмотрительностью и справедливостью. Въ дѣйствительности однако даже наиболѣе совершенные изъ абсолютныхъ владыкъ подвержены всѣмъ человѣческимъ слабостямъ и недостаткамъ вродѣ переоцѣнки собственной прозорливости, капитуляціи предъ желаніями и уговорами временщиковъ, не говоря уже о законныхъ и незаконныхъ женскихъ вліяніяхъ“.

Отсюда на практикѣ—холодно-враждебное и иронически-насмѣшливое отношеніе Бисмарка къ столь многочисленнымъ въ Германіи коронованнымъ особамъ и окружающей ихъ придворной средѣ со всѣмъ ея этикетомъ и лицемѣріемъ. Когда однажды герцогъ Кобургскій прислалъ канцлеру длинное письмо на двѣнадцати страницахъ съ изложеніемъ своихъ взглядовъ на вопросы текущей политики, Бисмаркъ отвѣтилъ ему кратко и выразительно: изъ всѣхъ пунктовъ, упомянутыхъ въ письмѣ, есть только одинъ, который до сихъ поръ еще не былъ подвергнутъ тщательному обсужденію со

стороны государственной власти, да и этотъ одинъ не заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Въ другой разъ, рекомендуя своей женѣ одного „высокаго“ гостя, Бисмаркъ писалъ: „Я сейчась очень занятъ и у меня есть время только на то, чтобы послать тебѣ сердечный привѣтъ и вмѣстѣ съ нимъ еще одного Рейса, если не ошибаюсь десятаго по счету“. Точно также канцлеръ болѣе, чѣмъ равнодушно, относился къ разнымъ вещественнымъ и невещественнымъ знакамъ отличія: смѣялся надъ титулами и погоней за титулами, ордена надѣвалъ крайне рѣдко, да и то только потому, что они „составляютъ часть туалета дипломата“, любилъ носить либо обычное домашнее платье, либо форму. Когда во время визита къ Наполеону III Бисмарку пришлось облачиться въ придворный костюмъ (чулки, короткіе панталоны и т. д.),—онъ, глядя на себя въ зеркало, хохоталъ до упаду. При докладахъ королю во дворцѣ канцлеру приходилось въ началѣ являться въ парадномъ придворномъ туалетѣ. Однако Вильгельмъ I, узнавши о нелюбви Бисмарка къ подобнаго рода облаченіямъ, разрѣшилъ ему приходить „запросто“ въ форменномъ мундирѣ. Впрочемъ и этотъ послѣдній находился у канцлера въ такомъ „безпорядкѣ“, что зашедшій какъ-то къ нему въ кабинетъ передъ аудіенціей Мольтке, глядя на него, не могъ удержаться отъ смѣха.

Съ еще большими сарказмомъ и презрѣніемъ Бисмаркъ относился къ парламентамъ, которые представлялись ему безцѣльными, ни къ чему ненужными говорильнями, къ парламентаріямъ, которыхъ онъ не уставалъ называть самыми обидными именами, къ дипломатамъ и дипломатіи, къ шахматной игрѣ европейской политики, къ верхнимъ десяти тысячамъ и къ массамъ, къ человѣчеству вообще. Бисмаркъ убѣжденъ, что „никогда еще не было министра или короля (глупцы, обманывающіе самихъ себя, конечно, не въ счетъ), которые покидали бы этотъ міръ съ сознаніемъ, что своей дѣятельностью имъ удалось снять à la longue съ плечъ довѣренныхъ ихъ управленію людей хотя бы *одну* печаль, прибавить къ ихъ существованію хотя бы *одну* радость“. И въ заключеніе канцлеръ начинаетъ серьезно задаваться вопросомъ: дѣйствительно ли заслуживаетъ человѣкъ наименованія вѣнца природы? И не мыслимы ли разумныя существа болѣе высокой организаціи, чѣмъ онъ, и не населяютъ ли эти болѣе совершенныя творенія уже въ настоящее время иные міры, наполняющіе безграничное пространство вселенной?..

Такова другая сторона натуры Бисмарка, его вторая, блѣдно романтическая душа. И вотъ, когда знакомишься со всѣми приведенными фактами, мыслями, цитатами, поступками, невольно возникаетъ вопросъ: какъ сочетать? Какъ сочетать суроваго юнкера и тонкаго цѣнителя поэзіи и музыки? Какъ сочетать жестокаго воина, спокойно перешагивавшаго черезъ потоки крови, съ тихимъ мечтателемъ, въ лунную ночь прислушивающимся къ

плеску рейнской волны? Какъ сочетать „желѣзнаго канцлера“, безстрастно низвергающаго царства и династіи, съ нѣжно влюбленнымъ женихомъ, умѣющимъ находить подходящія слова для выраженія волнующихъ его чувствъ? Какъ сочетать, наконецъ, государственнаго дѣятеля, отличительными чертами котораго являются сила, энергія, безцеремонность, съ полу-философскимъ скептикомъ, не пріемлющимъ міра сего?

Дѣйствительность разрѣшила сравнительно просто эту психологическую загадку: душа „романтическая“ всецѣло подчинялась у Бисмарка душѣ юнкерско-солдатской. Не было коопераціи или внутренней борьбы душъ. Скорѣе наблюдалось установленное законами физики вытѣсненіе одного тѣла другимъ: душа „романтическая“ занимала во внутреннемъ мірѣ государственнаго дѣятеля ровно столько мѣста, сколько оставалось еще свободнымъ отъ души „желѣзнаго канцлера“, она обвивала послѣднюю, подобно тому, какъ плющъ обвиваетъ каменную стѣну. Она была скромна и появлялась только по праздникамъ, предоставляя все остальное время въ безусловное распоряженіе своей соперницы. Ибо только на этомъ условіи душа юнкерско-солдатская могла мириться съ наличностью души романтической.

И какъ разъ въ этомъ отношеніи Бисмаркъ былъ типичнымъ воплощеніемъ современной Германіи. Не вѣрно, будто бы Германія Гёте и Бетховена въ наши дни умерла,—нѣтъ, она есть, живетъ, существуетъ, но она отодвинута на задній планъ шумной и матеріалистически-безцеремонной Германіей Круппа, „Deutsche Bank“ и кайзера, она загнана въ отдаленные закоулки національной души. Германія философіи, поэзіи и музыки терпится въ имперіи Гогенцоллерновъ лишь постольку, поскольку она не мѣшаетъ Германіи пушекъ, биржи и паровыхъ машинъ.

IV.

„Желѣзный канцлеръ“—вотъ подлинный, настоящій Бисмаркъ, вписавшій огненными буквами свое имя въ книгу исторіи. И потому читатель, конечно, не удивится, если теперь, послѣ того, какъ мы познакомились съ основными чертами характера великаго юнкера, я перейду къ изображенію его, какъ *политика*. Ибо вѣдь какъ разъ тутъ, въ этой сложной и запутанной области внѣшнихъ и внутреннихъ отношеній государствъ, лежитъ дѣло всей жизни Бисмарка, дѣло, на которомъ выросла и развернулась его могучая личность, и которое единственно объясняетъ и оправдываетъ проявляемый къ творцу современной Германіи всеобщій интересъ.

Въ отличіе отъ Бисмарка-человѣка Бисмаркъ-политикъ чрезвычайно цѣльная и монолитная фигура. Бисмаркъ-политикъ—это по міровоззрѣнію типичный *прусскій юнкеръ-консерваторъ* со всѣми

положительными и отрицательными (больше, конечно, отрицательными) сторонами, свойственными данной разновидности Homo sapiens. За исключеніемъ ранняго періода молодости, когда по собственнымъ признаніямъ канцлера, въ религіи онъ былъ пантеистомъ, а въ политикѣ—полусознательнымъ поклонникомъ республики, Бисмаркъ на протяженіи всей своей остальной жизни никогда не выходилъ за предѣлы міросозерцанія, которое характеризовалось тремя основными понятіями: Пруссія, роялизмъ, христіанство.

Уже въ бурные дни 1848 и послѣдующихъ годовъ, съ которыми совпало первое появленіе Бисмарка на политической аренѣ, онъ выступаетъ передъ нами вполнѣ сформировавшимся *пруссакомъ*-консерваторомъ и таковымъ же онъ остался до конца дней своихъ. Я не случайно подчеркиваю слово „пруссакомъ", потому что именно Пруссія была всегда первой и послѣдней мыслью великаго юнкера, интересы которой онъ ставилъ превыше всего на свѣтѣ, превыше даже религіи, даже монархизма. А это значитъ очень много, ибо по вѣрѣ, традиціямъ, соціальному положенію Бисмаркъ былъ горячимъ и убѣжденнымъ роялистомъ. Въ 1848 г. онъ страстно негодуетъ на короля за то, что тотъ уступилъ напору „черни", и во имя поддержанія авторитета монархическаго принципа совѣтуетъ генераламъ Приттвицу и Врангелю, вопреки приказаніямъ Фридриха Вильгельма IV, стрѣлять въ возмутившійся народъ. Приглашенный на аудіенцію во дворецъ онъ въ такомъ тонѣ разговариваетъ съ своимъ сувереномъ, что супруга послѣдняго, наконецъ, не выдерживаетъ и съ раздраженіемъ восклицаетъ: „какъ вы осмѣливаетесь *такъ* говорить со своимъ королемъ [1])? Подобное поведеніе Бисмарка объяснялось, конечно, не тѣмъ, что онъ внезапно подъ вліяніемъ окружающихъ настроеній сдѣлался революціонеромъ-демократомъ, а тѣмъ, что онъ былъ глубоко оскорбленъ за монархическій принципъ. Позднѣе, въ 1862 г., принимая постъ прусскаго министра-президента, онъ на вопросъ Вильгельма I, каковы будутъ его условія, безъ колебаній отвѣчалъ: „У меня нѣтъ никакихъ условій. Я чувствую себя такъ, какъ чувствовалъ бы себя курбранденбургскій вассалъ, видящій, что его владѣтельный князь находится въ опасности". (Какъ извѣстно, въ 1861-2 гг. борьба между короной и либеральнымъ бюргерствомъ въ Пруссіи достигла своего апогея и, не видя никакого выхода изъ создавшагося положенія, король носился съ идеей отреченія отъ престола).

И однако даже этотъ глубоко выношенный и глубоко прочувствованный роялизмъ Бисмаркъ готовъ былъ принести въ жертву Пруссіи! И вотъ чрезвычайно яркое доказательство: въ томъ же 1848 г. онъ, въ качествѣ депутата соединеннаго ландтага, отка-

---

[1]) Bismarck, „Gedanken und Erinnerungen", т. I, стр. 44.

зался вотировать въ отвѣтъ на тронную рѣчь благодарственный адресъ королю только потому, что монархъ въ этой рѣчи высказывалъ пожеланіе о „раствореніи“ Пруссіи въ Германіи [1]). Для „вѣрноподданнаго консерватора“ поистинѣ не легкая задача. Во имя той же Пруссіи уже въ 50-хъ гг. Бисмаркъ изъ страстнаго поклонника Австріи превратился въ ея злѣйшаго врага и потратилъ цѣлыхъ 10 лѣтъ на систематическую подготовку „братоубійственной“ войны 1866 г. Во имя той же Пруссіи онъ готовъ былъ вести борьбу съ кѣмъ угодно и когда угодно. Въ бытность свою посланникомъ во Франкфуртѣ на Майнѣ на вопросъ, является ли онъ сторонникомъ Россіи или западно-европейскихъ державъ, будущій канцлеръ неизмѣнно отвѣчалъ: „Я—пруссакъ и, если это будетъ лежать въ интересахъ прусской политики, я съ совершенно одинаковымъ удовлетвореніемъ буду привѣтствовать борьбу прусскихъ войскъ на русской, французской, англійской или австрійской границахъ“. Даже Провидѣніе окрашено для Бисмарка въ тотъ же нѣмецко-прусскій цвѣтъ: съ своимъ Богомъ онъ не можетъ во французской церкви въ Франкфуртѣ „говорить по-французски“; ему кажется даже однажды, что „Господь приказалъ ему что-то по-нѣмецки“.

Въ полномъ соотвѣтствіи съ общимъ духомъ міросозерцанія Бисмарка находятся и его взгляды по различнымъ вопросамъ политической, экономической и соціальной жизни. „Желѣзный канцлеръ“—фанатическій врагъ демократіи, и это опять-таки уже вполнѣ ясно и отчетливо обнаруживается въ 1848-50 гг. Въ 1849 г. онъ попадаетъ на кладбище въ Фридрихсгайнъ, гдѣ похоронены „мартовскіе борцы“, и приходитъ въ негодованіе: „Даже мертвымъ я не могу простить—пишетъ онъ.—Я говорю себѣ, что всѣ мы умираемъ въ грѣхѣ. Но мое сердце переполняется ядомъ и желчью, когда я вижу, что сдѣлали изъ моего отечества эти убійцы, на которыхъ берлинцы продолжаютъ до сихъ поръ молиться“. Въ прусскомъ ландтагѣ 1850 г. Бисмаркъ рѣшительно выступаетъ противъ свободы союзовъ, противъ свободы торговли, противъ гражданскаго брака, противъ всякихъ ограниченій правъ собственности, противъ нападокъ на земельное дворянство. И, хотя въ дальнѣйшемъ ему пришлось измѣнить свои воззрѣнія по многимъ пунктамъ,—онъ навсегда остался смертельнымъ противникомъ суверенитета массъ. Извѣстна жестокая борьба Бисмарка съ соціалъ-демократіей. Извѣстно также, что, проводя свою широко задуманную схему соціальнаго законодательства, онъ разсматривалъ ее подъ угломъ зрѣнія монархическо-христіанскаго патріархализма: это былъ актъ милостиваго благоволенія короны по отношенію къ народу, свободный подарокъ отца-господина своимъ „труждающимся и обремененнымъ дѣтямъ“. О *правѣ* ра-

[1]) Bismarck, „Gesammelte Reden, Berlin, 1892, т. I, стр. 11.

бочихъ на заботу со стороны государства при такой постановкѣ вопроса, конечно, не могло быть и рѣчи. И точно также съ величайшей враждебностью Бисмаркъ всегда относился къ парламенту и парламентаризму. Безчисленны его афоризмы и изреченія, подчасъ очень ѣдкія и остроумныя, направленныя противъ народнаго представительства. Послѣднее для него—лишь „Haus der Phrasen"; его дѣятельность—„конституціонная комедія", „ерунда"; депутаты—„дураки", „болтуны", „парламентскія амфибіи" и т. д.

Въ томъ же родѣ и взгляды Бисмарка на методы и средства достиженія поставленныхъ себѣ цѣлей. Всѣ они сводятся къ одному фокусу, къ одному источнику—*силѣ*. Сила, грубая, матеріальная, желѣзная сила—вотъ настоящій Богъ Бисмарка, къ помощи котораго онъ любилъ всегда прибѣгать, которому онъ не переставалъ молиться втеченіе всей своей политической карьеры. Бисмаркъ былъ убѣжденъ, что на войнѣ вопросъ рѣшается въ первую голову перевѣсомъ силъ и уже только затѣмъ способностью и искусствомъ полководцевъ. „Наши успѣхи въ 1870 г.—говорилъ онъ—объясняются тѣмъ, что наши солдаты физически крѣпче французскихъ, лучше маршируютъ, неудержимы въ аттакѣ. Еслибы Макъ-Магонъ имѣлъ прусскихъ солдатъ, а Альвенслебенъ—французскихъ, то Альвенслебенъ былъ бы всетаки побитъ, не смотря на то, что онъ мой другъ". Вопросы права для Бисмарка—прежде всего „Machtfragen" („вопросы силы"). Въ 1864 г. онъ прямо заявляетъ: „Вопросы государственнаго права въ послѣднемъ счетѣ рѣшаются при помощи штыковъ". Вскорѣ послѣ своего назначенія министромъ-президентомъ онъ произноситъ свои знаменитыя слова: „Германія смотритъ не на либерализмъ Пруссіи, а на ея мощь. Великіе вопросы вѣка рѣшаются не рѣчами и парламентскими резолюціями, — это была ошибка 48-49 гг.,—а желѣзомъ и кровью".

И мы знаемъ хорошо, что всѣ эти и имъ подобныя слова были для Бисмарка не только словами,—они были его символомъ вѣры въ практической борьбѣ. Это какое-то почти слѣпое преклоненіе предъ грубой физической силой имѣло своимъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ непониманіе канцлеромъ значенія современной демократіи и недооцѣнку имъ роли идеологическаго фактора. Въ результатѣ онъ, великій искусникъ, когда дѣло шло объ уловленіи въ свои сѣти королей, правительствъ и дипломатовъ, оказывался часто безпомощнымъ ребенкомъ, когда ему приходилось столкнуться съ неистребимой властью коренящихся въ условіяхъ дѣйствительности идей. Два раза на протяженіи своей политической карьеры Бисмаркъ пытался сокрушить враждебную ему идею при помощи физической силы, при помощи полицейской репрессіи: въ эпоху Kulturkampf'а и исключительнаго закона противъ соціалистовъ. И оба раза, не смотря не развитую имъ колоссальную энергію, „желѣзный канцлеръ" потерпѣлъ самое позорное пораженіе. Предъ

нами такимъ образомъ типичный представитель прусско-юнкерскаго консерватизма, котораго нынѣшніе властители имперіи Гогенцоллерновъ—всѣ эти графы Ревентловы, Вестарпы, Гейдебранды и т. д.—имѣютъ полное право считать своимъ предшественникомъ и въ извѣстной степени даже своимъ духовнымъ родоначальникомъ.

V.

Если тѣмъ не менѣе мы называемъ этого „типичнаго юнкера" великимъ юнкеромъ, то это объясняется двумя причинами. Во-первыхъ, тѣмъ, что Бисмаркъ всю свою жизнь былъ яркимъ носителемъ большой истинно государственной идеи; и, во-вторыхъ, тѣмъ, что при осуществленіи данной идеи онъ обнаружилъ несокрушимую волю, блестящій организаторскій талантъ и совершенно безпримѣрныя гибкость и приспособляемость. Все качества, которыхъ мы тщетно стали бы искать у современныхъ эпигоновъ „желѣзнаго канцлера".

Большая государственная идея, которая наполняла собой все существо Бисмарка,—было созданіе могущественной объединенной Германіи подъ главенствомъ Пруссіи. Онъ выносилъ эту идею глубоко въ душѣ и, какъ художникъ, охваченный вдохновеніемъ, со страстью, съ нетерпѣніемъ отдался воплощенію ея въ дѣйствительности. Онъ думаетъ только объ этомъ, онъ интересуется только этимъ, онъ болѣетъ и волнуется только по поводу этого. Единая Германія—его первая мысль, когда онъ просыпается, единая Германія—его послѣдняя мысль, когда онъ ложится спать. Втеченіе цѣлыхъ 15 лѣтъ онъ пишетъ, говоритъ, занимается интригами, ставитъ волчьи ямы дипломатамъ, воюетъ, низвергаетъ и возводитъ на престолъ короля,—и все для того, чтобы осуществить свой идеалъ, чтобы собрать воедино разрозненную націю и построить могучую тевтонскую имперію. И, когда дѣло оказывается, наконецъ, сдѣланнымъ, когда, выйдя изъ огня трехъ военныхъ кампаній, единая Германія гордо подымаетъ къ небу свою голову, Бисмаркъ вмѣстѣ съ понятнымъ чувствомъ торжества и удовлетворенія начинаетъ испытывать сожалѣніе по недавнему прошлому. „Я скучаю—говоритъ онъ какъ-то одному другу въ началѣ 70-хъ гг.,—всѣ великія дѣла свершены. Имперія создана, она признана и уважаема всѣми народами. Вражескія коалиціи легко предупредить. Охотиться на зайцевъ у меня нѣтъ никакого желанія. Вотъ еслибы можно было уложить крупнаго кабана,—тогда другое дѣло. Тогда я ожилъ бы".

И теперь единственнымъ интересомъ, единственной заботой канцлера становится охранять цѣлость и неприкосновенность своего творенія, способствовать его росту, развитію, процвѣтанію. Какъ

любящая мать, онъ пристально слѣдитъ за каждымъ шагомъ новорожденной монархіи, радуется ея радостями, болѣетъ ея печалями. „Въ безсонныя ночи—пишетъ онъ въ 70-хъ гг.,—я не могу отдѣлаться отъ мысли, что, быть можетъ, нашимъ сыновьямъ придется снова сидѣть за хорошо извѣстнымъ круглымъ столомъ Bundestag'а во Франкфуртѣ". И позднѣе въ 1885 г.: „Партійный духъ—вотъ, что я обвиняю предъ Богомъ и исторіей, если прекрасное твореніе нашей націи 1866 и 1870 гг. снова разобьется и перо испортитъ то, что было создано мечемъ". И для предупрежденія этой опасности нѣтъ жертвы, которой Бисмаркъ не принесъ бы. Онъ, какъ тигръ, бросается на ультрамонтановъ и соціалистовъ, потому что въ нихъ ему чудятся враги имперіи, подкапывающіеся подъ ея основы. Онъ рветъ съ консерваторами, когда ихъ узко-эгоистическій партикуляризмъ становится на пути развитія единой Германіи. Въ области внѣшней политики онъ не перестаетъ работать надъ предупрежденіемъ какой-либо враждебной коалиціи противъ Германіи и въ 1879 г. въ тѣхъ же видахъ заключаетъ союзъ съ Австріей, жертвуя ради этого своими личными симпатіями къ Россіи. Словомъ, вся жизнь, вся дѣятельность, всѣ мысли и чувства Бисмарка строятся около одного основного лозунга: „все для имперіи, все ради имперіи"! Онъ—фанатикъ этого лозунга, и на службу ему онъ отдаетъ всѣ свои силы.

Впрочемъ, значеніе Бисмарка, какъ упомянуто было выше, объясняется не только значеніемъ преслѣдовавшейся имъ цѣли, но также и самыми методами ея осуществленія. И тутъ на первый планъ естественно выступаетъ та черта его характера, которая по справедливости можетъ быть названа *политическимъ реализмомъ*. „Самое опасное для дипломата—замѣтилъ какъ-то канцлеръ—имѣть иллюзіи". Вотъ этихъ-то иллюзій у Бисмарка никогда не было. Онъ былъ всегда олицетворенная трезвость, видѣлъ вещи такими, какія онѣ есть, умѣлъ быстро оріентироваться въ положеніи, отчетливо сознавая всѣ его сильныя и слабыя стороны. Людей и ихъ психологію Бисмаркъ зналъ превосходно и почти по первому взгляду безошибочно опредѣлялъ, какъ легче всего подойти къ данному персонажу. Главное же, „желѣзный канцлеръ" никогда не былъ упрямымъ догматикомъ. Онъ прекрасно понималъ, что каждому государственному дѣятелю приходится работать въ опредѣленной исторической обстановкѣ, которой измѣнить нельзя; что въ жизни имѣются факторы, съ которыми, независимо отъ того, пріятны они или непріятны, приходится считаться, какъ съ данными; и что нелѣпо и безсмысленно затрагивать силы и энергію на борьбу съ неустранимыми явленіями, какъ нелѣпо и безсмысленно негодовать на рѣку, въ весеннее половодье затопившую крестьянскія поля. „Политика есть ученіе о возможномъ"—этотъ афоризмъ Бисмарка лучше всего характеризуетъ его методы государственной дѣятельности. Да, ученіе о *возможномъ въ на-*

правленіи желательнаго. И прекрасной иллюстраціей къ данному афоризму могутъ служить слѣдующія слова его же самого, сказанныя въ 1866 г. въ парламентѣ по поводу датскаго вопроса: „Я всегда держался того мнѣнія, что личная унія съ Даніей была бы лучше того, что существовало въ дѣйствительности; что самостоятельный князь былъ бы лучше, чѣмъ личная унія; и что объединеніе съ Пруссіей было бы лучше, чѣмъ самостоятельный князь. Какое изъ этихъ рѣшеній было достижимо, могли показать только событія“ [1]).

Пожалуй, ярче всего эти черты бисмарковскаго характера проявлялись въ области внѣшней политики. Какъ дипломатъ, великій юнкеръ былъ въ своемъ родѣ неподражаемъ. Французскій посланникъ въ Вѣнѣ Граммонъ даетъ слѣдующій портретъ его, относящійся къ серединѣ 60 гг.: „Его улыбка всегда ограничивалась лишь plissure des levres, онъ никогда не смѣялся глазами и говорилъ, казалось, съ стиснутыми зубами, что давало совершенно особенный акцентъ его французскому языку. Чувствовалось, что онъ въ любой моментъ готовъ къ борьбѣ, не смотря на то, что въ его поведеніи замѣтны были нѣсколько аффектированныя легкость въ обращеніи съ дипломатическими тайнами и какъ бы нежеланіе мѣшать естественному ходу вещей... Онъ обнаруживалъ нетерпѣніе при каждомъ противорѣчіи и невольно обращалъ на себя вниманіе абсолютностью своихъ доктринъ и смѣлостью своихъ мыслей“ [2]). Въ бесѣдахъ съ представителями другихъ государствъ Бисмаркъ почти всегда избѣгалъ формы прямыхъ вопросовъ. При трудныхъ переговорахъ любилъ курить, ибо это давало возможность въ случаѣ надобности выиграть время для обдумыванія отвѣта. Смотря по обстоятельствамъ могъ быть то рѣшительно-откровеннымъ, то непроницаемо-загадочнымъ. Такъ, напр., обѣдая въ іюнѣ 1862 г. въ Лондонѣ у Дизраэли, Бисмаркъ безъ обиняковъ заявилъ: „Въ непродолжительномъ времени я буду вынужденъ взять на себя руководство прусской политикой. Моей первой заботой будетъ съ помощью или безъ помощи ландтага реорганизовать армію. Далѣе я воспользуюсь первымъ удобнымъ предлогомъ для того, чтобы объявить войну Австріи, уничтожить „Германскій союзъ“, подчинить своему вліянію среднія и мелкія государства и создать единую Германію подъ главенствомъ Пруссіи. Я пріѣхалъ сюда за тѣмъ, чтобы сообщить объ этомъ министрамъ королевы“. Какъ видимъ, тутъ вся программа Бисмарка, осуществленная имъ втеченіе ближайшихъ 8 лѣтъ до послѣдней точки надъ і. Это откровеніе произвело такое сильное впечатлѣніе на англійскаго государственнаго дѣятеля, что въ разговорѣ съ однимъ изъ своихъ друзей онъ воскликнулъ: „Остерегайтесь его. Онъ говоритъ, что думаетъ“.

---

[1]) Bismarck, „Gesammelte Redenc“, т. I, стр. 131.
[2]) E. Ludwig, „Bismarck“, стр. 181.

Но за то, если Бисмарку было необходимо держать кого-нибудь въ неизвѣстности относительно своихъ истинныхъ намѣреній, онъ умѣлъ это дѣлать съ неподражаемымъ искусствомъ. Такъ, втеченіе цѣлаго ряда лѣтъ онъ ухитрялся скрывать отъ испытаннѣйшихъ дипломатовъ Австріи, что въ случаѣ столкновенія ея съ Франціей Пруссія будетъ поддерживать послѣднюю. Въ свою очередь, и Наполеона III вплоть до самаго 1870 г. онъ умѣлъ увѣрить въ своемъ дружескомъ расположеніи къ нему и неопредѣленными обѣщаніями какихъ-то „компенсацій“ гарантировать себѣ его нейтралитетъ въ 1864 и 1866 гг. Въ сношеніяхъ съ королями и дипломатами Бисмаркъ могъ мѣняться, какъ хамелеонъ: онъ могъ быть любезенъ, угрожающъ, вкрадчивъ, рѣзокъ, грубъ. Все зависѣло отъ человѣка и ситуаціи. Назначенный прусскимъ посланникомъ во Франкфуртъ на Майнѣ, будущій канцлеръ явился съ визитомъ къ предсѣдателю Bundestag'а графу Туну. Послѣдній, какъ представитель Австріи, намѣренно старался въ то время третировать уполномоченныхъ другихъ нѣмецкихъ государствъ и принялъ Бисмарка съ сигарой въ зубахъ за рабочимъ столомъ въ кабинетѣ, даже не вставъ и не предложивъ своему гостю сѣсть. Въ слѣдующій разъ Бисмаркъ, войдя въ кабинетъ Туна, молча снялъ съ себя сюртукъ, сѣлъ, непринужденно закинувъ ногу за ногу, на стулъ, спокойно закурилъ сигару и уже только затѣмъ обратился къ хозяину съ привѣтствіемъ и съ изложеніемъ своего дѣла. Австрійскій дипломатъ понялъ и сразу перемѣнилъ свое обращеніе съ представителемъ ненавистной Пруссіи.

За то совсѣмъ иной методъ дѣйствій примѣнялъ позднѣе Бисмаркъ къ французскому послу Бенедетти. Хорошо зная мягкую, льстивую, нерѣшительную натуру послѣдняго, Бисмаркъ старался—и не безъ успѣха—оказать на него вліяніе любезностью, предупредительностью, различными внѣшними проявленіями довѣрія. И не даромъ, когда въ 1867 г. Франція предложила Пруссіи заключеніе оборонительно-наступательнаго союза на условіи, что Франція аннектируетъ Бельгію, а Пруссія — южную Германію, Бисмаркъ попросилъ Бенедетти изложить этотъ проектъ на бумагѣ. Бенедетти согласился. Изъ переговоровъ о союзѣ, въ концѣ концовъ, ничего не вышло. Но въ рукахъ будущаго канцлера остался весьма компрометирующій документъ, которымъ онъ въ свое время сумѣлъ великолѣпно воспользоваться. Шесть дней спустя послѣ объявленія Франціей войны Пруссіи, пресловутая записка Бенедетти появилась на страницахъ „Times'а“ и одновременно Бисмаркъ разослалъ всѣмъ европейскимъ кабинетамъ фотографическія снимки съ текста меморандума, собственноручно подписаннаго французскимъ посломъ. Эффектъ этого шага оказался поразительный и именно такой, какой былъ нуженъ Бисмарку: весь нейтральный міръ былъ страшно раздраженъ противъ Франціи и шумно привѣтствовалъ побѣду Пруссіи.

Но не только въ этомъ необыкновенномъ умѣніи пользоваться людьми и обстоятельствами проявлялся реализмъ „желѣзнаго канцлера",—въ гораздо большей степени онъ сказывался въ его рѣдкой способности сразу охватить политическую ситуацію, быстро уловить взглядомъ основныя движущія силы совершающихся событій и въ соотвѣтствіи съ этимъ намѣтить большія истинно-государственныя цѣли. Бисмаркъ никогда не увлекался повседневными мелочами дипломатической дѣятельности,—ему было въ нихъ узко, тѣсно, непривычно. Смѣло и рѣшительно онъ набрасывалъ всегда широкія глубоко продуманныя, разсчитанныя на длительный эффектъ схемы. Лучшій примѣръ тому Австрія. Уже въ 1856 г., тотчасъ послѣ крымской кампаніи, онъ приходитъ къ выводу, что объединеніе Германіи можетъ быть совершено не вмѣстѣ, а лишь противъ Габсбургской монархіи. И между тѣмъ, какъ всѣ прославленные дипломаты и министры той эпохи продолжаютъ еще носиться съ неразрѣшимыми проектами сочетанія Австріи и Пруссіи въ рамкахъ одной имперіи, Бисмаркъ создаетъ совершенно иной планъ: усиленіе прусской арміи, международная изоляція Вѣнскаго правительства, военный разгромъ соперника и образованіе единой Германіи подъ эгидой Гогенцоллерновъ. Десять лѣтъ онъ упорно, систематически работаетъ надъ осуществленіемъ своего плана и, наконецъ, на поляхъ Кёниггреца добивается полнаго торжества. Но тутъ происходитъ крутой переломъ. Австрія разбита и больше не страшна Пруссіи. Непосредственная цѣль Бисмарка достигнута. Онъ сразу дѣлаетъ поворотъ въ 180 градусовъ и ищетъ дружбы и сближенія съ недавнимъ противникомъ. Вопреки оппозиціи короля и военной партіи, онъ добивается почетнаго мира съ Габсбургской монархіей и затѣмъ такъ же систематически и упорно, какъ раньше готовилъ войну съ ней, начинаетъ готовить съ ней соглашеніе. Дѣйствительно, 13 лѣтъ спустя (въ 1879 г.) онъ заключаетъ существующій еще понынѣ союзъ съ Австріей, упрочившій на долгіе годы международную позицію Германіи. Подобныя смѣлость и дальновидность, трезвость и самообладаніе, подобный modus in rebus могъ обнаружить только крупный политическій дѣятель.

А вотъ еще одинъ, пожалуй, не менѣе любопытный примѣръ. Война 1870—71 гг. кончена. Единая Германія создана. Бисмаркъ заботится объ укрѣпленіи и усиленіи только что родившейся имперіи. И онъ опять набрасываетъ новую грандіозную схему. Его цѣль—предупредить образованіе враждебной Германіи коалиціи и на разрозненности великодержавной Европы построить гегемонію своего отечества на континентѣ. Съ этой цѣлью онъ, во-первыхъ, къ великому ужасу берлинскихъ консервативно-придворныхъ сферъ всячески поддерживаетъ во Франціи республику, такъ какъ полагаетъ, что данная форма правленія будетъ затруднять сближеніе

Франціи съ другими государствами, и, во-вторыхъ, усиленно толкаетъ свою зарейнскую сосѣдку на путь колоніальной политики. Послѣднимъ достигается сразу двоякая цѣль: силы и вниманіе Франціи отвлекаются отъ Европы за океанъ и вмѣстѣ съ тѣмъ Франція приходитъ въ рѣзкое столкновеніе съ Англіей и Италіей. Италія подъ вліяніемъ раздраженія противъ Франціи 1883 г. присоединяется даже къ австро-германскому союзу. Далѣе Россію Бисмаркъ поддерживаетъ противъ Англіи въ Европѣ и такимъ образомъ создаетъ постоянное яблоко раздора между обѣими державами на Балканахъ. Въ Азіи онъ предоставляетъ Россіи свободу дѣйствій и этимъ опять-таки сталкиваетъ ее съ Великобританіей. Наоборотъ, Англію онъ поддерживаетъ внѣ Европы—въ сферѣ ея колоніальныхъ предпріятій,—особенно въ Африкѣ противъ Франціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ при помощи ловкой игры на дипломатическихъ струнахъ Бисмаркъ заботится о томъ, чтобы намѣчающееся сближеніе между Франціей и Россіей не приняло слишкомъ интимнаго характера и не перешло въ союзъ. Результатомъ этой сложной и хитроумной политики является продленіе разорванности Европы, изолированность почти всѣхъ ея крупныхъ государствъ и, какъ выводъ изъ этой ситуаціи, болѣе, чѣмъ 20-лѣтняя международная гегемонія Германіи. Едва-ли нужно доказывать, что успѣшное осуществленіе и этого грандіознаго плана было по плечу только человѣку исключительныхъ дарованій.

Тотъ же реализмъ и тѣ же поразительныя гибгость и приспособляемость составляли отличительныя черты Бисмарка и въ области домашнихъ нѣмецкихъ дѣлъ. И здѣсь онъ тоже жилъ и дышалъ лишь одной мечтой: созданіемъ единой могущественной Германіи. И всю свою внутреннюю политику подчинялъ этой главной задачѣ, разсматривалъ ее подъ угломъ зрѣнія этого идеала. Онъ самъ какъ-то заявилъ въ рейхстагѣ: „все, что послѣ этого (т. е. послѣ образованія имперіи) наступитъ,—либеральная, реакціонная, консервативная конституція,—все это, сознаюсь откровенно, имѣетъ для меня лишь второстепенное значеніе, все это—роскошь внутренняго убранства, умѣстная, когда домъ уже окончательно построенъ. Возведемъ сначала прочное, хорошо защищенное извнѣ зданіе и тогда уже спрашивайте мое мнѣніе о томъ, какъ лучше меблировать домъ. Тогда можно будетъ сдѣлать такъ или этакъ. Бываютъ времена, когда нужно править либерально, и бываютъ времена, когда нужно править по диктаторски“.

„Желѣзный канцлеръ“ прекрасно усвоилъ себѣ мораль послѣдняго предложенія и свято руководился этой моралью въ своей практической дѣятельности. Возьмите, въ самомъ дѣлѣ, весь періодъ 60-70 г.г. и прослѣдите на его протяженіи поведеніе Бисмарка. Втеченіе 4-хъ лѣтъ (1862—66) онъ ведетъ упорную борьбу съ прусскимъ ландтагомъ изъ-за реорганизаціи арміи.

Ландтагъ, въ которомъ господствуютъ либералы, систематически отказываетъ въ вотированіи бюджета и ведетъ широкую агитацію въ странѣ противъ правительства. Бисмаркъ до крайности раздраженъ оппозиціей „парламентскихъ амфибій". Онъ преслѣдуетъ ихъ репрессіями, онъ правитъ вопреки конституціи и живетъ на основаніи неутвержденнаго бюджета, но упорно продолжаетъ усиливать боевую мощь Пруссіи, ибо это нужно для осуществленія мечты всей его жизни—для созданія единой Германіи. Наступаетъ 1866 г. Австрія разгромлена, Бисмаркъ торжествуетъ. Настроеніе въ странѣ круто мѣняется, общественное мнѣніе, привыкшее бѣжать за колесницей побѣдителя, теперь оборачивается противъ либераловъ и переходитъ на сторону министра-президента. Реакціонеры всѣхъ оттѣнковъ нашептываютъ ему заманчивые планы: онъ долженъ использовать благопріятный моментъ; онъ долженъ разъ навсегда положить конецъ ненужной „говорильнѣ" и возстановить въ чистомъ видѣ королевскій абсолютизмъ!

Что же Бисмаркъ? Онъ рѣшительно отвергаетъ всѣ подобные проекты. Не потому, конечно, что ему особенно нравится парламентаризмъ (мы видѣли, съ какими ненавистью и презрѣніемъ онъ всегда относился къ народному представительству), а потому, что онъ политическій реалистъ и прекрасно сознаетъ, что страна выросла уже изъ абсолютистскаго режима и что попытки повернуть колесо исторіи назадъ могутъ вызвать серьезныя внутреннія осложненія и—что особенно важно—затруднить созданіе объединенной Германіи. Потому онъ не только отказывается прикончить съ „говорильней", онъ, наоборотъ, самъ идетъ къ этой „говорильнѣ" и, стоя на вершинѣ тріумфа, всемогущій, всѣми обожаемый, протягиваетъ руку примиренія ненавистной камерѣ: онъ проситъ объ индемнитетѣ, объ утвержденіи заднимъ числомъ незаконныхъ бюджетовъ прошлыхъ лѣтъ. Ибо это примиреніе нужно ему для осуществленія его дальнѣйшихъ плановъ, нужно для созданія все той же единой Германской имперіи. Шагъ, который опять-таки по силамъ только дѣйствительно крупному государственному человѣку, и который по мудрости и дальновидности можетъ быть смѣло поставленъ на одну доску съ политикой великаго юнкера по отношенію къ Австріи.

Но Бисмаркъ не ограничивается только индемнитетомъ. Въ томъ же 1866 г. онъ—упрямый монархистъ до мозга костей—низвергаетъ съ престола короля Ганновера и превращаетъ его владѣнія въ прусскую провинцію. Въ слѣдующемъ 1867 г. онъ, неумолимый врагъ демократіи, вводитъ всеобщее голосованіе для выборовъ въ сѣверо-германскій рейхстагъ, а впослѣдствіи переноситъ его и въ конституцію Германской имперіи. Одновременно онъ пробуетъ заигрывать съ соціалистами (извѣстны его сношенія съ Лассалемъ еще въ 1864 г.), предлагаетъ Марксу и Либ-

кнехту работать въ правительственныхъ изданіяхъ, рветъ съ консерваторами, погрязшими въ специфически-прусскомъ партикуляризмѣ, вступаетъ въ союзъ съ лучше понимающими потребности времени либералами и, опираясь на нихъ, закладываетъ основы объединенной имперіи: устанавливаетъ свободу торговли (вспомнимъ, какъ рѣзко относился къ ней Бисмаркъ въ 50 гг.), гражданскую свободу, единое для всей страны гражданское и уголовное право и т. д. Въ началѣ 70-хъ г. Бисмаркъ (самъ вѣрующій христіанинъ) опять-таки въ союзѣ съ либералами открываетъ гоненія на католическую церковь, проводитъ гражданскій бракъ, противъ котораго онъ самъ такъ страстно возставалъ въ 1851 г., освобождаетъ школы отъ надзора духовенства и носится съ идеей о привлеченіи лидеровъ націоналъ-либераловъ въ министерство. Не правда ли, нѣсколько странный образъ дѣйствій для убѣжденнаго консерватора и монархиста?

Но потомъ около конца 70-хъ гг. происходитъ рѣзкій поворотъ. Въ 1878 г. проводится исключительный законъ противъ соціалъ-демократіи. Въ 1879 г. разыгрывается ссора Бисмарка съ либералами на почвѣ отказа послѣднихъ поддерживать протекціонистскую политику канцлера (до того Бисмаркъ былъ фритредеромъ). Канцлеръ круто порываетъ съ своими вчерашними сотрудниками и ищетъ сближенія съ вчерашней оппозиціей—консерваторами. Онъ дѣлаетъ больше: онъ идетъ на мировую съ католиками, которыхъ оказался не въ силахъ побѣдить, и превращаетъ центръ въ правительственную партію. Создается знаменитый „черно-голубой блокъ", который съ тѣхъ поръ почти непрерывно вплоть до нашихъ дней держитъ въ своихъ рукахъ руль государственнаго корабля, все болѣе оттѣсняя либерализмъ на положеніе безсильной и вымирающей оппозиціи.

Не думайте однако, что между той и другой полосой дѣятельности Бисмарка лежитъ какое-то непроходимое противорѣчіе. Ничего подобнаго. За всю свою долгую политическую карьеру Бисмаркъ никогда не мѣнялся, онъ всегда оставался вѣренъ самому себѣ. Просто въ 60-70-хъ гг. для осуществленія его цѣлей пригодны были одни методы дѣйствія, одни люди и партіи, а въ 80-хъ гг.—другіе. Ибо „бываютъ времена, когда нужно править либерально, и бываютъ времена, когда нужно править по диктаторски". И, какъ смѣлый наѣздникъ, для котораго успѣхъ покрываетъ все, онъ безъ колебаній мѣняетъ на пути одного коня на другого. Цѣли же и стремленія его все время остаются тѣ же—созданіе и укрѣпленіе могучей тевтонской имперіи...

Въ Гамбургѣ, на высокомъ берегу Эльбы, каждому путешественнику невольно бросается въ глаза грандіозный (вышиной съ пятиэтажный домъ) памятникъ. На массивномъ постаментѣ изъ краснаго гранита подымается исполинская гранитная же фигура

рыцаря, закованнаго въ латы. Руки рыцаря покоятся на рукояткѣ длиннаго меча. У ногъ его съ обѣихъ сторонъ хищно выгибаютъ шею два каменныхъ орла. Лицо рыцаря открыто, на немъ лежитъ отпечатокъ суровой мысли, и взоры его глубоко сидящихъ подъ угрюмо сдвинутыми бровями глазъ обращены на кипящій лихорадочной жизнью міровой портъ и на ту узкую полосу воды, на которой то и дѣло появляются приходящіе изъ-за синѣющей океанской дали морскіе гиганты. Это—Бисмаркъ. Весь огромный, тяжелый, неподвижный, онъ точно царитъ надъ раскинувшимся вокругъ городомъ и безжалостно давитъ его своей гранитной стопой. И мнѣ кажется, что изъ всѣхъ безчисленныхъ монументовъ „желѣзному канцлеру“, которыми пестрѣетъ современная имперія Гогенцоллерновъ, гамбургскій памятникъ является все-таки самымъ лучшимъ, наиболѣе художественныхъ, ибо онъ точнѣе и полнѣе другихъ воплощаетъ личность того, кого онъ долженъ увѣковѣчить. Вѣдь Бисмаркъ, какъ онъ занесенъ на страницы политической исторіи, тоже былъ тяжелымъ и угрюмымъ каменнымъ гигантомъ, вѣдь онъ тоже былъ суровымъ рыцаремъ, всю жизнь свою вѣрно служившимъ одной дамѣ сердца, имя которой гласило: единая Германія.

В. Майскій.

ВОПРОСЫ ТЫЛА.

Изъ пережитаго и переживаемаго.

I.

Справили уже годовщину войны, а конца ей все не видно. Нѣкоторые утверждаютъ теперь, что она будетъ длиться долгіе годы. Конечно, это предсказаніе не болѣе обосновано, чѣмъ и тѣ, которыя дѣлались раньше.

Въ самомъ началѣ войны многіе вѣдь были убѣждены, что она окончится черезъ два-три мѣсяца, maximum—черезъ полгода. Думали, что при современныхъ путяхъ сообщенія и современной военной техникѣ силы воюющихъ будутъ очень быстро сосредоточены и взвѣшены. А, съ другой стороны, и то представлялось почти столь же несомнѣннымъ, что такого напряженія силъ, какого сразу потребовала эта война, ни одна изъ участвующихъ въ ней странъ долго не выдержитъ. Если не людей, то матеріальныхъ рессурсовъ у воюющихъ государствъ не хватитъ,—тѣмъ болѣе, что экономическая жизнь повсюду вѣдь приведена войной въ разстройство...

Но, вотъ, оказывается, рессурсовъ уже на цѣлый годъ хватило,—никакой остановки за ними не было и какъ будто не предвидится.

Экономическая жизнь, послѣ перенесеннаго ею потрясенія, какъ будто даже все больше и больше налаживается. И свѣжія силы находятся,—все новыя и новыя. Что касается военной техники, то за этотъ годъ она успѣла обогатиться цѣлымъ рядомъ новыхъ „открытій и изобрѣтеній“,—достаточно напомнить хотя бы 42-сантиметровыя орудія, ураганный огонь, ядовитые газы,—однако и за всѣмъ тѣмъ сокрушить живую силу другъ друга воюющіе оказываются до сихъ поръ не въ состояніи.

Интересно отмѣтить, что на скорое окончаніе войны разсчитывали не только обыватели. Помню, какъ-то въ сентябрѣ пришлось мнѣ при встрѣчѣ разговориться съ П. Н. Милюковымъ. Онъ былъ твердо увѣренъ, что война продолжится очень недолго и что къ Рождеству, если миръ и не будетъ еще заключенъ, то всѣ прелиминарные переговоры во всякомъ случаѣ будутъ уже окончены. Это утверждалъ авторитетный историкъ и видный политическій дѣятель, которому, по его положенію, могло быть извѣстно многое такое, о чемъ даже и не подозрѣвали мы, профаны. И какъ снисходительно онъ относился къ высказывавшимся по этому вопросу сомнѣніямъ!.. Но, вотъ, оказывается, и онъ ошибся. И это, быть можетъ, была одна изъ основныхъ ошибокъ, которыми опредѣлилась тактика к.-д. партіи.

Какъ теперь выясняется, даже тѣ люди, которые спеціально изучали военное дѣло и были къ нему, такъ сказать, приставлены, именно къ короткой войнѣ только и готовились. Теперь говорятъ, что только хитрый нѣмецъ напередъ все разсчиталъ и заранѣе заготовилъ снаряды чуть не на десять лѣтъ. Въ этомъ даже видятъ особое съ его стороны коварство. Но возможно, что „коварному“ врагу, какъ это нерѣдко бываетъ, приписываютъ въ данномъ случаѣ гораздо больше, чѣмъ онъ заслужилъ и на что былъ способенъ. Не лишне будетъ напомнить, что раньше тѣмъ же нѣмцамъ приписывали планъ кампаніи именно „въ два короткихъ удара“ и увѣряли, что длительную войну они совершенно не въ состояніи выдержать, такъ какъ вовсе къ ней не готовились. Какой въ дѣйствительности былъ планъ у нѣмцевъ, никто, въ сущности, не знаетъ. Болѣе вѣроятнымъ однако представляется, что затяжной характеръ войны и для нихъ, какъ для всѣхъ другихъ воюющихъ, былъ совершенно неожиданъ. Иначе не только о снарядахъ, но и о многомъ другомъ—прежде всего о хлѣбѣ—они заблаговременно позаботились бы.

Какъ бы то ни было, уже въ октябрѣ для всѣхъ почти сдѣлалось ясно, что война затягивается. На западномъ фронтѣ противники окопались и залегли другъ передъ другомъ сплошной стѣной, пробить которую ни та, ни другая сторона до сихъ поръ не въ силахъ. А на восточномъ фронтѣ началось какое-то топтанье: то нѣмцы насъ потѣснятъ, то мы ихъ погонимъ. Если въ итогѣ и

подвигались впередъ—мы въ Галиціи, нѣмцы въ Польшѣ,—то очень медленно, такъ сказать, два шага впередъ и одинъ назадъ. Во всякомъ случаѣ побѣдоноснаго шествія все не было. Ясно было, что произошла заминка, хотя, отъ чего она происходитъ, и не было понятно.

Стали назначать другой срокъ войнѣ,—уже съ годомъ ея начали мириться. Неохотно и не сразу перешли къ этому термину. Помню, въ статьѣ, которую я писалъ тогда (для ноябрьской книги „Русскихъ Записокъ") о „годѣ войны" я говорилъ съ большою опаской,—пожалуй, вѣдь цензура такого пессимизма и не допуститъ. Но постепенно этотъ терминъ вошелъ въ общее употребленіе и именно къ году войны стали приноравливаться всѣ разсчеты,—даже офиціальными учрежденіями.

Что больше года не потребуется, въ этомъ многіе до самой весны были увѣрены. На два фактора при этомъ, главнымъ образомъ, разсчитывали. Съ одной стороны, все надѣялись, что у нѣмцевъ не хватитъ продовольствія. Не только газетчики, но и ученые экономисты и статистики на перебой другъ передъ другомъ это доказывали. А если такъ, то къ концу года непріятель вынужденъ будетъ просить мира или же голодъ настолько его дезорганизуетъ, что справиться съ нимъ будетъ не трудно... Съ другой стороны, возлагались надежды на англійскую армію, которая де еще формируется и обучается и которую де поджидаютъ союзники, чтобы сразу на обоихъ фронтахъ перейти въ рѣшительное наступленіе. Назначали и время, когда эта милліонная (постепенно выросшая даже въ глазахъ нѣкоторыхъ въ трехмилліонную) армія будетъ перевезена на континентъ. Сначала о январѣ, потомъ о мартѣ, наконецъ о маѣ говорили...

Но съ продовольственными затрудненіями нѣмцы сумѣли справиться, и даже лучше, чѣмъ сами разсчитывали: къ концу года свои хлѣбные раціоны они еще увеличили. Что касается англійской арміи, то потому ли, что она еще формируется или какія другія тому встрѣтились причины, но только рѣшительной роли въ общемъ ходѣ кампаніи, какую отъ нея ожидали, она пока не сыграла. И къ маю, какъ разъ, не союзники, а нѣмцы начали систематическое наступленіе на нашемъ фронтѣ...

Теперь уже о нѣсколькихъ годахъ начинаютъ говорить. При этомъ такъ разсуждаютъ. Война должна окончиться полной побѣдой противонѣмецкой коалиціи,—на полдорогѣ нельзя останавливаться. Но лишь будущей весной, когда начнетъ работать во всю мобилизуемая теперь промышленность, союзники въ состояніи будутъ перейти въ рѣшительное наступленіе. А затѣмъ предстоитъ еще сломить и доканать врага, который показалъ уже себя достаточно искуснымъ и могущественнымъ противникомъ и который успѣлъ уже далеко „распространиться". Несомнѣнно, что онъ будетъ драться съ остервенѣніемъ, особенно, если война бу-

детъ перенесена на его территорію, и даже прижатый къ стѣнѣ не сразу сдастся. Въ конечномъ счетѣ, пожалуй, нѣсколько лѣтъ и понадобится... Легко понять, что кромѣ готовности воевать „до конца", о чемъ теперь почему-то считаютъ нужнымъ заявлять во всеуслышаніе, у этого разсчета нѣтъ другой основы. И, конечно, его нельзя считать болѣе обоснованнымъ, чѣмъ тѣ, которые дѣлались раньше и которые уже оказались ошибочными.

Отнюдь не съ цѣлью укора кому-нибудь я упомянулъ про эти прежнія ошибки. Да и теперешній разсчетъ, что война можетъ затянуться на нѣсколько лѣтъ, я вовсе не намѣренъ оспаривать. Моя мысль другая. Я хочу лишь сказать, что война имѣетъ характеръ катастрофы и напрасно люди думали, что уже въ самомъ началѣ они могутъ разсчитать ея теченіе. Этотъ характеръ катастрофы она сохраняетъ до сихъ поръ и даже по основному вопросу—о длительности ея—все еще не возможны достаточно обоснованныя сужденія.

Конечно, въ развитіи военныхъ событій имѣется своя закономѣрность, но вѣдь своя закономѣрность есть и въ ходѣ лѣсного пожара, охватившаго громадное пространство. Кто однако возьмется сказать, когда онъ окончится? Вѣдь тутъ играетъ роль цѣлый рядъ факторовъ: топографія и почва мѣстности, характеръ и расположеніе лѣсныхъ насажденій, стоявшая раньше погода, дождь, который можетъ неожиданно выпасть, вѣтеръ, который можетъ не разъ перемѣниться... Кто угадаетъ роль, какую можетъ сыграть каждый изъ этихъ факторовъ въ отдѣльности и кто можетъ предусмотрѣть всѣ возможныя ихъ сочетанія? Въ войнѣ же такихъ факторовъ участвуетъ еще больше,—несравненно больше. Послѣ, конечно, ясно будетъ видно, что такъ именно и должны были развертываться событія и мы сами, быть можетъ, будемъ удивляться, что были такъ слѣпы и не предусмотрѣли ихъ неизбѣжности. Хотя, впрочемъ, и потомъ довольно многое, вѣроятно, для человѣческаго ума останется загадочнымъ,—такъ же, какъ и въ лѣсномъ пожарѣ: почему, въ самомъ дѣлѣ, вотъ эта куртинка лѣса уцѣлѣла, а тутъ огонь круто повернулъ въ сторону? И такъ вѣдь можно гадать, и этакъ...

Конечно, если огонь бушуетъ со стихійною силою и никто тушить пожаръ даже не пытается, то вѣроятнѣе всего, что онъ окончится только тогда, когда все способное горѣть и доступное огню выгоритъ. То же и про нынѣшнюю войну говорятъ: это-де война „на истощеніе" и окончится она лишь тогда, когда та или другая сторона обезсилѣетъ. Но вѣдь истощеніе—понятіе относительное, тѣмъ болѣе, что недохватку въ живой силѣ можно восполнять техникой и, наоборотъ, „вражескіе снаряды—какъ теперь выражаются—заливать человѣческою кровью". При томъ же одновременно вѣдь истощаются обѣ стороны и теоретически мыслимо, что рѣшительнаго перевѣса ни та, ни другая такъ и не получитъ.

Но кромѣ этой теоретической возможности имѣется еще цѣлый рядъ практическихъ загадокъ, которыя нынѣшняя война поставила передъ человѣческою мыслью и которыя послѣдняя, быть можетъ, такъ и не успѣетъ разрѣшить, прежде чѣмъ онѣ не будутъ по своему рѣшены жизнью. Приведу двѣ-три такихъ загадки.

Вначалѣ я упомянулъ, что длительная война между прочимъ потому представлялась невозможной, что на такую войну, какъ думали, у воюющихъ государствъ не хватитъ ресурсовъ,—просто денегъ не хватитъ. Въ самомъ дѣлѣ: война ведется, главнымъ образомъ, въ кредитъ, при помощи займовъ и бумажныхъ денегъ. Но для займовъ имѣется вѣдь граница, переходить которую безцѣльно и даже опасно: такой заемъ просто не удастся или же уронитъ цѣны всѣхъ другихъ бумагъ, вызоветъ общее потрясеніе на рынкѣ. У денежнаго обращенія тоже имѣются свои законы и преступать ихъ значитъ идти на встрѣчу финансовому краху. Въ томъ и другомъ направленіи имѣются, такъ сказать, естественные предѣлы, которые въ данномъ случаѣ, когда требуется такая масса денегъ, очень скоро, казалось, будутъ достигнуты. Но, очевидно, эти предѣлы находятся много дальше, чѣмъ это думали, или ихъ можно было перейти, не вызвавъ ни краха, ни потрясенія: больше уже года воюющія государства достаютъ нужныя имъ средства и притомъ достаютъ легче, чѣмъ можно было разсчитывать.

Порою кажется даже, что это фокусъ-покусъ какой-то. Взять хотя бы германскіе военные займы, реализуемые между прочимъ при помощи слѣдующихъ операцій. Имѣющимъ какія-либо цѣнности тамъ съ самаго начала войны предоставлена была возможность заложить ихъ въ военно-ссудныхъ кассахъ и получить свидѣтельства послѣднихъ. Это—тѣ же бумажныя деньги, но только обезпеченныя заложенными въ кассахъ цѣнностями. На эти деньги можно пріобрѣсти бумаги военнаго займа и эти послѣднія заложить въ свою очередь. Если это дѣлается съ цѣлью купить новыя бумаги военнаго займа, то ссуда выдается въ размѣрѣ 95% ихъ стоимости. Вновь купленныя бумаги можно тоже заложить и т. д. Не трудно разсчитать, что по этой системѣ, еслибы ее довести до конца, бумажныхъ денегъ можно выпустить въ 20 разъ больше, чѣмъ имѣется въ странѣ цѣнностей, и всѣ эти бумажки какъ будто будутъ надлежащимъ образомъ обезпечены. А съ другой стороны, государство можетъ занять и израсходовать въ двадцать разъ большую сумму, чѣмъ стоитъ все принадлежащее странѣ имущество. Въ конечномъ счетѣ получается явная нелѣпица... Невольно приходитъ на память пресловутый учитель географіи, который преподавалъ своимъ ученикамъ: „итальянцы—народъ бѣдный и живутъ они тѣмъ, что занимаютъ деньги другъ у друга". Мы смѣялись надъ наивнымъ учителемъ, а между тѣмъ, вотъ, и нѣмцы добываютъ нужныя для войны деньги по такой же, примѣрно, системѣ.

Впрочемъ, не только нѣмцы... Хотя и въ иной нѣсколько формѣ, но тѣ же въ сущности операціи практикуются и въ другихъ странахъ при реализаціи военныхъ займовъ. Въ частности, въ Россіи видную часть этихъ займовъ оставляли за собой коммерческіе банки, но размѣстить немедленно всѣ бумаги въ публикѣ они оказывались не въ состояніи и остатокъ ихъ, чтобы не лишать себя оборотныхъ средствъ, они закладывали въ государственномъ банкѣ. Другими словами: казна занимала деньги у нихъ, а они—въ казенномъ банкѣ.

Отмѣчу другой парадоксъ, къ которому можно свести теперешнія кредитныя операціи. Почти всѣ воюющія государства прибѣгли къ усиленному выпуску бумажныхъ денегъ и затѣмъ, пользуясь обиліемъ ихъ у публики, начали заключать займы. Такъ какъ занятыя деньги государство быстро тратитъ, то въ странѣ вновь очень скоро начинаетъ чувствоваться изобиліе ихъ и создаются такимъ образомъ благопріятныя условія для новаго займа. Кажется, что это можетъ продолжаться безконечно: государство тратитъ деньги, потомъ ихъ занимаетъ, вновь тратитъ и вновь занимаетъ и т. д. Получается своего рода perpetuum mobile. Но это опять-таки явная нелѣпица...

Когда фокусникъ достаетъ изъ шляпы самыя разнообразныя вещи и накладываетъ цѣлую груду ихъ, то мы знаемъ, что это иллюзія, хотя и не можемъ догадаться, какъ онъ насъ морочитъ. Такъ и тутъ: мы хорошо понимаемъ, что у страны нельзя занять въ 20 разъ больше того, что она имѣетъ, и тѣмъ болѣе нельзя занимать безконечно. Если же данныя системы займовъ какъ будто и открываютъ такую возможность, то это только видимость, хотя мы и не представляемъ себѣ ясно, въ чемъ тутъ разгадка, въ какой именно моментъ эти системы займовъ окажутся несостоятельными.

И въ этомъ нашемъ незнаніи нѣтъ ничего удивительнаго. До десятичной системы счета люди додумались очень давно, но и до сихъ поръ всѣхъ секретовъ „числа“ они не знаютъ. Нѣтъ-нѣтъ, да какой-нибудь человѣкъ со смекалкой и откроетъ новую его тайну, откроетъ чаще всего опытнымъ путемъ, а потомъ она, быть можетъ, войдетъ и въ теорію. Такъ и тутъ. Всѣхъ тайнъ нынѣшней денежной системы, хотя люди сами создали ее, мы далеко еще не знаемъ, и возможно, даже вѣроятно, что послѣ нынѣшней войны и тѣхъ грандіозныхъ опытовъ, какіе производятъ сейчасъ съ этой системой люди практики, наука значительно осложнитъ и углубитъ свои ученія о денежномъ обращеніи и кредитѣ.

Но еще раньше, вѣроятно, разгадка будетъ найдена жизнью. Возможно, что эта разгадка окажется даже не въ финансовой сферѣ, а въ психологической или экономической.

Заключать займы возможно вѣдь только при довѣріи къ государственному кредиту, которое, видимо, очень еще велико у публики. Между прочимъ оно поддерживается и тѣмъ обезпеченіемъ, какое имѣютъ бумажныя деньги. Стоитъ только зародиться сомнѣнію въ достаточности этого обезпеченія, и бумажныя деньги начнутъ быстро терять свою покупательную силу, а государственные фонды—столь же быстро падать. А такое сомнѣніе можетъ вспыхнуть совершенно неожиданно и распространиться очень быстро.

Еще болѣе вѣроятно, что развязка находится въ экономической сферѣ. Государству вѣдь, въ сущности, нужны не деньги, а продукты, издѣлія, услуги, которые можно пріобрѣсти за эти деньги. Можетъ быть, доставать послѣднія и дальше будетъ не трудно,—при нѣкоторой изобрѣтательности наладить соотвѣтствующія финансовыя операціи, повидимому, возможно. Я уже не говорю, что при помощи печатнаго станка доставать деньги и совсѣмъ легко. Главная суть въ томъ, хватитъ ли продуктовъ, издѣлій, личныхъ силъ,—къ этому сводится вопросъ объ истощеніи. Но тутъ передъ нами сейчасъ новая загадка.

Производительность человѣческаго труда достаточно уже высока и возможно, хотя маловѣроятно это, что, не смотря на значительную убыль въ рабочихъ силахъ, съ одной стороны, и на громадныя требованія, предъявляемыя войной, съ другой,—производство все-таки справится со стоящей передъ нимъ задачей. Нѣкоторые даже думаютъ, что при наличности громаднаго рынка, какой открыла война, и при обиліи денегъ, которое теперь вездѣ чувствуется, можно ожидать необычайнаго расцвѣта промышленности и что, когда экономическая жизнь совсѣмъ наладится, то не только потребности войны и мирнаго населенія окажутся вполнѣ удовлетворенными, но еще народы, даже воюющіе, и богатѣть начнутъ. Въ такомъ случаѣ объ истощеніи и говорить нечего...

Болѣе вѣроятно однако, даже почти несомнѣнно, что производство не успѣваетъ и дальше будетъ не въ состояніи восполнять ту громадную убыль въ матеріальныхъ цѣнностяхъ, какая происходитъ, благодаря войнѣ. Въ такомъ случаѣ мирному населенію придется все больше и больше урѣзывать свои потребности, а воюющимъ государствамъ—все труднѣе и труднѣе будетъ доставать нужные для войны продукты и издѣлія. Это, повидимому, и сказывается въ продолжающей наростать дороговизнѣ. Если же до сихъ поръ это подлинное истощеніе сравнительно слабо чувствовалось, то въ значительной мѣрѣ это, быть можетъ, объясняется тѣмъ, что имѣлись запасы продуктовъ, издѣлій и матеріаловъ, а съ другой стороны—орудія труда и средства производства находились въ надлежащемъ видѣ и исправности. Но запасы истощаются, орудія труда изнашиваются, другія средства производства, быть

можетъ, не пополняются и не поддерживаются. Въ извѣстной же части основной капиталъ прямо расходуется и истребляется. Достаточно въ этомъ случаѣ напомнить, что происходитъ въ послѣднее время съ основнымъ капиталомъ нашей обрабатывающей, да и сельскохозяйственной промышленности въ Польшѣ, въ прибалтійскихъ губерніяхъ, въ сѣверо-западномъ краѣ. Само собой понятно, что при убывающемъ основномъ капиталѣ производство не можетъ прогрессировать, а должно падать и чѣмъ дальше, тѣмъ быстрѣе. Въ такомъ случаѣ истощеніе, котораго никто пока не замѣчаетъ, очень скоро заставитъ себя почувствовать во всей силѣ.

Но, гдѣ и въ какихъ это конкретныхъ формахъ произойдетъ,—никто пока сказать не можетъ... Я привелъ двѣ-три „загадки“, которыя стоятъ сейчасъ передъ мыслью, желающей проникнуть въ будущее и предусмотрѣть дальнѣйшій ходъ событій. Но такихъ загадокъ имѣется множество. Конечно, чѣмъ дальше, тѣмъ яснѣе будетъ становиться, что насъ ожидаетъ, а кое-что и сейчасъ, какъ увидимъ, уже стало ясно. Но основной вопросъ, долго ли продолжится эта небывалая война, до сихъ поръ не поддается даже приблизительному рѣшенію.

Возможно, что онъ рѣшится совершенно неожиданно и при томъ несравненно скорѣе, чѣмъ всѣ ожидаютъ. Да и рѣшится, вѣроятно, совсѣмъ не тамъ, куда устремлены сейчасъ всѣ взоры: не на полѣ брани и не въ экономической сферѣ, а въ темныхъ доселѣ глубинахъ народной психики.

— Ну,—скажутъ,—довольно! повоевали... Пора и мириться...

Кто знаетъ?—быть можетъ, эта волна уже зародилась и, нахлынувъ, она, конечно, быстро смоетъ заявляемую теперь всѣми готовность воевать „до конца“, „до истощенія“. По крайней мѣрѣ въ Германіи одна изъ струекъ этой волны уже пробилась наружу...

II.

Не менѣе загадочными представляются пока и послѣдствія войны,—тѣмъ болѣе, что въ значительной степени они вѣдь будутъ зависѣть отъ ея длительности. Несомнѣнно одно: эти послѣдствія будутъ громадны, превзойдутъ всѣ ожиданія.

Война не только получила затяжной характеръ, но и начала принимать формы, которыя еще недавно показались бы невѣроятными, совершенно невозможными въ XX столѣтіи. Взять хотя бы теперешнюю такъ называемую „эвакуацію“...

Закрываются и даже разрушаются заводы и фабрики; все оборудованіе ихъ вывозится; запасы, которыхъ нельзя вывезти, уничтожаются. Взрываются мосты, вокзалы, многія другія капитальныя сооруженія. Села и деревни нерѣдко сжигаются, посѣвы вытаптываются. Населеніе чуть не поголовно бѣжитъ или „выводится“...

Желѣзныя дороги сейчасъ забиты поѣздами съ „бѣженцами“.

которыхъ нерѣдко везутъ безъ пищи и питья, не предоставляя имъ иногда даже возможности отправлять естественныя надобности,—везутъ въ запертыхъ товарныхъ вагонахъ, чтобы они не разбѣжались раньше тѣхъ мѣстъ, куда ихъ рѣшено эвакуировать. Какъ много этихъ „бѣженцевъ", ясно уже изъ того, что въ одну только Тамбовскую губернію, по сообщенію главноуполномоченнаго по сѣверо-западному району, г. Зубчанинова, рѣшено направить ихъ 100 тысячъ. По газетнымъ свѣдѣніямъ, въ такомъ же количествѣ „бѣженцы" направлены въ Воронежскую, Калужскую, Вятскую и, вѣроятно, въ другія губерніи. А еще сотни тысячъ ихъ идутъ пѣшкомъ, подгоняя передъ собою скотъ, или ѣдутъ на подводахъ, нагруженныхъ всякимъ скарбомъ,—эти уже движутся внѣ всякаго плана и регистраціи, бредутъ, куда глаза глядятъ, ночуя подъ открытымъ небомъ и совершенно не представляя себѣ, гдѣ они найдутъ пристанище. Не говоря уже о западныхъ и югозападныхъ губерніяхъ, гдѣ многія толпы этихъ бѣженцевъ расположились таборами, даже до Москвы, какъ уже опасаются, можетъ докатиться ихъ волна, не найдя по дорогѣ нигдѣ мѣста, чтобы осѣсть и остановиться.

Когда начиналась война, то слѣдовало, конечно, допускать, что въ результатѣ ея политическая карта Европы можетъ радикально измѣниться. Не трудно было предвидѣть и то, что нѣкоторыя окраины участвующихъ въ войнѣ государствъ должны будутъ претерпѣть всѣ невзгоды непріятельскаго нашествія. Можно даже было опасаться или мечтать, что черезъ всю ту или иную страну пройдетъ непріятель. Въ частности, у насъ не мало мечтали и говорили о томъ, какъ наши войска пройдутъ до Берлина. Но кто могъ ожидать, что обширныя мѣстности будутъ чуть не въ конецъ опустошены и обезлюжены, — при томъ не непріятелемъ даже, а нами самими? Теперь ссылаются на отечественную войну 1812 года,—но и тогда, хотя это было болѣе 100 лѣтъ тому назадъ, когда о мирномъ населеніи не очень-то думали, опустошеніе не было столь значительнымъ, да и шло оно, главнымъ образомъ, стихійно, а не по плану, который играетъ видную роль теперь. Говорятъ, имѣя опять-таки въ виду войну 1812 года, что это средство испытанное. Но кто знаетъ, какую еще роль сыграютъ въ нашемъ тылу эти многія сотни тысячъ обнищавшихъ и непристроенныхъ людей? Какъ бы они не уменьшили силу нашей сопротивляемости вмѣсто того, чтобы ее увеличить.

Во всякомъ случаѣ теперь уже приходится предвидѣть, что измѣнится не только политическая географія (она-то, быть можетъ, и не измѣнится), но также экономическая и культурная. Польша, западный край, прибалтійскія губерніи до сихъ поръ являлись наиболѣе густонаселенными, наиболѣе культурными и, пожалуй, наиболѣе богатыми нашими окраинами; но каковы онѣ будутъ послѣ войны, въ особенности, если не разъ еще пройдутъ по нимъ воюющіе? Рига, Бѣлостокъ и т. д. были видными цен-

трами нашей заводской и фабричной промышленности, а потомъ окажутся, быть можетъ, захудалыми городками, не знающими, чѣмъ имъ жить. Появятся другіе центры — въ этотъ рядъ выдвинутся, быть можетъ, такіе города и села, которые никогда объ этомъ даже не мечтали,—и начнутъ стягивать къ себѣ капиталы, техническія силы, рабочія руки.

Приходится уже думать, что даже національная географія измѣнится и что племенныя границы въ иныхъ мѣстахъ будутъ стерты, въ другихъ передвинуты. Не такъ давно одна изъ венгерскихъ газетъ („Bud. Hirlap") выступила съ планомъ, что сдѣлать при заключеніи мира съ небольшими національностями, которыми заселены теперь территоріи, могущія оказаться спорными. По мнѣнію автора этого плана, лучше всего навсегда отъ нихъ избавиться, а для этого русинъ переселить въ Россію, поляковъ разметать по всей Европѣ, чтобы они ассимилировались съ другими народами, и т. д. По первому впечатлѣнію, это—планъ какого-то безумца и можно только удивляться, какъ серьезная газета могла дать ему мѣсто. Но если вдуматься въ то, что сейчасъ происходитъ, то вѣдь придется, пожалуй, признать, что въ нѣкоторыхъ частяхъ этотъ безумный планъ какъ бы уже осуществляется.

Взять хотя бы Галицію... Вѣдь вотъ наши націоналисты постарались и о русскомъ дѣлѣ, можно сказать, порадѣли: при отходѣ нашихъ войскъ изъ Галиціи, помимо тѣхъ боеспособныхъ людей, которые были выведены оттуда по распоряженію властей, хозяйничавшіе тамъ націоналисты сманили еще оттуда многія тысячи русинъ,—сманили несбыточными обѣщаніями. „Галичанамъ обѣщали—по словамъ кн. Урусова, съ которымъ бесѣдовалъ сотрудникъ „Кіевской Мысли",—какія-то земли, обѣщали чуть-ли не готовыя хозяйства, устроенныя гнѣзда. Эти обѣщанія затуманили имъ голову". И они двинулись,—„шли цѣлыми селеніями, съ войтами во главѣ, таща за собой лошадей, коровъ и тотъ скарбъ, который они успѣли захватить". „Они ждали, что, придя къ намъ, будутъ самыми дорогими гостями, о которыхъ позаботятся. Многіе изъ нихъ серьезно требовали по 1 р. въ день, что имъ тоже обѣщали, спрашивая, гдѣ тѣ хозяйства, которыя конфисковали въ ихъ пользу. Конечно, ихъ постигло разочарованіе"...

Теперь эти „бѣженцы" бродятъ по юго-западному краю, оставаясь въ массѣ своей совершенно непристроенными,—бродятъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ толпами по 3—4 тыс. человѣкъ. „Въ одномъ мѣстѣ, возлѣ Ровно—по словамъ кн. Урусова—подъ открытымъ небомъ, словно кочующій таборъ цыганъ, расположили лагерь бѣженцевъ-галичанъ,—около 30 тыс. человѣкъ. Тутъ же ихъ скарбъ, лошади, коровы и все то, что они захватили. Расположились станами, со своими войтами. Въ этомъ мѣстѣ ихъ изолировали, окруживъ кордономъ. Дальше ихъ пускать нельзя было ибо среди нихъ

развились въ сильной степени различныя эпидемическія заболѣванія. Положеніе этихъ несчастныхъ было ужасно. Воды не было. Они пили воду изъ зараженныхъ лужъ, питались, чѣмъ попало. Крова никакого. Не было матеріала даже для шалаша—спали подъ открытымъ небомъ и въ дождь, и въ холодъ... Хотя у многихъ и были деньги, но они ничего не могли купить, ибо съ городомъ были запрещены какія-либо сношенія. Это развило контрабандную торговлю... Помощь лагерю бѣженцевъ вначалѣ оказывалась въ самыхъ минимальныхъ дозахъ. Неизвѣстно было, что съ ними дѣлать,—гнать ли ихъ назадъ или серьезно заняться ими"... [1]).

Теперь, повидимому, уже рѣшено галичанъ-украинцевъ переселить за Уралъ,—по крайней мѣрѣ, изданъ указъ, разрѣшающій предоставить имъ свободныя земли въ Сибири. Что касается восточной Галиціи, въ которой до сихъ поръ преобладало украинское населеніе, почему наши націоналисты на нее и претендовали, какъ на русскую землю, то неизвѣстно, какая національность преобладаетъ въ ней теперь и тѣмъ болѣе, какая будетъ преобладать послѣ войны: можетъ быть, эта провинція окажется польской или еврейской, а то и нѣмецкой. Во всякомъ случаѣ нѣтъ ничего невѣроятнаго, что при заключеніи мира судьбу Галиціи признаютъ нужнымъ рѣшить при помощи плебисцита (въ исторіи вѣдь такіе случаи бывали). И, вотъ, тогда окажется, что многихъ тысячъ изъ тѣхъ, которые потянули бы къ Россіи, уже нѣтъ въ Галиціи. О русскомъ дѣлѣ наши націоналисты—повторяю—порадѣли...

Для примѣра я взялъ Галицію, но несомнѣнно, что соотношеніе между различными національностями измѣнится и въ другихъ мѣстахъ, хотя и нельзя предусмотрѣть, въ какихъ предѣлахъ...

Конечно, еслибы война завтра окончилась, то теперешній потокъ „бѣженцевъ" и „выселенцевъ", лишь нѣсколько уменьшившійся, немедленно хлынулъ бы обратно, на старыя пепелища. И здѣсь—просто по инерціи—вернувшіеся направили бы главныя силы на то, чтобы возстановить, насколько возможно, существовавшее раньше. Ну, а если война, дѣйствительно, затянется на много лѣтъ? Тогда вѣдь сравнительно немногіе окажутся въ состояніи, да и будутъ имѣть непреодолимое желаніе вернуться на родину. А изъ тѣхъ, которые возвратятся, далеко не всѣ будутъ имѣть возможность возстановить свои очаги и свои хозяйственныя предпріятія. Тамъ уже будетъ идти своя жизнь, къ которой они вынуждены будутъ приспособляться.

Я взялъ рѣзкіе, бросающіеся въ глаза факты,—и такихъ много сейчасъ. Но вѣдь наряду съ этимъ идетъ еще молекулярное, часто совершенно незамѣтное для глазъ, но въ высшей степени напряженное сейчасъ движеніе. Чуть ли не всѣ частички соціальнаго организма такъ или иначе задѣты, даже сдвинуты со своего

[1]) „Кіевская Мысль", 31 іюля.

мѣста войной, и ихъ перемѣщеніе не пройдетъ, конечно, безслѣдно въ соціальной жизни,—напротивъ, скажется въ ней очень большими послѣдствіями. Въ результатѣ этихъ, съ одной стороны, рѣзкихъ массовыхъ потрясеній, а съ другой—напряженнаго частичнаго движенія, быть можетъ, вся жизнь преобразится: измѣнится соціальный укладъ, политическій строй, культурный уровень, даже душевный складъ людей...

Послѣ землетрясенія иногда совершенно нельзя бываетъ узнать мѣстности. Но пока оно идетъ, кто рѣшится сказать: вотъ это погибнетъ, а это уцѣлѣетъ, вотъ здѣсь образуется складка, тутъ будетъ обрывъ, тамъ останется трещина?.. И мы не можемъ еще дать себѣ отчетъ даже въ общемъ характерѣ тѣхъ измѣненій, какія сейчасъ происходятъ въ соціальной жизни. Отброситъ ли насъ война назадъ или двинетъ впередъ?—даже этого съ увѣренностью мы пока сказать не можемъ. Чувствуемъ лишь, что на мѣстѣ не останемся: туда или сюда на много перемѣстимся. Но и это только чувствуемъ, а не то, чтобы навѣрное знаемъ. Не исключена вѣдь и такая возможность: просто на мѣстѣ застрянемъ...

Достаточно заглянуть въ любую сферу жизни, чтобы понять, какъ трудно еще предусмотрѣть послѣдствія переживаемаго нами соціальнаго катаклизма.

Въ соціально-экономической сферѣ наблюдается нѣчто странное, не совсѣмъ понятное. Второй уже годъ идетъ война, требующая необычайнаго экономическаго напряженія. Многіе люди уже раззорились, нѣкоторые раззорились до тла; но не мало и такихъ, которые нажились, иные нажились свыше всякой мѣры. Имѣются уже обширныя области, населеніе которыхъ чуть не сплошь обнищало; но есть и такія области, даже цѣлыя страны, которыя за это время отъ той же войны разбогатѣли. Словомъ, не трудно указать лицъ и мѣстности, въ жизни которыхъ война уже сказалась совершенно опредѣленными экономическими послѣдствіями. Но это еще не предрѣшаетъ ея послѣдствій въ соціальныхъ отношеніяхъ. Въ этомъ случаѣ важны не лица, не мѣстности, а классы... На какомъ же изъ нихъ война тяжелѣе всего отразилась? какой или какіе изъ нихъ выносятъ на своихъ плечахъ ея главную тяжесть? Какъ ни странно, но на этотъ именно вопросъ трудно отвѣтить.

Землевладѣльцы, промышленники, торговцы, явно, отъ войны наживаются. Крестьяне, по общимъ отзывамъ, въ экономическомъ отношеніи чувствуютъ себя тоже не дурно, ихъ благосостояніе какъ увѣряютъ, даже ростетъ;—если и есть на этотъ счетъ разногласія, то только по вопросу, отъ чего это зависитъ: отъ войны или отъ трезвости. Наконецъ, рабочіе—и тѣ, какъ утверждаютъ, если не сплошь, то въ значительной ихъ части имѣютъ теперь сильно повышенный, а нѣкоторые даже небывало высокій заработокъ. Словомъ, получается такое впечатлѣніе, что война чуть

ли не всѣмъ главнымъ классамъ выгодна. Имѣются, конечно, соціальныя группы, состоящія, главнымъ образомъ, изъ лицъ, пользующихся фиксированнымъ доходомъ или имѣющихъ заработокъ, не легко поддающійся колебаніямъ, экономическое положеніе которыхъ за время войны, прежде всего отъ дороговизны, несомнѣнно и сильно ухудшилось. Сюда относятся чиновники, городскіе и земскіе служащіе, конторщики, приказчики, нѣкоторыя категоріи свободныхъ профессій, пенсіонеры, рентьеры, живущіе доходомъ отъ бумагъ, приносящихъ опредѣленный процентъ и т. д. Группъ этихъ довольно много, но и взятыя вмѣстѣ онѣ не настолько значительны, чтобы выдерживать на своихъ плечахъ такую тяжесть, какъ нынѣшняя война. Кто же въ такомъ случаѣ несетъ эту тяжесть?

Отвѣтъ, пожалуй, имѣется... Если къ только что указаннымъ группамъ присоединить еще крестьянъ, которымъ приходится больше покупать, чѣмъ продавать, рабочихъ, заработокъ которыхъ увеличился менѣе значительно, чѣмъ повысились цѣны на продукты, и лицъ разнаго званія, которыхъ война уже раззорила, то въ общемъ получится значительная и, быть можетъ, быстро увеличивающаяся масса. Если же она не бросается до поры, до времени въ глаза, то лишь потому, что не обособлена въ видѣ класса, разсѣяна, такъ сказать, по всему обществу. Но и она несетъ, въ сущности, лишь небольшую части тяжестей войны. Такъ какъ послѣдняя ведется, главнымъ образомъ, въ кредитъ, то значительная часть ея тяжести переносится на будущія поколѣнія и даже на будущее время, которое уже не за горами. Но кто же тогда ее будетъ нести? каковы будутъ въ дальнѣйшемъ соціальныя послѣдствія войны?

Не трудно предвидѣть, что при данной структурѣ соціальнаго организма, эта тяжесть цѣликомъ упадетъ на трудящіеся классы. Но и за всѣмъ тѣмъ остается вопросъ: въ состояніи ли они будутъ ее выдержать, да и захотятъ ли?..

А, съ другой стороны, намѣчается такая перспектива. Видное мѣсто въ обществѣ займутъ держатели государственныхъ фондовъ, всѣ экономическія функціи которыхъ будутъ заключаться въ отрѣзываніи купоновъ. На нихъ-то и вынуждено будетъ работать все общество, всѣ должны быть ихъ данниками. Не внося сами ничего въ экономическую жизнь, не играя въ ней никакой полезной роли, они будутъ въ то же время тянуть изъ нея соки. Можетъ быть, вѣдь этого и нельзя будетъ вынести. Не заставитъ ли сила вещей прибѣгнуть къ нѣкоей „девальваціи"? Напримѣръ, сказать этимъ рентьерамъ:

— Довольно съ васъ, господа хорошіе, и одного процента вмѣсто пяти и шести, о которыхъ мы съ вами подъ давленіемъ войны условились... Не хотите прямо на это пойти? Ну, въ такомъ слу-

чаѣ мы къ вамъ со стороны подойдемъ, обложимъ соотвѣтствующимъ подоходнымъ налогомъ. Это вѣдь въ нашихъ рукахъ...

Но возможно, что „девальвацiя" еще раньше будетъ произведена жизнью. Вѣдь если деньги обезцѣнятся, то и купоны не много будутъ стоить.

Намѣчается однако и другая перспектива. Возможно вѣдь, что рентьеры окажутся проживающими не въ воюющихъ теперь странахъ, а въ другихъ, напримѣръ, въ Сѣверной Америкѣ, при чемъ и отъ „девальвацiи" они себя сумѣютъ заранѣе обезопасить. Раззоренная Европа окажется въ такомъ случаѣ въ кабалѣ у этой Америки. Не отольется ли тогда эксплуатацiя трудящихся массъ въ совершенно новыя формы,—правильнѣе, быть можетъ, будетъ сказать: очень старыя, но только подновленныя? И не поведетъ ли это въ концѣ концовъ къ новому международному конфликту?

Предусмотрѣть въ настоящее время соцiальныя послѣдствiя войны тѣмъ труднѣе, что неизвѣстно вѣдь, сохранится ли соцiальная структура современныхъ обществъ. Возьму хотя бы торговцевъ. Они такъ сейчасъ наживаются, что, кажется, именно они, наряду съ „рентьерами", т. е. владѣльцы торговаго и денежнаго капиталовъ окончательно займутъ доминирующее положенiе въ обществѣ. Къ этому и раньше вѣдь шло дѣло,—достаточно напомнить роль, какую уже играли въ послѣднiе годы коммерческiе банки. Но одновременно въ жизни идетъ и другой процессъ,—процессъ, такъ сказать, упраздненiя денежныхъ и торговыхъ посредниковъ. Въ Германiи, напримѣръ, хлѣбные торговцы сдѣлались уже ненужными,—волей-неволей они должны искать себѣ какое-нибудь другое дѣло или поступать на службу къ общественной власти. Но не только въ Германiи и не только съ хлѣбными торговцами это происходитъ. Въ сущности, нельзя уже сказать, уцѣлѣетъ-ли весь нынѣшнiй мѣновой механизмъ. Хотя медленно и съ трудомъ, но повсюду вѣдь уже строится новый, и—кто знаетъ?—если война затянется, не выйдемъ ли мы изъ нея съ совершенно иными мѣновыми отношенiями, чѣмъ съ какими ее начали...

А банкиры?!.. Какими сильными и влiятельными они передъ войной представлялись и какими жалкими они оказались, когда эта катастрофа разразилась. Вѣдь еслибы государственный банкъ ихъ не поддержалъ, то они прежде всѣхъ другихъ полетѣли бы въ пропасть. И это не только у насъ, но и во всѣхъ другихъ воюющихъ государствахъ, можно даже сказать, во всемъ мiрѣ. Положенiе на денежномъ рынкѣ было спасено и общiй крахъ предотвращенъ именно государственною властью,—это уже признано всѣми. Да и сейчасъ, если частные банки продолжаютъ орудовать и даже хозяйничать, какъ никогда, на денежномъ, торговомъ и даже промышленномъ рынкѣ, то благодаря только попустительству государственной власти и поддержкѣ государственныхъ банковъ. А то вѣдь не трудно было бы — это теперь уже

ясно—ввести ихъ въ очень тѣсныя границы, а быть можетъ, даже вовсе свести на нѣтъ ихъ роль въ хозяйственномъ оборотѣ.

Если общественная власть возьметъ въ свои руки обмѣнъ и кредитъ, займетъ эти двѣ большія дороги хозяйственной жизни, ко она получитъ возможность существенно и безъ особаго труда вліять на положеніе и другихъ классовъ. Но положеніе послѣднихъ можетъ рѣзко измѣниться и независимо отъ этого, хотя и нельзя еще сказать, въ какую именно сторону.

Промышленники, напримѣръ, несомнѣнно, сейчасъ чувствуютъ за собой особую силу и хозяйничаютъ, можно сказать, съ небывалымъ еще самовластіемъ. Назначаютъ они цѣны на свои издѣлія, какія вздумаются, да и рабочихъ не особенно опасаются: „военнообязанные“ не шелохнутся, а остальные—почти сплошь старики, женщины, дѣти—элементъ мирный, къ безпорядкамъ, по общему правилу, не склонный. Къ тому же промышленники и сорганизоваться за время войны успѣли еще лучше, чѣмъ были сорганизованы раньше. Теперь къ нимъ еще труднѣе подступиться и самовластью ихъ, кажется, уже не будетъ предѣла... Но въ это же время совершенно иное происходитъ. Государственная власть волей-неволей вынуждена ограничивать пресловутую промышленную свободу, все чаще и чаще вмѣшивается она въ хозяйскія права промышленниковъ: фиксируютъ цѣны на издѣлія, диктуетъ, что производить, какого качества, вмѣшивается во внутреннюю жизнь заводовъ и фабрикъ, не церемонится съ ихъ коммерческими тайнами и т. д. А что касается промышленныхъ организацій, то, вонъ, въ Германіи правительство даже принудительно заставляетъ промышленниковъ входить въ синдикаты для того, чтобы ему удобнѣе было ими распоряжаться. Самовластные по отношенію къ населенію, промышленники донельзя робки и податливы сейчасъ передъ государственною властью. И это понятно, конечно: помимо чрезвычайныхъ полномочій, которыми вооружена послѣдняя и которыми по случаю военнаго времени она пользуется безъ всякаго стѣсненія, отъ нея вѣдь сейчасъ чуть не вся промышленная жизнь зависитъ она даетъ заказы, въ ея рукахъ уже находится транспортъ, къ ней приходится обращаться даже за рабочими. Вообще роль государственной власти вырисовалась за время войны въ такихъ громадныхъ размѣрахъ, въ какихъ, пожалуй, никто ея даже не предполагалъ. И, повидимому, въ концѣ концовъ все будетъ зависѣть отъ того, въ чьихъ рукахъ въ рѣшительную минуту, когда послѣдствія войны начнутъ консолидироваться, окажется государственная власть.

То же можно сказать и относительно положенія рабочаго класса. Первое впечатлѣніе такое, что мы быстрыми шагами подвигаемся къ принудительному труду, чуть не къ рабству, а во всякомъ случаѣ къ полному закабаленію рабочихъ. Не говоря уже о „военнообязанныхъ“ и о планѣ всѣхъ рабочихъ перевести на это положе-

ніе, рѣчь идетъ даже о томъ, чтобы пріостановить на время войны все фабричное законодательство, т. е. лишить рабочихъ даже того, что, казалось, за ними уже обезпечено. Они же, съ своей стороны, и отстаивать свои интересы лишены возможности: всюду введены исключительныя положенія и даже тѣ зачатки рабочихъ организацій, какія у насъ имѣлись, въ самомъ началѣ войны уничтожены... Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ рабочихъ вѣдь вся сила, безъ нихъ обойтись нельзя, и они хорошо это знаютъ. Что касается организаціи, то нѣтъ ничего невѣроятнаго, что сама государственная власть начнетъ спѣшно создавать ее. Въ самомъ дѣлѣ: нельзя же вѣдь распыленному народу успѣшно бороться съ прекрасно организованнымъ противникомъ. Война повелительно требуетъ немедленной организаціи народныхъ силъ и помѣшать ей могутъ только наши политическія условія.

Въ этой послѣдней сферѣ война, несомнѣнно, отбросила жизнь во всѣхъ воюющихъ государствахъ и даже во многихъ нейтральныхъ далеко назадъ: всюду введены исключительныя положенія, ограничены вольности гражданъ, отмѣнены или ослаблены гарантіи... Но и въ этой сферѣ поворотъ—если не самый поворотъ, то необходимость, неизбѣжность его—повсемѣстно уже чувствуется. Въ частности, и у насъ это совершенно ясно уже обозначилось. Но, конечно, неизвѣстно еще, куда мы повернемъ: можетъ быть, и къ диктатурѣ, какъ настаиваютъ крайніе правые. Во всякомъ случаѣ положеніе остается въ высшей степени неопредѣленнымъ, а, стало быть, и въ этой сферѣ послѣдствія войны не поддаются пока предвидѣнію.

Далѣе, о культурномъ уровнѣ я упомянулъ... Ну, конечно, онъ понизится. До культуры ли теперь,—и дѣйствительно, культурныя учрежденія падаютъ и разрушаются, занятія въ учебныхъ заведеніяхъ идутъ кое-какъ и т. д. Много можно было бы указать предвѣстниковъ неизбѣжнаго паденія культуры... Но культурныя учрежденія,—къ слову сказать, не такъ ихъ и много было у насъ—дѣло наживное. Важнѣе всего умственный уровень населенія, а народъ вѣдь не въ школахъ только учится. Опаснѣе всего въ этомъ отношеніи неподвижность, когда люди сидятъ въ своемъ углу и ничего не видятъ дальше своей колокольни. Но сейчасъ—всѣ въ движеніи. И можно думать, что народъ многое узнаетъ и пойметъ. А въ такомъ случаѣ и послѣдствія войны въ культурной сферѣ окажутся, быть можетъ, не столь ужъ печальными.

Наконецъ, души, нравы людей... Конечно, огрубѣютъ. Война пріучитъ вѣдь массу людей относиться съ пренебреженіемъ къ чужому труду, къ чужой личности, къ чужой жизни. И ожесточитъ сердца всѣхъ, сдѣлаетъ безучастными ихъ къ чужому горю,—слишкомъ вѣдь много сейчасъ страданій вокругъ. Порою раздумаешься и страшно становится: кончится война, вернутся эти люди, уже

привыкшіе не дорожить ни своею, ни чужою жизнью въ нашу среду и найдутъ, быть можетъ, свои хозяйства разстроенными, даже разрушенными, свое имущество—обветшавшимъ и даже негоднымъ... Что если и заработка для нихъ не окажется? Не вступимъ ли мы въ полосу давно уже невиданнаго разбоя, грабежей, насилій?.. Не слѣдуетъ однако забывать, что та же война подняла и другую волну—самопожертвованія, любви, милосердія. Пусть даже первая несравненно больше второй. Однако и за всѣмъ тѣмъ возможна, даже неизбѣжна, пожалуй, реакція. Можетъ быть, и правъ поэтъ:

> Міръ уст.нетъ отъ мукъ, захлебнется въ крови,
> Утомится безумной борьбой,—
> И подниметъ къ любви, къ беззавѣтной любви,
> Очи, полныя скорбной мольбой...

Вѣдь въ такія именно эпохи являлись пророки и увлекали людей,—на путь личнаго усовершенствованія или соціальнаго обновленія.

Но что насъ ждетъ,—мы все-таки не знаемъ. Куда ни взглянешь, все почти расшатано уже, многое надтреснуто, иное разрушено... Появились какъ будто и новообразованія,—во всякомъ случаѣ для нихъ имѣются сейчасъ широкія возможности.

Въ такую эпоху мысль, казалось бы, можетъ и должна проявить себя творчествомъ въ жизни. Теперь именно, больше, чѣмъ когда-либо, личность можетъ сыграть роль въ исторіи.

Но не чувствуется дыханія творческой мысли вокругъ и не видно личностей, которые въ эту критическую эпоху со всею непреклонностью проявили бы свою дѣйственную волю. Бушуетъ только одна стихія...

III.

Катастрофическій характеръ, какой событія получили съ самаго начала и какой они сохранили до сихъ поръ, въ значительной мѣрѣ, какъ мнѣ кажется, объясняетъ общее настроеніе, въ какомъ прошелъ этотъ годъ, да которое и сейчасъ далеко еще не исчезло. Сильнѣе всего въ данномъ отношеніи, конечно, дѣйствовали: съ одной стороны, невозможность предотвратить и остановить эти событія, а съ другой—безсиліе мысли охватить ихъ, предусмотрѣть ихъ теченіе и послѣдствія. Не будь этого, поведеніе людей, если не всѣхъ, то многихъ и многихъ было бы, конечно, совершенно иное.

По адресу германской соціалъ-демократіи, напримѣръ, все время слышатся обвиненія, — главнымъ образомъ, изъ среды соціалистовъ другихъ странъ. Многіе готовы прямо клеймить ее. Въ самомъ дѣлѣ: это вѣдь наиболѣе многочисленная, наиболѣе организованная, наиболѣе сильная изъ всѣхъ соціалистическихъ партій въ мірѣ, занимавшая на конгрессахъ Интернаціонала пер-

венствующее и даже доминирующее положеніе,—и вотъ она-то, вопреки принципамъ соціализма и постановленіямъ конгрессовъ, не только не остановила войны, которую, какъ предполагаютъ, начала именно Германія, но и приняла въ этой наступательной войнѣ активное участіе, вступила въ союзъ съ буржуазіей, заключивъ миръ съ нею. Вѣдь это же измѣна соціализму, вѣроломство по отношенію къ товарищамъ изъ другихъ странъ...

Долженъ признаться, я никогда не питалъ особыхъ симпатій къ германской соціалъ-демократіи: ея мысль, на мой взглядъ, слишкомъ связана догмой, въ ея словахъ все время звучитъ революціонная фраза, а ея дѣла—самыя будничныя дѣла, очень полезныя и необходимыя, конечно, для рабочаго класса, но давно уже совершенно чуждыя истинной революціонности. Если и были въ этомъ родѣ, то только жесты съ ея стороны, а не дѣйствія... Однако у меня нѣтъ желанія безоглядно бросать въ нее теперь камни, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые другіе. Мнѣ кажется, что, еслибы она была въ силахъ, то предотвратила бы войну или сразу же остановила бы ее. Да и кто бы этого не сдѣлалъ? много ли найдется такихъ безумныхъ или жестокихъ людей на свѣтѣ, которые, имѣя возможность, не захотѣли бы остановить этотъ потокъ крови и слезъ, это массовое производство горя и страданій? Все дѣло въ томъ, что даже самая сильная соціалистическая партія не въ состояніи была этого сдѣлать. Вѣдь въ „царствѣ необходимости“ мы еще живемъ, а не въ „царствѣ свободы“, куда только стремится привести людей соціализмъ. И въ данномъ случаѣ „скачекъ“, на который возлагаетъ надежды марксистская догма, оказался невозможнымъ.

Нѣкоторыхъ, повидимому, удовлетворило бы, еслибы германская соціалъ-демократическая фракція въ рейтстагѣ 4 августа 1914 года и во всѣхъ слѣдующихъ случаяхъ вотировала противъ военныхъ кредитовъ,—удовлетворило бы это, хотя бы ничего въ остальномъ не измѣнилось. Была бы сохранена—говорятъ—хотя принципіальная позиція. Меня это не удовлетворило бы: это былъ бы только жестъ, а въ данномъ случаѣ болѣе, чѣмъ когда-либо, необходимо было смѣлое, рѣшительное, героическое дѣйствіе. Но не объ этомъ сейчасъ рѣчь. Мнѣ хочется напомнить лишь о драмѣ, которую должна была пережить германская соціалъ-демократія, а равно и соціалисты всѣхъ воюющихъ теперь странъ.

Выше я сравнилъ нынѣшнюю войну съ пожаромъ, который сразу охватилъ огромное пространство и съ самаго начала получилъ стихійную силу. Представьте же себѣ, что этотъ пожаръ угрожаетъ вашему дому, даже непремѣнно его захватитъ. А тутъ еще утверждаютъ, что противъ васъ именно, чтобы сжечь вашъ домъ, дѣйствовалъ поджигатель. (Не забудемъ, что информація относительно событій, предшествовавшихъ войнѣ, равно и отно-

сительно дальнѣйшаго ея хода, повсюду, въ томъ числѣ и въ Германіи, далеко не обнимала всей правды, а нерѣдко и прямо шла въ разрѣзъ съ нею). Пусть вы всю жизнь настаивали на необходимости предупредительныхъ мѣръ противъ пожаровъ и требовали даже радикальной перестройки, между прочимъ и въ этихъ видахъ, всего города. Пусть вы заранѣе обдумали свое поведеніе на случай, если пожаръ все-таки вспыхнетъ, обдумали, какъ вы будете его гасить и вмѣстѣ съ тѣмъ используете его для осуществленія своихъ радикальныхъ плановъ... Но, вотъ, пожаръ вспыхнулъ, притомъ небывалой силы, потушить его вы, явно, не въ силахъ и вашъ домъ уже загорѣлся. Что вы будете дѣлать? Не начнете ли вы прежде всего спасать свой домъ?

У пролетаріата — говорятъ—нѣтъ своего дома и не будетъ. Пусть такъ: не было и не будетъ... Но вѣдь и подъ открытымъ небомъ жить еще нельзя, не дожили еще мы до этого, не вошли еще въ эпоху международнаго братства... Если въ городѣ вспыхнетъ дѣйствительный пожаръ, то рабочіе вѣдь бросятся его тушить и будутъ спасать дома даже своихъ эксплуататоровъ. Иначе и ихъ скудные пожитки сгорятъ, и они останутся безъ крова...

Я отнюдь не хочу сказать, что поведеніе германской соціалъ-демократіи было безупречнымъ. Нѣтъ! и въ прошломъ ея, и въ настоящемъ найдется не мало такого, за что ей могутъ быть сдѣланы серьезные упреки и предъявлены довольно тяжелыя обвиненія. Въ частности, марксистская догма, за которую такъ упорно держались именно нѣмецкіе соціалисты и которая всю соціальную жизнь сводитъ къ борьбѣ классовъ, послѣ нынѣшней войны и нанесенныхъ ею тяжкихъ ударовъ, едва-ли уцѣлѣетъ... Но не менѣе, пожалуй, тяжелые упреки и обвиненія могутъ быть вѣдь предъявлены и другимъ.

Въ частности, и русской интеллигенціи. Безсиліе тутъ было уже явное, и русскую интеллигенцію за то, что она не предотвратила и не остановила войны, пожалуй, никто и обвинять даже не станетъ. Но кромѣ безсилія была и растерянность. „Принимать" или „не принимать" войну, а если принимать — къ этому какъ-никакъ склонялось значительное большинство — то какъ и въ какомъ смыслѣ? Вотъ вѣдь съ какимъ вопросомъ путались, даже того, что это—катастрофа, отъ которой не уйдешь, сразу, а нѣкоторые и до сихъ еще поръ не сообразили. А затѣмъ начиналась уже полная неразбериха.

Припоминаю я рядъ интеллигентскихъ собраній, нерѣдко довольно однородныхъ по составу, въ которыхъ мнѣ пришлось бывать минувшею осенью. Что за разноголосица въ нихъ царила! Каждый выступавшій по своему объяснялъ причины войны, свои навязывалъ ей задачи и цѣли, свои предрекалъ послѣдствія. Слушаешь, бывало, и думаешь: ну, вотъ, эти какъ будто говорятъ одно и то же... Нѣтъ! у каждаго изъ нихъ есть что-то особое, ка-

кая-нибудь деталь,—на взглядъ, не столь ужъ важная, однако мѣшающая имъ все-таки понять другъ друга и тѣмъ болѣе договориться до какого-нибудь общаго дѣйствія. Помню, нѣсколько разъ обсуждался между прочимъ отвѣтъ Вандервельду на его письмо къ русскимъ товарищамъ, но отвѣтъ такъ и остался не составленнымъ. Ясно было, что интеллигенція ни въ одной ея части не способна сейчасъ выступить въ качествѣ руководящей группы,—выступить сплоченными рядами, которые были бы спаяны единой мыслью, общимъ чувствомъ, непреклонной волей. Въ концѣ концовъ даже собранія прекратились,—и не въ силу какихъ-либо неодолимыхъ внѣшнихъ препятствій, а просто вслѣдствіе общаго чувства неудовлетворенности, которое они послѣ себя оставляли.

Но и за растерянность, какъ мнѣ кажется, нельзя особенно сильно винить русскую интеллигенцію. Событія такъ громадны и такъ хаотичны, что и до сихъ поръ, какъ я старался показать, наша мысль безсильна въ надлежащей мѣрѣ охватить ихъ. Между тѣмъ именно мыслью, на ряду съ моральнымъ чувствомъ, и приводится въ движеніе интеллигенція,—такова ея общественная позиція... Чтобы найти руководящую мысль, необходимо было понять происходящее и хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ предусмотрѣть, какъ могутъ дальше развиваться событія,—а объясненій имъ и предположеній на ихъ счетъ могло быть безчисленное множество. Прибавьте къ этому еще до нельзя скверную информацію, которой мы вынуждены довольствоваться и при которой о правдѣ нерѣдко можно только догадываться. Естественно, что каждый толковалъ происходящее по своему, причемъ каждому казалось, что онъ чуть не все понимаетъ. Но это не было вмѣстѣ съ тѣмъ его убѣжденіемъ, тѣмъ святымъ и непререкаемымъ убѣжденіемъ, отстаивая которое человѣкъ способенъ на костеръ взойти и которое одно только можетъ заразить другихъ и увлечь массы. Въ сущности, это были не больше, какъ обывательскіе размышленія и разговоры... Ну, что-жь,—казалось,—какъ ни тяжело, а приходится пережить эту полосу. Потомъ виднѣе станетъ, — многое вѣдь опредѣлится и намѣтится, и общественная мысль изъ трясины, въ которой она очутилась, постепенно выберется. Намѣтятся водораздѣлы между людьми, разно настроенными и по разному думающими, они начнутъ собираться, хотя и въ небольшія группы, появятся, такъ сказать, ручейки, которые, постепенно сближаясь, сольются въ достаточно широкіе, въ концѣ концовъ даже могучіе потоки и рѣки...

Но, кромѣ растерянности, русская интеллигенція проявила еще и неожиданную, а во многихъ случаяхъ и недопустимую податливость. До извѣстной степени, какъ я думаю, эта податливость тоже объясняется стихійнымъ ходомъ событій. Въ самомъ дѣлѣ, разъ нельзя остановить ихъ и руководить ими, то надо какъ-ни-

будь къ нимъ приспособиться, приладиться. Нельзя же оставаться внѣ жизни, особенно въ такую эпоху. Необходимо не только „принять“ войну, но и всячески помогать ей. А помогать—казалось—можно только тамъ, на фронтѣ, на „передовыхъ позиціяхъ“, а если ужъ здѣсь, въ тылу, то около солдатскихъ семей и около раненыхъ. Только эту работу, только эту службу родинѣ и видѣли,—главнымъ образомъ потому, конечно, что въ силу внѣшнихъ условій только эта работа, только такая служба интеллигенціи и была доступна. Къ ней и устремились. Кто не могъ или не хотѣлъ идти солдатомъ, ѣхалъ на фронтъ санитаромъ, корреспондентомъ и т. д. или ходилъ тутъ по чердакамъ и подваламъ, сидѣлъ въ попечительствахъ или лазаретахъ. Готовы были взяться за всякую работу, лишь бы быть въ эту пору вмѣстѣ со всѣмъ народомъ.

Это стремленіе было совершенно естественно и совершенно понятно. Но въ глубинѣ души оставалось все-таки, хотя и смутное, сознаніе: не единственная это работа и не такая только служба нужна сейчасъ родинѣ. Но люди отмахивались отъ этихъ думъ и заботъ: потомъ-де объ этомъ подумаемъ и вдвойнѣ постараемся, а теперь нужно прежде всего съ врагомъ справиться. Другіе иначе себя успокоивали: мы-де воюемъ въ союзѣ съ самыми передовыми народами, война имѣетъ освободительный характеръ, это война—за право и справедливость, все идетъ и придетъ къ лучшему. Какъ и почему это произойдетъ,—даже не думали. Просто стихіи вѣрили...

Это было, пожалуй, „сліяніе съ народомъ“ и именно съ тѣмъ, который тянетъ лямку. Но это былъ вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнный отказъ отъ функцій интеллигенціи, которая должна вѣдь не только тянуть лямку, но и думать все время, хорошо ли налажены постромки и, главное, какъ бы государственный возъ не скатился въ пропасть или не застрялъ въ трясинѣ. До поры, до времени можно, пожалуй, было мириться съ этимъ уходомъ значительной части интеллигенціи съ ея естественныхъ позицій,—тѣмъ болѣе, что на этихъ позиціяхъ, какъ мы видѣли, она оставалась безъ дѣла.

Гораздо хуже, что такую же „податливость“, какъ я ее назвалъ, обнаружили въ значительной своей части и тѣ, которые на этихъ позиціяхъ остались и продолжали играть руководящую роль въ общественной жизни. Отсюда тоже никакого дѣла, кромѣ службы солдата и ближайшей при немъ работы, не видѣли; здѣсь тоже о постромкахъ и о всемъ государственномъ возѣ не думали. Правильнѣе сказать: также всѣ думы и заботы отложили, также въ стихію, которая всѣхъ освободитъ, повѣрили. И какъ еще повѣрили!

Вспоминается мнѣ такой случай. Было какъ-то собраніе по польскому вопросу; присутствовали на немъ и кадеты, въ числѣ

ихъ П. Н. Милюковъ. Вся сложность и трудность національной проблемы въ этой ея части, да и въ другихъ частяхъ, въ особенности—въ еврейской и украинской, къ тому времени уже обозначилась. И фактовъ было уже не мало,—не къ „освобожденію народовъ“ клонитъ стихія. На собраніи это достаточно рельефно выяснилось... На слѣдующее утро развертываю я „Рѣчь“: большая статья П. Н. Милюкова,—не окончена, оборвана. И къ ней сдѣлана такая приписка:

„Позволю себѣ—писалъ г. Милюковъ—кончить эту статью нѣсколько неожиданно для самого себя. Дѣло въ томъ, что, поставивъ точку послѣ послѣдней фразы, я былъ вызванъ къ телефону и мнѣ было прочтено новое воззваніе Главнокомандующаго. Я не могу придти въ себя отъ силы впечатлѣнія и не хочу продолжать сегодня своими словами то, что сказано съ силой власть имѣющаго и что такъ удивительно составляетъ проэкцію тѣхъ же мыслей въ дѣйствительность. Въ такія минуты слышишь ходъ исторіи и чувствуешь біеніе ея пульса. Мысль Палацкаго, эта „государственная мудрость“, потерпѣвшая крушеніе въ 1849 году въ распущенномъ императоромъ Кремзирскомъ парламентѣ и вызвавшая противъ самого автора ея строгій полицейскій надзоръ и противъ его газеты Narodni Noviny немедленное закрытіе, эта мысль воскресла 65 лѣтъ спустя и находится на самомъ вѣрномъ пути къ осуществленію, какой только можно было придумать. Я умолкаю. Пусть сегодня договоритъ мою мысль воззваніе Верховнаго Главнокомандующаго“ [1]).

Въ настоящее время г. Милюковъ можетъ, пожалуй, сказать, что его восторженная вѣра въ стихію—а онъ полонъ былъ этой вѣры съ самаго начала войны—въ извѣстной мѣрѣ уже оправдалась и, стало быть, не напрасно онъ писалъ, что „слышитъ ходъ исторіи, чувствуетъ біеніе ея пульса“. Вѣдь вотъ „автономія“ Польшѣ прямо обѣщана и даже слово это (не лишне сказать, находившееся для г. Милюкова, когда онъ писалъ только что цитированную статью, подъ строгимъ запретомъ) уже произнесено. Больше того: вѣдь даже черта еврейской осѣдлости, если не упразднена, то фактически значительно расширена... Но едва-ли и г. Милюковъ рѣшится утверждать, что онъ видѣлъ тогда исторію „на самомъ вѣрномъ пути“, какимъ она и пошла въ дѣйствительности. Иначе онъ предупредилъ бы насъ тогда, какой это тяжелый путь, какъ много страданій и униженій предстоитъ на немъ вынести. Но и этотъ путь далъ вѣдь очень и очень немного пока для восторговъ. А г. Милюковъ и сейчасъ вѣритъ—какъ онъ заявилъ это недавно на банкетѣ, данномъ въ честь кн. Волконскаго и гр. Мусина-Пушкина, назначенныхъ товарищами министровъ,—что „мы живемъ въ эпоху постепеннаго осуществленія принци-

---

[1]) Рѣчь“. 4 сентября. 1914 г.

човъ партіи народной свободы" [1]). Онъ всегда, при всѣхъ положеніяхъ вѣритъ, что все идетъ къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ.

Впрочемъ, у г. Милюкова это, быть можетъ, не столько вѣра, сколько тактика,—достаточно извѣстная тактика руководимой имъ партіи: если нѣтъ чего, надо говорить, что есть или что будетъ,—глядишь, отъ словъ (вопреки даже пословицѣ) и станется. Когда у людей нѣтъ другихъ средствъ, кромѣ словъ, то и въ словесность увѣруешь...

Что касается другихъ, то у многихъ не было не только вѣры, но и тактики,—просто была податливость, готовность какъ бы то ни было приладиться къ событіямъ, лишь бы удержаться. Нагляднѣе всего, быть можетъ, это сказалось въ поведеніи печати.

Теперь много говорятъ, прямо кричатъ о невозможномъ положеніи, въ которомъ она очутилась. И, дѣйствительно, даже съ узко-военной точки зрѣнія,—въ этомъ уже всѣ почти согласны—печать при данныхъ цензурныхъ условіяхъ не въ состояніи выполнять лежащій на ней патріотическій долгъ и скорѣе понижаетъ, чѣмъ поднимаетъ настроеніе въ странѣ. Но не лишне будетъ вспомнить, какъ создалось это невозможное положеніе печати...

Когда было опубликовано положеніе о цензурѣ, то печать чуть не привѣтствовала ее. Вѣдь вотъ что писалъ „День",—„самая лѣвая" теперь газета (съ точки зрѣнія „Рѣчи"). „Это—жертва, но война требуетъ жертвъ, не только кровью и деньгами. Она требуетъ и жертвъ неизвѣстностью" [2]). Подумаешь вѣдь, что въ „Днѣ" пишутъ и редактируютъ младенцы, которые не понимали, во что обратится военная цензура при русскихъ условіяхъ. Но разъ жертва необходима, то, конечно, какъ ни тяжело это, ее принести нужно. Какіе же у газеты нашлись аргументы въ пользу ея необходимости? Только одинъ и тотъ невѣроятно затасканный и завѣдомо несостоятельный: будто бы японцы въ свое время извлекли „существенную пользу" изъ печатавшихся въ нѣкоторыхъ газетахъ (главнымъ образомъ, въ „Новомъ Времени") прощальныхъ телеграммъ, какія посылали нѣкоторыя войсковыя части, уходившія на Дальній Востокъ, „переваливъ черезъ Байкалъ" (это сотрудникъ „Дня" „переваливаетъ" и не одинъ разъ черезъ озеро). Какъ будто японцы о передвиженіи русскихъ войскъ не могли имѣть болѣе точныхъ свѣдѣній, чѣмъ эти случайныя телеграммы! Вѣдь теоретически можно было несравненно точнѣе разсчитать, зная, что на Дальній Востокъ ведетъ одна желѣзнодорожная колея! Главное же, вѣдь эти телеграммы печатались съ разрѣшенія цензуры,—и ужь если это доводъ, то противъ, а не въ пользу ея.

---

1) „Рѣчь", 3 августа.
2) „День", 22 іюля 1914 года.

„День“ въ данномъ случаѣ писалъ въ унисонъ съ „Новымъ Временемъ“, которое одновременно съ нимъ тоже помѣстило статью, доказывая необходимость „жертвъ неизвѣстностью“. Но эта газета постаралась найти менѣе затасканный аргументъ и привела такой: „когда японцы бомбардировали въ первый разъ Портъ-Артуръ, двѣнадцати-дюймовые снаряды, попадая на территорію крѣпости, не рвались и вредъ ихъ былъ минимальный. Телеграмма объ этомъ пришла въ Петербургъ и черезъ корреспондентовъ оповѣстила весь міръ. Мы всѣ радовались, ликовали, а японцы, узнавъ объ этомъ по телеграфу, сдѣлали болѣе чувствительными ударники“ [1]... Кто однако послалъ эту телеграмму? Не Стессель ли? И кто сообщилъ ее корреспондентамъ? Не военныя ли тогдашнія власти, поспѣшившія оповѣстить весь міръ объ японской неудачѣ?

Уже изъ тѣхъ доводовъ, какіе въ состояніи были привести газеты, ясно, какъ мало было въ данномъ случаѣ съ ихъ стороны искренности и какъ много податливости. Я не говорю даже о разумѣ,—теперь, когда такъ остро сознано, что народъ долженъ знать правду, каждый пойметъ, какъ умны были эти „жертвы неизвѣстностью“, особенно въ устахъ людей, которые служатъ гласности...

Далѣе, когда вводилась цензура, періодическія изданія, по крайней мѣрѣ, петроградскія, въ громадномъ большинствѣ даже не попытались отстоять для себя хотя нѣкоторую свободу сужденій. А, казалось, была возможность. Въ Петроградѣ, напримѣръ, самимъ редакціямъ было предоставлено рѣшать (конечно, подъ угрозой соотвѣтствующихъ каръ), какія статьи представлять и какія не представлять въ цензуру. Напрасно однако предпринимались попытки объединить въ этомъ случаѣ печать, сговориться о грани, дальше которой нельзя идти. Представители нѣкоторыхъ редакцій (рѣчь идетъ только о прогрессивныхъ изданіяхъ) даже не приходили на совѣщанія, другіе хотя и приходили, но не съ тѣмъ, какъ оказалось потомъ, чтобы выполнять состоявшіяся постановленія. Нѣкоторыя изданія сразу же стали представлять чуть не весь матеріалъ въ цензуру, другія—постепенно заходили все дальше и дальше на этомъ покатомъ пути. И кто изъ нихъ рѣшится утверждать теперь, что они приносили въ этомъ случаѣ жертву родинѣ,—жертву, которую они считали нужною и цѣлесообразною? Не правильнѣе ли будетъ сказать, что они интересы родины приносили въ жертву собственному самосохраненію?

Очень немногія изданія, которыя на свой страхъ попытались удержать хотя нѣкоторыя позиціи и взять менѣе податливый тонъ, были немедленно, конечно, закрыты или иными путями приведены

[1]) „Новое Время“, 22 іюля 1914 года.

къ покорности. Безсиліемъ русской печати и нужно, конечно, прежде всего объяснять ея податливость.

Но въ этой податливости она пошла еще дальше и зашла такъ далеко, какъ никогда еще не заходила. Бывали у насъ тяжелыя цензурныя времена, бывало, что русская печать не могла сказать ни одного слова по самымъ насущнымъ и самымъ жизненнымъ для страны вопросамъ, какіе стояли на очереди. Но каковы бы ни были условія, уважающая себя печать никогда не говорила того, чего она не думала, и не сообщала свѣдѣній, которымъ сама не вѣрила. А за время войны—въ самую отвѣтственную пору—она и до этого опускалась, гоняясь съ одной стороны, за сенсаціей, а съ другой—потрафляя „рожну".

Достаточно вѣдь напомнить, какова была газетная информація за все это время. Изъ своей коллекціи я могъ бы привести прямо поразительные примѣры небрежности и легкомыслія въ томъ, что касалось информаціи, со стороны даже солидныхъ, казалось бы, изданій.

Не такъ давно г. Homunculus, одинъ изъ постоянныхъ сотрудниковъ „Дня", т. е. той самой газеты съ которой я началъ свою экскурсію въ область печати, разсказалъ (правда, въ другой газетѣ) такую сценку изъ своихъ дорожныхъ впечатлѣній „въ третьемъ классѣ".

— По торговой части будете?—спросилъ меня подрядчикъ.

— Нѣтъ... Въ газетахъ пишу...

— Та-ак-съ...—Врете вы очень.

„Это было сказано—пишетъ г. Homunculus—въ категорическомъ тонѣ, но безъ желанія обидѣть. Я не отрицалъ, что „мы времъ" и старался только расчленить это понятіе „мы", не желая нести отвѣтственность за многоврущихъ собратій. Это оказалось труднымъ дѣломъ... До простого народа эти раздѣленія не доходятъ, и всѣ мы „времъ"... Мнѣ кажется,—продолжаетъ г. Homunculus—что народъ теряетъ уваженіе къ печати и перестаетъ ей вѣрить. Онъ не видитъ въ печати того, что осмысливаетъ ея существованіе, не видитъ правдивости" [1]).

Такимъ образомъ и народъ, простой народъ это замѣтилъ, да и сама печать это уже почувствовала. И за послѣднее время въ тонѣ ея статей, въ содержаніи ея информаціи и во всемъ ея поведеніи замѣтна уже значительная перемѣна.

Имѣя въ виду все написанное мною здѣсь о печати, считаю не лишнимъ воспользоваться одной изъ фразъ г. Homunculus'а: „это было сказано въ категорической формѣ, но безъ желанія оби-

---

[1]) „Кіевская Мысль", 16 Іюня.

дѣть"... Не до обидъ теперь. Да и остановился я на печати лишь для примѣра, имѣя въ виду вообще интеллигенцію. Но нужно всетаки сказать, что поведеніе печати и Государственной Думы имѣло въ данномъ отношеніи наибольшее значеніе.

Вообще же проявленная руководящими кругами общества податливость, какъ я думаю, сыграла большую роль,—она-то, быть можетъ, насъ и погубила. Не будь этой податливости, страна давно бы встрепенулась. Между тѣмъ она сейчасъ какъ будто только еще просыпается...

IV.

Кое-что—сказалъ я — успѣло уже выясниться. Въ частности, для Россіи выяснился въ высшей степени важный вопросъ.

Когда начиналась война, то преобладающее, почти общее мнѣніе было таково: внутренніе вопросы нужно отложить. Лишь единицы думали, что ихъ не только нельзя откладывать, но и необходимо выдвинуть на первую очередь. Даже возможность того, что необходимо будетъ во время войны ими заняться, предусматривали, въ сущности, немногіе. Для точности не лишне будетъ прибавить, что имѣлись въ виду при этомъ не столько внутренніе вопросы, сколько внутренній вопросъ, „не реформы, а реформа", какъ выразился когда-то г. Меньшиковъ.

Возможность и даже необходимость отстрочки внутреннихъ вопросовъ, несомнѣнно, находились въ связи съ распространеннымъ въ ту пору предположеніемъ, что война будетъ непродолжительна. А стало быть: съ одной стороны, можно потерпѣть, а съ другой—некогда развернуть нужныя для внутреннихъ вопросовъ силы, тѣмъ болѣе, что народъ въ наиболѣе активной своей части находится на фронтѣ. Въ петроградскихъ собраніяхъ, о которыхъ я упоминалъ, нерѣдко приводился такой аргументъ, казавшійся многимъ неоспоримымъ: когда домъ горитъ, нельзя заниматься ремонтомъ. Но говорившіе это одного не предусмотрѣли: спасти домъ при такомъ пожарѣ можно не иначе, какъ всѣмъ міромъ. Правда, о народѣ все время и всѣ говорили, но какъ-то такъ выходило, что ему чисто пассивная роль на все время войны отводилась.

Но теперь уже совершенно отчетливо выяснилось, что безъ народа не обойтись, причемъ не „безсвязныя толпы" нужны, а именно сорганизованный народъ. Пусть одни желаютъ „побѣды, во что бы то ни стало", другіе—„мира, во что бы то ни стало" (къ слову сказать, я совсѣмъ не понимаю въ обоихъ случаяхъ этого „во что бы то ни стало", оно представляется мнѣ прямо безсмыслицей); какъ бы то ни было, для всѣхъ ясно, что прежде всего нужно сорганизовать народъ: безъ этого ни борьбы успѣшной, ни мира сноснаго съ такимъ прекрасно сорганизованнымъ врагомъ, какъ Германія, быть не можетъ. А сорганизовать народъ это вѣдь, въ сущности, и значитъ рѣшить нашъ внутренній вопросъ.

Такимъ образомъ сама жизнь поставила его на очередь, сдѣлала прямо неотложнымъ. Успѣемъ мы его рѣшить—спасемъ домъ, не успѣемъ — въ развалинахъ, быть можетъ, жить придется, во всякомъ случаѣ бѣдъ не мало натерпимся. Время не ждетъ, но идутъ пока только разговоры. Конечно, существуютъ разныя мнѣнія: одни разсчитываютъ сорганизовать народъ на военныхъ, такъ сказать, началахъ, при помощи диктатуры; другіе — на демократическихъ, при помощи свободы. Но не въ томъ только задержка, что существуютъ разныя мнѣнія. Это бы еще не бѣда, на чемъ-нибудь, можетъ быть, и сошлись бы, а не сошлись бы, такъ „сосчитались бы". Съ тѣмъ же г. Марковымъ, несомнѣнно, сосчитаться придется: „безъ борьбы—заявилъ онъ—мы вамъ Россію не отдадимъ", своею вотчиною ее, видите ли, онъ считаетъ. Приходится однако бояться худшаго: впечатлѣніе получается вѣдь такое, что энергіи для дѣла не хватаетъ, одною словесностью отдѣлаться и удовлетвориться хотятъ.

Государственная Дума, напримѣръ, указала на необходимость „примиренія и забвенія старой политической борьбы", что всѣми было понято, какъ пожеланіе амнистіи. Высказали это депутаты,— и успокоились, какъ будто дѣло сдѣлано. О немъ уже больше не вспоминаютъ, перешли къ другимъ „очереднымъ дѣламъ", но и ихъ дѣлаютъ такъ же.

Гр. Бенигсенъ пообѣщалъ, что послѣ войны октябристы за отвѣтственность министерства выскажутся, — и лидеръ к.-д. партіи въ восторгъ пришелъ, онъ уже „постепенное осуществленіе принциповъ партіи народной свободы" въ этомъ увидѣлъ, ему уже дѣло сдѣланнымъ представляется. А только и всего, что гр. Бенигсенъ уклончивую фразу бросилъ...

Если же и начнутъ что дѣлать, то какъ будто только путаются. Взять хотя бы особое совѣщаніе по оборонѣ. Составляя своей проектъ, к.-д. фракція, кажется, больше всего думала, чтобы все было, какъ въ хорошихъ конституціонныхъ домахъ полагается: исполнительная власть была строго отграничена отъ законодательной и т. д. А того, что можетъ и должно спасти Россію, и въ ихъ проектѣ нисколько не чувствовалось. Дума же въ концѣ концовъ приняла правительственный проектъ, т. е. одобрила, въ сущности, то, что и безъ нея было уже сдѣлано. И вышло, можно сказать, по пословицѣ: „тѣхъ же щей, да пожиже влей"...

Не только въ Думѣ, этотъ же недостатокъ энергіи и въ правительствѣ чувствуется, ему тоже какъ будто недостаетъ чего-то, чтобы вплотную за дѣло взяться. Давно уже „обновилось" оно, но дѣла никакого все еще не видно. И никто даже не представляетъ себѣ сколько-нибудь ясно, что это будетъ за дѣло. Не даромъ даже гр. Бобринскій какъ-то въ Думѣ заявилъ: „пора, наконецъ, правительству подтянуться"...

То же и во всей странѣ чувствуется: нѣтъ энергіи, рѣшитель-

ности, настойчивости. Всѣ заняты своими дѣлишками, а за народное дѣло никто, какъ слѣдуетъ, не берется. У насъ принято говорить въ такихъ случаяхъ, что политическія условія мѣшаютъ. Но вѣдь и послѣднія не сами собою измѣнятся.

Порою прямо ужасъ охватываетъ. Неужели опять, какъ это было въ Крымскую войну, намъ придется сказать:

Поздно! народъ угнетенный
Глухъ передъ общей бѣдой...
. . . .
. . . .
Войско-жь одно не защита...

Но я не теряю все-таки надежды. Мнѣ думается, что эта прострація—временное явленіе, что это только продолженіе, даже конецъ той растерянности и податливости, какія были въ первый періодъ войны, когда все было такъ не ясно. Теперь, когда яснѣе стало, люди какъ будто уже раскачиваются и волна подымается

Вначалѣ думали, что все дѣло тамъ, на фронтѣ, „на передовыхъ позиціяхъ“, что нужна только служба солдата. Но теперь для всѣхъ уже ясно, что еще болѣе, быть можетъ, важное дѣло имѣется здѣсь, и многіе, какъ я думаю, уже говорятъ себѣ, перефразируя слова Некрасова:

Солдатомъ можешь ты не быть,
Но гражданиномъ быть обязанъ...

А. В. Иноходцевъ.

НАБРОСКИ СОВРЕМЕННОСТИ.

Чаянія момента.

Послѣдніе мѣсяцы—мѣсяцы тяжелыхъ и горькихъ испытаній—принесли съ собою замѣтный поворотъ въ настроеніи многихъ группъ русскаго общества. Годъ назадъ, когда вспыхнула грандіозная международная борьба, немалая часть нашихъ общественныхъ дѣятелей поспѣшила сойти съ занимавшихся ею въ мирное время позицій и стала увѣрять себя и другихъ, что военная гроза должна отодвинуть на задній планъ всѣ вопросы внутренней жизни, что эти вопросы могутъ и должны найти себѣ разрѣшеніе лишь послѣ успѣшнаго окончанія войны и что впредь до такого окончанія было бы несвоевременно привлекать общественное вниманіе даже къ самымъ острымъ и самымъ наболѣвшимъ изъ нихъ. Эти увѣренія продолжались довольно долго и еще въ январѣ текущаго года на открытой аренѣ русской общественности раздавались по преимуществу рѣчи о несвоевременности вниманія и интереса къ вопросамъ нашей внутренней жизни. Но логика жизни постепенно дѣлала свое дѣло и, чѣмъ дальше шло время, тѣмъ меньше и меньше находилось слушателей для такихъ рѣчей. Сейчасъ онѣ звучатъ уже только въ нѣкоторыхъ углахъ нашей общественной жизни, звучатъ сравнительно рѣдко и даже, тѣ, кому хотѣлось бы вести ихъ и впредь, вынуждены сознаться, что то настроеніе, которое одно время обезпечивало извѣстный успѣхъ этимъ рѣчамъ, въ сущности уже исчезло.

„Слѣдуетъ вернуться—писалъ два мѣсяца тому назадъ въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ" г. Струве—къ первымъ настроеніямъ великой войны, когда было много вѣры и мало ненавистей, была какая-то здоровая и бодрящая увѣренность въ единящей силѣ борьбы противъ внѣшняго врага, противъ его военной и политической мощи" [1]).

„Слѣдуетъ вернуться къ первымъ настроеніямъ",—говоритъ г. Струве, но и онъ понимаетъ, что вернуться къ нимъ не такъ-то просто.

„Въ этихъ настроеніяхъ—говоритъ онъ—осталось много неиспользованнаго, что надо поднять, какъ плодоносную новину государственнаго и общественнаго возрожденія. Жаль, что эти неиспользованныя душевныя возможности и соотвѣтствующія имъ государственныя рѣшенія пролежали втуне десять мѣсяцевъ".

То, что „душевныя возможности" остались неиспользованными, что соотвѣтствующія „государственныя рѣшенія" не были приняты

---

[1]) „Бирж. Вѣдомости", 5 іюня 1915 г.

вовсе не является однако какою-либо случайностью. И именно это обстоятельство дѣлаетъ невозможнымъ возвратъ къ тому настроенію, которое въ первое время войны охватило довольно широкіе круги нашего общества и старательно подогрѣвалось чуть не всѣми органами нашей печати. Для г. Струве такая невозможность, правда, не вполнѣ ясна, онъ еще надѣется на возвратъ къ „первымъ настроеніямъ великой войны", но у другихъ, болѣе внимательныхъ и болѣе вдумчивыхъ наблюдателей, нѣтъ уже на этотъ счетъ никакихъ иллюзій.

„Въ годовщину войны—писалъ недавно красноярскій епископъ Никонъ, членъ Государственной Думы, недопускаемый въ нее своимъ духовнымъ начальствомъ и вынужденный поэтому бесѣдовать съ своими сочленами по Думѣ при посредствѣ газетъ,—мнѣ невольно вспоминаются первые дни и мѣсяцы послѣ объявленія брани, тѣ—казалось и хотѣлось вѣрить, глубокія—несомнѣнно искреннія и все же могучія проявленія патріотическаго чувства всего русскаго народа, тѣ грандіозныя манифестаціи, крестные ходы съ иконами и шествія съ портретомъ государя, которыми преисполнена, полна была тогда наша жизнь, жизнь всѣхъ городовъ и селъ Россіи, обитателей нашей родины всѣхъ вѣръ, націй, сословій и состояній. Прошелъ годъ, одинъ только годъ, и—не хочу обманывать ни себя, ни другихъ—гдѣ это, казалось, глубокое и полное единеніе всѣхъ насъ, всѣхъ людей земли русской? Этого единенія почти нѣтъ, оно очень и очень уменьшилось, сильно и сильно ослабѣло".

Такое исчезновеніе какъ будто намѣтившагося было единенія приводитъ еп. Никона къ мысли, что это „объединеніе было не внутреннее, а больше внѣшнее, не безсмертное и вѣчное, а тлѣнное и преходящее, временное". И простой возвратъ къ этому объединенію представляется ему невозможнымъ. „Въ интересахъ народной обороны—говоритъ онъ—необходимо теперь же создать въ обитателяхъ русской земли, въ душахъ всѣхъ насельниковъ Россіи, лицъ всѣхъ народностей, вѣрованій, званій, сословій и т. п., психологическія условія для внутренняго, а не внѣшняго, вѣчнаго, а не временнаго, глубокаго, а не поверхностнаго, объединенія".

Любопытно отмѣтить, что этотъ призывъ къ настоящему объединенію и эта характеристика объединенія, состоявшагося въ началѣ войны, какъ внѣшняго и поверхностнаго, появились на столбцахъ „Рѣчи", той самой „Рѣчи", которая долго и настойчиво доказывала, что именно съ самаго начала войны у насъ совершилось полное объединеніе всѣхъ силъ страны и что для такого объединенія не можетъ и не должно быть поставлено никакихъ предварительныхъ условій. Впрочемъ, не въ одномъ только этомъ пунктѣ „Рѣчь" пишетъ теперь не то, что писала она же нѣсколько времени тому назадъ. Еще въ январѣ текущаго года публицисты „Рѣчи" и руководители к.-д. фракціи въ Государственной Думѣ находили невозможнымъ и несвоевременнымъ поднимать во время войны острые вопросы внутренней политики. Теперь „Рѣчь" такъ рѣшительно отрекается отъ этого мнѣнія и такъ рѣзко клеймитъ

его, какъ будто ей самой оно всегда было совершенно чуждо. „Представляется совершенно яснымъ и безспорнымъ всѣмъ, кромѣ развѣ „Земщины,—писала „Рѣчь“ уже въ концѣ іюня—что признанный всѣми лозунгъ „все для войны“ не только не исключаетъ обсужденія вопросовъ, касающихся внутренней политики, но, наоборотъ, какъ разъ требуетъ обсужденія этихъ вопросовъ“ [1]).

Казалось бы, дѣйствительно, „совершенно ясно и безспорно“, что и во время войны имѣетъ значеніе не только военная сила государства, но и его гражданское благоустройство, и что значеніе послѣдняго тѣмъ серьезнѣе, чѣмъ серьезнѣе сама война. И однако въ началѣ войны эта простая и безспорная истина была у насъ основательно забыта очень многими, и прежде всего была забыта тѣми либеральными кругами нашего общества, выразительницей мнѣній которыхъ является конституціонно-демократическая „Рѣчь“. Суровая дѣйствительность въ концѣ концовъ заставила вспомнить забытую истину. И то, что ее все-таки вспомнили, можно было бы только привѣтствовать, еслибы забывшіе ее люди вспомнили ее цѣликомъ и сумѣли сдѣлать изъ нея всѣ необходимые выводы. Къ сожалѣнію, этого-то и нѣтъ на лицо. Стоитъ приглядѣться и прислушаться къ тѣмъ чаяніямъ, которыя въ послѣднее время высказываются значительной частью нашей печати и нашихъ политическихъ дѣятелей, чтобы увидѣть, что они вспомнили забытую истину лишь наполовину и не могутъ или не хотятъ сдѣлать тѣ выводы, которые сами собою вытекаютъ изъ нея. Чтобы увидѣть это, нѣтъ надобности даже перебирать всѣ чаянія и упованія, высказывавшіяся за послѣднее время. Достаточно остановиться лишь на нѣкоторыхъ изъ нихъ, особенно яркихъ и характерныхъ.

Чуть не цѣлый годъ мы читали на столбцахъ самыхъ различныхъ газетъ, начиная съ правыхъ и кончая либеральными, что настоящая война является войной „народной“, что она ведется при небываломъ подъемѣ сознанія во всѣхъ слояхъ народа. И внезапно, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, эти рѣчи о „народномъ“ характерѣ войны уступили свое мѣсто совсѣмъ другимъ рѣчамъ.

„Какъ довести войну до народа?—спрашивала себя мѣсяцъ тому назадъ „Рѣчь“.—Какъ сдѣлать объявленный лозунгъ „всенародной“ борьбы со врагомъ дѣйствительно всенароднымъ лозунгомъ?“ [2]).

Непосредственнымъ поводомъ къ постановкѣ такихъ вопросовъ для „Рѣчи“ послужили сообщенія, полученныя ею отъ еп. Никона и отъ г. Кондурушкина. И тотъ, и другой изъ названныхъ лицъ одинаково указывали, что въ деревняхъ очень мало знаютъ о войнѣ, но выводы изъ этого факта они дѣлали неодинаковые.

„Теперь въ Россіи в с я к і й понимаетъ, что нынѣшняя война—война великая; теперь въ Россіи в с ѣ граждане преисполнены самымъ искреннимъ

[1]) „Рѣчь“, 23 іюня.
[2]) „Рѣчь“, 2 іюля.

патріотизмомъ; теперь въ Россіи вездѣ и всюду полное сознаніе, что воевать нужно до конца, до окончательнаго разгрома Германіи и Австріи"... Ежедневно—писалъ еп. Никонъ—мы объ этомъ слышимъ, читаемъ, но такъ ли все это?.. Господа! Тотъ, кто былъ нынѣшнимъ лѣтомъ въ деревнѣ, кто разговаривалъ съ крестьянами, тотъ не отвѣтитъ со спокойною совѣстью на этотъ вопросъ утвердительно. Стоитъ только побывать въ деревнѣ, чтобы ясно убѣдиться въ незнакомствѣ народа"...

„Мои длинныя бесѣды съ крестьянами—разсказываетъ далѣе еп. Никонъ—привели меня въ ужасъ... Никто ничего не понимаетъ... И спрашивалъ я: „неужели вамъ, братцы, ни вашъ батюшка, ни вашъ помѣщикъ, земскій начальникъ, врачъ, судья, учитель, писарь и т. п. ничего не говорили?" „Ничого"... И ходятъ среди народа самые невѣроятные слухи о войнѣ"...

Для тѣхъ, кто знаетъ, въ какой атмосферѣ безправія и темноты живетъ русская деревня, какъ затрудненъ доступъ въ нее книгѣ и газетѣ, какъ трудно предпринимать въ ней какія-либо просвѣтительныя начинанія и тѣмъ болѣе устраивать какія-либо собранія, въ разсказѣ еп. Никона, конечно, нѣтъ ничего удивительнаго. И для такихъ людей, пожалуй, самые вопросы, съ которыми еп. Никонъ обращался къ крестьянамъ, могутъ показаться нѣсколько наивными. Но еп. Никонъ во всякомъ случаѣ не боится сдѣлать прямой выводъ изъ подмѣченнаго имъ и поразившаго его факта. Надо,—говоритъ онъ,—„сдѣлать крестьянина сытымъ тѣлесно и духовно", „надо дать крестьянину источникъ свѣта—образованіе" [1]).

Та неосвѣдомленность русской деревни, о которой разсказывалъ еп. Никонъ, была почти одновременно отмѣчена на столбцахъ „Рѣчи" и другимъ наблюдателемъ, г. Кондурушкинымъ. И этотъ послѣдній въ свою очередь, придавая очень важное значеніе такой неосвѣдомленности, призывалъ бороться съ нею. „Въ положеніи невѣдѣнія хода войны—утверждалъ онъ—находится въ настоящіе дни около восьмидесяти процентовъ русскаго населенія, почти вся русская деревня". И до той поры, пока продолжается такое невѣдѣніе, объединеніе Россіи—утверждалъ онъ дальше—не можетъ осуществиться.

„Я вѣрю,—писалъ г. Кондурушкинъ — что, ставъ объединенной, Россія сдѣлается воистину неодолимой. Но для дѣйствительнаго объединенія на дѣлѣ войны необходимо одно непремѣнное условіе: для того, чтобъ всѣмъ участвовать, каждому на своемъ мѣстѣ, въ великой борьбѣ помышленіемъ, словомъ и дѣломъ, необходимо одновременное во всей Россіи знаніе того что происходитъ въ этой борьбѣ каждый день".

Для достиженія такой цѣли г. Кондурушкинъ рекомендовалъ распространеніе въ деревнѣ особаго вида печати—изложенныхъ простымъ языкомъ „листовъ сообщеній". Эти „листы сообщеній" должны, по его проекту, составляться въ каждой губерніи „особой коммиссіей изъ просвѣщенныхъ лицъ, намѣченныхъ общественными

---

1) „Рѣчь", 3 іюля.

учрежденіями губерніи и утверждаемыхъ мѣстной властью". Эти лица не должны быть „праваго или лѣваго направленія", они должны только сообщать народу правду въ доступной для него формѣ. Составленные ими „листы" должны разсылаться по деревнямъ и здѣсь чтеніе ихъ должно быть „возложено" на „учителя, священника, фельдшера, врача, купца, помѣщика, грамотнаго крестьянина" [2]).

Епископа Никона поразившій его фактъ деревенской неосвѣдомленности о войнѣ привелъ къ сознанію настоятельной необходимости немедленно открыть широкій доступъ въ деревню просвѣщенію. Сотрудника либеральной газеты это же неосвѣдомленность навела на мысль объединить Россію и сдѣлать ее неодолимой путемъ, ежедневной разсылки по всѣмъ деревнямъ особыхъ правительственныхъ сообщеній, изложенныхъ „простымъ языкомъ". А редакція газеты, помѣстившей этотъ замѣчательный проектъ, нашла нужнымъ поддержать его и отъ себя, усматривая въ немъ одинъ изъ путей къ „организаціи всенароднаго мнѣнія деревни".

„Немедленныя согласованныя дѣйствія министерствъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ—говорилось по этому поводу въ передовой статьѣ названной газеты—уже могли бы положить начало осуществленію намѣченныхъ началъ... Вѣдь обсуждались же въ совѣтѣ министровъ еще 9 іюня представленія бывшаго министра Н. А. Маклакова и А. В. Кривошеина о выпускѣ народныхъ изданій. Тѣ 12 изданій и два милліона экземпляровъ, о которыхъ упоминалось въ представленіи, есть, конечно, лишь капля въ морѣ сравнительно съ громадной народной потребностью. И насытить эту потребность такъ же невозможно изъ Петрограда, какъ вычерпать ложкой море" [1]).

Люди признали такимъ образомъ, что „объединеніе", о которомъ они такъ много говорили, было объединеніемъ призрачнымъ существовавшимъ гораздо больше въ ихъ фантазіи, чѣмъ въ дѣйствительности. Признавъ это, они задали себѣ вопросъ, какимъ же способомъ можно достигнуть настоящаго, прочнаго объединенія народа и, въ частности, какъ можно уничтожить неосвѣдомленность деревни. Отвѣтъ, казалось бы, ясенъ. Надо уничтожить китайскую стѣну, охраняющую въ настоящее время русскую деревню надо открыть въ нее безпрепятственный доступъ и печатному, и живому слову, надо пріобщить народныя массы въ политической жизни и обезпечить имъ условія свободнаго проявленія ихъ мнѣній. Тогда эти массы смогутъ такъ или иначе объединиться, тогда онѣ смогутъ принять и рѣшенія, которыя можно будетъ, не боясь совершить подлогъ, называть „общенародными". Но вмѣсто этого естественнаго и, казалось бы, единственнаго пути къ объединенію народа либеральные публицисты предлагаютъ нѣчто иное. Всѣ существующія условія русской жизни могутъ, по ихъ мнѣнію, остаться

---

[2]) „Рѣчь", 30 іюня.
[1]) „Рѣчь", 2 іюля.

неприкосновенными, ничего не надо въ нихъ серьезно измѣнять а надо только просвѣтить деревню соотвѣтствующей казенной литературой. И, повидимому, они въ самомъ дѣлѣ вѣрятъ въ возможность какихъ-то успѣховъ на этой дорогѣ, забывая даже о томъ, что она давно пройдена до конца.

Возьмемъ еще одинъ примѣръ, изъ другой области. Минувшій годъ былъ для насъ годомъ тяжелой хозяйственной и административной разрухи. Въ началѣ этого года наши либеральные публицисты, совмѣстно съ публицистами правыми, въ видахъ поддержанія объединенія занялись старательнымъ подсчетомъ тѣхъ продуктовъ, какихъ не будетъ хватать Германіи, и тѣхъ непорядковъ, которые должны будутъ въ ней обнаружиться. Къ концу года наши собственные непорядки и недохватки достигли такой степени, что объ нихъ нельзя уже было дольше молчать и передъ общественной мыслью рѣзко сталъ вопросъ о способахъ ихъ устраненія. И одинъ изъ видныхъ дѣятелей конституціонно-демократической партіи, Д. И. Шаховской, взялся отвѣтить на этотъ вопросъ и вмѣстѣ съ тѣмъ указать, говоря его словами, „путь къ побѣдѣ".

„Мнѣ кажется,—писалъ онъ, намѣчая этотъ „путь къ побѣдѣ", — что всякая сложная отрасль государственнаго управленія, требующая самостоятельнаго руководителя и защиты своихъ интересовъ наряду съ другими отраслями, должна быть вручена министру. И логическимъ слѣдствіемъ изъ этого является необходимость немедленнаго образованія у насъ новыхъ министерствъ. Я, конечно, понимаю, что мой критерій носитъ условный характеръ. Что именно разумѣть подъ „сложной областью управленія", заслуживающей отдѣльнаго министерства? Отвѣтить на это я могу только указаніемъ тѣхъ конкретныхъ министерствъ, которыя, по моему мнѣнію, должны быть образованы. Ихъ шесть: министерство военныхъ заготовокъ, министерство народнаго продовольствія, министерство мѣстнаго самоуправленія, министерство труда, министерство землеустройства и министерство полиціи".

Одинъ только вопросъ нѣсколько смущалъ кн. Шаховского, найдутся ли сразу подходящіе люди для новыхъ министерствъ, но и отъ этого смущенія онъ благополучно избавился. По его словамъ, „отвѣтъ простъ и ясенъ".

„Утверждать, что среди русскаго народа нельзя найти шести или даже двадцати людей на отвѣтственные политическіе посты, это значитъ совершать ненаказуемое юридически, но недопустимое морально оскорбленіе русскаго народа. Если люди не отыскиваются, значитъ, ихъ ищутъ не тамъ, гдѣ они есть. Значитъ, ихъ надо искать въ другомъ мѣстѣ. И вотъ необходимость поискать людей на нѣкоторыя изъ названныхъ мною министерствъ въ новыхъ областяхъ жизни и служитъ для меня однимъ изъ дополнительныхъ доводовъ въ пользу образованія новыхъ министерствъ" [1]).

Кн. Шаховской додумался такимъ образомъ даже до новаго и необыкновенно хитраго способа демократизаціи власти. Чтобы достигнуть этой демократизаціи, надо, оказывается, лишь увеличить въ достаточной степени число министерствъ и тогда руководите-

[1]) „Рѣчь", 21 іюня.

лей ихъ придется искать „въ новыхъ областяхъ жизни". И одно только не пришло въ голову не въ мѣру мудрому автору,—что русскій народъ нуждается не столько въ томъ, чтобы изъ него выбирали новыхъ бюрократовъ, сколько въ томъ, чтобы была уменьшена власть надъ нимъ бюрократовъ старыхъ и чтобы ему были даны условія для свободнаго развитія его самодѣятельности. А, казалось бы, именно минувшій годъ могъ породить эту мысль даже у тѣхъ, у кого ея не было раньше.

Объединить сознаніе народа путемъ разсылки по деревнямъ особыхъ правительственныхъ сообщеній о ходѣ войны и организовать народную жизнь путемъ созданія новыхъ министерствъ—вотъ какіе планы проектировались такимъ образомъ оффиціозомъ к.-д. партіи, вотъ какого рода чаянія высказывались имъ всего два мѣсяца тому назадъ. Въ виду такихъ чаяній мудрено, конечно, было бы сказать, что данная общественная группа успѣла вполнѣ вспомнить истины, забытыя ею въ началѣ войны. Своихъ политическихъ плановъ и своихъ чаяній отъ жизни она во всякомъ случаѣ ни въ малой мѣрѣ съ этими истинами не согласовала и, если и говорила о необходимости интереса къ внутреннимъ вопросамъ, то у нея самой интересъ этотъ носилъ очень ограниченный характеръ.

Правда, наряду съ этимъ данной группой выдвигались и нѣкоторыя другія чаянія, на первый взглядъ какъ будто даже противорѣчащія только что указаннымъ. Съ началомъ лѣта либеральная пресса стала настойчиво поддерживать пожеланіе скорѣйшаго созыва Государственной Думы. Въ условіяхъ переживаемаго нами момента такое пожеланіе являлось до извѣстной степени естественнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, казалось бы, оно по своему смыслу должно было рѣзко отличаться отъ тѣхъ пожеланій, о которыхъ шла у насъ рѣчь сейчасъ. И однакоже въ той мотивировкѣ, какою сопровождалось это пожеланіе въ либеральной прессѣ, звучали такія ноты, которыя способны были въ свою очередь вызвать серьезныя сомнѣнія.

„Никогда, быть можетъ,—писали „Русскія Вѣдомости", когда созывъ Думы былъ уже назначенъ на 19 іюля,—никогда, быть можетъ,—инстинктивно ли, сознательно ли—милліоны и милліоны русскихъ людей не испытывали такой настоятельной потребности объединенія и совмѣстной дѣятельности на благо родины, какъ въ настоящее трудное время. И такъ естественно, что взоры всѣхъ въ этотъ исключительный моментъ обратились къ тому государственному учрежденію, которое по идеѣ, по самой основной задачѣ своей должно служить средоточіемъ и выраженіемъ народныхъ нуждъ, народныхъ чаяній, мысли и воли русскаго народа. На Государственную Думу, на свое народное представительство, Россія въ великій и грозный историческій часъ полагаетъ крѣпкую надежду и мы вѣримъ что эта надежда будетъ оправдана" [1]).

---

[1]) „Р. Вѣдомости", 9 іюля.

Устами либеральной газеты Дума 3-го іюня объявлялась такимъ образомъ „средоточіемъ и выраженіемъ народныхъ нуждъ, народныхъ чаяній, мысли и воли русскаго народа". Правда, къ этому прибавлялась робкая оговорка, что такова Дума „по идеѣ, по основной задачѣ своей", но эта оговорка сейчасъ же и отбрасывалась и газета призывала возложить надежды на Думу во всемъ ея составѣ, какъ на „народное представительство" Россіи. И такіе призывы дѣлалась не только „Русскими Вѣдомостями",— въ еще болѣе рѣшительныхъ выраженіяхъ повторялись они и всей остальной либеральной прессой, успѣвшей какъ будто совершенно позабыть свои прежніе взгляды на природу третьеіюньской Думы, обрекающую ее стоять въ прямомъ противорѣчіи съ нуждами и чаяніями, мыслью и волей русскаго народа.

Эта забывчивость либеральной прессы или, точнѣе говоря, это нежеланіе ея помнить свои собственные взгляды и заявленія и примѣнять ихъ на дѣлѣ, соединенное съ готовностью не только примиряться съ наличными порядками, но и отожествлять ихъ съ нормальными, заставляли серьезно опасаться, что либеральныя партіи и группы, даже агитируя за скорѣйшій созывъ Государственной Думы, въ сущности вовсе не намѣрены воспользоваться имъ для попытокъ дѣйствительнаго установленія въ странѣ хотя бы минимальнаго гражданскаго благоустройства. И эти опасенія не замедлили оправдаться на дѣлѣ. Какъ только собралась Дума, сейчасъ же выяснилось, что господствующее въ ней большинство совершенно не намѣрено создавать какія-либо серьезныя измѣненія во внутренней жизни государства. А вмѣстѣ съ тѣмъ выяснилось также и то, что либеральная или, иначе, „конституціонно-демократическая" партія не видитъ сейчасъ особой нужды ни въ конституціонныхъ порядкахъ, ни въ демократическихъ учрежденіяхъ и, громко говоря о необходимости объединенія всѣхъ силъ народа, въ дѣйствительности стремится лишь къ объединенію съ умѣренно-правыми фракціями Думы.

21 іюля въ засѣданіи думскаго совѣта старѣйшинъ—разсказывали газеты—

„Н. С. Чхеидзе поинтересовался узнать, считаетъ ли П. Н. Милюковъ подлежащими разсмотрѣнію въ первую очередь законодательныя предположенія о свободахъ, внесенныя фракціей народной свободы въ первую сессію четвертой Государственной Думы. П. Н. Милюковъ отвѣтилъ, что въ первую очередь необходимо разсмотрѣть не тѣ законопроекты, которые имѣютъ партійно-програмный характеръ, а тѣ, которые имѣютъ своей цѣлью организацію народныхъ силъ для участія въ дальнѣйшей борьбѣ съ врагомъ и могутъ объединить всѣхъ" [1]).

Итакъ, разсматривать въ Думѣ нужно, по мнѣнію П. Н. Милюкова, только такіе проекты, которые „могутъ объединить всѣхъ".

---

1) „Рѣчь", 22 іюля.

не всѣхъ гражданъ страны, а всѣ фракціи Думы или, по крайней мѣрѣ, ихъ большинство. „Конечно,—говорилъ г. Милюковъ въ томъ же совѣтѣ старѣйшинъ въ другой разъ, защищая предложенную к.-д. фракціей программу работъ,—выборъ программы работъ Государственной Думы зависитъ отъ теперешняго состава Государственной Думы, съ которымъ приходится волей-неволей считаться. Фракція народной свободы охотно присоединилась бы къ программѣ думской сессіи, представленной трудовой группой, но вѣдь нужно считаться съ тѣмъ, что при теперешнемъ составѣ Государственной Думы она неосуществима. Между тѣмъ, необходимо выработать общую программу и проводить ее совмѣстными силами" [1]). Иначе говоря, надо, не считаясь съ собственнымъ мнѣніемъ о нуждахъ страны, попытаться добыть для Россіи то и только то, что согласится дать ей помѣщичье большинство четвертой Думы. На языкѣ г. Милюкова и его товарищей это называется политическимъ реализмомъ. Но ужь если называть подобные разсчеты реализмомъ, то придется сказать, что они недостаточно реалистичны. Вѣдь, кромѣ Государственной Думы, у насъ имѣется еще и Государственный Совѣтъ, большинство котораго настроено еще болѣе реакціонно, чѣмъ большинство Думы. И если ужь ограничивать свою работу исключительно тѣмъ, что можетъ быть осуществлено доброй волей наличнаго состава нашихъ законодательныхъ учрежденій, то слѣдовало, пожалуй, при составленіи программы думской сессіи попытаться учесть и настроеніе большинства членовъ Государственнаго Совѣта. А такъ какъ это настроеніе хорошо извѣстно и сводится къ упорному желанію все оставить на своемъ мѣстѣ, то въ сущности при послѣдовательно проведенномъ „политическомъ реализмѣ" никакой программы занятій Думы составлять вообще не стоило.

Попробуемъ однако взглянуть на дѣло еще съ другой стороны. По словамъ П. Н. Милюкова, к.-д. фракція не намѣрена сейчасъ поддерживать вносившіеся ею нѣкогда въ Думу —въ нынѣшнюю же четвертую Думу—законопроекты о свободахъ, такъ какъ въ настоящій моментъ необходимо въ первую очередь разсматривать „не тѣ законопроекты, которые носятъ партійно-програмный характеръ". Поскольку можно понять это заявленіе, представляемая П. Н. Милюковымъ „партія народной свободы", повидимому, полагаетъ, что ея програмныя пожеланія, касающіяся свободы гражданъ государства, не должны быть осуществляемы въ настоящее время. Въ чемъ же тутъ дѣло? Въ томъ ли только, что какъ можно ожидать, большинство нынѣшней Думы не выскажется за эти пожеланія? Или, быть можетъ, въ томъ еще, что эти пожеланія въ настоящій моментъ практически до нѣкоторой степени излишни, такъ какъ русскіе граждане пользуются сейчасъ

---

[1]) „Рѣчь" 7 августа.

достаточной свободой и не нуждаются пока въ законодательной ея охранѣ? Въ сущности поставить этотъ вопросъ значитъ уже вызвать опредѣленный отвѣтъ на него. И такой вполнѣ опредѣленный отвѣтъ былъ данъ и въ самой Государственной Думѣ даже сравнительно умѣренными членами ея.

„Съ самаго начала войны—говорилъ 19 іюля въ своей рѣчи въ Думѣ прогрессистъ И. Н. Ефремовъ—весь русскій народъ въ общемъ патріотическомъ порывѣ дружно шелъ на совмѣстную работу съ властью. Какой же отвѣтъ получила страна на ея искренній порывъ? Общественная дѣятельность стѣснена, національныя несправедливости обострены, рабочія организаціи разгромлены, экономическая жизнь страны затруднена и страдаетъ отъ неумѣлаго вмѣшательства и несогласованности распоряженій агентовъ власти. Торжественныя обѣщанія Польшѣ цѣлый годъ оставались висѣть въ воздухѣ и только сегодня офиціально подтверждены... О внутреннемъ примиреніи передъ лицомъ врага забыто. Нѣтъ политической амнистіи. Тысячи русскихъ людей томятся въ изгнаніи и неволѣ, лишены возможности работать и умереть на пользу родины. Чуть не до послѣднихъ дней правительство надменно считало себя способнымъ справиться устарѣлыми средствами обветшалой бюрократической машины съ громадными задачами организаціи міровой борьбы. Потребовались крупныя военныя неудачи, чтобы правительство сознало свою несостоятельность... Но сдѣлано ли все, что нужно, для обезпеченія побѣды? Нѣтъ. Произошла частичная смѣна лицъ, но не смѣна системы. Произошло измѣненіе внѣшней формы, но не существа взаимоотношеній народа и правительственной власти“.

Тотъ же самый по смыслу своему отвѣтъ въ не менѣе опредѣленной формѣ данъ былъ и въ рѣчи самого П. Н. Милюкова, сказанной въ томъ же думскомъ засѣданіи.

„Недовѣріе къ народу,—говорилъ онъ между прочимъ—ограниченіе страхомъ — это гладстоновское опредѣленіе консерватизма—осталось руководящей мыслью всей внутренней политики. Власть точно нарочно все дѣлала, чтобы распылить народный порывъ... Вмѣсто добросовѣстнаго соблюденія партійнаго перемирія власть спѣшитъ использовать исключительныя условія военнаго времени для того, чтобы закрѣпить чисто партійныя позиціи... Сношенія съ арміей, съ ранеными были заподозрѣны и поставлены подъ строжайшій надзоръ съ отдѣльнымъ бумажнымъ производствомъ. Внутренняя политика втягивала военныя власти въ гражданскія распри и отвлекала вниманіе арміи отъ ея настоящаго дѣла. Другимъ нарушеніемъ внутренняго мира была политика власти по отношенію къ отдѣльнымъ народностямъ. Здѣсь особенно проявились партійныя стремленія власти, игра на темныхъ націоналистическихъ инстинктахъ массъ, съ обычнымъ оружіемъ этой борьбы, съ антисемитизмомъ, съ борьбой противъ инородцевъ, по-

лучила небывалый просторъ подъ прикрытіемъ нуждъ военнаго времени. При существованіи закона о вѣротерпимости мы присутствовали при гоненіяхъ за религіозныя убѣжденія сектантовъ русскаго происхожденія только потому, что миссіонеры объявили ихъ вѣру нѣмецкой вѣрой. Мы присутствовали при невѣжественной наивной попыткѣ посягнуть на національность и вѣру населенія только что пріобрѣтенной провинціи, для управленія которой посланы были отбросы русскаго провинціальнаго чиновничества... Но все это блѣднѣетъ передъ тѣмъ, что было сдѣлано съ евреями. Этотъ несчастный народъ, охваченный въ началѣ войны общимъ патріотическимъ одушевленіемъ, сдѣлался предметомъ какого-то систематическаго издѣвательства. Нельзя иначе назвать то огульное обвиненіе цѣлой народности въ предательствѣ и измѣнѣ, которое не можетъ быть оправдано отдѣльными случаями шпіонства, наблюдавшагося среди пограничнаго населенія всѣхъ національностей. За этимъ огульнымъ обвиненіемъ послѣдовали изъ того же узко-партійнаго источника, прикрывающагося военными полномочіями, небывалыя мѣры круговой отвѣтственности за несовершенныя преступленія, мѣры, напоминающія дикія времена средневѣковья и унижающія насъ во мнѣніи всего образованнаго свѣта" [1]).

Для П. Н. Милюкова и для его товарищей по Государственной Думѣ ясенъ такимъ образомъ отвѣтъ на поставленный выше вопросъ, ясенъ, вдобавокъ, не со вчерашняго дня. И, казалось бы, этотъ отвѣтъ долженъ повлечь за собою нѣкоторыя послѣдствія. Говоря въ той же своей рѣчи о непорядкахъ въ военномъ министерствѣ, П. Н. Милюковъ заявилъ, что простой уходъ бывшаго военнаго министра „не удовлетворяетъ ни армію, ни страну", такъ какъ „это былъ министръ, который обманулъ Государственную Думу". Обманъ въ данномъ случаѣ заключался въ томъ, что министръ заявилъ членамъ Думы, будто наша армія вполнѣ обезпечена предметами военнаго снаряженія. Можно было бы спросить однако, имѣли ли основаніе члены Думы, достаточно знакомые съ порядками нашихъ министерствъ, вѣрить голословнымъ заявленіямъ такого рода. И, если даже у нихъ была готовность вполнѣ повѣрить этому заявленію, то вѣдь имъ могло и должно же было придти въ голову, что военная техника, какъ и всякая другая, есть лишь простое орудіе, которымъ управляетъ человѣческій разумъ и человѣческая воля. А П. Н. Милюковъ и его товарищи знали, что разумъ и воля ихъ родины скованы и дезорганизованы дѣйствіями власти, подавившей всякую свободу гражданъ. Знали съ самаго начала, но нашли возможнымъ заговорить объ этомъ только сейчасъ. Не обманули ли и они въ свою очередь своихъ избирателей, когда дважды—въ іюлѣ минувшаго года и въ

[1]) Рѣчь, 20 іюля.

январѣ нынѣшняго, — тщательно умалчивая обо всемъ, что знали, торжественно манифестировали свое объединеніе съ тѣмъ самымъ правительствомъ, которое, по ихъ нынѣшнимъ словамъ, вело борьбу съ собственнымъ народомъ и своими ошибками и преступленіями подготовляло пораженіе родной страны?

Но оставимъ прошлое и попытаемся понять и оцѣнить лишь то, что происходитъ сейчасъ П. Н. Милюковъ, какъ и И. Н. Ефремовъ, находитъ, что правительственная система и въ настоящую минуту осталась все той же самой, какой была она и раньше. „Люди—говорилъ онъ въ цитированной уже рѣчи—измѣнились, но ихъ партійная окраска не измѣнилась". Не измѣнились и дѣйствія этихъ людей. И тѣмъ не менѣе лидеръ к.-д. фракціи, какъ и вся эта фракція въ цѣломъ, не находятъ нужнымъ даже попытаться въ чемъ-либо ограничить эти дѣйствія и какъ-нибудь обезпечить свободу гражданъ, оградить разумъ и волю страны. Сейчасъ, по ихъ мнѣнію, нужно другое. „Страна надѣялась, что Государственная Дума организуетъ побѣду". А для этого Думѣ нужно заняться только разсмотрѣніемъ проектовъ подоходнаго налога, кооперативнаго закона, волостного земства, распространенія мѣстнаго самоуправленія на окраины и улучшенія дѣйствующаго земскаго положенія [1]).

Допустимъ на минуту, что страна, поскольку она возлагаетъ свои ожиданія на Думу, ожидаетъ отъ нея, дѣйствительно, только того, чтобы Дума организовала побѣду. Допустимъ далѣе, что думское большинство дѣйствительно приметъ всѣ эти предлагаемые к.-д. фракціей проекты, что большинство Государственнаго Совѣта ихъ не провалитъ и что они станутъ законами. Такъ ли многое измѣнится послѣ этого въ нашей жизни, такъ ли ужь много мы подвинемся впередъ по пути организаціи страны вообще и „организаціи побѣды" въ частности, если всѣ прочія условія окружающей насъ дѣйствительности останутся въ прежнемъ видѣ? И кооперативы, и волостное земство хороши и полезны, но польза и тѣхъ, и другого можетъ быть легко сведена на-нѣтъ, если надъ ними будетъ тяготѣть ничѣмъ не сдержанный произволъ административныхъ властей. Достаточно вредный и въ обычное время, этотъ произволъ еще болѣе вреденъ, чтобъ не сказать, губителенъ, въ такіе экстренные моменты, какъ переживаемый нами сейчасъ. Объединеніе и организація всѣхъ живыхъ силъ страны являются, дѣйствительно, повелительными требованіями этого момента. Но какъ можно достигнуть этого объединенія тамъ, гдѣ царитъ сословное и національное неравенство, гдѣ граждане одной страны дѣлятся, въ зависимости отъ своего происхожденія,

1) См. отчетъ о засѣданіи думскаго совѣта старѣйшинъ, „Рѣчь", 7 августа.

языка и религіи, на людей, надѣленныхъ большими и меньшими правами? Какъ можно серьезно говорить объ объединеніи и организаціи народныхъ силъ въ условіяхъ полицейской опеки, не дающей людямъ возможности ни для свободнаго выраженія ихъ мнѣній, ни для безпрепятственнаго развитія ихъ самодѣятельности? Стоитъ задать себѣ эти вопросы, чтобы немедленно обнаружился весь трагизмъ создавшагося для насъ положенія и вмѣстѣ съ тѣмъ самъ собою намѣтился единственно возможный выходъ изъ него.

Но—у насъ есть четвертая Дума, а въ ней есть правое большинство. И вотъ люди, успѣвшіе было наполовину вспомнить забытую ими истину, торопятся вновь забыть ее, чтобы получить возможность идти рука объ руку съ этимъ большинствомъ. Задача объединенія народныхъ силъ подмѣняется задачей объединенія думскихъ фракцій, причемъ ради достиженія этого послѣдняго объединенія отбрасываются въ сторону самыя существенныя нужды момента и самыя настоятельныя требованія народа. И, хотя совершенно ясно, что это объединеніе думскихъ фракцій не сможетъ дать народу то, что ему болѣе всего нужно, оно объявляется важнѣйшей потребностью момента, завѣтнымъ чаяніемъ всей страны. А тѣ немногочисленные лѣвые элементы Думы, которые не хотятъ отказаться отъ стремленій къ удовлетворенію наиболѣе неотложныхъ и мучительныхъ потребностей народной жизни, либеральная пресса уже упрекаетъ въ намѣреніи „дискредитировать Думу". Такимъ путемъ „неосуществимая" программа народнаго объединенія быстро и успѣшно замѣняется вполнѣ „осуществимой", по разсчетамъ „реальныхъ политиковъ", программой думскаго единенія.

Возможно однако, что и это очередное чаяніе не оправдаетъ себя и „осуществимая" программа останется неосуществленной. И во всякомъ случаѣ совершенно несомнѣнно, что забытую истину въ концѣ концовъ придется вспомнить цѣликомъ, такъ какъ безъ организаціи народныхъ силъ нельзя будетъ обойтись.

В. Мякотинъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Иванъ Рукавишниковъ. Книга девятая. Трагическія сказки. Московское Книгоиздательство. 1915. Стр. 191. Ц. 1 р. 25 к.

Книга *девятая*—это звучитъ внушительно, это—указаніе на солидный стажъ, пройденный авторомъ, грань, за которою трудно числиться молодымъ, не опредѣлившимся, ищущимъ. Иванъ Рукавишниковъ искусился во всѣхъ родахъ художественнаго творчества—въ лирикѣ, эпосѣ, драмѣ,—показалъ всюду одинаковую силу, оригинальность и своеобразіе таланта и, пожалуй, имѣетъ уже всѣ права на титулъ „маститаго"... модерниста. Въ драматическихъ его опытахъ, собранныхъ въ „девятой книгѣ", тѣ же знакомыя черты, всюду сопутствующія поэту, воспѣвшему во время оно свое прелюбодѣйное дѣйство съ чугунной статуэткой черта, автору „Проклятаго рода", романа очень занимательнаго, но нуждающагося—по отзывамъ критики—въ переводѣ на русскій языкъ: „дерзновенные" пріемы изображенія, выверты, претендующіе на новизну, а въ сущности однообразныя кривлянія и ломанія, потуги слабосилія, забавныя и жалкія. Трагическое начало въ пьесахъ-сказкахъ представлено самой пестрой чертовщиной: тутъ и чертики, похожіе на крысъ, и гробовщики, монахи и звѣздочеты, цари и духи, лѣшіе и русалки, шишиги и мельники, смерть бѣлая, смерть черная,—чего-чего только нѣтъ. Было бы страшно, еслибы все это—не старые знакомцы. Сколько разъ эти пугающіе образы были использованы художниками большой силы.. Иванъ Рукавишниковъ рѣшилъ, что и онъ не лыкомъ шитъ и тоже принялся за чертей и царей, чтобы изобразить загадочный ужасъ жизни и умиротворяющую красоту смерти. Такъ отважный гимназистъ-приготовишка, насмотрѣвшись въ циркѣ на чудеса акробатическаго искусства, отдается душой и тѣломъ непосильной задачѣ: изобразить какого-нибудь этакого „человѣка безъ костей" именно такъ, какъ онъ видѣлъ въ циркѣ. Зрѣлище такого труда и пота, въ умѣренномъ количествѣ, разумѣется, забавно и мило. Въ небольшой порціи способны позабавить и „Трагическія сказки". Но, когда, по обязанности рецензента, приходится одолѣвать всю книгу, самого одолѣваетъ скука и тошнота Немножко неловко злоупотреблять вниманіемъ читателя, но чтобы не заслужить упрека въ голословности, приведемъ, какъ образецъ „достиженій" Ивана Рукавишникова, отрывокъ изъ трагедіи „Царица Перепетуя". Отрывокъ этотъ—часть пятой картины, озаглавленной „Битва войска царя Гороха съ войскомъ царя Пантелея". По ремаркѣ автора,

„Яркимъ огнемъ стрѣляетъ пушка царя Гороха. И тотчасъ же яркимъ огнемъ отвѣчаетъ пушка царя Пантелея. Войско царя Гороха наступаетъ, дѣлая шагъ впередъ, тыкая копьями. И выкрикивая хоромъ свой воинственный крикъ:

— А-ба-ба-ба-ба-ба... А! А!

То же дѣлаетъ войско царя Пантелея, выкрикивая свой воинственный крикъ:

— А-ля-ля-ля-ля-ля... А! У!

Черезъ малое время воины царя Гороха побѣждаютъ враговъ. Каждый воинъ закалываетъ противника, правой ногой становится ему на грудь и потрясаетъ копьемъ. Военачальникъ царя Гороха бѣжитъ и закалываетъ мечомъ Военачальника царя Пантелея, тоже становитъ ногу ему на грудь. Побѣдители, обернувшись къ своему царю, кричатъ:

— А-ба-ба-ба-ба-ба... А! А!

А-ба-ба-ба-ба-ба... А! А!

Царь Пантелей.—А-ля-ля-ля-ля...

Не оканчиваетъ воинственнаго крика: враги берутъ его въ плѣнъ, сажаютъ въ принесенную клѣтку, несутъ въ царство царя Гороха. Тамъ ставятъ клѣтку позади трона.

Царица Перепетуя (вырывается изъ рукъ враговъ и убѣгаетъ):—А-ля-ля-ля-ля-ля... А! У! (За сценой):—А-ля-ля-ля-ля-ля... А! У! А-ля-ла-ля-ля-ля... А! У!

Тронъ царя Пантелея поваленъ. Придворные царя Пантелея, связанные, отведены въ плѣнъ. Ихъ и царя Пантелея придворные царя Гороха разглядываютъ и дразнятъ.

Войско царя Гороха.—А-ба-ба-ба-ба-ба... А! А! А-ба-ба-ба-ба-ба... А! А!

Изъ царства царя Пантелея ведутъ спрятавшихся было крестьянина и крестьянку. Несутъ кадку съ краснымъ виномъ.

Военачальникъ (появляясь передъ царемъ Горохомъ):—Великій царь Горохъ! Побѣда!

Главный дьякъ (отстраняя его):—Великій царь Горохъ! Побѣда!

Военачальникъ.—А-ба-ба-ба-ба-ба... А! А!

Царь Горохъ:—А-ба-ба-ба-ба-ба.. А! А!

Главный дьякъ царя Гороха:—Ба-ба-ба-ба-ба...

Придворные: А-ба-ба-ба-ба-ба... А! А!
А-ба-ба-ба-ба-ба... А! А!
А-ба-ба-ба-ба-ба... А! А!

Военачальникъ (указывая на поднесенную къ трону кадку):—Великій царь Горохъ! Отвѣдай!

Главный дьякъ:—Отвѣдай, царь Горохъ, и намъ вели отвѣдать.

Царь Горохъ (отвѣдываетъ и мечомъ разрѣшаетъ придворнымъ):—Брр... хорошо!

Главный дьякъ (передъ тѣмъ какъ выпилъ):—Брр... хорощо! (Потомъ пьетъ и дуетъ въ губы, какъ лошадь):—П-п-п-п...

Царь Горохъ (пьетъ):—А-ба-ба-ба-ба-ба... А! А! Побѣда!

Придворные:—А-ба-ба-ба-ба-ба.. А! А! Побѣда!

Главный дьякъ (спросонокъ):—А-ля-ля-ля-ля... (Придворные кидаются къ нему, расталкиваютъ, наперебой шепчутъ).—Ба-ба-ба... Побѣда! Ба-ба-ба-ба... (Засыпаетъ).

Ну, довольно. Совершенно въ этомъ же родѣ еще страницъ восемь дальше, до конца картины. Кто не вѣритъ, можетъ самолично убѣдиться: стр. 164—174. Стилизація, конечно. Но какая тонкость и продуманность, какая сила! На нѣкоторыхъ пьесахъ значится: „къ представленію дозволено“. Привелъ бы Господь дожить да взглянуть, какъ она выйдетъ на сценѣ—эта трагическая битва царя Гороха...

Н. Телешовъ, кн. вторая—„**Черною ночью**“, разсказы. Изд. 2-ое. Кн-во писателей въ Москвѣ. Стр. 231. Ц. 1 р. 25 к.

Разсказы Телешова не блещутъ яркостью красокъ, оригинальностью стиля: они въ высшей степени просты и скромны, но—не бѣдны, и въ этомъ—ихъ главное достоинство. Они въ высшей степени честно написаны, и читатель не сомнѣвается ни на минуту въ томъ, что мысли и чувства, съ которыми онъ знакомится, адэкватны авторскимъ, не надуманы и не напряженно-натянуты. И—въ этомъ характерная особенность книжки—о чемъ бы авторъ ни писалъ, его чувства и мысли не бываютъ мелки, въ нихъ угадываешь значительную вдумчивость и созерцательность. Книжка очень пестра: здѣсь сюжеты и философскіе, и моральные, и національные; здѣсь и легенда, и сказка, и бытовая реалистическая картинка, и символика. Но все-таки чувствуется какая-то общая объединенность, впечатлѣніе которой, несомнѣнно, даетъ эта постоянная авторская вдумчивость.

Исполненіе—довольно неровное. На ряду съ вещами крайне слабыми и тенденціозными, какъ „Цвѣтокъ папоротника“, „Доброе дѣло“, или любопытными безпритязательными бытовыми портретиками купцовъ, ѣдущихъ въ Ирбитъ на ярмарку—„На тройкахъ“—встрѣчаются разсказы поистинѣ прекрасные. Таковъ (лучшій въ сборникѣ) интересный разсказъ „Между двухъ береговъ“, наиболѣе характерный для авторскаго облика, черты котораго, разсѣянныя повсюду, здѣсь какъ бы собраны. Здѣсь всѣ лица—пассажиры сибирскаго рѣчного парохода—живы и каждый по своему значительны. Ихъ разговоры о Россіи естественны и не надуманы, не подсказаны со стороны, но сливаются съ образами говорящихъ, и философія разсказа воспринимается не отвлеченно, изъ устъ автора, но воплощенно и убѣдительно: „Удивляюсь...—говоритъ изъѣздившій Россію шведъ Хельси.—Понять не могу... Очевидно, русскіе—не хозяева жизни. Всѣ вы какіе-то несчастные, безвольные... Точно у васъ у всѣхъ есть въ запасѣ еще нѣсколько жизней: не удалась одна—не бѣда; будетъ другая, и третья, и пятая... А вѣдь жизнь—только одна, и кромѣ насъ самихъ никто ей не хозяинъ.—Э, всѣ у насъ здѣсь таковы,—вздохнулъ капитанъ.—У всѣхъ на душѣ лежитъ какой-нибудь камень. Гдѣ у насъ счастливые? Нѣтъ ихъ. У всякаго изломана жизнь, у всякаго и на душѣ камень, и за пазухой камень. Всѣ мы плывемъ между двухъ береговъ“. „И всѣ — заканчиваетъ авторъ разсказа—мало-по-малу стали чувствовать другъ въ другѣ случайныхъ и чужихъ людей, у которыхъ не было до сихъ поръ и теперь еще нѣтъ общаго Сіона, нѣтъ общаго единаго горя, нѣтъ общаго Вавилона. И радость, и плѣнъ, и надежды—у всякаго свои“.

Отъединенность, сиротство и тоску видитъ авторъ въ русскихъ людяхъ. И отсюда зачастую внезапная дикость поступковъ,

въ которыхъ тоскующая въ сѣрой мглѣ личность пытается и сама встрепенуться, и другихъ разбудить. Въ разсказѣ „Черною ночью" странный и темный Вася, ощупью ищущій хоть чего-нибудь яркаго, сильнаго, весь сосредоточивается на желаніи услышать звонъ—не обычный, размѣренный и потому удручающій его,—а рѣзкій, шумный, волнующій, жаждетъ услышать набатъ. И, не сознавая, что дѣлаетъ, онъ поджигаетъ пустующій домъ, лѣзетъ затѣмъ на колокольню и въ тревожной радости оглашаетъ ночь звуками набата. „Острая радость наполняла Васино сердце. И радость, и гордость: это онъ—хозяинъ праздника! Это онъ наполнилъ глухую ночь звономъ и голосами, ужасомъ, трескомъ и заревомъ!.. Желаніе сбылось: все оживилось, проснулося, затрепетало".

Мало того, проснулась способность жертвовать собою, рисковать: „Давно ли всѣ эти мужики, которые сейчасъ, спасая чужое добро, лѣзутъ въ самый огонь" — давно ли они походили на терпѣливое стадо! „Впервые почувствовалъ онъ въ самомъ себѣ жизнь... Яркая огромная жизнь со всѣми ея радостями, страстями, съ горемъ и борьбою. Онъ впервые прозрѣлъ: онъ увидѣлъ людей, тѣхъ же людей, сонныхъ, вздорныхъ и вялыхъ. Но какъ они всѣ преобразились"!—Колокольня загорается, и Вася погибаетъ...

Есть нѣчто символическое въ этомъ разсказѣ, который такъ легко обвинить въ неправдоподобности: естественно-ли этакую катастрофу вызвать по какому-то смутному желанію?.. И какая это доброта въ бѣдствіи,—только сумасшедшій освятитъ альтруизмъ, купленный столь дорогою цѣной.

Возможно. Да у автора Вася и точно нѣсколько не въ полномъ разсудкѣ. Но... задолго до войны Вася выразилъ идеологію милитаризма. Тамъ тоже толкуютъ о болотномъ существованіи, отъ котораго спасаетъ де война (и толковали объ этомъ не одни только генералы Бернгарди, но и какой-то русскій porte-parole нашего Достоевскаго). И милитаризмъ также призываетъ умиляться самоотверженіемъ, проявляемымъ во время войны. И сходство простирается такъ далеко, что и факты одинаково подкрѣпляютъ разсужденія Васи и милитаристовъ (и тѣхъ, кого умиляетъ военный „альтруизмъ"); вѣдь дѣйствительно Вася разбудилъ дремавшее болото. Вѣдь дѣйствительно война разбудила европейское болото... И, пожалуй, отъ психологіи Васи некуда было бы скрыться, еслибы признать, что внѣ пожаровъ и войнъ нечѣмъ разбудить и оживить человѣка, вызвать его на самопожертвованіе, на яркій поступокъ. Къ несчастію, многимъ именно такъ и кажется... И если Вася ненормаленъ, то, пожалуй, форма его болѣзни довольно распространена. Какъ бы тамъ ни было, разсказъ „Черной ночью" достаточно ярко рисуетъ психологію, порождаемую болотными испареніями.

Августъ Серментъ. Вай. Исторія одного честолюбія. Петроградъ. 1915. Стр. 306. Ц. 1 р. 50 к.

Юрій Слезкинъ. Ольга Оргъ. Романъ. Издательство б. Попова. Петроградъ. Стр. 170. Ц. 1 р. 25 к.

„Вай" это семейное ласкательное отъ Варвары, имени героини романа. Авторъ не назвалъ свою книгу романомъ; вмѣсто обычнаго подзаголовка мы находимъ другой: „Исторія одного самолюбія"—и это основательно. Ибо „Вай"—и меньше, и больше романа, меньше и больше литературы: это цѣнное сырье, это человѣческій документъ гораздо больше, чѣмъ произведеніе искусства. Авторъ скрылся подъ псевдонимомъ, въ которомъ, намъ кажется, соотвѣтствуетъ дѣйствительности только его интернаціональный звукъ: не надо имѣть спеціальныя свѣдѣнія или обладать особеннымъ чутьемъ стиля, чтобы понять, что книга о „Вай" написана не чисто русскимъ человѣкомъ и не мужчиной. Да, не сбылись гордыя мечты бѣдной милой „Вай", она не возсіяла звѣздой на литературномъ небосклонѣ, не написала своего міръобъемлющаго „эпоса" и покончила съ собой, юная и безсильная. Августъ Серментъ съ виду не похожъ на нее: онъ мужчина, онъ настойчиво довелъ до конца свой замыселъ, онъ написалъ книгу, во всякомъ случаѣ незаурядную, и отстаиваетъ свое мѣсто въ жизни, не налагая на себя рукъ. Но это только видимость: книга о „Вай"—это очевидно для всякаго, дочитавшаго ее до конца — есть духовная автобіографія, и въ качествѣ таковой она чрезвычайно интересна и поучительна. О молодежи, особенно женской, о ея новой психикѣ, о новой роли половыхъ элементовъ въ ея бытіи говорили много— быть можетъ, слишкомъ много—въ минувшемъ десятилѣтіи. Нельзя, конечно, слишкомъ много говорить о предметѣ такой важности, но дѣло въ томъ, что говорено было много, а сказано до убожества мало; „проблемы" были не столько предметомъ изученія, сколько сюжетомъ для разглагольствованій, беллетристическихъ и публицистическихъ, порнографическихъ и моралистическихъ, обличительныхъ и соблазнительныхъ. Бытовые результаты этой литературы едва-ли можно назвать незначительными; она ничего не создала, но, увы, многое закрѣпила и оправдала.

О моральной и культурной цѣнѣ этого многаго даетъ возможность хорошо судить романъ г. Юрія Слезкина. Это произведеніе умѣлаго писателя и неглубокаго наблюдателя; въ немъ нѣтъ никакихъ открытій. Во всей біографіи этой несчастной, блестящей, прекрасной Ольги Оргъ нѣтъ ничего, чего не могъ бы вообразить средній человѣкъ, видящій жизнь сквозь газетную страницу. Здѣсь и ранняя распущенность, и нездоровая семья, и идеалистическіе порывы, и „огарки", и изступленный флиртъ, и соблазнители, и возвышенная любовь, и заключительное самоубійство—предъ перспективой кокоточнаго существованія. Все это условно вѣрно, иногда недурно въ деталяхъ, но именно поэтому отдаетъ безнадежной банальностью без-

помощной выдумки. Это занятная литература, не дошедшая до творчества, тогда какъ „Вай"—это жизненная правда, не нуждающаяся въ творчествѣ. Здѣсь есть свидѣтельство очевидца, здѣсь есть свое и новое, здѣсь есть что узнать и чему поучиться. Это, къ сожалѣнію, не художественные портреты, не сильное творческое слово и не объективное обслѣдованіе, но это искреннее и правдивое изображеніе той дѣвичьей среды и тѣхъ индивидуальностей, среди которыхъ росла и развивалась бѣдная „Вай". Правда, именно развитія, именно исторіи нѣтъ въ этой исторіи одного честолюбія; душевныя и бытовыя, женскія и мальчишескія, умственныя и моральныя авантюры „Вай" смѣняютъ другъ друга, но не вытекаютъ одна изъ другой; событія не наростаютъ; дѣйствія много, но оно не знаменуетъ подлинной исторіи, хотя бы это была только исторія безпорядочныхъ метаній. Но въ конечномъ счетѣ и эта статика сутолоки—сутолоки душевной и житейской, идейной и практической—выливается въ нѣкоторый образъ, и личный, и групповой.

Групповое, бытовое въ романѣ показалось намъ болѣе интереснымъ, чѣмъ индивидуальное. Автора его героиня заняла болѣе всего какъ личность; намъ въ этой ученицѣ петербургской нѣмецкой гимназіи представляются болѣе существенными черты ея среды: не то, что выдѣляетъ ее въ ея быту, но то, что ее съ нимъ связываетъ. И, конечно, „Вай" не дочь инженера Горскаго, не Варвара, не русская: десятки мелочей ея языка и обихода убѣждаютъ въ томъ, что она дитя обрусѣлой нѣмецкой семьи, впитавшей кой-что изъ русской культуры; себѣ самой она кажется русской, и даже не прочь отъ нѣкотораго пренебреженія къ нѣмцамъ, но пропитана иными стихіями, то внѣ-національно-буржуазными, то нѣмецкими. Въ этой средѣ, уже потерявшей ту воспитательную силу воздѣйствія на молодость, которая дается только консерватизмомъ самоохраняющагося бытового строя, ужь просто по реакціи лучше всего могли развиться новыя формы душевнаго разстройства, чувственной распущенности, связанной съ высокимъ эстетизмомъ. Въ характеристикѣ этой среды,—а къ ней относится каждая строчка романа,—все конкретно до послѣдней черточки, все захватываетъ силой жизненности. И оттого тягучій романъ о „Вай" со всѣми его длиннотами и неумѣлостями неопытнаго пера читается съ захватывающимъ интересомъ. „Человѣческіе документы" рѣдко остаются въ литературѣ, но для своего времени они важны и поучительны и, мы убѣждены, только очевидная несвоевременность появленія „Вай" лишаетъ эту интересную книгу того широкаго успѣха, котораго она достойна.

Н. Б. Петрова. I. Изъ дневника народной учительницы. II. Дѣти—сироты. Библіотека новаго воспитанія и образованія подъ

редакціей И. Горбунова-Посадова. Выпускъ CIV. Москва. 1915. Ц. 65 к. Стр. 187.

Армія народныхъ учителей и учительницъ въ своей рядовой массѣ состоитъ, конечно, не изъ героевъ, а изъ сѣрыхъ людей ремесла, которое въ нашемъ представленіи какъ-то уже неразрывно связалось съ идеей подвига. Особыя условія нашей народной жизни, исторически надолго обреченной слѣпотѣ и нѣмотѣ, создали у насъ и типы особыхъ подвижниковъ, людей болѣющей совѣсти. И, можетъ быть, самое давнее и самое важное поприще примѣненія ихъ дѣятельности была просвѣтительная работа въ деревенской школѣ. Мы не ошибемся, если отнесемъ къ этому типу автора „Дневника". Каждая страница въ этой книгѣ насыщена свѣтлымъ воодушевленіемъ и радостью служенія людямъ, обездоленнымъ, озлобленнымъ, порой отталкивающимъ своей грубостью, но все же людямъ, къ которымъ крѣпко прилѣпилось сердце, жаждущее подвига. „Выработать въ себѣ непреклонную волю и эту волю отдать народу и его дѣтямъ—вотъ цѣль моей жизни",—пишетъ авторъ „Дневника" 23 января 1908 г.—„Чувство удовлетворенія и даже наслажденія, которое даютъ мнѣ мои занятія, показываетъ мнѣ, что я не ошиблась въ своемъ призваніи". Отрывки наблюденій, замѣтки, письма школьниковъ, ихъ сочиненія—все это, простое, безыскусственное и правдивое, создаетъ въ своей совокупности впечатлѣніе истинно-художественнаго произведенія. Вмѣстѣ съ авторомъ „Дневника" читатель незамѣтно втягивается въ жизнь этой лабораторіи первобытныхъ дѣтскихъ умовъ и сердецъ, этого чудеснаго живого матеріала, пришедшаго изъ тѣсныхъ и смрадныхъ мужицкихъ избъ, изъ атмосферы, насыщенной руганью, злобой и слезами; онъ переживаетъ всѣ огорченія и радости, ликуетъ при успѣхахъ, впадаетъ въ отчаяніе при крушеніи самыхъ продуманныхъ и терпѣливыхъ усилій.

„Старшіе ученики кончили физику и астрономію,—записываетъ учительница 4 ноября,—завтра начнутъ анатомію. Когда я сегодня упомянула имъ объ этомъ, они затрепетали, засмѣялись и радостно переглянулись. Маша была дежурная и озабоченно вытирала сырой тряпкой полъ. Федя подпрыгнулъ и ударилъ ее тетрадкой:—Ура, Машукъ, завтра начнемъ анатомію". Нельзя безъ улыбки читать эту коротенькую замѣтку, ясную и теплую, случайнымъ штрихомъ воспроизводящую передъ глазами жизнь всей этой милой школы. Тотъ же Федя въ своемъ сочиненіи „Смиреніе и незлобіе" пишетъ: „еще Богъ сказалъ: кто тебя ударитъ въ лѣвую щеку, подставь ему другую. Не для того, чтобы обѣ щеки раздулись, но для того, чтобы у него болѣе рука не поднялась"... А черезъ нѣсколько страницъ читаемъ строки безмолвнаго отчаянія учительницы: „вчера плотникъ приходилъ жаловаться на подрядчика за то, что тотъ его ударилъ. Плотникъ былъ навеселѣ.—

Ну, и за что же онъ мнѣ два раза засвѣтилъ? И какъ я могу такую обиду перенесть? Положимъ, Христосъ сказалъ, что если тебя ударятъ въ правую щеку, подставь лѣвую... ну, да было бы за что! Нѣтъ, лучше я возьму его за душу и дамъ ему въ сердце, и вылетитъ онъ у меня вмѣстѣ съ рамой на улицу"... Вотъ на стр. 37 прелестное письмо Анюты Титовой къ отцу: „милый папа, я прочла очень много книгъ, мнѣ всѣхъ интереснѣе показалось заглавіе „Изъ жизни Фультона", какъ онъ былъ бѣденъ, но когда онъ бросилъ пить вино, принялся за дѣло, то онъ какимъ сталъ хорошимъ человѣкомъ! Милый папа, намъ объясняли, какой вредъ приноситъ вино. Человѣкъ дѣлается больной, слабый. Неужели и ты такой, дорогой мой папа? Навѣрно! Вино вредъ-то, вредъ-то какой приноситъ. Ахъ, батюшки! Милый папаша, какъ я была бы рада, еслибы бросилъ пить, вѣдь ты бы опять ожилъ, а то былъ мертвъ". Сердце учительницы преисполнено гордой радости и умиленія. Но опять—черезъ пять-шесть страницъ,—мы читаемъ замѣтку другого содержанія: „Маша и Матреша, двѣ мои артистки по ролевому исполненію басенъ, не знали урока Закона Божія. Я просила Машу отвѣчать дома свои уроки брату, который у меня учился. Дѣвочка сконфузилась.—Наталья Борисовна,—крикнули дѣти,—онъ всегда пьяный!.. Я не хотѣла вѣрить.—Правда, правда—онъ всегда пьяный"...

Толчки темной жизни безжалостно грубы и часты, порой кажется, что вся работа любви и самоотверженнаго терпѣнія разлетается прахомъ при первомъ же столкновеніи съ деревенской или городской трактирной дѣйствительностью. Но горѣніе подвига все-таки не угасаетъ и маленькіе огоньки любви и свѣта черезъ дѣтскія сердца и головки все-таки проникаютъ въ самую, казалось бы, закоренѣлую темь. Читаешь этотъ милый „Дневникъ" и, при всемъ скептицизмѣ, невольно заражаешься бодрой вѣрой автора. Очень хотѣлось бы рекомендовать эту книгу вниманію всѣхъ работающихъ на нивѣ просвѣщенія народнаго.

„Женскій Сборникъ" въ пользу Ялтинскаго попечит. о пріѣзжихъ больныхъ и больныхъ туберкулезомъ изъ дѣйствующей арміи. М. 1915. Стр. 148. Ц. 1 р.

Сплошь да рядомъ къ благотворительнымъ сборникамъ примѣнима формула „цѣль оправдываетъ средства". Къ „женскому сборнику" Ялтинскаго попечительства она, къ счастію, непримѣнима. Сборникъ можно и должно отъ души привѣтствовать не только ради доброй его цѣли, но какъ весьма удачный и интересный починъ организаціи подобнаго рода изданій такимъ небольшимъ провинціальнымъ центромъ, какъ Ялта. И въ этомъ оригинальность сборника; а кромѣ того, какъ это ни странно, провинціалный элементъ содержанія является самой интересной,

частью книги, не смотря на то, что наряду съ совсѣмъ неизвѣстными именами, повидимому, впервые выступающихъ въ печати „любителей“ помѣщены произведенія подлинныхъ писательницъ, порой съ литературнымъ именемъ.

У каждаго человѣка есть или было въ жизни нѣчто важное, и, если онъ это просто и искренно выразитъ, можетъ получиться страничка подлинной поэзіи, хотя бы это и была единственная для даннаго человѣка поэтическая страница всей его жизни. Это очень близко подойдетъ къ требованію Гёте относительно поэзіи „на случай“.

Замѣчательно, что самыя волнующія странички въ сборникѣ—это предсмертная (и не подписанная) записка одной туберкулезной женщины, умершей въ Ялтѣ. Волнуютъ эти строки не потому, что ихъ осѣняетъ драматическій образъ чьей-то ранней смерти, но безотносительно къ автору цѣнны и тонки эти безконечно искреннія строки. „Я знаю, для меня осталось не много дней,—тѣмъ болѣе цѣню я ихъ, съ радостью и благодарностью впитываю въ себя духъ жизни, щедро даруемый всѣмъ жаждущимъ его, неизсякающей струей бьющій изъ вѣчнаго источника, и если ночь моя проходитъ безъ сна, я радостно ловлю ночные звуки жизни, съ тихимъ восторгомъ слышу первые робкіе голоса птицъ, любуюсь разгорающейся зарей и съ сердцемъ, полнымъ благодарнаго умиленія передъ вѣчной, могучей, торжествующей жизнью, забываюсь короткимъ утреннимъ сномъ“. Только очень сильный поэтъ или же совсѣмъ неискушенная въ выраженіи себя душа можетъ подняться на такую высоту искренняго умиленія безъ единой нотки внѣшняго паѳоса! И такихъ „поэтовъ единственный разъ въ жизни“ въ сборникѣ не одинъ и не два. Невольно сравниваешь съ этимъ нѣкоторыя изъ помѣщенныхъ въ сборникѣ вещей заправскихъ писательницъ и думаешь: какая все-таки опасная вещь профессіонализмъ! Вотъ, напримѣръ, г-жа Щепкина-Куперникъ рисуетъ образъ „одинокой героини“ такими чертами: „Читала она много, но выборъ чтенія былъ случайный. *Ничего серьезнаго ей читать не давали* и не трудились слѣдить за ней, продолжать ея образованіе, развивать ея богатый умъ; за то воображеніе получало чрезмѣрно много пищи: *она зачитывалась Байрономъ, Шелли Гейне, Ламартиномъ, Готье*“.,. Какъ банально и въ то же время комически-противорѣчиво и нелѣпо, и какъ глубоко-провинціально это исключеніе Байрона, Шелли и Гейне изъ „серьезнаго“ чтенія. А вотъ „случайно“ взявшіе въ руки перо люди смогли дать нѣчто цѣнное... Такъ спасительна эта *подлинная* потребность выраженія мысли или чувства.

Очень интересны въ сборникѣ небольшая картинка Х. Д. Алчевской, воспоминанія о Тургеневѣ М. Г. Савиной, тонко написанный очеркъ Т. Л. Сухотиной-Толстой „Агафья - Михайловна“ (изъ

серiи „Друзья и гости Ясной поляны"); прелестны стихотворенiя въ прозѣ Рабиндраната Тагора, посвященныя дѣтямъ. Кстати, надо отмѣтить, что женское авторство сказалось въ сборникѣ обилiемъ тепло написанныхъ дѣтскихъ портретовъ. Въ общемъ сборникъ заслуживаетъ всяческаго вниманiя

Библiотека великихъ писателей подъ ред. проф. С. А. Венгерова. **„Пушкинъ"**, т. VI, изд. Брокгаузъ и Ефронъ. Петроградъ, 1915 г. Стр. 661.

Передъ нами послѣднiй томъ самаго монументальнаго изъ всѣхъ существующихъ изданiя сочиненiй Пушкина. Требованiя, предъявляемыя обычно къ такого рода изданiямъ, весьма разнообразны,—и въ этомъ трудность ихъ гармоническаго выполненiя, особенно въ виду почти полнаго отсутствiя удачныхъ образцовъ такихъ изданiй въ Россiи. Поэтому на изданiе соч. Пушкина, пожалуй, всего умѣстнѣе взглянуть съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнiя: съ точки зрѣнiя, такъ сказать, безотносительной, —что даетъ это изданiе читателю,—и съ точки зрѣнiя тѣхъ требованiй, какiя онъ вправѣ былъ къ нему предъявить.

Съ первой точки зрѣнiя изданiе представится громаднымъ духовнымъ богатствомъ. Читатель встрѣчается здѣсь даже не съ однимъ Пушкинымъ, а съ Пушкинской средой, эпохой, съ обильно комментированной бiографiей поэта, со всѣмъ тѣмъ окруженiемъ, съ той атмосферой Пушкинскаго творчества, которыя такъ уясняютъ и приближаютъ послѣднее. Не все въ этомъ направленiи, разумѣется, одинаково цѣнно, но въ цѣломъ—прекрасныя статьи Щеголева о послѣднихъ дняхъ Пушкина, Гершензона о Пушкинѣ и Чаадаевѣ, какъ и имѣющiя третьестепенное значенiе замѣтки о давно позабытыхъ людяхъ, даже случайно встрѣченныхъ поэтомъ на жизненномъ пути,—въ цѣломъ весь этотъ обширный комментарiй вводитъ читателя въ кругъ какъ важныхъ, такъ и мелкихъ повседневныхъ интересовъ Пушкина. Даже эти, черезчуръ, казалось бы, многочисленные портреты современниковъ Пушкина, порою лишь упоминаемыхъ въ его письмахъ или замѣткахъ, — портреты людей въ старомодныхъ костюмахъ, съ чѣмъ-то общимъ въ индивидуальныхъ чертахъ, привнесеннымъ стилемъ эпохи,—и это создаетъ вокругъ стиховъ Пушкина какъ разъ ту самую атмосферу, въ которой они съ особенной интимностью и теплотою воспринимаются.

И если оцѣнивать разбираемое изданiе безотносительно, оно окажется необыкновенно и непривычно богатымъ, щедрымъ, полезнымъ, не говоря уже о прекрасной его внѣшности.

Иная картина представится, если на изданіе взглянуть съ точки зрѣнія опредѣленныхъ требованій.

Прежде всего — какихъ именно? Въ первомъ томѣ, въ статьѣ „Отъ редакціи" читаемъ: „Вполнѣ естественно, что къ достойному „солнца русской поэзіи" изданію должны быть предъявлены требованія особенной полноты, детальности и тщательности". Это— общій взглядъ, которому далѣе вполнѣ соотвѣтствуетъ болѣе или менѣе конкретный планъ. Его главныя черты таковы: „Основная черта предпринимаемаго изданія—широкое развитіе, которое предполагается дать комментарію. Изданіе *въ такой же степени стремится быть собраніемъ сочиненій Пушкина, какъ и изслѣдованіемъ его жизни и творчества* (курсивъ редакціоннаго обращенія). Въ общемъ, поскольку это, конечно, позволяетъ сравнительно небольшой объемъ изданія (6 томовъ), мы хотѣли бы сдѣлать изъ будущаго изданія своего рода Пушкинскую энциклопедію, гдѣ должно найти мѣсто все, что служитъ къ уясненію жизни и творчества великаго поэта".

Въ частности, раскрывая подробности плана, редакторъ указывалъ и на такой существенный элементъ его: „въ примѣчаніяхъ и прилагаемой къ каждому тому особой статьѣ „Исторія Пушкинскаго текста" читатель найдетъ и всѣ варіанты, и точное описаніе первоисточника. Такимъ образомъ всякій неправильный редакторскій домыслъ можетъ быть провѣренъ".

Таковы принципы, общій планъ изданія и отдѣльныя, важнѣйшія его черты. Однако съ перваго же тома начались и нарушенія плана. Въ самомъ концѣ перваго тома читаемъ: „въ виду того, что томъ достигъ предѣльнаго объема, (мы) вынуждены перенести во II томъ начало статьи „Исторія Пушкинскаго текста", а также нѣкоторыя другія статьи и замѣтки". Точно также во II томъ отнесены нѣкоторыя примѣчанія къ стихотвореніямъ, напечатаннымъ въ I томѣ, вопреки категорическому обѣщанію предисловія: „Къ каждому изъ небольшихъ стихотвореній будутъ даны пояснительныя примѣчанія и притомъ не въ концѣ книги, а параллельно тексту". Какое значеніе имѣло нарушеніе этого послѣдняго принципа, будетъ указано впослѣдствіи: оно гораздо серьезнѣе, чѣмъ на первый взглядъ кажется. Но, конечно, оно стушевывается передъ тѣмъ фактомъ, что эта обѣщанная „Исторія Пушкинскаго текста" не появилась ни во II, ни въ III, ни въ одномъ изъ дальнѣйшихъ томовъ... Ее, наконецъ, ждали получить въ VI томѣ, но и здѣсь ея нѣтъ.

Это, конечно, не простое нарушеніе опредѣленнаго плана, это—полная перемѣна общаго взгляда на изданіе. Именно такъ смотритъ на это и редакція (да иначе и нельзя на это смотрѣть). Изъ обращенія „Отъ редакціи" въ VI томѣ мы узнаемъ, что „Исторія Пушкинскаго текста" не случайно не вошла въ изданіе: „Исторія Пушкинскаго текста" имѣетъ цѣлью заглянуть въ лабораторію

творчества великаго поэта и для спеціалиста—по крайней мѣрѣ, по заданіямъ своимъ—должна, конечно, представить большой интересъ. Несомнѣнно, однакоже, что для читателя-неспеціалиста, ищущаго въ произведеніяхъ поэта только эстетическаго наслажденія и вовсе не стремящагося узнать, изъ какихъ элементовъ оно слагается, исторія постепеннаго совершенствованія и измѣненія текста особеннаго интереса не представляетъ. И съ этой точки зрѣнія читателя-неспеціалиста изданіе настоящимъ томомъ можетъ считаться законченнымъ“. Итакъ отъ Пушкинской энциклопедіи читатель приглашается къ „только эстетическому наслажденію“,—таковы крайніе полюсы этихъ плановъ. Общаго между ними, очевидно, весьма мало.

Само собою разумѣется, что такая рѣзкая перемѣна произошла не сразу, и эта постепенность перехода сказалась крайней невыдержанностью изданія. Съ одной стороны въ немъ есть то, что для Пушкинской энциклопедіи показалось бы лишнимъ, и это вплоть до VI тома, гдѣ, напримѣръ, въ примѣчаніи къ „Четыремъ шуткамъ“(ст. 195) г. Лернеръ находитъ нужнымъ отмѣтить, что „подобными версификаторскими фокусами отличался Д. Д. Минаевъ. Не чуждался ихъ Влад. Соловьевъ. Онъ однажды писалъ Н. Я. Гроту“... и т. д., вплоть до цитированія стиховъ Влад. Соловьева. Съ другой же стороны, здѣсь же, въ VI т., вмѣсто примѣчанія къ „Сценамъ изъ рыцарскихъ временъ“ мы находимъ ссылку: „См. дальше, въ примѣчаніяхъ къ прозѣ“; однако ни дальше, ни ближе примѣчаній этихъ нѣтъ, ибо къ прозаическимъ произведеніямъ Пушкина примѣчаній изданіе не дало вовсе. А между тѣмъ ссылка указываетъ, что еще при печатаніи VI тома ихъ надѣялись включить въ него.

Впрочемъ, эта перемѣна плановъ лишила читателя примѣчаній не только къ прозѣ. Въ предыдущихъ томахъ вмѣсто примѣчаній къ цѣлому ряду стихотвореній читатель встрѣчалъ ссылки, напримѣръ, о стихотвореніи „Чернь“: „См. особую статью: „Что понималъ Пушкинъ подъ словомъ чернь?“,—статья эта не дана. „Анчаръ“. „Воспоминаніе“, „Даръ напрасный“ и т. д.—„См. въ исторіи текста“, которая также не дана. Такимъ образомъ первоначальная щедрость замысла привела къ тому, что къ цѣлому ряду важнѣйшихъ стихотвореній Пушкина не дано даже самаго скромнаго комментарія.

Эти постоянныя перемѣщенія матеріала изъ тома въ томъ привели также къ крайне нестройному и не согласованному распредѣленію матеріала. Читатель, желая ознакомиться со стихотвореніемъ и комментаріемъ, долженъ взять т. VI съ общимъ (прекрасно составленнымъ) указателемъ и тогда оказывается, что самое стихотвореніе напечатано во II, допустимъ, томѣ, а примѣчаніе къ нему въ V или IV, или III, а общая статья о соотвѣтственной

эпохѣ опять въ новомъ. И такимъ образомъ приходится ради одного стихотворенія перелистывать чуть-что не всѣ 6 томовъ.

Если будетъ выпущенъ дополнительный томъ съ недостающими матеріалами, это въ нѣкоторой лишь степени вознаградитъ читателя: хаотическое распредѣленіе комментарія къ тексту сохранитъ свое вредное значеніе и въ этомъ случаѣ. Это неудобство, конечно, второстепенное въ сравненіи съ такими дефектами, какъ отсутствіе варіантовъ, примѣчаній ко всей прозѣ и ко многимъ стихамъ

Таково это изданіе. Оно замѣчательно, какъ собраніе цѣнныхъ матеріаловъ о Пушкинѣ, подобранныхъ опытною и любящею рукою почтеннаго редактора, но оно крайне невыдержано въ планѣ, и объ этомъ приходится очень и очень пожалѣть: едва-ли можно ждать въ ближайшее время столь же монументальнаго изданія, въ которомъ дефекты разобраннаго были бы избѣгнуты.

Аполлонъ Григорьевъ. Мои литературныя и нравственныя скитальчества. Съ послѣсловіемъ и примѣчаніями Павла Сухотина. Изд-ство К. Ф. Некрасова. Москва. 1915. Стр. 253. Ц. 1 р.

Пятидесятилѣтіе со дня смерти Аполлона Григорьева возвратило широкой публикѣ его сочиненія. Громкая извѣстность едва-ли предстоитъ имъ, но доступность доставитъ имъ новыхъ читателей. И на этотъ разъ, надо надѣяться, работы критика „Времени" и молодого „Москвитянина" войдутъ прочно въ образовательный фондъ русскаго просвѣщеннаго человѣка. Григорьевъ былъ типичнымъ для своей эпохи явленіемъ; и если изъ его оцѣнокъ не многое остается руководящимъ для насъ, если его научная „органичность" не нашла мѣста въ наукѣ, то все же въ его критикѣ была подлинная и хорошая литературность, которая заставляетъ думать. Его автобіографія, нынѣ впервые извлеченная изъ журнала, представляется намъ чрезвычайно интереснымъ и поучительнымъ литературнымъ матеріаломъ. Писатели и обыватели, разсказывавшіе о своемъ умственномъ прошломъ, обыкновенно не упускали отмѣтить тѣ или иныя литературныя вліянія, испытанныя ими. Но нигдѣ эти сообщенія не занимали такого широкаго мѣста, нигдѣ не получали такого смысла. Разсказъ Аполлона Григорьева о его „нравственныхъ скитальчествахъ", то есть о его духовномъ развитіи есть единственная въ своемъ родѣ автобіографія читателя— и читателя недюжиннаго: будущаго писателя и критика. Это своеобразная исторія литературы: она построена не сверху, а снизу, не на основѣ оцѣнокъ дальнѣйшихъ поколѣній, а на основѣ успѣха произведеній словесности среди современниковъ. Конечно, и исторіей литературы нельзя назвать этотъ разсказъ о былыхъ читательскихъ восторгахъ и впечатлѣніяхъ: это по существу вкладъ въ исторію культуры, въ исторію духовной жизни цѣлаго поколѣнія. Но несомнѣнно, что и на чистую и научную исторію литера-

туры эти точныя и искреннія сообщенія должны влiять, какъ важнѣйшій коррективъ.

Мы еле знаемъ имена госпожъ Радклифъ и Жанлисъ, господъ Дюкре-Дюмениля и Августа Лафонтена, не говоря ужъ о такихъ нѣмцахъ, какъ Клауренъ или Шписъ. А Аполлонъ Григорьевъ возвращаетъ насъ къ тому времени, когда старая захолустная Москва зачитывалась ихъ произведеніями; онъ не только сухо отмѣчаетъ—какъ истинный художникъ, онъ переноситъ насъ въ тотъ старосвѣтскій духовный міръ, въ которомъ властителями думъ были Вальтеръ-Скоттъ и г-жа Коттенъ. И русскую литературу первой половины прошлаго вѣка Аполлонъ Григорьевъ перебираетъ съ той же читательской точки зрѣнія и въ его изображеніи новый смыслъ, новую значительность получаютъ имена не только Полевого и Надеждина, но и Ушакова и Загоскина. Какъ будто съ сухихъ страницъ курса исторіи литературы сходятъ въ жизнь старые литературные дѣятели и, въ окруженіи своихъ былыхъ читателей и поклонниковъ, становятся близкими, конкретными, живыми. „Вотъ она, эпоха сѣренькихъ, тоненькихъ книжекъ „Телеграфа“ и „Телескопа“, съ жадностью читаемыхъ, до тла дочитываемыхъ молодежью тридцатыхъ годовъ, окружавшей мое дѣтство,—эпоха, когда журчали, еще носясь въ воздухѣ, стихи Пушкина и ароматомъ наполняли воздухъ повсюду, даже въ пустыхъ садахъ диковинно-типическаго Замоскворѣчья,—эпоха безсознательныхъ и безразличныхъ восторговъ, въ которую наравнѣ съ этими вѣчными пѣснями восхищались добрые люди и „Амалатъ-бекомъ“. Эпоха, надъ которой нависла тяжелой тучей другая, ей предшествовавшая, въ которой отзывается какими-то зловѣще-мрачными вѣяніями тогдашнее время въ трагической участи Полежаева... А тутъ является колоссальный романъ Гюго и кружитъ молодыя головы; а тутъ Надеждинъ въ своемъ „Телескопѣ“ то и дѣло поддаетъ романтическаго жара переводами молодыхъ лихорадочныхъ повѣстей Дюма, Сю, Жанена“.

Такія страницы, живописующія литературную жизнь цѣлаго поколѣнія—необходимое добавленіе къ исторіи литературы, и ихъ много въ искреннихъ, порывистыхъ, безпорядочныхъ и яркихъ воспоминаніяхъ Аполлона Григорьева.

Г. Павелъ Сухотинъ счелъ умѣстнымъ присоединить къ этой подлинной литературѣ нѣсколько своихъ глубокомысленныхъ страничекъ съ выпадами противъ моральнаго характера Добролюбова. Какое безсильное и какое постыдное предпріятіе!

Паутина. Система германскаго шпіонажа. Переводъ М. Кугульскаго и Б. Лепковскаго. Издалъ Валентинъ Португаловъ въ Москвѣ въ 1915 г. Ц. 75 к. Стр. 126.

На желтой обложкѣ жирными штрихами изображенъ силуэтъ какого-то загадочнаго звѣря. Подпись гласитъ: „Черная корова.

Условный знакъ, примѣняемый германскими шпіонами". И звѣрь, и подпись, и заглавіе заинтриговываютъ: вотъ, наконецъ, когда раскрыты тайны вражеской злокозненной паутины,—поздновато, правда, но лучше поздно, чѣмъ никогда,—и, во всякомъ случаѣ, не вредно вывести злодѣевъ на свѣжую воду... Но увы!—этотъ переводъ съ неизвѣстнаго языка, это сочиненіе анонима больше обѣщаетъ, чѣмъ даетъ, и въ концѣ концовъ, по прочтеніи книжки, приходишь къ огорчительному выводу, что надули читателя и анонимъ, и переводчики, и Валентинъ Португаловъ. Начать съ того, что о „черной коровѣ" никакихъ свѣдѣній въ книжкѣ не имѣется, приходится довольствоваться тѣмъ, что даетъ подпись на обложкѣ. Также и указанія для практическаго руководства, какъ отличить нѣмецкаго шпіона отъ безвреднаго человѣка съ нѣмецкой фамиліей, „страдаютъ" нѣкоторой расплывчатостью и... мы бы сказали, неопредѣленностью, еслибы они не были слишкомъ опредѣленны. „Имѣя дѣло съ нѣмцемъ—съ любымъ нѣмцемъ,—говорится на 90-й страницѣ,—вы имѣете дѣло съ потенціальнымъ шпіономъ, такъ какъ вся нація слилась и согласовалась со шпіонажемъ, какъ неотъемлемой частью повседневной жизни. Начиная съ ростовщика и соціальнаго паразита и кончая рабочимъ и бродягой, шпіоновъ можно создавать изъ всѣхъ звеньевъ общественной цѣпи—и они дѣйствительно создаются"... Въ виду такой категоричности не очень многаго стоитъ раскрытіе „тайнъ" нѣмецкаго шпіонажа, хотя практически это раскрытіе въ благопріятныхъ обстоятельствахъ способно повести къ чреватымъ послѣдствіямъ, чему мы нынѣ не разъ были свидѣтелями.

Какъ безошибочно узнать профессіональнаго шпіона? А вотъ какъ. „Обыкновенно профессіональный шпіонъ устраивается въ такой мѣстности, гдѣ онъ можетъ организовать наблюденіе за укрѣпленіемъ гарнизона и вообще за всѣмъ, имѣющимъ отношеніе къ защитѣ государства. Онъ подыскиваетъ такое дѣло, которое даетъ ему возможность проникнуть въ военные круги, принимаетъ участіе въ благотворительности, посѣщаетъ всѣ увеселенія, прилагаетъ всѣ усилія, чтобы стать извѣстнымъ въ своей (?) средѣ, старается выглядѣть добрымъ и любезнымъ малымъ и, въ концѣ концовъ, войти въ дружбу съ кѣмъ-либо изъ офицеровъ гарнизона, отъ которыхъ онъ ловкими маневрами выпытываетъ все, что ему нужно". Въ главѣ о сигнализаціи говорится больше о перлюстраціи писемъ и берлинскомъ „черномъ кабинетѣ". На стр. 61 читаемъ категорическое утвержденіе: „въ Германіи всѣ, безъ исключенія, письма перлюстрируются". Двумя строками ниже: „въ Германіи каждый почтовый чиновникъ имѣетъ право вскрывать любое письмо"... На слѣдующей страницѣ опять: „въ Германіи никто не застрахованъ отъ шпіонажа, каждый шагъ обывателя можетъ служить матеріаломъ для доноса, а перлюстрація писемъ является тамъ процвѣтающей отраслью промышленности".

Русскому обывателю оставалось бы лишь вздохнуть съ нѣкоторымъ облегченіемъ: „не мы одни, значитъ",—но онъ не такъ наивенъ и скорѣй, пожалуй, скажетъ анонимному автору: „послушай! ври, да знай же мѣру"!—Желтый колеръ, проникающій всю книжку, начиная съ обложки, стиль и грамотность заставляютъ догадываться, что переведена она—вѣрнѣе всего—съ... столбцовъ „Вечерняго Времени", „Биржевки", „Копѣйки" и другихъ подобныхъ листковъ...

П. Критскій. Какъ устроить и вести народный домъ. Общедоступный справочникъ. Ярославль. Книгоиздательство К. Ф. Некрасова. 1915. Стр. 64. Ц. 25 к.

Не только устроить и вести народный домъ, но и открыть его даже при наличности средствъ и желанія—дѣло очень сложное въ условіяхъ современной русской дѣйствительности. Объ этомъ даетъ наглядное представленіе то количество формъ и образцовъ для прошеній и ходатайствъ въ разнообразныя административныя учрежденіе и къ цѣлой іерархіи администраторовъ, которое заполняетъ страницы обстоятельнаго справочника, составленнаго г. Критскимъ. Недаромъ главную часть законодательнаго представленія, исходящаго изъ министерства внутреннихъ дѣлъ,—какъ въ минувшемъ апрѣлѣ оповѣстило о семъ Освѣд. Бюро,—занимало пространное и обстоятельное сужденіе о томъ, кому надлежитъ вѣдать народными домами. Явленіе, дескать, новое и „неприуроченное въ данное время къ какому-либо вѣдомству", и хотя самозванныя учрежденія эти „носятъ смѣшанный характеръ, слагаясь изъ мѣръ, имѣющихъ просвѣтительное, увеселительное и экономическое значеніе", однако—въ силу того, что одною изъ задачъ ихъ является „насажденіе" въ народѣ трезвости, а попеченіе о народной трезвости уже признано желательнымъ сосредоточить въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, то на семъ основаніи и народные дома надлежитъ подчинить верховному руководительству становой квартиры...

Можно безошибочно заранѣе сказать, что подъ этой надежной сѣнію „просвѣтительныя" учрежденія получатъ надлежащій, „законный видъ и толкъ". Тѣмъ не менѣе даже и министръ внутреннихъ дѣлъ признаетъ нынѣ благовременнымъ дать что-нибудь народу взамѣнъ политуры и денатурата. Роль благоустроенныхъ и дѣйствующихъ въ сносныхъ условіяхъ народныхъ домовъ была бы, разумѣется, первымъ и однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ шаговъ въ укрѣпленіи привычекъ къ трезвому и нескучному общенію въ часы досуга. И пусть это утопическое желаніе, но пріятно иногда и помечтать вслухъ—нѣтъ ничего невозможнаго, что наступитъ время, когда сѣть казенныхъ винныхъ лавокъ смѣнится сѣтью народныхъ домовъ... А пока рекомендуемъ вниманію общественныхъ группъ, земскихъ

и городскихъ управъ обстоятельный справочникъ П. Критскаго. Здѣсь можно найти подробныя указанія касательно организаціи управленія народными домами, примѣрные уставы, примѣрныя инструкціи, свѣдѣнія о библіотекахъ, народныхъ чтеніяхъ, лекціяхъ, собраніяхъ, объ устройствѣ кинематографа, курсовъ, дѣтскихъ садовъ, яслей и др. Для сельскихъ обществъ—образцы и формы прошеній и ходатайствъ, тексты „временныхъ правилъ" объ обществахъ и союзахъ, о публичныхъ библіотекахъ и книжныхъ магазинахъ, и собраніяхъ и проч. Указана и литература, касающаяся вопроса о народныхъ домахъ.

Н. Д. Солдатскія пенсіи, денежныя пособія и разная помощь солдатамъ и ихъ семьямъ. (Изъ законовъ „О призрѣніи нижнихъ воинскихъ чиновъ и ихъ семействъ"). Кіевъ. 1915. Ц. 6 к. Стр. 48.

Въ 2-омъ номерѣ „Русскихъ Записокъ" за текущій годъ былъ помѣщенъ отзывъ о брошюрѣ, изданной Тверскимъ губернскимъ земствомъ „О пенсіяхъ и пособіяхъ нижнимъ чинамъ". Книжка, казалось бы, закономѣрная, никакихъ основъ не потрясающая, а въ скоромъ времени по выходѣ ея въ свѣтъ въ газетахъ уже появилось сообщеніе, что одинъ изъ губернаторовъ (если не ошибаемся, наказный атаманъ Кубанской области) распорядился конфисковать эту брошюру, заключающую свѣдѣнія какъ о законѣ 25 іюня 1912 г., тамъ и объ учрежденіяхъ, куда надлежитъ обращаться съ ходатайствами о пенсіяхъ, приводящую примѣрные разсчеты и размѣры пайка, полагающагося семьямъ мобилизованныхъ нижнихъ чиновъ, и др. указанія. И это въ то самое время, когда Верховный Главнокомандующій повелѣлъ тщательно ознакомить всѣхъ нижнихъ чиновъ съ закономъ 1912 г. (приказъ за № 49 отъ 11 декабря 1914 г.), а главнокомандующій арміями юго-западнаго фронта приказалъ, чтобы во всѣхъ частяхъ войскъ объяснили этотъ законъ нижнимъ чинамъ и чтобы во всѣхъ врачебныхъ заведеніяхъ непремѣнно были экземпляры этого закона для ознакомленія съ нимъ всѣхъ раненыхъ! Но такова ужъ логика русской жизни, что удивляться нечему не приходится.

Брошюра, составленная г-мъ Н. Д., уступаетъ въ полнотѣ и обстоятельности брошюрѣ Тверского земства. Тѣмъ не менѣе и она можетъ быть рекомендована, какъ достаточно удовлетворительный указатель людямъ, заинтересованнымъ вопросомъ о призрѣніи солдатскихъ семей. А кому теперь не приходится сталкиваться съ этимъ вопросомъ не только въ глухихъ деревенскихъ углахъ, но и въ обстановкѣ городской обыденности? Законъ 1912 г. приведенъ здѣсь въ удобопонятномъ изложеніи, со ссылками на подлежащія статьи, такъ что всякій желающій можетъ провѣрить и узнать подлинный текстъ закона. Справки изъ другихъ законовъ и положеній, касающихся того же предмета, дополняютъ содержаніе закона „О призрѣніи нижнихъ воинскихъ чиновъ". Къ сожа-

лѣнію, справки эти менѣе полны, чѣмъ могли бы быть. Не приведены, напримѣръ, распоряженія, касающіяся внѣбрачныхъ семей, нѣтъ циркуляра—положимъ, недавно, разосланнаго—относительно выдачи пайка законнымъ женамъ, находившимся въ раздѣльномъ жительствѣ съ мужьями. Такое пополненіе не очень бы загрузило разбираемую брошюру, а цѣнность придало бы ей болѣе солидную.

А. Н. Зарудный. Курорты и санаторіи Россіи. Описаніе 126 мѣстностей. Кн-во „Прометей". Петроградъ. Стр. 168. Ц. 1 р.

Эта книжка также можетъ служить символомъ нашего курортнаго дѣла, какъ и состоявшійся минувшей зимой курортный съѣздъ, несвоевременный и неустроенный, громко нашумѣвшій и безслѣдно отшумѣвшій. Разумѣется, ни одна іота въ знаменитомъ всероссійскомъ курортномъ неблагоустройствѣ не измѣнилась послѣ этого многорѣчиваго совѣщанія, у котораго было одно достоинство: оно хорошо знало, что курорты для него дѣло второстепенное, ибо создать сѣть благоустроенныхъ курортовъ при условіяхъ нашей общественности такъ же мыслимо, какъ разводить осетровъ на диванѣ. Съѣздъ „производилъ шумъ по своему дѣлу" по поводу курортовъ. Г. Зарудный тоже заботится не о курортахъ, а о своемъ дѣлѣ. О россійскихъ курортахъ онъ никакихъ свѣдѣній не имѣетъ, равно какъ не имѣетъ понятія о томъ, какъ составляется приличная справочная книжка. Но время лѣтнее, многіе русскіе люди, лишенные возможности поѣхать заграницу, станутъ искать для себя лечебнаго мѣста въ Россіи: вотъ и прекрасная почва для книжной спекуляціи. Г. Зарудный взялъ нѣсколько путеводителей, болѣе или менѣе устарѣвшихъ, выписалъ изъ нихъ и изъ рекламъ частныхъ лечебныхъ предпріятій свѣдѣнія о курортахъ, расположилъ свои выписки въ алфавитномъ порядкѣ и сдѣлалъ изъ всего этого справочную книгу. Читатель не найдетъ здѣсь такихъ курортовъ, какъ Теберда и Гунгербургъ (ибо вѣдь далеко не всякому извѣстно, что такое Усть-Нарова), но за то узнаетъ, что Одесса большой богатый портовый городъ Херсонской губерніи (sic!), а купанье въ Либавѣ лучшее на всемъ Финскомъ (?) побережьѣ. Насчетъ „лучшихъ купаній" г. Зарудный вообще щедръ: въ Крыму лучшее купаніе въ Евпаторіи и Ѳеодосіи, и все-таки купанье въ Судакѣ „считается лучшимъ на всемъ Крымскомъ побережьѣ". Отдѣльная замѣтка посвящена курорту Свѣтлана „на западномъ берегу Крымскаго полуострова", но гдѣ онъ находится, остается тайной составителя. Вообще содержаніе всякаго путеводителя цѣнно постольку, поскольку оно точно, свѣжо, полно и равномѣрно. Ни одному изъ этихъ требованій указатель г. Заруднаго не удовлетворяетъ ни въ малой степени; мы и не говорили бы о немъ, еслибы оно не было выпущено книгоиздательствомъ „Прометей", за которымъ до сихъ поръ не числилось такихъ рискованныхъ опытовъ.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями в редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала не продаются. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ.

Изд. журн. „Земское Дѣло". М. Д. Загряцковъ. Всероссійскій Земскій Союзъ. Ц. 50 к. Петрогр. 1915.

Изд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Война и культура. В. Н. Бочкаревъ. Россія и Германія. Ц. 15 к. — А. М. Ладыженскій. Тройственный Союзъ и Тройственное Согласіе. Ц. 15 к.— Б. Н. Жаворонковъ. Франція и Россія. Ц. 10 к.—А. Бергъ. Фельдмаршалъ Мольтке. Ц. 18 к.—Н. Я. Казиміровъ. Земство и Всероссійскій Земскій Союзъ. Ц. 12 к.—Е. Чемоданова-Услаль. Кавказъ и Закавказье. Ц. 18 к.—П. Фальковичъ. Политическая жизнь Германіи. Ц. 10 к.—Э. Пименова. Вильгельмъ II. Ц. 15 к.—И. М. Катаевъ. Россія и Австрія. Ц. 15 к.—А. В. Чаяновъ. Война и крестьянское хозяйство. Ц. 8 к.—Н. А. Кунъ. Италія. Ц. 18 к.— В. Якушинъ. Балканскія войны и ихъ результаты.—М. О. Маргулисъ. Бельгія. Ц. 15 к. Мск. 1915.

Кн-во „Задруга". С. И. Бондаревъ. Будемъ трезвы. Ц. 8 к. Мск. 1915.

Изд. „Природа". Проф. Л. А. Тарасевичъ. Заразныя болѣзни. Ц. 40 к. Мск. 1915.

Кн-во „Порядокъ". Проф. Р. Леманъ. Комическое въ поэзіи, сатира и юморъ. Ц. 20 к. Одесса. 1913.

Изд. В. Португалова. К. Милль. Сказочки Полярнаго. Ц. 75 к.—Книга короля Альберта. Ц. 1 р. 50 к.—Паутина. Система германскаго шпіонажа. Ц. 75 к. —Рабиндранатъ Тагорь-Гитанджали. Ц. 60 к.— Его-же. Изъ жизни Бенгаліи. Ц. 1 р. 50 к.—Его-же. Почта. Ц. 30 к.— Его-же. Лунный серпъ. Ц. 60 к.— Его-же. Читра. Ц. 30 к.—Его-же. Садовникъ. Ц. 75 к. Мск. 1915.

Изд. Всероссійск. Труд. Союза Христіанъ—Трезв. Полковникъ Н. П Коломаровъ. Теперь или никогда Ц. 30 к. Петрогр. 1915.

Кн-во Г. И. Сергѣева и В. Е. Чешихина. Нижегородскій Ежегодникъ. Ц. 40 к. Н.-Новг. 1915.

Изд. О-ва заводчиковъ и фабрикантовъ Моск. промышл. раіона. Ф. І. Кубацкаго. Отрезвленіе рабочихъ. Ц. 1 р. 50 к. Мск. 1915.

Изд. К. Ф. Некрасова. А. Григорьевъ. Мои литературныя и нравственныя скитальчества. Ц. 1 р. Мск.— П. Критскій. Какъ устроить и вести Народный Домъ. Ц. 25 к. Яросл. 1915.

Кн-во „Сотрудникъ Новой Школы". Н. В. Васильевъ. Русская исторія Ц. 40 к. Петрогр. 1915.

Изд. Д. Я. Маковскаго. Царьградъ. Ц. 4 р. Мск. 1915.

Кн-во б. М. В. Попова. Ю. Слезкинъ. Ольга Оргъ. Ром. Ц. 1 р. 25 к. Второе изд. Петрогр. 1915.

Проф. В. И. Синайскій. Древне-Римская община въ сравненіи съ казачьей общиной. Ц. 2 р. Кіевъ. 1915.

В. Ивановъ. Что такое хулиганство? Ц. 10 к. Оренб. 1915.

Проф. В. Бузескулъ. Современная Германія. Ц. 60 к. 1915. Петрогр.

Н. И. Костровъ. Торговля Россіи съ Италіей. Ц. 1 р. 50 к. Мск. 1915.

Ю. Соболевъ. О Чеховѣ. Ц. 50 к. Мск. 1915.

Вл. Кончакъ. Сказка любви Ц. 50 к. Мск. 1915.

В. М. Трилицкій. Человѣкъ общества. Романъ. Ц. 2 р. Петрогр. 1915.

Отчетъ больничной кассы при Тульскихъ мѣдко-прокатныхъ и патронныхъ заводахъ за 1914. Тула. 1915.

Матеріалы по изученію Приамурскаго Края. Вып. XXI. Отчетъ Прим. Справ. Бюро по рабочему вопросу за 1913 г.

Изд. Управл. Землеустр. и Земледѣлія. Лѣсная комиссія. В. В. Фаасъ. Лѣса и лѣсная торговля Италіи.—Проф. Н. А. Филипповъ. Лѣсной рынокъ Великобританіи.—В. В. Фаасъ и Ю. А. Рогеръ. Лѣса и лѣсная торговля Австро-Венгріи. Петрогр. 1915.

А. Евлаховъ. Сборникъ въ честь проф. Ѳ. А. Брауна. Рецензія. Ц. 15 к. Варшава. 1915.

П. Г. Архангельскій. Выборы въ Екатерининскую Комиссію отъ крестьянъ Двинск. Сѣв. Петрогр. 1915.

Московскій Гор. Народный Университетъ имени А. Л. Шанявскаго. 1915—1916 академич. годъ. Годъ 8. Мск. 1915.

Изд. Харьк. О-ва Сельск. Хоз. Вып. X. А. С. Бубновъ. Рѣчные фрахты и накладн. расходы при перевозкѣ хлѣбн. грузовъ въ южной Россіи.

Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ. Спеціальная карта Турецкаго театра военныхъ дѣйствій. Ц. 2 р.—Генеральная карта Средне-Европейскаго и Южнаго театра военныхъ дѣйствій. Ц. 2 р.—Спеціальная карта Франко-прусскаго театра военныхъ дѣйствій. Ц. 1 р. Петрогр. 1914.

Книгоизд. Т-ва „Просвѣщеніе". А. В. Амфитеатровъ. Тайны боговъ. Ц. 1 р. 50 к.—В. П. Немировичъ-Данченко. Исповѣдь женщины. Ц. 1 р. 50 к.—Л. Н. Толстой. Собр. соч. Т. V. Божеское и человѣческое и др. Ц. 1 р.—Его-же Т. VI. Отецъ Сергій и др. Ц. 1 р.—Его-же. Т. VIII. Хаджи Муратъ и др. Ц. 1 р.—Его-же. Т. IX. Такъ что же намъ дѣлать? и др. Ц. 1 р.—Н. Рубакинъ. Великій инквизиторъ. Ц. 50 к.—Н. Граціанскій. Сб. ариѳмет. задачъ. Ц. 70 к.—Е. М. Арбатскій. Элемент. учебникъ латинскаго синтаксиса. Ц. 90 к. Петрогр. 1915.

Книгоизд. „Польза" В. Антикъ и К°. Универсальная библіотека. Ю. Энгель. Музыкальный словарь. Ц. въ пер. 30 к.—И. Шеерсонъ. Финляндія. Справочникъ-путеводитель. Ц. въ пер. 30 к.—Дж. К. Честертонъ. Человѣкъ, который былъ Четвергомъ. Ц. 30 к.—Ю. Энгель. Карменъ. Ц. 10 к.—Б. Яновскій. Аида. Ц. 10 к.—О. Синцова. Фаустъ. Ц. 10 к.—Г. Ибинденъ. Совѣты нервнымъ больнымъ и ихъ семьямъ. Ц. 10 к.—Г. Швабъ. Царь Эдипъ. Ц. 10 к.—М. Ю. Лермонтовъ. Поэмы. Ц. 20 к.—П. Зиттлеръ. Основы здоровой жизни. Ц. 10 к.—Проф. Штраусъ. Болѣзни обмѣна. Ц. 20 к.—Т. Диль. Византійскіе портреты. Ц. 20 к.—Пескаторе-Лангштейнъ Уходъ за груднымъ ребенкомъ. Мск 1915.

Изд. Т-ва „Міръ". М. Н. Покровскій. Очеркъ исторіи русской культуры. Ч. I. Ц. 2 р. Мск. 1915.

Изд. Т-ва И. Д. Сытина. П. П. Поповъ. Шоссейно-дорожное дѣло. Ц. 1 р.—В. Эрнъ. Время славянофильствуетъ. Ц. 30 к.—Его-же. Мечъ и Крестъ. Ц. 40 к.—А. Насимовичъ. Вечерній путь. Ц. 30 к. Мск. 1915.

Изд. „Шиповникъ". А. Бенуа. Исторія живописи всѣхъ временъ и народовъ. Ч. 1-я. Пейзажная живопись. Петрогр. 1915.

Изд. „Мечъ". И. Протасовъ. Тайны загробнаго міра. Ц. 1 р. 25 к. Мск. 1915.

Московское кн-во. И. Рукавишниковъ. Кн. IX. Трагическія сказки. Ц. 1 р. 25 к. 1915.

Невскій Альманахъ. Жертвамъ войны—писатели и художники. Ц. 1 р. 50 к. Петрогр. 1915.

Книгоизд. бывш. М. В. Попова. „Въ тылу" литер.-худож. альманахъ. Ц. 2 р.—Общедоступная юридическая библіотека. № 5. Опека и попечительство. Ц. 50 к. Петрогр. 1915.

А. Т. Грабина. Уники. Этюдъ въ одномъ дѣйствіи. Ц. 30 к. Петрогр.

А. Цинговатовъ. Въ Россію—можно только вѣрить. Изд. 2-ое. Ц. 15 к. Ростовъ н/Д. 1915.

Л. Семеновъ. М. Ю. Лермонтовъ. Статьи и замѣтки. Ц. 1 р. 50 к. Мск. 1915.

А. Цвѣтаева. Королевскія размышленія. Ц. 1 р.

Н. Л. Солдатскія песни. Ц. 6 к. Кіевъ.

К. Дубровскій. Рожденные въ странѣ изгнанія. Ц. 1 р. 50 к. Петрогр. 1915.

А. Ѳ. Петровъ. Николай Очаринъ. Ц. 30 к. Петрогр. 1914.

А. Рыбниковъ. Торговая политика Германіи и война. Ц. 40 к.—Его-же. Промышленное льноводство. Мск. 1915.

З. З. Все о нихъ... Стихотворенія. Мск. 1915.

I. М. Гольдштейнъ. Панамскій каналъ, паденіе хлѣбныхъ цѣнъ, война и наши торговые договоры. Ц. 1 р. 50 к. Мск. 1915.

Можетъ ли Германія побѣдить? Пер. съ англ. Ц. 1 р. Мск. 1915.

Изд. Шадринскаго земства. Календарь-справочникъ. 1915. Пермь.

Изд. Моск. Высш. Женск. Курсовъ. Работы слушательницъ. Вып. I.

О. Старосельскій. Кондорсе какъ соціологъ. Ц. 80 к. 1915.

Изд. Пенз. Губ. Земства. Ф. Е. Термитинъ. Голосъ народа. Ц. 30 к. Пенза. 1915.

Девятый очередной съѣздъ представителей Промышленности и Торговли. Докладъ совѣта съѣздовъ о мѣрахъ къ развитію производ. силъ Россіи.

Изд. О-ва имени А. И. Чупрова. Вопросы финансовой реформы въ Россіи. Т. I. Вып. 1-й. Ц. 1 р. 25 к. Мск. 1915.

Лѣтнія колоніи для Моск. школьниковъ за 25-е 1888—1912. Ц. 75 к. Мск. 1915.

Проф. В. Г. Бажаевъ. Къ вопросу о хозяйственныхъ районахъ. Кіевъ. 1915.

Труды комиссіи Моск. сельск.-хоз. института по изслѣдованію фосфоритовъ. Отчетъ по геологическому изслѣдованію фосфор. залежей. Т. VI.— Як. Самойловъ. Изъ поѣздки въ Сѣв. Америку въ 1913. Моск. 1914.

Изд. Уфимской Губ. Земской Управы. Хозяйственно-статистическій обзоръ Уфим. губ. за 1913. Уфа. 1915.

Изд. Костромской Губ. Земской Управы. Оцѣн. Стат. Отд. Война и Костромская деревня.

Изд. Пензенскаго Губ. Земства. Оцѣночное отдѣленіе. Серія I. Геологія. Вып. X. Саранск. уѣздъ. Мск. 1915.

Главное Управленіе Землеустр. и Земледѣлія. 1914 годъ въ сельско-хоз. отношеніи. Вып. VI.—1915 годъ въ сельско-хоз. отношеніи. Вып. I.— А. Сахаровъ. Русская колонизація Астрабадской провинціи въ Персіи.— Б. В. Безсоновъ. Русскіе переселенцы въ Сѣверной Персіи.

Министерство Торговли и Промышленности. Отдѣлъ промышленности. Охрана жизни и здоровья рабочихъ въ промышленности. Ч. I. Вып. 3.

Харьковское Общество Сельскаго Хозяйства.

В. М. Обуховъ. Къ вопросу о зависимости высоты урожаевъ отъ размѣровъ хозяйства. Хар. 1915.

Труды совѣщаній Бакинскихъ Обществъ Потребителей. 1915.

Редакторъ В. Н. Цѣховская. Издатель Н. С. Русановъ.

Продолжается подписка на 1915 г.

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ И ИСТОРІИ ЛИТЕРАТУРЫ

„ГОЛОСЪ МИНУВШАГО"

под редакціей **С. П. Мельгунова** и **В. И. Семевскаго**.

ВЫШЛА ІЮЛЬСКАЯ—АВГУСТОВСКАЯ (№ 7—8) КНИГА

К. Ф. Тіандеръ. Главные моменты развитія скандинавизма. **В. М. Фишеръ.** Словацкій и его борьба съ Мицкевичемъ. **В. Н. Перцовъ.** Политика Гогенцоллерновъ. Вильгельмъ I и Бисмаркъ. **В. М. Фриче.** Поэзія національно-освободительнаго движенія Италіи. **Е. К. Штакеншнейдеръ.** П. Л. Лавровъ. **В. В. Берви.** Воспоминанія. **Е. И. Берви.** Изъ воспоминаній. **К. И. Ванченко.** Воспоминанія украинскаго актера. **Бар. А. Е.** и **А. В. Розенъ.** Письма къ Малиновскому (изъ переписки декабристовъ). **Ч. Вѣтринскій.** Глѣбъ Успенскій въ его перепискѣ. **П. Л. Лавровъ.** Два черновыя письма къ великому князю Константину Николаевичу. **Е. Д. Кускова.** Памяти живой души (В. Я. Богучарскій). **В.** Къ біографіи В. Я. Яковлева. **П. Н. Сакулинъ.** Новый трудъ по исторіи масонства **С. П. Мельгуновъ.** Родственники о Растопчинѣ. **А. А. Кизеветтеръ.** Восточная война 1853-56 гг. **РЕЦЕНЗІИ: В. М. Фишера, В. И. Семевскаго, Н. П. Вишнякова, Ю. В. Готье, С. П. Мельгунова, Н. Никольскаго, П. А. Берлина, Г. В. Вернадскаго, Н. И. Карѣева, Г. Пригоровскаго, Ф. Баплодъ, С. И. Радцига, С. Г. Сватикова, Шарль де Костеръ.** Легенда о подвигахъ Уленшпигеля Пер. В. Н. Карякина.

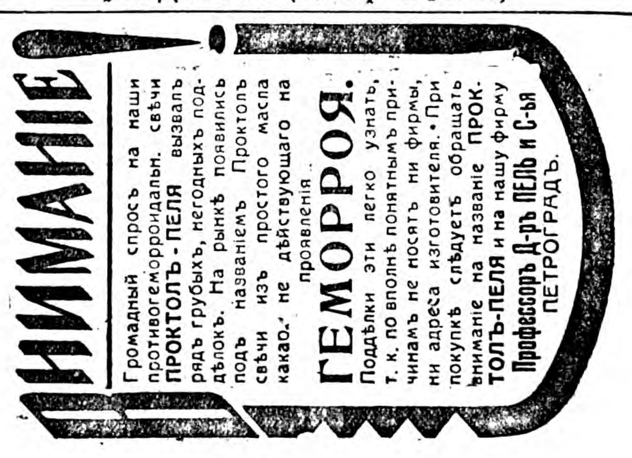
УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

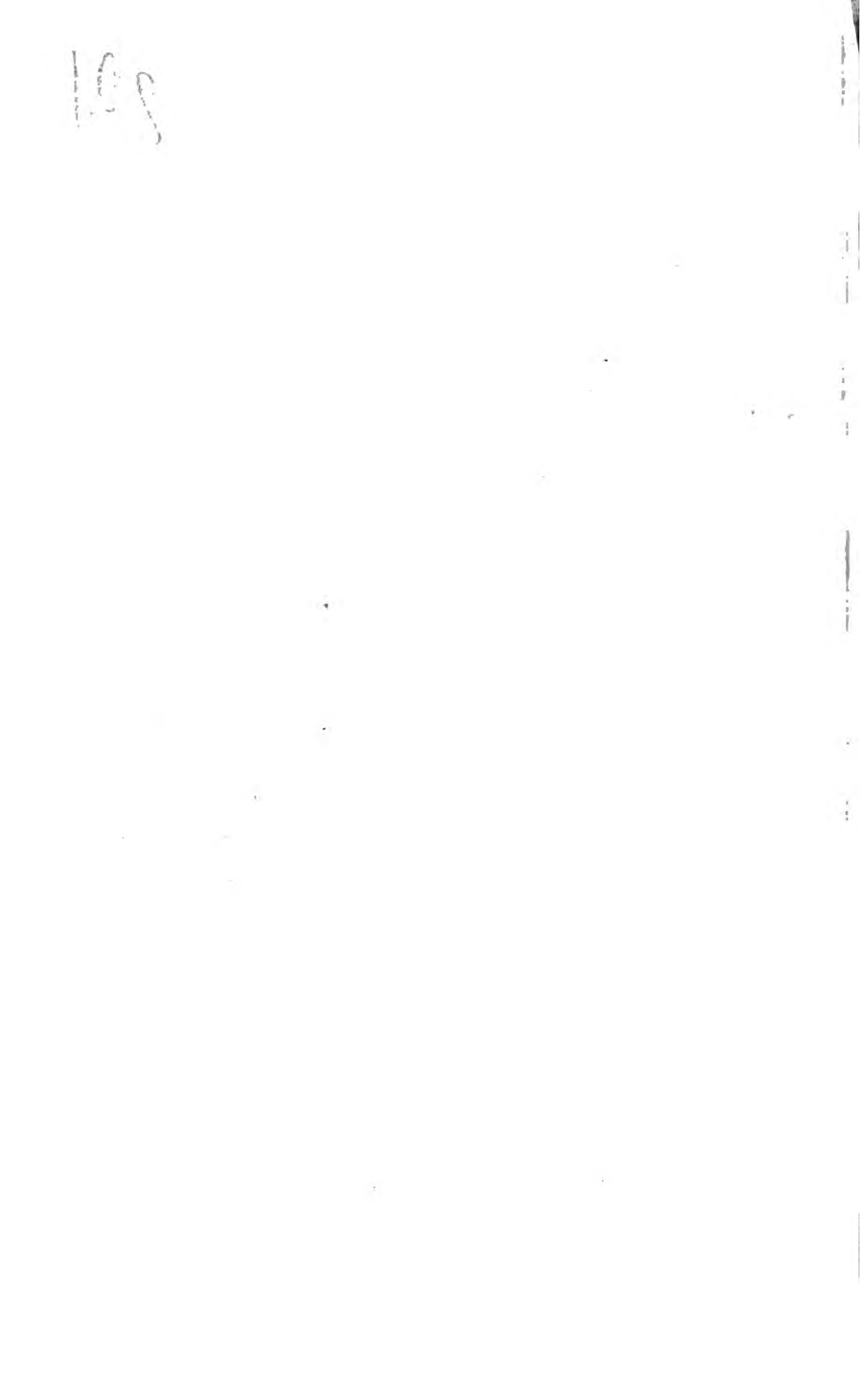
Съ доставкой и пересылкой въ Россіи: на годъ **10** руб., на ½ года **5** руб.
Въ отдѣльной продажѣ книга журнала—**1** р. **25** к. (налож. плат.—**1** руб. **50** коп.).
Комплекты за 1913 г. можно получить по цѣнѣ **7** р. **50** к. (безъ № 1).
За 1914 г. по **8** р. На пересылку накладывается платежъ.

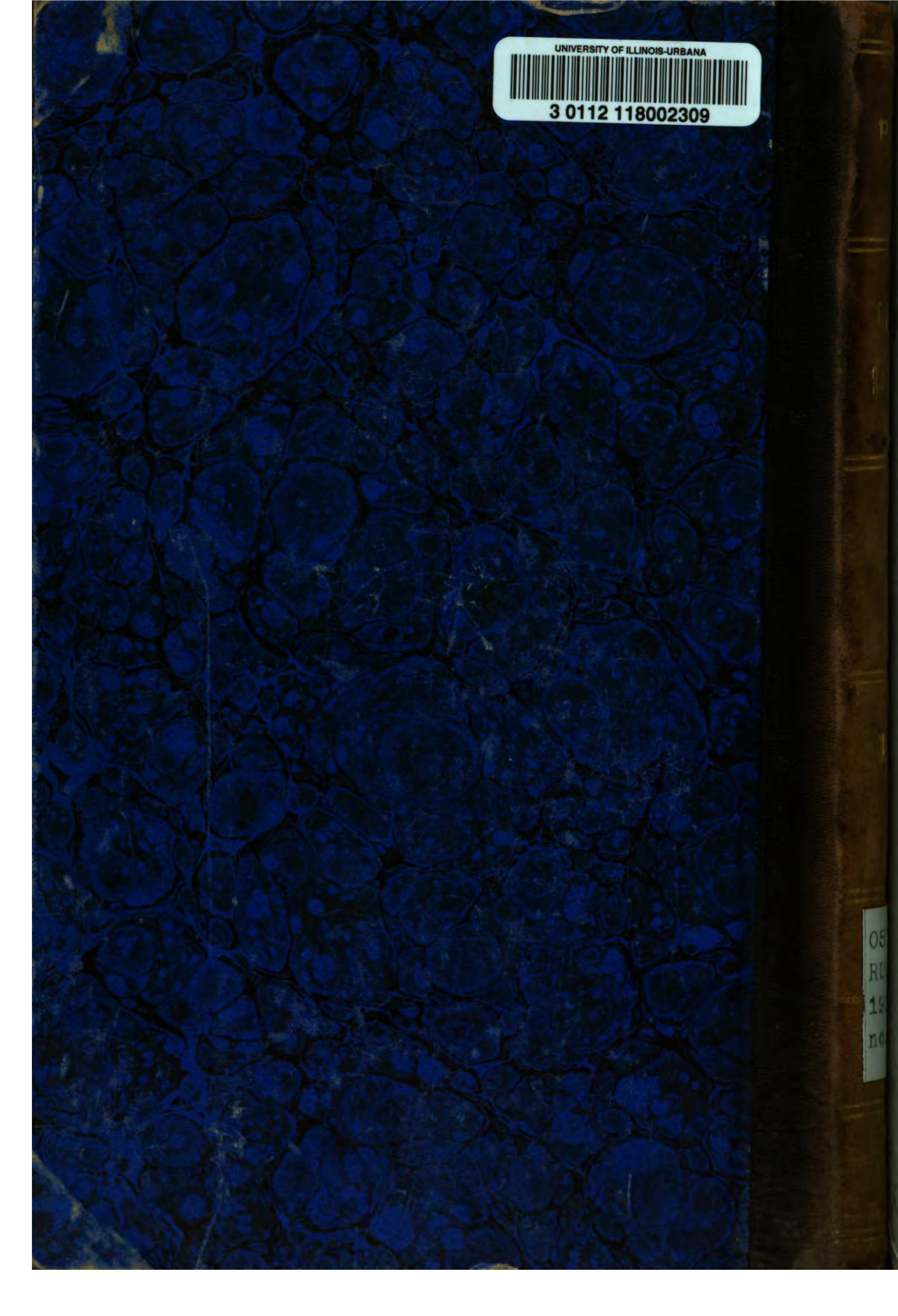
Подписчики на 1915 годъ имѣютъ право пріобрѣсти на льготныхъ условіяхъ историческія изданія „ЗАДРУГИ" и „Голосъ Минувшаго" за 1913, 1914 гг. (см. условія въ № 1).

Подписка принимается въ конторѣ журнала:

МОСКВА, М. Никитская, д. 29, кв. 6.—Книгоиздательство „ЗАДРУГА" (телеф. 4-50-61).






UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 118002309